KORESPONDENCIJA VATROSLAVA JAGIĆA

Urednik
JOSIP HAMM

JUGOSLAVENSKA AKADEMIJA ZNANOSTI
I UMJETNOSTI

KORESPONDENCIJA

Vatroslava Jagića

KNJIGA 2

ZAGREB
1970

Štampano u tiskari Grafičkog zavoda Hrvatske
godine 1970

PISMA IZ RUSIJE

1865 — 1886

I

Priredio
Josip Hamm

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
ВИКТОРА В. ВИНОГРАДОВА

Kada je tekst prvoga dijela Pisama iz Rusije bio složen i otisnut, stigla je vijest, da je umro akademik Viktor Vladimirovič Vinogradov, jedan od prvih pokretača i glavni urednik ruskog izdanja Jagićevih pisama (Письма И. В. Ягича к русским ученым 1865—1886). Zato ova naša knjiga, kojoj se On za života radovao i koje na kraju nije dočekao, neka bude Njemu posvećena.

VATROSLAV JAGIĆ I RUSIJA

Slavistika je po sebi, kao komparativna disciplina, relativno mlada nauka. Od smrti 'oca slavistike' J. Dobrovskoga do danas prošlo je jedva 140 godina, a od njegovih »Institutiones« jedva 147 godina. Osim toga u prvo vrijeme, upravo sve do Jagića, jedva se moglo i govoriti o slavistici kao o nauci koja bi mogla sve slaviste, bili oni porijeklom Slaveni ili ne bili Slaveni, vezati u jedno i okupljati oko nečega što se je od Srednjega vijeka do njihova vremena zvalo »svjataja Rus'«. Dobrovský je, u naučnom pogledu, imao malo koristi od svojega puta u Rusiju, Kopitar je otvoreno ustajao protiv Rusije, a veze Miklošičeve s Rusijom bile su ipak, relativno, vrlo slabe. Pisma koja je slao u Rusiju pisao mu je koji put (ćirilicom) svojom teškom rukom Vuk Karadžić, a A. Semenoviču, s kojim se dopisivao više zbog ciganologije (kako ju je sâm zvao) nego zbog poljske sintakse ili leksikografije, pisao je njemački. Drugačije je bilo kod Jagića. On je već svojim prilozima u »Književniku«, kojemu je bio jedan od trojice urednika, svratio na sebe pozornost ruskih krugova i stekao veći broj ruskih prijatelja. A kada je doskora poslije toga u Zagrebu osnovana Akademija, u kojoj je i Jagić aktivno uzeo učešća, on je kao jugoslavenski akademik — kako je tada bio običaj da se u slavenskim akademijama i učenim društvima članovi biraju i po nekom interslavenskom regionalnom ključu — ubrzo (već 1868. godine) postao dopisni član Imperatorske Akademije Nauka u Petrogradu.

Kada ga je poslije, godine 1870, zbog poznatog protesta i zbog sukoba s Davidom Starčevićem vlast otpustila iz službe u gimnaziji, nastali su za nj teški i sudbonosni dani. »A sada čujte, što je i kako sa mnom«, pisao je u julu 1870. prijatelju Bogišiću. »Ja sam već u pismu na g. Sreznevskoga rekao, da bih najvolio ostati u domovini, da svojim slabim znanjem neposredno njoj a posredno srodnoj braći budem koristan. Ali sila kola lomi — ja u jadnoj Hrvatskoj nemam žalibog izgleda na dalji opstanak — u nas nema instituta, koji bi davao prognanicima narodnim zaklona do jedine Akademije, koja će valjda doskora također opustjeti, ako nas budu još dugo tako energički milovali. Kud će dakle suza nego na oko, kud će zapadni i južni Slaveni nego k braći u Rusiju«. Te odmah natavlja, kao odgovor na Bogišićevo pismo od 17. jula: »Ali pravo velite, i ja sam se već od početka tako odvažio, da ne idem u Rusiju pragove milostinje obijati nego da neko vrijeme pričekam.

Ja ću dakle gledati da ustrajem dok se bude najduže dalo«. I tako je bilo. Na prijedlog Račkoga Akademija ga je 24. oktobra izabrala za drugog tajnika i tako mu, iako provizorno, materijalno toliko »olahkotila« položaj (kako je pisao u pismu Bogišiću 25. X), da ne mora »upravo stradati ili o tuđoj milosti živjeti«. Njegove su oči, međutim, bile uprte u Rusiju. Zašto baš u Rusiju a ne, možda, u Njemačku, gdje je kao klasički filolog također mogao naći kruha? — Jagić se već od studentskih dana, ma da su mu uža struka bili klasički jezici, počeo — kao Miklošičev đak i ekscerptor — baviti slavenskim glagoljskim i ćiriličkim rukopisima i spomenicima, i znao je da njih ima u Rusiji više nego igdje drugdje u svijetu. Osim toga imao je ondje Bogišića, s kojim je otprije bio u dopisivanju, i imao je starca Sreznevskoga koji mu je pribavio članstvo u Ruskoj Akademiji i bio mu u svemu sklon. Zato je u julu pisao Bogišiću: »Vama i g(ospo)d(i)nu Sreznevskomu ostavljam, kad ste toli ljubazni, brigu da gledate, kako sami rekoste, ne bih li gdjegod najprije doktorom imenovan bio a onda što bog da. Ako trebate moje dojakošnje publikacije, mogu njima poslužiti. Što se mjesta tiče, meni je milo ondje, gdje ima što više literarnih pomoći, kao što su dobro uređene biblioteke, dakle u Peterburgu, Moskvi ili Odesi«. Drugim riječima, vidi se da Jagić nije glavom bez obzira otišao iz Hrvatske, i da nije otišao zato što se bojao gladi, kako je pisao V. N. Korablev (по нужде, спасаясь со своей семьей от голода после изгнания из Загреба), nego eto, bio je mlad (bile su mu tada 32 godine), k tomu pun snage u kojoj se već bio i okušao, i vidio je prilike oko sebe — nemaštinu, rastrovanost, i kolika bi mu borba predstojala da je ostao u Hrvatskoj — borba u kojoj bi se samo trošio i trošio, dok se ne bi istrošila i sva snaga koja mu je bila potrebna za naučni rad. — Istina, govorkalo se već tada po Zagrebu o sveučilištu koje bi valjalo otvoriti, i Jagić je mogao znati, ili bar pretpostavljati, da će mu Rački, Strossmayer i drugi ponuditi da u sveučilištu zauzme katedru za hrvatski jezik ili za slavenska narječja, kako su se tada takve katedre zvale. No hoće li ga Rauch i njegovi madžaroni potvrditi — i to sada, kada su ga već jednom iz političkih razloga bili otpustili iz službe? — U to se nije moglo pouzdati, i zato mu nije preostajalo drugo nego da službu i mjesto gdje će moći naučno raditi potraži preko granica do kojih je sezala Rauchova vlast.

Od Miklošiča nije bilo pomoći, barem ne takve, na koju bi se mogao odmah pozvati. Doduše, on u spomenutom pismu Bogišiću piše — u vezi s doktoratom u Leipzigu — »ja sam već ionako spremio nešto da publiciram u njemačkom jeziku, jer me je tako nedavno prije moje katastrofe svjetovao Miklošič, nagovarajući me da se pripravim za njegova nasljednika«, ali Miklošič se povukao iz službe tek 1886, dakle punih šesnaest godina poslije Jagićeva otpuštanja iz gimnazije. A od svega što je ležalo podalje — Leipzig, Halle, Jena — još su mu najbliži bili Rusi. Oni su ga, kada mu je bilo tek trideset godina, 29. decembra 1868, izabrali za dopisnog člana svoje Akademije, oni su i prevodili njegova djela na svoj jezik i, napokon, ondje je imao Bogišića koji je bio profesor na Novorosijskom sveučilištu u Odesi. Osim toga, Valtazar Vlasievič, kako su Rusi zvali Bogišića, i sâm mu je pisao, da bi on — Jagić — mogao da dobije katedru za poredbenu lingvistiku na jednom od ruskih sveučilišta.

Tako je došlo do toga da je Jagić sve svoje nade polagao u Rusiju i da su među prvima kojima je pisao o nevolji koja ga je snašla bili Sreznevskij i Bogišić. Izmail Ivanovič ga je tješio i pozivao ga da dođe u Petrograd, no — — i put je bio skup, a i na što je imao doći? Sanjarski nastrojeni Sreznevskij je pisao »Сам я теперь не могу сказать Вам многое, а сделать что-нибудь положительного не могу ничего« i stavljao mu u izgled »по крайней мере« mjesto predavača »одного из древних языков в гимназии«. Jagić to nije htio, nije htio da se vraća na isto, možda u gorim uslovima. Poslije će u svojoj autobiografiji, u svojim »Spomenima« (I, 161) napisati: »Nepopularni ministar D. A. Tolstoj, uvodeći u preteranoj meri klasičke jezike u ruske gimnazije, služio se kao sredstvom mnogim učiteljima, valjanim i niže vrednosti, dozvanim u Rusiju iz Galicije (istočne), iz Češke i s juga (ovih je bilo najmanje). Zborovi ruskih učitelja gledali su ove pridošlice prekim očima, držali se od njih po strani, smatrajući ih ministarskim kreaturama. Mladež podsmevala se njihovu nepravilnom ruskom izgovoru. Javno mišljenje zamrzilo na njih, jer su mučili rusku mladež suhom grčkom i latinskom gramatikom«. Jagić također nije znao ruski, i slutio je da ga to kod Rusa ne bi baš preporučivalo za sveučilišnu katedru. Još potkraj oktobra 1870. pisao je Bogišiću da bi želio, ako se Rusi odluče da mu dadu katedru na jednome od svojih sveučilišta, »da mi se dadne barem pol godine dopusta s platom, da mogu svladati bar prve teškoće nesretnog izgovora jezika ruskoga, kojemu ja nijesam ovaj čas nimalo vješt«. Bogišić je i tu imao uspjeha, i Jagić će mu poslije pola stoljeća — i poslije Bogišićeve smrti — u »Spomenima« zahvaliti riječima: »Bez preteravanja sme se reći, ne budi njega i njegove energije, ja ne uvideh nigda Odese i odeskoga universiteta, možda uopće ni Rusije«. Bogišićevu nastojanju treba zahvaliti da je uspio pokrenuti Sreznevskoga i druge u Petrogradu da Jagiću i Daničiću dadu doktorate honoris causa, i da je, mada je sâm bio profesor pravnog fakulteta, putem svojih veza s rektorom F. I. Leontovičem i poslije mučnih pregovora i razgovora s V. I. Grigorovičem uspio da Filozofski fakultet Odeskoga sveučilišta izabere Jagića izvanrednim profesorom poredbene lingvistike i da mu dade na godinu dana »komandirovku« (plaćeni dopust) da se usavrši u sanskrtu i u ruskom jeziku. Bogišić mu je spočetka savjetovao da pođe u Petrograd, koji je imao vrlo dobre sanskritiste (među kojima je bio, kao član Akademije, i Otto Böhtlingk, autor jednoga od najboljih rječnika toga jezika), i da ondje uči ruski jezik, no Jagić se, pošto mu je bilo stavljeno na volju da sanskrt uči u zemlji ili u inozemstvu, radije poveo za savjetom Miklošičevim te s porodicom otišao u Berlin, gdje je ostao oko četiri mjeseca polazeći predavanja kod Albrechta Webera i učeći onako usput elemente ruske gramatike i ruskoga izgovora.

Poslije četiri mjeseca — to je bilo početkom 1872. — krenuo je sa svojima iz Berlina u Petrograd. To je bio njegov prvi put u Rusiju. Petrograd je na nj učinio dubok, izvanredan dojam. Nevski prospekt s Fontankom (v. sn.), Isakievski i Kazanjski sobor (v. sn.), Katarinin spomenik Petru I, Gostinyj dvor, Javna biblioteka (v. sn.) sa spomenikom toj istoj Katarini na trgu ispred nje — i ona širina, gdje su po četvore saonice mogle uporedo

da se kreću Nevskim prospektom, pa one mekane, pastelne boje — i ona toplina koju je našao u Sreznevskoga i u drugih, sve ga je to ugodno uzbuđivalo, a društvo ruskih akademika (m. o. A. N. Veselovskoga, J. K. Grota, pa V. I. Lamanskoga, kod kojega je jednom vidio i Dostojevskoga, i drugih) godilo mu je, i godio mu je i nivo na kojem se to društvo nalazilo, toliko različit od nivoa Davida Starčevića, Adolfa Vebera ili Frana Kurelca. - Drugačija je bila Odesa. Одесса - базарный город, филологии и археологии не жалует. Поэтому преподавателям чуется здесь не ловко, pisao mu je u Petrograd V. I. Grigorovič. Osim toga, Jagić je pošao u Odesu upravo u najgore doba, usred ljeta, kada su se nad njom dizali gusti oblaci prašine. A. de Ribas u svojoj knjizi Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания (Odesa 1913) ovako opisuje odesku prašinu: »Današnji stari Odesit ne može a da ne žali za nekadašnjom odeskom prašinom. Ta prašinu u Odesi opjevao je već Puškin! * Na suvremenoj slici (v. sn.) snimljenoj litografski od Brauna, odlično je prikazana prašina kako se u stara vremena podizala na Katedralnom trgu. Odesiti, kao beduini na koje je napao samum, sjedali bi na zemlju, zgurili se i visoko dizali ovratnike svojih kaputa, a ženske krinoline nadimale su se, na užas tada još stidljivih odesitskih dama, te su se kao razigrana zvona klatile i podizale sad na jednu sad na drugu stranu.« — I eto, u tu je sredinu došao Jagić — ravno iz Petrograda i Berlina — i malo vremena poslije dolaska obolio od neke tifoidne bolesti, od koje se — kako se misli — tek što je on prizdravio, razboljela te domalo i umrla njegova starija kći Jelkica. Je li tomu bila kriva prašina, kako je mislio Ilija Šušak i kako su mislili neki drugi, ili je Jelka to u sebi otprije nosila, kako je mislio Sreznevskij (v. pismo 53), teško je reći. Svakako, to je bio težak udarac i za Jagića i za njegovu suprugu. Tomu su se domalo pridružile i neprilike u fakultetu. Grigorovič Jagiću nije bio sklon. Rukopise koje je imao, među njima i Marijinsko evanđelje i poznati parimejnik, nije htio da Jagiću pokazuje, i Jagić će se njima moći služiti tek deset godina poslije toga, kada Grigoroviča više ne bude među živima. K tomu te neprestane svađe i sektaštvo među nastavnicima fakulteta. Novorosijski je univerzitet u Odesi bio jedan od najmlađih u Rusiji (otvoren je tek 1865), i očekivalo bi se da će u njem biti kolegij koji će upeti sve snage da izgradi i podigne na što viši nivo svoj univerzitet i svoj fakultet. Svega toga nije bilo, i Jagić je nastojao da što prije ode odanle. N. P. Kondakov mu je poslije pisao: »У нас новостей немного. Переругались все окончательно«, dekan (Smirnov) piše o rektoru (Leontoviču)» »если задача не заключается в том, чтобы воспеть гнев Ахилеса, то нужно воспевать глупость Леонтовича, а это гораздо труднее. Вы не можете себе представить, что у нас творится теперь; это какое-то смешение, извращение понятий, совершенная утрата здравого смысла и достоинства«, a »казначей« V. I. Selivanov mu piše 25. IX 1874: »У нас, в университете, пока тихо — были схватки, но сражения еще не задавались«, ili — lakonski, s mirnoćom filozofa (25. II 1875) —

* Я жил тогда в Одессе пыльной . . . (isporedi osim toga: Несколько раз коляска моя вязла — в грязи, достойной грязи одесской . . . Сл. яз. II. I, 84).

»Новостей у нос мало — ссорятся по-прежнему«. To je među ostalim također sklonilo Jagića da se odazove pozivu koji mu je bio upućen iz Njemačke i da katedru za komparativnu lingvistiku u Odesi zamijeni za katedru slavenske filologije u Berlinu. Odluku je donio brzo i s Odesom naglo — možda i prenaglo — prekinuo. M. P. Smirnov mu je lijepo govorio: »Я думаю, что Вам не по нутру придется жизнь с немцами и, пожалуй, Вам придется пожалеть покинутых Вами северных варваров«, no sve uzalud. Pa ipak, ispostavilo se da je imao pravo. Jagić se nije dobro osjećao u Bismarckovu Berlinu, zažalio je što je otišao iz Odese i pisao je na sve strane, čak i svojim zemljacima, emigrantima, da bi najvolio da se vrati. I doista, 1876. drugovi su ga ponovo izabrali za redovitog profesora Odeskog sveučilišta, i on se kao takav vodio u njegovim popisima natavnika sve do 1878.

Ako se analiziraju njegovi stavovi u tim godinama i u godinama koje su iza toga slijedile, dobiva se slika čovjeka koji je više nego što bi se mislilo podlijegao vanjskim utjecajima — tu mislim i utjecaje koji su dolazili iz njegove najbliže blizine — čovjeka u kojega je bilo i ostataka preživjelog deklarativno-epigonskog ilirizma, uz koji se vezala koncepcija o svemoćnoj Rusiji kao simboličnoj majci i zaštitnici slavenstva, i uz to, čini se, nekih elemenata pomalo obrtničkog (maloobrtničkog) merkantilizma, pa nekog strahopoštovanja prema njemačkoj nauci, filozofskoj i filološkoj, od Humboldta, Boppa i Grimma na ovamo, i uza sve to žica doduše dosta kolebljivih, nesigurnih podaničkih osjećaja, kojima su se Rusi, F. E. Korš, V. N. Korablev i drugi toliko rugali, i koja je Jagića na kraju iz Petrograda vratila u Beč.

Je li Jagić zaista u Berlinu bio tako nesretan, kako bi to iz nekih njegovih pisama proizlazilo? Ta imao je svoj »Archiv«, za koji je subvencije davala pruska vlada i preko kojega je imao više kontakata i s Rusima i s ostalim Slavenima nego bilo tko drugi, i to »čistih«, naučnih kontakata, bez trzavica i koterija koje su se pojavljivale u različnim korporacijama, pa bile to akademije ili sveučilišta. Pa zašto je onda ostavio Berlin i ponovo pošao u Rusiju? — Da je tomu bilo razlogom samo to, što je imao »слабость любить Россию«, mogao je odmah, još 1876, da se vrati u Odesu. No on to nije učinio, ma da je u Odesi imao i ćiriličkih i latiničkih, čak i dubrovačkih, rukopisa koji ni do danas nisu detaljno proučeni ili izdani.

Zlobnik bi rekao — i zlobnici su tako govorili — da je to bilo iz računa. Otišao je u Rusiju, jer su ruske plaće bile veće od austrijskih, ostavio je Odesu jer mu je imponirao Bismarckov Berlin, i ostavio je Berlin, jer ga nisu uzeli u (prusku) Akademiju. Sve se to može »dokazati« i prepiskom s Bogišićem, i prepiskom s Weberom, kojemu je pisao dugo pismo (21. I 1877, v. H. Rosel, Aus Jagićs Briefwechsel, 88), izjavljujući u njima da će, ako ga prime u Akademiju, ostati u Berlinu: »wenn es mir als Slaven vergönnt sein wird auch fernerhin hier zu bleiben, so können Sie mich als den begeistertsten Träger der deutschen Wissenschaft nach meinem slavischen Osten betrachten«, itd. Pa opet, sve to nije tačno. Jagić se *nikada* ne bi dobro osjećao u Berlinu, kao što se nije dobro osjećao ni u Beču, o čemu je još 1886. pisao i Koršu, i Byčkovu i drugima. Zato je bilo shvatljivo da je odmah poslije smrti I. I. Sreznevskoga prihvatio ponudu i Lamanskoga, i Grota, i drugih, da iz Berlina prijeđe u Petrograd.

Petrograd ga je dočekao sa svima počastima koje je samo mogao da mu pruži: čekala ga je i redovna profesura na Sveučilištu, izbor u Akademiju itd., itd. No i tu su, nažalost, bile grupe, izbijali su sukobi (npr. kada je V. R. Rozen morao napustiti Akademiju, i sl.) te se uvijek ad hoc trebalo opredjeljivati. Najbliži su mu bili tzv. »zapadnjaci« — dva Aleksandra Nikolajeviča (Pypin i Veselovskij), Izmail Ivanovič Sreznevskij, Arist Aristovič Kunik, pa — nešto manje — Jakov Karlovič Grot i, još manje, Vladimir Ivanovič Lamanskij. U naučnom smislu petrogradsko je razdoblje predstavljalo u životu Jagićevu vrhunac stvaranja — tada je dao ili započeo neka od svojih najboljih i najvažnijih djela. Imao je za naučne inicijative slobodne ruke u Akademiji, izdao je Marijinsko evanđelje (1883), Четыре критико-палеографические статьи (1884), Čitaće mineje za rujan, listopad i studeni (1886), Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке (1895), zanosio se — dopisujući se s Amfilohijem — radom na psaltiru, apostolu, odakle će na kraju niknuti i Psalterium Bononiense, i monografija Zum altkirchenslavischen Apostolus I—III. Radio je, i radilo se, na sve strane. Imao je svoje prepisivače i ekscerptore u Moskvi i u Petrogradu, M. M. Kozlovskij mu je nadgledao tisak i vodio korekture, sâm je, usput, pripremao bibliografiju o Puškinu u južnoslavenskim književnostima, izdao (u Moskvi) Vinodolski zakon, zanimao se (putem Drinova) za prilike kod Bugara i zanosio se komparativnim rječnikom svih slavenskih jezika. Uz sav taj napor redovno je izdavao Archiv, koji je i dalje izlazio u Njemačkoj i na njemačkom jeziku, a svaka knjiga, svako godište imalo je po 675—765 strana, od kojih je velik dio Jagić ili sam napisao, ili na njemački prevodio ono što su njegovi dopisnici na drugim (slavenskim) jezicima bili napisali. Tolike energije, tolike sposobnosti, i tolikog diapazona znanja filološki svijet još nije vidio, a nije ga mogao ni očekivati od čovjeka tako sitna, porijeklom iz jedne sitne zemlje tamo preko Vagivarije, koga su osim toga zvali raznim imenima (Rusi po »otčestvu« Ignatij Vikentjevič, Amfilohij ga je zvao Varfolomejem, Baudouin de Courtenay Ignatijem Osipovičem, Nil Popov Vatroslavom Vjačeslavovičem, Barsov Vikentijem Ignatievičem, itd.).

Da je ostao u Petrogradu, bila bi to za rusku slavistiku sreća, i mi bismo danas mnogo više znali o golemom blagu koje se krilo i krije po arhivima te velike, najveće slavenske zemlje. On je bio rođeni organizator, invenciozan, žustar, s neizrecivim pamćenjem za pojedinosti sa ogromnog područja koje je smatrao svojim — a to su bili svi slavenski jezici, sve slavenske književnosti i sav slavenski folklor. On nije bio gramatičar kao Miklošič i zato nije stvorio ni jedne gramatike za koju bi i danas netko želio da je čita ili preštampava. U književnostima, osobito starijima, srednjovjekovnima, tražio je puteve utjecajima i utjecanjima, a u tumačenjima narodnih pjesama sa jednog općeg, strukturnog gledišta možda je zaostajao za A. A. Potebnjom, ili za F. E. Koršom, no u cjelini uzeto njegovi su sudovi bili pouzdani i mnoga od njegovih kraćih saopćenja davala su više nego cijele knjige raznoraznih poliskriptora kakvih je, osobito među duhovnim licima, u ono vrijeme i u Rusiji bilo na pretek.

Da je Jagić ostao u Petrogradu, mogao je stvoriti školu onako kako su je u ono vrijeme stvarali Fortunatov u Moskvi, ili Baudouin de Courtenay u Kazanju. To bi vjerojatno bila crkvenoslavenska škola, no dovoljno je zamisliti šta bi za rusku književnost do Ivana IV značilo da je Rusija imala nekoliko Amfilohija, i to učenih, s akribijom i sa solidnim poznavanjem klasičkih jezika i svih ruskih izvora, a ne samouke, prepuštene samima sebi, onako kako je samomu sebi, i svojim rukopisima, i ponekad mušićavim koncepcijama bio prepušten tamo negdje na putu između Kolomenskoga i Moskve stari Даниловского монастыря архимандрит. Možda bi Jagiću uspjelo da preko svojih učenika s kamilavkama unese egzaktnija shvaćanja u opisivanje i obrađivanje starih tekstova, — i već to bi mnogo značilo, i nagradilo bi ga za to što je dalje ostao u gradu koji je rado zvao sjevernom Palmirom. Osim toga, slušači su ga i u Odesi i u Petrogradu poštovali i nije imao s njima nikakvih sukoba — onako kako je to bilo u Berlinu, ili u još većoj mjeri u Beču.

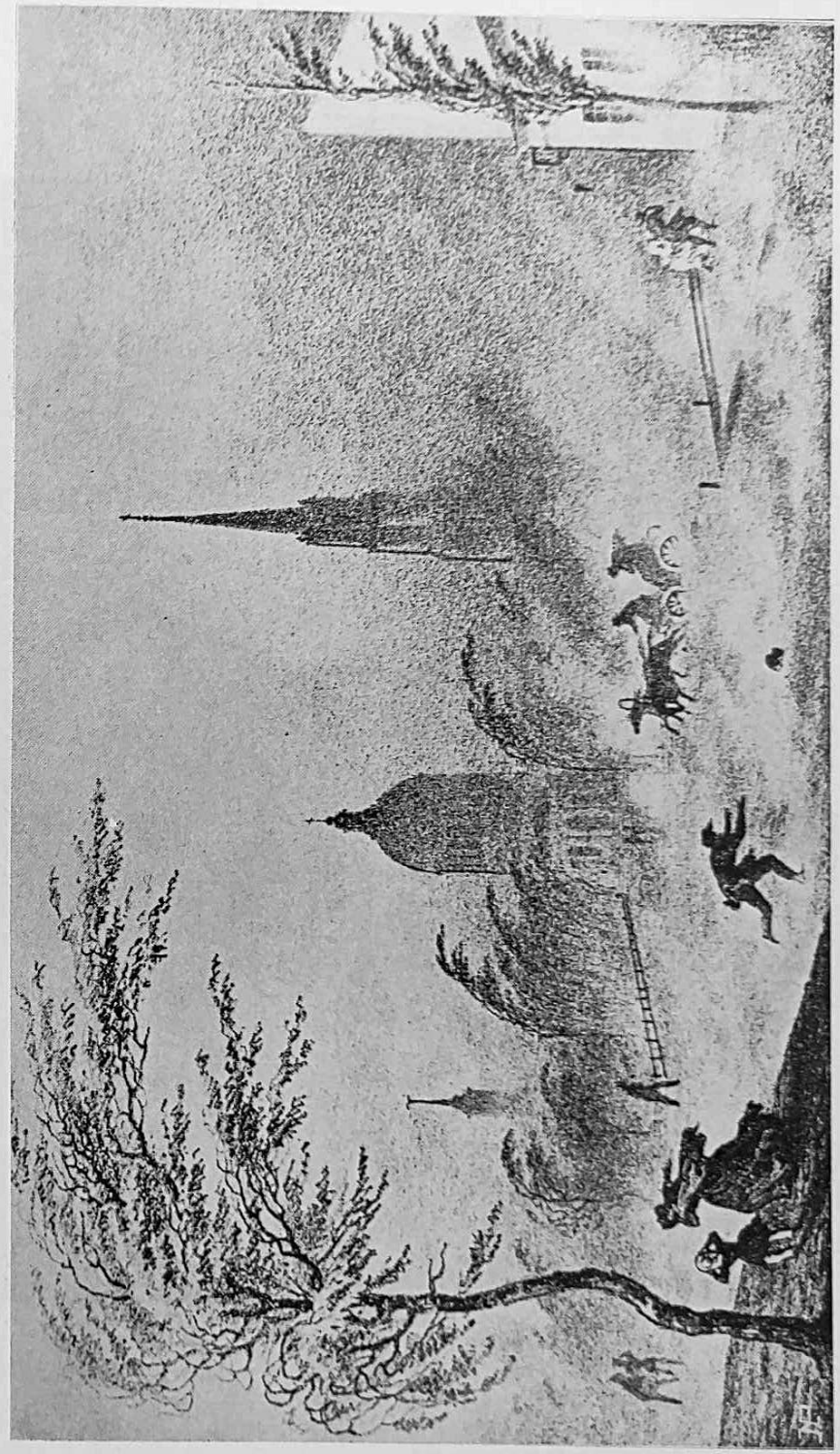
Njegovi odnosi s Akademijom u Petrogradu bili su u prvi mah, poslije odluke da se vrati u Beč, ohladnjeli, no poslije, kada je vodstvo u II odjelu prešlo u ruke A. A. Šahmatova, koji je od svoje 17. godine — od 6. razreda gimnazije — bio u dopisivanju s Jagićem, prilike su se popravile i Jagić je bio opet u Akademiji vrlo aktivan. Tako je i najveći — i posljednji veliki — naučni plan, koji je on zasnovao, velika Enciklopedija slavenske filologije, ostvaren sa 80% upravo učešćem ruskih slavista i svojim učešćem, a k tomu su i sve knjige ne-ruskih autora bile štampane na ruskom jeziku. Tako je Jagić u sutonu svojega života — posljednja je knjiga izašla šest godina poslije njegove smrti — zapravo započeo jedno novo razdoblje u međuslavenskim naučnim odnosima, razdoblje u kojem više neće biti potrebno da se Slaveni za međusobna sporazumijevanja služe nekim stranim, neslavenskim jezikom. M. N. Speranskij je pisao da je Jagić sa svojim Archivom (Archiv für slavische Philologie) »izveo slavistiku na općeevropski put«. Mnogi, pa i Rusi, pripisivali su to tomu što je časopis izlazio na njemačkom jeziku, i bili su skloni da upravo toj činjenici pripisuju i značenje koje je »Archiv« stekao u svijetu. Mislim da je to bilo jednostrano. Glavno je značenje Archiva bilo u tome što je uredniku uspjelo da oko svojega časopisa okupi i kroz dugi niz godina drži na okupu *sve* Slavene, sve koji su na području filologije imali nešto da kažu. Da je to bilo u časopisu koji se izdavao njemačkim jezikom, razlog je u tome što su se i časopis i urednik u prvo vrijeme nalazili u Njemačkoj i što se, na kraju krajeva, subvencija dobivala od pruske vlade. Da antagonizmi među Slavenima, u prvom redu među Rusima i Poljacima, nisu bili tako veliki — i da su se zato mogla dobiti sredstva i osiguranje da neće biti diskriminacija, mogao se takav časopis štampati i na ruskom jeziku, pa da ga ljudi koji su se zanimali za slavenska pitanja čitaju i na Zapadu, onako kako i danas mnogi na Zapadu čitaju slavenske časopise u izvornim jezicima sve ako praktički, aktivno, tima jezicima ne vladaju. Bitna je vrijednost *što* se pruža i *što* se čita. Njemačka je lingvistika potkraj sedamdesetih godina polako počela da silazi sa piedestala koji je dotada zauzimala u svijetu. To se već u osamdesetim godinama počelo odražavati na različitim područjima, na kojima su se javljala dalja slabljenja, tako da je vodstvo počelo prelaziti na druge (Baudouin, Fortunatov, Korš, i od Švicaraca F. de Saussure).

Zanimljivo je da Jagić nije mnogo putovao po Rusiji. Tako npr. čini se da nikada nije bio u Novgorodu, vjerojatno ni u Harkovu, Suzdalju, Taganrogu ili na Krimu. Bio je u Kijevu, jedanput, samo jedanput, na Volgi i u Rostovu, dok je u Moskvu češće odlazio, i ljeti i zimi (v. sn.), i prije Beča i poslije, kada je iz Petrograda prešao u Beč. Volio je taj grad. »Ja sam«, pisao je u svojim Spomenima, »rado dolazio u Moskvu, pa da mi je bilo suđeno da duže ostanem u Rusiji, bio bih češće onde, da se nadišem pravog ruskog duha«.

Ima nešto duboko tragično u sudbini toga čovjeka, nešto što ga je razdiralo i što bi ga možda razdrlo, da je za to — za lične meditacije, meditacije o sebi — imao više vremena.

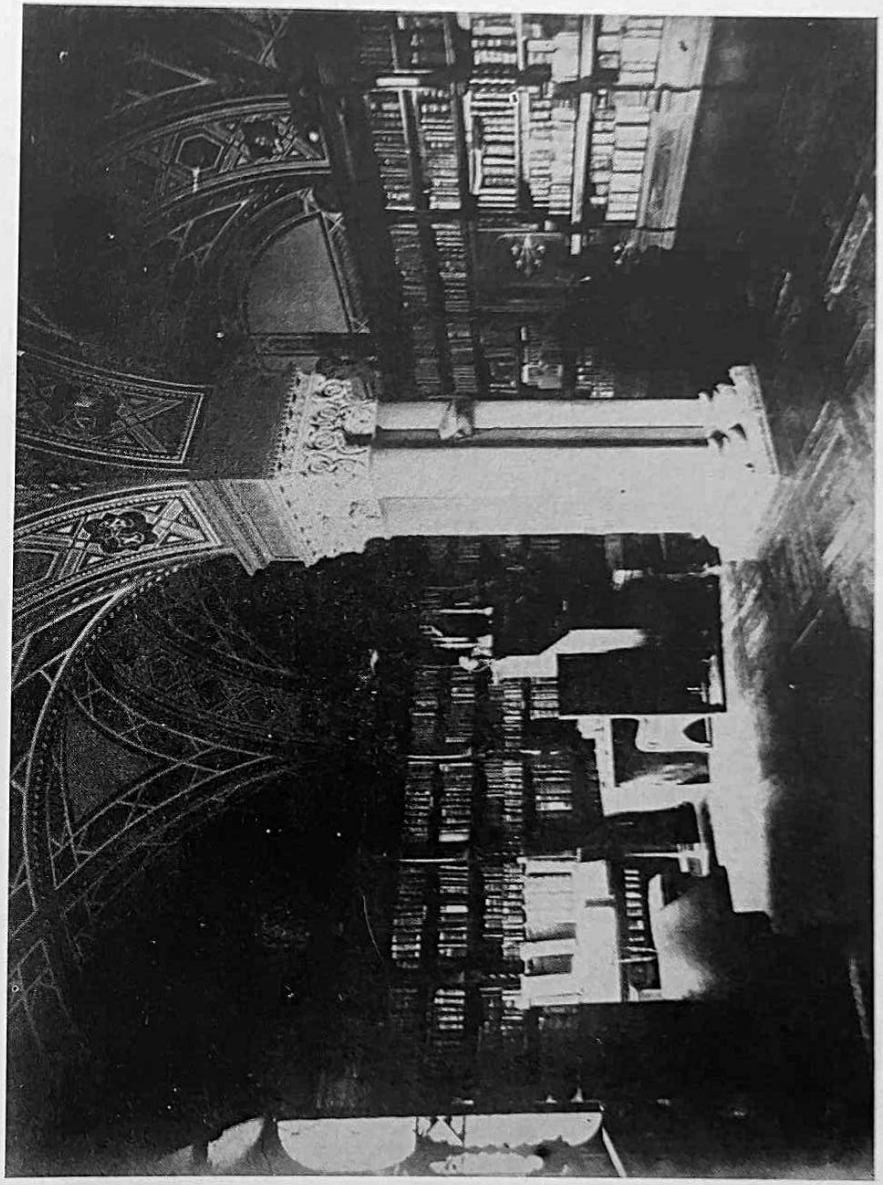
Ono iskonsko, varaždinsko, hrvatsko u njemu voljelo je Rusiju, no škole — i poslije kuća — okretali su ga na drugu stranu, prema Zapadu, koji opet za nj nije sezao dalje od Rajne. On je pokušavao da za sebe nekako nađe kompromis pa je ono što mu je stajalo bliže utezao u objektivno »evropsko« ruho. Nastojao je, i želio je da bude politički »objektivan«, a svaki kamen o koji se na tom putu spoticao, govorio mu je da je to pogrešno. Romantičarska vjera u Rusiju kao predvodnicu slavenstva tjerala ga je u tabor onih koji nisu odobravali političke stavove Ivana Franka, N. I. Kostomarova ili A. A. Kotljarevskoga, a onaj izblijedjeli ilirizam koji se nije zadržavao na Drini diktirao mu je da 1878., kada se radilo o okupaciji Bosne i Hercegovine, piše Jakovu Karloviču (Grotu): »Ради бога, не уступите Боснии и Герцеговины Австрии — иначе русские нас уничтожили!« i tri dana poslije toga (8/20. I 1878) Orestu F. Milleru »очень опасаюсь, как вообще все мы, южные славяне, насчет дипломатического решения нашей, сербской, судьбы . . . ужасно боимся, что русская дипломатия погубит нас, отдавши Боснию и Герцеговину Австрии!« itd. Svrha je bila ojačati Srbiju, od nje stvoriti Piemont i oko njega okupiti sve Južne Slavene. Poslije će, naravno, vidjeti da se prevario i da tadašnja Srbija, polazeći sa provincijalnih, šovinističkih postavaka, tomu nije bila dorasla.

Imao je golem broj poznanika, ali prijatelja — pravih prijatelja — imao je malo. Za takve koji se stječu sjedjeljkama i posjećivanjima nije imao vremena — a i tko bi onda onoliko napisao i onolike rukopise priredio za štampu. Druge je opet odbijao svojim postupcima, koji su koji put bili nagli i nisu računali sa osjećajnošću drugih. Takav je bio slučaj s Fortunatovim kada se radilo o osnivanju litavskoga društva, ili s K. S. Veselovskim nedugo poslije prijelaza iz Berlina u Petrograd. Zato su poneki i ustajali protiv njega, i to od onih »naprednijih« (F. E. Korš, V. N. Korablev, A. A. Kotljarevskij, i dr.). Ne da se poreći da je Jagić poslije dolaska u Petrograd, ma da je i dalje ostao pod utjecajem njemačke nauke, pristao uz »zapadnjake« (A. N. Pypin, A. N. Veselovskij, A. A. Kunik i dr.) i nije prišao Nijemcima. Tako npr. u njegovoj korespondenciji nema nijednoga pisma Nauckovljeva, a od Oresta Millera samo jedno, i to kao odgovor na svoje pismo, kojim je i njemu i drugima želio da skrene pažnju na pitanja koja su bila u vezi s Bosnom i Hercegovinom (1878). Istina, pitanje je, da li bi to bilo tako da je Schiefner još bio živ, jer bi ga on zacijelo vukao na drugu stranu, no o tome, što bi moglo biti ili što je moglo biti, ne treba raspredati. Život piše svoje staze, a ljudi se spotiču i o zrnca i mijenjaju smjer.



В Одессе пыльной...

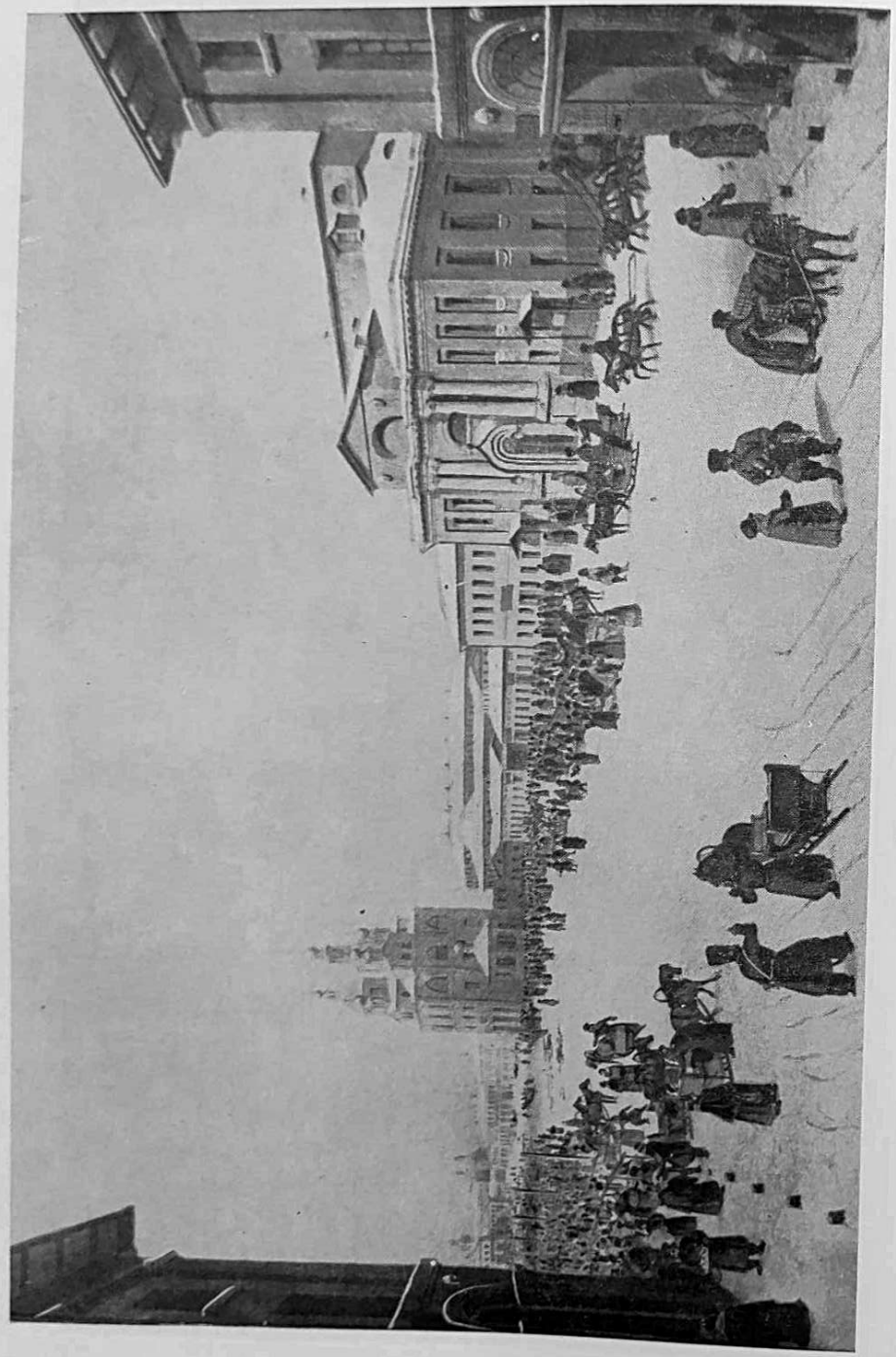
Petrograd: Detalj sa mosta na Fontanki



Kabinet »Faustа« u Javnoj biblioteci (Petrograd)

Kazanjski sobor na Nevskom (Petrograd)

Moskva: Krasnaja ploščad'



Moskva u snijegu: Ohotnyj rjad

Jagić sâm u svojim Spomenima (II, 66—67) piše o tome, kako ga »ljudi sa strane . . . osumnjičiše« da je bar jedan motiv njegova preseljavanja iz Odese u Berlin, iz Berlina u Petrograd i iz Petrograda u Beč bio »povišavanje novčanog dohotka, dakle materijalni dobitak«, i brani se (dosta nespretno) od takvih prigovora. Činjenica je, i to se dobro može vidjeti po pismima koja su mu 1874. i 1875/76. stizala iz Rusije, da mu nitko nije prigovarao što je iz Odese otišao u Berlin. Tako je, razumije se, bilo i onda kada je iz Berlina prelazio u Petrograd. No drugačije je bilo kada je iz Petrograda prelazio u Beč. Nas ovdje brojke toliko ne zanimaju, jer se sve što sačinjava izvjestan milieu ne da brojkama izraziti. Nas zanima nešto drugo. Protivnik Jagićev mogao bi reći: Jagić je sve svoje drugove u Odesi počevši od Smirnova do Selivanova vukao za nos, da bi ga izabrali i potvrdili, da bi postao član Pruske akademije. Kada u tome nije uspio, uvrijedio se, otkazao Odesi i počeo pripremati teren za Petrograd. Dokaz: pismo Weberu, otkaz Odesi, dulji boravak u Petrogradu (sve iste godine, 1877). Dalje: 1885/86. ponavlja se ista igra, samo pod drugim podnebljem i s drugim režiserima. Jagić je dobio poziv za Beč i stavlja ministru (Deljanovu) uvjet da mu se priznaju prava »počasnoga« profesora (što je bilo skopčano s povišenjem penzije) pa će ostati u Petrogradu, ako ne, otići će u Beč. To mu nije priznato, i ne preostaje mu drugo nego da ode u Beč. Dokaz: Spomeni II, 29 i Prilog br. 10. Ovo su, istina, »činjenice«, no one mogu imati i drugu pozadinu, ne samo računarsku (jer Jagić prijelazom iz Petrograda u Beč zaista materijalno nije dobio ništa). Jedno mi možda nećemo nikada saznati: nije li to s Akademijom u Berlinu, i to s počasnom profesurom u Petrogradu bilo samo namješteno, da bi lakše stekao slobodne ruke, u prvom slučaju za Moskvu (gdje je rektorom bio Tihonravov) ili za Petrograd, u drugom za Beč. On je 1. znao da Weber ima drugog kandidata za Akademiju, 2. pisao je Weberu 21. I i tek godinu dana poslije toga, i poslije boravka u Rusiji u jesen 1877. godine, otkazao definitivno Odesi (i to je u sjednici Savjeta Novorosijskoga univerziteta u Odesi od 19. I 1878 (po starom) zabilježeno ovim riječima: »Профессор Войтковский заявил, что прежде приступления к выбору декана историко-филологического факультета он полагал бы необходимым спросить профессора Ягича, намерен ли он вступить в должность профессора Новороссийского университета, или нет, так как уже более года он не является на должность, и ему, Войтковскому, неизвестно даже, изъявил ли г. Ягич свое согласие на избрание его в профессоры, или нет. Среди наступивших вследствие такого предложения профессора Войтковского прений, экстраординарный профессор Кондаков сообщил, что он списывался с профессором Ягичем по вопросу о том, состоится ли и когда именно его приезд в Одессу и получил от Ягича письмо от 16/28 декабря 1877 г., в котором профессор Ягич окончательно заявляет, хотя и частным образом, свой отказ, по существенным для него причинам от места профессора в Новороссийском университете, прибавляя, что этот отказ официально заявлен им в последнее время в департамент Министерства народного просвещения«.). To znači da je do kraja 1877. za sebe ostavljao otvorenu mogućnost da se vrati u Odesu. To potvrđuje i pismo Baračevo, jer što će 1876. pisati ubogom emigrantu, koji ionako

nigdje nema riječi, da se kani doskora vratiti u Rusiju, ako je to trebao biti samo manevar, pritisak na Webera da mu ishodi članstvo u Akademiji; kod vraćanja iz Petrograda u Beč Jagić i sâm ističe u Spomenima, da su razlozi bili u prvom redu porodični (II, 27 i dr.).

Od desetak ozbiljnih, opširnijih priloga o njegovu životu, najopširniji je onaj koji je u svojoj autobiografiji sâm dao: to su njegovi Spomeni mojega života (štampani ekavštinom u Posebnim izdanjima Srpske kraljevske akademije u Beogradu knj. LXXV i CIV, 1930—1934, na V+IX + 461+379 = 840 str.). Da je on te Spomene pisao dok je bio mlađi, možda bi ih drugačije pisao, a možda i ne bi. Oni danas — jednako kao i njegova Povijest slavenske filologije — predstavljaju ne zaokružena djela, nego građu iz koje ekstrakcijom treba izvlačiti vrijedne kamenčiće da bi se kroz tuđe prizme, kroz prizme njegovih dopisnika, dobila slika o čovjeku i naučnom radniku koji se zajedničkim imenom zvao Jagić. On je sâm svoje Spomene zasnivao na pismima koja je dobivao u nizu godina i kojih u njegovoj ostavštini ima preko trinaest tisuća. I ta je građa danas možda jedan od najvrednijih dijelova njegove ostavštine uopće. Svagdje — pa bilo to Glagoljsko pismo, ili Povijest slavenske filologije, ili Stvaranje crkvenoslavenskog jezika, ili Apostol, ili Bolonjski psaltir, ili Mineji — svagdje se osjeća zub vremena, svagdje smo prisiljeni na manje ili veće revizije — svagdje se divimo širini pogleda, i svagdje imamo štošta primijetiti u pojedinostima koje nam se danas više ne predstavljaju u onom obliku u kojem su se predstavljale na kraju prošloga i u prvih nekoliko godina našega stoljeća. Pisma, koja nam je Jagić ostavio, nešto su sasvim drugo. Ona predstavljaju čistu građu, bez prizme u kojoj bi se na ovu ili onu stranu, u smislu ovih ili onih interpretacija, lomile njezine zrake. Zato nam je ona dragocjenija i od negove biblioteke, koja je otišla u Beograd: u biblioteci su, na kraju krajeva, ipak samo kopije, a ovo su originali. I kada bi sada, ili u buduće, netko želio da piše prikaz o starcu Sreznevskom, ili o Potebnji, ili o Fortunatovu, o Koršu, Baudouinu de Courtenay, o Šahmatovu — a o njima bi vrijedilo pisati — ili makar o Kozlovskom i o njegovim šetnjama sa Semenovičem, koga je potomstvo gotovo zaboravilo— trebalo bi da dođe u Zagreb, i tu bi u pismima našao sve i nesetne reflekse koji su izraz ličnosti, i koji sami odaju svoje pisce, i izvorni jezik, i svježi, autentični scenarij, milieu u kojem su se Jagićevi suvremenici u Rusiji kretali i u kojem su živjeli. Samo ih treba dobro čitati.

Kroz ta se pisma najbolje može osjetiti, šta je Rusija značila za Jagića, i zašto je nije mogao zaboraviti.

Krivo bi bilo misliti da su te veze prestale ili pomalo prestajale, kada se on 1886. vratio u Beč. Moglo bi se prije reći da je bilo obrnuto: one su postajale intenzivnije, naučno jače i sadržajnije. Došao je red na Enciklopediju, i došla je nova generacija — ona koja je slušala njegova predavanja u Odesi ili u Petrogradu ili u Beču i koja mu je bila zahvalna za znanje i za poticaje koje joj je davao. Tako je Jagić u Rusiji nastavio da živi u djelima A. A. Šahmatova, M. N. Speranskoga, P. A. Lavrova, V. N. Ščepkina, B. M. Ljapunova i cijelog niza istaknutih slavista i njihovih učenika, i učenika tih učenika, et — multa pars eius vitavit Libitinam.

Uvodna riječ

1. U krilu Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti rodila se odmah poslije II svjetskog rata misao da se u dva posebna izdanja izdaju »Djela Vatroslava Jagića« i »Korespondencija Vatroslava Jagića« (ili kraće »Jagićeva korespondencija«). I u jednoj i u drugoj ediciji izašla je po jedna knjiga (IV knjiga Djelâ i I knjiga Korespondencije). Urednik je i jednoj i drugoj seriji bio sada već nažalost pokojni akademik Petar Skok. Kada je on 1956. umro, došlo je do promjene u osnovama na kojima su oba izdanja počivala. Računajući s našom stvarnošću koja je i u filološkim i u lingvističkim shvaćanjima daleko odmakla od vremena kada je Jagić u »Književniku«, u »Radu« i u »Starinama« tek počeo da se oslobađa prvih bojažljivih zahvata i da kroči putem nauke koja sama stvara svoja sredstva i sama postavlja zadatke svojim istraživanjima, najprije se postavljalo pitanje izdavanja njegovih sabranih djelâ i pitanje izbora koji je kod toga valjalo obaviti.

1. 1. Četvrta knjiga Djelâ, koja je prva i dosada jedina izašla (štampana je 1953.), obuhvaća Jagićeve članke iz »Književnika« III (1866) i njegovu »Historiju književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga«. I jezik i pravopis ostali su (uglavnom) isti kao u izvornom izdanju, no ima i nekih (nebitnih) odstupanja. Nezgodna se griješka uvukla u Sadržaj, gdje kod »Starih spomenika« Sreznevskoga stoji »od IX.—X. vieka«, a u članku je, i trebalo bi da bude, od IX—XII vijeka.

U predgovoru 'Oko »Književnika« i Akademije' izdavač dr Sl. Ježić ne govori o tome, što bi imalo biti u prve tri knjige i zašto edicija počinje sa četvrtom knjigom. Kako — prema IKSp. — Jagić počinje s objavljivanjem svojih radova već 1857. godine, nije jasno, što bi sve imalo ući u te tri (prve) knjige, da li sve iz I i II knjige Književnika, zatim Primjeri, Gramatika, Pabirci, članak iz Tisućnice, uvod u Assemanov evanđelistar itd. Sve su to ipak bili početnički radovi o kojima Jagić zacijelo nije mislio kada je po dolasku u Petrograd namjeravao urediti i izdati zbornik svojih radova. Izdavati ih samo zbog jezika i pravopisa u arhaiziranom, izvornom, možda čak fototipskom obliku danas ne bi imalo smisla, jer za to, da jedan čovjek jednom, možda, i to tko zna kada, pođe studirati Jagićev hrvatski jezik i pravopis, ne treba izdavati nova izdanja. To se danas rješava kseroksima, mikro- i minifilmovima i sličnim mnogo jednostavnijim i mnogo jevtinijim sredstvima.

1. 2. Ipak, jer se radi o Jagiću, ne može se samo tako prijeći preko jedne edicije koja je nekako nesretno počela s brojem 4. Ona ne može ostati torzo, i prve tri knjige, i možda još koju poslije toga, trebat će kada tada ipak izdati. Rusi su »Izbrannye trudy F. F. Fortunova« izdali u dvije knjige, a Fortunatov je u svemu za života objavio trideset i četiri (34) rada, uključujući ovamo i recenzije, predgovore i slično. A koliko je Jagić objavio? Nema dakle bojazni da se ne bi mogle sastaviti te tri prve knjige. Samo ih treba i izdati onako kako se izdaju slična djela — s aparatom koji će biti veći od četiri strane (kako je u 4. knjizi), koji će problematiku aktualizirati i učiniti je »probavljivom« i današnjem čovjeku koji je naučio da misli drugim kategorijama i koji kadšto traži odgovore na druga pitanja.

1. 2. 1. Kako je težište Jagićeva rada počivalo na proučavanju starih spomenika i na narodnom pjesništvu, možda bi dobro bilo da se u 1. knjizi dade prijevod njegove »Entstehungsgeschichte« s posebnim dodatkom koji bi problematiku aktualizirao (leksikalija i grammatikalija mogla bi se dati u nešto proširenom leksikonu na kraju knjige). Za drugu knjigu došlo bi u obzir Глаголическое письмо sa dodacima o hrvatskoj glagoljici iz Starina i iz Vodnikove Povijesti hrvatske književnosti I (opet, naravno, s nadopunama, tako da se stanje dovede do naših dana). Treća bi knjiga mogla da bude posvećena narodnom blagu, u prvom redu narodnom pjesništvu, ali i mitološkoj tematici i svemu što ide u taj krug. Zatim bi, kao 5. knjiga, mogli da slijede drugi radovi (Vinodolski zakon, Apostol, Analecta, i dr.). Kod Jagića bar, kao što su to i Oreškov i Ljapunov i toliki drugi isticali, ima što da se bira, i veće je umijeće sastaviti njegovu građu u skladnu cjelinu nego je naći, jer mu je opus tako golem, da se je teško odlučiti, što da se uzme, a što da se ostavi.

2. Kod Korespondencije učinjen je kod prve knjige krupan propust. Kada je ona izlazila, urednik je bio zauzet svojim Etimologijskim rječnikom, na kojem je grčevito radio — i konačno ga dovršio — na nekoliko tjedana pred svoju smrt. To je bilo razlogom da prva knjiga ni u cjelini ni u pojedinostima nije mogla zadovoljiti i da se već pomišljalo na to, da se izdavanje Korespondencije uopće obustavi. No tada je, 1963, Akademija Nauka Sovjetskog Saveza pod uredništvom akademika V. V. Vinogradova i G. P. Bloka izdala prvu knjigu Jagićevih pisama upućenih ruskim učenjacima (Письма И. В. Ягича к русским ученым 1865 — 1886). Izvanredna prezentacija, dobra obrada i bogata tematika — društvena, naučna i politička — ostavili su dobar dojam i potakli upravu Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti i pisca ovih redaka da se zamisle i da se vrate Skokovu i Barčevu prijedlogu, da se postupno, ali i tematski vezano, dalje izdaje Jagićeva Korespondencija. Temu za prvu knjigu ovako obnovljene Korespondencije dala je Akademija Nauka SSSR: oni su izdali Jagićeva pisma Rusima, znači, mi treba da izdamo ruska pisma Jagiću, i to za isto razdoblje i istim hronološkim redom kako su to oni učinili, tako da oba izdanja, i njihovo i naše, budu u sebi jedno, jedna zaokružena cjelina. Pomišljalo se i pomišlja se i na to, da se — kada Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti odradi svoj dug, tj. kad izda izdanje koje će biti ako ne pandan a ono makar nadopuna knjizi

koju je izdala Akademija Nauka SSSR — stvori i zajedničko uredništvo koje će na jednakim principima i na jednak način izdavati preostali epistolarni dio iz Jagićeve ostavštine i iz ostavštine njegovih dopisnika.

2. 1. Kod prve knjige Jugoslavenska je akademija tako reći bila stavljena pred gotov čin — pred ugodan gotov čin, i ona ga je i tehnički i sadržajno usvojila. No kod provedbe, kod primjene, pojavile su se teškoće. Rusi su objavili Jagićeva pisma tridesetosmorici ruskih dopisnika a kod nas ih je, uzmemo li bilo koje kriterije u obzir, za isto razdoblje ipak znatno više, a osim toga se ni broj pisama po dopisnicima ne poklapa. Evo samo nekoliko cifara (na prvom je mjestu broj pisama (po imenima) u ruskoj knjizi, na drugom — kod nas, u Jagićevoj ostavštini u NSB u Zagrebu): K. S. Veselovskij 13 : 2, V. I. Lamanskij 27 : 3, i obrnuto: A. A. Kočubinskij 4 : 11, N. P. Kondakov 1 : 10, A. N. Pypin 3 : 18, i sl. Odatle se vidi kako je teško ovakvu kumulativnu korespondenciju izdavati po shemi pismo: odgovor.

2. 2. Urednik ruskoga izdanja, danas također već, nažalost, pokojni a nekoć vrlo vrijedni G. P. Blok, istakao je u svojoj uvodnoj riječi da su od Jagićevih pisama upućenih ruskim učenjacima objavljena *sva* (sva bez razlike — все без исключения) koja su se za ovo razdoblje (1865—1886) mogla naći u ruskim arhivima. Poslije, kada je knjiga izašla, pokazalo se da ima još pisama, i neka će — valjda naknadno, kao dodatak — ući u slijedeću, drugu po redu, knjigu Jagićevih pisama na kojoj se u posljednje vrijeme radi u Akademiji Nauka SSSR u Lenjingradu. Izdavaču PIR nije poznato koja su to pisma, kojih dopisnika i iz kojih godina, pa je teško reći da li bi ona pristajala u ovu knjigu ili bi kao corpus separatum morala doći u bilješke (a tada je bolje da budu među bilješkama ili kao dodatak u ruskom izdanju, u ediciji, u kojoj su i sva ostala Jagićeva pisma iz istoga ili nešto kasnijega razdoblja).

2. 3. U ruskom izdanju objavljena su pisma upućena tridesetsedmorici* dopisnika, među njima N. M. Aničkovu, V. V. Baueru, A. M. Butlerovu, E. A. Volteru, F. I. Leontoviču i I. A. Šljapkinu (svakom po jedno). Njihovih pisama u Jagićevoj ostavštini nema uopće. Također nema pisama A. A. Saburova, koji je, međutim, kao i Aničkov, bio u administrativnoj službi, te se nedostatak njihovih pisama, ma da su za Jagića lično bila važna, toliko ne osjeća. Pisama K. J. Grota, I. V. Pomjalovskoga, V. V. Radlova i M. I. Suhomlinova ima, ali iz nešto kasnijega vremena (poslije 1886). Prema tome *zajednički* su dopisnici iz ovoga (prvoga, 1865—1886) razdoblja koji se pojavljuju i u PRU i u PIR samo: J.A. Baudouin de Courtenay, O. M. Bodjanskij F. I Bulgakov, A. N. Veselovskij, K. S. Veselovskij, A. E. Viktorov, J. K. Grot, I. D. Deljanov, P. I. Žiteckij, V. S. Ikonnikov, N. P. Kondakov, F. E. Korš, A. A. Kočubinskij, P. A. Kulakovskij, A. A. Kunik, V. I. Lamanskij, O. F. Miller, K. P. Pobedonoscev, N. A. Popov, A. A. Potebnja, A. N. Pypin, I. I. Sreznevskij, D. A. Tolstoj, T. D. Florinskij, F. F. Fortunatov i A. A. Šahmatov. Ova dvadesetšestorica predstavljaju, prema tome — ako od pi-

* Jedan je dopis (248) upućen, čini se, u Kijev, no ne zna se komu.

sama koja su za to razdoblje poslije nađena neka nisu upućena drugim dopisnicima — jezgro Jagićeve korespondencije s Rusijom u vremenu od 1865. do 1886. godine.

2. 4. No ruskih je dopisnika u Jagićevoj ostavštini u NSB znatno više, i oni se mogu podijeliti u tri grupe, u važne, manje važne i takve koji bi se mogli i izostaviti. U prve će se ubrajati oni do kojih je Jagić mnogo držao i kojima je (vjerojatno) češće pisao, samo što su se ta njegova pisma ili izgubila ili se još nisu našla. Jednom riječju to su oni, s kojima je bio u užoj vezi. Ovo su od dopisnika kojih se pisma u PRU ne donose: Amfilohij, A. F. Byčkov, F. I. Buslaev, V. I. Grigorovič, V. V. Kačanovskij, M. M. Kozlovskij, A. S. Pavlov, E. F. Sabinin, A. A. Šifner (F. A. Schiefner), V. I. Selivanov, M. P. Smirnov, N. N. Sokolov, N. I. Troickij i P. G. Vinogradov.

U drugu grupu — onih, od kojih tek jedno ili dva pisma idu u ovo razdoblje (no od kojih su neki dalje marljivo pisali, ili su prestali odn. prestajali da pišu) — mogu se ubrojiti: K. O. Aleksandrov-Dol'nik, E. V. Barsov, I. M. Boldakov, E. F. Budde, V. A. Daškov, V. K. Ernštedt, A. A. Hovanskij, N. A. Karataev, D. O. Kulikovskij, A. G. Luk'janovskij, I. D. Mansvetov, I. M. Martynov, A. F. Ovsjankin, A. I. Podvysockij, A. N. Popov, V. E. Rumjancev, A. Semenovič, O. I. Sreznevskaja, Z. Dm. Staviskaja, P. P. Vjazemskij, P. A. Zimov, I. M. Želtov i neki drugi.

2. 4. 1. S Amfilohijem vezalo je Jagića područje istraživanja, Byčkov, Šifner i Pavlov pomagali su mu kod nabavke knjiga, Grigorovič, Sabinin, Smirnov i Selivanov bili su »Odesiti«, Kozlovskij i Sokolov imali su funkcije korektora i transkriptora, Kačanovskij ga je obavještavao o istočnom Balkanu, Vinogradovu je bio potreban kada se radilo na reformi višega školstva, a s Buslaevim i Troickim vezala ga je, samo na višem, više naučnom nivou tematika slična onoj kojom se bavio Amfilohij.

Druga je grupa vrlo neujednačena. Hovanskij je bio izdavač FZ, Lavrovskij — kurator (popečitelj) Odeskoga školskog okruga, Budde, još mlad, molio je Jagića da mu pomogne da se oslobodi od vojske, od Barsova, najprofiliranijega izmedu njih, ima samo jedno pismo, isto tako od Semenoviča i Vjazemskoga. Ernštedt kao administrativac nastupa »službeno«, Ol'ga Sreznevskaja zove na »Ruslana i Ljudmilu«, a Zinaida Staviskaja — no, njoj treba posebno posvetiti nekoliko redaka.

2. 4. 2. Bila je direktorica gimnazije u Pskovu i upoznala se s Jagićem čini se samo zato da bi protežirala Aleksandra Grigor'eviča Luk'janovskoga, koji je u Harkovu studirao matematiku, htio postati docent za praktičku mehaniku pa presaldumio i kao srednjoškolski nastavnik pošao u književnike. Preveo je Mažuranićeva »Smail-agu«, prevodio »Gorski vijenac«, pisao pripovijesti i složio »poemu« 'Petko'. Jagić je trebao da preporuči štampanje njegova prijevoda »Gorskog vijenca« (Rešetar je taj prijevod nazvao »užasnim«, v. PRU 435), no ne samo to: Luk'janovskij i Staviskaja tražili su poslije da ga Jagić predloži i za Puškinsku nagradu (!), a Luk'janovskij se kod toga, lege comparationis, pozivao čak na to da je tu nagradu dobio i Fet (!). Mislim da ovako neozbiljne korespondencije ne bi trebalo objavljivati, barem ne u knjizi kao što je ova. Tko je želi upoznati, naći će je u NSB pod signaturom R 4610.

2. 4. 3. Takvih je pokušaja, i to najčešće od srednjoškolskih nastavnika, bilo više. Aleksandrov-Dol'nik je složio etimologijski rječnik, V. I. Haferkorn je izvodio glagoljicu iz runa, Onyškević je bio đak Miklošičev ali sitničav i bez širih vidika. Slično je bilo i sa Al. Petrovim, ili sa St. Dubravskim, kojemu je Jagić u Archivu (VI, 1882, 298) preporučivao da dalje ne piše, ili sa I. M. Želtovim, koji je povremeno stavljao neke upite i jednako povremeno surađivao u FZ. Svi su oni na svojim mjestima ušli u kritički aparat, ali im posebno, in extenso, pisma nisu objavljena.

2. 4. 4. S druge strane, i neka su pojedinačna pisma mogla biti zanimljiva, tako npr. Cejtlinovo, ili Daškevičevo, ili Ovsjankinovo, koji se m. o. zanimao za Trojansku priču, ili pismo A. I. Podvysockoga o Rječniku Arhangel'skoga govora, ili docenta O. Ovsjanniko-Kulikovskoga, koji je u Odesi bio Jagićev slušač i poslije njegov biograf, i zato ih je trebalo donijeti.

2. 5. No bilo je i takvih slučajeva, kada su iz pisama koja su objavljena izostavljani pojedini dijelovi. To su npr. kod Schiefnera bila beskrajna, sitničava obračunavanja poštarine, pakovanja itd. kod pošiljaka koje je slao u Berlin (on je bio Jagićev glavni dobavljač ruskih izdanja ne samo za njegovu, privatnu i seminarsku, nego i za svu Prusku javnu biblioteku u Berlinu). Ondje, gdje su takva mjesta izostavljena, označeno je to sa R* (a ako se radilo o ličnim, sasvim privatnim stvarima, npr. kada je Schiefner pisao o svojem sinu Meinhardu koji je u Berlinu kod Jagića stanovao, ili sl., onda je to označeno sa P*).

3. Činilo bi se da će uz ovakve pojedinačne, individualne slučajeve biti lako ići u stopu s prvim, ruskim izdanjem, no to nije tako, a nije tako zbog toga što ondje neka osnovna, principska pitanja nisu bila riješena na jedan dosljedan, ujednačen način. Mislim ovdje u prvom redu nacionalne i teritorijalne komponente. Najavljujući u naslovu da se radi o Jagićevim pismima *ruskim* učenjacima, trebalo je tačnije definirati šta se razumije pod atributom *ruski:* narodnost? teritorij? da li svi Rusi ili samo Velikorusi? ili ruska država, ruski imperij? Prvom bi se kriteriju protivilo to što su objavljena i pisma Baudouinu de Courtenay, koji nije bio Rus nego Poljak, trećemu to što su objavljena pisma Potebnji i Žiteckomu, koji nisu bili Velikorusi nego Ukrajinci. Preostaju drugi i četvrti kriterij, ili ukratko — Rusija kao multinacionalna država sa nekoliko autonomnih ili poluautonomnih kulturnih pokrajina koje ipak sve zajedno ulaze u njezin opći sastav. To se lijepo vidjelo u Poljskoj između oba rata, gdje se u Krakovu (IKC) za koješta što je dolazilo iz Varšave a nije se sviđalo, govorilo i pisalo da dolazi »spod czapki Monomacha«.

Kraj te neodređenosti, i zbog toga što su Rusi uključili u svoje izdanje Baudouina de Courtenay, mi smo se odlučili za Rusiju u širem smislu, da u svojim izdanjima dademo sve što se odnosi na Ruse i na Rusiju u cjelini, onako kako je ona postojala, bila i bitisala u vrijeme kada je Jagić živio.

3. 1. Prvo od doknadnih pitanja, koja su se tu postavljala, bilo je pitanje ukrajinsko, i bilo je pitanje poljsko. Što s Ukrajincima? Razumije se, trebalo ih je donijeti jednako kao što su Rusi donijeli pisma Potebnji i Žiteckomu. No što s Ukrajincima u istočnoj Galiciji i Bukovini? Jer se posebno neće

izdavati korespondencija s Ukrajincima (jer bi tada i one iz Harkova i Kijeva trebalo njima priključiti), smatrao sam potrebnim da se i oni — makar na rubu — ovdje donesu. Tako su uzeta u obzir pisma Golovackoga, Verhratskoga, Kalužnjackoga, Petruševiča, Smal'-Stockoga, i — samo u aparatu — pisma već spomenutih Onyškeviča i Dubravskoga.

Kod Poljaka ograničio sam se samo na pisma koja nešto kažu o kulturnoj atmosferi u kojoj su Poljaci iz »Królestwa« živjeli pod ruskom okupacijom, okupljajući se oko svojega »Ateneuma« i brineći u prvom redu svoju brigu. To su prije svega pisma Jana Karłowicza i A. Pawińskoga. Pisama J. Przyborowskoga, R. Hubea, A. A. Kryńskoga i B. Grabowskoga nisam donosio, jer ona od prve trojice ne daju ništa za atmosferu (ni za poljsku ni za rusku), a pismo Grabowskoga je pisano hrvatski, no tako loše da bi to suviše odudaralo od tona u kojem su pisana ostala pisma. To je pismo zato s. l. ušlo u aparat (u 2. knjizi ovoga izdanja).

3. 2. No bilo je i drugih stranaca koji su u ono vrijeme u Rusiji boravili i s kojima je Jagić bio u dopisivanju. To su bili u prvom redu Bogišić, pa zatim Marin Drinov, Bugarin koji je tada bio sveučilišni profesor u Harkovu, pa Perwolf, Čeh no profesor na ruskom sveučilištu u Varšavi, P. A. Syrku, koji je dolazio iz rumunjskih strana, Litvin P. Vileišis, o kojem piše Fortunatov, i iz Dorpata, kuda je poslije Kazanja preselio Baudouin de Courtenay, L. Meyer i L. Masing. Njihova je pisma također trebalo donijeti: Bogišićeva već po tome što je bio jedan od glavnih »motora«, kako ga je nazvao Jagić, kada je Ignatij Vikent'evič odlazio u Rusiju, Drinovljeva jedno zato što su po sebi zanimljiva, a drugo što se malo što od njegove korespondencije sačuvalo. Perwolf je eksplozivan (sačuvalo se i njegovo pismo Gebaueru, koje se međutim ovdje ne iznosi), Vileišis je nadopuna onome što nam je poznato o prvim pokušajima da se u Moskvi ili u Petrogradu osnuje litavsko literarno ili filološko društvo, a Meyer i Masing su također zanimljivi po podacima koji su u njihovim pismima sadržani.

3. 2. 1. Ima još jedna vrsta Jagićevih korespondenata s kojima je dopisivao i koji su mu pisali o prilikama u Rusiji. To su hrvatski i srpski emigranti i stipendisti u Odesi i Petrogradu — Barač, Jakšić, Katalinić, Vojvodić i Šušak, od kojih je posljednji pisao svoja pisma ćirilicom. I oni su ušli samo u aparat, gdje je iz njihovih ponekad polupismenih ili gotovo nepismenih pisama navedeno ono što je za Jagića moglo biti važno, ili što je sadržavalo neku informaciju o Rusiji i o prilikama koje su ondje vladale. Ne treba zaboraviti da je jugoslavenska kolonija u Odesi bila dosta jaka, pa je čak postojala i restauracija pod imenom »La bella Dalmazia«.

4. G. P. Blok je u svojem izdanju utvrdio da za prvo razdoblje postoje 22 pisma, za drugo (odesko) 13, za treće (berlinsko) 121 i za četvrto (petrogradsko) 201 pismo, te je odavle izvodio da je четвертый раздел книги наиболее обширен и содержателен. To ne mora vrijedjeti apsolutno, i to se tumači u prvom redu time, što je u Petrogradu bila Akademija i što se ondje sačuvao najveći broj Jagićevih pisama. Kod nas odnosi su drugi. Tu na prvo razdoblje otpada 47, na drugo 33, na treće 311 a na četvrto 153 pisma (zajedno 544 prema 357 u PRU, pisma 545. i 546. imaju služiti samo

kao ilustracija odjeka koji je Jagićev odlazak ostavio kod njegova učenika Šahmatova i kod V. I. Lamanskoga, s kojim se nije najbolje slagao). Sadržajno je zaista petrogradski period za Jagića bio jedan od najplodnijih, no to je i poslije dolazilo do izražaja, kada se već bio vratio u Beč, jer su i Šahmatov, i Lamanskij, i Grot, i Fortunatov i toliki drugi nastavili s dopisivanjem, a njima su se pridruživali mladi, mlađa generacija koja je bila na pomolu i o kojoj je Jagiću pisao A. A. Šahmatov.

5. Datiranje je ostavljeno po starom stilu (starom kalendaru), i ne samo ostavljeno, nego je ujednačeno i ondje, gdje se očito radilo o novom datiranju. Ovo je učinjeno zato što je 1. velika većina svoja pisma datirala po starom kalendaru, koji je u pravoslavnoj Rusiji bio obvezatan, i 2. što su se neki i onda kada su bili na zapadu služili ovim datiranjem (pa su to čak posebno i označavali). Tu međutim već nije bilo sve ujednačeno: dokaz su pisma Schiefnerova br. 170 i 171, od kojih je prvo datirano 1. X u Pragu a drugo odmah slijedeći dan 2. X u Petrogradu. Jasno je da se u prvom slučaju radilo o novom, u drugom o starom stilu. Moguće je da su — iz učtivosti — i neki koji su pisali latinicom, dok je Jagić boravio u Rusiji, datiranje provodili po starom stilu, a neki opet, kao Petruševič, da su se služili novim datiranjem mada su svoja pisma pisali ruskim jezikom. Ondje gdje to za redoslijed nije relevantno, nije se u to ulazilo. Mi npr. ne možemo znati, je li Sreznevskij kada je bio u Beču svoje pismo datirao po novom ili po starom kalendaru, i opet ne bi imalo nimalo smisla da njegov datum, ako je on bio po starom kalendaru, pretvaramo u još stariji.

Nedatiranih je pisama malo. Tu je na prvom mjestu A. N. Veselovskij, koji gotovo nikada i nikako nije stavljao datum na svoja pisma. Svagdje, gdje su godina, mjesec ili dan rekonstruirani (po sadržaju ili prema drugim pismima), to je u aparatu označeno te je rekonstruirani dio stavljen u uglate zagrade.

6. Netko bi mogao izdavaču prigovoriti što uz pisma nije navodio, jesu li gdje štampana, od koga, kada, s kakvim komentarom ili sl. Navodi se samo, i to na prvom mjestu u komentaru, ako je što Jagić sâm u svojim Spomenima objavio. Mi smo nastojali da tekst bude vjeran i pouzdan. Tko ga pođe uspoređivati s tekstom u Spomenima, vidjet će koliko je toga u SMŽ netačno, ili nepažljivo prepisano, ili izostavljeno. A tako je i s drugim izdanjima. Primjera radi spomenut ću samo pisma A. A. Potebnje koja je 1962. izdala Ukrajinska akademija nauka (АН УРСР, Олександр Опанасович Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя з дня нарождення, Київ), gdje u pismu od 4. maja st. st. 1877. (PIR 206) ondje gdje u originalu piše „Ваша статья о Дунае" i na kraju »Даниил Заточник сп. Ундольск. Русск. Бес 1856, 2, 120« u štampanom tekstu stoji »Ваша статья о Духах« i . . . »сп. Ундольск(ого). Рук(опись), год. 1856, 2, 220". A da je izdavač pogledao u Archiv I, vidio bi da je Potebnji bio na umu Jagićev člančić »Dunav — Dunaj in der slavischen Volkspoesie«, a ono na kraju nije bilo Ruk(opis) nego Русская беседа za g. 1856, gdje se na str. 120. druge knjige nalazi citat koji Potebnja navodi u svojem pismu (to je članak V. Undol'skoga od 21. VII 1856. pod naslovom Новая редакція XIII (вѣка) слова Даниила Зато-

чника, objavljen, zajedno sa tekstom, na str. 90—122; dakle uopće i *nema* 220 strana, kako je to u kijevskom izdanju). Kada tako Akademije izdaju pisma, što se može očekivati od privatnika i raznih listova i listića, u kojima su se povremeno takva pisma pojavljivala.

7. Druga je važna razlika u podjeli građe: u ruskom izdanju prvi (zagrebački) period traje do kraja augusta 1871, drugi (odeski) počinje negdje između augusta i novembra iste godine, a treći (berlinski) u julu 1874. Mi smo nastojali da budemo realni i da uzmemo u obzir komponente koje su — sa različnih strana — stvarno djelovale i utjecale na čovjeka, u našem slučaju na Jagića. Mi zato početak odeskoga perioda nismo stavili u jesen 1871, kada Jagić još uopće nije bio u Rusiji, nego u vrijeme kada je stvarno iz Petrograda krenuo na jug i stupio na odesko tlo. Isto tako berlinski i petrogradski period kod nas počinje s njegovim dolaskom u Berlin i u Petrograd.

7. 1. Dalja je, i to krupna, razlika što je rusko izdanje izašlo u jednoj knjizi, a mi smo za isto razdoblje (1865—1886) trebali dvije. Razlog je uglavnom veći broj pisama i drugi tisak, odnosno: knjiga bi u jednom svesku izašla suviše omašna, a prva knjiga Jagićeve korespondencije koja je izašla traži da i ostale knjige suviše ne odudaraju od formata koji je kod nje utvrđen.

Da bismo tomu udovoljili, prisiljeni smo bili da izvršimo još jednu koncesiju: da skratimo kritički aparat, da izlučimo arhivski materijal koji je tako podrobno donesen u sovjetskom izdanju, i da, opet skučeno, dademo nešto više informacija ondje, gdje ih rusko izdanje iz shvatljivih svojih razloga ne daje.

Redoslijed pisama (po godinama) ostao je isti, isto tako i pregled po dopisnicima, samo smo mi uz latinički pregled dali i ruski. Stvarni indeks i indeks vlastitih imena doći će na kraju drugoga dijela (druge knjige).

7. 2. U vezi s podjelom na dva dijela pojavilo se pitanje, kada i gdje da se građa dijeli. Priznat ću iskreno da je tu pomogao slučaj. Ekonomski bi najbolje bilo građu razdijeliti u dva dijela po sredini. S druge strane, nije bez razloga da se traži da svaka knjiga predstavlja cjelinu za sebe. Sa ovoga stajališta trebalo bi polaziti od zaokruženih jedinica (u našem slučaju perioda) pa vidjeti, koliko ih staje ili može da stane u prvu knjigu, a koliko u drugu. Ja sam, međutim, pošao obrnutim putem: razdijelio sam građu, ostavio na razdjelnici izvjestan pojas za slobodna pomicanja i pogledao, što se u životu Jagićevu za taj pojas veže. Tako sam vidio, da je upravo 19. januara 1878. službeno, u Savjetu Novorosijskoga univerziteta, izjavljeno da Jagić neće doći u Odesu (v. ovdje stranu 17). I to je dalo granicu do koje ide prvi svezak Jagićeve korespondencije sa Rusijom: do konačnog prekida sa Odesom. Drugi svezak ide, kao i u ruskom izdanju, do njegova prijelaza iz Petrograda u Beč.

8. Pravopis je svagdje, u svim jezicima, aktualiziran (dakle: pisanje đ mjesto gj u Bogišića, ß mjesto ss na određenim mjestima u njemačkim tekstovima, uklanjanje »pochylenia« na *a* i *e* u poljskim tekstovima, i sl.). Izuzetno se kod Baudouina de Courtenay izostavljalo *m* u rękopis (on je pisao *rękopism*) a prisvojno *se* kod Bogišića pretvarano je u *si*. Karłowicz piše »professor« a Bogišić Odessa: to se moglo ostavljati, jer je za njih moglo imati i prosodijsko značenje (namjerno isticanje kratkoga *e*).

9. Mi smo u svojem izdanju morali voditi računa o tome da mnogim slavistima izvan Rusije i SSSR-a mnoga imena danas sama po sebi više neće značiti mnogo. Zato smo nastojali u aparatu dati i neke bliže podatke o značenju i o djelima Jagićevih korespondenata i drugih lica koja se u njihovim pismima spominju. U indeksu ličnih imena na kraju druge knjige bit će uz svako ime takva mjesta, na kojima se mogu naći iscrpnije informacije o pojedincima, posebno (deblje) označena.

10. U ruskom izdanju Jagićeva su se pisma, kada su bila pisana na hrvatskom ili na njemačkom jeziku, prevodila i na ruski jezik, tako da se davao i izvorni tekst i odmah poslije njega nešto sitnijim slovima ruski prijevod. Mi tekstove nismo prevodili, pretpostavljajući da svi slavisti, pa i mnogi neslavisti, čitaju ruski i da isto tako većina poznaje i njemački i poljski ili češki jezik (a češki je pisao Jagiću samo Perwolf, poljski — Poljaci, m. o. i Baudouin de Courtenay). Prevođenje bi osim toga značilo udvajanje teksta (jer — osim Bogišićevih — nema nijednoga pisma koje bi bilo pisano hrvatskim jezikom).

11. Rusi su imali mnogo teškoća da saberu i nađu Jagićeva pisma koja su bila pohranjena po različnim arhivima i na različnim mjestima, no zato su imali posla samo s jednim korespondentom i samo s jednim, uvijek istim, rukopisom. Kod nas je bilo obrnuto: gotovo sva pisma koja se ovdje objavljuju nalaze se u trezoru NSB u Zagrebu (sign. R 4610), ali je zato, na drugoj strani, mnogo teškoća bilo sa čitanjem, jer je svaki od 95 korespondenata, koliko ih ima u naše dvije knjige za razdoblje od 1865. do 1886. g., imao svoj stil, svoj jezik, i svoj почерк, svoj način pisanja, a taj je u nekih bio vrlo nemaran, teško čitljiv ili mjestimice gotovo nečitljiv, tako da se trebalo domišljati šta je dotični na tom mjestu htio ili mogao napisati. Na taj je način i jedna i druga strana imala i svoje teškoće, i svoja olakšanja, tako da se trud i napor, koji su se u taj rad ulagali, gotovo izjednačuju.

Na kraju dužnost mi je da srdačno zahvalim svima koji su mi pomogli da se ove dvije knjige (za 1865—1886) dovrše: direktoru Nacionalne i sveučilišne biblioteke u Zagrebu g. Matku Rojniću, koji nam je dopustio da sva pisma snimimo i na mikrofilmu prenesemo u Beč te koji je i lično pomagao kod ruskoga dijela Bogišićevih pisama; gg. dru G. Neweklowskom i Eddi Kloß, koji su prepisivali sa mikrofilmova, stručnim institutima AN SSSR u Moskvi i Lenjingradu (m. o E. M. Smorgunovoj, N. A. Buklinovoj i dr.), koji su zdušno i sa samoprijegorom pomagali kod kolacioniranja teksta sa filmovima, E. J. Ajzenštoku i I. V. Arbuzovoj za korisne pojedinačne informacije, i na kraju i najviše — Jugoslavenskoj akademiji znanosti i umjetnosti u Zagrebu koja je preuzela štampanje i nije žalila sredstava da to izdanje izađe u obliku koji će biti dostojan Vatroslava Jagića, akademika koji je svojim radom i svojim predavanjem prije stotinu godina inaugurirao plodan i društveno potreban rad koji danas vrši Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti u Zagrebu.

J. H.

SKRAĆENICE — СОКРАЩЕНИЯ

авг.	август
А Н	Академия Наук
апр.	апрель
балт.	балтийский
Блок	Г. П. Блок и Т. И. Лысенко. Неосуществленный словарный замысел В. Ягича. »Вопросы языкознания«, 1962/3.
Вас. Остр.	Василевский Остров
В., Вест.	Вестник
В. Евр.	Вестник Европы
Вед.	Ведомости
Виноградов	В. В. Виноградов, »Письма И. В. Ягича к русским ученым«, v. P R U, 3—12.
в. л.	верхне-лужицкий
в. м.	в место
датс.	датский
д. б.	должно быть
дек.	декабрь
др.	древний, древне; другой, другие
Ж М Н П	Журнал Министерства Народного Просвещения, С. Петербург
З., Зап.	Записки
И.	императорский, императорская
ИАН	Императорская Академия Наук
Изв.	Известия
И., Инст.:	Институт:
ИНУ	см. НУ
И Сл.	Институт славяноведения
и пр.	и прочая
Каз.	Казань, казаньский
Кораблев	В. Н. Кораблев. Памяти академика И. В. Ягича. К десятилетней годовщине со дня смерти. ТИСл. II. Л., 1934.
Л.	Ленинград
Ляпунов	Б. М. Ляпунов. Краткий очерк ученой деятельности академика И. В. Ягича. Одесса, 1901.
М., Моск.	Москва, московский
Маркевич	Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета. Историческая записка экстраординарного профессора А. И. Маркевича и академические списки. Одесса, 1890.
МНП	Министерство народного просвещения
МПРМ	Московский публичный и Румянцевский музеи
мр.	малороссийский (украинский)
нек.	некоторый
непрем.	непременный секретарь)

н. л.	нижне-лужицкий
но.	ноябрь
НУ	Императорский Новороссийский Университет, Одесса
Од.	Одесса, одесский
окт.	октябрь
ОЛДП	Общество любителей древней письменности, СПетербург
Орѣшков	Павелъ Орѣшковъ. Ватрославъ Ягичъ. Кратъкъ очеркъ на живота и дѣйностьта му до сега. »Известия на семинара по славянска филология при Университета въ София« кн. III (за 1908 — 1910 г.), София, 1911.
ОРЯС	Отделение русского языка и словесности АН
Пбг.	Петербург, петербургский,
пр., проф.	профессор
РАН	Российская Академия Наук
РГО	Русское географическое общество
ретором.	ретороманский
р., руб.	рубль
рп., ркп.	рукопись
Сб.	Сборник
сент.	сентябрь
серб., срб.	сербский (сербо-хорватский)
слав.	славянский
след.	следовательно
соч.	сочинение, сочинения
СПбг.	Санкт-Петербург, Petrograd
Сперанский	М. Н. Сперанский. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича. Изв. ОРЯС РАН, т. XXVIII, 1924.
ст. ст.	старого стиля (н. ст. — нового стиля
Т., Тр.	Труды
УСВ	Университет св. Владимира, Киев
фев.	февраль
ФЗ	Филологические Записки, Воронеж
экз.	экземпляр
ЭСФ	Энциклопедия Славянской Филологии
яз.	язык, языка
янв.	январь
—	опущено — izostavljeno
+	прибавлено — dodano

*

А. А.	Александр Александрович (Кочубинский), Алексей Александрович (Шахматов), Александр Афанасьевич (Потебня)
А. Н.	Александр Николаевич (Веселовский, Пыпин)
А. Ос.	Адольф Осипович (Патера)
А. С.	Алексей Степанович (Павлов)
В. И.	Виктор Иванович (Григорович), Владимир Иванович (Ламанский)
Вячи	Вячеслав (Измайлович Срезневский)
Е. Ф.	Егор Федорович (Сабинин)
И. И.	Измаил Иванович (Срезневский)
И. С.	Иван Степанович (Некрасов)
М. П.	Мемнон Петрович (Петровский), Михаил Павлович (Смирнов)
Н. А.	Николай Алексеевич (Головкинский)
Н. П.	Никодим Павлович (Кондаков)
Я. К.	Яков Карлович (Грот)
Ђура	Ђура Даничић

Archiv	Archiv für slavische Philologie, Berlin
ČČM	Časopis Českého Musea, Prag
ČSAV	Československá Akademie Věd, Prag
fl., fr.	forinta, forint
Hamm	Josip Hamm. Vatroslav Jagić i Poljaci. »Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti«, knj. 282, Odjel za filologiju Knj. I, Zagreb, 1951
IKSp	V. Jagić. Izabrani kraći spisi, izd. M. Kombol, Zagreb 1948
ISF	И. В. Ягич. История славянской филологии, ЭСФ I, С. Петербург 1910
IstAN	История Академии Наук СССР, II (1803 — 1917), М. — Л. 1964
JAZU	Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb
Književnik	Književnik. Časopis za jezik i povijest hrvatsku i srpsku i prirodne znanosti, Zagreb
lb.	funta, nešto ispod 1/2 kg
P*	privatne, lične (obavijesti, stvari), частные дела.
p.	pismo
PIR	Jagićeva korespodencija knj. 2, Pisma iz Rusije, Zagreb 1969
PRU	Письма И. В. Ягича к русским ученым (1865—1886), изд. АН СССР, Москва 1963
R*	računi, счета i sl.
Rad	Rad JAZU
SMŽ	V. Jagić. Spomeni mojega života I—II, Posebna izdanja Srpske kraljevske akademije knj. 75,104, Beograd, 1930—1934.
Starine	Starine JAZU
V. V. V.	Viktor Vladimirovič Vinogradov

* Ako neke skraćenice (iz komentara) nema u latiničkom popisu, treba pogledati u ruski.

PISMA

I

1865 — 1878

1

1865, 1. marta. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

Душевно уважаемый сотоварищ!

Благодарю Вас от всего сердца за Ваше доброе письмо, за дружелюбие, с которым Вы издалека мне, как близкому, протягиваете руку свою. Благодарю Вас; впрочем, вместе с тем позволяю себе сказать, что я никогда не удалялся сердцем от славянства, сколько мог следил за всеми движениями его на западе, радовался каждому шагу вперед, и особенно близко к сердцу держал научные и литературные успехи тех из славян, которые судьбою отбиты от своих ближайших соплеменников, и которым поэтому труднее, чем другим не отставать в общем ходе. Так, между прочим, сердечно порадовался[a] я появлению »книжевника«[1], прекрасно начатому под редакциею Вашею и двух достойных Ваших товарищей[2] (которым прошу засвидетельствовать мое уважение). Благодарю Вас за присылку 1-ой книжки (второй книжки я еще не получал, а прочел по оттиску, присланному в Академию). Дай бог, чтобы этот повременник установился и выходил бы, хоть и не часто, но постоянно, чтобы увеличивал по мере надобности круг содержания, но не изменял[b] бы первоначального направления. Особенно занимает меня продолжение обозрения источников хорв(атской) и серб(ской) истории[3]. От Вас, мне кажется, можно было бы ожидать истории сербского и хорватского языка народного и книжного[4]. Этим делом уже можно а след(овательно) и должно заняться, разумеется, подвергая[c] строгому[c] критическому разбору материалы[d] — особенно те, которые касаются древнейшего времени, каковы напр. далматские латинские грамоты, а может быть и те глаголические памятники, которые сохраняются у вас в Загребе и относятся к XII веку (почему, не знаю). Кстати, слово об этих последних. Я знаю их только по напечатанному[e] Шафариком[5] и Берчичем[6], ни тем ни другим *не*[f] палеографически, не знак в знак. Мне бы очень нужно было иметь верный список их строка в строку, буква в букву, знак в знак и снимки: не мог ли бы кто-нибудь у вас взяться за это—разумеется за плату. Вы бы меня очень одолжили, если бы уведомили меня об этом.

Впрочем, пора воротиться к главному предмету письма и отвечать на Ваши вопросы.

Издания 2-го отделения Академии[7], выходившие под моей редакцией, были Вам посылаемы через посольство, и вероятно поэтому доходили не своевременно, и не вполне.»Ученые записки«[8] прекратились на 7-м томе, »Известия« — на 10-м: я отказался от редакции — и оба издания окончились. Теперь издаются Записки от всей Академии под редакцией г. Билярского. Надобно, чтобы Вы их получали, и я постараюсь об этом, доложивши об этом Отделению. Это издание действительно стоит Вашего внимания. Другое издание, в котором есть кое-что для Вас любопытное, есть Известия археологического общества: доложу Обществу о том, что следовало бы Вам посылать. Не менее любопытного нашли бы Вы и в Записках географ(ического) общества, но теперь они прекратились и будут заменены другими изданиями. Важнее того и другого »Чтения общества истории и древностей«, издаваемые под редакцией пр(офессора) Бодянского: мне кажется, Вы их должны получать. Есть кое-что любопытное в »Христианских древностях«, издаваемых частным любителем археологии Прохоровым: поговорю с ним и попрошу, чтобы он пожертвовал хоть одним оттиском для Вас. В Москве предположено два таких издания двумя обществами, недавно образовавшимися: не думаю, что они не вспомнят о Вас. Затруднение будет во всех случаях не в желании, а в пути, которым книги от нас отправляются к Вам. Если бы сообщение могло быть прямое, то и сообщаемого и вами и нами, без всякого сомнения, было бы несравненно более. Пока не установится правильной книжной торговли и купеческого посредничества мены, до тех пор все это дело будет плохо. Есть одно верное средство добывать от нас книги, и оно хорошо не в одном этом отношении; но его до сих пор употребляют очень немногие. Это — поездки[e] к нам. Никто из славян, приезжавших к нам (разумеется, литературно образованных), не уезжал от нас без груды книг. Спросите Смоляра Будишинского[9], Коляря Пражского[10] и т. д. От Вас был у нас когда-то Гай[11] — и после этого никого из писателей. Очень бы не мешало опять кому-нибудь наведаться, и своими глазами удостовериться, как что есть на святой Руси; а фунтов за сто книг я один могу поручиться.

Не теряя надежды, что мы увидим кого-нибудь из вас, относительно наших повременников я скажу, что едва ли какой из них, по содержанию своему, принадлежащих к числу общечитаемых, может быть для вас занимателен. Все они составляются для большинства читающих так, что особенным прихотям некоторых вовсе не имеют в виду угождать, притом же еще почти все стоят ниже уровня требований образованного общества. Русский Вестник стоит выше всех, но и он едва ли может доставить Вам с Вашим направлением много. Нельзя не заметить, что ни один из них не следит за явлениями русской литературы. На это есть у нас особое издание, не совсем достойное похвалы по внутреннему направлению, но все-таки обильное указаниями: это »Книжный вестник«. В нем указывается, между прочим, и содержание многих

повременных изданий по мере выхода книжек. За всем без исключения и он следить не может: количество издаваемого огромно — особенно повременников всякого рода и более всего разных газет. Всего более ускользают от внимания наших повременников явления науки, и всего менее, всего легкомысленнее оцениются ими. Так и »Книжный вестник« допустил напр. на свои страницы жалкую статью об академическом издании Державина, превосходном труде Грота, бесспорно важнейшем из ученых явлений этих лет по истории литературы.

Заключу свое письмо известием[h] о новости, вероятно, для Вас любопытной: это — Евангелие Сербское XII века с большою записью в конце. Мне удалось восстановить эту запись почти всю до буквы. В ней есть имя писца »грѣшнаго Сумеѡна старьца«. За словами: »сподбихъ[i] се жити ѕ пеки ѕ градѣ расѣ и написахь сиѥ книге: своѥмѫ гнѕ: велиѥмѕ жѕпанѕ« строк одиннадцать подчищено так, что восстановить невозможно; а далее ясно: »гъ нашь исхь по неизьмѣрьнѣи[j] ѥго милости: и по изволению прѣстыѥ гже бце: прѣдасть хсь: чьстьны[k] вѣньць велиѥмѕ жѕпанѕ *влькѕ*: владьчьствѕющю[l] ѥмѕ: своѥю *Срьбьскоѡвь* землею: и *Зетьскоѡвь*[m] страноѡвь: и *поморьскыми* грады: и *Нишевьскыми* велеславьномѕ: велиѥмѕ жѕпанѕ *влькѕ*: сна самодрьжьнаго гдна ѡбласти своѥѥ: *стѣфана немане*«[12]. По последним словам, по отсутствию в них всего, что может наводить мысль о смерти Стефана, можно заключать, что книга писана до 1200 г. Не может ли после этого запись Симеона быть поводом к новому критич(ескому)[n] перебору данных о распре между детьми Стефана Немани? Книга написана в 4$^{ y}$ в 2 столбца, занимает 189 лл. но не полна[o]. Принадлежит теперь епископу Порфирию.

Поручаю себя расположению Вашему
Преданный И. Срезневский
1-е марта 1865.

SMŽ. [a] обрадовался. [b] изменил. [c] подвергся строчному. [d] материали. [e] печатаному. [f] не. [g] поездка. [h] извещением. [i] сподобихсе. [j] неизьмерьимен. [k] чьстьны. [l] владьствующю. [m] зегьскоѡвь. [n] крит. [o] сполна.

2

1867, 18. februara. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

Душевноуважаемый сотруженик![a]

Очень рад я,[b] что Вы наконец получили наши Академические издания[1c]; вполне уверен, что и другие книги, еще Вам не посланные, будут отправлены к Вам в скором времени; предложение мое о высылке к Вам филологических наблюдений Востокова, книг актов за последние годы, недавно изданных писем Карамзина и сочинений Державина в великолепном издании принято единодушно. Я посылаю Вам и свои

труды: Древние памятники глаголицы[2] и Древние памятники русского письма и языка[3]. Примите их радушно; но судите строго, как того требуют успехи нашей славянской науки. Вместе с тем прошу Вас усердно от себя лично, от Академии наук и от Университета о высылке Вашего »Книжевника«. Я получил только одну книжку (3-ю 2-го года); а Академия и Университет (выписавший Книжевник) не получают ничего. Чтобы прочесть статью дра. И. Црънчича о Кръчских древностях, о которой Вы пишете в Вашем письме, я рыскал всюду и нашел эту книжку только у В. И. Ламанского. Ваш повременник так любопытен и важен, что не иметь его занимающемуся славянством нельзя, и потому я повторяю усердную просьбу. Попытайтесь отправить в бандероли: так мы получаем книги из заграницы; только не зашитой посылкой или заклеенной: это очень дорого не для Вас, а для нас. Для Академии и Университета, да и для меня, можно также посылать на имя г. Фосса, книгопродавца в Лейпциге, прося его переслать к нам.

Очень, очень благодарен за сообщение глаголич(еского) отрывка из Апостола[4]: я уже читал в заседании Академии Ваше письмо и скоро надеюсь напечатать статью об этом памятнике с выписками из письма и с своими заметками[e]. К неожиданному удовольствию я нашел часть того же текста в Апостоле болгарского письма XIII века, мне принадлежащем — и все в другом Апостоле сербского письма XIV века. Все это найдете в моей статье. Жалею, что не могу приложить снимка[f]. Глаголические памятники пока нельзя издавать без снимков: вопрос о глаголице не может быть решен без применения палеографических приемов.

Кстати скажу. Меня не удовлетворил[g] снимок с надписи на камне, приложенный к Книжевнику: god. II svez. I.[5] Он сделан от руки, а его бы следовало снять на бумагу прямо с камня. Мне уже много раз случилось это делать и всегда удачно. Очистивши памятник от грязи, вымывши его и вытерши насухо, я кладу на него клееную бумагу, хорошо смоченную, и надавливаю сухой губкой до тех пор, пока отпечатаются все нарезы и бумага высохнет; затем куском свинца, серебряной ложкой или карандашом натертым на клочек бумаги тру по бумаге до того, что все выпуклое потемнеет, а все вдавленное ясно обозначится.[h] С такого снимка легко можно сделать фотограмму в уменьшенном виде. — Ваш Кръчский памятник[6] так важен, что такой снимок с него просто необходим. Напечатанному я не верю: это не снимок, а срисовка от руки, привыкшей писать косыми буквами. Я бы на Вашем месте не успокоился до тех пор, пока поп П. Дорчич или поп А. Киринчич[7] или кто другой не прислал мне такого, как выше сказано, снимка на бумагу, и читал бы не по списку д-ра[i] Црънчича, а чуть не по подлиннику. Как легко делать такие снимки — есть у меня тому не мало доказательств в снимках, присланных мне из разных мест людьми мало образованными, не только попами.

И еще кстати. Я очень поскорбел, получивши от Вас что-то вроде отказа в сообщении снимков с хорват(ских)[j] глаголич(еских) памятников, относимых к XII и XIII веку. Если фотограммы с них могут

быть посланы на выставку в Париж[8], то почему же и не к нам, в Академию наук, если и не ко мне лично: за снятие фотограмм было бы заплачено. Не ездить же нам и на запад, чтобы делать все самим, как ездим на восток в Азию? Позволю себе еще прибавить, что иногда фотография не удается: тогда можно снимать на прозрачную бумагу; это знает каждый литограф, и работа эта у нас дешева. У меня тысячи этих снимков. Без них, по-моему, нельзя работать сколько-нибудь порядочно.

Вот беда, когда трудно разобрать написанное и трудно восстановить. Это я испытываю именно теперь с глаголическим палимпсестом, принадлежащим Импер(аторской) публ(ичной)[k] библиотеке[9]. Я передал эту работу своим[l] сыновьям (два из них — студенты университета, филологи), у которых глаза острее моих, и только смотрю за нею; а дело подвигается тупо[10].

Теперь я издаю сборник древнейших памятников старославянского языка кирилловского юсового письма[11]: всего семь, все не позже XI века; все издаются вполне, кроме Супрасльской рукописи, из которой взял отрывок — строка в строку и буква в букву, так как не палеографически она уже вся издана. Надеюсь, что в этом сборнике найдете Вы для себя много любопытного.

Из газет узнаем мы понемногу о ваших политических делах, и сердце иногда бьется крепко, крепко — и за настоящее и за будущее[12]. В настоящем, мне кажется, так все темно, так полно интриг (для этого у нас нет своего слова), что ума не приложишь; а в будущем . . . готовится жатва от сеемого. Одно меня утешает: может быть и западные известия преувеличивают все худое так же, как наши русские. У нас это кстати — чтобы было более добра от выпалывания плевел; может быть кстати и у вас. Дай то бог. — Верю однако, что все к лучшему, и что славянам, которые смогут противостоять[m] честно правдой против бесчестия и неправды, будет лучше.

Поклонитесь от меня и от всех здешних сотрудников в деле славянской науки всему доброму кружку Книжевника. Дай бог, чтобы он рос и сильнел своим влиянием на все южное славянство.

Преданный Вам

Измаил Срезневский

18 февр(аля) 1867

SMŽ. [a] сотрудник! [b] Ø. [c] – м, [d] – и. [e] замечаниями. [f] снимки. [g] удовлетворяет. [h] обозначается. [i] др. [j] хорв. [k] публичной. [l] моим. [m] противъстоят.

3

1867, 24. februara. J. F. Golovackij iz Lavova

Многоуважаемый господин!

Я намерен напечатать в следующем выпуске Галицко=русской Матицы прекрасную статью »Znanstveni put u Rusku« в переводе русском, которую Вы поместили в I. вып(уске) Книжевника за год 1865[1]. — По той причине милости прошу, благоизволите изъяснить мне, из какого языка переведена Вами эта статья и не известно ли Вам, к кому именно писано было это письмо, и на каком языке или наречии. В случае, если бы она была написана на русском языке, или ее можно бы было получить на том же языке, то прошу указать мне способ, от кого и как бы я мог получить ее. При переводе реченной статьи нашел я несколько слов, значения[a] которых принесло мне большие трудности — я не мог приискать их точного определения значения. У меня нет хорватского словаря, а в словарях югославянских наречий по прежним изданиям и в словаре Вука Стеф. Караџића слов этих или вовсе нет или не ясно[b] истолкованы. По той причине, благоизволите прибавить к словам выписанным из реченной статьи точно определенные значения на русском или нем(ецком) языках, и возвратите мне эту записку чем скорее назад. При той случайности засылаю я мое благодарение за присланные Иллирской Матицей[2] выпуски I и II с 1866 г. и за полные тома с 1864 и 1865 года. Итак можем мы пользоваться достопримечательными статьями это(го) прекрасного издания. — Мы душевно радуемся решительному и энергическому выступлению[c] южных славян и благожелаем наилучших успехов Вашим трудам и усилиям во славу и пользу великой славянской идеи! — Мы страждем[d] под гнетом сугубого ига подобно нашей славянской братии в угорщине, и томимся так, как они, и боремся неравными силами — с тем различием, что там угнетатели чудско-мадьярское племя, нас же давят выродные и заблуждшиеся славяне-ляхи. Да простит им бог, сами бо не ведают что чинят!

Примите уверение в моем глубочайшем высокопочитании и искренной преданности

Ваш
покорный слуга
Яков Ф. Головацкий

Львов 24 февр(аля)

8 марта 867 г.

Милости прошу, познаменайте мне точные значения нижеследующих слов, обретающихся в статьи: Znanstveni put u Rusku

palača комната
glasbenik музыкант
slikarstvo живопись
umětnički искусственный
ljetovnik летний дворец (?), дача (?)
dražestni великолепный
izpis выписка
na dva maha в двух направлениях
od prilike почти
pismo письменность
srpan август
prekosutra третьего дня
učenjak ученый
stvar сочинение
izvadka извлечение
ali na но по (?), но на (?)
svjet народ
tvornik фабрикант
V Vedensko возле Москвы[3]
slika картина
podobenstvo
ožujak сентябрь[4]
svibanj апрель[4]

SMŽ. [a] значение. [b] или неясно. [c] выступанию. [d] страждаем.

4

1869, 2. decembra. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

2 дек(абря) 1869

Душевноуважаемый приятель!

Благодарю Вас за доброе письмо Ваше. Уважая Вашу неутомимую деятельность, не могу не дорожить всеми подробностями о ней, и потому благодарю Вас за сообщение известий о ней. Само собою разумеется, я сообщил их своим товарищам по Академии и другим ученым[1]. Одно я сделал дурно: не вникнув в смысл нескольких строк Вашего письма, я сделал распоряжение о высылке Вам не »Опыта«, а »Дополнения«, тогда как Вы нуждаетесь в »Опыте«[2]. Постараюсь и это сделать, а Дополнение Вы подарите, кому найдете приличным. Не знаю, удастся ли мне приобрести и для Вас Корнеслов Шимкевича[3] и начало Малорус(ского) словаря Чужбинского[4]; но буду стараться. По малорус(скому) наречию есть несколько сборников слов и на все буквы. Самый лучший помещен в книге Н. Закревского, изданной под названием Старосветский бандурист (М. 1861)[5]; словарь занимает третью часть: стр. 247 — 628. А вот в конце этого года выйдет обширный словарь белорус(ского) наречия, печатаемый Академией, а составленный И. Носовичем[6], тем самым, который известен сборником белорус(ских) пословиц, почтенным старичком, не больно ученым, но очень трудолюбивым. Не теряю надежды, что Вы получите его, равно как и другие издания Академии, хоть некоторые.

Особенных обязанностей корреспондент Академии наук не несет никаких[7]; но, конечно, более уважаются те, которые присылают Академии свои труды неизданные для издания. Наше 2-е отделение Академии с удовольствием принимает труды славян и о славянах. Одно трудно, это найти переводчиков: наши студенты очень заняты, а когда выйдут из университета, то или поступают на службу, или продолжают трудиться для приготовления на степень магистра, не говоря уже, что вообще занимающихся западными славянскими наречиями очень немного.

Нынешнее лето я был не очень далеко от Загреба, в Венеции и в Тироле; но заехать к Вам не мог, потому что и спешил в Прагу, и боялся издержек, так как ездил не один, а с женою и с тремя из детей[8]. К сентябрю я воротился, думал еще ехать в Киев; но заболел, — и вот три месяца болел так, что почти совсем не занимался, а только кое-что читал и кое-как исполнял свои обязанности по чтению в университете. По причине болезни не мог еще написать, а только словесно рассказал в заседании о содержании последних книг трудов вашей Академии и других книг ею изданных. Ими нельзя не любоваться. Теперь, конечно, эти издания — лучшие из всего того, что выходит на славянском западе. И какая разница с тем, что было у вас за тридцать лет, во время диктаторства Гая![9]

На днях я познакомился с д-ром Целестином Краинцем[10], который приехал к нам как стипендиат — кандидат на должность учителя. Мне он понравился. Он, кажется, хорошо приготовлен, и без особенных усилий может приготовиться на степень магистра . . . Его приезд заставил меня невольно подумать о том, если бы, напр.[a] Вы нашли средства[b] приехать к нам, чтобы ближе познакомиться с нами, с нашей литературой, с нашими собраниями памятников. Вы бы воротились домой наверно с целой библиотекой и с множеством важного запаса для будущих Ваших занятий. У нас в доме Вы бы приняты были как дома. Ужели в самом деле не найдется средств для Вашего путешествия? А как бы хорошо могли мы провести время!

Поклонитесь д-ру Рачскому (его сочинение о богомилах я прочел с наслаждением)[11] и пр(офессору)[c] Матковичу.

Да, кстати, есть у меня еще поздравление: Вы, Рачский, Даничич и Любич (последний по предложению В. Ламанского) избраны действ(ительными) членами Филологического общества, недавно у нас учрежденного.[11] Дипломы будут присланы как только отпечатаются*.

Преданный Вам

Из. Срезневский

*Участия в этом филол(огическом) обществе особенно прошу — не потому что я избран на год председателем, а потому что оно должно сделаться связью поколения стареющего с выступающим и может быть связью всех славян в научном отношении.

SMŽ. [a]ø [b]средство. [c] дру.

5

1870, 5. jula. V. Bogišić iz Petrograda

U Petrogradu 5. julja 1870.

Poštovani prijatelju!

Iz pisma Vašega na g. Sreznjevskoga[1] obaznah novo junaštvo tamošnjih gospodara koji Vas lišiše dosadanjega[a)] i po sebi ne vele sjajnoga ali po svoj prilici glavnoga dohotka. Mene je to ožalostivilo i radi materijalne štete koju tim pretrpjeste[b)] i radi toga što će tim pretrpjeti i naša narodna knjiga.

Ja i g. Sreznjevski odmah počesmo promatrati i pretresati način kako bi Vam se barem[c)] ovamo našlo kakvo pristojno mjesto. Ali za nesreću ministar otide za granicu, a on sam može u takim okolnostima riješiti štogod izvanrednim načinom; njegov *tovariš̆* nema toga prava. Valja dakle da se ustrpite. Međutim držim da će to biti bolje, jer bi Vas mogli imenovati na temelju Vaših dosadanjih spisa doktorom, što je mnogo lakše *kad je čovjek još za granicom.* Tako misli i[d)] Sreznjevski. A doktorat je ovđe glavna stvar, bez toga ne možete biti nego samo docentom na universitetu, i veoma ga je teško dostići. Jedan moj kollega na universitetu odeskom[e)], koji, budući jedan od najsposobnijih — premda samo *magister*, dadoše mu *ispolnjenje dolžnosti* ekstraordinarnoga profesora, tek je onomadne postao doktorom zaštitivši svoju disertaciju, a već mu je 45 godina![2] Dakle, bez doktorata nikako ne idite ovamo.

Ovđe u Peterburgu, gdje ima 7 gimnazija, moglo bi se lako naći za prvo vrijeme kakvo mjesto dok bi se na universitetu ili akademiji štogod našlo — ali možda se nađe štogod i u Odesi, jer i tamo osim ženske imaju i dvije muške gimnazije; a uz to biste mogli predavati grčki jezik i literaturu na universitetu, jer pred nekoliko dana istisnusmo prijašnjega profesora švabu. Ali o tomu prije nego u Odesu dođem ne mogu Vam ništa pozitivna kazati. Ipak ja mislim Odesa bi i za Vas, kao južnoga čovjeka, bila ugodnija i prirodnija nego li sjeverni Peterburg; kad bi to moglo biti ja bi se veoma radovao.

To je drugi razlog za koji neće biti zlo malo počekati —; kad bude više mjestâ lakše je izabrati najbolje.

G. Sreznjevski mi kaza[f)] da će Vam međutim poslati neke radnje za ovđešnju akademiju, a akademija ruska plaća ne lošo. G. Sreznjevski Vas veoma i poštuje i ljubi pa sam uvjeren da će se starati da za Vas učini što mu god moguće bude. I ja ću ga sa svoje strane o tomu moliti i kumiti sve dok što učini.

Međutim, kako meni sad ne treba potpore od svojih domaćih dohodakâ, pisah g. Serragli, administratoru moga imetka u Dubrovniku, da Vam pošalje na moj račun 100 f. Ta mala svota možda Vam neće izlišna biti u sadanjim okolnostima, a vratit ćete mi je kad Vam, što ono u nas kažu, Bog pomože.

Ne prepadajte se u sadanjem položaju i vjerujte da među prijateljima koji Vam svako dobro žele ne zauzimlje posljednje mjesto ni

Vaš iskreni

V. Bogišić

6

1870, 15. jula. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

Г(осподину) проф(ессору) В. Ягичу

Душевноуважаемый приятель!

С первого известия в газетах о том[1], что некоторые из профессоров Загребской гимназии должны были лишиться мест, задумался я о Вас, не попали ли и Вы в это число, и спрашивал Богишича (приехавшего на некоторое время сюда из Одессы), не знает ли он чего, и так как ничто не подтверждало первого известия, то я успокоился. Тем более поразило меня Ваше письмо, недавно полученное. На полученное прежде я не отвечал, потому что приготовлял для Академии вашей маленькую статейку, которую хотел послать на Ваше имя, и так как ее приготовление связано было с другою более сложною работой, то и замедлилось[2]; даже и теперь моя статейка еще не дописана: не достает в ней конца, который придется, может быть, дописать в Москве, куда я собираюсь на некоторое время.

Но возвращаюсь к письму Вашему. Снова[a)] повторяю свое предложение приехать к нам, прямо к нам, как домой: все мы, я с женой и детьми, с радостью встретим Вас, и тем радостнее будет нам пожить с Вами, чем Вы будете с нами проще, добрее. Приехавши сюда, Вы можете осмотреться, что сделать: найдутся и советники и помощь. Сам я[b)] теперь не могу сказать Вам многое, а сделать что-нибудь положительного не могу ничего. Сделать не могу, потому что министр народного просвещения в отсутствии, да и вообще все или уже пользуются летним отдыхом, или собираются на свежий водзух, подальше от города. Мы тоже не в городе, а на даче, в 18 верстах (километрах) от города, в получасе езды по железной дороге. Сказать могу только то, что, как мне кажется, нет никакой возможности, чтобы Вы, если не разом, то несколько пождавши, не получили у нас места — по крайней мере места преподавателя одного из древних языков в гимназии. Не такого положения я желал бы Вам среди нас, — и Вы можете надеяться на лучшее — вместе со мною. Это лучшее мне представляется в двух видах: или место преподавателя в университете, или место в Академии нашей. Осенью, когда начнутся опять наши обычные заседания, я стану хлопотать. Для университетского места необходима степень, по крайней мере (на первый раз) степень[c)] магистра. По нашему уставу иностранный доктор допускается к испытанию на эту степень, и затем через год может искать степени доктора, которая одна дает право на занятие места экстраордин(арного)[d)] или ординарного профессора. Можно по-

лучить степень доктора и за ученые заслуги — без всяких внешних условий. И вот этого хотелось бы мне домочься для Вас, поэтому я прошу Вас прислать мне список Ваших трудов: хоть я и знаю большую часть их, но не все, и нескольких вовсе не видел, а при представлении надобно сделать перечень всех[3]. Ничему этому помешать не может приезд Ваш, а скорее поможет — так как Вы лично познакомитесь с ученым кругом нашим. Опять повторяю: приезжайте к нам, в нашу семью, как домой. Вы не найдете у нас всего желанного довольства, но найдете радушие — не из каких-нибудь политических видов, от которых я и все мы очень далеки[e)], а просто потому, что мы в семье друг с другом счастливы и привыкли уважать заслуги и доброе сердце — всех достойных. Все это написано было мною слишком за неделю, когда я еще собирался в Москву. Я и не ездил, а вместо меня ездил в Москву мой старший сын Владимир: слабость здоровья родила во мне лень, нежелание заниматься, а в Москве я должен был бы работать, и потому я поручил поработать вместо меня сначала было двум сыновьям, старшему и второму, Вячеславу, а так как и Вячеслав после занятий во время испытаний тоже еще не оправился, то дело взял на себя один Володя. Теперь он уже воротился, все сделавши как следует — так, что я могу отправить Вам свою статью, дополнивши ее из материала, привезенного сыном.

Дайте ей место во »Записках« вашей Академии, если она того достойна, и потрудитесь сообщить, насколько со мною описанною[f)] Кормчею сходна Михановичева Кормчая 1262 г.

Вам преданный И. Срезневский

15 июля 1870 г.

SMŽ [a] Сперва. [b] — я. [c] — по крайней мере (на первый раз) степень. [d] экстраорд. [e] далеко. [f] [g] описанной.

7

1870, 21. jula. V. Bogišić iz Petrograda

U Petrogradu 21. julja 1870.

Mnogoštovani[a)] prijatelju!

Držim za dužnost na neke u posljednjem pismu Vašem saobćene mi Vaše namjere učiniti Vam neke opaske. Vi mi pišete da ćete možebit u Njemačku, gdje ćete nastojati steći doktorat[1]. Nek Vam dakle saobćim, da: ako Vam je namjera ovamo preći[b)], to Vam ni *njemački* ni austrijski *doktorat* ne valja ni *boba*, jer ga zakon ne priznaje, i ovđe svaki inostrani doktor ne smatra se više od ruskoga *kandidata*, pa ovđe mu treba položiti najprije *magisterski* pa zatim *doktorski* eksamen, bez kojega ne možete[c)] biti nego docenat. Ali ako mislite da će moguće biti da naslijedite Miklošića, tad Vam u Austriji mogu, što kažu, *nostrificirati* njemački doktorat, pak bi za Austriju valjao, ali ovamo, kažem Vam, ne valja ništa. Ja, kako znate, bijah dupli doktor[2], ali nikako ne htijah preći prije neg[d)] me imenovaše i ruskim doktorom[3], jer ja od prije znadijah ustav ovđešnjih universitetâ.

Ja ću do koji dan otići k Sreznjevskomu, koji je na selu blizu Petergofa, pa ćemo govoriti o Vašemu poslu, o čemu će Vam ili on ili ja pisati. Prošaste nedjelje, t.j. dok još ne bijah primio Vašega pisma, bijah u njega, i kaza mi da ima nekoliko danâ da je pô pisma pisao za Vas i da nikako ne može da ga svrši[e]. Počeo je postajati ljenčina[4].

Onomadne bijah slučajno u Hilferdinga gdje je bila sjednica Slavenskoga[f] komiteta[5] i pročitalo se pismo Rajevskoga u komu traži pomoć za tamošnje otpuštene profesore. Ni Hilferding, koji je sad veliki gospodin, nije ni Vas poznao ni Mrazovića (koji mu je također[g] pisao)[6] nego sam ja morao biti *Berichterstatter*[7]. Odma je bilo odlučeno; da se odma pošalje 200 rubalja, a druge 200 da se traže od moskovskoga Komitета, pa da se pošalju tamo preko Rajevskoga.

Prije nego u Njemačku ili u Rusiju otidete evo me da Vam dadem jedan nalog. Imajte dobrotu uzeti kakva đaka koji znade i glagolicu i ćirilicu pa mi dajte prepisati 1) Zakon Vinodolski sa glagolskoga originala koji je, držim, u Zagrebu; i 2) Zakon Krčki sa najpotpunijega originala koji je, kako mi g. Rački pisa, također u Zagrebu. To mi treba za svojih slušatelja, a Vi znate da se ovđe isključivo upotrebljuje ćirilica. Neka dakle *točno* po glagolskom originalu bude učinjen ćirilski prijepis, a Vi se potrudite pregledati. Ne žalite činit platiti i đakov i Vaš trud, jer to nije za mene, t. j. ja neću platiti nego universitet.

Za danas dosta. Pozdrav, osim Vama, i prijateljima Račkomu i Daničiću.

S poštovanjem

Vaš

V. Bogišić

Primiste li novce iz Dubrovnika? Ako do jedno 10 dana ne primim od Vas vijesti da ste ih primili, pisat ću opet, jer mi se često gube pisma koja šaljem u Dalmaciju; ne znam rad šta.

Bijah molio Račkoga da mi pošalje govor Biškupov na Saboru u Rimu[8], ne znam zašto mi ga ne posla.

SMŽ [a]mnogopoštovani, - [b]poći. - [c]može. - [d]nego. - [e]savrši. - [f]slavjanskoga. - [g]takogjer.

8

1870, 5. augusta. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

Душевноуважаемый приятель!

Вчера я получил письмо от Даничича, а сегодня и Ваше. Благодарю всем сердцем. За мое предосудительно и отвратительно долгое молчание Вы платите скорым ответом: этого рода месть не могла не попасть куда следовало. Я только более чувствую свой гадкий поступок, хотя впрочем все время молчания не переставал о Вас думать — как только может думать любящий брат. В сентябре, вероятно[a], начну делать.

Отвечая на Ваши вопросы начну с того, который касается Вашего намерения писать о глагольном образовании в слав(янских) язык(ах).

Насколько понимаю Вашу задачу по ее заголовке (Verbalbildung)[1], в русской литературе едва ли есть что важное. Занимались и занимаются выразительностью глаголов, определениями отношений между видами глаголов, значением предлогов при образовании видов, и т. п.; и нельзя сказать, чтобы неудачно, но все скорее филологически, чем лингвистически; а Ваша задача — чисто лингвистическая — не правда ли? На всякий случай укажу, по крайней мере, что-нибудь: — Павского о составе русского языка*, 2-е издание (знатока основательного многих языков, но не лингвиста) Некрасова об образовании глагола в русском языке (человека нового времени, много думавшего, много соображавшего, многими словами высказавшего немало, но все-таки не только не лингвиста, но и не филолога, разумеется в тесном смысле слова)[2].

Статью Вашу о корне д'а потрудитесь прислать.[3] Если что можно, то я сделаю, — и прежде чем что-нибудь сделано будет окончательно, уведомлю Вас. При этом позволю себе несколько слов в сторону. Лингвистические исследования у нас пока еще были так мало удачны, что и изучающих язык лингвистически очень мало — или же между делом. Более приобрели уважения и внимания и более доказали надобность свою — исследования источников, рукописей. Описания их выходят постоянно — и содействуют разъяснению и древностей общеславянских, и древностей и старины русского народа. Недавно напр. вышло Обозрение хронографов А. Н. Попова[4] — великолепная разработка и вопроса и вместе с снимками[b] 100 рукописей. Он пришел к выводу, что один из древнейших видов хронографа, распространившихся на Руси — происхождения южнославянского — он готов был сказать — сербского[c], — и не нашел ни одного списка не русского. А у вас может быть есть. Так в этом, как и во многом другом. Описания[d] древних рукописей сербских, болгарских и др. нам были бы очень кстати. Мне думается, что Вы бы не дурное дело сделали, если бы занялись описанием ваших древних рукописей: за этот труд Вы бы получили от Академии вознаграждение.

Мне кажется, что Вы и не прочь от этого. Сужу так по готовности Вашей сделать описание Михановичевой Кормчей.[5] Сделайте милость, поспешите этим, сколько можете, — и копию пришлите мне для представления Академии. Из статейки, мною посланной[6], Вы увидите, что Сербская кормчая 1305 года очень сходна с нашей Рязанскою кормчей 1284 г. и с печатною. Если ваша Михановичева, будучи древнее (1262 г.) сходна с к. 1305 г., то значит она — древнейшая в этом роде из доселе открытых; а если же еще правда, что эта кормчая — труд Саввы сербского, то это и тем важнее. О сходстве кормчих можно до некоторой степени судить и по названиям статей, и по их расположению. До сообщения копии статьи Вашей потрудитесь кратко меня уведомить, что Вы нашли. В статье Вашей не поскупитесь на выписки, перепишите, между прочим, и запись о времени и месте написания.

Как бы я был рад, если бы нам удалось перетащить[e] Вас к нам, и для себя лично, в надежде с Вами сблизиться дружески, чтобы Вы

поселились именно здесь на Неве, где-нибудь близко к 14 линии Васильевского острова, где мы обитаем в дом(е) Кобозева за большим проспектом, и куда Вас ждем, если Вы решитесь приехать.

Целую Вас и всю Вашу семью от себя и от своей семьи.[f)]

И. Срезневский

5-го августа 1870

SMŽ. [a] впрочем. [b] летописях. [c] сербских. [d] отношения. [e] перетянуть. [f] жены.

9

1870, 8. oktobra. V. Bogišić iz Odese

Mnogopoštovani prijatelju!

Ja se nadah u Vašem pismu, koje mi prekjučer[a)] dođe, čitati spisak vaših dosadašnjih djela — a Vi mi naprotiv o svemu pisaste samo ne ob najvažnijemu[b)]. Najvažnije radi toga što ja počeh agitirati u Universitetu da bi Vas izbrali na katedru sravniteljne indoevropske[c)] filologije koja je u nas *sama* prazna od svijeh koje bi Vam primjerene bile. Ali bez djelâ ili spiska njihova ne može se učinit nikakav[d)] formalni predlog ni fakultetu ni universitetskom sovjetu. Dakle izvolite mi to *odmah* poslati. Ja u ostalom ne mogu jamčiti da ću uspjeti, jer ima elemenata u filosofskom fakultetu sasvim protivnih komparativnoj filologiji, a što je gore, protivnik joj je sam dekan, profesor latinskoga jezika, poljak[1]. Vi vidite da borba neće biti laka, a možda neće biti ni uspjeha, ali tentare licet. Dakle pošaljite spisak *odmah* a označite osobito te Vaše radnje koje bi se mogle nazvati *komparativne*. Pišite među ostalim o uspjesima Vašim u sanskritu ili o namjerah vaših što se tiče Vašega učenja toga jezika. Ali ako i ne budete mnogo uspjeli u njemu, dosta da kažete da ste započeli, a kad bi bili profesorom, lako bi Vam bilo s cijelom platom otići na godinu i više u Njemačku radi usavršenja[2]. To je ovđešnja obična praktika.

Za svaki slučaj, predviđajući[e)] moguć i neuspjeh, ja u korespondenciji svojoj s[f)] Sreznjevskim jednako priglavljujem: da je ovđe malo izgleda na uspjeh, pa da zato i on u Peterburgu nastoji bolje nego je dosada nastojao. U Odesi ja nemam nego Universitet a Sreznjevski ima u Petrogradu Univerzitet i Akademiju pa mu je lakše; osim toga on je dekan svoga fakulteta t. j. filologičkoga, a ja sam samo član juridičkoga koji s filolozima nema nikakvih poslova zajedničkih osim Sovjeta universitetskoga. Sa svim tim bit će što bog da, ja ne gubim nadeždu. Samo šaljite spisak.

Primite iskreno moje sažaljenje radi smrti Vašega oca i izvolite pokloniti se od moje strane Vašoj gospođi.

I da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

U Odesi 8. oktobra 1870.

Čekam i prijepis statutâ.

SMŽ [a]prekjuče. - [b]najvažnijem. [c]indoevropejske. - [d]nikakov. - [e]predvigjajuć. - [f]sa

10

1870, [21. oktobra]. V. Bogišić iz Odese

2. novembra 1870.

Mnogopoštovani prijatelju!

Cigle dvije riječi.

Isti dan kad Vam pisah, pisah i Sreznjevskomu poluukoriteljnim tonom javljajući mu o zaprijekah[a)] ovdešnjih. To je hvala Bogu donijelo svoj plod. Ovoga časa primih pismo iz Petrograda od jednoga člana onamošnjega filosofskoga fakulteta i mogu Vam na temelju toga pisma *radostnu vijest saobćiti da je fakultet primio predlog Sreznjevskoga i već odredio obratiti se Universitetskoj konsistoriji* (Sovjetu) da *Vas i Daničića imenuje doktorami*[b)]. Razumije se da neće nikakve zaprijeke biti sa strane sovjeta, i Vi ćete do koji dan s prijateljem Đurom biti proglašeni doktorami. Možete pomisliti kako se ja tomu radujem. Čestitajte i Đuru od moje strane. Meni je samo žao da to radi nesrdačnosti jednoga gospodina[1] nije moglo biti ovđe. Sad je već lako, jer je doktorat glavno. Sad ćemo se i mi i peterburžski universitet na[c)] Vami grabiti. Ja se sve bojim da će peterburžski nadjačati — ja bih ipak od sve duše želio i za Vas i za nauku a i za mene kad bi ste ovamo došli. U ostalom ja ne gubim još nadeždu[d)].

I opet čestitatam (sic.!) i molim da kažete moj naklon Vašoj gospođi i da i njoj čestitate od moje strane.

Vaš

V. Bogišić

SMŽ [a]neprilikah. — [b]doktorima. - [c]za. — [d]nadežde.

11

1870, 22. oktobra. V. Bogišić iz Odese

Mnogopoštovani prijatelju!

Tek što uvalih jučer pismo u poštarsku skrinjicu[a)] kojim Vam javljah radostnu vijest o predloženju filološkim fakultetom universitetskom Sovjetu Vas i Đura na čast Doktora — kad taj isti čas primih Vaše pismo s[b)] zakonom Vinodolskim i s Vašom fotografijom. Na objema[c)] Vam velika hvala: što se tiče fotografije pošto nađem svoje, koje se negdje zametnuše, poslati ću Vam[d)] svoju. A za što mi ne poslaste račun[e)] o nagradi prepisača? Čekam nestrpljivo i prijepis Krčkoga statuta.[1] A kad bih znao da neću preći granice pristojnosti molio bih Vas da mi dadete prepisati i Kastavski statut od 1400. god. (Castua u Istri) i statut *Veprinački* (Veprinac u Istri) od 1507. god. Oba su rukopisa[f)] u biblioteci naše[g)] Akademije i oba bih želio, kao i Vinodolski i Krčki, da budu prepisani ćirilicom. Što se tiče Veprinačkog Vi znate da se uza nj nalaze i »*osude* obćine veprinačke«; te ostavite, jer ih za sad ne trebam, a dajte prepisati samo *statut*.

Prijepis Vinodolskoga statuta s koga je rukopisa prepisan? Molim Vas da označite svaki prijepis, kad budu gotovi, s koga su rukopisa prepisani.

Za danas dosta i da ste mi zdravo i veselo!

Vaš prijatelj

V. Bogišić

22. okt(obra) 1870. (po starom).

SMŽ [a]škrinjicu. - [b]sa. — [c]obojemu. - [d]Vam. - [e]računa. — [f]statuta. - [g]Vaše.

12

1870, 30. novembra. V. Bogišić, iz Odese

U Odessi 30. novembra 1870.

Mnogopoštovani gospodine!

Pošto, kako mislim, već primiste pozitivne vijesti o doktoratu iz Petrograda[1] i opet Vam gratulor! Izručite, molim Vas, moje čestitanje i Đuru. A sad kad je svršena najglavnija, premda samo formalna strana, valja promisliti i o definitivnom Vašem materijalnom položaju. To mi se čini tim potrebnije što po jednomu pismu, koje primih jučer od Sreznjevskoga čini mi se da za sada on[a)] u Petrogradu ne može naći mjesta za Vas. To je meni, dakako, s druge strane i drago jer je tada veće moguće da dođete k nami. Ja dakle, premda, kako Vam pisah, Grigorovič[2] i još jedan, ne gleda dobrim okom na sravnjujuće jezikoslovlje, pa i radi drugih uzroka, ne nadah se veliku uspjehu — otidoh ipak da im opet govorim o Vami, pošto rektora zamolih da ih raspoloži — i zbilja ovaj put bijah sretniji čim prvi. Kazaše mi da premda imaju *in petto* i drugoga, da Vam pišem da pošaljete прошение, a da će drugoga nastojati udaljiti. Ali nastaje pitanje kako glasi Vaš diplom: jeste li Vi doktor *filologije uobće* ili samo filologije slavenske? Ako je prvo, tad neće bit nikakve poteškoće, ja se barem tako nadam, ali ako ste samo doktor slavenske filologije, tad će biti muke radi jednoga § universitetskoga ustava, kojim se naređuje da profesorom može biti samo onaj koji ima doktorat iz *dotične specijalnosti*. To u ostalom zavisi od interpretacije. Vi svakako nećete ništa izgubiti ako odmah pošaljete prošnju i uza nju priložite 1) *list krštenja*, 2) ovjerovljenu kopiju *diploma doktorskoga*, 3) svjedodžbe o *službi u Austriji*, 4) *sve svoje spise*, ili barem te koji se u Vas nalaze. Hoće li Vam odmah dati ordinarnu profesuru[b)] ili samo ekstraordinarnu[c)], o tom[d)] Vam ne mogu jamčiti — ali bez sumnje taj extraordinarium ne bi mogao trajati nego malo, jer Vi kako[e)] doktor imate pravo tražiti čin ordinarnoga, kad jednom budete pri universitetu. Vi, ja mislim, znate kakve su plate universitetskih prepoda[va]telja u Rusiji: docent ima 1200 руб(алъа), extraordinarni 2000, a ordinarni profesor 3000. Ja ću međutim odmah pisat Sreznjevskomu da bi pisao u Harkovski universitet kakvu[f)] poznancu svom filologu da bi Vas onamo pozvali: tim bi ja ovđe mogao pobuditi natjecanje, da Vam se dade odmah što je moguće viši[g)] stepen[3].

Kad sam Vam ponešto objasnio kako stvari stoje i što treba raditi, neka Vam u kratko kažem štogod i u pogledu ekonomnomu[h)], koliko ovđe novci valjaju, da me ne biste u svoje vrijeme prekorili, kad biste našli da je življenje veoma skupo, za što Vas nijesam o tomu[i)] obavijestio. Obično se uzimlje da gdje se za življenje u Beču troši 1000 fl., u ruskim gradovima treba 1000 rubalja — ali to mjerilo valja za Odesu još sniziti, jer je ovđe življenje *još draže* nego u samomu Petrogradu. Ja Vam za mjerilo ne mogu služiti, jer Vi znate da sam ja bez familije i da ja blagodareći trudu mojega djeda i oca imam dohodak i iz doma — ali ja znam ovđešnjih esktraordinarnih profesora s familijom koji sa 2000 rub. jedva izlaze. Ordinarnim je dakako bolje, jer imaju 3000, ali ne mislite da ni oni, osobito ako imaju familiju, mogu baš *aristokratski*

življeti. Ovo Vam kazah preko volje, jer se bojim da Vas ne poplaši Odesa — ali mislih da mi je dužnost i na to obratiti Vašu pozornost, da Vi ne bi mislili da su ovđe *dvije*[j)] a[j)] baš i *tri* tisuće bogzna kako velika summa. Što se penzije tiče, znajte da poslije 25 godina službe po zakonu nema nego 1200 r., ali zato možete ih i za granicom, na pr. u Zagrebu, uživati gdje oni valjaju oko 1700 fr.; a osim toga možete bit[k)] izbrani još na petiljetje, pa i opet na petiljetje; tad uz platu imate i pensiju (3000 + 1200 = 4200), a tada i poslije, kad izađete iz službe, pensija se za 100 i 200 r. povišuje.

A sad promislite, razsudite i pošljite prošnju da pokušamo sreću — ali što je moguće prije, da ne bi međutim stvar sazrela s onim drugim — jer tad pri najboljoj volji ne bi mogli ništa uraditi.

Misleći[l)] da Vi ne znate oficijalnu formu ruskih aktâ, evo ovđe kako biste od prilike mogli pisati prošnju:

Его Превосходительству Г. Ректору Новороссийского Университета
Феодору Ивановичу Леонтовичу
Доктора Вячеслава Ягича
Прошение

С. Петербургский университет удостоил меня степени доктора филологии (?) и тем дал мне возможность осуществить мое искреннее желание: быть преподавателем филологии в одном из русских университетов. Всего больше я желал бы служить в Новороссийском университете, и потому обращаюсь к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшею просьбою: ходатайствовать пред филологическим факультетом Новороссийского университета, не найдет ли он возможность дать мне место преподавателя сравнительной филологии.

О результатах моего ходатайства прошу покорнейше почтить меня уведомлением.

В Загребе 1870
В. Ягич

При сем прилагаю 1) Диплом Доктора
2) Метрическое свидетельство
3) Свидетельства о моей дотеперешней службе
4) Мои сочинения.[4]

A sad o statutima.

Vi mi pošaljite kopiju Krčkoga statuta pa ako ga i ne možete isporediti s Crnčićevim. Veprinačkoga i Kastavskoga ostavite. G. Račkomu velika hvala — ali ne toliko što ne htjede dati rukopise, koliko na mnijenju koje o meni ima kao o kakvu[m)] literarnom hajduku. Ne znam što mu je prava dalo i pomisliti o meni takih stvari. U ostalom kad vremena bude, ja ću mu se i sam zahvaliti.

Meni statuti služe da ih dadem litografirati u okolo 150 eksemplara za svojih studenata, koji pri praktičkim lekcijama treba da svaki ima pred sobom po eksemplar. Bilo to litografano ili štampano oni *niti se daju studentima* niti se *prodaju* nego stoje u universitetskoj *zbirci učebnih sredstva* a od tamo se uzimlju samo kad treba. Ja sam prinuđen to učiniti, jer ne mogu čekati još

nekoliko godina i ne čitati međutim praktičke lekcije, dok akademijino izdanje izađe. Vi vidite da 150 eksemplara in usum domesticum nema ni najmanje karakter izdanja, i radi toga ne držim da je nuždno pitati dopuštenja ni u prijašnjih editorâ ni u vlastnika rukopisa. Što se tiče mojih obvezâ k akademiji, ja sam čovjek *koji zna* držat svoju riječ, pa ću ih i ispuniti — ali ultra posse nemo tenetur; a s druge strane ja se ne dam upotrebljavati na rabote Handlangerâ.[5]

Moj naklon Vašoj gospodi a Vami prijateljski pozdrav

od Vašega

V. Bogišića

SMŽ [a]o. - [b]ordinarna profesora. - [c]extraordinarna. - [d]tome. - [e]kao. - [f]kakovu. - [g]veći. - [h]ekonomnom. - [i] tome. - [j] - *dvije a.* - [k]biti. - [l]Misleć. - [m]nekakovu.

13

1870, 19. decembra. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

19 дек(абря) 1870, СПб.

Любезнейший приятель!

Ваше последнее письмо с обликом Вашим и приписка к выписке из Кормчей 1262 г.[1] были для меня дорогими подарками, как выражения[a)] Вашего благорасположения ко мне. Очень, очень благодарю за облик[2]: это подарок не для одного меня, а для целой моей семьи и для всех наших знакомых. Имя Ваше повторялось[b)] у нас часто. Вечер, когда я воротился из заседания совета, с вестью о Вашем избрании[3], был для нас праздничный, радостный для жены и дочерей не менее, чем для меня и сыновей. Понятно, что когда получено было письмо Ваше с обликом, то оно заставило стесниться весь мой народ вокруг меня; даже и мой маленький Всеволод (по 4-му году) хотел видеть Ягича, говоря, что это ему надобно. Чего доброго! может быть ему и будет надобно знать Ягича более чем кому другому из моего народа: теперь он нас смешит своими филологическими выходками (добиваясь происхождения и производства слов), а после, бог даст, выскажет[c)] что-нибудь и дельное. Как бы то ни было, никто из нас не представлял себе Вас таким молодцом, кроме одной из дочерей. В тот же вечер было у меня заседание филологического общества, и я мог с Вами познакомить присутствовавших членов. Присылка собственноручной выписки из кормчей с припиской о готовности Вашей сделать еще выписки, меня поразила. Искренно благодарю за сделанное и за обещание сделать еще; но поставьте себя на мое место и Вы поймете, как мне тяжело этим пользоваться. Я лучше соглашусь не иметь ничего, чем заставить Вас тратить для меня время. То ли бы дело, если бы Вы приискали совестливого переписчика за плату! Если бы Вы могли найти такого, то я бы попросил Вас заказать ему перепись Закона градского с л(иста) 265 до конца этой статьи. Это прохирон. Я его переписал по другим спискам XIII века и приготовляю к изданию, как любопытный материал для древнего юридического языка нашего. Древнее этого памятника есть только перевод 37 глав Иоанн(а) Схоластика и нескольких новелл Юстиниана, сохранившийся в списке XI—XII века, и в более поздних переписях. Затем понадобятся кое-какие небольшие выписки, о чем я Вас попрошу позже. Теперь пока я занят сличительным описанием рукописей кормчих и должен спешить, чтобы возвратить рукописи. Если бы здоровье, то я бы давно был готов; а то не могу долго работать: головокружения то являются нечаянно, то заставляют себя ожидать многие часы; то и другое мешает работать — особенно сличать рукописи, постоянно мотая головою со стороны на другую. Главные рукописи описаны; многое сличено, много выписано для словаря с греческим подлинником; но многое и не доделано. Постараюсь воспользоваться наступающими праздниками. Сыновья мои между тем снимают с рукописей снимки. Кстати: нельзя ли Вам заказать сделать фотографические снимки с двух-трех страниц Кормчей 1262 г., между прочим и записи: я тотчас пришлю деньги, чего это будет стоить.

Посылаю Вам себя для Вас и для д. Рачского, прося Вас об облике Рачского.[4]

Поцелуйте от всех нас вместе Вашу жену и деток.

Ваш любящий И. Срезневский

И еще просьба. Вы знаете наш русский обычай относиться к всякому знакомому называя его по имени и отчеству: так я называл Шафарика Павел Павлович, Ганку Вячеслав Вячеславич, Ербена Яромир Иванович, называю Патеру Адольф Осипович, Богишича Вальтазар Павлович[5] и т. д. Напишите, как звали Вашего отца, отца Даничича, Рачского. Если хотите знать мое отчество, то оно Иванович, а сыновья мои Измаиловичи. Пусть извинит меня Ю. Даничич, что я теперь ему не успел написать. Его облик я получил только вчера от кап. Куценрейтера из Нов(ого) Места.[6]

SMŽ. [a]выражение. [b]повторяется. [c]выкажет.

14

1870, 22. decembra. V. Bogišić iz Odese

U Odesi 22. decembra 1870, po starom

Poštovani prijatelju!

Vi zagrebačka gospoda taki ste sangvinici, da ja ne znam jesu li i Sicilijanci taki, koji žive malo da ne u tropičnoj temperaturi. Rački čuo da ja tražim prijepis nekih rukopisa pa odmah misli da ću ja brže bolje štampati *ćirilicom* ovamo zakone, prije nego se štampaju tamo.[1] Vi čitate u Zukunftu *sprdnju* o pozivanju Majara[2] i odmah Vi mislite da, kako se Rusi obično bave prirodoslovljem, da medu njima nije ostalo čovjeka koji bi znao prosuditi zasluge[a)] ili bolje nezasluge ljudi kakvi su Babukić, Majar i t. d. Ta vam je malo debela!

A sad čujte što bi s Majarom. Pred tri ili četiri nedjelje nahođah se kod kuratora ili *popečitelja okruga* i ovaj mi pokaza *molbenicu* Majara, pisanu napola ruski a napola jezikom njime odkritim pa po tomu i nerazumljivim po-

pečitelju, te me zamoli da mu ja[b] prevedem. Ja dakako velikom mukom razabrah što traži i prevedoh sadržaj popečitelju. On dakle u toj prošnji *najpokornije moli* da mu se dade mjesto *učitelja latinskoga* jezika u kakvoj *gimnaziji* ili *progimnaziji* Odeskoga učebnoga okruga, dakle ni u Odessi nego možebit gdje u Simferopolju ili u Kerči ili Kišinjevu[c] ili u kakvu drugom provincijalnomu gnijezdu. Eto Vam dakle u čemu sastoji pozivanje Majara na Universitet (!!). Kad ne bi rektor imao ozbiljnijih posala nego se *obzirati*[d] što novine kazuju o djelovanju Universiteta, i to zagranične novine za koje ovđe malo mare, ja bih činio da dementira u Odeskom Vjestniku samohvalu Majarevu, pa bih Vam poslao eksemplar da ga upotrijebite kako bolje znate.[3]

Što se Vas tiče, Vi činite kako Vas je volja, ja Vam samo imam kazati da Vaš takmac nije Majar a *dva* mlada Rusa jedan iz Moskve a drugi iz Peterburga. Stoga sam ja želio pospješiti prije nego se s njima načnu bliža snošenja. Ja zato pisah Sreznjevskomu da meni pošalje Vaš diplom da opet atakiram Grigoroviča i poprobujem sreću. Vi ne znate kako je teško s tim čovjekom imati posla — on nije, ja mislim, nigda bio čovjek energičnoga djela, a sada je sasvijem izdjetinio.

Primih Krčki statut i velika Vam hvala. Vi odredite platu prepisaču i pišite koliko ste omjerili da Vam mogu poslati. Pri tom gledajte da mu dadete prije 2 f. više nego forintu manje: Vi znate da su prepisači bijedni ljudi. Što dadete odmah ću Vam poslati.

Čestita Vam Nova godina sa svom Vašom poštovanom familijom i da ste mi zdravo i[e] veselo!

S osobitim poštovanjem

Vaš

V. Bogišić

Pozdrav gg. Račkomu i Daničiću, a naklon Vašoj gospođi supruzi.

SMŽ [a]zaslužbu. - [b]je. - [c]Kišenjevu. - [d]obazirati. - [e]ø.

15

[1871], 2. januara. V. Bogišić iz Odese

Одесса 2 января 1870 по старому

Mnogopoštovani prijatelju!

Da se uvjerite da je Majarevo hvastavstvo bez ikakvoga temelja istine, evo Vam dementi uvršćeni u Odeskom Vjestniku po narudžbi Universitetskoga pravljenja: »В венской газете »Zukunft« было заявлено, что Новороссийский университет предлагал кафедру в филологическом факультете г. Матвею Маяру. Мы из достоверных источников знаем, что это заявление *совершенно неверно*. Поводом к такому заявлению, быть может, послужили действительно разнесшиеся слухи, что г. Маяр *просил* место *учителя* латинского языка в одной из гимназий Одесского учебного округа«. (№ 285 od 31. decembra).

Ja Vam šaljem eksemplar dotičnoga numera Odeskoga Vjestnika sous bande, a prepisah ovđe u pismu dementi za slučaj kad bi se »Vjestnik« na pošti izgubio. Pravljenje Universiteta poslalo je i Zukunftu eksemplar Vjestnika

sa dementom ali ja mislim da ga Zukunft neće preštampati. Ako dakle mislite da će hvastavstvo i bezobrazluk biti tim kažnjen, pošaljite Vi u kakve zagrebačke novine ili u »Zatočnik« dementi da se preštampa.

Ne primih još ni od Sreznjevskoga ništa ni od Vas švabske disertacije. Pišite koliko ste dali prepisaču da Vam mogu trošak namiriti.

Pozdrav prijateljima a naklon Vašoj gospođi. Da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

16

1871, [1. februara]. V. Bogišić iz Odese

U Odessi 13. februara 1871.

Mnogopoštovani prijatelju!

Primih jučer Vaš paket[1] — ali zašto ne poslaste svjedodžbu krštenja; bez toga ne možemo ništa započeti. Ja Vam ipak među adligate zapisah i »метрическое свидетельство« ili Vi to razumijete Maturitäts = Zeugniss?[2] Ja već jučer pisah Sreznjevskomu za diplom. Mislim da će možda trebat platiti kakvu malu taksu universitetskoj kvesturi, i da je to zadocnilo posilku.

Ja na Vašu stranu zadobih rektora Leontovića[3], ali ćemo sa svijem tijem imat muke s fakultetom. Tentare licet. Na svaki slučaj i ja i Leontović radićemo tako da Vi ne biste imali ni najmanje štete ni u materijalnom ni u moralnom pogledu.

Očekujem od Vas »метрическое свидетельство«.

Moj naklon Vašoj gospođi supruzi a Vama prijateljski pozdrav

od Vašega

V. Bogišića

17

1871, [14. februara]. V. Bogišić iz Odese

U Odessi 26. februara 1871.

Mnogopoštovani prijatelju!

S ova[a] dva slova javljam Vam da je prekjučer došao diplom iz Petrograda i jučer odmah stvar je predata fakultetu. U fakultetu i ne sumnjam bit će opozicije, ali ja već dobih sve bolje članove Sovjeta za Vas, a što je najvažnije, rektora[1], pak se nadam da će ta opozicija biti skršena u Sovjetu.

Kako što onomadne bijah pesimist isto sam tako sad optimistom postao i držim da će posao u budućem Sovjetu (okolo 6. marta) proći.

Ali ako stvar prođe Vi se ne smijete odreći a uzeti kakvo mjesto koje će Vam, uslijed toga, po svoj prilici tamo nuditi (kao što su i meni nudili), jer bi to i na mene i na Vas bacilo ne dobru sjenu. Ako ste Vi uslijed novoga

doktorata iz Lipska[a] počeli spekulirati na kakvo tamošnje mjesto, tad me odmah nastojte obznaniti *telegrafskim putem.*

Da posao ne bude dolazio u Sovjet.

Za danas dosta. Da ste zdravo!

u[b] hitnji[b]

Vaš

V. Bogišić

Pozdravite Đura[3] i Račkoga. Pitajte posljednjega je li primio moje onomašnje pismo.

SMŽ [a]ovo. - [b]ø.

18

1871, [18. februara]. V. Bogišić iz Odese

Odessa 2. marta 1871.

Poštovani prijatelju!

Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda tellus . . . . . ; i zaista take pobjede nije bilo odavno o kakoj Vam danas s radostju izvještam.

Vi znate kako sam se ja bojao da ne propanete u fakultetu radi neraspoloženja Grigorovića i upliva njemačke partaje. Meni i Leontoviću, koji me je u tomu sa svom silom potpomagao, trebalo je izmislit drugi *plan de bataille.* Nešto ja, nešto on, pođe nam za rukom dobiti na svoju stranu *većinu Sovjeta,* od koga à la fin des fins sve zavisi, te predložismo fakultetu Vaš posao ne mareći za to ako ga on i odvrže, kad smo bili sigurni da ćemo prodrijeti u Sovjetu. Međutim postarali smo se dat razumjet Grigoroviću da je brzo na izmaku i njegova profesura i da će morati podvrći se ballotaciji[1] (po zakonu poslije 25 godina službe podvrgavaju se profesori novoj ballotaciji na 5 godina) pa da bi se i za njega moglo naći nekoliko crnijeh balota.

Pri takim precedencijam Vi si možete pomisliti, kad jutros obaznah »Jagić je izbran jednoglasno u fakultetu« kakvo je bilo moje veselje! Da Vam pri takoj vijesti pridodam običnu formulu: »ja Vam se radujem!« ne treba, to si možete i sami predstaviti, tim više što se ja tim ne radujem samo *Vami* a i *sebi* i *našoj* nauki. Vami će možda biti milije čuti na koji se način mogla zbiti prekonoć tanta mutatio rerum u fakultetu. To Vam se može su cigla dva slova objasniti: neslavenska partija filološkoga fakulteta obaznala je da je većina u Sovjetu za moj i Leontovićev predlog pa je viđela da joj je zaludu muka, jer Sovjet *odlučuje* a fakulteti samo *predstavljaju,* pa zato i naš fakultet: di necessità fece virtù, tim lakše, što je i referat Grigorovića o Vašim djelima (koja mu ja dadoh) bio veoma povoljan.

Premda izbor fakulteta nije nego *predloženje,* a kako kazah, Sovjet *izbira,* ali Vi, pogledom na sve što Vam kazah, možete biti sigurni da ćete u prvoj sjednici Sovjeta biti izbrani. Kad i to gotovo bude, ja ću Vam telegrafirati[a].

Vas dakle fakultet predlaže na službu *ekstraordinarnoga* profesora za katedru komparativne lingvistike (plata 2000 rubalja = 3200 fl.) s tim da Vam se dade komandirovka na cijelu *godinu* da se uvježbate u *sanskritskomu* i *ruskomu* jeziku, dakako s platom cijelom. Osim toga pošilje se svakomu

novomu profesoru 600 rubalja na putne troškove, tako će i Vama. A zašto Vas ne učiniše odmah ordinarnim? Zato što je ordinarnih profesorâ ostalo malo, pa Sovjet neće da ih razdaje odmah novijem prepodavateljima, ali Vi možete biti sigurni da ćete do *jednu godinu* odmah postati ordinarnim (s 3000 rub.) jer je i mjesto prazno i Vi imate svekolike zakonom iskane uvjete za to. Nek Vas dakle to ne uznemiruje nimalo. U ostalom, znajte da onomadne izbrasmo jednu evropsku znamenitost: fiziologa Sjećenova iz Peterburga[3] i njega za ekstraordinarnoga, što je on primio s velikom zahvalnostju, jer se nije nadao nego docenturi. A uvjeren sam da će u Sovjetu bit glasova koji će i Vama htjeti docenturu isprva dati, ali smo se mi već oružali argumentima (žena, djeca, skupoća i t. d.) da činimo proći predlog fakulteta. U svakom slučaju i mi ćemo pače predložiti i *ordinarnu,* ali se bojim hoćemo li uspjeti.

Čestitajte od moje strane taj dobar uspjeh Vašoj g. supruzi i ostante mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

Pitajte Račkoga je li primio moje onomašnje pismo i molite ga da mi odgovori. Pozdravite svijeh.

19

1871, 21. februara. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

21 февр(аля) 1871 г. СПб.

Вот уже прошел целый месяц с тех пор, как я получил Ваше письмо, а я[a] все только собирался писать к Вам. Даже и нужно было писать; но то одно, то другое мешало. Наконец третьего дня я решил, что сегодня вечером возьмусь за этот листок, — и вот в самом деле взялся.

Последняя причина, по которой я отложил письмо к Вам, была докторский диспут В. И. Ламанского, на котором я должен был явиться в качестве оппонента.[1] Еще за год перед этим факультет признал его достойным степени доктора, но Совет университета (Senatus Akad.)[b] не нашел удобным утвердить без публичного диспута — так как Ламанский — член университета. Между тем он печатал начало своего большого труда »Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе«.[2] Первая часть его вышла, и хоть мы знали, что Ламанский пишет и печатает другой труд для докторской степени, но стали просить его, чтобы он не затягивал дела, и уговорили изданную книгу представить вместо диссертации. Диспут назначен был на сегодня, и был. Он длился с I часу почти до 5-ти. Ламанский показал себя, разумеется, таким, каков[c] в самом деле, даровитым, очень много знающим, сдержанно страстным, благородным и искренним. И мне на сердце так легко, как будто я сам в чем-нибудь успел. Книгу свою он, конечно, Вам пришлет, и потому я ничего не скажу о ней, кроме того, что она обратила на себя внимание очень многих, нашла себе и врагов, между прочим между теми, которым

тяжело отвыкать от привычных заблуждений; нашла себе и почитателей — и во[d] всяком случае заставит думать (что и у нас очень и очень нужно).

Теперь поворочу оглобли моего письма к главному делу. Ваш диплом[a], по желанию Богишича, послан в Одессу, и застрял было на пути по причине снегов, а Даничичев диплом послан в Загреб и при нем корректурный лист Вашего диплома: если Вы его еще не имеете, то возьмите у Даничича. Вместе с тем Вы должны были получить предложение Академии наук о разборе сочинения г. Бессонова о Крижаниче на Уваровскую награду.[4] Надеюсь, что этим предложением Вы не затруднитесь и примите его, как знак уважения к Вам, —[e] и потому нелишним считаю сообщить Вам по-дружески мое мнение о том, как Вы должны исполнить это дело. Ограничиться простою оценкою труда г. Бессонова Вы не должны: лучше, если оценка будет только прибавлением к труду Вашему; лучше, если главная часть его будет занята изложением данных о Крижаниче по всем источникам, какими можете пользоваться, и особенно по тем, которыми[f] — мы на Руси пользоваться не можем, разумеется, со ссылками на них, и по тем, которыми[f] г. Бессонов пользоваться мог и не воспользовался. Это даст[g] Вашему труду независимое значение. В оценке труда г. Бессонова будьте осторожны, хоть и прямы, избегая и лишних упреков, и лишних похвал. Имейте в виду, что если Академия, на основании Вашего отзыва, присудит г. Бессонову награду, то статья Ваша будет напечатана, и возбудит к себе внимание благоприятелей и неблагоприятелей г. Бессонова, а то и другое одинаково для Вас излишне. И вовсе не лишне будет, если она возбудит внимание к Крижаничу и объяснит, что он такое. Желал бы я, чтобы она была не малого размера и чтобы при ней были приложены неизданные или давно изданные и малоизвестные источники, иными словами: чтобы Вы за нее не только получили от Академии золотую медаль, но и в высшем обществе наших читателей приобрели ту почетную известность, которой так достойны. Не принадлежа к числу славянофилов, я тем не менее (чтобы не сказать: тем более)[h] считаю необходимостью, чтобы у нас на Руси как можно более распространялось должное и основательное уважение к деятелям славянским и особенно к писателям; а оно не может распространятся без ознакомления с их трудами, без умножения уверенности в важность этих трудов, без имения их под руками.

Кланяйтесь от меня всем и каждому из Ваших достойных сотоварищей и поцелуйте от Срезневских все[i] Ягичево[j].

Ваш любящий И. Срезневский

22 февр(аля). Оканчиваю сегодня, потому что вчера помешали дописать. Мне снилось, что Вы с семейством у нас, что мы с Вами пришли в нашу столовую к утреннему чаю, и застали, что старшая моя дочь и Ваша женочка хлопочут за кофе, и дочь моя объясняет ей подробности о самоваре,[j] и мой маленький Всеволод ставит на стол разные игрушки перед Вашей дочечкой,[k] и она говорит мамаше своей, что его не понимает. У нее большие темные глаза, большие темные волоса и красные

щеки, а мамаша глядит улыбаясь и нежно и говорит: то je чудновато. Вы малы ростом и рука у Вас толстая[l] . . . . Есть ли тут что похожее на правду? . . .

SMŽ. [a] —я. [b] — (saenatus). [c] каким. [d] въ. [e] и. [f] — мы на Руси пользоваться не можем, разумеется, со сылками на них, и по тем, которыми. [g] дает. [h] больше. [i] всех Ягичей. [j] подробностно самовар. [k] дочеркой. [l] руки . . . толстыя.

20

1871, 26. februara. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

26 февр(аля) 1871

В тот же день, как отправлено было к Вам предыдущее письмо, получено было и от Вас новое, и так как в нем есть (выражаясь нашим канцелярским красноречием) »не терпящее отлагательства дело«, то я поспешаю ответом.

Прежде всего, впрочем, я должен поблагодарить Вас за сообщение выписки из кормчей 1262 г.[1] Я уже успел доложить об этом Академии нашей, доложив и о важности для меня этого списка Градского закона. Ваш список один из четырех древнейших, XIII века, и древнее всех других. Градской же закон важен для нас и сам по себе как памятник, в котором находим многие выражения древнего славянского права и суда, и сравнительно с подлинником, представляя προθεινός νόμος не совсем в этом виде, как известен он в греческой редакции, и по этому принадлежа к числу тех памятников древней слав(янской) письменности, которые важны и для византологов. Сердечно благодарю Вас, и вместе усердно прошу Вас сообщить мне, сколько именно я должен тому доброму молодому юристу, который взял на себя труд переписки. От этого зависит и продолжение Вашей обязательной готовности сообщить мне другие выписки из драгоценной Вашей кормчей.

В отношении к Вашей критике книги г. Бессонова мне немногое остается прибавить к тому, что я написал в прежнем письме. Ваши замечания о достоинстве книги сходятся с мнением многих; но, повторю — может быть и иными словами — что сказано было мною в прежнем письме. Вы лучше сделаете (как мне кажется), если выразите свой взгляд на книгу не приговором, а делом: изложением содержания и сообщением новых данных о Крижаниче в связи с прежде известными и с решением вопроса: чем именно помогает книга Бессонова тому, кто хочет узнать Крижанича основательно. Позволю себе напомнить, что Бессонов, за несколько лет перед этим, издал одно замечательное сочинение Крижанича о государстве (при Русской Беседе)[2], а Бодянский еще прежде издал его слав(янскую) грамматику (в »Чтениях«)[3]. Очень бы важно было иметь оценку и первого сравнительно с одновременными и прежними трудами других политич(еских) писателей; но оно вовлекло бы, может быть, Вас в продолжительные изыскания, и потому хорошо было бы увидеть хоть указания на такие же труды одновременников.

Грамматику же, конечно, Вам легко оценить сравнительно. То и другое, мне кажется, могло бы дать вес Вашему труду. Говоря, впрочем, это, я прошу Вас принять мои слова, как дружеское пожелание, — не более, откровенно и простодушно высказанное, но легко может быть такое, что на него не стоит обращать внимания, потому что я Крижаничем нисколько не занимался. Главное, что я хотел сказать, касается не содержания Вашей статьи, а языка. Если Вам трудновато без затраты времени писать по-русски, напишите по сербско-хорватски. Это ничему не может помешать. Даже были и примеры: так Ганиуш написал свой отзыв о книге Котляревского по-чешски[4]. Кто-нибудь переведет, а для заседаний Академии по приговору этого и не нужно.

Что касается до отказа Вашего, то, мне кажется, он не будет ловок, не кстати, — и, вместе с тем, тем более для Академии неприятен, что у нас нет на виду ученого, которому бы можно было поручить это дело с доверенностью в беспристрастие и вместе в знание дела. Нет, пожалуйста, не отказывайтесь. Худого Вы не сделаете ничего, а хорошее сделаете — и отдельно в отношении к Крижаничу, и вообще в отношении к успеху западно-славянского элемента в Академии нашей.

Надеюсь никогда не заслужить от Вас упрека в неискренности.

Ваш И. Срезневский

21

1871, [2. marta]. V. Bogišić iz Odese

U Odessi 14. marta 1871.

Poštovani prijatelju!

Vi u telegramu Vašemu tražite detalje, ali detalja za sada nema nikakvih. Danas ili sutra otići će Vaš izbor na potvrdu u Petrograd i od dana ministarskoga potvrđenja Vi se brojite na službi. Ujedno s Vašim izborom pošao je i predlog da Vam se dade komandirovka na godinu »u Rusiju i za granicu« radi usavršenja u ruskomu i sanskritskomu jeziku. Ja mislim da će Vam najbolje biti da otidete u Petrograd, tamo ima valjanih sanskritista kakvih neznam ima li u Germaniji mnogo[1]; tako ćete se uzgred uvježbati i u ruskomu jeziku.

Potvrda ja mislim da će doći do 3—4 ili 5 nedjelja, tad ćemo Vam pisati kad Vam se treba uputiti — ali svakako oko polovine budućega mjeseca morate biti spravni na put. Hoćete li *prije* ili *poslije* komandirovke voditi familiju ovamo, to od Vas zavisi — ali, kako Vam i prije kazah, življenje je ovđe skupo, pa bi bolje bilo kad bi ih u Zagrebu ostavili. Potpora za preseljenje, govorih s rektorom, može bit da Vam se omjeri više nego 600 rubalja, radi toga što ste Vi oženjeni (meni dadoše samo 600 rubalja).

U istoj sjednici bi izbran za (исполняющего должность) ekstraordinarnoga profesora Makušev; on će do koji mjesec biti ovđe.

Moje pismo pisano Vam 3—4 dni prije sjednice držim da ste primili — pa mislim, da k tomu što tada pisah, današnjega je dosta.

Da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

Danas pisah i Sreznjevskomu o Vašemu izboru da se i on s nama veseli! Čestitajte Vašoj gospodi o tom uspjehu i kažite joj moj naklon.

Kad mi pišete, trebalo bi mi znati, je li živ Leger[2] u Parižu i kako se ekonomno nalazi.

À propos! Ja znam da će naši tamošnji prijatelji zagrajati na mene i vikati da Vas ja hoću izvući iz Zagreba. Vaša će dužnost biti umiriti ih i kazati: da sam ja vršio prijateljsku dužnost ne gledajući na posljedice kad sam nastojao da dobijete kruh naš svakdašnji, koji Vam tamošnjom gospodom otet bi. U ostalom uvjerite ih da ćete Vi i unaprijeda raditi na korist naše domaće književnosti, i da ćete to moći tim u višem razmjeru činiti, čim budete bolje obskrbljen s materijalne strane, a osim toga budete moći upotrijebiti neposredno svekoliko blago ležeće u ruskim arkivima i bibliotekama. Vrhu svega toga, ako ih to interesira, uvjerite ih, da ćete svojim izgledom i mene moralno prinuđivati da više radim i t. d. i t. d. Sapienti sat.

22

1871, [20. marta]. V. Bogišić iz Odese

U Odessi 2 aprila 1871.

Mnogopoštovani prijatelju!

Poslije pisma koje Vam pisah poslije telegrama[1], držim da ne treba drugo da Vam pišem nego samo kratke odgovore na Vaša pitanja postavljena u pismu od mene tek jučer primljenom.

Kad ćete da se uputite u Rusiju?.. Valja najprije da čekate potvrđenje ministarsko t. j. Vaše potvrđenje profesure i potvrđenje komandirovke. To su sasvijem dvije različne stvari. To potvrđenje će doći do 2—3 nedjelje od prilike. Tad će Vam se poslati a) *dekret* naimenovanja i b) *instrukcija* vaše komandirovke, koju posljednju sastaviti će fakultet a Sovjet potvrditi. Na koji ćete universitet i tomu slične podrobnosti ostavljaju se na izbor komandirovanomu: bit će samo rečeno da Vam se komandirovka daje za *granicu* i u *Rusiju* radi usavršenja u sanskritu i u ruskomu jeziku. Najbolje će, mislim, biti da prije svega otidete u Germaniju 3—4 mjeseca a ostalo 6—7 mjeseca da probavite u Petrogradu radi ruskoga jezika a zajedno s tijem i radi sanskrita, jer kako i sami znate u Petrburgu ima sanskritista ništa gorijeh nego u Germaniji. Vaša se služba računa od dana ministarskoga potvrđenja a ne od dana položenja zakletve kako u Austriji.

Bilo bi svakako dobro da donesete sa sobom svoju knjižnicu — ako troška bude, universitet će Vam naznačiti jedno 150—200 rubalja *više* nego drugijem, pa mirna krajina.

Što se formalnosti tiče, Vi možete odmah pisati Leontoviću — ako i po hrvatski — izraz blagodarnosti prema njemu (rektoru), prema Sovjetu i fakultetu, a on će to doložiti *svojim riječima* gdje treba — pa i tim mirna krajina.

Javite meni ili Leontoviću, hoćete li da Vam se odmah počnu šiljati novci poslije potvrđenja — jer znajte da ćete nekoliko procenata na ađju morati gubiti, jer universitet šalje novce za granicu preko svojega bankiera a ne directe.

Onomadne pisavši Daničiću, misleći da se u Zagrebu znade za Vaš izbor, učinih Vam medvjeđu uslugu, t.j. pitah ga: kakvo je upečatljenje proizvelo izbranje Jagića profesorom odeskoga universiteta? Ne znadoh da ćete Vi to skrivati. Naklon moj Vašoj gospođi.

Da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

À propos! Valjda se Rački naopako na me rasrdio i ne piše mi odavna, pače ni odgovora ne primih na moje pošljednje pismo. Dovodeći to u saobražaj s opomenom da pošaljem natrag rukopis statuta akademijina, pomišljam da se namjerava izdavanje juridičkih pametnika meni povjerenih prenijeti na koga drugoga. Molim Vas da me povjerljivim načinom o tomu obznanite da se znadem vladati. U tom slučaju ja bih odmah počeo ovđe izdavati pametnike da mi dosadanja rabota ne propane — a razumije se da ne bi u Zagreb poslao veće ni bibliografije (koja će skorim biti gotova), jer nijesam namjeren biti ničiji *fakin*. U ostalom to sve neka ostane među nama.

Do jedan *mjesec i po* dana mislim doći do Beča. Mogli bismo se tamo sastati i narazgovarati. Ja ću iz Beča u Prag, a od tuda u Švajcariju na odmor ili gdjegod na vode.

Još nešto. Prije nego definitivno primite izbor, molim Vas da pročitate još jednom moje pismo u komu Vam kazivah kako je drago ovđe življenje i t. d. jer — ako sam i držan bio kako prijatelj i činom pokazati svoju ljubav a ne samo u riječima, — nikako ne mogu na sebe uzimati još uz to i eventualnu odgovornost. Vi ste čovjek koji možete i bez predrasudâ suditi . . . promislite, omjerite i odsjecite. Koligod ja želim imati pouzdana prijatelja kod sebe, ipak, gdje o delikatnih, životnih pitanjih ide riječ, tamo ja ne mogu kazati ni *da* ni *ne*. Neka Vas ova moja opaska nimalo ne prestraši, jer nije povoda nikakvu strahu, ali ja hoću ograditi sebe od svake odgovornosti. Moje je uvjerenje dakako da ćete *Vi i svoj* položaj odeskom profesurom i u svakom obziru veoma poboljšati, a da neće ni za *našu užu otačbinu* od nekoristi biti; — ali ja nijesam papa, pa ako moja pogriješljivost siluje me da uzmem odgovornost na sebe u odlukam koje se mene tiču[2] — nikako neću te odgovornosti da primam glede odluka tičućih se drugijeh lica pa bili to i najbolji prijatelji. Dixi et salvavi animam; a Vi, opet Vam kažem, ne plašite se nimalo od mojih riječi nego promislite pa odsjecite!

1871, 22. marta. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

22 мар(та) 1871, СПб.

Не могу не радоваться, что случилось так, как мне сердечно хотелось. Вы приедете к нам, и не как гость, а как свой, приедете к себе домой. Ваши достоинства могут быть твердой порукой, что найдете у нас уважение и любовь. Что же касается до Ваших связей с родиной, то от Вас самих будет зависеть поддержание их в большей или меньшей силе. Переезд к нам ни к чему не обязывает Вас в этом отношении. Если бы паче чаяния житье-бытье у нас Вам не понравилось,то Вы всегда можете воротиться. Не думаю, впрочем, что, свыкнувшись, Вы не найдете в нас и у нас ничего такого, что может Вас привязать к нам. Говорю: свыкнувшись, потому что сначала Вам может кое-что, а может быть и многое не понравится.

Об ускорении решения я попрошу товарища министра народ(ного) просвещения.

На вопрос: куда Вам переехать на этот льготный год, я положительно отвечаю: сюда, на Васильевский остров — сначала прямо к нам, как домой, а от нас на какую-нибудь квартиру, которую мы вместе поищем. Здесь Вы будее между русскими, следовательно не потеряете времени для изучения русского языка. Что же до санскрита,[a] то найдете у нас отличных знатоков, и, между прочим, Косовича и Минаева. Косович знает хорошо и Зенд, а Минаев (Паали)[b]. Захотите познакомиться с китайским, и для этого найдете отличного знатока в Васильеве. Собеседников по сравнительному языкознанию найдете также. Книги и рукописи будут к Вашим услугам — в порядочном изобилии. Наверно увеличите и свою библиотеку дарами дружбы и уважения.

Что будет с нами летом, я еще не знаю: мне бы надобно было поправить свое здоровье поездкой куда-нибудь. Хотелось бы переехать на лето со всей семьей в Москву, но как это случится, не знаю. Мы будем с Вами в переписке, и следовательно обо всем успеем условиться.

28 мар(та), воскр(есенье)

Христос воскресе!

Я остановился с письмом, чтобы узнать хоть что-нибудь о Вашем деле и написать Вам. Вздумал было выехать сам, но по нездоровью воротился домой. Отправил вместо себя письмо, — и вот только третьего дня вечером получил ответ. Вчера и сегодня до вечера не мог удосужиться написать Вам, — и вот почему оканчиваю письмо так нескоро после того,[c] как начал. Министр принял представление Новороссийского университета очень благосклонно, и отвечал бы немедленным согласием, если бы на годовой срок льготы для Вас не требовалось согласие Государственного совета. На этом дело и остановилось. Оно, впрочем, приготовлено к докладу, так что Вы ждать будете не долго. Мне бы

очень хотелось увидеться с Вами здесь прежде наступления лета, чтобы принять лично участие в устроении Вашем. Постарайтесь сделать так, чтобы по уведомлении не долго медля собраться в путь. Книги свои Вам придется, вероятно, отправить прямо в Одессу, чтобы не издерживаться напрасно на перевозку. Об этом спишитесь с Богишичем.

Больше не стану писать, чтобы скорее приготовить письмо к отправке.

Сердечно обнимаю всех Вас от всех нас

Уважающий И. Срезневский

Не посердитесь, что я не посылаю денег за переписку. Право я не затрудняюсь решением, сколько послать: определите сами. Да кстати: нельзя ли заказать кому-нибудь снимок записи с этой кормчей[1] и еще какую-нибудь страничку. Мне бы это было очень нужно для моего палеограф(ического) сборника[2]. За все вместе вышлю деньги по Вашему назначению.

SMŽ. [a] санскриты. [b] Пелви. [c] этого.

24

1871, 8. maja. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

8 мая 1871 г.

Посылаю Вам в подлиннике записочку, только что полученную мною из министерства[1]. Душевно радуюсь, что дело наконец решилось. Замедлилось же оно потому что надобно было нашему министру переговорить с министром финансов прежде чем напишет к нему о 2000 Вам просимых, чтобы отклонить отказ, а он, т. е. наш министр был все это время в больших хлопотах по поводу преобразования гимназий, им предложенного. Из-за этого преобразования поднялась в наших повременниках страшная буря, и партией противной высказано было ему много неприятного. Это бы еще куда ни шло, но и в самой комиссии Государ(ственного) совета, где проект был обсуждаем, нашлось много противников, умеющих себя защищать, бороться с которыми нельзя было без приготовления. Дело это перешло теперь в общее собрание Госуд(арственного) совета, где и будет решено по частям большинством голосов. Дело занимательное. Министр предложил преобразовать все гимназии империи в полные классические с усиленным изучением двух древних языков, чего доселе не было; а для тех, которые не хотят или не могут долго учиться, устроить реальные училища. Против этого-то завопили многие, очень многие — между прочим и ученые люди — особенно из принадлежащих к физико-математическому факультету, завопили устно и печатно, предлагая заменить древние языки науками естественными. Защитники древних языков также не дремали, напротив того: закричали они, можно сказать, залаяли. Это междоусобие — в своем роде такое же рьяное как между Версалью и Парижем — заняло всех так, что и разговору было только об этом везде, и из двух партий развилось их много. Всякая хотела действовать на комиссию Госуд(ар-

ственного) совета в свою пользу, и обругивала все другие. К чести этой распри можно заметить, что очень немногие имели в виду что-нибудь личное, лично выгодное. Большей части борцов хотелось только настоять на своем. Кончится, как кажется, непременно в пользу древних языков[2]; но как на долго кончится, это вопрос. Не мудрено, что при новом министре будет затеяно опять что-нибудь новое.

Как бы то ни было, Вы можете собираться в дорогу. Мне бы очень хотелось дождаться Вашего приезда, т. е. чтобы Вы приехали сюда не позже, как через месяц. Я, впрочем, еще напишу Вам.

Вам преданный И. Срезневский

Мои все кланяются всем Вашим.

*

Сегодня получен в министерство народного просвещения отзыв министра финансов[3] об ассигновании доктору Ягичу 2000 рублей, — а утверждение его экстраординарным профессором будет подписано г-ном министром народного просвещения в будущий доклад, т. е. в будущую субботу.

Воронин.

8 мая 1871[4]

25

1871, [16. maja]. V. Bogišić iz Carigrada

U Carigradu 28. maja 1871.

Mnogopoštovani prijatelju!

Pišem Vam s puta na ime »iz Stambula grada bijeloga«, dakle cigle dvije riječi.

Prekojučer se uputih iz Odese, ujutro dođoh u Carigrad gdje ću ostati 4—5 dana, a odavle ću po Dunaju put Beča gdje ću, držim, biti okolo 7. ili 8. junja (ako se ne budem svraćao u Bukarest i Biograd). Kad ne bi bio dosadljiv put po Savi, i kad bi trefio na parobrod koji tamo ide bez čekanja, išao bi preko Zagreba u Beč — ali tako neću. Neću i radi toga što se bojim da me Vaši panduri ne uzmu za ruskoga agenta, pa da zlo ne prođem.

Ne znam hoće li mi bečki poslovi i posolki[1] koje imam obaviti u Njemačkoj, dopustiti doći u Zagreb — zato ako ćete da se vidimo, što bih veoma želio, valjat će Vam skoknuti do Beča; — u ostalom ne treba odmah, jer ću ja ostati u Beču najmanje dvije nedjelje, pa Vam i od onamo pisati mogu hoću li moći u Zagreb.

O potvrdi Vašoj ne treba Vam dvojiti; — sve je učinjeno po propisanom redu, dakle falit ne može — ako je zapelo, to će bit o kakve formalnosti koje se lako ustraniti mogu. Ne bojte se dakle ničemu.

Pozdravite prijatelje i da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

Ako mi pišete u Beč, pišite na Rajevskoga ili u knjižaru Gerolda.

26

1871, 25. maja. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

Любезнейший приятель!

Мне не менее, чем Вам, хочется видеться в Вами первому. Вместе с тем правда и то, что летом в Питере нашем с многими нельзя или трудно видеться, так как одни уезжают далеко, другие живут где-нибудь в окрестности, где-нибудь на даче, — и это продолжается до сентября, даже и позже. При том же Вы свободны, и[a] очень хорошо сделаете, если проведете время, как писали, в Германии. Я, может быть, тоже поеду в Германию или хоть через Германию. Может быть, где-нибудь и встретимся, особенно если Вы напишете мне, где и когда Вы располагаете быть. Домой предполагаю воротиться[b] в сентябре.

О втором Вашем вопросе я теперь ничего не могу сказать. Поговорите с Богишичем, который или уже приехал, или скоро приедет к Вам. Мне казалось бы, что Одесский университет должен Вам дать средства для перевоза библиотеки и пр. из своих специальных средств. Хлопотать об этом следует не теперь, а позже.

С нетерпением жду свидания с Вами, чтобы поговорить лично. Поклонитесь гг. Рачскому, Даничичу и всем.

Вам преданный и уважающий

И. Срезневский

25[c] мая 1871

А на многое Вы мне не отвечали: — Что надобно заплатить тому, кто переписывал из кормчей?[1]

— Точно ли у Вас толстая рука, и точно ли такова жена Ваша и дочь, как мне снилось?[2]

Затем еще вопрос:

— Вы мне потрудились прислать оттиск моего описания кормчей 1305 года: что это, корректура, или уже отпечатанный экземпляр?[3] Это пришло мне в голову только теперь. Если это не корректура, то не могу ли я получить несколько оттисков еще?

SMŽ. [a] По этому очень. [b] возвратиться. [c] 15.

27

[1871, poč. juna]. V. Bogišić iz Beča

Velecjenjeni prijatelju!

Ja prispjeh tek prekjučer u Beč, gdje mi je namjera ostati još 10—12 dana. Hoću li u Zagreb[1] zavisi od toga hoću li bit gotov s nekijem ovđešnjim poslima i hoće li ostati novaca, jer potroših mnogo i vremena i novaca u Carigradu, a preko budžeta ne bih rad trošiti. Ja ću se dakako starati trknuti se i tamo, ali ne jamčim; još ne opredjelih ni to, bi li u Zagreb prije čim stižem u Prag i Švajcariju ili kad se od onamo vratim. To je što Vam znah kazati a sad se vi vladajte kako znate.

Milo mi je da dobiste povoljne glasove sa sjevera, u ostalom, kako Vam ja već nekoliko puta kazah, nije nikakve sumnje moglo biti.

Ako mi u ovo 10—12 dana budete htjeli pisati, adresirajte pismo na Gerolda & comp[2]. Veoma biste me obvezali kad biste poslali *sous bande* na Gerolda Kukuljevićevu malu knjižnicu: »Slavjanke«[3], ja mislim da se tamo još mogu kupiti.

Pišite što ste dali prepisaču statuta vinodolskoga[4] da Vam mogu poslati trošak.

Pozdravite sve prijatelje i da ste mi zdravo i veselo!

S najvišim štovanjem

Vaš

V. Bogišić

28

1871, 15. jula. I. I.Sreznevskij iz Pargolova

15 июля 1871, Парголово под Петербургом.

Я замедлил ответом на письмо Ваше, потому что несколько недель не был дома: ездил по России. Совестно мне было, что я, родившись на берегу Волги[1], доселе не видел ее, а вместе с тем не видел и корня северной Руси, — и вот решился поехать с третьим своим сыном, Борисом[2]. Через Москву, где нельзя было не остановиться на неделю, мы поехали к Троице[3], где,[a] как Вы, конечно, знаете, при монастыре (впрочем, совершенно независимо от него) находится Московская духовная академия, один из 4-х богословских факультетов наших[4]. Оттуда[b] поехали в Ростов[5], один из древнейших городов русских, доселе сохраняющий[c] много древнего. Из Ростова приехал на свою родину, в Ярославль, стоящий на Волге при впадении в нее Которости. Далее путешествие наше шло по Волге — до Нижнего Новгорода. Мы остановились только в Костроме, где, кроме кое-чего другого, нельзя было не увидеть знаменитого по воспоминаниям Ипатьевского монастыря[6]. Из Нижнего мы повернули на Владимир и из него ездили в Боголюбово. В обеих этих местностях есть также не мало древнего. Воротились через Москву. Все это путешествие сделали мы по железным дорогам и на пароходах — и с такими удобствами, что не могли не радоваться. Везде, вместе с этим, встречались с прекрасными людьми, достойными уважения не только по уму и нравственному направлению, но и по образованности. Везде видели удивительные успехи общественности и промышленности, не говоря уже о богатствах. Чтобы дать Вам хоть какой-нибудь пример, скажу, что по Волге ходит теперь более 500 пароходов; по Каме тоже сотни. Парусным судам и счету нет. И те пароходы, на которых мы ехали, устроены не только удобно, но и великолепно. И с пароходов и из вагонов мы видели множество фабричных труб, а в некоторых местах целые города фабрик. Не могла нас не поразить своей громадностью и та часть Нижнего[7], которая построена для ярмарки. Она занимает более 4-х квадратных верст на стрелке при слиянии Оки

с Волгою, и представляет массу домов, исключительно каменных, в два и три яруса, расположенных правильными улицами и рядами. Теперь пока там нет никого кроме рабочих; а вот через несколько дней все переполнится так, что число временных жителей дойдет до миллиона. Месяц будет там кипеть деятельность, и потом все разъедутся и останутся одни дворники, как зимою в пригородных дачах . . . Но всего не перескажешь. К сказанному прибавлю, что я остался очень доволен своей поездкой. Теперь собираюсь за границу — именно в Италию — с целью обозреть древнейшие христианские церкви. Еду через Вену, куда и прошу Вас написать мне. Очень был бы рад встретиться там с Вами. Хочется мне завернуть и в Загреб, хоть на один день; но не знаю еще на пути ли в Италию или на возвратном. Хотелось бы также проехаться по Далмации; но это будет зависеть от времени и денег. На всякий случай усердно прошу совета, кого мне посетить в Которе, Дубровнике, Сплете, Шибенике, Задре, Сени, Реке и Трьсте. Не думаю остановиться во всех этих городах, но вперед не могу определить, где именно остановлюсь, и потому прошу о всех, равно и о Любляне. Еду на днях вместе с дочерью Ольгою.

Если на пути не увижусь с Вами, то прошу не забыть, что по приезде в Петербург приезжайте прямо к нам, как домой.

Кланяйтесь всем.

Вам преданный И. Срезневский

SMŽ. [a] -где. [b] Отсюда. [c] сохранивший.

29

1871, [21. jula]. V. Bogišić iz Beča

U Beču 2. avgusta 1871.

Poštovani prijatelju!

Evo Vam predgovora i uvoda[1]. Sad eto možete *odmah, ni časa ne počasiv,* početi štampanje. Članak »Dubrovnik« poslat ću Vam do dva tri dana, a članak »Hrvatska« tek buduće nedjelje[2]. Ali, razumije se, to ne smije ni najmanje omesti početak pečatanja, kad eto imate predgovor.

Vi znate da je ta sveska *na putu* mnom uređena, dakle u velikoj hitnji; prije nego u štampu dadete, pročitajte i popravite interpunkciju i izbrišite ako ima rusizama, italijanizama i drugijeh *izama.* Istina da je i Đuro obećao pročitati, ali neće biti s gorega ako i Vi okom prođete rukopis. Da Vam taj trud na jednom ne padne na vrat a Vi možete čitati *nach und nach* članak po članak, kako ih budete davali u štampu. Knjižica rekao bi da ima važnosti, pa bi grehota bila da bude izgrđena u spoljašnostima. À propos! ad verbum spoljašnost. Neka *slova* budu ona nova kojim se Đurove poslovice štampaju, *format* i *papir* neka budu istovetni sa *Radom*[3].

Ja ću još nekoliko dana ostati u Beču ili okolici, pa kako mislim da će za 4—5 dana biti gotov prvi tabak, tako bi Vas molio da biste mi njegovu pošljednju korekturu poslali na Gerolda u Beč.

Molio bih Vas 20—30 eksemplara da se na moj trošak štampaju na velinu za darove.

Pred nekoliko dana ja već pisah Leontoviću, nadam se skoro odgovoru.

Zbilja! Ne bi li bolje bilo da predgovor bude štampan malo većim slovima nego ostalo?

Index ćemo sastaviti kad sve bude štampano, pa ćemo ga staviti ili sprijeda poslije predgovora numerišući rimskim brojevima, ili na svrhu cijele sveske.

Da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

30

1871, 26. jula. I. I. Sreznevskij iz Beča

26* июля 1871, Вена

Сегодня я получил Ваше письмо, писанное третьего дня, и радостно прочел его громко не только перед дочерью, с которою еду, но и еще перед одним русским (который, кстати сказать, так обольстился тем, что Вы написали, что сам хочет ехать в Загреб и Далмацию); прочел радостно — не потому что Вы написали по-русски, а потому что так написали. Я бы желал так владеть сербским языком, как Вы владеете русским. Завтра или послезавтра едем из Вены в Пешть: хочется видеть и этот город и Венгрию, в которой я был за тридцать лет. Из Пешти — к Вам, в Загреб, где за тридцать же лет я провел несколько счастливых недель в обществе Враза, Раковца, Мажураничей и т. д.,[1] где было много жизни, полной надежд, и где теперь надеюсь увидеть исполненными эти надежды. Богишич, с которым мы видимся[a]) каждый день по нескольку раз, сказал мне, что сегодня должен сюда приехать к(аноник) Рачский. Как бы я рад был его увидеть; но не знаю, удастся ли. Перед вечером заходил к нам Богишич, но еще не видавши Рачского и не зная, приехал ли он. Ну, как бы ни было, дня через три, четыре мы должны увидеться. По совету Богишича мы остановимся в гостинице zum Kaiser[2]. Потрудитесь оставить там для меня записочку с Вашим адресом, чтобы я не искал Вас, и, если можно, попросить хозяина гостиницы, чтобы он не отказал нам дать две удобных комнаты, соединенные дверью. Больше пока нечего писать: успеем поговорить.

Вам преданный И. Срезневский

SMŽ. * 28. [a] виделись.

31

[1871], 3. augusta. I. I. Sreznevskij iz Trsta

3—15 VIII, Триест

Маленькое обстоятельство дает мне приятный случай написать Вам хоть несколько слов. В попыхах я забыл в гостинице Каизера,[1]

именно в комнате N 27 в столе перед диваном, несколько мелких вещей, между прочим — темные очки (dunkle Brillen) и скляночку с Persische Insekten-Pulver. Если еще никто не захотел употребить их в дело, то потрудитесь взять — порошок для употребления, а очки для сбережения.

До Каменного моста[2] мы ехали вместе с маленькой семьей австр(ийского) офицера (муж, жена и маленькая дочь) немецко-итальянской породы — довольно покойно, но как бы одиноко, и между тем офицер должен быть добрый человек, нежный, заботливый отец. В Камен(ном) мосте мы взяли места I класса, поместились в особенном купе, и хорошо спали до самой Постойны и уже далее до Набрезины, где пили кофе. Несколько флоринов заплачено нами не напрасно: все купе 2-го класса были довольно полны, и пополнились еще более в Постойне, а может быть и ранее в Любляне. Теперь мы в гостинице Hotel de ville в Триесте. Я пишу стоя, положив книжку на высокий комод, пишу и любуюсь покойным морем, но не берегами, серыми, почти безжизненными. Что если бы к этому морю да Вашу Загребскую зелень, и если бы замок Мирамаре стоял тут окруженный парком Максимира! Само по себе наше северное финское море не так привлекательно как эта Адриатика, но берега его — куда лучше — особенно в таких местах, как Петербургские острова, или Стрельна, или Петергоф, или Рамбов — Ораниенбаум.

Окончу благодарным приветом Вам, добрый Игнатий Викентьевич, Сидонии Петровне, милому Вашему тестю и его брату, г-ну Рачскому, г-ну Курельцу, и вообще всем. Поцелуйте за нас милых Ваших деток, Елку и Станьку: глаза их в моих глазах горят как звездочки. Поклонитесь Вашей теще, Даничичу и всем, кто вспомнит обо мне.

До радостного свидания

Вам преданный И. Срезневский

32

1871, [10. augusta]. V. Bogišić iz Gmundena

Mnogopoštovani prijatelju!

Ja Vam već tri četr' dana pisah da ne štampate prvi tabak dok mi ga ne pošaljete, a ja iz današnjega Vašega pisma vidim da Vi i ne primiste ni moga pisma ni korrespondenz-karte[1]. Molim Vas dakle da mi pošaljete što prije taj prvi tabak jer imam još koju malu popravku učiniti u predgovoru i u uvodu. Bilo bi dobro nad kolumne natpis staviti ali bih prije želio znati da li je to već ušlo u običaj za knjige koje se posebno od Rada štampaju. Je li to u Vašoj historiji književnosti i u Pavića historiji drame?[2]

Odesiti, kako Vam već kazah, gori su Vam od Dubrovčana. I ja mislim da će malo pisma pomoći dok ja ne dođem u Odesu, što će biti do 13 septembra najdalje. U ostalom ja ću još jednom pisati Leontoviću za novce a pišite mu i Vi. Ako mu pišete javite mu da ćete u septembru mjesecu poslati dio

svoje mebeli iz Beča te da je meni preporučiste a da ćete drugu polovinu sobom donijeti. Tako ću ja nešto pokućstva što kupih u Beču prenijeti u Odesu bez platiti daciju. Vidiste li Vi dokle dopira čifutsko-dubrovačka industrija! Na moje ime ne mogu, jer je prošla godina od kako sam u Rusiji a svaki profesor zagranični ima pravo do 1000 rub. daciju dovesti sobom ili za godinu poslije dolaska iza granice; u mene neće biti ni 100 rubalja.

Hoćete li s familijom u Petrburg? pitate. Ja Vam tu ne mogu ni soli ni papra. Za nekoliko dana mislim da bi se *bez osobite omete* mogli stisnuti i dat Vam mjesto u Sreznjevskoga, ali ne za dugo. On je i mene zvao k sebi kad bijah u Petrburgu, ali se ja ispričah i ne otidoh. Vi, najbolje, izračunajte hoće li Vas mnogo stati put s familijom u Petrburg, a od tamo opet u Odesu, pa se rješite: to bi barem dobroga bilo kad bi g. supruga s Vama došla u Petrburg da ne bi došli u opasnost otići što no kažu »po zlu putu«.

Vraćajući se opet na nervus rerum ja ću opet pisati — ali ako ne bi pomoglo, ne uzrujajte se ni malo, jer ću ja, pošto dođem u Odesu, naručiti da Vam se odmah pošalje assignovka novčana[3] na kakva bankijera. U ostalom Vi ako namjerate u Germaniju, prije 10—15 oktobra ne otvara se, kako znate, nikakav universitet, a što Vam je odlaziti prije?

Najučtiviji naklon Сидонии Петровной[4] a Vami najsrdačniji pozdrav

od Vašega

iskrenoga

V. Bogišića

Gmunden 22. augusta 1871.

Očekujem prvi tabak nestrpljivo.

Posljednji članak bibliografije »Hrvatska« bio bih Vam već poslao da se ne moram baviti još ovo malo dana svojim lekcijam. K tomu moram članak sam i prepisati, jer ovđe nema nikoga ko bi znao pisati hrvatski.

Čujte još jednu malu historiju.

Sinoć je bio u ovđešnjem kazino koncerat na kome, bez da je u programi stajalo, na jednom jedan iz koncertista (prof. Jamarra iz Beča) počimlje poznati Hrvatski marš. Pošto ga svrši, pljeskanje nije znalo prestati, a osobito mu je pljeskao höchsteigenhändig slijepi kralj Georgij Hanoveranski (koji je bio takođe na koncertu) da se je morao marš ponoviti. Začuđen tim kroatofilizmom gmundenskih oberösterreichera zapitah, što to znači da se igraju komadi prez programu. Kazaše mi da je to za volju kralju Hanoveranskomu kome se taj komad najviše dopada i kad je god on u koncertu mora se taj komad svirati. Pače lani naredi da se ekstra koncert dade na njegove troškove samo s pogodbom da se *Kroaten-Marsch*, kako [ga] ovđe zovu, *dva* puta svira. Erkläre mir graf . . . dies . . Wunder der Natur![4]

33

[1871, 23. augusta]. V. Bogišić [iz Gmundena]

Poštovani prijatelju!

Pošto otpremih jučer pismo, dođe mi pismo od Leontovića. Tačka koja se Vas tiče evo kako glasi:

»Дело Ягича я устрою. Я предложил Богдановскому (так как он теперь исправляет должность ректора) официально уведомить г. Ягича о его назначении и распорядиться высылкой ему жалования. Что касается подъемных денег, то этот вопрос я сам подниму в Совете: предоставлять это Богдановскому я не хочу в виду того, что большинство, как Вы знаете, вообще враждебно настроено против Богдановского и всяких исходящих от него предложений.«

Tomu ne treba komentara. Ako i nijeste još ništa od Odesita[1] primili, mislim da je to dosta da Vas umiri.

Molim Vas da zamolite g. Račkoga da svoje historiko-hrvatske opaske na rukopisu koji mu poslah učini *olovkom* a ne perom.[2]

Za danas dosta i da ste mi zdravo sa svima Vašim!

Vaš

V. Bogišić

34

1871, [26. augusta]. V. Bogišić iz Beča

U Beču 7. septembra 1871.

Poštovani prijatelju!

Jučer dođoh iz Ischla i Gmundena preko Monakova i Praga. U Pragu ostah 4 dana gdje mi Patera[1] kaza da Vas čekaju s nestrpljenjem. Ja sutra odlazim put Odese i 12. ili 13. bit ću onamo, te ću se odmah postarati da Vam pošalju *novce* i *komandirovku.*

U Pragu nađoh koješta čim bi mogao popuniti u članku »II Srbija«[2] neke tačke na svrsi članka gdje govorih o kompilacijam vizantijsko-srpskim: благочестивого и христолюбивого царя Юстиниана и Константина закон. Ako može biti, bez prekidanja štampanja, molio bih da mi pošaljete u Odesu to 5—6 listaka koji se bave tim kompilacijam: ja bih imao samo po sata radnje te bi Vam ih odmah poslao natrag.

Danas poslah g. Račkomu svoj brouillon[3] pošljednjega članka bibliografije t. j. »Hrvatska« da pregleda historičku stranu te da mi ga opet pošalje nazad. Ja ga pisah u Ischlu i Gmundenu gotovo sasvim iz glave pa mora da bude i praznina i pogriješaka.

Poklon vašoj g. supruzi a Vama prijateljski pozdrav od

Vašega

V. Bogišića

Pozdravite g. Daničića.

35

[1871, potkraj augusta]. V. Bogišić iz Beča

Poštovani prijatelju!

Mijenica na preko 1000 (tisuću) forinata za Vas dođe: eto se Odesiti već nakaniše, te je poslaše. Raspolagajte dakle: ili ćete da Vam se mijenica pošalje tamo pa da je potpišete i opet pošaljete da bi Vam se novci poslali,

ili ćete da Vas mijenica čeka u Rajevskoga,[1] kome je i poslana, dok Vi dođete. Novci se mogu primiti kad mijenica potpisana bude u Anglo-Oesterreichische Bank u Beču, jer je na nju mijenica i poslana. Pogledavši bolje u mijenicu ona iznosi 1178 f. i 76 novčića[2]. Bogme obogatiste!

U hitnji. Da ste zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

Ja večeras odlazim. Pišite Rajevskomu što želite da radi s mijenicom.

36

1871, 10. septembra. V. Bogišić iz Odese

Odessa 10/23. *septembra* 1871.

Poštovani prijatelju!

Ako ste još u Zagrebu, izvolite izvršiti Vi ono što molih g. kanonika[1] glede moga rukopisa i to čim prije.

Osim toga izvolite potpisati priloženo »прошение« da uštedim nekoliko desetaka rubalja carine. Ja sam već izgubio pravo na svoje ime unositi jer je prošla *godina* da sam u Rusiji. I za Vas će ostat još mnogo jer možete unijeti do 900 rubalja carine bez platiti išta. Ipak, ako Vi donesete toliko stvari da bi kroz to morali što izgubiti, ja sam na mjestu pa ću nadoknaditi.

Još imam jednu molbu i to važnu. Ja sam u dvorskoj biblioteci u Beču prepisao dva rukopisa nomokanona popovska (to je kratki izvod iz Vlastara[2], veoma mala knjižica) i kako bih ga rad štampati čim prije, trebalo bi mi sravniti ga sa opet takim rukopisom koji se nalazi u berlinskoj biblioteci (Vuk ga je tamo prodao)[3] i koji je veoma stariji od prepisanih. Vi ćete bez sumnje u Berlin, pak bih Vas molio da bi uzeli na sebe taj trud. Ili ako nađete tamo kakva ozbiljna srpskoga studenta ili bugarskoga da biste mu naručili da ga prepiše! Dajte mi dakle na znanje kad ćete biti u Berlinu da Vam mogu poslati prijepis i s Vami se pobliže dogovoriti o tomu i o drugim poslima.

Dokumenat koji Vam poslah, molim Vas, pošaljite mi odmah u preporučenom pismu.

Da ste mi zdravo i veselo! Naklon Vašoj gospođi supruzi.

Vaš

V. Bogišić

37

1871, 3. novembra. V. Bogišić iz Odese

Odessa 3/15. novembra 1871.

Visokoštovani pirijatelju!

Ima u nas poslovica: »što bi volovi rikali to kola škripu«: mjesto da bi se ja imao na Vas žaliti što mi ne pišete, to se žalite Vi na mene koji Vam pisah dva puta a od Vas ni habera. Trebao sam od Vas izjavu da je *Vaše* pokućstvo koje kupih u Beču da bi tako uštedio carinu te Vam u preporučenu pismu poslah pred 5—6 nedjelja dana obrazac za taj dokumenat ali

od Vas ne primih ništa. Međutim pokućstvo dođe i ja se pomogoh na drugi način i ne platih carinu. Još imam jednu tužbu na Vas. Predšto odoste iz Zagreba, pisa mi Daničić, da mi poslaste glavu »Bosna« i prve listove »Nove Srbije«[1]. Ali ja ni do danas ne primih ništa. Međutim, da se štampanje moga djelca ne zaustavi, napisah iznova »Bosnu« i poslah je već pred 4—5 dana put Zagreba. Po svoj prilici morat ću napisati i »Novu Srbiju« iznova. Svakako Vi izvolite pisati gdje se nalazi recepis g. Račkomu ili Daničiću da bi mogli proiskati kuda se dio taj paket.

Hvala Vam na ponudi prijateljskoj glede prepisivanja berlinskoga rukopisa — ali ja ne mogu takvu žrtvu primiti od čovjeka koji i bez toga ima mnogo i to veoma važnijih poslova: ja bih Vas samo molio da biste se potrudili u biblioteku te poiskali »popovski nomokanon« koji je kupljen u Vuka Karadžića te da mi bibliografski opišete a osim toga da prepišete prvi i posljednji listak kao i to da naznačite sadržaj svake glave da bi mogao znati kojoj kategoriji nomokanonâ pripada. Popovski nomokanoni, kako Vam je poznato, nije drugo nego priručna knjiga popu in cura animarum kako će rukovoditi svoje stado, a kako je mnogo građe izvađeno iz pravoga nomokanona. Obično je *oktav* ili *šesn(a)estina* sa 120—200 listova. Osim toga molio bih Vas da raspitate ne bi li tamo bio kakav student na koga bi se mogao obratiti kad bi mi trebao prijepis toga rukopisa.

Vi ćete biti možebit i u novinam čitali da sam ja ovđe pred nekoliko dana imao veliku neprijatnost sa studentima i to radi take malenkosti za koju ne stoji ni govoriti. Na jednoj iz mojih lekcija na kojoj je bilo mnogo slušalaca opazih već treći četvrti put da jedan studenat, žid, stoji nepristojno te pošto ga pogledah 2—3 minuta strogo bez uklanjati oči s njega i videći da se ne pripravlja, kazah opomenu oštrim riječima. Tada se opametio i stao kako treba, produžila se lekcija i završila u najvećem redu. Ali poslije toga neki agitatori među studentima pobune ih svijeh da su tim svikolici uvrijeđeni te mi na budućoj lekciji pred auditorijem ostaše a u auditoriji ne nađoh ni žive duše. Oni koji su htjeli doći bijahu terorizirani od drugijeh te ne dođoše. Zatim nekoliko postupaka nesmotrenijeh universitetske uprave dovedoše posao do toga da su izviždali rektora i prorektora, uslijed čega universitet bi zatvoren. Tad je sud počeo svoju radnju i tek jučer je završio. Studenti k mojemu velikomu veselju ne bijahu kažnjeni nego veoma milostno a sud navali svu odgovornost na universitetsko načalstvo. Kako u našem universitetu ima veoma mnogo Zündstoffa[2] od prije i nego ja ovamo dođoh, tako se bojim veliku zlu uslijed agitacije partaja koje da ne bi toga neprijatnog događaja ne bi se nikada bio mogao dogoditi.

Za danas[3] dosta.

Ovđe dođoše za Vas s poštom 2—3 paketa, ali kako se nije znalo gdje se nalazite, tako Vam se nijesu mogli ni poslati. U ostalom meni se čini da su štampane brošure pod kuvertom pa da Vam ih i ne stoji slati prije nego dođete u Petrograd. U ostalom Vi odlučite.

Moj učtivi naklon Vašoj gosp. supruzi a Vam prijateljski pozdrav od

Vašega iskrenoga

V. Bogišića

38

1871, 21. novembra. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

21 ноября 1871, СПб.

Наконец то я получил весточку от Вас. В Вене мы слышали, что Вы проехали, но куда, этого никто не сказал нам. Воротясь домой, мы спросили, не здесь ли Вы, получили в ответ нет, и с тех пор все ждем. Я уже собирался писать Даничичу о Вас.

А между тем, вот уже почти два месяца, как мы дома. После разлуки с Вами[1] и переезда из Триеста в Венецию, мы почти все время нашего странствия провели в Италии: на юг поехали через Болонью, Равенну, Флоренцию, Рим, Неаполь, Палермо, Мессину, Таормину, Катанью, Сиракузы; назад на север из Неаполя через Беневент, Анкону, Болонью, Милан, Верону, Инспрук в Вену, и оттуда прямо домой. Нашим путешествием, всем виденным и людьми мы остались очень довольны. В некоторых местах нам было так хорошо, как в среде родственных славян: так особенно было нам в Сицилии, где и не ожидали ничего подобного. О радости нашего семейного свидания говорить нечего: своим собственным сердцем Вы это понимаете. Но едва прошла неделя после моего возврата, как[a)] нежданно негаданно принуждены мы были перенести неприятность, тяжелую и для одинокого, не только для большого семейства и еще с таким множеством книг. За квартиру, которая нам стоила 950 руб. потребовали с нас 1600 р. Надобно было искать другую квартиру в то время, когда почти все хорошие квартиры уже заняты, когда и вообще поместительную, но не чрезмерно дорогую квартиру найти было почти не возможно. Это меня так встревожило, что я не спал четыре ночи. Затем, отыскавши квартиру, надобно было приготовляться к переселению и переселяться; надобно было, между прочим, уложить и потом выложить около 200 ящиков книг и бумаг. Конечно, главные заботы и работы сделаны не мною, а детьми; но и на мою долю досталось не мало — особенно по думанью, как устроиться в квартире сравнительно тесной, где для многого и места не достало.[b)] Все это отняло более месяца времени, а от моего и без того хилого здоровья уж не знаю сколько. Нельзя сказать, что и теперь мы уже совершенно устроились, не говоря уже о том, что и устраиваемся[c)] не совсем так[d)], как бы хотелось. Одно ослабляет мое горе: это то, что мы не одни вытерпели квартирную невзгоду: по нашей пословице: на миру и смерть красна. Квартиры вздорожали так, что иные платят вдвое и втрое против прежнего. Иные с летних дач и не воротились в город, иные, служа в Петербурге, живут в окрестных городах: в Царском селе, в Павловске и пр. Ожидала[e)] Петербург и непомерная[f)] дороговизна дров, но против этого умно распорядилась полиция: закупила дров огромное количество и пустила их в продажу по умеренным ценам, в следствие чего и торговцы дровами должны были уменьшить цены. Против цен квартир, придумываемых воображением хозяев, подогреваемым[g)] нуждою жильцов, действовать так успешно, по крайней мере, так скоро нельзя.

Эта тяжелая неприятность подействовала на мое нравственное спокойствие не только из-за себя и своих, но и из-за Вас. До этого я мог сердечно[h] радоваться, что хоть некоторое время проведем мы вместе с Вами как одна семья, что Вы у нас будете как дома, пока не отыщете себе удобной квартиры: помещение наше было таково, что для всей Вашей милой семьи — по крайней мере на первое время — было бы не совсем неудобное помещение. Теперь — грустно подумать — мы должны лишиться этого удовольствия. Вместе с этим и отдельную квартиру Вам приискать будет не легко — особенно с мебелью и постелями. Квартир почти нет, а меблированные очень дороги. О гостиницах и говорить нечего: в них придется Вам платить[i] за помещение около 3 руб. в день. Все это вместе меня так сбило с толку, что я не знал, как и что писать Вам — и все откладывал со дня на день, авось либо придумаю что-нибудь для себя утешительное.

Придумал только вот что: недели за полторы до выезда Вашего из Берлина к нам уведомьте меня, когда Вы располагаете выехать, чтобы дети мои могли поискать для Вас квартиру. Вместе с тем уведомьте, в какую цену, не дороже чего, хотите Вы иметь помещение. С мебелью за комнату надобно платить у нас от 20 до 30 и более рублей в месяц; за две около 40. Без мебели, может быть, можно найти и за 20, за 25 комнаты две, — и то не очень взрачных, и, разумеется, не в центре города, а подалее. Ах, если бы только можно было найти не далеко или хоть не очень далеко от нас! За четыре года перед этим нам удалось семейству Шрамков,[k] приехавшим осенью, отыскать такую квартиру, что они в ней и остались на все четыре года, пока не выехали в Новгород. Если бы так удалось и для Вас! И тогда, впрочем, не удалось разом: они должны были прожить в гостинице дня четыре.

Вот пока все, что я придумал. Ужасно грустно!

По нашим железным дорогам зимою я не езжал, и потому сам от себя ничего не могу сказать. Дочь моя, Оля, которую Вы знаете,ездила недавно в Харьков, к больному дедушке; недавно же воротился мой больной шурин с семьею из заграницы: и Оля, и ее дядя нашли то, что называется комфортом; но теплое платье оказалось необходимым. Особенно деток надо хорошо закутать. Всего более надо позаботиться о ногах, чтобы им не было холодно. — На границе у вас просят паспорт. Если у Вас его нет, то попросите в русском посольстве. Я бы посоветовал Вам разузнать, нет ли в Берлине русских, особенно молодых ученых: их советы были бы Вам полезны. Еще советую познакомиться с русским священником в Берлине и воспользоваться его советами.

Поклонитесь от всех нас милой Вашей Сидонии Ивановне, перецелуйте деток.

Любящий и уважающий Вас

Измаил Срезневский

23 ноябр(я).

Ваше последнее письмо свидетельствует об успехах Ваших в русском языке. Уверенный в них, я не менее уверен, что Вы не побрезгуете и заметками на Ваши ошибки и потому посылаю прилагаемую бумажку.[2]

SMŽ. [a] так. [b] доставало. [c] — что и устраиваемся. [d] — не совсем так,. [e] ожидало. [f] — непомерная. [g] подгреваемым. — [h] сердцем. [i] тратить. [k] Шрамек.

39

1871, 10. decembra. V. Bogišić iz Petrograda

U Petrogradu 10/22. *decembra* 1871.

Mnogocijenjeni prijatelju!

Evo me već od prekjučer u Petrogradu. Viđeh se sa Sreznjevskim koji mi kaza da nećete ovamo doći prije polovine januara — što mi je bilo veoma žao čuti, jer se tad nećemo sastati ovđe, a ako to ne bude ovđe, bog zna kad će i gdje će biti. Novce od Universiteta držim da ste već primili.

Ja danas bijah u tovarišča ministra[1] koji me je veoma dobro primio — a sutra ću možda biti u ministra.

Moje pismo pisano Vam iz Odese Vi ste, držim, primili.

Naklon Vašoj gospođi a Vama prijateljski pozdrav od

Vašega

V. Bogišića

verte

Na dan pravoslavnoga božića 1871.

Ovo se pismo sve do danas valjalo po stolu, jer ne znadijah adresa, dok mi ga jučer Sreznjevski ne saobći, jer se pismo Vaše u kome je adres bio negdje zametnulo.

Novoga nemam Vam što pisati. Bijah i u ministra koji me veoma ljubezno primio — ali opazih da je i on bio pod uplivom petrburgskoga *vulgarnoga* liberalizma koji je, dakako, i ne pitajući kako je događaj tekao, na strani studenata[2]. On hoće da ja opet idem u Odesu te da čitam barem do kraja godine školske. A poslije ćemo viđeti što će biti.

Ja ću do 7—8 dana odlaziti put Odese, i tako se žalibože nećemo viđeti za sada. To mi je tim žalije što bi Vam možda od koje koristi bilo za svoje vladanje, kad bih Vam mogao na riječ pripovjeđeti koješta od toga što proživljah pošljednje dvije godine.

Pismo s rukopisom, koje se bijaše izgubilo, našlo se, ali ga ja dobih samo pred 3—4 nedjelje, pošto ja već iz nova napisah to što je izgubljeno bilo.[3]

Osim iz Varšave jučer primih poziv i iz Kijeva na katedru, ali još se ne odlučih ni na koju stranu. Rački me verbuje za novi universitet u Zagrebu, a i iz Beograda mi pisaše, ne bi li htio onamo preći.

Naklon Vašoj milostivoj i da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

40

1871, 19. decembra. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

19 дек(абря) 1871, СПб.

Оканчивается третья неделя с тех пор, как для меня начались теперь уже оканчивающиеся хлопоты по случаю археологического съезда, закрывающегося завтра.[1] Первую неделю я должен был принимать участие в заседаниях совета съезда, как председатель отделения памятников языка и письма, две другие не только в этом виде, но и как участник в сообщениях и в беседах. Заседания съезда были по два раза в день: от 12-и до 3-х и от 7-и до 10-и. Можете себе представить, что ничем другим нельзя было и подумать заняться, тем более, что к некоторым заседаниям надобно было приготовиться. Некоторые заседания я пропустил — то по нездоровью, то просто для отдыха. Так вот и сегодня Оля и Вяча на съезде, а я и Володя дома. Не удивляйтесь, что и Оля, Вам знакомая, поехала в заседание съезда: мои дети все, кроме двух маленьких, с женою бывали не редко, равно как и другие дамы и девицы. Не думайте однако, что для этой части собрания были как-нибудь прилаживаемы сообщения: бывало им кое-что и не понятно, и скучно; бывало и занимательно и по содержанию и по живости хода бесед. Не мало нового в отношении к разным научным вопросам сообщено было и здешними и приезжими членами съезда. Многое приготовленное осталось несообщенным по недостатку времени. Если не все это, то по крайней мере кое-что вместе с сообщенным найдет себе место в книге съезда этого, по счету второго. Книга первого (Московского) съезда вышла: это два тома в 4^{y} в 1000 страниц с множеством политипажей и атлас в большой лист из 53 лл. различных чертежей, рисунков, снимков и т.п. Мне кажется, что и книга 2-го съезда может быть не беднее, если не богаче. — Во всяком случае теперь можно отдыхать — и тем удобнее, что наступают рождественские праздники, дающие отдых от лекций до 7-го января.

В том доме, где мы теперь живем (Васильев(ский) остров, 8-я линия у Больш(ого) просп(екта), дом Кнопа), очистилась было квартирка в 2 комнаты. Мы было обрадовались, думали, что Вы ее займете, но Ваше письмо, уведомлявшее, что Вы остаетесь в Берлине до конца января, разрушило нашу надежду. Квартира была занята дня через два после получения Вашего письма.

В. В. Богишич теперь здесь, и — на сколько знаю от него самого — не хочет остаться в Одессе: со студентами дело его, как он говорит, совершенно кончилось,[2] но с товарищами у него что-то не ладно. Что и как было и есть, понять трудно. Что Одесский университет не беден прекрасными профессорами — это бесспорно, что есть и плохие, плохие и по нраву, бесспорно и это. Что между студентами есть не мало плохих — это также говорят все. Что университету в Одессе не место — в Одессе, городе портовом, торговом, разнонародном и, между прочим, жидовском, и это замечают многие. Я уже даже слышал, что было бы

не дурно, если бы его перевести в Екатеринославль.[3] Вместе с тем мне кажется, что и Богишичу следовало бы быть немного терпеливее, а может быть и осторожнее. Сколько знаю Вас, не думаю, что Вы можете подпасть какой бы то ни было неприятности, — и всего невозможнее, чтобы Вы испытали какую бы то ни было ни самую малую неприятность из того, что ей подвергся Богишич.

Прилагаю и при этом письме листок корректур.[4] Ошибок, как видите, отмечено мною не много; пропущено также не много. Я уверен, что Вы очень скоро наломаете Ваш язык на наш склад речи.

Нынешняя зима очень непостоянна: то холодно, то оттепель; вообще не сурова, но нездорова. У нас не мало больных, особенно детей. Я тоже кашляю от простуды, а простуда у нас при ветре очень возможна.

Кланяюсь от всех Вам и Сидонии Ивановне. Деток целую.

Вам преданный

И. Срезневский

— сожалеем Вас о затруднениях: сожалеем о Ваших за . . . Жалеть, сожалеть *о* ком, *о* чем — сострадать кому, чему. Жалеть кого = щадить кого.

— в какой-нибудь газете вм. в какой-то газете. Какой-нибудь = один из многих без различия = какой бы то ни было; какой-то = не знаю какой, не помню, какой.

— расказыванье вм. рассказ. Рассказыванье есть действие, рассматриваемое как предмет наблюдения; рассказ есть плод действия.

— зависеть *о* разных обстоятельствах вм(есто) зависеть *от* раз. обстоятельств.

— через это время вм. в это время, в продолжение этого времени.

— не будут ли вм. если не будут: *ли* употребляется более в значении разделительном или вопросительном; а *если* только в условном.

— одиною вм. одною: один, одна, одно, одного, одной, одни и пр.

— если как возможно вм. если только возможно или если как-нибудь возможно.

— смятения и доводятся в связь с Б. вм. смятения и находятся в связи с Б., или лучше с(мятения), в к(оторые) впутался Б.

— затрудняет *нему* вм. ему: видел *его*, дал ему, сделано им, иду от *него*, за *н*его, пишу к *н*ему, бегу с *ним*, за *ним*: всегда после предлога.

— ничего *угодного* вм. выгодного: угодное — то, чем можно угодить; выгодное — то, что полезно.

— принялся трудной задачи вм. принялся за трудную задачу.

41

1872, 2. februara. V. Bogišić iz Odese

Odessa 2/14. feb(ruara) 1872.

Mnogocijenjeni prijatelju!

Na Vaše tužbe o nemarnosti Rusa prema drugim Slavenima za danas ću Vam primjetiti samo to: da ja nalazim sasvim u redu; to jest produktom okolnosti o kojima ćemo se razgovarati ako bogda na okoriječ, ali ću k tomu pribaviti još i to da ćete s vremenom i koješta drugoga odkriti što će Vas možda još više iznenaditi. O svemu tome drugi put.

Ja odmah jučer otidoh k kaznačeju universiteta da ga pitam koliko Vašega novca u kaznačejstvu leži[1], ali ni on ne znade kazati napamet, jer je kancelarija zatvorena bila, nego mi obeća da sve što bude da će Vam odmah poslati. Ja mu dadoh Vaš adres.

Spoznaste li se tamo s naša vrla dva oficera Ličanina (g. Vojvodić i g. Katalinić)?[2] Ja Vam u Sreznjevskoga ostavih njihov adres. (Николаевская улица дом 37, кварт. 4). Spoznajte se s njima i oni će Vam veoma uslužni biti. Jedan od njih, dok ja tamo bijah, napisa izloženje o našoj universitetskoj istoriji, prvi referat koji je pobijao glupe i lažljive vijesti bečkih i nekih petrburžskih novinah, ali redakcija »Südsl. Zeitung« ne htjede štampati korespondenciju, jer je tobože *stara*. Staro može biti to što prvi put u istinoj odjeći izlazi i gdje se radi odbiti klevete neprijateljske na čast čovjeka koji se ne drži da je najzadnji među patriotima! Pa se Vi čudite Petrburžcima i Rusima da preziru Slavene?

Za danas dosta.

Moj naklon Vašoj gospođi, a Vam prijateljski pozdrav.

od Vašega

V. Bogišića

Radi nekakve *strike*[3] zagrebačkih slagara zakasni moja knjiga te bog zna kad će doštampana biti. I to, i vijest o redakciji Südsl. Zeitung saobći mi jučeranjim pismom Rački. On pošljednje, kako mi se čini, nalazi u potpunom redu!

42

[1872, prije 5. marta]. V. Bogišić iz Odese

Velecijenjeni Gospodine i Prijatelju!

Potrudite se molim Vas u tipografiju Akademije znanosti (u vašoj liniji na большом проспекте, угольный дом) pa pitajte, zašto mi ne šalju moju knjigu Разбор сочинения Н. А. Попова[1], od koje su pošljednji listi bili složeni još pri koncu godine. Pospješite, molim Vas, da mi to pošalju čim prije. Bijah ostavio punomoćje g. Vojvodiću[2] da uzme 23 komada te knjige te da ih razdijeli — ako ga vidite, pitajte ga je li to učinio? Čekam s netrpljivošću i zahvalnošću nekoliko slova od Vas o tome što učiniste za mene u berlinskoj biblioteci[3].

Ne zaboravite pisati mi jeste li počeli privikavati к жизни великой северной столицы i jeste li već počeli geläufig гаварить паруски.

Poklon i pozdrav Vašoj gospođi i da ste mi zdravo i veselo!

Vaš iskreni

V. Bogišić

43

1872, 5. marta. V. Bogišić iz Odese

Odessa 5. marta 1872.

Poštovani prijatelju!

Vaš jučerašnji telegram primih jutros u *nedjelji* i moj odgovor bit će primili kasno jer gospoda telegrafisti u praznike docno počnu raditi, a rano prestaju.

Dakle, kako Vam i u telegrami saopćih, Vaša je prošnja primljena i assignavka[1] Vam je poslana nazad 3—4 dni tako da, kako mi u kancelariji kazaše, Vi ćete je primiti do tri četr dni.

Veoma mi je žao da Vas je zakašnjenje birokratsko dovelo u nepriliku — ali što ćete, dobro je da počnete učiti podnositi les petites misères da Vas neprigotovljena ne snađu silniji udarci, kao što snađoše mene i kako će snaći svakoga poštena čovjeka u ovijem stranama koji svojim mjerilom mjeri druge ljude[2].

Bi ste li u tipografiji Akademije?

Naklon Vašoj gospođi i da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

44

1872, 24. aprila. V. Bogišić iz Odese

Odesa 24. aprila 1872.

Poštovani prijatelju![1]

Po Vašem pismu primljenome jučer vidim da Vaše pošljednje pismo ili pisma ja ne primih: evo dakle odgovora na jučerašnje.

Što se putnih novaca tiče, ne mogoh govoriti s Leontovićem, jer ja s njim ne govorim ima dva tri mjeseca[2], ali zato raspitah u kancelariji kako stvar stoji. Rekoše da se putni novci ne šalju naprijed, nego da se daju kad prepodavatelj dođe u Odesu. Premda ja to ne vjerujem, a mislim da bi se moglo i prije poslati, ipak Vas ne svjetujem da ih pitate sada, jer 1) to ne čini dobar utisak, 2) znam da nema u kasi novaca, pa zato Sovjet bi Vam opredijelio kakve 200 ili 300 rubalja a s početka godine, kad je novaca dosta, opredjeliće i 500 ili 600 a možda i više, 3) da će Vam ti novci kad ovamo dođete veoma кстати biti на обзаведение хозяйства.

O Vašem pokućstvu koje je u Zagrebu mislim da bi ovako bilo najbolje. Neka Vam odprave stvari u Odesu na Vaše ime, jer inače će Tamožnja (Zollamt) tražiti da se plati pošljina. Kad izračunate da stvari mogu biti prispjele

u Odesu, tad pišite prošnju Pravljenju universiteta: чтобы изволило сделать разпоряжение, чтобы вещи были освобождены от пошлины и отданы на хранение экзекутору университета Ивану Ивановичу Шульцу. Kako ja ne mislim biti u Odesi u to vrijeme, to ja govorih s Šuljcom, i on se je dragovoljno primio za taj posao.

Što se napokon Vašega dolaska u Odesu tiče, mislim da neće biti kasno kad bi i okolo svrhe julja ovamo došli, ali ne kasnije, jer poslije polovine avgusta počinju dolaziti gospoda от дач pa će teško biti naći kvartira.

Ja ću teško ove godine za granicu. Htio sam doći do Petrburga, ali će i to jedva biti, radi uzroka koji ne zavisi od mene. Najvjerojatnije je da ću u Krim i na Kavkaz, gdje još ne bijah, a poslije toga ću se doma vratiti jer imam silu radnje. Ako vremena bude možda se trknem do Moskve: ja tamo imam znanca gdje mogu odsjesti te mi neće barem nuždno biti trošiti za kvartir. Kad bi moji ispiti bili naznačeni ranije (naznačeni su na 12 maja), bio bi došao i do Petrograda.

Vi ste veoma pogodili взгляд русских на братью Славян i lijeka mu ne znam za sada. Ali ja sam čovjek koji se ne zadovoljuje konstatiranjem fakta nego tražim i uzrok pojava. Istražite to, et eris mihi magnus Appolo! U ostalom biće o tome živoga razgovora kad se vidimo: teško je o tome tuhtete pisati, osobito kad čovjek nema kad.

Moja je knjiga već poslana iz Petrograda i ja je već i primih.[3] Žao mi je da ću morati opet u Petrograd šiljati nekoliko ekzemplara tamošnjim znancima, ali ću počekati dok mi iz Zagreba pošalju doštampanu knjigu[4] pak ću poslati sve našemu zemljaku g. Vojvodiću.

Za danas dosta.

Кланяйтесь Сидонии Ивановной, pozdravite gg. Vojvodića i Katalinića i da ste mi zdravo i veselo!

Vaš iskreni štovatelj

V. Bogišić

Iz pisma Grigoroviču uvjerio sam se da ste uz dobra majstora u Petrburgu относительно политики с российскими литераторами. Ja te politike ne znadijah te i nagrajisah. Pismo je vaše činilo Grigoroviču прийти в восторг! Uklopljeno pisamce izvolite zamoliti gosp. Katalinića da bi ga predao mojoj prepiščici koja radi u Archivu glavnoga štaba.[5] On je zna.

45

1872, 25. aprila. V. Bogišić iz Odese

Odesa 25. aprila 1872.

Velecijenjeni prijatelju!

Sad se bogme nećete potužiti da Vam ne pišem često: pisah Vam jučer pa evo me da Vam i danas pišem dva slova.

Jučer je bilo u nas заседание библиотечной коммиссии našega universiteta, u kome se je govorilo o naznačenju jednoga komisionera u Petrburgu ili u Moskvi. Kako sam ja predsjednik (sit venia verbo) te komisije,

tako mi ostali članovi dadoše nalog da se obratim k Vama s molbom da biste Vi s pomoću Sreznjevskoga ili Lamanskoga izbrali nam valjana komisionera (jer ovđešnji ne valjaju ništa) te koga nađete da je najbolji, da pregovorite s njime pod kojim bi uvjetima on mogao služiti našu biblioteku.

Najglavnije je da uglavite s njime: kako će nam on šiljati *novitete* ruske knjižne trgovine (nam treba ruski, jer inostranoga imamo), kako će mu svi šiljati natrag to što nam ne treba i t. d. O tome šta s njime svršite pišite *što je moguće prije*, ili meni ili u Pravljenje для передачи библиотечной коммиссии — da i mi sa svoje strane postavimo kakve uvjete ili da primimo njegove. Neki su članovi savjeta predlagali društvo »Русская книжная торговля« a drugi knjižara Черкесова. Raspitajte za obojicu.

U našoj kancelariji obaznah da s platom mjeseca maja bit će Vam poslani i kvartirnije[1], koji iznose okolo 60 ili 70 rubalja. Dakle veselite se.

U hitnji.

Da ste zdravo i veselo!

S osobitim poštovanjem

Vaš

V. Bogišić

46

[1872], 27. aprila. V. I. Grigorovič iz Odese

Милостивый государь Игнатий Викентьевич.

Письмо Ваше, которым Вы почтили меня, имел я честь сообщить членам И(сторико)-Ф(илологического) факультета, изъявившим единодушно самый радушный привет Вам. Ученый, каждый труд которого носит знак возвышенного его призвания, будет всегда желанным сотрудником, усилит значение юного университета.[1] Члены факультета непреминут отвечать Вашим желаниям, направленным на пользу науки, и со своей стороны заранее согласны с Вашими предположениями.

Что касается преподавания Вашего, то, так как наука еще нова, не будет против правил, если почтенный ее преподаватель не обременит себя на первый год большим количеством часов. Даже три часа в неделю будет довольно, дабы слушатели могли постепенно ознакомиться с ее задачами.

Каждый молодой профессор имеет право располагать достаточно свободным временем, чтобы сжиться с новыми отношениями. Это Ваше право — будет уважено.

В деле выбора чтений скорее могут встретиться затруднения со стороны слушателей. Для них желательно было бы, дабы преподавание сначала было предварительно. Поэтому, если назначите час или два на элементарный курс санскр(итского) языка, остальное можно посвятить тому, что Вы полагаете вводным курсом.

Если Вы пожелаете преподавать др. (-) сл. язык сравнительно, то этим Вы, конечно, усилите внимание к нему. Профессор ср(а)внит(ель-

ного) языкознания, славянин, имеет преимущество дать своему преподаванию прикладное значение, применяя его к славянским языкам. Такое важное преимущество не найдет противоречия.

Преподавание слав(янской) филологии, которое до сих пор совершалось, было более энциклопедическое. Преподаватель, следуя давней программе, читал по курсам I.) обозрение славянских языков, 2.) древнеслав(янский) язык вместе с историею его изучения, 3.) древности славянские, 4.) историю слав(янских) литератур. По невежеству своему он не давал места специальному курсу, так как новость науки требовала знакомства с объемом ее, конечно на счет содержания.

Молодой преподаватель, А. А. Кочубинский, недавно избранный Советом университета в надежде быть преемником старого, улучшит и изменит конечно это преподавание; можно, однако ж, думать, что участие такого ученого, как Вы, в славянской науке будет на пользу университету. Предварительно поручаю Вашему доброму участию А. А. Кочубинского, воспитанника Моск(овского) универ(ситета), который с 1867 стал известным славянам по своему сотрудничеству. Он уроженец южнорусского края и, как сын почтенного священника, питает особенную любовь к южным славянам.

Прочие преподаватели Факультета суть: Михаил Павлович Смирнов, декан и проф. русской истории, Влад(ислав) Норб(ертович) Юргевич, проф. римской словесности, Д. П. Лебедев, доцент греческой словесности, И. С. Некрасов, доцент русской словесности, Р. В. Орбинский, проф. философии, В. М. Войтковский, проф. истории церковной, Ф. К. Брун, преподаватель истории всеобщей.

Вам, конечно, известно, что в начале университета профессором русской словесности был знаменитый П. С. Билярский, но смерть похитила его на втором году его деятельности.

Ознакомив Вас с составом факультета, желал бы сказать два слова об отношениях его. Одесса — базарный город, филологии и археологии не жалует. Поэтому преподавателям чуется здесь не ловко. Тем больше славы для грядущих тружеников, желающих действовать вопреки нечистому ее духу.

Юношеству, конечно, много соблазнов. Развитие их дарований слишком подчиняется внешним влияниям, не журнальным только, где pro и contra предоставляется собственному рассуждению. Нельзя скрыть того, что есть живые соблазны. Бедный южный край обогатился пройдохами, умеющими и вне Одессы расстроить направление учащихся. Все это не должно Вас колебать. Ваши труды — предтеча лучшего направления в юношестве.

Любезное Ваше письмо[2] первыми строками своими призывает меня к долгу признательности, неизгладимой временем. Милостивому вниманию Ваших соотечественников обязан я добрым поощрением.

Еще в начале путешествия встречен я был в Солуне с достойным конс. Михановичем[3], как подобает страннику. Невежда, стесненный затруднительными отношениями, я в городе св(ятых) св. Кирилла и

Мефодия нашел соревнование, которое ободряло меня. Г-н Михановичне ограничился только беседами и показанием редких рукописей, но снискал мне доверие Омер паши, кроаты[4], что мне помогло безбоязненно посещать древние мечети и пр.

Потом, потом спустя слишком год, возвращаясь из Далмации, я имел счастье, найти для себя в Загребе еще в 1846 году — славянскую академию. Б. Бабукич, Деметер, Людевит Гай, А. Мажуранич, любезный Станко Враз, как могли помогали моему невежеству. Они и показывали мне и читали мне все то, что по тогдашнему состоянию науки казалось полезно преподавателю ее. Если я не воспользовался, как другие, их добрым участием — в этом виновата моя бесталанность. Солдатское мое путешествие принесло мне больше горя, чем пользы для науки. Я, однако ж, признательно поминал это участие и несказанно изумился чести, которой они меня удостоили в 1852 году, и которой не заслужил. Жалею за себя, что не умею и не сумею засвидетельствовать, как должен, эту признательность.

В лице Вашем, ознаменовавшем себя столь важными трудами, желал бы иметь счастье приветствовать преемника незабвенных своих руководителей. Меня крайне печалит, однако ж, то, что, вероятно, за близким сроком выслуги моей, лишен буду возможности заслужить Ваше внимание.

Обстоятельства указывают мне путь, на котором мне не сойтись с достойными представителями науки, и поэтому могу выразить только убеждение, что Ваша деятельность обещает юному университету успех, какой только может он пожелать себе.

Такой именно привет посылаю Вам вместе с пожеланием благополучного приезда в Одессу.

Покорный слуга

В. Григорович

27 апр(еля)

Одесса

Осмелюсь просить Вас засвидетельствовать Измаилу Ивановичу и милос(тивой) государыне его супруге мое почтительнейшее уважение.[5]

47

1872, 29. aprila. Ol'ga I. Sreznevskaja iz Petrograda

Завтра, кажется, дают на Мариинском театре[1] одну из наших лучших опер, Руслана и Людмилу.[2] Сообщаю Вам об этом, потому что Вы выражали свое желание познакомиться с русской оперой. Если Вы сегодня вечером или завтра рано отправитесь в кассу, то может быть еще достанете места. В Мариинском театре прекрасные, огромные ложи по 7 и 6 рубл.; есть и дешевле, но из тех не так хорошо видно. В креслах же, я думаю, Вам было бы неудобно с детьми, да и цена не выйдет де-

шевле. Опера эта очень хороша и занимательна даже и для детей, так как в ней интересное содержание и прекрасные декорации; один ее недостаток — немножко длинна; но с этим недостатком легко помириться. Я сама сегодня хотела прийти к Вам, чтобы сказать об этом, но не с кем было.

До свидания; надеюсь, что Вам удастся достать ложу.

Ваша

Ольга Срезневская

29 апреля 1872 г.

Завтра днем будет большой парад на Царицыном лугу.

48

1872, 28. augusta. I. I. Sreznevskij iz Ižore

28 авг(уста) 1872, Ижора

Письмо Ваше, вчера нами полученное, меня порадовало — не содержанием, а приходом вести о Вас и Вашим добрым к нам расположением. В. И. Ламанский кое-что мне сообщил о Вас, но так неопределенно, что я не мог не желать узнать более: это одно. Другое: чем более кого любишь сам, тем более от того желаешь доброго внимания. Я люблю в Вас даровитость, любознательность, усердие и вместе с тем нежность мужа и отца, желаю Вам добра, как родному, и не мог не порадоваться, что и Вы не отворачиваетесь от меня, хотя и мало было случаев Вам узнать меня или лучше сказать нас.

Вместе с тем не могу и не досадовать и не горевать, что в Одессе Вы не нашли того, что надобно было бы найти, чтоб покойно глядеть на жену и деток и покойно заниматься. Но не теряйте надежды и идите как начали идти. Я уверен, что Вы не затеряетесь. Кстати вспомнить о моем добром Шрамке. Лет за пять, если не менее, приехал он сюда, как стипендиат на место учителя гимназии на жалование 700 руб. и начал учиться по-русски. Через несколько месяцев он предложил в 5-й гимназии давать уроки и разом взял 13 или 11 даром, т. е. за ту же стипендиальную плату; а у него была жена, трое детей и теща, и был навык жить в довольстве (прежде он был пастором в Силезии; а ехать в Россию задумал потому, что не хотел своих детей воспитать немцами). Не прошло году, как слава о нем, как о хорошем учителе древних языков, пошла по Петербургу, и у него число частных уроков стало возрастать, возрастать и плата за них. Скоро после он сделан был старшим учителем 5-й гимназии, и стал жить припеваючи. Старушка теща, бывши прежде всем недовольна, расцвела душею: »слава богу, слава богу«, говорила она: »теперь нам так хорошо, что лучше не надо«. Но на этом не остановилось: за год перед этим он переведен был в Новгород инспектором гимназии; а теперь — говорят — опять призван в Петербург — директором 8-й гимназии, и все радуются, что он получил это место а не кто другой. Радуюсь и за него, и за тех, от кого зависело это . . . Бог даст, придется мне радоваться и за Вас.

Между тем, я уже написал письмо И. Д. Делянову[1] о Вас и просил его об участии в Вашем деле. В своем письме к нему я выписал многое из Вашего письма ко мне, думая, что лучше передать дословно, чем переменяя слова, и что эта дословность лучше будет говорить за Вас. Завтра, вместе с этим письмом к Вам, мой Вячеслав[2] повезет и то письмо. Я не пропустил в нем и того, что Вы пишете относительно Ваших греческих лекций. Если найдете удобным, возьмите и еще и вообще постарайтесь об этих лекциях, чтобы они были как можно более полезны для слушателей. Это для Вас нужно: Вы за них можете получить вознаграждение и потом через них получить дорогие уроки в богатых частных домах, не говоря уже о добром мнении о Вас в разных кругах. Вместе с тем прошу Вас — конечно, также не для себя — прислать мне план Ваших лекций по энциклопедии и методологии языкознания — для прочтения в Филолог(ическом) обществе и в Академии и для сообщения о Вас сведений в протоколах академических, печатаемых в газетах.

Мы все еще на даче, и нам тут так хорошо, что хотим остаться пока держится хорошая погода. Мои университетские лекции начнутся еще не очень скоро, не ранее 7го сентября, да если бы и не переехали[a)] в город к тому времени, то это ничему особенно не помешает: готовиться я могу и здесь. Сыновья уже начали ездить в город, но на ночь всегда один из них приезжает сюда.

Во всяком случае лето уже прошло, и я могу спросить себя: что сделал? Увы! Сделалось очень немногое. Написана критика на книгу, порученную Уваровской комиссией[3], написаны вчерне и[b)] не[b)] полно[b)] примечания к переписке Востокова[4]; написана записка об описании Хлудовских рукописей для прочтения в Академии[5]; вписано на карточки сотни четыре слов[6]; и только. Не то я воображал сделать. И так бывает однако каждое лето: надеешься и ошибаешься в расчете. Пора бы и перестать надеяться.

За то погулял: порыскал пешком и в тележке, покопался в грядках[c)], понежился на солнце, и весело буду вспоминать об этом лете. Даже и на выставку в Москву не захотелось двинуться[7].

Поцелуйте за нас Сидонию Петровну и милых деток и поклонитесь от меня в Загребе доброму Вашему тестю, его брату, Даничичу, Рачскому[d)], Матковичу и пр. Кстати о Матковиче: он был у меня в городе, оставил карточку и пропал. Мне очень жаль, что я с ним не виделся[8].

Да будет на вас всех благословение Добра.

Ваш И. Срезневский

SMŽ. [a)]приехали. [b)]— и не полно. [c)] грядких. [d)] Рачкому.

49

1872, 16. oktobra. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

16 окт(ября) 1872

Любезнейший Игнатий Викентьевич!

Сегодня случилось мне получить два известия относительно Вас и одно спешное, успокоительное и потому пишу не медля, как и обещал прежде, слишком за два месяца перед этим.

И. Д. Делянов[1] пишет мне, что он »входил в сношение с министром финансов, который ныне уведомил меня, что им предложено департаменту таможенных сборов сделать распоряжение, как о пропуске беспошлинно имущества г-на Ягича, имеющего прибыть из заграницы; так равно и о возвращении ему, уплаченных им Одесской таможне, пошлин за привезенные уже из заграницы вещи«.

Ясно, что И. Д. Делянов не напрасно обещал похлопотать о Вас. Душевно поздравляю.

Другое известие о Вас получено мною от проф. Павлова, в письме от 10 окт(ября). Он уведомил меня об избрании Вас в ординарные профессора. Искренно радуюсь, поздравляю Вас и die Frau Staatsrätin[2], и не могу не порадоваться за Ваш университет. С этим добрым известием А. С. Павлов соединил и не доброе, опечалившее всех нас, о Вашем нездоровьи. Ради Бога, подчинитесь воле врачей, берегите себя и вместе не унывайте духом. Бог даст все пройдет, тучки рассеются, и над Вами засветит приветливо русское солнце.

Мы все, слава богу, теперь здоровы, даже и я, после недавней боли в печени и усилившихся было головокружений, как будто стал здоровее.

На днях здесь был Ваш давний знакомый, француз Лежер; всем нам в семье очень понравился, часто бывал у нас как дома, и поехал на запад с тем, чтобы побывать и в Киеве, а может быть и в Одессе. Если будет в Одессе, то без сомнения будет и у Вас. По-русски он говорит как немногие из французов, долго живших на Руси, и знает многое по русской литературе.

Поклонитесь при свидании В. И. Григоровичу, Леонтовичу, Богишичу, Павлову и пр., поцелуйте Ваших милых и не забывайте любящих Вас.

И. Срезневский

50

1872, 29. novembra. V. Bogišić iz Petrograda

U Petrogradu 29. novembra 1872. po starom

Mili prijatelju!

Nadam se da će Vas ovo moje pismo naći u već podobro ukrijepljenom zdravlju[1] — ipak, da Vas ne umorim, bit ću što je moguće više kratak.

Evo Vam rječnika na prosmotr. Što Vam se god čini suvišno, netočno, nejasno, popravite sve bez milosrđa — što više išarate, bit će mi milije. Predgovor ne mogoh zgotoviti ovđe, jer se našla gomila drugijeh posala koja me je zadržala. Poslati ću Vam ga ako bog da iz Praga. Riječima: *asprica, poklisar, igalo* dodajte grčku riječ jer im se ja, ne imajući kod sebe rječnika grčkoga, ne sjećam točne forme, tim manje što su dvije prve više vizantijskoga značaja. Ne znam ima li i riječ latinska *cassis* svoj grčki ekvivalenat, riječ koju navedoh sub *kaciga*.

Zajedno s rukopisom rječnika šaljem Vam i jednu litografisanu knjigu: История русского законодательства[3] da biste je predali g. Jakšiću ujedno sa priloženim biljetom s nalogom da bi otišao ka g. Vučetiću[4], predao mu moju vizitnu karticu i molio ga da mu dopusti proiskati ovake 2 ili 3 knjige litografisane koje se nalaze među mojim knjigama kod njega ostavljenim. Nađene knjige neka preda Vama a Vi mi ih izvolite poslati, ujedno s ovom koju Vam šaljem, u Prag na ime g. Adolfa Patera[5] u Češki muzej radi predaje meni. Litografisanu knjigu Vam šaljem zato da je g. Jakšiću lakše naći knjige koje mi trebaju, jer su one u formi *lekcija*, litografisane, pače i u jednakim koricam. Za zavoj koji ćete mi u Pragu poslati nemojte Vi poštu plaćati nego ću je platiti ja kad ga primim.

Rječnik možete pridržati kod sebe dok Vam pošaljem predgovor, pa mi oboje ujedno poslati — ali litografisane knjige izvolite mi poslati u Prag pošto ih g. Jakšić nađe.

Recite g. Jakšiću da mi piše u Prag, na označenu adresu, kako je izvršio nalog što se tiče zabjenja knjiga u sanduke. Moje pismo poslano mu nazad 3—4 dni držim da je primio.

Ja se sastadoh sa gg. Vojvodićem i Katalinićem; oni se s najvišim interesom raspitaše o Vama i o Vašim. Vojvodić je počeo bit veseliji, saglasio se sa mnom da dok je čovjek među vukovima treba da po vučiju vije. On se u ostalom nada postati o Božiću ili ob Uskrsu štabs-kapitanom. — Ja ga odvraćam ići na željeznice dok mu ne dokazana bude nesumnjiva korist od te promjene.

Ja već primih i oficijalno nalog otići u Crnu Goru radi pisanja zakona — ali za sada samo da vidim šta hoće knjaz te da sastavim plan za taj posao — ali se samoga posla ja još definitivno ne primih.[6]

Ja ću do 6—7 dana odlaziti iz Petrograda, tako da do jedno 15—20 dana držim da ću biti u Pragi.

A sada primite prijateljski pozdrav ujedno sa naklonom Сидонии Петровной. Živite mi veselo!

Vaskolik Vaš

V. Bogišić

51

1872, 23. decembra. V. I. Lamanskij iz Petrograda

23 дек(абря) 72, Петербург

Многоуважаемый и добрейший Игнатий Викентьевич. Сейчас получил письмо от Срезневского, извещает о кончине Вашей милой дочки.[1]

Искренно от всей души соболезную Вашему и добрейшей жены Вашей семейному горю. Слышал я недавно од Богишича, что Вы сами были очень больны. Грустно и больно в высшей степени, что Вам в России пришлось понести столько горя и неприятностей. Я еще не отец, но скоро надеюсь им быть, и потому лучше бездетного холостого человека понимаю все значение Вашей потери. Да, батюшка, жизнь прожить не поле перейти. На минуты, на часы счастья и радостей жизнь приносит нам столько горя и печали. Я на веку моем, и еще очень недавно, испытал довольно горя и страданий. Становилось тошно жить, хотелось на все махнуть рукой. Но потом умирялся, успокоивался, поглядев вокруг себя, припоминая десятки знакомых жизней еще более несчастных, и, признаюсь, мне становилось стыдно роптать на судьбу. Да разве десятками, а не тысячами придется тут считать. Когда мне жить тяжело, я всегда заставляю себя думать и припоминать о примерах чужих несчастий. — Простите, многоуважаемый друг и брат, за эти строки и примите их за искреннейшее выражение моего сочувствия к Вам и к жене Вашей, которой прошу Вас передать мое глубочайшее почтение.

Письмо Ваше пришло ко мне, когда все наше семейство было в величайшем горе от внезапной и страшной болезни старшего брата, с которым я постоянно в то время сидел и ходил. Его болезнь была нервная. Теперь, слава богу, он поправился. Не написав письма тотчас, я потом все откладывал мой ответ, и по русской лени вообще, и по моей собственной особенно, не написал Вам доселе.

Мне было грустно читать Ваше письмо, и я сердечно порадовался, прочитав в газетах приказ об утверждении Вас ординарным проф. Нора[2]! Впрочем, как слышал от Богишича, жизнь в Одессе тяжела и для ординарных, особенно семейных. Жаль, что нельзя Вам было остаться у нас в Питере.

Из новостей наших укажу на две. Вышла книжка Успенского »О первых слав(янских) мон(астырях)«[3] и диссертация Минаева об языке Пали[4]. Обе я Вам пришлю вскорости. Последняя, по-моему, работа прекрасная.

Я получил еще 4 лекции в неделю (за 1200 р.) в Дух(овной) Акад(емии). Читаю им только язык, и потому снова взялся за давно оставленную сравнительную грамматику. Перечитывал нынче Боппа и Шлейхера, Курциуса и читал вновь Л. Мейера и нек(оторых) друг(их) по этой части. Я очень рад случаю, который меня заставил засесть за работу, которую всегда любил, но должен был временно оставить.

Буду писать Вам в непродолжительном времени. Поздравляю Вас и супругу Вашу с новым годом, желаю от души, чтоб он прошел для Вас без малейшего горя и страдания.

Душевно Вам преданный

У Большого театра, 12 В. Ламанский

52

1873, [7. januara]. V. Bogišić iz Beča

U Beču 19. januar 1873.

Mili prijatelju!

Ja već prošaste nedjelje slušah o nesreći zgodivšoj se u Vašoj familiji[1], — ja ne htjedoh vjerovati, činilo mi se nemoguće .... ali juče bi ovđe Matković iz Zagreba koji mi potvrdi žalibože žalosnu vijest. Ne treba da Vam kazujem, koliko me je ožalostila ta nesreća možete si i sami misliti, ali si i ja mogu predstaviti: kolika u Vas i Vaše gospoje ima bit bolest i očajanje, te je dužnost prijatelja da prijatelju u takim okolnostima kaže dvije riječi utjehe. Ipak, kad bi ja i najriječitiji govornik bio, ne vjerujem da bi Vam mogao više kazati nego kaza simpatični pjesnik Malherbe svom prijatelju pri sličnome slučaju:

.....

Et *rose*, elle a vécu ce que vivent les roses
L'*espace d'un matin* ....
La mort a des riguers a nuls autres pareils,
on a beau prier;
La cruelle qu'elle est se *bouche les oreilles*,
Et nous laisse crier.
Le pauvre en sa cabane, ou le chaume le couvre,
Et sujet a ses lois;
Et la garde qui veille aux barrières du Louvre
N'en defend point nos rois.

Najveći argumenat da protiv sudbine ništa ne može pomoći, nadam se da će Vas i na silu umiriti, te da ćete tim argumentom preodoliti i jadikanje Vaše supruge koja je, dakako, još više nego Vi ucvijeljena, — pa mogu i prestati o takoj žalosnoj stvari govoriti.

Ja se nadam da ste se Vi već posve oporavili što Vam, ujedno sa naklonom milostivoj gospođi, od srca želi

Vaš prijatelj

V. Bogišić

P. S. Ako biste mi imali što pisati ili mi poslati »Rječnik«[2], Vi se ne mučite, nego predajte našemu kaznačeju Selivanovu da mi pošalje. On i bez toga svako 15 danâ pošilje pisma koja mi dolaze na universitet.

53

1873, 20. januara. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

20 янв(аря) 1873

Пиша к А. С. Павлову, не могу не написать Вам. Не писал Вам прежде — сначала потому, что не считал себя в силах сказать Вам хоть какое-нибудь слово утешения в потере Вашей, потом заболел горлом, проболел месяц, до праздников не читал в университете, и в том числе

недели полторы или две лежал ни чем не занимаясь, а потом, поправясь, увлекся работою. На днях В. И. Ламанский сказал мне, что получил от Вас письмо в ответ и мы вместе поскорбели о Вас и о Сидонии Петровне, затем письмо А. С. Павлова вновь пробудило во мне упрек совести, что я не писал к Вам — и вот я взялся за листок.

Теперь, может быть, уже могу Вам передать то, что мы с Олею вспоминали о загребских наших впечатлениях[1], когда получили от Вас известие о Вашей тяжелой потере. В Загребе еще нам показалось, что Еличкино здоровье очень непрочно[2], что она болезненно держит голову и грудь. Вот почему и в Петербурге, любя Вас всех одинаково, всего нежнее был я к Еличке — по чувству сострадания. Никогда мне, как отцу, не приходилось испытывать несчастия, тем не менее чувствую, что это такое, понимаю Ваше тяжелое горе и не могу ему не сочувствовать. Тем не менее думаю и убежден, что это несчастие Вас ожидало, где бы Вы ни были, как бы Вы ни старались отвести его от себя — если и не так рано, то позже, когда оно было бы для Вас еще тяжелее: так уж Еличке было на роду написано; она была не от мира сего. Понимаю и умом и сердцем Вашу скорбь, также как понимаю Вас как человека, и скорее готов плакать с Вами, чем решиться Вас утешать. Позволю себе только сказать Вам и Сидонии Петровне то, что чувствую, как семьянин, несколько понимающий святость семейного союза: не давайте свободы Вашему горю, превращайте и его в любовь друг к другу и ко всему доброму, и пусть Станька вырастает под Вашим крылом Вашим ангелом-утешителем.[3]

Целую Вас братски

Ваш

И. Срезневский

54

1873, [21. januara]. V. Bogišić iz Beča

U Beču 2. februara 1873.

Mili prijatelju!

Za predgovor zborniku pjesama treba mi znati: odkle je naš Križanić rodom.[1] On sam kaže da se je rodio меджу Купоіу и Вуноју риками во уіездех Бихща града окол Дубовца, Озља и Рибника острогов.

Meni se čini da je to negdje u Bosni ili u turskoj Hrvatskoj u okolini Bihaća (?), ali me ometa to što Vi kažete u svojoj recenziji da je on *kajkavac*.[2] Izgovor *Vuna* mjesto *Una* i meni svjedoči da je *znao kajkavski*, ali je pitanje: da li se rodio Križanić u okolici *štokavskoj* ili *kajkavskoj* — jer se kajkavski mogao naučiti u Zagrebu gdje je proživio nekoliko godina kao seminarista. Za Vaše mnijenje o tome veoma ću Vam zahvalan biti.

Onomadne mi g. Jakšić[4] pisa da je moj чемодан koji se bio izgubio na Kavkazu, prispio na zdravlje k g. Vučetiću u Odesu i da se u njega od davna nalazi.[5] Naprotiv V. I. Selivanov u oba pošljednja pisma kaže mi da o чемодане нет слуху ни духу! Ja mu pisah nazad nekoliko dana da mi pošalje

kofer taj što je moguće prije te da me avizira pismom da ga je poslao, ali ni ja od njega nemam još ни слуху ни духу. Kad budete u Universitetu svratite se, molim Vas, u Kaznačejstvo[6], te kažite Selivanovu: da mi pošalje taj kofer ili чемодан što je moguće prije, jer još neću dugo u Beču ostati. Ako on nema kada, molite Jakšića da mu pomože opremiti taj posao.

À propos! Molim Vas da date Jakšiću 5—6 rubalja što se mučio zabijati knjige u sanduke i druge usluge, pa ih zapišite na moj račun, ili ih možete uzeti od moje plate u Selivanova. I što se plate tiče (za novembar i decembar) napomenite Selivanovu da mi pošalje čim prije. Ja mu punomoćje poslah još prošle nedjelje.

Ako ste pregledali moj rječnik, veoma biste me obvezali kad biste mi ga prislali ili, što je još lakše, dali Selivanovu da mi pošalje ujedno s pismima koja su se nakupila.

Vama prijateljski pozdrav, a učtivi naklon Vašoj gospođi od

Vašega iskrenog

V. Bogišića

P. S. Nadam se da ste moje onomadnešnje pismo primili.

55

1873, 20. februara. V. Bogišić iz Venecije

U Mletcima 20. febr(uara)/5. marta 1873. (Ćir.)

Mili prijatelju!

Evo me u Mletcima, ali samo na nekoliko dana, jer jučer dobih od ruskoga poslanika u Beču pismo u kome mi saopćuje: da knjaz moli da bi došao na Cetinje što je *moguće prije*, dočim je prije želio da dođem tek u *maju* mjesecu.[1] Dakle tek što počeh raditi u ovđešnjem archivu, moradoh ostaviti, i početi opet podgotovnu radnju crnogorsku.

U Beču sam se bavio najviše uređivanjem materijala za obično pravo (takođe kao podgotovku crnogorskoj radnji) koje sam i zgotovio, što se grube radnje tiče, sad ostaje politura. Morao sam u Beču ostati jer u Mletcima nema ko da mi hrvatski prepisuje. Putem u Mletke svratih se u Zagreb gdje mi u sjednici akademičkoj obećaše 30 fr. za tabak, a 50 za predgovor i 40 eksemplara gratis. Kako je knjižurina debela, tako će možda honorar iznijeti okolo 1000 for. Rukopis ću predati u štampu do mjesec ili dva.[2]

Miklošić, komu pokazah rukopis, пришел в восторг kad je vidio bogatstvo materijala; on je želio da se iz Beča nikud ne krenem dok djelo ne bude posve za štampu prigotovljeno. Ako je upisano valjda u zvjezdama, da ja neću moći nikad življeti kako ja hoću. Zbilja!... Miklošić me zamoli da Vam pišem da bi Vam on veoma obvezan ostao, kad biste mu poslali one выписки iz peterburžske biblioteke (ako se ne varam) koje mu sami ponudiste.[3]

I mene biste veoma obvezali kad biste pisali: kakvi su to neredi bili tamo u Sovjetu nazad mjesec ili dva, jer meni Sabinin ništa o tome ne pisa. Jeste li izbrali rektora?[4]

A sad Vas molim da predate uklopljenu prosbu rektoru kao predsjedniku правления, jer trebam novaca. Promislio sam da će najlakše biti šiljati mi platu u institut s kojim sam ja u conto corrente (t. j. kad trebam novaca daju mi, a kad ih imam odviše, ostavljam ih do svake godine) jer mi je od njega lakše, koji ima svuda svoje filijale, dobiti novaca kad trebam i gdje ih trebam

Ako biste mi htjeli pisati do jedno 10—12 danâ pišite u Mletke *S. Marco, corte S. Zorzi, abitazione della Signora Mola No. 1079.* a poslije *nel consolato Imperiale Russo a Ragusa.*

Naklon Vašoj gospođi, a pozdrav znancima: Kunicinu, Pavlovu, Smirnovu, Sabininu i t. d. i da ste mi zdravo i veselo!

Vaš

V. Bogišić

P. S. Budite tako dobri kazati Алексею Васильевичу Куницыну da sam tek nazad 2 nedjelje dana u mome чемодану, koji primih u Beču, primio i klobuk koji mi on bijaše zajimao kad sam išao na Kavkaz, ali kako je bio oštećen na putu, to ga ja dadoh sasvim obnoviti (ostade samo stara Gerüste) u Beču, te mu ga tako obnovljena poslah po g. Petru Tripkoviću koji je uprav odlazio u Odesu. Ja mislim da ga je primio. Molite ga od moje strane da oprosti, ali ja nijesam kriv, jer je i moja roba oštećena došla. U ostalom on ne štetuje ništa, jer mjesto staroga poslah mu novi klobuk.[5]

56

1873, 26. februara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 26. Februar 1873

Hochgeehrter Freund!

Ich empfehle ihnen den französischen Reisenden und Ethnographen Alphons Pinart auf das Beste. Er hat hier bei uns das Ethnographische Museum der Akademie fleißigst studiert. Orientieren Sie ihn gütigst in Odessa[1].

Mit den besten Wünschen und herzlichen Grüßen an die lieben Ihrigen

Ihr Ihnen ergebener

Schiefner

57

1873, 28. marta. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 28. März/9. April 1873

Hochgeehrter Freund!

Ihr lieber Brief vom 24. d. M. ist mir vor wenigen Stunden gebracht worden. Ich beeile mich denselben zu beantworten, um Ihnen mein innigstes Beileid über den Tod ihres lieben Kindes auszudrücken.[1] Freilich haben Sie mir nicht geschrieben, welches der beiden lieben Mädchen Ihnen entrissen worden ist. Auch für uns ist St. Petersburg dadurch schmerzlich, dass wir hier drei unserer Kinder haben hergeben müssen, welche alle im Monat März hingerafft wurden; meine beiden ältesten Kinder, zwei freundliche Mädchen, starben 1855 an der Diphtheritis, mein älterer Sohn 1871 an den

Masern, jene im Alter von 5 u. 2 1/2 Jahren, letzterer aber schon 16 Jahre alt. Sie können ermessen, wie schwer uns deshalb dieser Monat alle Jahre ist. Wann starb Ihr liebes Kind und wann erlitten Sie diesen Verlust? Möchte Ihre liebe Frau an dem noch erhaltenen Töchterlein viel Freude erleben, wenn ihr Mutterherz auch fort und fort bluten wird ob des Verlustes des anderen geliebten Kindes. Wir müssen Gottes harte Schicksalsschläge geduldig tragen — das ist das Los des armen Menschengeschlechts.

Herzlich danke ich Ihnen dafür, dass Sie Pinart mit Braun bekannt gemacht haben, so konnte er in Odessa orientiert werden. Wir haben den Mann hier sehr lieb gewonnen; in New Haven war er sehr genau mit Whitney[2] bekannt.

Sehr werde ich mich freuen, wenn Sie das Ziel Ihrer Wünsche — aus Odessa fortzukommen — erreichen; die Witwe des Professors Bessel, eine Tochter des Akademikers Somov[3], mit der wir im Sommer 1872 auf dem Ritten bei Bozen wohnten, hat uns genug von diesem Paradies des Südens und dem dortigen Menschenschlage erzählt. Möchte es Ihnen glücken, in eine recht ordentliche Gegend zu gelangen.

Mit Pypin kann ich nicht in der Erklärung von врзилово коло übereinstimmen; da es sich aber um Negromantie handelt, kann ich nicht umhin, hier den Zauberer Virgilius und seinen Kreis zu sehen. Es wäre also das, wonach Comparetti sich sehnte. »Nelle letterature popolari slave non ho trovato traccia di leggende virgiliane« sagt er in seinem uns soeben zugekommenen Werke Virgilio nel medio evo, Livorno 1872, B. II, S. 162; est ist aber daselbst die Mitteilung, die ich ihm aus meinen Anmerkungen zu Kreutzwalds Estnischen Märchen, übersetzt von Löwe, Halle 1869, S. 357 folg., gesandt habe. Es kommt da ein Hexenmeister von *Viirisild*, d. h. Grenzbrücke, vor, allein ich wittere darin eine Erinnerung an den Zauberer Virgilius. »Letzterer ist sogar noch in einem polnischen Kinderspiel bekannt, das dem englischen »Simon sagt's« (s. Wagner, Illustriertes Spielbuch für Knaben. Leipzig O. Spanner, 2. Aufl., No. 714) zunächst kommt«. Nun lasse ich die italienische Uebersetzung meiner brieflichen Mitteilung folgen: Virgilio sta in mezzo ai suoi compagni che tenendosi per mano gli girano attorno cantando:

Ojciec Wirgiliusz uczy dzieci swoje
Heiże, dzieci, heiże ha!
Róbcie wszystko, co i ja!

e poi si fermano e imitano le sue mosse e le sue voci; e Virgilio osserva se qualcuno non lo imita o non lo imita bene; questo deve prendere il suo posto. Può dubitarsi che qui trattisi del Virgilio mago: il sig. Schiefner crede cio sia perche in un gioco di fanciulli inglese, simile a questo, trovasi il nome di Simone ch'ei pensa sia Simon mago.

Wahrscheinlich ist Comparettis Buch noch nicht in Odessa, vielleicht auch nicht Genthe, Leben und Fortleben des Publius Virgilius Maro als Dichter und Zauberer, 2. Ausg., Magdeb/urg/ u. Leipzig 1857. Sonst handelt über Virgil als Zauberer *Du Méril*, Mélanges archéologiques et littéraires, Paris 1850, p. 424—478, De Virgile l'enchanteur; ferner *Roth* in Pfeiffers

Germania, B. IV, S. 257—298, Über den Zauberer Virgilius; *Zappert*, Virgils Fortleben im Mittelalter, Wien, Denkschriften der kais. Akademie 1851 fol. Diese Zitate schreibe ich aus Comparetti aus, wo auch noch zitiert sind *v. d. Hagen*, Gesamtabenteuer III, pag. CXXIX—CXLII, Mayomam, Kaiserchronik III, S. 421—460; *Michel*, Quae vices quaeque mutationes et Virgilium ipsum et ejus carmina per mediam aetatem exceperint lutet. Paris 1846, 75 pag. *Milberg*, Memorabilia Vergiliana Misenae 1857, 38 pag. Mirabilia Virgiliana Misenae 1867. Hiezu füge ich nur noch *John Dunlops* Geschichte der Prosadichtungen — aus dem Engl. übers. v. Felix Liebrecht, Berlin 1851, S. 185 folg.

Aus верзилово коло ist vielleicht dann врзино коло entstanden.[4]

Gern bin ich erbötig, Ihnen aus den bezeichneten Werken, falls dieselben bei Ihnen fehlen sollten, die nötigen Exzerpte zu machen.

Gestern schrieb ich an Prof. Jülg nach Innsbruck, um ihm die Namen der von Rußland eingeladenen Philologen zu nennen; aus Odessa habe ich ihm nur Ihren Namen gemeldet. Würden Sie zur Philologenversammlung hin (reisen)?

An Miklosich sandte ich neulich den von Андрей Попов angefertigten Katalog der Хлудов'schen Büchersammlung in Moskau; Popow hatte mir denselben auf Miklosichs Nachfrage bei mir gesandt.

Daß Schleichers Abhandlungen mir richtig zurückgegeben worden sind, habe ich Ihnen nicht gemeldet; es war gut, daß ich dem jungen Mann, den Sie mir sandten, eine offizielle Bescheinigung darüber geben konnte, dass die Bücher der Akademie gehören.

Doch nun mit herzlichen Grüßen an Ihre liebe Frau und das Ihnen noch gebliebene Töchterlein und mit den besten Wünschen

Ihr Ihnen ergebener
Schiefner

Das Organ für Märchen ist noch nicht weiter; doch ersetzt Osterley, Bibliothek oriental. Märchen, zum Teil dasselbe; nächstens erscheinen meine awarischen Texte (Märchen), zu denen Reinhold Köhler[5] in der Vorrede die Parallellen geliefert hat.

Wiedemann[6] u. Nauck[7] sollen morgen hören, was Sie mir geschrieben haben. Möge Ihnen das Leben leichter werden! Balinth ist schon vor mehreren Wochen nach der Mongolei (Urgá) abgereist.

58

1873, [21. maja]. V. Bogišić iz Beča

U Beču 2. juna 1873.

Mili i visokoštovani prijatelju!

Sad pošto obaznah gdje ste, pišem Vam evo dva slovca iz Beča.

Ja prispjeh ovamo iz Crnegore preko Italije (gdje provedoh oko 10 mjeseca dana na putu) pred 5—6 dana, ujedno s knezom crnogorskim i

ostati ću ovđe još okolo nedjelju danâ. A radšta si na putu? možda ćete zapitati. Evo radšta. Ja dođoh o Uskrsu u Crnugoru i odmah počeh svoju radnju sabiranja materijala, ali ne porabotah ni 10—12 danâ a knez krenu na put i uze sa sobom najbolje moje izvore, t.j. dvije tri vojvode koji najviše običaja znaju te znadu dobro i pričati. Uz to i okolnost da još ne bijah u Rimu, u Napulju i u Florenciji skloni me da otiđem š njima, te tako, u koliko se moglo, i na putu ispitivah moje žive izvore i tako ne mogu kazati da sam posve dangubio na putu.[1]

Ovđe u Beču nađoh Voljskoga[2], te mi on kaza podrobno svekolike smuće odesitske. Kaza mi i o начинающем ученом[3] koje izreče Leontovič a Valz dade zapisati u protokol. Ja se, dakako, svemu tome smijem, ali nikako ne ponjam radi koga uzroka ta gospoda tako u tampas: навязываются мне во враги, Domine ignosce illis quia etc. etc. Je li Rački tamo? Jesu li Vas počeli angažirati za tamošnji universitet?[4] Kad budete imali vremena bilo bi mi milo veoma primiti od Vas dva slova u Crnugoru. Pisma nemojte šiljati konzulu nego upravo u Kotor na g. Petra Ramadanovića. Nemojte me titulirati na pismima *Résidant* jer to može pobuditi kakvu revnost u konzula dubrovačkoga s kojim nijesam baš u najboljim odnošajima. Ja sa svim ljudima pa bili švabe, čifuti, cincari i t. d. znam dobro življeti, i niko me ne nalazi гордым, nego samo tu sreću imam od nekoga vremena sa Rujama[5]!! Prosvjetli bože i meni i njima pamet, um i razbor! Jeste li se popravili na rodnome vazduhu? a Vaša gospođa jeli se već razgovorila? Ele bi već vrijeme bilo!

Moleći Vas da kažete moj naklon Vašoj milostivoj a da od mene primite najiskreniji pozdrav sa vrućom željom svakoga Vam dobra, ostajem

Vaš štovalac i prijatelj
V. Bogišić

P. S. Pred dvije nedjelje pojavi mi se u Italiji, poslije osam mjesecâ, kavkaska groznica radi koje moradoh odležati nekoliko danâ, jer dođe veoma naprasito.

59

1873, 23. maja. A. A. Kočubinskij iz Odese

Одесса, 23 мая 1873

Дорогой Ватрослав Викентьевич!

Давно, давно я собирался писать Вам; но с одной стороны откладыванье с сегодня на завтра, с другой — неизвестность, куда Вы отправили стопы свои из Вены — в Зальцбург, Вараждин, Загреб, все это было причиной того, что я все оставался при одном собирании, как вдруг я получил от Вас Ваше любезное письмо. Не буду говорить, как оно меня порадовало: Вы и Ваша семья здоровы, поправляетесь на хорошем воздухе, среди Ваших старых друзей и многочисленных знакомых — словом все, чего только может пожелать Вам каждый искренне любящий Вас.

Могу представить, как тяжело теперь нашему многоуважаемому Даничичу. Вы будете так добры и передадите ему все мое соболезнование к потере, постигшей его; я считаю себя счастливым, что хоть один раз в моей жизни мне удалось видеть и познакомиться с его незабвенной старушкой; ее приветливое обращение, ее умные речи навсегда сохранятся в моей памяти. Бедная старушка не увидела своего Белграда![1]

Я бесконечно благодарен Вам за Вашу заботливость о книгах. Буду просить Вас еще об одном: уплатите мой небольшой долг г. Фидлеру — кажется три гульдена за высланные им мне грамматики (счет я потерял). Когда будете уезжать из Загреба, купите для меня гусиных зубочисток у старого солдата, который приходил бывало по вечерам, с своими продуктами в знакомую нам гостиницу »Kod cara austrijanskoga«[2]. Более удобных зубочисток я нигде не находил, с другой стороны — здесь поощрение местной промышленности. Кстати, коснулся о промышленности, а потому интересно было бы знать, — получил ли г-н Покорный за свои ликеры медаль на Московской выставке?[3]

В Одессе пока еще жить можно. Дожди довольно частые. Купанья в море начались уже недели две назад. В университете экзамены идут к концу, и потому наше профессорское общество все более и более пустеет. В скором времени Виктор Иванович едет в Мариупольские степи, чтобы познакомиться с тамошними греками. 11-го мая он держал речь, которая произвела неописанный фурор; он говорил в ней о характере притязаний исчадьев эллинизма по отношению к славянам. Публика, среди которой были все власти, начиная с г-на губерн(атора) Семели, почти что прыгала; рукоплесканиям, лобызаниям не было конца. Словом, наша славянская идея находит для себя почву и в Одессе. Досталось в речи этой Тошкову, Палаузову и остальным любимцам нашего старика. Греки предадут его анафеме. — Виктор Иваныч, Никодим Павлович, Михаил Павлович, старик Куницын благодарят и шлют Вам искреннейший привет и Вашей семье. Палов в Питере с начала мая. Недавно я был у Смирнова, куда б(ыл) приглашен Вальц. Маленький декан очень мил и любезен к нам вообще. Моя благодарность за память Даничичу, Матковичу; кланяюсь им, Вашей супруге, Стане, Вашим родным и всем моим знакомым. Пишите, куда писать. Будьте здоровы. Вас искренне любящий

А. Кочубинский

В начале октября я оставляю свою квартиру, ибо невмоготу жить мне с семьей. Не займете ли Вы ее? Думаю, что цена будет возвышена. Напишите, сколько бы Вы могли дать за нее, если бы пожелали остановиться на ней. Вообще, в конце августа Вы возвращайтесь, чтобы найти удобную квартиру.

60

1873, 24. maja. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 24 мая 1873 г.

Милостивый Государь, Ватрослав Игнатьевич.

Вчера получил Ваше письмо о высылке Вам денег, но не делаю этого, потому что не знаю, как Вам выслать деньги[1] — посредством ли перевода или русскими кредитными билетами, как я это делаю почти для всех наших преподавателей, находящихся за границей. Кроме того, дело еще вот в чем: на днях я уезжаю, по совету медиков, за границу лечиться; поэтому прошу Вас ответ мне прислать на имя Никодима Павловича Кондакова, у которого я оставлю Ваши деньги для отсылки Вам тотчас, по получении от Вас уведомления, каким именно способом переслать Вам деньги. Вместе с тем, г. Кондаков изъявил согласие пересылать Вам деньги и за остальное время Вашего пребывания за границей; поэтому, при ответном письме, на отдельном клочке бумаги, напишите следующее: »причитающееся мне от Новороссийского университета содержание за время моего отсутствия доверяю получать доценту университета Н. П. Кондакову (место, год, месяц, число и Ваша подпись)«. Я крайне сожалею, что, быть может, поставлю Вас в затруднительное положение не высылая теперь же денег, но делаю это в тех видах, что, выслав их не тем способом, каким Вы желаете и какой выгоднее, могу причинить Вам, хотя и невольно, хлопоты и убытки. — Адрес Кондакова — прямо в университет.

При желании Вам всего лучшего имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

В. Селиванов

Ивану Ивановичу дал 2р., а у Кондакова Ваших денег оставил 318 р. 50к.

61

1873, 8. jula. N. P. Kondakov iz Odese

1873 г., июля 8-го, Одесса

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Не знаю, где найдет Вас мое письмо и посылка денег Вам следующих. То и другое несколько запоздало по следующей причине: получивши Ваше письмо от 19 июня, я обратился в Правление за получением денег по Вашей доверенности. Тогда оказалось, что получить деньги нельзя, так как по правилу, деньги выдаются из казначейства лишь на наличных преподавателей и на тех, которые заранее приложили к смете свои доверенности для получения. А потому, чтобы получить Ваши деньги, потребовалось обратиться с особой бумагой в Правление, которое и выдало талон к ассигновке, по которому нынче я и получу. Таким образом, если Вы желаете на следующий раз получить деньги вовремя,

потрудитесь исполнить наши формальности, послав доверенность как можно ранее до срока. Что касается книг, то я и сам, правда, не знаю, что с этим делать. Каталоги, по которым я назначал цены, указывают антикваров, которые уже сошли со сцены, и наконец не могут быть приняты в рассчет, так как я многие книги ценил так, как мне говорили в Парижских лавках, помимо каталогов, в которых эти издания или дороже или дешевле. Мне кажется, уж лучше будет принять предложение Герольдта[1], за исключением Univers pittoresque —, так как платить 180 гульд. за то, что стоит 180 франков, уж слишком обидно. На эту сумму и деньги вместо Didron можно было бы приобрести то, что есть в числе мелких изданий, указанных в моем списке, или и совсем эту сумму удержать, ибо я здесь уже зарвался по выписке.

О квартирах все еще ничего нельзя сказать положительного; одно обещают, что квартиры не подорожают, а, может быть, подешевеют к осени; спекуляция на дома утихает, нужно уплачивать деньги, а квартиры во многих домах стоят пустыми. Новых квартир, действительно,будет много. Некрасов нанял большую и, по его словам, хорошую квартиру за 490 руб. в отличном месте, возле университета. Водопровод, говорят, будет готов в сентябре.

У нас началась страшная жара, и я с некоторых пор немного не здоров.

Не могу ли я Вас попросить исполнить следующее поручение: я получил от комитета Юнгманна из Праги извещение о празднестве и приглашение участвовать. За нездоровьем не успел ответить письменно. Нельзя ли Вам от моего имени выразить благодарность за приглашение и сочувствие, — если только это не неловко.

Просим поклониться Вашей супруге и Стане маленькой.

Готовый к услугам

Н. Кондаков

P. S. R.*

62

1873, 15. jula. N. P. Kondakov iz Odese

Одесса, 15 июля 1873 г.

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Только что получил Ваше письмо от 10 июля и спешу ответить Вам на Ваше любезное письмо.

Деньги уже посланы в количестве 219 руб. сер., в чем и хранится у меня почтовая квитанция; так как они отправлены лишь 3-го июля, то могли прийти в Загреб числу к 8, 9, — не ранее, и я убежден, что Вы уже получили их. Если же что-нибудь случилось, то нет нужды беспокоиться, — мы получим их по квитанции.

Вы отлично сделали, прислав теперь доверенность, которой я дожидался и о которой Вам писал. Теперь деньги будут получены легче

и придут к Вам скорее. Но Вы пишете, что дней через 10 — 12 едете в Вену, следовательно между 20 — 22 июля, то, спрашивается, застанут ли деньги Вас в Праге[1], куда Вы меня приглашаете переслать жалованье за июль, которое получится между 22 и 23 июля. Будьте так добры, напишите, куда именно направить следующую посылку. Если я не получу от Вас на днях еще письма, я предпочту или подождать Вашего извещения, или пошлю деньги опять в Загреб, так как этим путем менее выйдет недоразумений. Что касается Герольда[2], я уже писал Вам о том, как можно решить вопрос, и, вообще, предоставляю решить дело Вам: как Вы сделаете, будет лучше.

Книги Ваши от Келера[3] получены в трех ящиках. Но есть еще одна странная посылка, о которой нужно спросить Вас. Из Вены от коммиссионера Яника прислан ящик с 10 литографиями, представляющими чей-то портрет, по-видимому, духовного лица; на рамах сзади надпись: югославянская академия в Загребе. Все здесь сомневаются в значении этой посылки*. Не знаете ли Вы?

Письмо в ответ на приглашение к празднику Юнгманна я уже послал, и потому не беспокойтесь заявлениями от меня.

Не распорядитесь ли Вы сами на остальные деньги преиобрести чешские Памятки[4]: у нас нет их в библиотеке, а иметь не мешало бы.

О квартирах я уже писал Вам; говорят, дома упали в цене на 30%, — следовательно, надо думать, упадут и квартиры. Прибавляют также, что новых квартир открылось довольно много, хоть постройки еще не кончены.

Прошу Вас покорно передать А. О. Патере благодарность за память и присланную карточку. Скоро вышлю свою взамен. Как Вы счастливы, что живете в Праге, этом прелестном городе, а мы несчастные!

Искренно преданный Вам

Н. Кондаков

63

1873, 15. jula. E. F. Sabinin, Bol'šoj Fontan

Милостивый государь, Ватрослав Викентьевич!

Письмо Ваше от 21 июня я получил только в конце этого месяца, так как я теперь уже вместе со всем семейством на Большом Фонтане, откуда сообщения в город затруднительны, вследствие чего и письмо к Вам придет так значительно позднее того времени, в какое можно было ожидать, если бы я был в городе. Искренно и душевно я и жена моя благодарим Вас за память о нас, за Ваше расположение, которое для нас дорого и всегда будет ценимо нами. Люля и Сережа тоже вспоминают о Стане и посылают ей привет, а Люля все собирается ехать к Вам в той карете, в которой Вы уехали от нас. Р*.

Вот Вам приятная новость: квартиры в Одессе упали в цене на 30%. Не знаю, какая Вам будет нужна квартира, приискание которой Вы поручили Шульцу[1], но думаю, что отыщется Вам нужная для Вас квартира, пустых — достаточно.

Из университета я видел только Леонтовича, тот утвержден ректором, Богдан(ов)ского, Кондакова, Нетушила и Шпилевского[2]; они мне ничего интересного не сообщили, а сам тем более не знаю, — полное затишье в мире нашего университета, но что делается в других сферах, и особенно в европейской, Вам известно.

Напишите, пожалуйста, про себя, когда думаете приехать, сколько Вы были в Праге, и как прошел там праздник; а наш славянский круг едва-едва собрался послать и приветствие.[3] Было заседание 1-го мая, выбирали в президиум и другие должности, остались те же лица; но относительно библиотеки ничего не предполагаю говорить, ни же что-либо предпринять.

Я и жена со всеми нашими домочадцами посылаем Вам искренний задушевный привет и желание быть здоровым.

Не забывайте Вашего

Е. Сабинина

1873 года
июля 15 дня
Большой Фонтан

Но письмо адресуйте все-таки в Университет.

64

1873, 30. jula. N. P. Kondakov iz Odese

Милостивая Государыня!

Покорнейше прошу извинить меня за беспокойство, которое Вам причиняю моим письмом, но обстоятельства этого требуют. Я получил от Вашего супруга из Праги около 15 июля письмо, в котором он просит меня послать ему деньги за июль в Прагу. Между тем, в том же письме он сообщает, что выедет из Праги через 10 дней, т. е. около 20 числа; а так как жалованье было получено лишь 23-го, то этого, очевидно, было нельзя сделать. И я поэтому тотчас же, то есть числа 15 или 16, отправил Ватрославу Викентьевичу письмо, в котором объяснял мое затруднение, но, не получая от него ответа, думаю, что письмо мое не дошло по назначению, или он сам выехал из Праги. Поэтому теперь, не зная, куда ему писать, прошу Вас покорнейше переслать ему это письмо или сообщить обстоятельства, чтобы я мог знать, куда мне отправить деньги. В Загреб я не решился отправить, потому что стал думать, что и Вы оттуда могли выехать. Если моя нерешительность причинила Вам какие-либо затруднения, то прошу покорнейше меня извинить.

Жена моя просит передать Вам глубокий поклон

Готовый к услугам

Н. Кондаков

30 июля 1873
Одесса

65

1873, 29. septembra. V. Bogišić iz Cetinja

29. sept(embra)
Cetinje 11. okt(obra) 1873.

Poštovani i dragi prijatelju!

Evo me da Vas molim za jedan važan posao koji Vam, u ostalom, neće, ufam se, biti veoma težak. Treba mi jedan mali konsult iz *ruskoga građanskoga prava*, pa se obratih k našemu dekanu Alekseju Vasiljeviču[1] s uklopljenim pismom, koje Vas molim da mu čim prije izručite i da ga zamolite da Vam dade odgovor čim prije. Ako bi njemu bila muka pisati, neka Vam kaže na riječ, a Vi izvolite pisati meni, i jer je veoma mala stvar, nemojte se bojati da je tu štogod komplicirana. Što god bude prije gotov taj posao, sve ćete me više tim obvezati.

Kad Vam bude dao odgovor, pošaljite mi ga, molim Vas, u rekomandiranu pismu, u Kotor g. Petru Ramadanoviću za profesora Bogišića na Cetinju. Ako Kunicin nije još došao, tad mi pišite da se obratimo na koga drugoga.

Za danas dosta! nego oprostite što Vam dosađujem.

Kad pišete, pišite što radite, što uradiste u Pragu i t. d., tim ćete me veoma obvezati.

Najučtiviji naklon Vašoj gospođi supruzi a Vama najiskreniji pozdrav

Vaš

V. Bogišić

66

1873, 14. oktobra. F. E. Korš iz Moskve

Ввиду блестящих успехов сравнительной грамматики за последнее время и несомненной пользы ее выводов для понимания форм отдельных[a)] языков, нельзя не отнестись с полным сочувствием к предложению профессора Новороссийского университета, г-на Ягича, требовать от подвергающихся испытанию на степень магистра греческой или римской словесности некоторого знакомства с результатами этой науки.[1] Но, соглашаясь с мнением профессора Ягича в принципе, можно однако же усомниться в удобстве той меры, посредством которой он предполагает осуществить свою мысль. Профессор Ягич находит полезным внести в программу упомянутых испытаний сравнительную грамматику, как вполне самостоятельный предмет. Само собою разумеется, что несправедливо было бы требовать от не-специалиста специальных познаний по второстепенному для него предмету. Очевидно, и профессор Ягич имел это в виду, так как в своем предложении он находит достаточным общий очерк сравнительной грамматики. Но такое неопределенное ограничение при отсутствии учебников этой науки не дает испытуемому почти никакого понятия о мере познаний, с которыми он может явиться на испытание, не опасаясь неудачи. Затруднение в этом случае

усложняется еще тем обстоятельством, что внесение в программу испытаний такой новой у нас науки в качестве самостоятельного предмета легко может повлечь за собою требования, на первый раз слишком обременительные и окончательно невыполнимые для воспитанников тех университетов, в которых эта наука или еще не преподается вовсе или преподается частями, в виде курсов об отдельных по ней вопросах. Во избежание этих неудобств можно было бы 1) определить до некоторой степени требования по сравнительной грамматике от не-специалистов указанием на §§ руководства Шлейхера (Compendium der vergleichenden Grammatik),[b)] относящиеся к латинскому и греческому языкам, и на те из относящихся к санскритскому, зендскому и церковно-славянскому и к италийским наречиям, которые совершенно необходимы для уразумения флексий и словообразования языков классических; 2) не отделять испытания по сравнительной грамматике от испытания по латинскому и греческому языкам, предоставив экзаминующим по двум последним предметам требовать от испытуемого лингвистического разбора форм классических языков. Правда, что таким образом в программу испытания войдет уже не систематический очерк сравнительной грамматики, а фонетика, морфология и генетическое объяснение флексий языков латинского и греческого в применении к отдельным примерам, и то лишь настолько, насколько результаты сравнительного метода относительно данных случаев прочны и несомненны. Тем не менее, как ни ничтожны с первого взгляда эти требования сравнительно с менее определенной программой профессора Ягича, в деле для всех до такой степени новом едва ли можно требовать большего. Что же касается знания сравнительной грамматики, как самостоятельной науки, то оно, конечно, желательно для всякого лингвиста, какой бы язык или группу языков он ни изучал; но при настоящем положении этой отрасли филологии в России такое знание почти невозможно вменить в обязанность не-специалисту.

Доцент Ф.[c)] Корш

14 октября 1873

SMŽ. [a)] древних. [b)] Compendium der vergl. Grammatik [c)] Ф. Корш.

67

1873, 19. oktobra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 19/31. Oktober 73

Hochgeehrter Freund!

Am 16./28. April sandte ich eine an Sie adressierte Korrespondenzkarte nach Odessa; ob dieselbe aber an Sie gelangt ist, bleibt fraglich. Ich gab Ihnen Nachricht, daß nun nur noch ein Buch von Ihnen noch nicht an das

Asiatische Museum der Akademie zurückgeliefert worden ist, nämlich
Bopp, Die Sündflut nebst 3 anderen Episoden des Mahâbhârata,
übersetzt Berlin 1829.

Hoffentlich finden Sie das Buch noch bei Sich auf und senden dasselbe dann an die Akademie zur Abgabe an mich zurück. Sollten Sie wider Erwarten das Buch nicht auffinden können, so bitte ich, mir baldige Nachricht zu geben, weil ich dasselbe dann hier aus den von Graefe hinterlassenen Büchern für einen antiquarischen Preis (16 sgr) erhalten kann.[1]

Ich habe Ihrer und Ihrer lieben Frau oft gedacht; der schwere Verlust, der Sie betroffen hatte, mahnte mich an den eigenen. So etwas trägt man lange mit sich herum und es gibt Stunden, wo man die Lücke sehr empfindet.

Frau Wiedemann ist immer sehr leidend; Baumann nebst Familie wohnt nun eine halbe Stunde von mir entfernt an der Ecke der Newskischen Perspektive u. Wladimirskaja. Prof. Alexander Wesselofsky ist von seiner Reise aus Italien zurück, auch Minayeff, der im Sommer in London war.

Mit den herzlichsten Grüßen und besten Wünschen

Ihr Ihnen ergebener
Schiefner

68

1873, 28. novembra. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

28 ноября 1873

Душевно благодарю Вас за добрую память и дружеское письмо. Весною, когда я собирался в поездку, была у меня надежда увидеться и с Вами в Загребе и со многими мне дорогими в разных местах; но человек предполагает, а располагает не он, а что-то другое. У меня на руках было несколько древних рукописей, которые должен был возвратить до отъезда, и не мог возвратить прежде, чем исправлю по ним корректуры выписок из них. Корректуры и являлись ко мне, но так понемногу, что проходили недели за неделями, а конца и не видно было. Я просил нашу академическую типографию ускорить набор, повторял просьбы, жаловался, — все было напрасно. Так подошел июль, — и я, вероятно от этого, заболел: напала хандра, уныние, головокружения стали чаще и сильнее . . . Задерживала меня на даче уже не одна типография, а вместе и болезнь . . . Так и все лето прошло. Я мог сдать рукописи уже в конце августа. Тогда ехать уже не стоило. Так прошло мое лето! К концу его я оправился, и воспользовался свободою от службы только тем, что остался на даче и весь сентябрь с началом октября.

Ваша поездка, как полагаю, была гораздо счастливее и для здоровья и для всего.

То, что Вы написали мне о предположении[a)] Вашем переменить место службы, не могло быть принято мною равнодушно. Я Вас так уважаю и ценю, что не могу и не радоваться возможности улучшить Вам свое положение и не скорбеть, что Вы хотите уйти от нас. Но, если уже это должно быть, то, конечно, думать надобно не о Загребе,

а о Берлине.[1] Родной Ваш Загреб не перестанет быть Вам родным от того, что Вы будете жить не в нем, а так недалеко (по-нашему, не очень далеко); а будущий университет Загребский едва ли может Вас тянуть к себе сам по себе. Возможность переселиться Вам в университет Берлинский меня радует и потому, что Вы будете в нем — сколько знаю — первый славист, с достоинством носящий это имя, и поддержите в нем славянскую науку как должно. Только, не вступайте в воду, не спросяся броду. Вы в таком положении теперь, что можете желать, чтобы Вас искали, и ожидать, чтобы Вас приняли[b)] как-нибудь; надо[c)] требовать[c)] звание полного профессора, а не чего-нибудь ниже. Иначе, как бы потом и не раскаятся.

Само собою разумеется, что мысль о Берлине радует и Сидонию Петровну. Не могу и я не радоваться надеждою видеться с Вами чаще: сам я Берлина не люблю, Прусаков тоже, но будь Вы в Берлине, то и я бы не миновал Берлина.

Пока прощайте. Завтра напишу, может быть, еще несколько строк.

Любящий, Ваш И. Срезневский

Перецелуйте всех Ваших — поклонитесь знакомым — и, между прочим, Алексею Степановичу Павлову. Я хотел было написать ему и просить, чтобы он мне прислал табаку, но боюсь обеспокоить его этой просьбой; а, впрочем, он может сам решить.

Вам пред(анный) И. Срезневский

В Академии я сказал о Вашей нужде: желание Ваше будет исполнено[a)].

SMŽ. [a)] предложении. [b)] + ne. [c)] потребовать.

69

1873, 21. decembra. Baudouin de Courtenay iz Leipziga.

Милостивый Государь,

Господин Профессор.

(извините, что не знаю Вашего отчества)

Хотя совершенно с Вами незнакомый, я однако же позволяю себе обратиться к Вам с этим письмом потому, что не желал бы расположить Вас ко мне не совсем выгодно. Узнав о моем письме к В. И. Григоровичу, Вы очень легко могли считать меня умышленным распространителем разных неосновательных слухов, распускаемых на Ваш счет в юго-славянских землях. Если это так, в таком случае я должен восстановить истинное положение вещей. Я сам был введен в заблуждение. Некоторые господа в Триесте и в Граце (и это, впрочем, вполне серьезные господа) говорили мне о Вашем переезде в Загреб с такою уверенностью, что трудно было не поверить. — А так как мне предстоит в ближайшем будущем пристроить себя к какому-нибудь университету[1], то я и ухватился за это известие и написал к Виктору Ивановичу, предлагая себя в Ваши преемники. Между тем, слухи эти не оправдались, и я, с своей стороны, могу только этому порадоваться, так как в против-

ном случае Россия лишилась бы одного из лучших славянских лингвистов. — Мне, по всей вероятности, придется поселиться в Казани.[2] Это мне будет несколько неудобно, так как Казань слишком отдалена от Адриатического моря, в окрестностях которого я намерен продолжать от времени до времени мои диалектологические исследования.[3] В настоящее время я занимаюсь, между прочим, составлением докторской диссертации »О славянских говорах в северной Италии«.

Надеясь, что Вы простите мне мою торопливость, спешу засвидетельствовать глубокое уважение, с которым честь имею быть Вашим,

Милостивый Государь,
покорнейшим слугою
И. Бодуэн де Куртенэ
(Иван Александрович)

Лейпциг, 21 декабря 1873 г.
2 января 1874

Мой адрес: Германия
J. Baudouin de Courtenay
Blücherstraße 26. III.
Leipzig

70

1874, 26 [januara]. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 26. Februar 1874
Abends

Hochgeehrter Freund!

Obzwar ich Ihr geehrtes Schreiben vom 16./28. d. M. schon seit mehreren Tagen erhalten habe, wird es mir erst heute möglich, Ihnen Antwort zu geben. Ich fange aber damit an, was Sie auf der letzten Seite gelassen haben, mit dem medizinischen Traktat. Als ich in Du Cange herausfand, daß die Handschrift 945 (3177) außer dem medizinischen Traktat noch ein Kalendologium, eine Abh. de lapidum virtutibus und Phylacteria varia enthält, glückte es mir, in dem Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae regiae T. II Parisiis 1740 auf p. 481 No. 2316 als diejenige Handschrift zu entdecken, welche die bezeichnete Abhandlung enthält. Es sind in der Handschrift, die exeunte sec. XV. geschrieben worden ist, im ganzen 37 verschiedene Sachen, davon medizinischen Inhalts

N 1. Anonymi tractatus medicus cujus pars nunc desideratur
2. Anonymi opusculum Graecobarbarum de capitis doloribus aliisque morbis curandis
4. Anonymi (in alio codice (2315) Ioannis (Antiocheni) Iatrosophiston de morbis illorumque curationibus tractatus
15. Anonymi variorum remediorum collectio
16. Phylacteria varia
25. Anonymi iatrosophium

Nun fragt es sich, welches von diesen Stücken die von Ihnen gewünschte Abhandlung sein könnte. Cramer, Boissonade u. Ideler enthalten nichts, was mit Ihren Angaben übereinstimmen würde. Vergebens habe ich Daremberg Notices et extraits des manuscrits médievaux grecs, latins et francais, des principales bibliotheques de l'Europe, 1re partie manuscrits grecs d'Angleterre Paris 1853, 8 durchgenommen, um ein Zitat aus N. 2316 zu finden. Er berücksichtigt diese Handschrift nicht, wohl aber viele andere der Königl. Bibliothek. Er gibt unter anderem auch aus einem Réceptaire de Jean, welches sich in Paris unter 2224 u. 2236 befindet u. so manche Wörter enthält, die bei Du Cange fehlen. Bevor wir uns nach Paris wenden, scheint es mir zweckdienlich, daß Sie eine Angabe der Stellen namhaft machen, wo Du Cange diese Handschrift 2316 zitiert; so ließe sich das Werk leichter herausSnden. Mir selbst gebricht es an Zeit, diese Zitate zusammenzusuchen u. fiie haben gewiß deren manche notiert.

Ich weiß zwar nicht, wer an der Pariser Bibliothek die griechischen Handschriften unter sich hat, hoffe aber durch einen jüngeren Freund sowohl an Daremberg als auch an die Bibliothek zu gelangen. Auch in den Notices u. Extraits, wo Boissonade und Emanuel Miller einiges Medizinisch-(es) ediert haben, habe ich nirgends eine Erwähnung der Handschrift 2316 gefunden.

Über die Preise der einzelnen Publicationes der Akademie Folgendes: Записки kosten 4 книжки 3 рубля; es ist ein Übelstand, daß Sie nur XIX. 1 haben; XIX. 2 wird nicht einzeln verkauft; vielleicht bekomme ich dieses Heft aus der Kanzlei des beständigen Sekretärs; zuletzt erchienen ist XXIII. 1 Sanskritwörterbuch und zunächsten Lief. 53, also brauchen Sie 7 Lieferungen, was 6 R. 30 Kop. betragen würde; Сборник статей V. 2 kostet 1 R., X kostet 1.50 Kop; Вестник Филол(огические) Наблюдения — Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестн(ых) памятниках[1] alle Hefte (4) 1 R. 50 Kop. Vom dem ganzen Betrage werden 15% Rabatt gegeben. Es wäre der ganze Betrag 16 R. 30 Kop, der Rabatt 2 R. 44 Kop., also hätten Sie 13 R. 86 Kop. einzusenden, allein, da Sie noch 60 Kop. von früher zu Gute haben, nur 13.26. Die 60 Kop. sind der Rest von dem Rubel, den Sie mir Anfang November geschickt haben. Es werden Ihnen die Sachen postfrei nach Odessa geschickt werden. Auch habe ich schon an den betändigen Sekretär wegen des Bulletins von XVII. 3 an geschrieben. Auch an Grot habe ich Ihren Dank gemeldet.

Da mein Briefwechsel mit Alfred Weber seit einigen Monaten stockt, habe ich nichts über Ihre Verhandlungen mit Berlin erfahren; was Sie mir schrieben, war das erste, was ich in dieser Sache gehört habe.

27 янв(аря) 1874
In der Kanzlei

Bulletin und Записки erhalten Sie *gratis* als korr. Mitglied der Akademie, ob auch den Сборник aus 2. Klasse, erfahre ich übermorgen; sicher bezahlen müssen Sie Sanskritwörterb., Востоков u(nd) Срезневский.

Heute erhielt ich einen Brief von Weber, allein über Sie ist kein Wort im Brief. Mit den herzlichsten Grüßen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

71

1874, 14. marta. V. Bogišić iz Petrograda

Petrograd 14/27. marta 1874.

Visokoštovani gospodine i prijatelju!

Uprav onaj isti dan kad primih Vaše pošt. pismo, dođe k meni Vojvodić te mu izručih Vaše pozdrave, i kako si[1] predstaviti možete, na dugo i široko se o Vami razgovarasmo. Vojvodić je u vojenoj akademiji *đakom* i do koju nedjelju svršiti će prvi kurs. Katalinića još ne viđeh jer je, kažu, bolan, — a Vojvodić čini mi se da se š njime posvadio.[2] Radšta, ne znam, niti htjah pitati. Vojvodić mi se žalio da Vam je dva pisma pisao, pa da nikakva odgovora ne primi.

Ja sam veoma rad da ste se jednom riješili ići u Berlin i čestitam Vam. U svakom je slučaju i koristno da katedra slavistike u glavnom teutonskom gnijezdu bude valjano zastupljena. Ovđe je već bilo govora o tome Vašemu prelazku u Berlin, i svak razumije da Vi drukčije nijeste mogli postupiti. Ja sam svuda, gdje je trebalo, navodio uzroke radi kojih je baš koristno za slaveno-rusku nauku da Vi odlazite među Nijemce. U jednom društvu jedna dama горячилась чрезвычайно i uzgred napadala na *slovensku neblagodarnost*, — ali sa nekoliko riječi i ona bi umirena. Moj je najveći argumenat bio »безобразие обстановки« Odeskoga universiteta.

O meni bilo bi dugo i »скучно« pisati Vam, nego ćemo, ako Bog da kad se vidimo, narazgovarati se do mile volje. Mogu Vam samo to kazati, da je moj отчет obojimi ministarstvami primljen bio najvišim zadovoljstvom, — a i pismo knjaza crnogorskoga Gorčakovu »uzvisi me do nebesa« tako da je bilo čitano i Caru. Iz novina Vi dakako znate da ja svrših informaciju u Crnoj Gori i da sada stupam u drugi odsjek radnje, koji je isto tako važan, — i tek kad taj gotov bude, početi će se redakcija zakona. Radnja je, kako si predstaviti možete, veoma teška, i, kako ju meni jednomu na vrat naviše, sve se bojim da me ne skrši. Ja bih Vam htio pokazati materijale sabrane do sada, da biste se uvjerili ob ogromnosti poduzeća!

Kad budete u Universitetu zađite, molim Vas, k Selivanovu i kažite da ja još ne primih жалование za januar i fevrar, neka dakle pospiješi, jer nemam novacâ.

Neke od Vaših pozdravâ izručih a ostale ću izručiti prvom prilikom. U prošlu nedjelju bijah u Grota gdje se sretoh s Kunikom koji kaza kako su tekli dogovori o Vašem prizivu u Berlin, što me je vrlo zanimalo.

A sada da ste mi zdravo i veselo ujedno sa svim Vašim, kojim molim da izručite moj najučtiviji poklon.

S odličnim poštovanjem i prijateljstvom

Vaš iskreni
V. Bogišić
verte

P. S. Ako se ne varam, ima nešto moje мебели u Vas. Kad budete odlazili, ako se međutim ne bi pisali, predajte je g. Petru Tripkoviću (živi u kući Mavro-Biazi) gdje se nalazi i ostalo moje pokućstvo.
Vašoj milostivoj čestitajte napose, jer si mogu predstaviti kako se ona veseli skoromu exitui Israel de Aegypto!

72

1874, 12. aprila. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 12/24. April 1874

Hochgeehrter Freund!

Gestern erhielt ich von einem jungen Freunde in Paris die auf anliegendem Blatte kopierte Notiz, welche Wescher[1] gegeben hatte. Heute habe ich Herrn Eduard Specht (NB. in Kuba geboren, spricht kein Deutsch)gebeten, die beiden Stücke kopieren zu lassen und mir den Betrag dafür baldigst zu melden. Ich eile mit dieser Anzeige, weil mir Kunik heute sagte, Sie hätten den Ruf nach Berlin angenommen. Deshalb möchte ich wissen, wann Sie übersiedeln und wohin ich fortan meine Briefe zu richten habe. Sie haben doch alle Sendungen richtig erhalten?

Mit den besten Grüßen an die lieben Ihrigen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Ende Mai gehe ich über Pest und Wien nach Klobenstein auf dem Ritten bei Bozen in Südtirol. Minayeff, der nach Ceylon geht, ist schon in Moskau seit dem Ende der Marterwoche. Le ms. grec 2316 est le meme que le ms. cité par du Cange sous les n°s 945 = 3177, et renferme au fol. 330 la pièce indiquée sous le titre Μηνολόγιον τῶν λ ἡμερῶν περὶ (sic) ἀγόσιτον Cette pièce est intercalée entre deux extraits d'un traité sur les jours qu'il faut éviter (περὶ ἡμερῶν ἅι οφείλει ἄνθρωπος ἀπέχεσθαι ἀπὸ ὅλων τῶν μηνῶν). Le ms. renferme en outre divers traités médicaux et différents calendriers. La pièce désignée sous le titre *Diploma* ammutiliti Cydo'cii regis s'y trouve au fol 459.

73

1874. 29. aprila. A. A. Potebnja iz Harkova

Милостивый государь!

Я тем более благодарен Вам за высланные Вами сочинения Ваши[1], что одно из них, представляющее для меня большой интерес, было мне до

сих пор известно только в извлечении. Дорожа Вашим мнением и предполагая, что статья моя в Ж. М. Н. Пр.[2] может вызвать с Вашей стороны возражения, я и до получения Вашего лестного для меня письма ожидал только окончания упомянутой статьи, чтобы выслать Вам ее. На случай, если у меня не будет отдельных ее оттисков, прошу Вашего снисхождения ко многим опечаткам в ней, не редко искажающим смысл, независящим от меня. Надеюсь также вскоре выслать Вам и печатаемое в Харькове сочинение свое о составных членах предложения.[3]

Остаюсь с совершенным к Вам уважением

А. Потебня

Харьков, 29 апр(еля) 1874

P. S. При этом посылка с книгами.

74

1874, 30. aprila. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

30 апр(еля) 1874 г.

Покончив с лекциями в университете и с несколькими рукописями, которыми был занят в последнее время, а вместе с тем и оправившись несколько от нездоровья, я принялся сегодня за пересмотр писем, на которые еще не отвечал, и увидел между ними и Ваше письмо. Совестно и досадно стало. Целый месяц прошел с тех пор, как я получил его. Не мог я считать его и не считал в числе тех, ответ на которые не необходим; не один раз и думал о нем и говорил по поводу его содержания, — и молчал. Простите меня. Верьте, по крайней мере, что я не желал медлить ответом — по какой бы то ни было особенной причине, с умыслом: также неумышленно я виноват своим молчанием и перед А. С. Павловым, от которого получил я письмо еще ранее, почти за два месяца перед этим. Верьте вместе с тем, что чувство уважания к Вам и желания Вам всего доброго, самого лучшего, остается во мне неизменно прежнее.

Это чувство заставляет меня и в отношении к Вашему намерению переселиться в Берлин сказать так, как думаю.

Не стану много писать о том, о чем уже прежде писал: на вопрос: что лучше, Загреб или Берлин, нельзя не отвечать: Берлин — хотя и не положа руки на сердце. Этот[a)] вопрос может быть, впрочем, и совсем оставлен. Ближе другой: Одесса или Берлин? Судя по тому, как Вы себя чувствуете в Одессе, Вы не можете не предпочесть Берлина. Найдете ли Вы затем в Берлине все так как можете желать, это иное дело. Не думаю, чтобы Вам могли помешать Ваши политические убеждения: правительству там они даже будут с руки; но есть другое, о чем стоит подумать. С одной стороны, тяжела дороговизна, все увеличивающаяся, как говорят, в ужасающих размерах (так, что и в Петербурге жизнь теперь стала сравнительно гораздо дешевле). С другой стороны, нельзя, мне кажется, терять из виду желаний прусского министерства, которое, как я слышал — ожидает от профессора славян(ской) филологии в

Берлине, между прочим, и научно-практического руководства слушателей в языках русском и польском и изложения истории литературы, особенно русской — и более новой чем древней. Если это так, то не принуждены ли Вы будете[4] отвлечь себя от своих любимых занятий? К тому же: уверены ли Вы, что, ища Вас для Берлина, не ищут в то же время и помимо Вас? — Соображая все вместе, прошлое, настоящее и будущее — я на Вашем месте не решился бы переехать из России в Берлин — и, мне кажется, не обчелся бы в расчете. Если, впрочем, Вы решились окончательно, то да будет все к лучшему. Не знаю только, как бы можно было согласить переезд в Берлин с удержанием кафедры в Одессе.[1] Пока действует нынешний университетский устав, удержание права на кафедру за Вами зависит единственно от Одесского университета — и то на основании отпуска, т. е. Вы бы должны были, не увольняясь из русской службы, проситься у Совета университета в отпуск на год, и затем, утвердившись в Берлине окончательно, прислать просьбу об увольнении. Не могу советовать это сделать, но[b)] только этим способом могу в представлении своем соединить возможность остаться при университете Одесском с переездом в Берлин. Советовать могу Вам от души только одно — остаться в России и ждать случая переезда[c)] в другой университет (напр. даже в Москву); советовать это могу не как русский, а просто как человек или, пожалуй, как славянин. Имею при этом в виду, что, оставшись в России, Вы не оскорбите никого отказом от кафедры в Загребе; а переехавши в Германию, дадите повод своей родине считать себя оскорбленною. Вместе с тем не могу, как славянин, не желать, чтобы на Берлинской кафедре был такой почтенный деятель, как Вы.

На Киевский съезд я поеду от Академии, и очень был бы рад увидеться там с Вами.[2] До съезда, или по крайней мере до июля, буду на даче под Петербургом — на той же самой, где Вы у нас уже были. Если поедете через Петербург раньше, то уделите нам хоть денек.

Простите меня, если найдете в письме моем что-нибудь не такое, как бы могли ожидать. Если бы мне случилось говорить об этом с Вами лично, то все могло бы быть высказано полнее и глаже.

Передайте наше почтение Сидонии Петровне

Ваш И. Срезневский

SMŽ. [a] Этом. [b] а. [c] перехода.

75

1874, 1. maja. V. Bogišić iz Helsingforsa

Helsigfors 1/13. maja 1874.

Visokocijenjeni i mili moj prijatelju!

Vaše pismo, koje tek pred tri dana primih, veoma me je obradovalo i na koje, ne budući mi bilo moguće odgovoriti Vam iz Petrograda radi silnih poslova koji se nakupiše pred odlazkom, to upotrebljujem priliku da se pa-

robrod zaustavlja u Helsingforsu te Vam odavle i pišem ova dva slova. A kako Vi u Helsingforsu? čini mi se da Vas čujem uskliknuti ... A tako! Pošto želim preko Berlina i Praga u Beč i pošto je, kako Vi znate, more za pomorca elemenat života, to se ukrcah na finlandski parobrod koji ide do Stoholma a od tolen ću preko Kopenhagena, Lübeka u Berlin i t. d. Osim toga, Vi znate da sam se ja izsmucao po svemu evropskom kontinentu, osim dva krajna poluostrva t. j. pirinejski i skandinavski: bila bi dakle grehota da, pošto mi je ovaj pošljednji gotovo usput po moru, da ne zavirim barem i u nj, tim više što on za sociologa i jurista predstavlja ne malo interesa sa sravnjajućega gledišta. Et nunc paulo majora canamus! Vaše quasi-bojazni odnosno Berlina, premda Vam čast čine, meni se ipak čini da nijesu osnovane. Osobito što se Vašega predmeta tiče, koji je, i ako nosi slovenski naziv, ipak kozmopolitskoga značaja, — osim toga budući Vaš predmet pripada filosofskomu fakultetu, neće imati mnogo slušalaca (oficijalnih (1)) s kojima se može biti u familijarnijemu odnošaju te ih je tako lakše ubijediti o *rezonabelnosti* Vaših nazorâ. Najposlije, ja držim da je u Prusiji lakše bit objektivnim nego li na kakvu njemačko-austrijskom universitetu[1]: barem ja tako mislim. U ostalom Vi ćete veoma pametno učiniti ako otidete, kao što namjeriste, u Berlin te tamo proučite teren i u tome pravcu.

Ovđe niko iz pametnijih ljudi ne uzimlje kao kakvu defekciju što idete u Berlin, nego kažu da pošto taka sreća Vam se namjeri, da ne biste dobro učinili kad ne biste sreću za kiku uhvatili. Kad tako pametniji misle, za kukavice Vam ni stalo nije. Ja govorih o tome i s Lamanskim te dokazah kako je nemoguće tamo življeti при данных обстоятельствах te je i on saglasan sa mnom, samo što žali da se za Vas nije moglo naći mjesto u Petrogradu, jer misli da bi tada radije ovđe ostali.[2]

Misao Vaša, da bi odeska katedra ostala за вами, meni se je već s početka činila (znajući ovđešnji tok posala administrativnih) nemoguća k ostvarenju[3], — ipak ja, iz daleka, ne imenujući Vas, pitah u ministarstvu i odgovoriše, čemu se i nadah, da je nemoguća taka kombinacija. Meni je već pred 3—4 nedjelja saopćio o tome Sreznjevski te je i on već a priori kazao da neće moguće biti. Meni se i opet čini da neće ni nuždno biti: ali bi ipak dobro bilo da se Vi oficijalno ne odričete katedre dok ne budete u Berlinu te se lično ne ubijedite da Vam se nije čega bojati.[5]

Vojvodić, koji me jučer do parobroda doprati, pozdravlja Vas.

Moj najučtiviji naklon Vašoj g. supruzi a Vami najsrdačniji pozdrav od

Vašega staroga prijatelja
V. Bogišića

76

1874, 17. maja. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 17/29. Mai 1874

Hochgeehrter Freund!

Vor einigen Tagen sandte mir mein Freund Edouard Specht (66, rue de Monceau) aus Paris mit einem Briefe vom 21. Mai beifolgende Kopie

der beiden verlangten Stücke. Bevor diese eingelaufen war, wagte ich keinen Schritt zu tun. Aber auch jetzt wird es mir schwer, da mir Specht erklärt hat, es halte schwer einen Kopisten zu finden; er verdanke dem Prof. Egger[1] die Bekanntschaft mit Groux, der die Arbeit *gratis* geleistet hat. Wäre es für Geld, so ginge alles leichter. Je ne peux vous dire avec quelle peine j'ai pu trouver quelqu'un pour copier les deux passages. Penserez vous qu'à Paris il n'existe pas un copiste capable de copier du grec, et après bien de marches et cntre-marches, en m'adressant à tous les hellenistes, j'ai trouvé un élève de l'école des Hautes études M. Groux que M. Egger a indiqué; il a bien voulu se charger de ce travail surtout lorsqu'il a su que c'était pour un savant de l'Académie de Saint Pétersbourg. Il n'a voulu le faire que par pure complaisance. Je l'en ai beaucoup remercié. Il passe pour fort capable et vous pouvez vous reposer entièrement sur sa copie. Noch unten Entschuldigungen, daß die Sache so lange gedauert.

Das ist aber auch der Punkt, weshalb ich nicht weiß, wie ich nun die von Ihnen noch gewünschten Auszüge aus den traités médicaux schaffen soll.[2] Ich reise nämlich schon den 25. Mai/6. Juni von hier über Prag nach Wien, wo ich wohl den 12. Juni n. M. eintreffe und dann nach *Klobenstein auf dem Ritten bei Bozen* Süd-Tirol gehe. Dorthin hätten Sie mir zu schreiben. Im September kehre auch ich hierher zurück; ob ich die Philologenversammlung in Innsbruck mitmachen kann, weiß ich jetzt nicht.

Was die von Ihnen bezeichneten Bücher aus dem Graefeschen[3] Nachlasse anbetrifft, so ist:

Kurschat Beiträge vollständig, Heft 1. 2. mit handschriftl. Notizen (von Fr. Graefe) um 1 1/2 Thaler (für 1 Rubel), Wilson Dictionary 2. Ausg. wird in Leipzig jetzt mit 60 Thaler/n/ bezahlt; das ist ein enormer Preis; ich habe Böhtlingk konsultiert, aber noch keine Antwort erhalten.

Traitée de l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit kostete nur 7 fr (für 1 Rubel).

Von Klobenstein aus kann ich Specht dann immer noch bitten, Sie müssen mir nur angeben, wohin ich dann die Notizen Ihnen zu senden habe; ich werde auf jeden Fall Geld bieten.

Mit herzlichen Grüßen an die lieben Ihrigen.

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

77

1874, 22. juna. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 22 июня 1874 г.

Милостивый Государь, Игнатий Викентьевич.

Тороплюсь сего же дня отправить Вам содержание Ваше за июнь месяц, всего триста пятнадцать руб., уверенный, что они придут в Вену как раз вовремя и Вы не будете терять времени в ожидании их присылки. Долг Кальсады[1], который я удержу сегодня, вышлю Вам с содержанием за июль месяц. После Вашего отъезда у нас каждый день дождь, ветер, как и прежде, до Вашего отъезда.

Прошу передать от меня и моей жены усердный поклон Вашей супруге и верить моему отличному к Вам уважению и совершенной преданности.

Покорный слуга

В. Селиванов

78

1874, 24. jula. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 24 июля 1874 г.

Душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Письмо Ваше от 16-го июля, полученное вчера, несказанно обрадовало меня и всех остальных Ваших одесских друзей: Берлинский вопрос еще не покончен и, бог даст, на многие годы останется открытым, так что мы питаемся надеждой снова видеть Вас, и на этот раз уже надолго, в Одессе, где осталось так много искренно преданных Вам людей.[1] — Григорович завтра отправляется в Киев на съезд[2]; Кочубинскому не только вышла командировка на 1 $^1/_2$ года, с 1-го наст(оящего) августа, но и назначено добавочное содержание из сумм министерства по 800 р. в год: это больше, нежели можно было ожидать. Вчера он устроил прощальный обед, так как на днях собирается выехать. О Кондакове ни слуху, ни духу — точно затерялся в кавказских горах, где Брун, уехавший одновременно с ним и уже возвратившийся, его оставил. Павел Алексеевич[3] на днях убегает в Крым от жары, которая в последнее время просто невыносима: 27 — 29 град. по Реомюру, в тени. Попечитель, как Вы, кажется, и знаете, в Крыму, откуда управляет округом и где пробудет до 1-го октября. Ректор строит для себя дачу на участке, купленном у Карастелева. Богдановский, говорят, торгует уже другое имение в Подольской губернии. Говорят, и это известие довольно верное, что наш министр в сентябре месяце, проездом в Крым, заглянет и в университет. Вот, пока, все одесские новости.

Содержание за июль, всего 318 р., при сем прилагаю и усердно прошу напишите мне, сколько денег Вы получили за прошлый месяц, — мне это необходимо для кой-каких соображений. Деньги 15 р. от Кальсады получил, но оставляю их у себя для уплаты на почту за пересылку Вам денег, а равно и для высылки в Петербург 6 р. за 2 экз. Остромирова евангелия, на которые Вы подписались.[4]

Все наши шлют Вам дружеский поклон, благодарят Вас за память и от души желают, чтобы киевские угодники и чудотворцы, устами тех, с кем Вы хотите посоветоваться, внушили Вам благую мысль не покидать Одессы, где осталась такая добрая о Вас память и так много искренно Вас любящих и преданных Вам друзей.

Жена моя передает супруге Вашей и Вам душевный привет и желает всем Вам всего хорошего; я следую ее примеру и прошу верить искреннему уважению и неизменной преданности к Вам

Вашего покорного слуги
Р*

В. Селиванова

79

1874, 25. augusta. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 25 августа 1874

Душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Прошение Ваше об отставке поспело к первому заседанию Совета, поэтому уже заслушано и исполнение по оному будет сделано немедленно по подписании протокола. Окончательное же увольнение едва ли поспеет ранее конца сентября месяца, так как дело это должно пойти сначала к попечителю, а от него к министру, и тем же путем возвратиться в университет. Никодим Павлович возвратился уже давно, равно как и Виктор Иванович. Нового пока у нас нет ничего. Тороплюсь отправить это письмо, чтобы оно застало еще Вас в Петербурге и Вы успели бы мне написать оттуда, куда выслать Вам содержание за август месяц— полностью по Вашей кафедре и половинное, т. е. до 15-го августа, по кафедре греческой словесности.[1]

Жена передает поклон Вам и Вашей супруге, которой прошу засвидетельствовать мое почтение и верить искренней к Вам преданности и глубокому уважению

Вашего покорного слуги

В. Селиванов

80

1874, 29. augusta. V. S. Ikonnikov iz Kijeva

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич!

Ваше любезное письмо не могло удержать меня, чтобы не написать Вам, пока Вы еще не выехали из России, а 2 или 3 недели, которые Вы проведете в Петербурге, слишком долгий срок, чтобы ожидать, когда Вы переедете в Берлин. С моей стороны приглашение Вам остаться в Киеве было естественным желанием удержать одну из сил науки на невозделанном у нас еще поле филологических знаний. И я надеюсь, что при первой возможности Вы позволите мне повторить Вам это приглашение. За Ваше предложение обмениваться сообщениями я очень благодарен и готов служить Вам чем могу. Кстати я должен сказать Вам, что я не передал Вам еще одного труда моего — это »Граф Мордвинов« (из истории России XIX века). Он вышел в 1873 г. в Петербурге, а потому у меня не оказалось экземпляра. Но Вы можете его получить на Невском проспекте, в Гостином дворе, №4 (книжный магазин Кожанчикова). Я ему пишу теперь же, чтобы он вручил Вам это сочинение. Вам остается только зайти и получить.

Вы интересуетесь отчетами Съезда, напечатанными в »Киевлянине«[1]. Но в »Киевлянине« отчеты — очень кратки; многие из них только называются. Я встречал более подробные и обстоятельные отчеты в »С. Петерб(ургских) Ведомостях« и »Голосе«.[2] Если Вы еще пробудете

в Петербурге, то зайдите в редакцию этих газет и спросите те NN, в которых помещены отчеты. Они еще будут продолжаться, а потому подпишитесь и на остальные NN. Вам их вышлют в Берлин. До сих пор отчеты были в »С. Петерб. Вед.« NN 227 и 231. Каталог выставки Съезда я Вам вышлю, когда Вы напишете из Берлина, а также группу портретов. Кроме того, кажется будет подробная записка о съезде в „Универ(ситетских) Известиях«.

Следующий съезд будет в Казани.[3] Съезд закрылся 21 августа и заключился общим обедом в Шато де флер.

Адрес мой: Владимиру Степановичу Иконникову. Профессору Университета св. Владимира в Киеве

Преданный Вам

В. Иконников

Киев

1874, 29 августа.

U Berlinu

81

[1874], 7. septembra. M. P. Smirnov iz Odese

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич,

Из содержания моего письма Вы усмотрите, что не леность или другое дурное и непохвальное качество было причиною моего долгого молчания, а обстоятельства от меня не зависящие. Прошение Ваше об отставке было принято с чувством в такой степени враждебным[1], что я даже удивился: говорили, что Вы не имеете права переходить в Берлин, что, проведя в русской службе весьма короткое время и воспользовавшись некоторыми ее выгодами (вероятно годовой отпуск, Staatsrath и орден), Вы никак не можете ее оставить, предлагали представить подобные соображения министру и, наконец, приняли очень холодно, сделанное мною по Вашему поручению заявление, что Вы оставляете наш Университет не из корыстных расчетов, а побуждаемый обстоятельствами, с которыми бороться не можете. Богдановский, читающий по журналу реестр дел назначенных к слушанию, почти перервал меня переходом к следующему делу. Все это происходило в первом заседании Совета, и я тогда же хотел писать Вам, но до меня стали доходить слухи, что что-то готовится к следующему заседанию, хотят сделать какое-то заявление при чтении протокола. Хоть я и знал, что Совет никоим образом не может воспрепятствовать Вашему переходу, но тем не менее решился обождать, и оказалось, что ждал напрасно: никакого заявления сделано не было и прошению Вашему дан законный ход.

Мое мнение о Вашем перемещении, почтеннейший Ватрослав Викентьевич, такое же, какое я лично Вам высказывал: я жалею наш университет, утративший такого профессора, и вместе с тем с опасением смотрю на Ваше будущее. Я думаю, что Вам не по нутру придется жизнь с немцами и, пожалуй, Вам придется пожалеть покинутых Вами северных варваров. Душевно желаю, чтобы я ошибался, но в случае, если Вы скоро придете к убеждению, что Вам не жить в Берлине, пишите, и я сделаю все возможное, чтобы устроить Ваше возвращение в Одессу.

Из наших новостей самая печальная — это возвращение Лебедева без диплома. Московский университет отложил на неопределенное время его диспут под предлогом болезни профессора философии, участие которого в диспуте он считает необходимым. Известно, что Юркевич умирает, следовательно эта новая отсрочка должна быть понимаема как вежливый отказ. Жаль Димитрия Павловича, но едва ли можно будет ему помочь. Не найдете ли Вы в Петербурге какого-нибудь грека?[2]

Заключаю мое письмо выражением надежды, что мы еще будем жить вместе, в Одессе, и прошу принять уверение в моем искреннем уважении

М. Смирнов.

Усердный поклон Сидонии Петровне как от меня, так и от жены. Ваш итальянец у меня не был.[3]

7 сент(ября).

82

1874, 15. septembra. N. P. Kondakov iz Odese

Одесса, 1874 г., сентября 15-го

Милостивый государь, многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Недавно, встретившись на улице с Блау, я узнал, что Вы из Петербурга уже отправились в Берлин, следовательно теперь уже находитесь там на месте. Если так, то жаль, что Вы не пожили в Москве: я уверен, что она бы Вам понравилась.

В Одессе все идет по-прежнему: полная засуха, ожидания неурожая, неурядица полная с водопроводом и пр. и пр. В университете ряд разных коммиссий — по вопросу о квартирном помещении для лаборантов. Можно полагать, что этот вопрос породит и другие подобные. Избранный орд(инарным) проф(ессором) Дювернуа вступит в Университет лишь с января, так пожелало министерство. Юридический факультет будет скоро избирать другого проф. Демидовского лицея — Сокольского, которого Вы знаете.

Интереснее для Вас будет то обстоятельство, что Лебедев возвратился в Одессу из командировки, не успев защитить своей диссертации в Москве. Произошло дело так: я получил письмо от Корша, в котором он просил меня передать Лебедеву, что диспут не может состояться скоро за отсутствием проф. философии (Юркевич очень болен), который должен быть главным участником, потому что »диссертация писана не по кафедре, и филологическая часть ее не имеет ничего принадлежащего автору«. Разумеется, это равняется полному отказу, но Лебедев, приехав сюда, все еще надеется устроить дело. Что выйдет из этого, трудно сказать. Смирнов и Некрасов предлагают ему (через других) подать через год в отставку по болезни и просить полной пенсии. Лебедев полагает затем подать диссертацию у нас. В следующем Совете об нем будут рассуждать.

В это же заседание Совета будет избран у нас декан, конечно, Смирнов. Некрасов отказывается баллотироваться. Для меня предстоит в ближайшем будущем лишиться секретарства, которое назначено, как мне кажется, Некрасову, а с 1-го января и квартиры, которая тоже имеется в виду для кого-то, — так что, если не придет разрешение командировки, я сяду как рак на мели. Расходы же у меня кстати увеличились немного, по случаю приезда сестры моей жены для излечения в более теплом климате. — Недавно получил из „Московских Ведомостей« 35 руб. и сшил себе пару, в которой очень чувствовалась нужда.

Как я жалею о Вашем уходе, того говорить не буду, потому что Вы знаете это сами. Желал бы, чтобы и другие, по крайней мере наш факультет, сколько-нибудь жалел бы об уходе этом, чтобы было видно, что он думает о пользе Университета. Но этого не вижу, за редкими исключениями. Многие из других факультетов могли заметить радость у некоторых из наших. Григорович нынче у Павлова говорил о предложении Вам быть проф. славянских наречий в Киеве[1], — как Вы поймете, с большим ядом и злобою, так что даже не мог удержаться. Затем он же восстает почему-то на Богишича.

Впрочем, я теперь почти вовсе не интересуюсь происходящим, и Вы уже не могли бы упрекнуть меня, что я все узнаю первый: теперь я ничего не знаю, и узнаю после всех. Мне очень понравилось за то, что Вас жалеют либералы наши[2], как напр. Мечников и Сеченов: оба они положительно желают Университету пользы, хотя и заблуждаются иногда. — Все это пишу я Вам потому, что Вы ушли от нас надолго, если не навсегда, ибо я вполне убежден, что теперь Вас уже сюда и калачем не заманишь.

Если будете отвечать, не забудьте написать, как Вы устроились в Берлине, где живете и пр. Возможно, что мы приедем к Вам в Берлин, когда поедем за границу, теперь же, а может быть, впоследствии на ту зиму. Когда же, по рассчету ваших берлинских семестров, Вы будете жить в городе?

Моя жена и я просим кланяться Вашей супруге и поцеловать Станочку, которая, вероятно, совсем позабыла дядю.

Ваш Н. Кондаков.

P. S. Орбинский читает разбор одной драмы Эврипида на греческом тексте. »Грека« Смирнов хочет искать в Петербурге.[3] — Порядок лекций у нас значительно изменился: курсы III и IV освобождены, и все насели на I и II курсы: так и следует. Начинается и строгость. Греческий язык будет читать Юргевич.

83

1874, 25. septembra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 25 сентября 1874 г.

Душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Посылаю это письмо наудачу в Берлин, полагая, что оно застанет Вас там, и что Вы найдете несколько свободных минут (знаю, что Вы

очень заняты теперь) и напишете мне, во-1-ых, Ваш адрес, по которому бы я мог Вам выслать причитающееся еще Вам содержание за сентябрь месяц и, во-2-ых, сообщите получили ли Вы переведенные мною Вам, по телеграфу, в Петербург деньги (360 р.) и Ваши ящики с книгами, об отсылке которых я сказал Мартыну только тогда, когда уже всякая надежда на Ваше возвращение была потеряна.

У нас, в университете, пока тихо — были схватки, но сражения еще не задавались, а материалу-то не мало: предстоящие баллотировки проректора, декана юридического факультета, распределение квартир между лаборантами и т. п. дела образуют, по обыкновению, две или несколько враждебных друг другу партий. Если произойдет что-нибудь интересное — непременно сообщу Вам. Кстати — Федон окончательно провалился.[1] — Московский университет уклоняется, под благовидными предлогами, разумеется, от удовольствия слушать в своих стенах защищение этой диссертации, автор которой желает защищать ее у нас, но это желание, как мне кажется, едва ли исполнится, так как оно не совпадает с видами факультета. Ник. Павловичу разрешена командировка, но вопрос о пособии будет решен только в конце текущего или в начале будущего года.

Погода у нас стоит прелестная: тепло, пыли нет[2], воздух влажный, просто — очарование.

Жена кланяется Вам и Вашей супруге, которой прошу засвидетельствовать и мое к ней уважение и желание всего лучшего.

Пишите и не забывайте душевно Вас уважающего и искренно Вам преданного покорного слугу

В. Селиванов

84

1874, 5. oktobra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 5-го октября 1874 г.

Дорогой, душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Опять исполняю не аккуратно Ваше распоряжение, а именно — высылаю содержание за сентябрь месяц полностью, т. е. двести двадцать рублей, а не ровно 200 р., как Вы просили, по тому простому соображению, что за октябрь месяц Вам причтется, вероятно, более 20 руб., которые Вы поручали мне удержать, впредь до уведомления, как ими распорядиться. — Третьего дня, т. е. 3-го октября, происходило избрание проректора и декана историко-филологического факультета.[1] Проректором избран Смирнов, деканом — Некрасов. Из числа других баллотировавшихся в проректоры получили: Павлов и Беркевич по 11 голосов избирательных против 12 неизбирательных, Богдановский 10 избирательных и 13 неизбирательных; остальные — то 8, 7 и 6, Шведов же получил только 3 избирательных. Как видите, одно сражение дано и перевес остался на очень хорошей стороне. За сим все страсти улеглись и все тихо, но, по всей вероятности, только до поры до времени.

Осень у нас вступила уже в свои права — по утрам бывают даже небольшие морозы, но днем, по-прежнему, прелестная погода. — Жена благодарит всех Вас за память и передает сердечный поклон. В настоящее время она уже почти совсем оправилась, после того, как бог нам дал еще дочь. Полученные мною три каталога Герольда, один каталог Келера, 2 пакета из Академии и одно письмо на Ваше имя из Лейпцига, узнав в настоящее время Ваш адрес, вышлю на днях.

Будьте настолько счастливы и здоровы со всеми Вашими, как этого от всей души желает Вам неизменно и сердечно преданный (если позволите мне так считать себя) друг

В. Селиванов

85

1874, 12. oktobra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 12-го октября 1874 г.

Душевноуважаемый и дорогой Игнатий Викентьевич.

Кажется, в канцелярии попечителя уже получена бумага о Вашем увольнении, так как, я полагаю, правление Университета не встретит препятствий к выдаче Вам за октябрь содержания, сколько такового по расчету придется, то Вы хорошо сделаете, если немедленно вышлете мне, на клочке бумаги и безо всякого засвидетельствования, такую записку: »содержание от Новороссийского университета за октябрь месяц 1874 г., сколько такового, по расчету, мне будет следовать по день моего увольнения от службы в Новороссийском университете, доверяю получить казначею университета В. Селиванову. Орд. пр. Ягич, год, месяц и число« (не пишите места, а то, пожалуй, Контрольная палата когда-нибудь сделает прицепку: на каком-де основании выдано содержание г. Ягичу, когда он не возвратился из отпуска свыше двух месяцев и, следовательно, потерял право на получение содержания). Говоря о денежных делах, кстати сообщу еще и вот что: Ваших денег у меня оставалось на расходы 15 руб. сер., полученные от г. Кальсады и 1 р. 50 к., составившиеся из 3-х полтинников, которые я Вам не высылал, чтобы не увеличивать веса писем, всего же 16 р. 50 к. Израсходовал на пересылку денег Вам: в Загреб (кажется) в первый раз 3 р. 18 к., в Петербург (по телеграфу) 9 р. 50 к., в Берлин — 2 р. 20 к., кроме того, я отослал в редакцию »Остромирова евангелия« по подписке Вашей на 2. изд(ание) этой книги 3 р. и за пересылку их 15 к., и за отправленный Вам на днях рекомендованный пакет 29 коп., всего 18 р. 32 к., таким образом Вы у меня в долгу на 1 р. 82 к., которые я и удержу при первой высылке Вам денег.[1]

У нас все, пока, тихо; из новостей есть одна: Виктору Ивановичу зачли, согласно его давнишней о том просьбе, в срок выслуги на пенсию 2 года с лишком, так что в конце будущего года он выслужит и второе пятилетие. Да, и другая новость: для всех неожиданно Карасте-

лев женился третьего дня на какой-то вдове, женщине лет 40 и некрасивой и без состояния; из этого Вы видите, что даже и в генеральских чинах и с сединой в бороде можно жениться по любви.

Я и вся семья, благодаря бога, здоровы и посылаем всем Вам искренний, задушевный привет, желая при этом всех возможных благ, в особенности, здоровья. Дружески жму Вам руку.

Весь и навсегда искренно Вам преданный друг

В. Селиванов

86

1874, 22. oktobra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 22-го октября 1874 г.

Душевноуважаемый и дорогой Игнатий Викентьевич.

Письмо Ваше от 17-го получил 2 дня тому назад, но отвечаю только сегодня, т. е. после исполнения Ваших поручений. Дейбнер передал мне, по его словам, все, что у него было для Вас — это все (23N Bazar'a, N 39 über Land und Meer u. Einleitung in die Religionswissenschaft) я при сем и прилагаю, равно как и счет Белого, на тот конец, что, если он окажется верным, то Вы его мне возвратите и я уплачу Белому деньги.[1] Все наши, которым я передавал от Вас поклон, сердечно благодарят за память. Михаил Павлович говорит, что он Вас не забывал, а, напротив, полагает, что Вы его забыли: он Вам писал, по адресу на имя Куника, но никакого ответа от Вас до сих пор не получал. Алексей Степанович напоминает Вам данное ему обещание — сообщить адрес господина, который согласился бы взять на себя переписку греческих рукописей, Никодим Павлович только в начале будущего года двинется из Одессы; и вероятно один: у них теперь находится сестра Веры Александровны[2], приехавшая сюда лечиться и находящаяся в таком положении, что ей невозможно ни возвратиться в Москву к родным, ни уехать вместе с ними за границу, так что Вера Алек(сандровна) волей-неволей должна отпустить Ник. Пав. пока одного и остаться в Одессе до наступления весеннего времени, или до выздоровления сестры.

Жалованье, несмотря на то, что Вы подали в отставку, все-таки Вам следует, в противном случае его бы не выписывали для Вас и я бы не получал. Предложение Келера[3] не может быть принято — все деньги на библиотеку уже израсходованы и, кроме того, сделан еще значительный долг, так что Университет на днях вошел с ходатайством об увеличении библиотечной суммы до 6 т(ысяч) р[4].

От души благодарю за присланный портрет, тем более, что этим Вы исполнили давнишнее мое желание, о котором я Вам хотел сообщить после того уже, когда бы Вы совершенно устроились в Берлине и, следовательно, имели бы более свободного времени его исполнить. Другое совсем дело присланные Вашими для жены материи; хотя она и я видим в этом только знак доброй о нас памяти, за что, разумеется, искренно

Вас всех благодарим, но были бы еще (если только это возможно) более брагодарны, если бы Вы ограничились присылкой одного Вашего портрета. Но так как дело уже сделано, то нам остается только еще раз искренно поблагодарить Вас за добрую о нас память. Всякие Ваши поручения я исполнял и буду исполнять с особенным удовольствием — поэтому, не стесняйтесь и пишите о всем, что Вам нужно; для того, чтобы Вы еще свободнее действовали в этом смысле, предупреждаю Вас, что и я, с своей стороны, правда не теперь, а когда-нибудь в другое время, обращусь к Вам с просьбой исполнить маленькую коммиссию.

Передайте Вашей супруге сердечный привет от меня и жены, которая Вам также шлет поклон, и верьте неизменной расположенности к Вам Вашего искреннего друга

В. Селиванов

Только что вспомнил, что сегодня праздник, и потому посылку нельзя отправить; вследствие этого я ее пошлю завтра отдельно, а к настоящему письму прилагаю только счет Белого.

87

1874, 24. oktobra. A. Pawiński iz Varšave

Warszawa 24. października 1874.

Szanowny Panie Kolego!

Wróciwszy dopiero z dwutygodniowej wycieczki archeologicznej, zastałem list Pana, który mi wielką sprawił przyjemność. Pośpieszam więc z odpowiedzią, dziękując najwymowniej za tyle uprzejmą Pana o mnie pamięć. Cenię wysoko węzły znajomości, które Pan wzmocnić raczyłeś, odzywając się do mnie piśmiennie z Berlina. Śmiem Pana zapewnić o moim głębokim szacunku, jaki mam dla Jego nauki i przymiotów Jego serca. Żałuję nieskończenie, że okoliczności nie pozwoliły Panu wstąpić do Warszawy: mam jednak tę słodką nadzieję, że Pan o nas nie zapomni i dotrzyma słowa. Będę chciał być Panu we wszystkiem pomocnym, tak jak usługi moje ofiarowałem Panu Novaković, który u nas gościł, niestety, tylko dwa dni. Co było można zwiedzić w tak krótkim czasie, biblioteki, archiwa, starożytności, pamiątki — wszystko obejrzeliśmy. Proszę jednak, byś Pan zechciał na dłuższy czas wybrać się do Warszawy.

O ile dziś mogę być pomocnym, w każdej chwili jestem na usługi Pana: będę sobie uważał za szczególniejszą przyjemność podać jakieś wskazówki lub objaśnienia, których Pan ode mnie zażąda. W tej chwili nie ma nic w polskiej literaturze, coby się do językoznawstwa odnosiło. — Może jednak przyda się wiadomość, że senator Hube drukuje obecnie w Bibl(iotece) Warszawskiej: Roty przysiąg polskich z końca XIV wieku. Odbitka z tej pracy ukaże się za dwa lub trzy tygodnie, nie omieszkam więc natychmiast przysłać Panu jeden egzemplarz, bo będę ich miał kilka do rozdania. — Czytałem także, że Leszek Niezabudka (pseudonym Rontalera z Odessy) wydał po polsku w Odessie rozprawkę o Genitivie w języku polskim, rozprawki

tej jednak jeszcze w Warszawie nie ma. — Nic innego godniejszego uwagi nie wyszło u nas w tych czasach. Jeśli się wszakże coś w tym rodzaju zdarzy, będę sobie uważał za obowiązek donieść Panu lub w danym razie nawet przysłać.

Przed kilku dniami bawił tu w Warszawie Kotljarewski, który z Pragi jechał do Petersburga dla przedstawienia swej pracy »O Słowianach Pomorskich« na stopień doktora.

Przyjmując Szanownego Pana Kolegi wniosek co do używania w listach moich języka macierzystego, proszę zarazem o pisywanie do mnie w rodowitym Pana języku. Lubo w mówieniu po chorwacku nie mam wprawy, czytam jednak pisane rzeczy dość swobodnie.[1] Będzie to dla mnie podnietą, żeby zawsze w świeżej zachowywać pamięci mowę, do której u nas w ogóle a u mnie w szczególności wiele znajdzie Pan serdecznych skłonności.

W końcu miło mi jest zapewnić Pana, że węzły znajomości z Nim zawsze drogimi dla mnie będą i w każdej chwili proszę liczyć na prędkie i szczere usługi

przyjaciela
Ad. Pawiński

Marszałkowska 75.

88

1874, 26. oktobra. A. A. Kunik iz Petrograda

26. Okt(ober) 74

Hochgeehrter Herr Kollege!

Ihre zwei Briefe habe ich richtig erhalten.[1] Jetzt, wo die Zugvögel von allen Seiten wieder eingetroffen sind, ist meine Zeit sehr beschränkt. Dazu kam, daß ich die russische Korrektur loswerden muß, die ihre Folge ist. Nachläss(igkeit) ist, daß ich die Записки 6 Wochen später, als ich erwartete, erhielt. 3 Bogen erhalte ich heute und 3 noch sind in Aussicht gestellt. Sobald ich meinen Kopf davon loseisen kann, gehe ich an die Palausow'sche Bibl(iothek) etc. In betreff des Журн. Мин. Нар. Пр. hoffe ich Ihnen einige günstige Nachrichten erteilen zu können.

Котляревский kam hier von Prag an mit einer fertig gedruckten Dissertation über Ottos von Bamberg Biographie.[2] Der 2. Band Юридические древности балтийских славян ist erschienen*[3], aber mir noch nicht zu Gesicht gekommen. Ich bin sehr gespannt darauf. Ich muß Котляревский veranlassen, der Berliner Bibl(iothek) ein Exemplar zu verehren.

Daß ich eine (Уваров' sche) Preisaufgabe: История мореплавания у слав. народов до 13-го века und eine zweite: Комментарии на договоры с Греками (907—972) gestellt habe, war Ihnen wohl schon bekannt.

Miklosich neustes Werk[4] klärt die Situation bedeutend auf, doch erledigt er den Streit bei weitem noch nicht. Selbstverständlich mußten die sprachlichen Argumente den Ausgangspunkt bilden und in dieser Hinsicht ist bis jetzt nur ein schwacher Grund gelegt worden. In historischer

Hinsicht ließe sich gar manches vorbringen. Mikl(osich) kennt nur das Zeugnis des Призренское житие über die Брѣгальница[5], das erst an Wert gewinnt[6], wenn man es zusammenhält mit dem Солунское слово und der Nachricht Theophylakts[7]. Wie jetzt die Sache liegt, wären die Slawenapostel in Pannonien wie ein Meteor vom Himmel gefallen. Auch kann ich noch nicht glauben, daß die bulgarischen Slawen sich die sog. pannonische Kirchensprache so perfekt angeeignet haben, daß sie später so viele Arbeiten in derselben lieferten, ohne sie nicht stärker zu verunstalten. Eine genaue Durchmusterung der wirklich in der Bulgarei von Bulgaren abgefaßten Schriften ist absolut notwendig. Савваитов hat in Odessa in einer Kiste die von Билярский zu meinen Gunsten — und auf meine Anregung — gesuchte vollständige Kopie der Überzetzung von Manasses nebst einem Указатель слов aufgefunden. Diese sollten genau abgedruckt werden.

Ich schicke Ihnen einen Abdruck eines Vorschlages, den ich i. J. 1873 der archäoligischen Gesellschaft gemacht habe und dessen Ausführung jetzt endlich in Angriff genommen wird.[8]

Ihr

Kunik

Der Brief war liegen geblieben, so dass ich ihn erst jetzt beendigen konnte.

* Nein, aber fast ganz abgedruckt.

89

1874, 28. oktobra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 28. Oktober/9. November 1874

Hochgeehrter Freund!

Ihr geehrtes Schreiben vom 3. Nov. erhielt ich vor einigen Tagen. Ich sende Ihnen heute unter Kreuzband das Verzeichnis der russischen Publikationen unserer Akademie. Veranlassen Sie die Universität oder vielleicht auch die Königl. Bibliothek oder beide um diejenigen Sachen zu bitten, welche wünschenswert sein sollten. Breslau hat neulich eine große Kiste voll erhalten, früher schon andere Universitäten. Selbst wenn Bibliothek und Universität bitten, werden beide hoffentlich befriedigt werden, soweit der Vorrat reicht.[1]

Es hat sich hier eine neue Buchhandlung Мартынов im Вознес(енский) Проспект etabliert, die auch antiquarisch ist: der Inhaber war früher bei Исаков.

Sobald ich durch Riener (Munckscbe Buchhandlung) erfahre, wer als Kommertionär für Russica solid ist, teile ich Ihnen die Notiz mit.

Wegen der Известия müssen Sie sich an die zweite Klasse wenden; wollen Sie dieselben kaufen, so würde ich Ihnen den Band V besorgen; er kostet 3 Rubel, und ich habe gerade auch 3 Rubel 90 Kop. von Ihnen hier liegen. Was Sie unter Ученые записки meinen, müssen Sie genauer angeben. Sind es die 1836 — 63 von der Zweiten Klasse herausgegebenen?

In diesem Fall müßten Sie Ihre Bitte ebenfalls an die Zweite Klasse richten. Die Zusendung größerer Packen geschieht bei uns durch Leopold Voß, kleineres könnte ich durch die Post besorgen.

Auch ich bedaure es, daß Sie mich nicht angetroffen haben. Ich kam erst den 22. Sept./4. Okt. hier an; durch Berlin fuhr ich von einem Bahnhof zum anderen.

Herzliche Grüße an Ihre liebe Frau und Tochter.

Mit den besten Wünschen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Haben Sie schon Sanskritlexikon, Lief. 54 und 55?[2]

90

1874, 30. oktobra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 30-го октября 1874 г.

Дорогой и душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Посылаю Вам с сегодняшней же почтой, под крайцкувертом, полученную мною на днях статью г. Потебни »Из записок по русской грамматике«[1]; вместе с этим прошу Вас сообщить мне, куда, сколько и кому именно следует отправить из находящихся у меня Ваших последних за октябрь месяц от университета денег 63 р. 55 к., которые мною уже получены, так как увольнение Ваше от службы уже состоялось. Кстати об увольнении: теперь Вам надо выслать аттестат о службе, но он может быть составлен только на основании документов Ваших, которых в Правлении нет, за исключением Вашего национального паспорта; поэтому сообщите мне с следующей почтой такие сведения, какие требуются прилагаемыми при сем 14ью статьями формулярного списка; сведения обозначьте до поступления Вашего в Университет, так как данные для внесения в аттестат службы Вашей при Университете у нас имеются. Еще одно дело: не знаете ли Вы адреса Богишича — на днях я получил на его имя рекомендованное письмо, кажется, из Каттаро[2], и не знаю куда его отправить; если знаете — сообщите, пожалуйста. Кочубинский в настоящее время в Праге и адрес его такой: Prag, Wenzelplatz, Hôtel Erzherzog Stephan, N 4.

У нас была уже стычка по поводу выборов на энциклопедию права Сокольского, забаллотированного факультетом, но выбранного в Совете, при чем 4 члена отказались от участия в баллотировке; следующее заседание, полагаю, не обойдется без жарких прений. Остальное же течение дел обычное. Из городских вообще новостей замечательны: город проиграл процесс с Фурнесом, контрагентом Лондонской компании по замощению города, и должен заплатить ему более 200 000 р., а другая — наш уважаемый архипастырь Димитрий переведен в Ярославль, куда и уезжает на днях. Третьего дня был в честь его обед, на котором присутствовало и множество евреев, поднесших ему, в память, библию на еврейском языке.

Жена свидетельствует свое почтение Вам и Вашей супруге, которой прошу передать и мой привет и верить сердечной к Вам преданности Вашего друга

В. Селиванов

91

1874, 1. novembra. N. A. Popov iz Moskve

Москва, ноябрь 1/13 74 г.

Милостивый государь, многоуважаемый приятель!

Очень рад служить Вам комиссионером по всем Вашим поручениям относительно сношений с Россией вообще и с Москвой в особенности. Высылка русских книг к Вам в Берлин не составит для меня большого затруднения. Надеюсь, что часть книг я буду получать в дар для Вас, другую придется покупать, а издержки за пересылку к Вам в Берлин примет на себя охотно Славянский комитет. Касательно »Известий Московского Университета«, я докладывал о Вашем желании иметь их в двух экземплярах университетскому правлению, как член оного, и Управление постановило выслать их Вам бесплатно. Что касается изданий Общества истории и древностей российских, то полный экземпляр тех из них, которые имеются еще в продаже (»Чтения« и »Временник« 107 книг) будет стоить 207 р. 50 к., а два экземпляра 415 руб. Уведомьте, угодно ли Вам иметь их за эту цену? Книжки отдельно не продаются, а по целым годам. Кроме того, из книг, которых нет уже в продаже, Вы могли бы иметь отдельные оттиски историко-филологических статей, если бы написали о том любезное письмо Осипу Максимовичу Бодянскому (на углу Большой Никитской и Мерзляковского переулка, против Большого Вознесенья, дом Мещеринова) и попросили бы его переслать эти книги к Вам в Берлин чрез Московский славянский комитет.

Здесь никто не жалуется на Вас за то, что Вы променяли Одессу на Берлин: Вы и в этом городе можете быть полезны славяноведению. Со временем я буду обращаться к Вам с просьбою о приобретении для меня разных изданий немецких и польских по этнографии, антропологии и археологии, ибо давно уже не имею прямых сношений ни с берлинскими, ни с познанскими книгопродавцами. А потому из денег, требующихся за издания Общества истории в Москве, удержите 50 талеров за мой счет. Остальные можете прислать переводным письмом на Московский купеческий банк.

Примите уверение в совершенном уважении

Нил Попов

Мой адрес: Сенная у Смоленского бульвара, д. Брока.

92

1874, 11. novembra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 11-го ноября 1874 г.

Дорогой и душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Только что получил Ваше письмо от 7-го ноября, но не нашел в нем ответа на все, о чем Вас спрашивал, и потому тороплюсь отправить это послание, с просьбой прислать ответ поскорее. Дело именно вот в чем — следует ли уплатить Белому по счету, который я Вам послал? Он уже приходил ко мне наведываться, не получен ли от Вас ответ. Затем, я бы Вас просил вот о чем: узнайте, нет ли в берлинских библиотеках последнего издания Worcester's Dictionary of the English language, и если есть — то купите и вышлите, по почте, разумеется, на имя проф. Павлова, чтобы избежать цензуры. Еще более я был бы Вам обязан, если бы Вы вместе с этой посылкой прислали мне, разумеется, если есть в Берлине, на английском же языке, иллюстрированную »Жизнь насекомых и пресмыкающихся« Брема, так как у меня уже есть »Жизнь животных« и »Жизнь птиц« этого писателя. Деньги, сколько причтется, я приложу к тем, что останутся для погашения Вашего долга Черкесову.[1]

Если еще не знаете, то сообщу Вам новость — для нас крайне неприятную: Алексей Степанович[2] переходит в Москву, куда его приглашают на место недавно скончавшегося канониста Соколова.

Будьте счастливы и здоровы со всей семьей и верьте нелицемерной преданности к Вам

Вашего друга
В. Селиванов

Зная, насколько Вы в настоящее время заняты, я поступаю бессовестно, утруждая Вас моею просьбой, но думаю, что Вы меня великодушно извините за это.

93

1874, 17. novembra. J. K. Grot iz Petrograda

Милостивый государь Игнатий Викентьевич.

Еще до получения Вашего обязательного письма я слышал, кажется, от А. А. Куника, что Вы переселились в Берлин, и мне было очень жаль, что меня не было в Петербурге при Вашем проезде за границу. Я очень понимаю причины, побудившие Вас принять приглашение Берлинского университета, и нисколько не виню Вас за этот шаг. Возможность посвятить себя любимому предмету должна конечно служить в таком случае главным побуждением, тем более, что от этого зависит и степень пользы, которую каждый из нас может принести. Притом, как не предпочесть Берлин с его огромными научными средствами и вполне европейскою жизнью, — полуазиатской Одессе? Мы будем теперь ожидать от Вас новых капитальных трудов по славянской филологии. Кстати, в ноябрьской книжке Журнала Мин(истерства) нар(одного) пр(освещения) был разбор Вашего исследования о словах корня дѣ с отзывом вообще благоприятным.[1] Получаете ли Вы это издание?

Что касается до академических изданий, которые Вы желаете получить, то я надеюсь в скором времени выслать их Вам через лейпцигского нашего комиссионера Фосса. Не ручаюсь, что все, означенные в Вашей записке, найдутся, но то, что окажется у нас, — к Вашим услугам. Иное издано не Академией, напр. Лавровского о Якимовской летописи, Ламанского о славянах в Азии: этого я покуда выслать не могу, но если встречусь с авторами, то передам им Ваше желание. Академические же издания могут и впредь быть высылаемы Вам. Я с большим удовольствием беру это на себя и прошу Вас только, в случае если чего-нибудь Вы в свое время не получите, адресоваться ко мне. Вообще рад служить Вам по книжной части, как и во всех случаях, когда Вам понадобится мое содействие или какое-либо разъяснение.[2]

Прошу Вас верить в искреннее мое уважение и всегдашнюю готовность быть Вам полезным

Я. Грот

СПб
17/29 нояб(ря) 1874

94

1874, 18. novembra. V. I. Selivanov iz Odese

18 ноября 1874 г. Одесса

Дорогой и душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Посылаю Вам при этом письме выданный Вам от Новороссийского университета аттестат о Вашей службе от 16-го ноября сего года за N 2464. Думал, что к этому встретятся серьезные препятствия, ввиду неимения при делах Университета Ваших документов, но, к счастью, дело сделалось и без них. — Из университетских дел одно — избрание Сокольского на кафедру энциклопедии права — до настоящего времени служит поводом к различного рода пререканиям, дошедшим до личностей; по поводу этого дела было уже три заседания Совета, ничем не оканчивавшиеся и прерывавшиеся под благовидным предлогом. Что будет дальше — Аллах ведает — но во всяком случае выйдет скандал полнейший: одна сторона намеревается привлечь другую к законной ответственности, т. е. обратиться к прокурорскому надзору с жалобой на диффамацию. Я, впрочем, того мнения, что дело до этого едва ли дойдет — что намерение высказывается ради интимидации, и что все будет улажено административным путем. Другая новость — приезд Успенского[1], который прочел блистательно вступительную лекцию и начал уже обычные чтения; он избран секретарем факультета[2], на место Никодима Павловича, выслужившего срок и отказавшегося от баллотирования ввиду предстоящей командировки за границу. Он, т. е. Ник(одим) Павл(ович), в настоящее время в Москве, куда отвез больную сестру Веры Александр(овны); на днях, впрочем, он возвратился.

Если узнаете адрес Богишича, пожалуйста, сообщите мне — я давно уже послал ему письмо, и очень нужное, чрез Герольда, но ответа не имею, почему и заключаю, что оно не дошло к нему.

Жена и я просим Вас принять уверение в душевной привязанности и расположенности к Вам и Вашей супруге и пожелание всего лучшего всем Вам от нелицемерно преданного Вам

Вашего друга

В. Селиванов

95

1874, 22. novembra. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

ноябр(я) 22/1874

Вы подумали, что я сержусь на Вас, и затем чуть-чуть не готовы были вести свои заключения все далее и далее. Очень благодарен Вам, что Вы во взаимных отношениях наших не захотели идти путем, который казался самым легким. Личная моя благодарность за самого себя соединяется с чувством уверенности, что и вообще те убеждения, с которыми пришлось и мне переживать лучшие годины жизни, не ставите Вы в ряд безнравственных, что вместе с тем Вы не можете сомневаться в моей искренней радости, что Берлинская кафедра славянской филологии занята таким деятелем, как Вы, и что Вы на ней чувствуете себя на месте. Сомневаться в том, что Вы будете на этом месте полезны не только для своих слушателей, но и для успехов славянской науки, было бы смешно. Уверен и в том, что Вы для пользы дела не раз заглянете и[a] к нам и своим трудом поможете нам в разработке наших сокровищ, по которым еще долго многим и много придется трудиться, что поможете нам и в узнании сокровищ западных, известных едва ли не менее, чем наши. Как деятель научный, Вы всегда будете нашим желанным гостем, а как корреспондент Академии, найдете в ней поддержку. О Вашем желании что-то иметь мне уже сообщал[b] добрейший наш Шифнер, к сожалению мельком — перед самым открытием заседания, и, конечно, не мог получить от меня никакого, сколько-нибудь для Вас невыгодного ответа. Хочу надеяться, что никакие частные обстоятельства не поколеблют моих взглядов на нужды людей науки, ни моих желаний служить всем — и тем более Вам. Вчера (четверг, день заседаний 2-го отделения академии) был праздник, и потому заседания не было; не будет и в следующий четверг, тоже по случаю праздника, следовательно еще не скоро я узнаю, чего именно Вы желаете. Что касается моих »Мыслей«, то я бы рад Вам служить, но у меня только один мой оттиск, и то подаренный мне Котляревским, а сын мой, Вячеслав, на днях купил себе по случаю. Деньги на новое издание у меня лежат; но другие работы увлекают. Новый выпуск моих »Сведений и заметок«[1] Вы скоро получите с I-ой книгой XXII тома »Записок« Академии. Мою записку об антиминсах Вы найдете в отчете о присуждении Уваровских наград. Теперь читаю Синайский патерик — по списку очень древнему, вероятно

XI — XII в. — и на нем, как на памятнике еще не исследованном, не могу не остановиться с особенным вниманием. До сих пор Синайский патерик мне был известен только в отрывках в списках не древних, так что я и не воображал, что и он должен быть отнесен к древнейшему периоду.[2] При осмотре нынешним летом всех без исключения Синодаль(ных) р(уко)п(и)сей я отметил себе и еще несколько древних памятников, за которые поочередно надобно будет браться.

Ваши Opisi я получил от Вячеслава только на днях[3], и успел прочесть только три первые статьи. Очень благодарю Вас за этот подарок.

Поклонитесь от меня и от жены Сидонии Петровне, поцелуйте дочечку, передайте мой поклон Вашему милому тестю и не забывайте меня

Ваш И. Срезневский

SMŽ. [a] 0. [b] сообщил.

96

1874, 13. decembra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 13 декабря 1874 года

Дорогой и душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Вчера получил Worcester'a[1], за присылку которого благодарю от всей души и вместе с тем еще раз и усердно прошу извинить за хлопоты, которые я так бесцеремонно навязал Вам просьбой прислать эту книгу. Она (книга) стоит, по счету, 11 1/2 талеров, что, по курсу нынешнего дня (1 t. = 1р . 6/4 к.), составит на русские деньги 12 р. 23 к., прибавив к этим деньгам находящиеся у меня Ваши 63 р. 55 к. и уплаченные Вами за пересылку Worcester'a, вероятно не менее 1 р. 22 к., получим общую цифру Ваших денег 77 р. Из этой суммы я удерживаю: 1 р. за гербовую бумагу на аттестат, 1 р. 83 к., следующие мне, 5 р. для передачи Ивановичу, который в настоящее время болен, или Барачу[2], если последний явится прежде; затем, я уплатил 6 р. 50 к. Белому, по прилагаемой расписке, на обороте которой я потребовал от него удостоверения в получении от Вас денег за 2 и 3 томы истории Бестужева—Рюмина[3], и, наконец, остальные 62 р. 67 к. внес комиссионеру Кожанчикова и Черкесова в Одессе за долг Ваш в книжный магазин Черкесова в Петербурге; расписку комиссионера также при этом посылаю.

На днях я получил от Богишича письмо с поручением распродать его мебель, так как, по его словам, он, по возвращении в Россию, намерен поселиться в гостинице или в меблированных комнатах. Если имеете ему что-нибудь написать, то вот его адрес: Paris, Boulevard St-Michel N17.

Когда достану литографированные лекции (чего, надеюсь, достигну в самом скором времени), то вышлю вместе с историей русского права[4]; что же касается XIV. т. записок, то Алек(сей) Степан(ович)[5] обещал переслать Вам его тогда только, когда Вы исполните давнишнее Ваше ему обещание — сообщить какие-то сведения о Венской библиотеке. — У нас делаются чудеса, о которых я когда-нибудь, для назидания и развлечения Вашего, сообщу в подробности.

Примите, дорогой мой, лично и передайте Вашей супруге мои и моей жены горячие пожелания всего лучшего всем Вам и верьте неизменной преданности Вашего искреннего друга

В. Селиванов

97

1874, 28. decembra. N. P. Kondakov iz Odese

Одесса, 1874 г. декабря 28

Дорогой и уважаемый Ватрослав Викентьевич!

Я уже так долго откладывал свой ответ, что Вы, вероятно, подумали, если только имели к тому случай, что я заленился отвечать. Между тем, мне хотелось ответить Вам определеннее, т. е. написать что-нибудь решительнее насчет своей командировки. Вы не удивитесь поэтому, когда я Вам скажу, что я доселе не получил не только разрешения, но и никакого ответа. Таким образом я теперь между небом и землею, ни остаюсь, ни уезжаю. Положение не особенно приятное ввиду того, что в первых числах января у меня отберут квартиру и я теперь, без жалованья за секретарство, должен буду сесть разом на 85 руб. в месяц. Секретарем у нас на факультете теперь Успенский, который приехал в ноябре. Это очень солидный и, сколько его узнали, хороший господин. Только с ним да с Умовыми мы и водим теперь более близкое знакомство. Но так как Умову предстоит в ближайшем будущем, вероятно, уход из университета, то и мы не желали бы долго здесь заживаться. Что Умов уйдет, это возможно, так как теперь, по приказанию высшей власти, между нашими враждующими партиями водворен насильственный мир, и они, понятно, скучают, а от безделья развлекаются травлею доцента. Шведов представил Умова в экстраорд. проф., но вся клика: Абашев, Вальц и пр. протестовали против представления, выразив, что в настоящем случае докторского диплома (который Умов получил в Москве) недостаточно, и что нужно собрать отзывы об ученых трудах Умова от компетентных лиц. Теперь они всюду разыскивают, где бы получить неблагоприятный отзыв.[1]

Недавно я должен был съездить в Москву, чтобы отвезти гостившую у нас тяжело больную родственницу; я пробыл в Москве только три дня, невообразимо устал и был после того нездоров недели три. Между прочим виделся со многими университетскими лицами, к которым имел поручение насчет замещения у нас кафедры языкознания и греческого языка. Фортунатов отказался, а греки оказываются и в Москве белыми воронами. Лебедев взял свою диссертацию назад, потому что Орбинский заявил неудовлетворительный отзыв, а Юргевич (по словам Лебедева) отыскивал самые мелкие ошибки. Факультет определил: ждать от Лебедева представления другой диссертации, с тем чтобы, в случае нападения со стороны высшего начальства, защищать его.

У нас будет держать экзамен по латинскому языку некто Опацкий, наш кандидат, поляк.

Если я поеду за границу, то прежде всего побываю ненадолго в Германии, между прочим, в Берлине, оттуда в Париж и Лондон, а затем в Италию на всю зиму и из Сицилии переберусь в Грецию; пострансствовавши там, отправлюсь в Салоники, на Афон и через Константинополь вернусь домой. Как видите, чуть не кругосветное путешествие, но это будет зависеть от количества денег.

Моя жена Вам кланяется, а также Вашей супруге, и мы оба просим Вас принять наши поздравления с новым годом, с новым счастьем. Поздравьте и милую Станочку, которая, вероятно, совсем выросла.

Не нужно ли Вам будет привезти чего-либо из России? Может быть, книг или чаю? Всякие поручения я исполню с величайшим удовольствием. Не уеду еще до 15 января.

Преданный Вам

Н. Кондаков.

P. S. Тихонравов говорил мне, что собирается писать к Вам. Писал ли?[2]

98

1875, 4. januara. A. S. Pavlov iz Odese

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич.

В другое время я отвечал бы на Ваше дружеское письмо в самый день его получения; но теперь не мог собраться в продолжении нескольких недель. Все мои силы и досуги поглощены были делами уголовного свойства, о которых Вы, вероятно, имеете некоторые сведения, и которые, к счастью или несчастью, касались до меня слишком близко. Суть этих дел состояла в том, что Леонтович, купно с Цитовичем, составили против меня два обвинительных акта: 1.) о напечатании в Записках протоколов по делу Кощуга[1], якобы не подлежащих публикации и 2.) когда было доказано, что это обвинение ложно, — о фальсификации этих протоколов. По тому и другому пункту я исписал не одну десть бумаги, а главное, — потерял не мало здоровья и времени, которые мог бы употребить с большею пользою. Самые праздники прошли не без траги-комических эпизодов, которые были отголоском тех же самых дел.

Другие события в жизни нашего университета, может быть, — более Вас интересующие, тоже, по всей вероятности, не остаются для Вас неизвестными. Разумею: выбор Смирнова в проректоры, Некрасова — в деканы (»камень его же небрегу сотвориша зиждущий, сей бысть *во главу угла*« и — в камень протыкания и соблазна *для многих*»), сокращение Григоровичу срока службы на 2 1/2 г(ода), так что его балотировка на новое пятилетие будет в следующем сентябре, отказ Лебедева от своего »Федона» и пр.

Дело о моем переходе в Москву идет довольно медленно. На факультете пока решено только пригласить меня, а Совету — донесено об этом решении; но баллотировок ни тут ни там еще не было.[2] Само собою понятно, что я жду перехода, как освобождения из »плена вавилонского«. До ваката во всяком случае проживу еще в Одессе. Если Вы летом явитесь »паломником« на святую Русь, то я надеюсь дружески пожать Вам руки в Москве или Питере.

Ужасаюсь при одной мысли обратиться к Миклошичу с просьбою о доставлении мне двух трех незначительных выписок из венских греческих рукописей. Только в самом крайнем случае, именно — когда увижу совершенную невозможность для меня побывать летом в Вене, я могу решиться на то, чтобы воспользоваться великодушным предложением высокопочитаемого ученого.

Есть у меня тайная надежда (что немцы называют, кажется, Ahnung), — что Вы еще не совсем потеряны для России. По крайней мере, мне хорошо известно, что в Москве многие Вас желают. Не забывайте русского говора, и для этого, primo, читайте ежедневно русские газеты, secundo, пишите чаще на Русь и хоть изредка к

искренно преданному Вам
А. Павлову

P. S. Из Казани получил я следующую весть: Петровский опять поступил на службу в тамошнем университете.
XIV том »Записок« вышлю Вам немедленно.
4/16 января 1875 года
Мой привет Вашей любезной супруге и милой дочке. Поздравляю всех Вас с новым годом, который, впрочем, успел уже постареть у Вас на 12 дней.

99

1875, 4. januara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 4./16. Januar 1875 Abends

Hochgeehrter Freund!

Ihre geehrte Zuschrift vom 11. Januar erhielt ich vorgestern Abend, konnte aber erst heute früh die nötigen Gänge machen. In dem Hauptbureau des Вестник Европы erlangte ich es, daß ich nur 14 Rubel nun einzahlen konnte, den Rest werden Sie nach einiger Zeit, wie es Ihnen bequem ist, einzusenden haben, also noch 5 Rubel, da der jährliche Preis 19 Rubel beträgt. Für die C. Петербургские ведомости ist das Hauptbureau jetzt bei Черкесов; man wollte nur auf Zahlung in drei Terminen eingehen, jetzt gleich 9 Rubel, den 1. März 8 Rubel und den 1. Juli 8 Rubel. Da jetzt nicht mehr Korsch Besitzer ist, oder Inhaber des Kontrakts, sondern Baimakow, den ich nicht kenne, und da die Redaktion einen solchen Wechsel erlitten hat, daß das Publikum sich von dem Blatte weniger verspricht,

meinte ein Mann, der mir heute in den Weg kam, ich solle doch erst fragen, ob Sie das Geld dafür ausgeben wollen. Als Mittelweg ist mir folgendes eingefallen. Sollte mir mein Exemplar der Zeitung nicht entzogen werden (verschiedenen Akademikern ist es schon so ergangen), so könnte ich Ihnen mein Exemplar, nachdem ich u. eventualiter mein Kollege Nauck es gelesen haben, zusenden, entweder täglich oder wöchentlich; ich verlange dafür nur den Papierwert, den ich gewöhnlich meiner Frau schenke, es würde etwa 3 Rubel für den Jahrgang ohne Beilage betragen. Die einzelnen Nummern, welche ich in diesem Sommer nach Tirol bezog, hatten teils 2 Kopeken, teils 3, teils 4 gekostet, für 109 Nummern zahlte ich 3 R. 21 Kop. für die auf dieselben geklebten Briefmarken; es würden auf das Jahr also nahe an 12 Rubel zusammen verbraucht werden; es käme Ihnen der Jahrgang somit nur 15 Rubel zu stehen. Ein Übelstand ist nur der, daß ich vom 1./14. Juni bis 14./27. August in Reval bin und dann die Nummern Ihnen erst ausReval senden könnte. Der Голос ist noch teuerer, nämlich 26 R. 50 Kop. (wenn ich nicht irre), auch dort kenne ich niemand bei der Redaktion. Leider sind morgen und übermorgen Feiertage; deshalb sendet man Ihnen auch aus der Expedition des Вестник Европы das Januarheft erst im Laufe der nächsten Woche. Morgen, Sonntag, ist die Post geschlossen; Montag, den 6./18., haben wir Wassertaufe, allein die Post ist geöffnet, und da sende ich Ihnen vielleicht die ersten Nummern des laufenden Jahres, damit Sie Ihre Meinung sich bilden können. Zweimal war ich schon in der Redaktion des Blattes Указатель по делам печати; erst in der nächsten Woche zahle ich dort drei Rubel ein, muß aber die Nummern, deren 24 im Jahr erscheinen, selbst expedieren, was wieder im Sommer Schwierigkeiten macht. R*

Vielleicht werde ich aus dieser Summe dann noch die beiden Lieferungen Sanskrit-Lexikon, die Ihnen fehlen, bezahlen können.[1]

In den Ostseeprovinzen braucht man für das Russische: Pihlemanns Leitfaden,[2] der auch schon eine schwedische Bearbeitung für Finnland erlebt hat; erschienen bei Kluge & Ströhm in Reval in mehreren Auflagen.

Mit den herzlichsten Grüßen an die lieben Ihrigen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Wo liegt die Körnerstraße in Berlin? Sie muß ganz neu sein; auf meinem Plan fehlt dieselbe.

100

1875, 7. januara. A. A. Kunik iz Petrograda

7. Jan(uar) 75

Hochverehrter Herr Kollege!

Die Palauzov'sche Bibliothek — um mit ihr gleich anzufangen — war ich bereit zu zerstückeln, wenn es nicht möglich wäre, den größten Teil derselben für einen verhältnismäßig billigen Preis loszuchlagen. Mittlerweile kam ich in Verbindung mit einem neu gestifteten Gymnasium, das gewisse Summen zur Verfügung hat. Ich mußte aber die Ankunft des In-

spektors erwarten die erst vor einigen Tagen erfolgte. Er war bereit, sogleich eine Summe von 500 bis 600 Rub. zu verwenden, wollte aber nach seiner Rückkehr, die heute erfolgt sein muß, einen Kaufmann zu gewinnen suchen, um die ganze Bibliothek zu kaufen. Sie werden selbst einräumen, daß ich verpflichtet bin, vor allem das Interesse der Waisen im Auge zu haben. Indessen glaube ich nicht, daß der Ankauf zustande kommen wird, wenigstens nicht in der von mir gestellten Frist, denn ich muß die Sache los werden.[1]

Vom Жур(нал) Мин(истерства) нар(одного) просв(ещения) habe ich mehrere Jahrgänge für Sie erworben, meist zu mäßigem Preise. Darüber nächstens, sobald mir die Jahrgänge eingehändigt werden, die ich noch im Auge habe.

Котляревский ist wieder abgereist um den Druck zu beendigen.

Голубинский hat noch nicht gedruckt[2], wie man mir im Dep. sagte.

Auf eine neue, angeblich berichtigte Ausgabe des Остром(ирово) евангелие à 3 Rbl. wird Subskription angenommen. Die Sache ist etwas mysteriös. Man weiß nicht, an wen man sich zu wenden hat.[3] Mein und Brunns Aufsatz in den Зап(иски) ist am Ende des Jahres erschienen.[4] Sie sollten als Приложение zu den Зап. erscheinen, aber die Redaktion, d. h. der best[ändige] Sekretär hat sich eigenmächtig erlaubt, dieselben in den Text aufzunehmen, so daß ich nur wenige Exemplare habe. Ihr Name steht aber schon auf der Liste. Auf eine Geschichte der Goten in der Krim hatte ich es nicht abgesehen und doch bin ich auch nicht einmal mit der Lösung meiner Hauptaufgabe zufrieden. Es ist mir nicht gelungen nachzuweisen, welchen Großfürsten sie sich zum Protektor erwählten. Erst am Schlusse des Ganzen boten mir sich einige Kombinationen, um Wladimir d. Gr. dafür auszugeben. Vielleicht werden andere glücklicher sein. Eine deutsche Ausgabe des Ganzen müßte anders abgefaßt werden, d. h. zunächst kürzer aber übersichtlicher, ich habe aber dazu keine Zeit.

Sobald ich jetzt einen freien Morgen — ich hatte nur 3 Weihnachtsfeiertage — bekomme, gehe ich auf die Post, um die für das Ausland bestimmten Separatabdrucke abzugeben.

Sie werden in meinem Aufsatze auch ein Referat über die Брегальница finden.[5]

Die »Beiträge«[6] hätte man längst mit der Zeitschrift vereinigen sollen, um der einseitigen Behandlung der germanischen Sprachen auch von dieser Seite einen Damm entgegenzusetzen. Das Motiv, welches bei der Gründung der Zeitschrift *für* die Griechen, Römer und Germanen, als die Auserwählten, angeführt wurde, war damals schon ein Anachronismus; jetzt wird er ein vorsindflutlicher. NB. Sie verstehen mich, допотопный, wenn die Zeitschrift in der bisherigen Richtung fortgesetzt wird. Das Keltische und Litauisch-Slavische werden noch manche *historische* Illusionen zerstören, die in Deutschland die Form eines unantastbaren Dogmas angenommen haben. Aus meiner Ansicht brauchen Sie kein Geheimnis zu machen. Ich spreche mich in ähnlicher Weise am Schluß von Dorns Caspia aus.[7]

Glück auf zum neuen Jahr

Kunik.

101

1875, 7. januara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 7./19. Januar 1875

Hochgeehrter Freund!

Gestern früh war ich auf der Post, wo ich No. 1—4 der Ведомости[1] abgab und am Abende konnte ich No. 5—6 in den Briefkasten werfen. Sie haben wohl beides gleichzeitig erhalten. Heute sende ich Ihnen No. 7 und von dem Указатель по делам печати No. 1. Da ich den Briefkasten vor der Tür habe, sende ich Ihnen nun alltäglich die Zeitung, jedesmal mit zwei Marken. Da Sie die Marken selbst bekommen, können Sie deren Zahl genau notieren; ich werde dasselbe tun. Da die Sache so bequem geht, glaube ich, daß Sie die Zeitung auch so am billigsten haben werden. Ich erhalte die einzelnen Nummern vor 9 Uhr, um 12 Uhr gehen sie an Nauck, der sie mir am Abend zurücksendet, worauf sie noch an demselben Abende von mir in den Briefkasten geworfen werden.

Aus dem Sanskritwörterbuch kennen Sie wohl *karvaṭa* als Bergabhang; die in Gebirgsdörfern wohnenden Leute werden in buddhistischen Texten *kârvaṭika* genannt (namentlich im Divjâvadâna). Das können Sie sich merken, da Sie ein yaksha*h*kârvaṭika*h* oder vielmehr kârvaṭika*h* yaksha*h*[2] sind; es haben die Yaksha's immer viel Sympathie für die Bodhisattya's.

Wenn Sie mir wieder schreiben, bitte ich Sie mir zu sagen, woher wohl *obnožnja* concubina (bei Miklosich Lex. pal. sl. pag. 454 unter d. W. нога) seinen Ursprung hat; die finnische Bibelübersetzung hat auch *jalka-waimo* (= Fuß-Weib), woneben auch *jalka-lapsi* (Fuß-Kind) als Bezeichnung eines unehelichen Kindes gebraucht wird. Der Este hat die Redensart: ta on ma ilma jalus, sie ist der Welt (d. h. jedermann) vor den Füßen, im Wege = sie ist eine Erzhure.

Mit den besten Wünschen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

102

1875, 25. januara. N. P. Kondakov iz Odese

Одесса, 1875 г. январь 25-ый

Дорогой и многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

На Ваше любезное письмо, исполненное такого дружеского участия ко мне, я могу наконец отвечать вполне определенными известиями. А именно: я получил наконец разрешение своей командировки и при самых лучших условиях, т. е. с прибавкою 800 руб. сер(ебром) в год. Но командировка разрешена с 1-го марта, а не с 1-го января, и потому мне придется прожить еще месяц в Одессе. Я, с своей стороны, не жалею об этом, так как, чем лучше я подготовлюсь к своему путешествию, тем оно будет полезнее для меня и приятнее.

Перед отъездом я выхлопотал себе у факультета наконец согласие на чтение некоторых отделов истории искусства на историческом отделении и общего обозрения всей истории искусства на I курсе. Словом, я дождался наконец эманципации своего предмета из-под рабских условий, в которые он был поставлен. Это была настоящая победа, ибо она мне стоила некоторых трудов: большого доклада факультету и битвы в заседании факультета. Теперь я могу за границею готовиться к этим курсам. Но из этого обстоятельства Вы поймете, в какие отношения стал я к иным членам факультета. Особенно ратовал против меня новый декан.[1]

Я сам полагаю, что при свидании я сумею лучше рассказать Вам все то, что может Вас заинтересовать из здешней жизни. Многое совершается здесь и такого, что неприятно даже писать.

Ваши поручения будут мною в точности исполнены: все указанные книги в Одессе, и одну из них, а именно: Галахова[2] я разыскал (хотя не новую, так как его истории уже нет в продаже) антикварским порядком. Если понадобятся другие книги, то напишите. Если нельзя будет найти в Одессе, я могу написать в Москву: у меня есть там рука по этой части.

Вашей супруге наш общий поклон, а милую Станочку поцелуйте от имени одесского дяди, которого она, вероятно, уже забыла.

Преданный Вам

Н. Кондаков

PS.

Вы мне не ответили: писал ли Вам Тихонравов. Но и не отвечайте, потому что я только для того пишу Вам это, чтобы Вы знали об этом — в виду известного Вам и не состоявшегося приглашения Вас в Москву[3]. На этот раз я, однако же, не знаю, о чем идет дело.

Приглашение Павлова в Москву что-то до сих пор не улаживается. На факультете (где остались только 2 ординарных) никто не приглашает. В Москве теперь происходят выборы ректора и, следовательно, смуты.

Кстати: что Вы думаете о новой университетской реформе. Я думаю: не хуже будет теперешнего во всяком случае. Но будет ли лучше?

Григорович устраивает на масленице обед с блинами: будет Брун, Гразер[4], Успенский и я. Со мною Григорович теперь очень любезен, пророчит мне успехи, когда я поеду в Грецию и Турцию.

103

1875, 14. februara. A. A. Kočubinskij iz Praga

Прага, 14/26 февраля 1875 г.

Многоуважаемый товарищ, Ватрослав Викентьевич.

Давным давно я собирался написать Вам несколько слов, чтобы тем напомнить о себе, — да откладыванье с сегодня на завтра — несчастная

моя привычка — довело меня до того, что — верно, — я потерял всякое право на самое снисходительное Ваше внимание к себе. Но примите мою повинную и премените гнев на милость.

Действительно, мы почти что забыли друг друга — скоро год, как мы* простились на железной дороге, и с тех пор и словечком не перемолвились. Много утекло воды с того — уже отдаленного времени, многое совершилось в жизни обоих нас — мы разметаны теперь в разные стороны — и бог весть, доведется ли свидеться еще раз. Об окончании оставленного Вами на полдороге моего дела писать Вам не буду — Вы, вероятно, узнали обо всем в Киеве. Могу только одно прибавить, что Вы, конечно, не слышали в Киеве: и это прибавление будет о моем бесценном гении-покровителе — известном »чернорабочем« — но с черною душой. Когда получена была бумага о моей командировке с добавочным содержанием в 800 рублей, несмотря на первый отказ в этой сумме, Григорович нашел уместным в разговоре с Бруном лишь одно заметить — »ведь министерство слишком много отпустило на поездку«. Новая иллюстрация к жизни этого человека, новый »příspěvek« к неофициальной биографии его. Впрочем, в настоящую минуту, выбравшись на свободный путь свободных занятий, я забываю и прощаю всем в поте лица трудившимся против меня, — казарцу Патлаевскому et consortibus.

Новости одесские Вам более или менее известны: Некрасов деканом, Смирнов проректором, Павлов переходит в Москву. В городе — домовый кризис: дома упали на половину — так что и нам жить было бы можно.

В Праге я живу уже несколько месяцев. Сначала я приводил в порядок мои начатые работы в Галиции, затем приступил к старочешским памятникам — рукописям. Теперь уже окончен XIII век, сижу над Климентинским псалтырем.** Проживу еще месяца два в Праге, пока не покончу с XIV веком и словацким языком. Вам известно тяжелое положение словаков: путешествовать к ним весьма рискованно,так что я постараюсь в Праге все обделать. Погода с ноября стояла суровая — морозы, снега более, чем в Одессе; комната моя холодная, печь устроена легкомысленно, так что жду—недождусь наступления весны.

Как Вы устроились? Что, кому, как читаете? Что Ваши немцы — идут на славистику?

Мой глубокий поклон Вашей супруге а Станю целую.

Будьте здоровы. Ваш преданный слуга

А. Кочубинский

Мой адрес: Prag, Wenzelplatz, Hôtel zum Erzherzog Stephan N 46 Не можете ли Вы прислать мне книгу (польскую) Малиновского о диалекте силезском? Докторская диссертация это.[1]

* в последний раз обедали у Новака, как мы · . .** Iz poč. XIV v.

104

1875, 22. februara. A. A. Kočubinskij iz Praga

Прага, 1875, 22/5 февраля

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич.

С особенным удовольствием получил дорогое Ваше письмо, любезный коллега, но тяжелое чувство осталось на душе по прочтению его. Вместо исполнения Ваших надежд Вы нашли там разочарование и Вы понесли слишком тяжелое наказание за то, что были — если я осмеливаюсь употребить это выражение — не искренни. Я Вас вполне понимал в Одессе, но мне, битому и забитому, нельзя было принимать на себя почина. Если бы Вы замолвили слово Смирнову — и без всякого труда мы могли бы передать в Ваше ведение кафедру славянскую: ведь Григорович слишком надоел своим юродством неисправимым, звезда его закатилась, а годы истекали. Что же до меня, то я всегда мог приютиться и жить в самых лучших отношениях с Вами: было бы и для меня место среди нашей скудости родной. Мало того: Вы всегда имели бы второй курс »сравнительной грамматики«, а таковой курс в Ваших руках заменил бы нам самостоятельную кафедру сравнительного языкознания. Я бы только радовался, если бы Вы заняли место Григоровича, и потому позволю Вам сделать свои соображения. По полученным мною сведениям из Одессы, Григоровичу засчитаны министерством известные Вам два года, так что не в 1877 году (в декабре) кончается его пятилетие, а в нынешнем. Ввиду этого обстоятельства — не решились бы Вы возвратиться к нам, где мы Вам всегда были так рады, и начать в этом смысле переговоры с Смирновым, или лично от себя, или чрез посредство мое. Теперь деканом Некрасов — но с ним несколько затруднительно говорить о таком деликатном деле, поэтому Смирнов (проректор) — предпочтительнее. Нет сомнения, что Григорович будет кобениться — будет отказываться — ему следует дать понять, что он не невознаградим — и он выйдет в отставку. Вам необходимо только наперед условиться с влиятельными членами. Таковы мои желания. В всяком случае — Ваши »мечты« для меня священная обязанность: и я всегда готов действовать на их скорейшее исполнение — как для родной науки и родного университета, так и для — себя. Ведь в Одессе — без Вас — я трость при дороге — другого лингвиста нет, а один в поле не воин. Если мне так мила сердцу моему Прага — то не только потому, что я здесь имею сподручные материалы под руками: меня привлекает и общество местных ученых — я всегда вращаюсь в кругу вопросов науки — а в Одессе — Вы помните — о чем можно было толковать с Григоровичем? Без поддержки — я всегда слабею и впадаю в бесцельную светскую жизнь. Итак — так или сяк — но я уповаю — еще раз выпить чашу зелена вина у Новака по случаю Вашего возвращения к родным пенатам . . .

Вы слишком снисходительны ко мне: я чувствую и сознаю свою малость, и буду счастлив, если хоть в далеком будущем догоню мою

науку. Мои чехи идут помалу вперед: теперь передвинулся в XIV век, когда заметнее становится характер нынешного языка. Разочаровался в таких чешских ученых, так как Ербен etc. Все, что я учил из старочешск(ого) языка — все надо за борт: в их трудах один фальш. Изумляешься их бесцеремонности. Кто пишет о чешком языке — помимо рукописей — витает в заблуждениях дивных. Теперь мне становится интересным труд Некрасова о Крал(едворской) рукописи — как он справился с языком: ибо только теперь я могу судить о нем.[1] От чешск(ого) перейду к словацкому, чтобы т(аким) обр(азом) окончить более или менее основательно все Карпатские наречия. Малорусское и польское я прошел осенью — здесь же, по приезде из Галиции, где меня только по полициям тягали. Во Львове я прочел одну рукопись — Пандекты Антиоха — 1307 года — малорусской рецензии или письма: сия рукопись ставит вне сомнений вопрос о малорусском языке в начале XIV века, конечно в главных чертах. Что Вы думаете о литовском *i* пред л, р, (vilkas, dilgas etc.) по отношению к славянск(о му) и общеевропейскому *o*? Напишите Ваши соображения.[2] Что Даничич? За книгу Малиновского благодарен очень.[3] Помогите еще указаниями — где я могу найти о польских наречиях. Вероятно, что-нибудь вышло в Познани. В Праге уже 2 года живет поляк из Познан — д-р Калина[4], — и занимается славянством — очень милый человек — и отсутствие польского духа. Поздно опоминаются.

Только что узнал, что к нов(ому) году Григорович получил Анну I-ой степени. Очень она к лицу. Павлов переходит в Москву. Некрасов деканствует: недавно я получил от него коротенькую записку, где он советует мне — »не знакомиться с русскими, поменьше писать в Одессу и побольше заниматься«. Каков язык! На Вашу кафедру имели в виду Миллера (Всеволода) — но он отказался — примите и это к сведению. Прощайте. Будьте здоровы, поклонитесь Вашим и верьте искренне любящему Вас другу и товарищу

А. Кочубинский

Адрес прежний.

Котляревский выбран в Киев и прибудет здесь до июня, июля. Если я с ним поеду в Лужицки, то заверну и к Вам. Но это зависит от денег.[5]

105

1875, 25. februara. O. M. Bodjanskij iz Moskve

Милостивый государь,

На приятное письмо Ваше от 19-го декабря, полученное мною 23-го, прошлого года, имею честь отвечать, что поручение Ваше касательно высылки »Чтений в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете«[1], с 1858-го года, в Императорско-Королевскую Берлинскую библиотеку на имя ее библиотекаря, г-на Лепсиуса, исполнено мною сегодня. Посланы туда через Москов-

скую пересылочную контору Шпигель и Шиман только с 1861-го года, всего 55 книг за 13 лет, годы же 1858 — 1860 не имеются более в продаже. Причитающиеся за все это 138 ср по счету, посланному на имя г-на Лепсиуса при отношении (по-русски писанном, что потрудитесь ему перевести на немецкий), можно переслать Обществу через кого ему угодно, лишь бы только дошли по назначению. Извините великодушно, что не так скоро выполнил Ваше поручение: возня с отобранием за столько лет издания в складе потребовала значительно для того времени и усилий.

В »Чтениях« Вы найдете и все мои кое-какие писания, так как я нигде почти, кроме »Чтений«, ничего не печатал и не печатаю[2]. Буди бы же Вы желали иметь собственно для себя особые оттиски их, прошу Вас покорнейше без дальнего написать мне, какие именно желали бы получить, и я немедленно вышлю Вам все, что лишь окажется еще в запасе. Вы мне хорошо известны своей литературной деятельностью, и[a] потому я рад служить Вам всем, что только будет в моей власти.

Примите уверение в совершенном уважении и полной готовности к услугам,

Милостивый государь,
Вашего преданнейшего почитателя

О. Бодянского

25-го февраля 1875 года.
Москва.

106

1875, 25. februara. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 25 февраля 1875 года

Дорогой и душевноуважаемый Игнатий Викентьевич.

Давно, очень давно собирался писать Вам, но все откладывал до тех пор, пока не потерял последнюю надежду достать Вам литографированные лекции Леонтовича — их в полном составе нет ни у кого; я даже обращался к Леонтовичу, но и у него их нет. Есть у одного из студентов 14 полных лекций I-го курса; я их показывал Леонтовичу, который говорит, что это только четвертая часть I-го курса, поэтому я их не взял.[1] Печатный же первый выпуск »Истории русского права«[2], равно как XIV и XV томы »Записок« перешлю через Никодима Павловича, который на днях уезжает и, разумеется, будет у Вас. Другое поручение Ваше также не мог исполнить, потому что Иованович умер в начале января, а Барач не являлся за получением денег.[3] По этому поводу мне пришло в голову вот что — не разрешите ли Вы передать эти 5 рублей сестре Иовановича, бедной девочке, воспитывающейся в Питомнике, который уже открыт с начала текущего года.

Новостей у нас мало — ссорятся по-прежнему; более подробно разкажет Вам обо всем Никодим Павлович, от которого также узнаете

и о нашем новом профессоре римского права г. Дювернуа. У нас в окрестностях Одессы и дальше страшные снежные заносы, так, что мы около 12 дней не получали столичных газет и почта была доставлена уже самим почтмейстером, который отправлялся в поиски за ней; первый транспорт пассажиров прибыл только сегодня, другие сидят где-то, так, что Ник(одим) Павл(ович) подумывает отправляться ли ему теперь или же выждать пока очистят путь или снега растают.

Жена передает сердечный поклон Вашей супруге и Вам и желает всего лучшего. Я следую ее примеру и прошу верить неизменной преданности и душевному к Вам уважению

Вашего друга

В. Селиванов

107

1875, 28. februara. N. A. Popov iz Moskve

Милостивый государь,

Получив Ваше последнее письмо, я немедленно писал Мамонтову[1], чтобы он доставил ко мне все требуемые Вами книги, за исключением словаря Даля.

О »Русском Вестнике« я писал Вам, что его уже давно нельзя иметь за все годы, даже в самой редакции. Но частным образом можно получить от тома 3 — 90 с четырьмя томами приложений, т. е. с 1856 года по 1871-й, за 150 рублей, а последние годы можно будет приобрести позднее за пониженную цену.

Согласно Вашему письму, как книги от Мамонтова, так и университетские Известия (последние даром и большею частью в двух экземплярах) с »Русск(им) Вестн(иком)« я вышлю на Ваш адрес дней через десять чрез контору Шпигеля и Шеймана. Расходы за доставку всех этих книг из Москвы до Берлина принимает на себя Славянский благотворительный комитет.[2] Бодянский же, как я слышал, высылает издания Исторического общества прямо на имя Лепсиуса.

Примите уверение в совершенном уважении

Нил Попов

28 февр(аля) (18)75 г.
12 марта

108

1875, 9. marta. N. P. Kondakov iz Odese

Одесса, 1875 г., марта 9

Дорогой и уважаемый Ватрослав Викентьевич!

Плачевная история моей поездки за границу угрожает превратиться в смешную: уже 10 марта, а мы все еще не тронулись с места. Не знаю, имеете ли Вы сведения о том, что делалось с Одессою в январе и феврале,

но я коротко скажу Вам, что вот только три дня, как стала приходить в Одессу почта: три раза заносило дорогу снегом и третий раз на три недели! Теперь путь открыт, но он идет посреди высоких — более сажени — снежных или ледяных стен, которые при неровной и холодной теперешней погоде ежедневно угрожают опять сомкнуться. Вот почему, если мы и выезжаем наконец на днях, то все-таки подвергаемся большому риску и полагаемся только на русское »авось«.

После долгих колебаний мы едем не на север, а на юг, т. е. через Вену в северную Италию. Как ни хотелось бы мне теперь же повидаться с Вами, но интересы кошелька и вместе науки побуждают меня сразу засесть в Италию месяца на три, откуда потом ехать в Париж.Напишите мне, где Вы будете в июне и июле.

Я намерен заняться теперь византийскими миниатюрами. Не можете ли Вы мне рекомендовать какое-либо пособие по части палеографии, в которой я круглый невежда. Григорович рекомендует мне Монфокона, Павлов — Ваттенбаха, кто еще Франца, Плацентиниуса и пр.[1] Что будет лучше и удобнее для меня? Иначе сказать, с чего начать?

Я кончаю одну большую статью, которую и напечатаю в »Московском археологическом вестнике«.[2] Напротив того, с моей диссертацией о терракотах непредвиденный скандал. Французский археолог A. Dumont (очень много писал) в скором времени издает большое исследование со многими рисунками и пр. Так, по крайней мере, оповещено в одной статье его приятеля. Что делать? Бросить тему и взять другую? Ибо соперничать мне с Дюмоном не по силам, да и я принужден буду только теперь заниматься тем, что он изучил после долгих лет своего пребывания в Греции. А если напечатать, то еще будут говорить, что я все украл у Дюмона. Я думаю напечатать резюме сочинения где-либо в иностранном журнале, но не имею пока знакомств.[3]

У нас новостей немного. Переругались все окончательно и явились совершенно непредвиденные политические фракции из-за преследования Абашева Цитовичем, Сабининым и др. У нас будут выбирать доцентом на кафедру греческого языка Воеводского из Петербурга: его большое сочинение »Каннибализм в греческих мифах« крайне любопытно и оригинально. Лебедев остается и пишет вновь диссертацию и опять по Платону — о Симпосионе. Павлов (Алексей Степанович) нынче получил телеграмму, извещающую его, что он избран в Московском унив(ерситете) в совете единогласно; переедет в Москву не ранее августа. Григорович болен: в щеке у него обнаружилось паралличное состояние, так что он часто не может говорить. О Кочубинском ничего не знаю. На юридич(еском) факультете новый ордин. проф. Н. Л. Дювернуа: читает поразительно хорошо.

Поклон Вашей супруге. Поцелуйте милую Станочку.

Преданный Вам

Н. Кондаков.

Пишите в Венецию
poste restante.

1875, 2. aprila. A. A. Kočubinskij, sa želj. postaje Vrútky (mad. Rutka)

Станция Рутки (у св. Мартина,
в Сев(ерной) Венгрии)
2/21 апреля 1875

Дорогой мой друг, Ватрослав Викентьевич!

Простите великодушно за мои прегрешения; давно уже я имел написать Вам, но постоянные переезды и текущие дела мешали мне взяться за пер(еписку)[1] Спешу воспользоваться хоть настоящим свободным временем, часами двумя до отхода поезда в Szent Miklos, и пишу Вам.

Расставшись с Вами в Берлине, я вечером того же дня был в Праге. Все старые знакомые были налицо: из новых я нашел там г. Макушева и ректора Варшавского университета Благовещенского (впрочем, я впал в ошибку — Благовещенский приехал через несколько дней). А. А. Котляревский с особенным интересом осведомлялся о Вашем житье-бытье, о судьбе задуманного Вами славянского журнала[2]: что сумел сообщить — сообщил. Он принимает самое горячее участие в журнале и с нетерпением ждет выхода первой книги. Александр Александрович собирался до начала сентября (нашего стиля) пробыть в Праге, затем едет в Дерпт за библиотекой, а оттуда в Киев.

Из Праги я уехал в Вену, где прожил две недели. Все б(ыло) закрыто, никого не застал дома (Миклошича не мог разыскать и Шембера[3] не нашел дома). Зной, дороговизна, соблазны всякого рода при страшном мошенничестве — черты Вам известные. Скуки ради шлялся по окрестностям да по театрам. Опера б(ыла) открыта при мне: богатство обстановки не вполне гармонируют с певцами. Лучшие голоса — у двух итальянских кобыл-примадонн. Я бы рано покинул Вену, — но мне необходимо было написать и отправить в министерство полугодовой отчет — так как отправить из Венгрии я опасался. Около 21 августа я уехал из Вены — чрез Одерберг в Св. Мартин к словакам. Бедное, грязное местечко, св. Мартин, весьма симпатичен по благородным политич(еским) и литературным деятелям словаков. Город очень интелигентен. Всего 2 т(ысячи) жителей, но было и менее, существует Матица (с громадным помещением, но запечатанная, так что доступу до поры до времени нет), типография, издаются три журнала: Narodnie noviny, Orol и Obzor. Главнейшие деятели: Паўлини, Тот Францисци (псевдоним — Rimanski), Кадави — еще из 40 годов, молодежь всецело предана интересам своего бедного народа, хотя очень и очень бедна. Все жирные места занимают мадьяроны, которые, как носители власти, хотя и косо смотрели на мое пребывание, но были очень осторожны. Кстати — сообщу Вам, что в городе 4 гостиницы, из них лучшая — на рынке — Перцеля, где я жил: когда будете в Мартине, можете остановиться там; жизнь же вообще недорогая, так что после Праги и Вены я нередко вспоминал »extra Hungariam non est vita etc.«. На-

сколько позволяли средства, я поверял на практике мои теоретические сведения по словацкому (»словенскому«) языку: разойтись было нельзя, потому что Матица, с хорошей библиотекой, и собранием старых рукописей, была закрыта. Слабые мои сведения по словацкому языку, — но не могу не заметить, что, к сожалению, этот »словенский« язык (как говорит народ) еще слишком мало оценен в нашей науке: если новословенский язык наделал столько шуму с г. Миклошичем во главе, то истинный словенский язык диецезии* св. Мефодия стоит большего внимания, в особенности, приняв во внимание массу наречий этих славянских горцев. Я с особенным удовольствием просмотрел книгу Ходжи »Epigenes Sloveniens«[4], несмотря на ее неуклюжее изложение.

Нового в словацкой литературе нет: вышли сочинения (повести) Калинчака[5] и Халупки[6] (драмы) — в св. Мартине; стоит каждая серия около 3 гульденов. Вообще — все замерло под гнетом мадьяр, все в уныние, но надеются на лучшее в будущем.

Как видите, дела в Герцеговине принимают серьезный оборот[7]. Что делают мои добрые знакомые — сербы?

Еду в S. Miklos, оттуда в Сев(ерную) Венгрию, к русским, в Пешт и Белград. Пишите в Белград.

Свидетельствуя Сидонии Петровне мое глубокое почтение, остаюсь

Ваш преданнейший.

А. Кочубинский.

* дioецesii (sic!). Станочку целую.

110

1875, 20. aprila. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 20. April/3. Mai 1875

Hochgeehrter Freund!

Auf Ihre Wünsche vom 25/13. April antworte ich Ihnen heute in aller Kürze folgendes:

a) Bei Bernard versprach man mir heute Ihnen baldigst No. 3 + 4 des Нувеллист zuzusenden.[1]

Детское чтение[2]— Aprilheft — ist kürzlich erschienen, aber auch schon an Sie befördert worden, also wahrscheinlich nun schon bei Ihnen angelangt.

b) Bei Базунов abonnierte ich heute gegen Quittung mit 15 Rubeln auf Древняя и Новая Россия.[3]

c) Fragte ich in verschiedenen Buchhandlungen nach Orest Müllers Илья Муромец[4], in einigen vergeblich, bei Кожанчиков wollte man 10 Rubel haben; da ging ich zu Wolff und erhielt das Buch zum alten Ladenpreis, also für 3 Rubel, worüber ich höchst erfreut war.

d) Kaufte ich bei Черкесов ein Exemplar von Антонович u. Драгоманов[5] B.I für 1 R. 50 Kop; ich berechne es mit Ihnen, sende aber das Werk direkt

in Ihrem Namen an Miklosich; bis zur Grenze muß ich noch 25 Kop. Fracht auf der Post zahlen.

e) Wegen Сборник статей XI—XIII werde ich Grot, wegen der Записки XXIII. 2. XXIV. 1. 2.[6] den beständigen Sekretär erinnern.

Über Budilovič kann ich Ihnen heute noch keine Auskunft geben, werde aber nachfragen.

Кобза kommt sicher aus dem Orient, in den tatarischen Mundarten des minussinischen Kreises in Sibiren lautet es karagassisch *kobýs* = Balalaika, Harfe mit vielen Seiten, im Koibalischen *komys*, komès (è = leichtes ы); es findet sich sicherlich auch in den tat. Mundarten Europas, woher die Ungarn ihr *koboz* u. *kobza* haben. Sollte nicht schon Miklosich in seinen Fremdwörtern im Magyarischen oder in den Fremdwörtern im Slavischen etwas darüber haben?[7]

Bei Devrient war ich gestern, er übernimmt die Lieferung des Жур(нал) Мин(истерства) Народ(ного) Просвещения, der Русская старина von 1875. an u. auch 1874 (die anderen Jahrgänge haben höhere, antiquarische Preise), Бартенев's Русский архив[8], Русский Вестник[9] — nur möchte er wissen, ob die Lieferung geschehen soll auf dem Wege der Post oder des Buchhandels; ich frage Sie, wie Sie es wünschen ... R*

Heute ist es schon spät, elf Uhr vorüber. Ich muß zum Briefkasten und dann ins Bett. Mit den herzlichsten grüßen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Herzliche Grüße an Ihre liebe Frau und Tochter.

111

1875, 22. aprila. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 22. April/4. Mai 1875

Hochgeehrter Freund!

Heute zahlte ich im Bureau des Вестник Европы[1] die rückständigen 5 Rubel ein und erhielt nun statt der Interimsquittung eine volle Quittung von 19 Rubel auf den ganzen Jahrgang.

Kurz zuvor war ich in der Kanzlei des beständigen Sekretärs und erfuhr, daß schon am 21. März der Packen unter No. 664 (enthaltend Записки XXIII. 2, XXIV. 1. 2. u. XXV. 1) durch Versehen nach Odessa gesandt worden sei; auf der Stelle schrieb ich an die Правление Университета mit der Bitte, den Packen, falls er Ihnen nicht schon zugesandt wäre, hierher zurückzusenden. Wollen Sie es anders, so schreiben Sie sofort an Ihren dortigen Bevollmächtigen. In der Buchdruckerei erfuhr ich, daß das Werk von Будилович, der nun in Warschau leben soll, XIII слов Григория Богослова noch nicht im Druck beendigt ist[2]; wenigstens werden noch 6—8 Wochen auf die rückständigen 6 Halbbogen verwandt werden müssen.

Heute fand ich bei Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий T. II, S. 65 das tat. *комуз*, daneben *кумаз*, kirgisich

кубаз, род волынки или дудки, всякий музык(альный) инструмент, uigurisch *кубуз*, род гуслей;; letztere Form wäre bei Värnberg zu vergleichen, namentlich der Vokale wegen.

Mit den herzlichsten Grüßen

Ihr Ihnen ergebener
Schiefner

Gibt es in slavischen Texten u. Märchen ein Seitenstück zu Aristoteles und Phyllis? (Sie, die Geliebte, zäumt den Philosophen und reitet auf ihm), bei Hagen, Gesamtabenteuer B. I; (auch Dunlop übers. v. Liebrecht).

112

1875, 30. aprila. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 30 апреля 1875 г.

Дорогой Игнатий Викентьевич.

Письмо это вручит Вам Николай Алексеевич Умов, который передаст Вам также 2 и 3 NN XX т. Bull. de l'Acad. d. Sc(iences); от него же Вы узнаете все вообще одесские и в частности университетские новости.

В последнем письме я Вам писал, что Никодим Павлович, по всей вероятности, заедет к Вам, но оказалось, что он был задержан в Вене, встретив там весьма много такого, что подходило к предмету его занятий[1]; затем, он должен был спешить в Венецию, и так как было ему вовсе не по дороге заезжать в Берлин, то он, к сожалению, и отложил удовольствие видеться с Вами до более удобного случая; в Венеции он заболел, но теперь оправился и в настоящее время находится, кажется, в Милане. Это я узнал частью из его письма ко мне, частью от Николая Алексеевича, которому он довольно часто пишет. От Богишича я получаю довольно часто письма; он по-прежнему в Париже (Boulevard St. Michel 17) и пробудет еще несколько времени. К новому году он, по представлению попечителя, получил орден св. Анны 2-ой степени и, как можно заключить из его писем, очень доволен вниманием к нему начальства.

О себе и семье, к сожалению, ничего не могу сказать хорошего: жена до сих пор еще не оправилась и хворает по часту; к этому присоединилось и то еще, что в последнее время и я начал следовать ее примеру, так что в настоящую минуту меня одолевает такое стеснение в груди и кашель, каких я и не запомню; хорошо еще, что хоть дети, благодаря бога, здоровы.

Если когда у Вас найдется свободное время, то напишите, дорогой Игнатий Викентьевич, что поделываете и как поживаете, так как всякое известие о Вас доставляет мне истинное удовольствие.

Николай Алексеевич был так добр, что взялся доставить Вам немного чаю, который, попивая, вспоминайте об Одессе и оставленных

Вами здесь друзьях, в числе которых считайте и всегда помнящего Вас и душевно Вас уважающего

В. Селиванов

Передайте мой искренний поклон Вашей супруге и поцелуйте милую дочку; жена моя всем Вам кланяется и желает побольше здоровья и денег.

Чаю немного, но зато двух сортов: один обыкновенный, а другой желтый; этот последний годится после сытного обеда или же после рыбного, и заменяет кофе.

113

1875, 1. maja. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

1875, мая 1-го, СПб.

Письмо от Вас получить мне было тем приятнее, что оно явилось неожиданно, и я Вас душевно благодарю[a)] за этот подарок. Грустно только, что это письмо не так оживлено верою в будущее, как написанное мне прежде из Берлина же. Хочется надеяться, что Ваше нынешнее уныние скоро пройдет, и что Вы, несмотря ни на что, будете работать для науки, очень нуждающейся в деятелях.

Новое предприятие, за которое Вы теперь хотите взяться, укрепляет мои надежды. Оно тем более важно, что будет первым в своем роде — за исключением разве тех несчастных Jahrbücher, которые очень скоро утомили Иордана и были убиты Смоляром.[1] Конечно, главные читатели Ваши должны быть немцы, а потому их и вкус[b)] надо иметь в виду более всего: вероятно, его имея в виду, Вы и хотите дать изданию название Arch(iv) für Slaw(ische) Philologie, а не какое другое. Будучи в этом уверен, я все-таки позволю себе высказать Вам свое мнение, или, правильнее сказать, пожелание — так как оно развилось в моей голове: может быть оно и ни к чему не пригодится, а может быть и не совсем будет лишнее, как слово искреннее.

Трудно ожидать особенных сборников, издаваемых повременными выпусками — для славянского языка, — для славянских древностей и народностей, — для славянской народной словесности, — для славянской древней письменности, — для новой славянской литературы, — и потому можно желать, чтобы все это вошло в состав одного повременника, и желать такого издания тем позволительнее, что все означенные отрасли знания славянства могут связываться в одно целое посредством обзора новых явлений по всем им в литературах славянских и неславянских. Мне бы казалось не некстати сюда же ввести хоть частичками и византийское и ново-греческое, литовское и т. п. насколько нужно для изучения славянства. Все означенные отрасли, по моим давним навыкам, входят в одну неразделимую[c)], или по крайней мере цельную область филологии[2]; но не так глядит европейское большинство. Всего чаще уравнивают филологию с языкознанием, и от книг, носящих имя

филологии, ожидают более всего сведений о языке. Не мудрено, что многие и отстраняются от них, как от скучных. Есть, правда, еще филология педагогическая, более широкая, по объему области своей, соединяющаяся даже с математикой; но она в нашем деле может быть и не упоминаема. Если же есть опасение, что Ваш Архив своим заглавием может привлекать к себе только языковедов и отвращать тех, кому языковедение скучно[3], то не лучше ли дать Архиву какое-нибудь другое название? Если же предположенное Вами название должно выражать именно только то, что большинство привыкло под ним понимать, то не слишком ли стесните Вы круг своих читателей и свой собственный горизонт, как издатель? Из преждесказанного Вы узнали мое пожелание относительно содержания Вашего сборника. Теперь прибавлю еще несколько слов о составе его, выскажу Вам свою мечту о нем. — Передо мною (мечтаю) уже лежит первая книжка Вашего Архива. На первых страницах читаю Ваше общее объяснение о том, что представляет славянство уму человека мыслящего и любознательного, славянина и неславянина, — само по себе и сравнительно с другими племенами в отношении к связям с ними старым и новым, по памятникам древности для исследователей греческой христианской литературы, для исследователей древности северной, немецкой, частью романской, и т. д., по литературе для изучения востока. Переворачиваю далее и встречаю заглавие: обозрение[d]): новые труды славян и по славянству. Это подробный пересмотр сочинений, изданных отдельно и в сборниках, с указанием содержания, с выписками важных или любопытных мест, с заметками о преждеизданных трудах того же писателя и по тому же самому предмету. Это занимает большую половину книги, — и в конце этого отдела — извлечения из переписки издателя по всем отраслям славяноведения. Остальная часть книги озаглавлена особо: новые исследования и материалы (с особ(ым) счетом страниц): тут статьи и вовсе еще не напечатанные, и переведенные с печатного. Обертка и приоберточные листы заняты славянской библиографией и объявлениями книгопродавцев об изданиях важных для изучения славян. На первой странице обертки между прочим сказано, что в год выходит 2 тома: I том новых трудов по славянству и 1 том обозрения новых исследований и материалов, при каждом подробный указатель предметов и имен. Издание красивое — в роде Рада.[4]

Высказав свое пожелание и мечту, я могу Вам, как меня знающему, не прибавлять, что меня нисколько не может огорчить, что ни то ни другое не окажется удобоприменимым к делу. Что же касается до моего желания принять участие в Вашем предприятии по силам, то оно всегда было, есть и будет.[5] И дай бог ему успеха самого обширного.

Целуйте от нас Ваших милых, и не забывайте Вас уважающего И. Срезневского

SMŽ. [a] Вам . . . благодарен. [b] и вкус их. [c] нераздельную. [d] обозрения и.

1875. 12. maja. N. A. Popov iz Moskve

Милостивый государь и многоуважаемый сотоварищ!

Только что получил Ваше письмо и спешу ответить на оное. Нет никакого сомнения, что здешние ученые будут рады помогать Вам при издании Вашего журнала. Буслаев теперь в Париже: пишите ему poste restante. Фортунатов издал на русском языке большое сочинение под заглавием: Sâmaveda = Âranyaka Samhitâ[1] из сравнительной грамматики индоевропейских языков. Это его диссертация на степень магистра сравнительного языковедения, его диспут будет после вакации. Миллер тоже готовит диссертацию к осени. Я им обоим сообщу о Вашем журнале: вероятно оба будут доцентами у нас. Если могу быть полезным чем-нибудь Вашему предприятию, готов служить.

Не могу не указать Вам на одну важную сторону в истории русской древности и литературы — церковную. Эта струя идет чрез всю Русь и не только до Петра, но и до наших дней. В этом отношении полезны были бы Вам многие из русских сотрудников не только светского, но и духовного звания. В этом отношении полезно бы иметь в Берлине под рукою все русские духовные журналы (ученого направления). Берлинской библиотеке они и потому еще были бы нужны, что церковные вопросы в Германии приобрели такое важное значение, а движение внутри старокатоликов затрагивает и интересы русской церкви. Вот почему я сообщаю Вам о возможности приобрести из библиотеки, оставшейся после недавно умершего в Москве ученого протоиерея русские церковные журналы за 91 год в сложности, всего же семь журналов, и при том с большою уступкой, т. е. по 2 1/2 рубля за год. Вся коллекция без дефектов стоить будет 227 р. 50 к. однако же в случае желания библиотеки[2] приобрести эти издания, которые стоят в лавках более чем вдвое, я могу выслать их только в сентябре или октябре. Вот эти журналы[3]:

Список духовных журналов:

1.) Православный собеседник Казанской духовной академии; за 1855, 56 и 57 г. сброшюрован каждый в 1 том, за 1858 — 69 каждый в трех томах, за 1871 и 1872 каждый в 12 выпусках. Всего 39 томов и 24 выпуска за 17 лет.
2.) Труды Киевской духовной академии; за 1860 г. в 4-х томах, за 1861 — 1872 каждый в 12 выпусках. Всего 4 т. и 144 выпуска за 13 лет.
3.) Христианское чтение. Журнал СПбской духовной академии. За 1850, 1852 — 1872, каждый в 12 выпусках; всего 264 выпуска за 22 года.
4.) Духовный вестник, издав(аемый) в Харькове с 1862 по 1867 (последний год только 4 выпуска, остальные по 12 вып.), всего за 6 лет 64 выпуска (все, что вышло).

5.) Православное обозрение в Москве; за 1861 — 74 годы, т. е. за 14 лет 168 выпусков.
6.) Душеполезное чтение в Москве с 1860 по 1874 годы, всего за 15 лет 180 выпусков.
7.) Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения за 1871 — 74 годы 48 выпусков.

Итак — 91 год. Всего 43 тома и 524 выпуска.

Деньги за них можно послать к 1876 году. Письма мне отныне адресуйте: в университетское правление. Туда же прошу прислать и банковый перевод. Я в конце этого месяца должен уехать на дачу за 8 верст от Москвы. Два раза в неделю письма будут присылаться ко мне в деревню. И так поступайте до половины августа; с тех же пор адрес мой будет прежний: Сенная у Смоленского бульвара, дом Брока.

Будьте здоровы и трудитесь на пользу славянской науки.

Преданный Вам

Нил Попов.

12/24 мая 1875 г.

115

1875, 15. maja. A. A. Kočubinskij iz Praga

Прага, 1875, 27/15 мая

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич.

Вчера Вы, конечно, получили Вашу книгу.[1] Я приношу глубокую Вам благодарность за присылку ее, извиняясь вместе с сим, что несколько задержал ее.

Уже более месяца, как я получил Ваше последнее любезное послание. Наши праздники (пасха) да приезды некоторых знакомых в Прагу за это время помешали мне быть исправным в продолжении начатой, всегда приятной для меня переписки с Вами. Выраженные в Вашем последнем письме желания будут исполнены в точности. Я позволяю выразить опасения, что Вы к тому времени так полюбите Берлин, что не захотите более нас, если мы будем еще существовать в то время . . . Впрочем, я могу себе представить, как приятно Вам теперь должно быть среди Ваших людоедов: после их недавних страстных желаний начать снова человекоистребление — ремесло, из которого они желают сделать для себя профессию. Что знают и что г(ово)рят у Вас там о нашем царе? На сколько справелдивы газетные толки?

В Праге проживу еще месяц. Затем к концу июня уеду в Крконошу и на несколько дней в Лужицию. В половине июля надеюсь быть в Вене, оттуда в Пешт и к словакам. Словаки меня в особенности занимают, как народ, которого почти все забыли, а между тем этот »словенский« народ, естественно, заслуживает особенного внимания »славянниста«, выражаясь слогом Казанской сибиллы.[2]

Беда словаков была в том, что они не имели своего Копитара et Comp., а то бы из них уделывали бы слона (из мухи). Теперь я весь погружен сижу в словацком. Только что прочел старый журнал Гурбана »Slovenskje Pohl'adi« (с 1846 года по 1852)[3] и нашел много интересного, как для языка, так и для вопроса о словацком литературном сепаратизме. Что было писано по-словацки и о словацком — все собрано у меня, но не все еще пройдено. Бр. Гатталя[4] учит меня выговору словацкому, а я его малорусскому — ланкастерская школа! При полуумном библиотекаре чешского музея — г. Вртятке Бенатском — мне не удается заняться Краледворской рукописью: дело в том, что в музее нет фотографического издания рукописи, и самый подлинник недоступен мне, несмотря на мои несколько уже раз обращенные к 2-му библиотекарю просьбы. По отсутствию фотографического издания Вы можете судить о плодотворной деятельности для славянской науки таких господ, как Вртятко: музей издал и музей не имеет. Впрочем, я еще не теряю надежды, что после окончания святоянско — непомуцского праздника[5] г-н Вртятко [6] сделается несколько удобнее для пользования. Должен признаться, что я так влюбился в рукописи, что я не отстану, пока не добьюсь самого оригинала Краледв. рукописи.

От моих университетских одесских товарищей я уже около 1/2 года не имею ни строки. Один только В. И. Селиванов иногда пописывает.

А. А. Котляревский просит засвидетельствовать свое почтение Вам и на днях собирается писать (если не написал уже). Я живу теперь в ближайшем соседстве с ним, оставив гостиницу Бенеша, после того как он обнаружил поползновение к мошенничеству. Мой адрес Bastei, Chorgasse (vis-à-vis Divadla na Hradbach) N. 11. parterre.

Вашей супруге мое нижейшее почтение. Миленькую Станю целую. Будьте здоровы и верьте чувствам искренне Вам преданного

А. Кочубинского

116

1875, 27. maja. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 27. Mai/8. Juni 1875

Hochgeehrter Freund!

Ich reise heute Abend nach Reval, wo ich bis zum 15./27. August bleibe und »vor der großen Strandpforte in der Krauspeschen Seebadeanstalt« wohnen werde. Prof. Alexander Wesselowsky übernahm es, an Кирпичников zu schreiben, um Ihnen ein Exemplar seiner Abhandlung zu schaffen.[1] Alles andere habe ich besorgt, an die Buchhandlung, von Базунов, sowie auch an die Bernard'sche Musikalienhandlung geschrieben.

Gestern erschien die Zeitung nicht, weil es keinen offiziellen Redakteur gab; ich sende Ihnen die Nummern fortan einen Tag später, da ich dieselben selbst in Reval lesen werde; vielleicht sende ich Ihnen mehrere Tagesnummern zusammen.

Sehen Sie Prof. Weber[2], so grüßen Sie und sagen Sie ihm, daß ich nächstens schreiben werde. Das Benfey'sche Zitat[3] ist, wie alle seine Zitate, unzuverlässig. Es bezieht sich auf den Ardshi Pardshi Chan und gibt pag. 65 statt 204.

In größter Eile

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

117

1875, 31. maja. J. I. Baudouin de Courtenay iz Petrograda

Милостивый Государь,

Игнатий Осипович![1]

Вчера я был на даче у В. И. Ламанского. Он мне показывал Ваше письмо, в котором, между прочим, Вы приглашаете меня быть сотрудником издаваемого Вами »Archiv für Slaw(ische) Philol(ogie) und Gesch(ichte)«. Я с большим удовольствием принимаю Ваше предложение; но только желал бы прежде всего знать, какого рода труды Вам понадобятся. Я, с моей стороны, считаю долгом сказать Вам, что я в состоянии быть Вашим сотрудником единственно только по части грамматических или строго лингвистических исследований. В остальных ветвях так называемой филологии я, можно сказать, полнейший невежа[2]. Поэтому-то я просил бы Вас, известить меня, какого именно рода трудов Вы от меня ожидаете. Будут ли для Вас пригодны мои работы по части южнославянской диалектологии? Можно ли Вам посылать общелингвистические рассуждения, касающиеся преимущественно славянских и литовских наречий? Если же Вы хотите воспользоваться моею критическою деятельностью, в таком случае напишите мне, для оценки какого рода трудов Вы меня предназначаете; избрав же меня для известной специальности, Вы должны бы мне посылать экземпляры книг (»Rezensionsexemplare«), о которых Вам понадобятся отчеты, — или же, по крайней мере, заглавия этих книг с указанием, по какому пути я могу получить их в самое короткое время.

Послезавтра я уезжаю в Литву с целью заняться там основательно литовским языком[3].

Получили ли Вы мои новейшие сочинения: »Rozbiór gramatyki polskiej księdza Malinowskiego«[4], »Опыт фонетики резьян(ских) говоров«[5] и »Резьянский Катихизис«?[6] Я Вам опять посылаю два особые оттиска моих статей, напечатанных в »Журнале Министерств(а) Нар(одного) Просв(ещения)«[7]. Один из них я, кажется, послал Вам еще из Лейпцига. Если это так, в таком случае подарите один экземпляр кому-нибудь из Ваших знакомых.

Не могли ли бы Вы сообщить мне, в которых NN-*ах* »Narodnich Novina« за прошлый год был напечатан Ваш разбор сочинения Даничича,

который Вы были столь любезный прислать мне вместе с Вашими »Opisi i izvodi«?[8] Мне очень хотелось бы знать подробно эти NN.

Остаюсь вполне Вам преданным
Иван Александрович
Бодуэн-де-Куртенэ

Петербург, *31 мая* 1875 г.
12 июня

Мой адрес (до сентября):
Russisch-Polen Warschau
J. Baudouin de Courtenay
Księgarnia E. Wende et Co. *Warszawa*
(книжный магазин Э. Венде и Ко.)
(С сентября): *Russland — Kasan*
Ив. Ал. Бодуэн-де-Куртенэ
профессор Университета *Казань*

118

1875, 7. jula. A. A. Kočubinskij iz Budišina

Будышин 1875, 7 июля

Любезнейший Игнатий Викентьевич!

Уже несколько дней в Будышине[1], а затем осмотрев Верхнюю и Нижнюю Лужицию, из Choćebuža (Cottbus) заеду в Берлин, чтобы навестить Вас. В Берлине я уже давно не был — все перезабыл и потому, пользуясь Вашим расположением, буду просить Вас сообщить мне сюда в Будышин адрес какой—нибудь дешевой гостиницы в Берлине — неподалеку от Вашего домопребывания. Этим меня много и много обяжете. В Будышине я пробуду до субботы до полудня, когда я отправлюсь на странствие. Мой адрес — Bautzen, Hôtel »zur Sonne« N4

Мой поклон Вашим и Вам. До близкого свидания. Ваш покорный слуга

А. Кочубинский

119

1875, 12. jula. F. A. Schiefner iz Revala

Reval, den 12./24. Julius 1875
Vor der Strandpforte, Haus Krausp

Hochgeehrter Freund!

Seit dem 28. Mai/9. Juni hier, hatte ich längst die Absicht, Ihnen zu schreiben, kam aber nicht dazu. In Ihrem Interesse schrieb ich an Bibliothekar Dr. Reinhold Köhler in Weimar, der bereit ist, Ihnen die Parallelen in den einzelnen slavischen Märchen zu notieren[1]; denn daß ich dies nicht leisten kann, fühle ich, da ich Köhler gegenüber nur ein Stümper bin. — Ich habe die СПб. Ведомости Ihnen von hier aus zugesandt und tue es noch, freilich nicht immer täglich; die Preßzeitung liegt aber in St. Peters-

burg und werde ich Ihnen erst im September nachträglich zusenden können, da ich in St. Petersburg niemanden habe, der in meiner Abwesenheit die Sache besorgen könnte. Auch bin ich manchen Korrespondenten Briefe schuldig. Grüßen Sie die lieben Ihrigen bestens von mir, auch Prof. Weber.[2] War der junge Kutorga im Mai bei Ihnen?[3] Nun werde ich noch etwa 6 Wochen hier bleiben, sicher noch fünf. Um nicht zu lange Sie warten zu lassen, sende ich Ihnen heute diesen kurzen Brief. Also auf baldige Antwort.

Ihr Ihnen ergebener
Schiefner

120

1875, 22. jula. V.I. Grigorovič iz Odese

Милостивый государь Игнатий [Викентьевич].

Вы почтили меня на склоне прошлого года снисходительным приветом, соединенным с лестным воспоминанием о месте, которое украшали Вы своею деятельностью. Грешное молчание мое до настоящего дня не берусь даже оправдывать. Оно есть следствие мнительности моей, приобретенной жалким опытом.

Отвечаю наконец и сперва душевным пожеланием Вам успехов на важном и трудном поприще. Внесши на юге, среди нас, начала солидной науки, Вы, вращаясь в самом центре ее, укажете на возвышенный зарок ее - примирять в будущем противоречия, тревожащие нас в настоящем. Ваши ученые труды в науке славянской могут и в Берлине убедить, что настала пора верить во взаимность с народами германского поколения. Вы на чужой стороне: но Ваше слово не будет чуждо иноплеменникам.

Нам, отсталым людям, можно только сетовать, что не сумели достаточно оценить Ваше призвание, что не дали простора ему.

Вы милостиво упоминаете о том ничтожном участии в науке, которой Вы достойный представитель. Рядовой, я всегда себе твердил: Wenn die Meister bauen, haben die Kärrner zu tun. Действительно, я всегда пытался вместить в себя, что было вместимо, но, будучи автодидактом, могу лишь засвидетельствовать: азъ есьмь неключимый, николиждо въ разумъ истины приходящий и по истине никакой специальности не имею. Если бог даст пожить на свободе, то буду ее иметь по колику запасы дозволят. Мечты мои давно не сбылись и ничего не обещаю.

Сам откровенным признанием осмеливаюсь отвечать Вашему премилостивому отзыву обо мне.

Теперь на Ваши запросы отвечаю. Древних славянских памятников никаких не приобрел. Г-на Миклошича Formenlehre в новой редакции заключает предисловие, писанное аки с властью. Видно, что знаменитый ученый хотел отвечать на возражения других. Кажется,

он метил также и в Билярского[1]. Такая последовательность в своем мнении очень похожа на непогрешимость, основанную на толковании текста — по-своему.

Весьма любопытно сочинение Крека, Einleit(ung) etc.[2]. Ведь оно — позитивное изложение гипотез Ф. Миллера, Буслаева, Афанасьева и пр.?

В болгарской литературе много переводов и переделок. Что в ней путного, не знаю, потому что гг. болгаре ничего мне не сообщают. Вместо лексикона Неофита стали появляться разборы слов г-на Богорова[3]. Жалею, что не могу Вам сообщить этих куриозов. Посылаю Вам Показалац Раковского[4], который Вы хотели иметь, и еще две брошюры.

В прошлом году умер г-н Тошков (Н. М.) да еще кто-то — и спустя несколько времени узнал, что жиды пудами покупали после их болг(арские) газеты. Настоятели болгарские не догадались продать их мне, хотя не раз просил их сообщать мне болг(арскую) периодическую литературу.

В прошлом же году открыт Питомник для девиц славянских и он поглотил все средства Слав. благ. общества[5], которое с собою и с славянскою библиотекою не ведает — что делать.

Передаю Вам признательное воспоминание всех членов факульт(ета), а также г-на попечителя С. П.

Милостивой государыне, Вашей супруге, желаем, чтобы не предпочитала Одессу какому ни было городу. Базарная Одесса слишком гадка, чтобы ее поминать добром.

Почтительнейше приношу свое глубокое почтение и прошу снисходительности к моему отсталому обычаю — отзываться позд(н)о, но с искренною преданностью.

Покорный слуга

В. Григорович

22 июля
1875, Одесса

121

1875, 24. jula. M. P. Smirnov iz Odese

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Мои письма, адресованные к Вам, очевидно подчиняются какому-то зловредному року, препятствующему им доходить по назначению. Так, посланное через Куника, пропало несомненно; отправленное прямо в Берлин месяца полтора тому назад, тоже возбуждает сомнение, так как я не имею от Вас ответа, и думаю, что Вы непременно отвечали бы, если б прочли мое письмо. Как видите, Ваш упрек, что я так скоро забыл Вас, лишен основания; я никогда не забываю людей, которых уважаю и которых считаю достойными этого уважения, напротив, я часто о Вас думал со времени Вашего отъезда, находил, что Вы поступили нехорошо и что, чего я, конечно, не желал бы, Вы можете в этом раскаяться.[1] Ваши письма совершенно подтверждают мои предположения, из них видно, что Берлин не обетованная страна для Вас и что

Вашей славянской натуре не ужиться с нахальными и грубыми немцами. Кстати, прочтите в июньской книжке отечественных записок »Путевые картинки«, они отлично там охарактеризованы. Недавно я толковал об Вас с попечителем, он совершенно со мною согласен, что Вам не следовало уезжать из Одессы, и теперь следует даже возвратиться. Противников у Вас немного.[2] Вы, конечно, их знаете, и потому Вы поступили бы благоразумно, написав декану полуофициальное письмо с намеком на готовность Вашу возвратиться. Неприятного тут только сознание собственной ошибки, но errare humanum est. Во всяком случае, подумайте об этом.

Вам, конечно, не безынтересно будет узнать о том, что делается у нас, но я отказываюсь удовлетворить Вашему любопытству; для этого нужно иметь более красноречивое перо, п. ч. если задача не заключается в том, чтобы воспеть гнев Ахиллеса, то нужно воспевать глупость Леонтовича, а это гораздо труднее. Вы не можете себе представить, что у нас творится теперь. Это какое-то смешение, извращение понятий, совершенная утрата здравого смысла и достоинства и, вытекающий отсюда, ряд событий, решительно не понятных. Посмотреть со стороны, невольно придешь к заключению, что наша alma mater рехнулась в полном своем составе. Бедный наш magnificus[3], охотно подчиняясь только вредным влияниям, делает одну глупость за другою и, несмотря на мягкость нашего министерства, довел однако ж до выговоров и весьма резких замечаний, занимающихся в официальных бумагах министра на его имя. Мало того: министр, занятый теперь пересмотром университетского устава и естественно желающий уронить его, сообщил Каткову наши протоколы, и тот в передовой статье продернул Леонтовича и Цитовича, да и о всем Университете отозвался с пренебрежением, назвав Совет »бурливым убежищем науки«, а нас почти дураками, позволяющими ректору делать всякие глупости. Голос по этому поводу отозвался в том смысле, что, если есть на свете дураки, то из-за них еще не следует ломать устав; как видите, мы опозорены публично, печатно, благодаря нашему ректору и, что особенно меня удивляет, большинство относится к нему благоприятно; оно, правда, его не защищает, выдает его на съедение всем, что только хотят над ним потешиться, но в то же время находят, что такой именно ректор и нужен. Не есть ли это доказательство совершенного извращения понятий нашего большинства и вместе отсутствия в нем чувства собственного достоинства? К сожалению, как Вы вероятно слышали, Павлов переходит в Москву, и чрез отъезд его безобразная партия Леонтовича, т. е. Богдановского усилится еще более. Вот приближается начало академического года и горючие материалы уже накоплены, борьба откроется в первом же заседании Совета. Жена моя усердно приветствует Вас и Сидонию Петровну, а дети посылают поклон Станочке. Не поленитесь написать подробнее о Вашем житье-бытье преданному Вам

М. Смирнову

24 июля 1875, Одесса.

[1875, potkraj jula]. A. N. Veselovskij iz Kirilova

Кирилов

Извините меня, если в начале этого письма я не выставил Вашего имени и отчества. Относительно последнего, по крайней мере, я всецело подлежу суду пословицы: Aus den Augen, aus dem Sinn. В живой практике я кое-как поддерживаю это необходимое в России знание; для корреспонденции у меня отведен в моей записной книжке особый отдел — отчеств. Мы с Вами не переписывались; я Ваше отчество и забыл. Жду поправки от Вас.

Письмо Ваше нашло меня на далеком севере, где зори сходятся и существуют так называемые белые ночи. Я живу в городе Кирилове (Новгородской губернии), на берегах Сиверского озера, и вижу из своих окон стены Кирилобелозерского монастыря.[1] Возьмите в расчет расстояние и не вините меня, если письмо это дойдет до Вас слишком поздно.

Нечего и говорить, что Ваш замысел Архива встретил во мне полнейшую симпатию и готовность служить Вам. Насколько я, при моей неславянской специальности, могу быть Вам полезен — судите сами. Я не славист и в моих исследованиях часто ощущаю недостаточность моих сведений в южнославянских литературах. Последнее обстоятельство, впрочем, не только не запугивает меня, но и заставляет с тем большей готовностью принять Ваше предложение, что я получу таким образом и некоторое право и возможность обращаться к Вам за советами и указаниями.

О Девгении говорить теперь поздно: эта статья переведена одним из моих студентов-немцев и явится, с некоторыми моими прибавлениями, в Russische Revue[2]. Перевод довольно плох; это первый и последний опыт; до тех пор статьи, появившиеся в Revue, писаны были мною самим и более удовлетворяли моему стилистическому (разумеется, не безгрешному) чувству. Неизбежные руссизмы исправляла редакция; Вам придется делать то же.

Я просил одного из петербургских приятелей выслать Вам оттиски двух моих статей (Об откровениях Мефодия и византийско-германской императорской саге), появившихся в Журнале Мин(истерства) Нар(одного) Просв(ещения) за апрель и май.[3] Я не считаю их редакцию окончательной; кое-что придется пополнить, у меня явились новые материалы, других я ищу. Если Вы отнесетесь сочувственно к направлению и результатам этой работы, то я мог бы изменить мой первоначальный план: переработать эти статьи в новом русском издании и предложил бы эту работу Вам.

В настоящее время у меня задуманы *три* разбора в размерах и направлении статьи о Девгении. Четвертая у меня готова — с год тому назад; теперь, на свободе, я ее переделываю. Предложить ее прямо Вам я не рассчитываю; в ней будет до 15 печатных листов, что, может быть, превысит размеры Вашего Архива. Содержание составляет: разбор

небольшого цикла славянских апокрифов, с историко-литературной и религиозной точки зрения, и вместе с тем попытка: указать в подробном разборе частного ряда фактов на возможность самозарождения христианской мифологии.

Может быть 15 печатных листов Вас и не запугает; но в данном случае я предпочитаю напечатать их первоначально по-русски (в Журн. Мин. нар. просв).[4] В такой домовитой работе ошибки и пропуски будут; в печати они виднее; Журнал Министерства так мало читают, что моя работа останется будто в рукописи. Пересмотрев и пополнив ее, я могу представить ее Вам в более культурном виде. Статьи меньшего размера (в 2 — 3 листа) я прямо могу посылать Вам: в русском или немецком изложении, смотря по тому, как Вы пожелаете.

За русских славистов не беспокойтесь. Знаете царь-колокол в Москве: Языка не поворотишь, а раскачай его, не остановишь. Так и здесь: явится журнал и пойдет в ход, и наши слависты примкнут, выйдя из своей обломовщины.

Пишите мне — если писать захотите — по-прежнему в университет: это вернее. Да сообщите свое имя и отчество. А то мне совестно.

Преданный Вам

Александр Веселовский

123

1875, 11. augusta. N. A. Popov iz Moskve

Милостивый государь и любезный товарищ!

Уж пусть директор Королевской библиотеки потрудится выслать мне деньги (448 р. 50 к.)[1] официально чрез посольство, которое может послать их прямо в Правление университета Москов(ского), что могла бы сделать и дирекция. Немцы любят аккуратность, пусть будут такими же до конца. Только поторопите их!

Преданный Вам

Нил Попов

11/23 авг(уста) (18)75 г.

124

1875, 6. septembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, d. 6./18. September 1875

Hochgeehrter Freund!

Ihr geehrtes Schreiben vom 13./1. Sept. ist zwar schon seit vorgestern in meinen Händen, allein ich war erst heute im Stande, in die Redaktion des Журнал Министерства Народного Просвещ(ения) zu gehen, wosolbst ich 1871 No. 4 für 50 Kop. kaufte u. Ihnen heute per Post zusandte, woselbst 26 Kop. Porto zu zahlen waren.[1] Es stellte sich nun so heraus, daß ich von Ihrem Kapital noch 13 Kopeken übrig habe, Sie also vorderhand noch keine Schulden bei mir haben.

Nachdem ich verschiedene Bücher konsultiert und auch verschiedene Russen befragt hatte, um die Bedeutung des Wortes *дейкъ* zu erfahren, gelang es mir heute, Bestätigung meiner Vermutung zu finden. Es ist nämlich ein Fremdwort und wohl zuerst von den Engländern in der Form *дуке* zur Bezeichnung einer geologischen Erscheinung angewandt worden. Ich fand das Wort heute bei *Littré* in seinem grossen französischen Wörterbuch und, um Ihnen ein russisches Zitat zu geben, führe ich an aus der aus dem Französischen übersetzten Популярная Геология или наука о подземном царстве, заключающая в себе описание земных слоев, металлических руд и проч., СПб. 1837, S. 4. Во всех землистых породах, в известковых, гипсовых, меловых, сланцовых, каменоугольных, песчаных и гранитных, встречаются трещины, щели, достигающие значительной глубины и объятности; они бывают обыкновенно наполнены смесью различных веществ, сходных с веществом соседних пород, и называются »*диками*« (dykes). Прохождение диков чрез руды носит название »faille«; при разработке руд встреча диков составляет самое неблагоприятное обстоятельство, означающее, что преследуемая руда пресекается.

Es kam mir dieses Büchlein zur Hand, als ich heute von der Bibliothek fort eilte; ich hätte sonst in den geologischen Werken noch verschiedene Angaben finden können. Allein nun wird sich D. Kiepert[2] selbst leicht Auskunft schaffen können, z. B. bei Zgell(?) und dessen Übersetzern.

Dr. R. Köhler[2] wird Ihnen hoffentlich bald Antwort geben.

Am 16./28. August hatte ich infolge einer Erkältung einen Erstickungsanfall und litt dann an starkem Kehlkopfkatarrh, der mich bis gestern ans Haus fesselte. Heute hatte ich, während ich diesen Brief schrieb, mehrfache Störung und muß nun eilen, dem Schreiben ein Ende zu machen. Da Sie mir nicht den Tag Ihrer Wohnungsveränderung angegeben haben, bin ich genötigt, vorderhand beide Adressen, die alte und die neue, zu schreiben.[3] In dem Hause Ihres Nachbarn Lepsius bin ich mehrmals gewesen. Ist Ebel gestorben oder abgegangen?[4]

Mit den herzlichsten Grüßen an Ihre liebe Frau und den besten Wünschen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

125

1875, 29. septembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 29. September/11. Oktober 1875

R*

Hochgeehrter Freund!

Heute bekam ich einem Brief von R. Köhler[1], welcher dessen erwähnt, daß Sie ihm Ihre serbischen Märchen zugesandt haben.

Mehrmals fragte man mich, wo Ihre kroatische Grammatik gedruckt und von woher dieselbe zu beziehen ist.[2] Unsere Bibliothek scheint dieselbe noch nicht zu haben. Wenigstens hatte Grot dieselbe auf seine Forderung nicht zugeschickt erhalten. Geben Sie mir gütigst den genauen Titel an.

Heute Abend sandte ich in der Nummer der СПб. Ведомости, da sie sehr leicht war, auch Отчет о 18-ом присуждении наград графа Уварова.

Auf den Fall, daß die Ihnen zugesandte Miscelle noch nicht gedruckt sein sollte, teile ich Ihnen dieselbe in etwas korrekterer Fassung nochmals mit.

Falls Sie Prof. Weber sehen sollten, so bitte ich Sie, ihn herzlich zu grüßen. Viktor Hehn (Luikstr. 42) kennen Sie wohl nicht?[3] Er war früher hier; der Studiosus Kutorga ist schon wieder hier, nachdem er in Aachen (čech. Záchy, d. h. zu Aachen, wie in den russ. Chroniken Кабы für Abo, bei den Esten Wopski-l., Vopsku-l. für Псков vorkommt, ausserdem vergl. man Stambul Setines), in Klobenstein auf dem Ritten und in Venedig gelebt hat. Ein Sohn von Grot studiert nun Philosophie in Berlin[4]; der jüngste Sohn von Sreznewsky ist hier als Studiosus der Mathematik eingetreten.[5] Der Vater wollte nach England um gewisse slaw. Handschriften zu studieren, da der Besitzer der Handschriften aber Hochzeit machte, konnte er nicht zu ihm, sondern blieb in Paris. Nun ist er bereits zurück.

Doch nun muß ich schließen. Mit den herzlichsten Glückwünschen zu der Geburt Ihres Söhnleins[6] und herzlichen Grüßen an Ihre Frau Gemahlin

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Сухомлинов hat in der Основа 1861. 2 июнь S. 54 — 56 (О преданиях в древней русской летописи) die schon durch Пыпин (Учен. Зап. кн. IV (1858) стр. 123) bekannten Träume des Königs Mamer kurz mitgeteilt[7]. Gehen diese Träume auf eine Ihnen bekannte Quelle zurück?

126

1875, 1. oktobra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 1-го октября 1875 года

Если бы бумага имела возможность, то она передала бы Вам, дорогой и незабвенный Игнатий Викентьевич, ту краску стыда, явившуюся на моем лице, когда я взялся за перо, чтобы написать Вам настоящее письмо, после такого долгого ничем не извиняемого молчания, тем более неизвиняемого, что я вполне уверен в Вашем живом интересе ко всему, что у нас делается, и что в Вас есть что-то такое, что привязывает Вас к России вообще и в частности к нам, близко Вас узнавшим и потому уважающим и ценящим Вас, как ученого, и любящим как человека высоких нравственных достоинств. Такое мнение имеют о Вас не только Ваши друзья, но и такие лица, как наш попечитель, который в одном обществе, где и я был, высказывал подобное же мнение и прибавил, что он был бы весьма рад, если бы Вы возвратились к нам, и что он, с своей стороны, содействовал бы этому всеми зависящими от него средствами. А куда как было бы хорошо, если бы его желание исполнилось! Подумайте-ка, и если Вы не прочь возвратиться к нам и попечитель

может что-нибудь сделать, чтобы посодействовать этому — напишите, а я ему передам и вперед могу уверить, что он исполнит все для того, чтобы удовлетворить своему искреннему желанию перевести Вас снова в Одессу.

В настоящее время состав нашего университета пополнился и произошли некоторые перемены. В помощь беспомощному Федону определен доцент Воеводский, на всеобщую историю — доцент Успенский, Виктор Иванович оставлен еще на 5 лет с 27 августа сего года; определены: доцент ботаники Волков (избранный уже факультетом в экстраординарные профессоры), по римскому праву — орд. проф. Дювернуа, избранный в прошлом заседании Советом, так как в факультете выборы не состоялись, деканом юридического факультета. Последние два — чрезвычайно симпатичные личности и не дюжинные ученые по своим специальностям. Шпилевский, которого Богдановский и tutti quanti за что-то преследовали, выбран экстраординарным профессором, Вальц отказался от деканства и на его место избран Головкинский.[1] Перетасовка была, как видите, порядочная, и перемен много. Теперь мы накануне чреватых событиями дней: 23-го октября приезжает к нам министр, который уже с 5-го сентября обозревает, вместе с попечителем, учебный округ. Интересно знать, что-то он будет говорить, как действовать, в виду всего происшедшего, — частью еще при Вас, частью после — и на что еще прямых ответов не было. О том, что произойдет — непременно сообщу.

Мы все лето провели к Клайнлибентале, (там так много купающихся в лимане и мажущихся грязью жидов, что его многие называют Gross —Judenthal) и пока жили там, все были здоровы, даже жена — и та поправилась, а как возвратились в город, то и пошли хворать — то одно дитя, то другое; теперь они выздоровели, за то заболела жена: она, бедная, сбросила двухмесячного ребенка. Мое же здоровье, слава богу, все время весьма удовлетворительно.

Вот, пока, и все, что имел и хотел сообщить Вам, дорогой Игнатий Викентьевич. Правда, еще вот что: Павлов уехал в Москву 9-го августа, она очень жалеет об Одессе и, как мне говорили, и он раскаивается, что перешел в Москву. От Кондакова сегодня получил письмо из Флоренции, куда они на днях приехали; он и жена здоровы; если хотите ему писать, то адресуйте письмо Florence, poste restante.

Передайте Вашей супруге душевный привет мой и моей жены, которая и Вам желает всего лучшего, поцелуйте за нас Вашу милую девочку и верьте неизменной преданности и искренней к Вам любви

Вашего друга
В. Селиванов

Едва не забыл сообщить Вам одну, весьма интересную новость: Сабинин в настоящее время первейший друг и приятель не только Цитовича, но ректора, Патлаевского и Богдановского. Еще: не теряйтесь в догадках, если получили уже или получите на днях из Одессы чай — это от меня: кушайте на здоровье. Крепко жму Вам руку.

127

1875, 6. oktobra. J. Perwolf iz Varšave

Varšava 6./18. oktobru 1875

Velectěný pane!

Obracím se k Vám s prosbou. Zabývám se po delší dobu germanisací baltických Slovanů[1], pokud možno bylo s pomůckami ve Varšavě a ve Petrohradě.

Objednal jsem pro naši bibliotéku mnoho děl o tomto předmětě, mezi jiným také: Julius von *Bohlen*: Geschichte des Geschlechtes von Krassow (Stralsund 1853). Toho díla jsme posud nedostali, a bůh ví, kdy ho dostaneme. V něm na *str. 115—118* pojednáno o ranských »knežicích« (knesitzen), druhu drobné šlechty XIV. století. Jelikož mně ono místo jest nutně potřebno, a já oné knihy déle čekati nemohu, obracím se k Vám s uctivou prosbou, abyste *ono místo* dal vypsati nějakým studentem, v královské bibliotéce, kde zajisté ona kniha jest.

Poručil jsem tuto věc moskevskému studentu Zbraslavskému (Čechu), jenž se před několika dni odebíral k Vám do Berlína; nevím však, zdali již k Vám dorazil i zdali nezapomněl.[2]

Mějte mě omluvena, že Vás obtěžuji; nemám však v Berlíně žádného známého, i naději se, že Vy jako collega po předmětu, vyplníte laskavě moji prosbu.

Lituji velice, že jste odešel z Ruska; zajímalo by mě, kdybyste někdy mně sdělil příčiny.

Bude li Vám kdy potřebí nějakých zpráv de polonicis et russicis, račte se ke mně obrátiti; milerád vše učiním, seč jsem

Se vší úctou
oddaný Vám
Josef Perwolf

(Varsovie, Hôtel d'Europe, No. 99)

128

1875, 9. oktobra. N. A. Popov iz Moskve

Многоуважаемый товарищ!

Позволяю себе рекомендовать Вашему благосклонному вниманию молодого ученого, кандидата нашего университета, готовящегося для занятия кафедры всеобщей истории, Павла Гавриловича Виноградова.[1] Он пробудет в Берлине месяца четыре или больше. Не оставьте его Вашими советами.

Деньги от Королевской библиотеки получены в П(етер)б(ур)ге и будут на днях высланы мне чрез департамент мин. нар. просвещения. На медленность высылки я не сетую.

Желаю Вам всех благ

Преданный Вам Нил Попов

9/21 окт(ября) 75 г.

129

[1875, u oktobru]. A. N. Veselovskij iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич,

Я очень благодарен Вам за прием, который Вы сделали моим статейкам. Распорядитесь ими, по Вашему усмотрению: в какую бы книжку они не попали, я буду одинаково доволен; между первыми и последними страницами я вовсе не различаю.[1]

Deutsche Einflüsse auf das altruss(ische) Theater принадлежат не мне, а брату моему, Алексею.[2]

Я позабыл выслать Вам из России четыре мои статейки, составляющие продолжение моих статей о Мефодии.[3] В сентябре и октябре выйдут еще две и затем, в приложении, два текста и небольшое послесловие — вместо предисловия — общетеоретического характера. Я вышлю Вам все потом. Я уже писал Вам о моем намерении собрать эти статьи и обработать их сызнова. Есть кое-какие новые материалы, напр. для легенды о возвращающемся императоре, две с тех пор появившиеся статьи, из них одна Köhler'a.

Мне хотелось обработать всю эту серию хоть по-немецки и, если позволите, посвятить Вам. Боюсь только, что это намерение останется также втуне, как и подобный замысел относительно моего Китовраса.[4]

Относительно Vislaus decorus я собрал несколько данных и готов сообщить их, если будет время. У меня припасено несколько заметок относительно русских былин; боюсь только, как бы мне не встретиться с Вами на одном и том же пути.

Вот моя программа, которую я развивал в моем прошлогоднем специальном курсе: 1) Легенда о св. Георгии, 2) Былины об Иване Гостином сыне, 3) Иван Годинович и Поток, 4) Илья Муромец. Мне хотелось бы обработать все это именно в этой последовательности. Что Вы на это скажете?

Кондакова я еще не видел; пойду к нему сегодня.

Я и жена кланяемся Вам и Вашей супруге. Я по-прежнему

весь Ваш А. Веселовский

Что Одесса? Я кое-что слышал; Вашего решения еще не знаю.[5]

130

1875, 3. novembra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 3 ноября 1875 г.

Дорогой друг Игнатий Викентьевич.

Письмо Ваше получил сегодня и спешу, прежде всего, поздравить Вас от души с наследником, которому шлю самые искренние пожелания здоровья, удачи в жизни и вообще всяких земных благ.[1] Весьма рад, что все Вы в добром здоровьи. Затем, тороплюсь сообщить Вам

вот что: третьего дня я был приглашен к министру на чай; там, в числе прочего, разговор зашел и о Вас, причем граф выразил сожаление, что Вы нас оставили[2]; а на замечание Мих(аила) Павловича, что это дело можно поправить, пригласив Вас к нам снова — ответил, что для этой цели он, с своей стороны, готов все сделать. Факт до такой степени многознаменательный, что, во всяком случае, если бы Вы пожелали только возвратиться, Вы были бы избраны наверное, так как разговор происходил в присутствии всех членов математического факультета, которые, не имея ровно ничего против Вас и слыша желание графа, непременно положат Вам белые шары, а это, Вы знаете, значит иметь уже большинство. Занять кафедру славянских наречий, в настоящее время, разумеется, трудно; что же касается того, что Вы занимаетесь сравнительным языкознанием, как предметом посторонним — то это нисколько не мешает Вам быть (каковы Вы и на самом деле) отлично знакомым с этим предметом и таким преподавателем его, лучше какого нам и не надобно. Понятное дело, что, со временем, Вы будете иметь полную возможность занять и кафедру славянских наречий, подготовив или подыскав в течение времени ожидания какого-нибудь преемника себе. Теперь у нас Высочайшая учрежденная комиссия по пересмотру устава; объезжает она все университеты и собирает различные сведения за 10 прошлых лет. Кроме того, приглашает всех преподавателей и с каждым беседует по разным вопросам, вызванным потребностями преподавания, неясностью некоторых §§ устава или событиями в жизни университетов. Результаты обнародуются, вероятно, в будущем году. В числе вопросов, предложенных комиссией историко-филологическому факультету, есть, между прочим, и о том, не следует ли уничтожить кафедры церковной истории, теории и истории искусств; не будет ли конечно иметь на факультете, подобно тому, как это бывает на медицинском и математическом факультетах, ассистентов; не следует ли уничтожить звание доцентов или экстраординарных профессоров и оставить только два звания преподавательские — и много других вопросов, они напечатаны, и если я их достану, — то вышлю Вам. Поклонитесь Вашей супруге и поздравьте ее от меня и жены, которая кланяется и Вам.

Искренно Вам преданный друг

Селиванов

Богишич в настоящее время в Париже, я получил от него дня четыре тому назад письмо; пробудет он там недели 3, не больше.

Комиссия, под председательством Делянова, состоит из Георгиевского, Любимова, Новикова (помощ. попеч. Киевского)[3] и Гезена и Флоринского — чиновников Министер(ства) внутр(енних) дел, прикомандированных к Мин(истерству) нар(одного) просвещ(ения).

P*

131

1875, 10. novembra. J. Perwolf iz Varšave

Varšava, 10./22. listop(ádu) 1875

Velectěný pane!

Mějte mě velice omluvena, že posud jsem Vám nepoděkoval za Vaši laskavosť, jaké jste mně poskytl při vypsání onoho místa o kněžicích.

Těším se na Váš Archiv für slawische Philologie, jemuž přeji všeho zdaru. Snad by neškodilo, kdybyste podávali též literární rozpravy, as tak jako bylo někdy v Miklošičově Slaw. Bibliothek.[1]

Tyto dni jsem obdržel list od Geitlera; minulé léto byl v Macedonii i na Athose.

Na naší universitě nic zvláštního; St. Mikucký bude asi čísti o srovnávacím jazykozpytě; jest aspoň navržen[2]. Snad Vás bude zajímati, že dva naši studenti (oba slavistové, Rusové) sepsali velmi dobré dissertace, o Križanići a o pádu Srbska.[3]. Obě, tuším, se vytisknou.

Pozdravení Vaše Siegelovi jsem vyřídil

Se vší úctou
oddaný Vám
Josef Perwolf

132

1875, 19. novembra. A. A. Kunik iz Petrograda

19. Nov(ember) 75

Hochverehrter Herr!

Daß Sie in Berlin kein Exemplar meiner Schrift über die russisch-bgr. Münzen aufgefunden haben, befremdet mich nicht.[1] Die Auflage war schnell vergriffen, so daß ich selbst die letzten Exemplare, so weit ich ihrer bei den Kommissionen der Akademie noch habhaft werden konnte, aufgekauft habe. Seit Jahren aber kann ich die Nachfrage hiesiger und ausländischer Buchhändler nicht mehr befriedigen, obgleich ich unseren Hausierern wiederholt Aufträge erteilt habe.

Von den Exemplaren, die mir noch zu Gebote stehen, ist das eine, wie[a] billig[a]), für die südslavische Akademie bestimmt und das zweite überlasse ich (natürlich gratis) der Berliner Bibliothek, einzig und allein aus dem Grunde, weil Sie als slavischer Pionier an die Berliner Hochschule berufen sind. Die Zeit wird kommen, wo die deutschen Bibliotheken bedauern werden, sich nicht bei Zeiten um die russische Literatur gekümmert zu haben, weil, wie Sie wissen, bei uns die Bücher schnell vom Markte verschwinden.

Die Separatabdrücke in 8° von den ergänzenden Artikeln zu meiner Arbeit (aus der Izvestija Archeologičeskogo Obščestva)[b]) kann ich in diesem Augenblick nicht herbeischaffen. Ich werde sie aber bei längeren Tagen aufsuchen.

Mit dem numismatischen Werk zugleich erhalten Sie von mir ein vollständiges russisches Exemplar der Caspia[2], in welchem ich hin und wieder

einige Zusätze gemacht habe. Der Aufsatz über варяг und воряга ist im Deutschen nur exzerpiert. Sobald Sie das akademische Exemplar des Kaspij[b] von Voß erhalten, können Sie dasselbe ja irgend einem andern Gelehrten, der es brauchen kann, abtreten. An Voß ist es schon abgegangen, soviel ich hörte.

Ich habe neulich den beständigen Sekretär (korresp. Mitglied) der Akademie ersucht, doch solchen Leuten wie Miklosich, Daničić, Rački etc endlich die Записки zukommen zu lassen. Wir wollen sehen, ob dieser »Misanthrop« meine Bitte erfüllen wird.[3]

Mit freundlichem Gruß

Ihr ergebener Kunik

Es ist nicht meine Schuld, wenn es nicht schon früher geschehen ist.

SMŽ. [a] izostavljeno. [b] pisano graždankom.

133

1875, 17. decembra. J. K. Grot iz Petrograda

СПб, 17/29 декабря 1875

Милостивый государь Игнатий Викентьевич !*

Вы мне доставили великое удовольствие Вашею присылкой, и потому спешу выразить Вам за нее мою искреннейшую признательность. О хорватской грамматике я сам собирался писать к Вам, Вы предупредили мое желание.[1] Мне хотелось видеть, входит ли в нее физиологическое рассмотрение звуков, и весьма приятно было увидеть, что Вы обратили полное внимание на эту сторону фонетики. Поздравляю Вас с новорожденным, т. е. »Архивом«, первая книжка которого обещает наполнить с совершенным успехом чувствительный пробел в современной филологической литературе.

Я начал чтение с Вашей первой статьи о Зографовском евангелии и нашел ее весьма интересною и поучительной.[2] Надеюсь, что Ваше предположение издать эту драгоценную ркп. когда-нибудь осуществится[a]. Остальных крупных статей еще не успел прочесть.

Сам я печатаю теперь 2-е издание филологич(еских) Разысканий[4], которых давно уже нет в продаже, и, между прочим, в совершенно новом обширнейшем виде статью о правописании, которую я также счел нужным основать на физиологическом изучении звуков русского языка, что у нас еще почти совершенно ново.[5] Поэтому, когда я доставлю Вам эту книгу, поручаю ее Вашему снисхождению, как первый в своем роде опыт.

То, что Вы пишете мне о положении славянской филологии в Берлине, меня удивило: я воображал, что в центре германской учености, где филологическая кафедра имеет, между прочим, такого представителя как Штейнталь, должны более интересоваться славянскими, и особенно русским языком, которому, как здесь слышно, обучают в военных училищах. Но не падайте духом: при Вашей любви к делу, может быть

Вам и удастся что-нибудь сделать, и во всяком случае это издание »Архива« будет хорошим памятником Вашей деятельности. Само собою разумеется, что в нашем отделении Академии Вы всегда будете находить самое горячее себе сочувствие и готовность содействовать Вам всеми средствами, между которыми доставление Вам наших изданий самое простое и легкое.

В Берлинском университете кончает теперь свое образование мой старший сын[6], но, к сожалению моему, филология для него не имеет особенного значения; он пристрастился к философии, слушает Целлера, Лазаруса, лекции анатомии и т. п. Зато другой мой сын[7], находящийся еще в здешнем университете, избрал своею специальностью славянские языки, и, если позволят политические обстоятельства, он в будущем году собирается побывать в некоторых славянских землях.

Еще раз премного благодарю Вас, и желаю от души, чтобы наступающий новый год принес Вам все возможное благополучие и наилучший успех в Вашем новом прекрасном предприятии.

Искренно Вас уважающий

Я. Грот

Если у Вас еще есть оттиск Вашей статьи о корне дѣ[8], очень обязали бы меня доставлением ее.

---

* Пишу так Ваше имя, по моим письменным отметкам, но между тем, видя в Вашей подписи V., желал бы узнать при случае, правильно ли мы Вас называем.

134

1876, 2. januara. A. A. Kunik iz Petrograda

2. Januar 76.

Hochverehrtester!

Es freut mich beim Beginn des neuen Jahres den ersten Brief von Ihrer Hand erhalten zu haben, da Sie mir durch die Herausgabe des slavischen Archivs noch näher als früher gerückt sind. Ich wünsche sehnlichst, daß das Unternehmen gedeihen und guten Fortgang haben möge! Ein solches vermittelndes, dem reinen Dienste des geistes gewidmetes Organ tat in unserem durch das kirchliche und politisch-nationale Parteiwesen zerrissenem Zeitalter wahrlich not. Lassen Sie sich durch den kühlen Empfang, der vielleicht zuerst dem Archiv zuteil wird, nicht abschrecken. Die dicke chinesische Mauer, welche die Deutschen selbst gezogen haben, kann nicht im ersten Anlauf durchbrochen werden.

Ich will die Beantwortung Ihrer Frage nicht aufschieben und beeile mich daher einige wenige Worte niederzuschreiben.

Man muß das Archiv im Ausland bekannt machen, was aber erst nach dem Erscheinen des 2-ten Heftes geschehen kann.

Ich habe gegen Ihren Titel: Arch. f. sl. Ph. an sich nichts einzuwenden; für mich ist er umfassend genug, aber zur Verbreitung des Archivs in wei-

teren Kreisen wäre wohl ein Zusatz, etwa wie: »und Literatur« niht übel gewesen.[1] Sie könnten übrigens auf dem Umschlage des 2ten Heftes es noch nachholen, wenn Sie meine Ansicht teilten. Ich will damit nicht sagen, daß Sie die slavischen Literaturen in ihrem vollen Umfange vor Ihr Forum ziehen sollen.

Ich bin überhaupt der Meinung, daß ein guter Teil des Ihnen zu Gebote stehenden Raumes mit eingehenden oder charakterisierenden Berichten über Produktionen in slavischer Sprache, mit Exzerpten etc. angefüllt werden müßte. Vielleicht hat die Bibliographie eine besondere Bestimmung. Klären Sie mich gefälligst darüber auf, sowie über das, was Sie zunächst für 1870—74 brauchen. Ich werde, so sehr ich auch mit meiner Zeit gerade jetzt wieder in die Brüche komme, selbst mit Lambin Hand ans Werk legen, um die gute Sache nur in Gang zu bringen. Lange genug habe ich vergebens hier bei Herodes und Pilatus angepocht, um zur Herausgabe eines solchen Organs in russischer Sprache anzuregen, aber — vergebens, und darum begrüße ich Ihr Unternehmen mit Freuden.

Ein vollständiges Exemplar verlange ich nicht. Ich befinde mich glücklicher Weise in der Lage, mir das Werk selbst anzuschafffen. Auch die Akademie hätte kein Gratisexemplar nötig.

Das ist sehr vernünftig, daß Sie bei den Separatabzügen die Seitenzahlen nicht verändern.

Wenn Sie mir für meine eventuelle Mitwirkung, die NB. weniger in der Zusendung von selbständigen Arbeiten als in Nachweisungen etc. bestehen kann, ein Honorar zukommen lassen wollen, so bestünde es in der Zusendung von Separatabzügen (à 1 Exempl.) von diesem oder jenem Aufsatze. Besten Dank für den Ihrigen. Krek schickte mir den seinigen zu.[2]

Natürlich sind Sie durch unser persönliches Verhältnis nicht gebunden, sich offen über die Caspia auszusprechen[3]. Die darin behandelten Gegenstände sind zum Teil so schwierig, dass die Kraft des einzelnen nicht ausreicht, um alles so aufzuhellen, wie es nötig ist.

Ich eile zum Schluß, da ich zu Grot der Матушки Екатерины wegen fahren muß und von da zu dem von hier nach Konstantinopel versetzten amerikanischen Generalkonsul (im Kons.) Skuyler (uy = eu), der die Chiwa'sche Campagne mitgemacht und russisch versteht. Ich werde ihm vom Archiv sprechen und seine Aufmerksamkeit auf die Bulgaren richten.

Mit herzlicher Erwiderung Ihres Glückwunsches

Ihr stets ergebener

Kunik

PS.: Es ist mir ein sehr interessantes arabisches Kapitel über 4 slavische Völker (Bolgaren, Tschechen, Mieszko und Nakur) zugestellt worden, welches größtenteils auf dem Berichte eines Juden Ibrahim ben-Jakub beruht und dieser scheint mit Kaiser Otto I. — vielleicht 973 — verkehrt zu haben[4]. Unter Nakur versteht er die polabischen Slawen an der Ostsee. Man möchte eine Enstellung für Ukraine annehmen, allein die Form Nakur ist zu oft belegt. 954 Naks, Nakowitz kenne ich, allein das genügt nicht. Von

den Bulgaren sagt er, daß ihr Fürst die Bibel ins Slawische übersetzen ließ. Denken Sie über Nakur nach. Es kann der Name eines mächtigen Häuptlings und zugleich der des Landes sein.

135

1876, 2. januara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 2./14. Januar 1876

Hochgeehrter Freund!

Schon längst hätte ich Ihnen für die freundliche Übersendung des 1. Heftes der slav. Revue sowie der Separatabdrucke danken sollen. Allein es gebrach mir an Zeit. Heute danke ich Ihnen nachträglich für die genannte Sendung. R*

Als ich Ihre Bemerkungen über алатырь las[1], fiel mir nicht allein кашатырь ein, sondern ich fand auch, daß für Alaun eine Nebenform *alat* und *alet* vorkommt; s. Diefenbach u. Withacker Wörterbuch[2]. Das hilft aber zu nichts, und da fiel mir dann die Rolle ein, welche der Altarstein in der Kirche spielt und dazu paßt die lateinische Stellle, die Sie anführen. Nach und nach wird man dem Dinge doch auf die Spur kommen. Bei den Nachforschungen wegen dieses Wortes stieß ich auch auf das russ. Wort палуба, das noch nicht erklärt zu sein scheint; im Litauischen kommt, vielleicht aus dem Okzidente entlehnt, lub vl. lubos vor für Decke. Kunik meint, es sei aus Laube entstanden; dieses scheidet Diefenbach streng vom Laub. Ich dachte anfangs an den Kalk an der Decke, dealbare, und wollte sowohl das estn. *lubi* Klak als auch *vapno* daher erklären. Doch das schwebt alles noch.

Ich werde fortfahren, Ihnen die St. Petersburger Zeitung täglich zu senden, weil mir dies bequemer ist; unser Briefkasten hat eine zu enge Spalte, als daß ich mehr denn eine Nummer hineinwerfen kann; zur Post ist es mir zu weit und dorthin zu senden ist mir unbequemer. Nur muß ich bemerken, daß ich wohl Ende Mai verreise und wahrscheinlich nach Tirol, so daß ich dorther erst die Nummern zusenden könnte. Ist Ihnen dies recht, so berechne ich Ihnen auch für das nächste Jahr den Bezugswert von 3—4 Rubeln, das Porto dürfte Ihnen etwa 8 Rubel zu stehen kommen. Im verflossenen Jahre betrug das Porto für Zeitung und Указатель zusammen 8 R. 14 Kop.

Heute in aller Kürze nur so viel. Herzliche Grüße an Ihre liebe Frau und die besten Wünsche

von Ihrem Ihnen ergebenen

A. Schiefner

Heute fehlt es mir an Zeit, die detaillierte Rechnung zu schicken; ich hatte mich in dem am 6./18. Sept. Ihnen gegebenen Bericht um 30 Kop. zu meinem Schaden verrechnet.

136

1876, 18. januara. A. A. Kunik iz Petrograda

18. Jan(uar) 76.

Hochgeehrter Herr!

Ich machte mir von vornherein keine Illusionen über Ihre Stellung an der Universität, eben weil der Zufluß von Studierenden aus entfernteren Gegenden abgenommen hat. Indessen nehmen Sie unter allen Slavisten immer eine höchst ehrenvolle Stellung ein. Es gilt ein Terrain zu erobern und dazu ist gerade am meisten das Archiv geeignet. Gibt es doch an vielen anderen Universitäten Dozenten, die nur ausnahmweise Zuhörer haben. Nur Geduld — rufe ich Ihnen nochmals zu.

Daß Sie die Bibliographie mit dem J. 1870 beginnen, ist recht zweckmäßig. Die Nichtkenner werden sogleich sehen, daß auch anderwärts gearbeitet wird. Da Sie auf Bartsch verweisen, so setze ich voraus, daß Sie den ganzen Stoff auch systematisch einteilen werden. Erst dadurch wird derselbe ein brauchbares Repertorium für die Gegenwart und Zukunft. Nur möchte ich Ihnen raten, die Bibliographie in zwei durch einen Strich getrennten Spalten zu drucken.[1] Sie gewinnen dadurch nicht nur an Raum, sondern das Ganze überblickt sich leichter beim Nachschlagen. Die Autorennamen wenigstens kursiv, wenn nicht halbfett. Eine Übersetzung der einzelnen Titel würde zu viel Raum wegnehmen und wäre auch im Grunde genommen — überflüssig. Anders vielleicht bei größeren Werken; doch von Zeit zu Zeit würde ja überhaupt der Fortschritt auf dem einen oder andern Spezialgebiet besonders (übersichtlich) zu besprechen sein.

Nicht einverstanden kann ich mit Ihnen darüber sein, daß Sie die Bibliographie nach Jahrgängen abschließen wollen. Ich halte dies in praxi für störend und unausführbar, wenn Sie nicht mit sich verzettelnden Nachträgen nachhelfen wollen. — Meiner Ansicht nach würde das Archiv gerade den Fachmännern die besten Dienste leisten und für sie recht augenscheinlich unentbehrlich werden, wenn *jedes* Heft am Schlusse die laufende Bibliographie brächte. Dann wären die unvermeidlichen Nachträge leicht anzubringen, sobald die Reihe wieder an diese oder jene Abteilung käme. Dann sollten Sie das Beispiel der fr. Revuen, auch jetzt bei Zarnkes Zentralblatt[2], nachahmen und jedesmal nach der Bibliographie ein abgekürztes Verzeichnis der eingesandten Zeitschriften, Werke, Separatabdrücke geben. Das übt, wie ich weiß, eine besondere Anziehungskraft aus. Jeder Band wird hoffentlich einen kurzen Realindex und dann außerdem wie bei Kuhn einen alphabetischen Index nach den Sprachen bringen.[3] Die Abfassung eines solchen ist in höchstem Grade wünschenswert.

Der Druck der *ersten* Abhandlungen (im ersten Hefte) mit so großen Zeilenspatien ist zu luxuriös. Sie können den Raum besser brauchen.

Im Kolumnentitel (oben) sollte auch der Name des Autors nicht fehlen. Es erleichtert dieß das Aufsuchen bei späterer Benutzung des Archivs.

Sollten Sie nicht auch gestatten, daß Ihnen auch Originalaufsätze in slavischen Sprachen zugeschickt würden, die dann entweder vollständig

oder auszugsweise übersetzt im Archiv gedruckt würden? Freilich könnte dies nur bedingungsweise geschehen.

Einige orientierende Aufsätze über die Einteilung der Mundarten des Slavischen und Litauischen, über die verschiedenen slavischen Literaturen wie sie eben jetzt nebeneinander bestehen etc., würden ganz willkommen sein für Nichtslaven.

Nach allen diesen Lappalien gehe ich nun über zu Ihrem Hauptanliegen. Der Unterbibliothekar Михайловский exzerpiert bereits das Журн(ал) Мин(истерства) Нар(одного) Просв(ещения) nach der von mir gegebenen Anleitung. Nach etwa 8 Tagen schicke ich Ihnen eine Probe zur Begutachtung. Weglassen können Sie ja nach Belieben.

In Ihrem bibliographischen Schematismus vermisse ich aber die gebührende Rücksichtnahme auf die historischen Disziplinen, natürlich nur insoweit, als diese mehr oder minder von den Bearbeitern der Altertumswissenschaft verfolgt und ins Auge gefaßt werden müssen. Ihre »Urgeschichte« ist für mich einstweilen zu vage. Wo werden Sie denn diejenigen rechtshistorischen Abhandlungen und Aufsätze anbringen, welche Ihrem Stoffe nach zu den so wichtigen Rechtsaltertümern (Древний юридический быт) gehören? In der Bibliographie werden Sie wenigstens den rein historischen Arbeiten — ich sprache nicht von denen der letzten Jahrhunderte — einen größeren Raum einräumen müssen[4], als es Ihnen vielleicht bis jetzt nötig schien.

Über ein anderes wissenschaftliches Desiderium (sprachhistorischer Art) ein anderes Mal.

Mit freundlichem Gruß

Ihr ergebener Kunik

PS. Ihre Adressen nehmen Ihnen viel Zeit weg. Nur Petersburg braucht deutsch zu sein, dann Ero прев.

г-ну Академику
А. А. Кунику
Вас. Ост. по 7-ой линии, N. 2

Aber auch Bac. Ост. ist nicht einmal nötig, doch der ewig wechselnden Briefträger wegen nicht gerade überflüssig.

137

1876, 24. januara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 24. Januar/6. Februar 1876

Hochgeehrter Freund!

Sie würden mich sehr verpflichten wenn Sie mir mitteilen könnten, ob ich nicht veilleicht, indem ich Ihnen die Записки der Akademie sandte, durch Versehen auch B. XVI кн. 1 beigepackt habe. Es lag dieser Band auf meinem Tische und ist von dort verschwunden. Unter den verschiedenen Möglichkeiten ist mir auch diese in den Sinn gekommen.

Prof. Ahlqvist in Helsingfors macht mich darauf aufmerksam, daß er bereits im Jahr 1857 in der Zeitschrift Suomi das finnische *sissi* auf сыщит zurückgeführt habe. Freilich weiß ich nun nicht, ob ich meine Weisheit ihm oder mir selbst verdanke. Folglich hat er das Wort in seinen Kulturwörtern nicht wieder berücksichtigt.[1]

Mit der Bitte um baldige Antwort und den herzlichsten Grüßen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

138

1876, 7. februara. I. M. Boldakov iz Pariza

Глубокоуважаемый господин профессор.

В надежде, что Вы припомните, что я имел честь встречаться с Вами в Одессе у Викт(ора) Иван(овича) Григоровича, решаюсь утруждать Вас несколькими строками. Дело в следующем: уезжая из Одессы, скоро три года тому назад, я получил предложение от Факультета готовиться для кафедры всеобщ(ей) истории литературы; с тех пор я и веду свои занятия по этому предмету, пользуясь от времени до времени обязательными указаниями Алекс(андра) Никол(аевича) Веселовского, с которым состою в переписке. Когда, по его же совету, я занимался в Halle у проф. Zacher'a, то он посоветовал мне заняться специально изучением тех средневековых произведений, которые можно озаглавить »Вопросы и ответы«[1], а так как и Алекс(андр) Никол(аевич) одобрил эту задачу, как тему для магистерской диссертации, то я и принялся за эту работу. Вот уже скоро 1 ½ года как я нахожусь в Париже, где в Нац(иональной) библ(иотеке) имею достаточно и печатного и рукописного материала. Не будучи близко знаком с слав(янскими) литературами, я обратился недавно к проф. Некрасову, в Одессе, с просьбою указать мне на то, что есть в данном роде в означенных литературах, и получил в ответ — »ничего нет«. Проверить в Париже эту справку мне было трудно и я, было, и успокойлся на указании одесского специалиста — профессора. Но читая теперь 1-й № Вашего великолепного Архива, я, к великому своему удовольствию, нашел в Вашей столь интересной статье ссылки на Prilozi[2], где (благодаря Mr. Léger, имеющему славянские издания), и нашел весьма любопытные для меня тексты; но в Вашей статье Вы упоминаете об одной (к сожалению до в(ольно) поздней) рукописи в Праге; — так как я желал бы составить диссертацию с возможной полнотою, то мне очень хотелось бы иметь этот текст (чешский?), почему я и осмеливаюсь просить Вас указать мне № и местонахождение этой рукописи в Праге, и, если Вы соблаговолите ответить мне, я написал бы г-ну Патере и попросил бы поручить списать для меня нужный мне текст. Вам я буду очень обязан за эту услугу и в свою очередь предлагаю Вам мою полную готовность для всяких справок для Вас, как здесь (я пробуду в Париже до июня н(о-

вого) ст(иля)), так и в Петербурге, где я думаю защищать мою диссертацию, которую предполагаю напечатать в Париже. Кстати, позвольте спросить — можно ли будет прислать для Вашего Архива род resumé моей работы, когда она будет окончена? — В заключение решаюсь прибавить еще следующее: в Вашей статье, развивая мысль, что Соловей—разбойник есть одна из метаморфоз Саломона, Вы, если не ошибаюсь, не даете объяснения перехода звуков в окончаниях этих имен; мне дело представляется так: из Соло*мония* — русск(ий) яз(ык) делает Соло*мея*, по аналогии легко могла возникнуть из Соло*мея* форма: Соло*мей*, и потом *м* перешло в *в*, что и дало Соло*вей*. (переход *м* в *в* постоянен: *м*ного в областном говоре *вного*, мура*вей* — (μυρμηξ) — из мура*мей* (как раз те же два окончания: Соло*мей* и Соло*вей*).[3] Если, делая эти соображения, совершаю грех против фонетики, то прошу Вас извинить меня за неуместное старание подкрепить Ваше положение, столь блестяще развитое Вами в статье. — Свидетельствуя Вам мое глубочайшее почтение, желаю Вам всего хорошего.

Иннокентий Болдаков

7 февр(аля) 1876 Paris, Avenue de Wagram, 29

139

1876, 23. februara. M. P. Smirnov iz Odese

Мое долгое молчание, почтеннейший Ватрослав Викентьевич, никак не может служить доказательством моего нежелания быть Вам полезным, а еще менее нежелания видеть Вас снова в нашем Университете.[1] Я не теряю времени даром, но все-таки не могу сообщить Вам ничего решительного и окончательного. Министр и попечитель очень желают Вашего перехода, но Факультет и значительное число членов Совета его не желают. Главное затруднение заключается в Вашем желании перейти на кафедру славянской филологии, которая занята у нас двумя лицами, одним уже престарелым, другим — зрелым[2], который вероятно привезет докторскую диссертацию, сделается экстраординарным и конечно будет высматривать конца карьеры Вик(тора) Ив(ановича), чтобы самому сесть на его место.[3] Понятно, что Ваше желание устроиться на той же кафедре будет встречено им враждебно, и вот триумвират, который будет действовать против Вас с отчаянной энергией: Григорович, Некрасов и Кочубинский. По моему мнению следовало бы прежде всего переговорить с Кочубинским и узнать его взгляд, так как он в данном случае есть лицо наиболее заинтересованное. Я находил, что писать к нему неудобно, и ожидал его приезда, он должен был быть в январе, но теперь ему дали отсрочку и он возвратится в августе. Не найдете ли Вы удобным самому списаться с ним (адресовать в Чешский музеум, на имя Патера, в Прагу) или полагаете, что лучше мне это сделать? Если препятствий со стороны Кочубинского не встретится, тогда уже будет легче действовать на других членов факультета, хотя не скрою,

придется с некоторыми немножко поссориться. Я решительно не понимаю, чем Вы так восстановили Некрасова, он и слышать об Вас не хочет. Григорович же согласится, если увидит на Вашей стороне большинство.

Теперь мы живем в тревожном ожидании нового устава; неприятность нашего положения главным образом заключается в неизвестности: дело ведется так секретно, что нет никаких сведений о духе готовящегося преобразования; и комиссия и сам министр в бытность в Одессе вели себя таким образом, что решительно ничего нельзя было понять, кроме, конечно, поднятия классического преподавания. В Университете пока затишье, все перессорились, и первый жгучий вопрос должен возбудить сильнейшую перепалку; пока я стараюсь оставаться в стороне тем более, что нет ничего, что бы прямо касалось меня.

Жду Вашего ответа в особенности относительно сношения с Кочубинским, а пока прошу Вас и Вашу супругу принять от меня и от жены моей уверение в нашем искреннем к Вам уважении

М. Смирнов.

23 февр(аля) 1876

П о здравляю с сыном, желаю еще дюжину; благодарю за Вашу прекрасную статью.[4]

140

1876, 26. februara. I. M. Boldakov iz Pariza

Многоуважаемый господин профессор.

Ради бога извините меня за мою невежливость, но последнее время я все был болен: в Париже стала такая сырая и переменчивая погода, что я схватил грипп, с которым все и возился. За присылку выписки из пражской р(укопи)си я Вам чрезвычайно как благодарен, а равно и за Ваше полное столь интересных для меня сообщений письмо.[1] Выписку я Вам возвращу в скором времени и пошлю, для верности, рекомендованным письмом.[2] — Читали ли Вы заметку проф. Léger о Вашем Archiv'e в Revue critique? — Здесь с некоторого времени проф. Богишич — все с черногорским кодексом законов возится — очень, говорит, надоело. — За Ваше приглашение прислать что-нибудь в Archiv я оч(ень) Вам благодарен и считаю себя оч(ень) польщенным; постараюсь не замедлить[3].

Свидетельствуя Вам мое глубочайшее уважение, имею честь быть искренно готовым к услугам

Иннокентий Болдаков

1876, 11/26 Paris, Avenue de Wagram, 29

1876, 7. marta. A. A. Kunik

7. März 76

Geehrter Herr Kollege!

Seit 8 Tagen liegt der Auszug aus den Филол. Зап. fertig da. Ich habe ihn selbst gemacht[1], da ich sie ohnehin die letzten Jahre recht sorgfältig für meine Zwecke durchgesehen hatte. Nur muß ich darauf bestehen, daß Sie mich nicht unter den Mitarbeitern der Bibliographie anführen, weil man sonst andermals mehr von mir verlangen würde.

Die Auszüge aus dem Правосл(авное) Обозрение liegen schon seit 14 Tagen bei mir. Es fehlt aber noch eines, da Kostomarov ungeachtet wiederholter Mahnungen die geliehenen Hefte nicht alle zurückliefert[2], so daß ich heute manches Ihnen noch nicht schicke. In betreff der anderen Wünsche das nächste Mal. Ich bin in diesem Augenblick überladen.*

Wie immer

Ihr ergebener Ku(nik)

*Mißverstehen Sie mich nicht. Ich kann von Zeit zu Zeit eine Reihe von Journalen für Sie exzerpieren. Immer, aber und nur Ihr System muß ganz klar (sein), falls ich die erste bibliograph(ische) Übersicht werde gedruckt vor mir liegen haben.
P. S. Die Филол. Записки zerfallen noch in Отделы, die aber weder übernoch unterhalb der Seite durch eine Ziffer verzeichnet sind. Auch in dem »Содержание« felt jede Angabe. Sie sollten eine kleine Anmerkung über die Schwierigkeit, die Зап(иски) bequem zu zitieren, machen.

142

1876, 20. marta. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

Любезнейший collega!

Посылаю это письмо с Василием Николаевичем Малининым[1], едущим в славянские земли. Помогите ему в Берлине; помогите и советом и рекомендациями к южным славянам.

Ваш повременник встречен и принят у нас с сочувствием, и мне очень понравился. Но ужели Вы печатаете Ваш труд о Зограф(ском) евангелии только в нем, а[a)] не делаете отдельных оттисков? Ведь это будет целая книга, и книга важная. Я и не воображал себе, что Вы так много работали над этим памятником.

Недавно получил я[b)] и важный труд Даничича[2], и[c)] чем более знакомился с ним, тем более изумлялся его терпенью. От Даничича я получил и несколько любопытных данных для дополнения моей статьи о Караджиче[3]. Нет ли у Вас чего-нибудь о нем, кроме того, что Вы сообщили в Вашем обзоре[4]? Очень меня обяжете.

Кланяйтесь от всех нас Сидонии Петровне и поцелуйте Вашу деточку.

Ваш

И. Срезневский

20 марта 1876

SMŽ. [a] и. [b] я получил. [c]ø.

143

1876, 5. aprila. E. F. Sabinin iz Odese

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Простите великодушно за то, что я до сих пор не отвечал Вам на Ваше письмо, посланное Вами из Берлина; впрочем, откровенно скажу Вам, что причиною моего молчания было то неприятное чувтсво, которое произвел Ваш отъезд в Берлин. Теперь это чувство прошло, особенно после того, как я узнал, что Вы теперь не прочь опять в Одессу.

Сколько мне известно, против Вас двое: Григорович и Некрасов, а для избежания с ними ссоры и Смирнов лавирует, хотя он и за Вас; так что в факультете большинство старейших против Вас, но зато за Вас всецело молодежь, особенно Леопольд Францевич Воеводский, доцент по кафедре греческой словесности, и Федор Иванович Успенский, доцент всеобщей истории. Только что вчера я разговаривал с Воеводским о Вас, и он доказывал мне, как бы много выиграл Факультет приобретя Вас. Он просто в восторге от статьи Вашей, помещенной в издаваемом Вами Архиве. Хотя в факультете, быть может, и не найдется большинства за Вас, зато могу Вас уверить, что в Совете будет за Вас огромное большинство: (все за исключением двух — трех филологов). Ректор всею душою желает Вашего перехода. Ввиду этого я решаюсь предложить Вам следующее: напишите прямо ректору официальное письмо о Вашем желании снова перейти в Одессу на кафедру сравнительного языкознания, с которой после 4-х лет, по выходе Григоровича, можете без всякого затруднения перейти на кафедру славянских наречий, нисколько не мешая Кочубинскому. В письме Вашем к ректору упомяните о том, что Вы просите дать законный ход Вашему заявлению. Тогда ректор, как он заявил, решительно даст предложение в факультет, на основании 28-го параграфа, о том, чтобы произведена была в факультете баллотировка, результат которой, каков бы он ни был, на основании 70-го параграфа устава, перейдет в Совет, где Вы и будете избраны почти единогласно. По установившимся правилам у нас баллотировка в Совете может происходить только до 15-го мая; поэтому Вы поспешите Вашим письмом к ректору.

В кофейной я встретил Вашего друга, который сообщил мне, что у Вас есть сын, с чем я и жена моя поздравляем Вас и Сидонию Петровну. От моей Люльки Станечке Вашей поклон. Не замедлите мне отвечать, чем обрадуете душевно преданного Вам

Е. Сабинина

1876 года
апреля 5 дня

144

1876, 10. aprila. I. M. Martynov iz Pariza

22 апреля 1876

Милостивый государь Викентий Игнатьевич,

Давно желалось мне посетить Вас письменным способом. Но только недавно узнал я[a)] о Вашем местопребывании в Берлине, что меня несколько удивило, так как я предполагал, что Вы живете еще в России. Открытием этим я обязан Вашему Архиву, первый выпуск которого прочитал я с особенным удовольствием. Сегодня получаю второй выпуск и, по этому поводу, спешу передать Вам мое полное сочувствие Вашему обозрению.

Если бы не излишество занятий и преизбыток изданий всякого рода, появляющихся в славянской литературе, я уже познакомил бы с Вашим Архивом франц(узскую) публику.

Впрочем, предположение мое только отложено, а не покинуто. Извещение, помещенное в заголовке 2 выпуска, склоняет меня подождать выхода остальной тетради первого тома, которая интересует меня еще более настоящей. Я ожидал, однако, в сей последней продолжения Вашей превосходной статьи о Зографском евангелии. А также и записка о христианском элементе народной русской поэзии[1] понравилась мне до того, что я намеревался передать ее в извлечении для французских читателей, тем более, что в то время я занимался именно народным эпосом русским, приготовляя отчет о книге г-на[b)] Рамбо: La Russie épique[2]. Отчет мой напечатан в апрельской книге обозрения: Questions[c)] historiques, где я печатаю обыкновенно Русский курьер или обзор исторических сочинений, выходящих в России или отдельными книгами или в периодических изданиях. — Быть может, если достанет времени, стану помещать там и Славянский курьер, и в таком случае Ваш Архив будет для меня сильным подспорьем.

Впрочем, и не предпринимая этой новой тягости, я имею еще другое средство достигнуть той же цели, по частям и гораздо скорее. Это — ежемесячный журнал Polybiblion, где я и намерен поговорить о Вашем Архиве, как скоро будет мне подосужнее. — Есть и другой журнал: »Etudes«. — А, между тем, позвольте мне поздравить Вас с Вашим предприятием и пожелать Вам наибольшего успеха, в котором я не сомневаюсь. Имена, выставленные на заглавном листе — тому порукою[3].

Так как Вы обещаете посвятить третий выпуск обзору критическому и библиографическому, то позвольте обратить Ваше внимание на превосходное сочинение архимандрита Сергия: Полный месяцослов

Востока, в двух томах.[4] Вам известен мой »Церковный год« (Annus ecclesiasticus). — Книга Сергия составлена совершенно по плану моего »года«, как заявляет сам автор на 1-й странице, но она дополнена, обогащена новыми, многочисленными данными. Словом, это — истинное[d] приобретение для славянской агиологии. — Вы же естественный судья Сергиева сочинения. Я им очень доволен и вижу необходимым сделать его известным и доступным западным ученым в той или другой форме, т. е. или в переделке моего »года« или в новом сочинении на фр(анцузском) языке.

Считайте меня в числе усерднейших читателей и споспешников[e] Вашего Архива и в то же время

Вашим покорным слугою

И. Мартынов

Не зная Вашего адреса, посылаю письмо в Университет, а мой следующий: M'l'abbée Martinov, Paris, 35, rue de Sèvres.

SMŽ. [a] ø. [b] ø. [c] Auestions. [d]сочинение (приобретение) споспешниках.

145

1876, 12. aprila. P. I. Žiteckij iz Kijeva

Киев, 1876 г., апреля 12 д(ня)

Поштовани господине!

Долгом считаю послать Вам свою книгу о малорусском наречии. Не смею надеяться, чтобы она вполне удовлетворила Вас своим содержанием, но позволяю себе думать, что Вы не оставите без внимания попытки моей поставить вопрос о малорусском наречии на объективную почву исторического исследования. По моему мнению, это единственный путь, который может привести к результатам сколько-нибудь положительным, особенно ввиду целого хаоса мнений, опирающихся на интересы, совершенно посторонние науке. Вы стоите на высоте широкого знания славянских наречий, вдали от нашей общественности, наших литературных увлечений, поэтому Вам легче произнести беспристрастный суд о моей книге.[2]

Летом прошлого года я писал Вам по делам киевского археологического съезда. Вероятно письмо мое не застало Вас в Берлине, потому что ответа от Вас я не получил.[3] Я просил Вас в том письме, чтобы Вы прислали на имя мое в Киев Ваши замечания, сделанные по поводу реферата профессора Срезневского о глагольском памятнике, бывшем на выставке съезда.[4] Специальный характер Ваших замечаний лишил стенографа возможности записать их, как следует. Я нарочно не пускаю в печать реферата г-на Срезневского в надежде, что Вы не поставите себе в труд, сообщить мне, хоть в кратких словах, Ваши замечания.[5] Адрес мой:

в Киев, учителю 2-й Киевской гимназии, Павлу Игнатьевичу Житецкому

Примите уверение в искреннем уважении Вашего покорного слуги

П. Житецкий

146

1876, 21. aprila. A. A. Kočubinskij iz Praga

Прага, 76, 21/2 апреля

Дорогой Игнатий Викентьевич!

Вы вправе сердиться на меня — так давно я уже Вам не писал. Но мое молчание — не примите как знак якобы изменившихся моих чувств к Вам. Со дня на день откладывал — пока не дожил до того дня, когда совестно стало с этим откладыванием, и я шлю Вам это послание.

Быть может, Вы слышали, что еще в декабре я возвратился в Прагу, чтобы заняться здесь несколько литовским языком, и в январе — двинуться в Одессу. Но ввиду непродолжительности учебного времени в оставшейся к моим услугам части от второго полугодия, я решился просить об отсрочке. Началось дело, которое еще и теперь не окончено. Знаю только из письма декана, что министерство согласно на отсрочку, но без пособия. Спасибо и за то. Отсрочка кончится 1-го июня, и с этого времени по 15 августа возьму заграничный отпуск.

Занялся я теперь диссертацией — т. е. привожу в порядок то, что накоплялось с издавна. Я рассматриваю вопрос об взаимном отношении вокализма в славянских наречиях в первичной главной группе (на r, l.). Я занялся им до известной 2-ой части Шмидтовой книги — с этой целью я прошел давно уже все старочешские рукописи, чтобы определить и уяснить правописание латинское в изображении сказанной группы и наметить ход изменений языка в этом вопросе — почти в непрерывном ряду памятников с очень раннего времени — XI века, — условие, которое предлагает, кроме русского, единственно чешская литература; собрал все, что можно было собрать, из истории основных славянских наречий — с урывистою, позднею или темною литературами, и по сравнении прихожу к выводу, — что вокализм русского языка лежит в основе изменений, предлагаемых славянскими наречиями. Это мой парадокс, быть может, — но это положение мне кажется наиболее вероятным с точки зрения исторического сравнения слав(янских) наречий. Я ограничиваюсь исключительно почвой истории и не перехожу за славянскую межу.

Как все у меня, так и диссертация движется медленно[1]. Приготовляю для Вашего журнала некоторую статью, но не могу разбиваться, и потому прошу до осени.[2] На банкете у Паницкого не был, как никто из русских. Новостей нет. Писали из Одессы, что М. Л. Вольский сошел с ума и отвезен Селивановым в Петербург. Он скоро умрет.

Мой глубокий и трижды низкий поклон Сидонии Петровне. Станю целую. Поздравляю с получением сына — воображаю Вашу радость — чай, из рук не выпускаете.

Мой адрес: Prag, Krakovská ulice N. 16 parterre

Вашего адреса не знаю и потому на Университет.

Простите, здравствуйте и не забывайте Вас искренне любящего друга

А. Кочубинский

С сим посылается 1-ый отчет — с массой ошибок типографских.

[1876], 27. aprila. M. P. Smirnov iz Odese

Не знаю, чем объяснить Ваше молчание, почтеннейший Ватрослав Викентьевич, а между тем оно неожиданно повело к весьма важным усложнениям. У Вас явились заступники и ходатаи: Цитович, Ярошенко, Сабинин и Леонтович, снедаемые жаждою деятельности, в смысле нападений и наездов, подают в Совет заявление о бездеятельности Факультета, который не принимает будто бы никаких мер для замещения вакантных кафедр и, между прочим, препятствует Вашему возвращению в Одессу. Если бы эти господа руководились интересами Вашими и интересами Факультета, то, конечно, они не сделали бы этого, потому что формальное вмешательство Совета в дела Факультета может только раздражить последний и повести к забаллотированию самого достойного лица; между тем, если бы дело было предоставлено Факультету, оно наверное устроилось бы; мне уже удалось в значительной степени ослабить предубеждение Некрасова, которое возгорелось с новою силою только теперь при открывшейся против Факультета компании. Таким образом положение дел такое: при гнете Совета Вы можете быть забаллотированы в Факультете, и я не поручусь за Ваше избрание в Совете; следует поэтому предупредить Ваших милых приверженцев[1], а для этого я должен знать, желаете ли Вы баллотироваться на кафедру сравнительного языкознания, причем Факультет дает Вам формальное обязательство перевести Вас на славянскую кафедру тотчас по его очищению, без всяких баллотировок? На этот существенный вопрос отвечайте по телеграфу, и тогда, я думаю, все будет спасено и Вы войдете в наш университет, как следует входить такому ученому, как Вы. В искренности моего желания видеть Вас в Одессе Вы не можете сомневаться, если же и не действовал резко, как привыкли наши башибузуки, то это в Ваших же интересах, так как я убежден, что Вы не захотите вступить в тот факультет, который Вас забаллотирует. Ваши мнимые приятели этого не понимают, да ими все равно: они пользуются Вашим именем, чтобы досадить факультету, который не желает иметь с ними ничего общего и в среде которого они желали бы произвести раздор для того, чтобы управлять им потом по своему произволу.

Сообразите все это, многоуважаемый collega, и присылайте мне телеграмму о готовности Вашей баллотироваться[2] на сравнительное языкознание; я даю Вам слово, что через 4 года Вы спокойно и безпрепятственно перейдете на славянскую кафедру.

Искренне Вас уважающий

М. Смирнов

27 апр(еля)

Я и жена приветствуем Сидонию Петровну и приглашаем ее сперва приехать в Одессу.

1876, 28. aprila. N. A. Popov iz Moskve

Славянский
Благотворительный комитет
в Москве
апреля, 28 дня
1876 года.
N 365

Милостивый государь, Ватрослав Власьевич!

Я не забыл Вас, но просто мне было некогда эту зиму найти свободное время для моей частной переписки с друзьями и знакомыми. Хлопоты по сбору пожертвований в пользу пострадавших христиан[1] отняли у меня так много времени, что даже заставили не исполнить обещаний, данных некоторым русским журналам в качестве их сотрудника. Намереваюсь летом отдохнуть и возвратиться к своим обыкновенным занятиям. Теперь же спешу исполнить Ваше желание и посылаю по почте книги, которых Вы просили: Невоструева, А. Попова и Аксакова. О книге Амфилохия поговорю с ним уже осенью; она, впрочем, не из очень ученых.[2] За высланные Вам книги уплатил Славянский комитет, который вообще имеет целью поддержку литературных сношений между Россией и остальными славянскими землями, стало быть и удовлетворение Вашей просьбы должно входить в его цели.

Отдельные оттиски Ваших статей я получил вовремя, а самый сборник, издаваемый Вами, выписываю чрез московского книгопродавца Ланга. Для Славянского же комитета Вам бы следовало высылать этот сборник.

Что касается русских историко-филологических факультетов, то, если Вы когда-нибудь подумаете о Московском, советую Вам обратиться к нынешнему декану его, Николаю Саввичу Тихонравову: я же, по истечении трехлетия, не пожелал снова баллотироваться в эту должность. Обращаясь к Тихонравову, Вы имеете ту выгоду, что, сохраняя за собою мое частное сочувствие, можете приобрести еще и содействие официального лица в факультете. Но действуйте в этом направлении исподволь, не спеша.

Хотя летом я и не могу исполнять никаких поручений, но на всякий случай сообщаю свой адрес: в Москву. В Камеру уездного мирового судьи Н. Ф. Рихтера, на углу Никитской и Шереметьевского пер(еулка), свой дом. Для передачи Н. А. Попову.

Примите уверение в совершенном уважении и таковой же преданности.

Член и секретарь комитета Нил Попов

149

1876, 29. aprila. A. A. Kočubinskij iz Praga

Прага, 1876 29/10 апреля

Многоуважаемый мой друг Ватрослав Викентьевич!

Ваши драгоценные строки, после почти годовой разлуки, я читал с истинным удовольствием. Читая их, я, кажется, видел пред собой того же старого Ватрослава Викентьевича, с приветливой улыбкой и добрым словом — одно только обстоятельство смутило меня немного — Вы величаете меня »многоуважаемый«. Ваше имя, положение, имя, годы оправдывают меня, если я обращаюсь к Вам с указанным титулом[1] — но если Вы говорите так ко мне, то я готов думать, что Вы чем-то недовольны. Не гневайтесь, если я не писал Вам давно — причина моя рассеяность.

Ваши оба исследования я прочел вторично, по получению от Вас оттисков. Как везде, так и здесь — знакомое мне Ваше глубокое знание, острый ум и уменье говорить. Ваш журнал, надеюсь, почистит несколько немецкий ум от испоконных предрассудков игнорировать славян в объяснении даже вопросов классической древности — и Вам будет принадлежать всецело диспут »Егория« в русских духовных стихах по отношению к нашим »оспариваемым« братьям немцам.

Моя статья для Вас — некоторые материалы для языка Далматских славян[2]. Напишите, что доселе известно в науке по языку их — и — главное — какие памятники? Конечно помимо книги Миклошича. Я себе не могу доверять и потому стою и жду.

Ваши слова о моих занятиях я принимаю за комплимент, за поощрение — но постараюсь что-нибудь сделать. Теперь я окончил формулу *Лъ* (= русск(ое) ол) у славян равнины. Не понимаю, почему г-н Лескин в своем прекрасном издании Якубицы[3] не отметил формулу *ol*, где он перечисляет н(ижне)лужицкие сочетания XVI века, соответствующие старославянской группе cons. + лъ[4]. Их много у него, — и на первой же странице у Loetze — *walnam* (p. 16). Жду с особенным интересом 3 выпуска — для своей диссертации. Что Ваши сотрудники — много их и где?

Ваши разъяснения об Одесском деле — мне б(ыли) совершенно новы[5]. Я никаких сведений, кроме более или менее домашних, из Одессы не имею. Я так давно уже из дому, что ничего не понимаю, что делается.

За дружеское Ваше приглашение весьма благодарен[6] — но мне трудно будет подняться. Лето проработаю в Праге — а иметь дела у меня, время не пускает из Праги.

Я всегда надеялся, что Станя будет девочкой как следует, и от души радуюсь ее успехам. То—то Ваша общая радость с сыном! Чай, няньчитесь, не покладая рук? Сидония Петровна, конечно, вся в хозяйственных хлопотах, которые теперь еще увеличились. Моя глубокая признательность за память и поклон.

Что съезд царей и Ваша Фоссова газета?[7] Не понимаю, чем объяснить, что Берлин стал с сочувствием писать о деле бедных герцеговинцев? Не вооружается ли он против России? Я полагаю, ввиду некоторых обстоятельств, что каша заварена была в Герцеговине по команде из Берлина.

Но — записался. Будьте здоровы и пишите. Поклон и почтение.

Ваш искренно любящий

А. Кочубинский

150

1876, 1. maja. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 1./13. Mai 1876

Hochgeehrter Freund!

Morgen reist Grot über Berlin zu seiner Familie nach Baden-Baden. Vielleicht ist er schon, bevor Sie diese Zeilen erhalten, bei Ihnen und dankt Ihnen für die letzte Sendung. Damit ich nun nicht gar zu undankbar aussehe, schreibe auch ich Ihnen rasch meinen Dank und bemerke, daß ich die meinem Exemplar beigeschlossenen Exemplare an die Akademie, an Grot und Sreznewsky befördert habe. Slawische Studien habe ich jezt kaum getrieben, dagegen etwas Zigeunerisches und Asenisches an Miklosich zu befördern gehabt.[1] Am 20. Mai a. St. (also Anfang Juni) gehe ich wahrscheinlich nach Gleichenberg und von dort nach Klobenstein auf dem Ritten bei Bozen. Von beiden Orten her werden Sie die einzelnen Nummern der St. Petersburger Zeitung erhalten.

Heute war Professor Brückner aus Dorpat hier und so hatte ich doppelten Anlaß, Ihrer zu gedenken.

Mit herzlichen Grüßen an Ihre liebe Frau

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Beiliegende Zeilen geben Sie wohl gütigst an Grot ab, wenn er zu Ihnen kommt.

151

1876, 5. maja. P. I. Žiteckij iz Kijeva

Киев, 1876 г., мая, 5 д(ня)

Поштени господине!

Я очень обрадовался Вашим письмам.[a)] После многих неудачных попыток найти дорогу к Вам по верному адресу, я решился наконец воспользоваться адресом, напечатанным в Вашем »Archiv'e«. Расчет оказался верным: не успел я отвечать[b)] на первое письмо, как уже получил другое. Оказывается довольно много общих интересов, и я с величайшею[c)] готовностью предлагаю Вам свои услуги для всякого

рода справок по всем вопросам, касающимся этнографии, библиографии, языка и истории южнорусского племени.

На первый раз Вам посланы два тома Записок географического (Киевского) общества с программами и отчетами заседаний, а также перепись г. Киева. Послал я также и фотографическую группу членов съезда[1]. Она-то и была причиной замедления с посылкой и письмом, так как готовой группы в фотографии не оказалось, и я должен был ожидать, пока ее сделают. Каталог выставки съезда, а также 2-й выпуск 1-го[d] тома исторических малорусских песен обещал послать Вам В. Б. Антонович. В первом томе Записок Вы найдете интересующий Вас народный словарь растений Роговича[2]. Что касается до словаря Левченка, то он не стоит Вашего внимания. Это очень слабый опыт русско-малорусского словаря, предназначенный для практического употребления при переводе русских книг для народа на малорусское наречие. В нем нет ни[e] полноты ни метода. Выбор слов случайный, ничем не мотивированный. Множество слов сомнительного происхождения, выкованных автором для собственного самоуслаждения. Впрочем, желая удовлетворить Ваше любопытство, выписываю[f] полное заглавие его: »Опыт русско-украинского словаря. Составил М. Левченко. Киев 1874.« (188 страниц).

Реферат Срезневского еще не напечатан, но пойдет в печать недели через две. Когда будут составляться протоколы прений, тогда, может быть, представится необходимость обратиться к Вам с просьбой, чтобы Вы редактировали Ваши возражения, а я снабжу Вас для этого всеми необходимыми данными. Меня гораздо более интересует Ваш самостоятельный доклад о глаголитских[g] памятниках, присланных на съезд Загребской академией. В записках стенографа об нем нет ни одного слова. Если позволят Вам занятия Ваши, не поставьте себе в труд составить хоть небольшую статью об этом сюжете. Отсутствие Вашего имени в Записках Киевского археологического съезда огорчит многих друзей славянской науки, а нас, киевлян, в особенности, так как мы живо помним Ваше внимание к вопросам науки, которые были вызваны на Киевском съезде общими потребностями южнорусского племени.

»Archiv«[h] читается в Киеве с большим интересом. »Описание Зографского евангелия« своими историко-литературными подробностями сразу вводит мысль в самый центр дела, возбуждая охоту к целому ряду аналогических изучений. Я пробовал давать студентам эту статью и убедился в том, что славянская наука могла бы много приобрести[i] живых сил, если бы специальным вопросам она предпосылала общие наблюдения, связывающие данный факт с целым отделом знания, без чего невозможно разумение и специально[j] изучаемого факта. Я думаю, что вся будущность славянской науки зависит от того, как поставлена она будет пред молодым поколением ныне действующими зрелыми представителями ее. Это убеждение сложилось во мне отчасти под влиянием моей учительской профессии, отчасти под влиянием личного опыта, сопровождавшегося всякими неудачами, сомнениями, лишней

тратой времени и т. д. Я руководствовался этим убеждением и в моей работе о малорусском наречии[3], хотя, правду сказать, мог провести его только в первой и последней главе своего труда. Скажу Вам с полною и искреннею благодарностью, что вполне доступной форме Ваших собственных трудов я лично обязан развитием своих склонностей к филологическому знанию. Я не знаю в славянской науке филолога, который бы писал яснее Вас. Другая статья Ваша о русском эпосе проливает новый свет на многие подробности вопроса, к сожалению, осложненного настроением, до которого науке нет никакого дела. Мне кажется, что ряд работ в этом направлении мог бы отрезвить нас, с одной стороны от алтайских увлечений теорией Стасова[4], с другой стороны, от преувеличений арийского культа, коему поклоняется О. Ф. Миллер.[5] По поводу малорусских дум[6] я на съезде много спорил с Миллером, доказывая ему, что пора наконец свести вопрос о русской народной поэзии на историческую почву, не устраняя тех элементов, которые составляют в ней арийское наследство, преемственно полученное и умноженное на славянской почве. С тою же попыткой применить исторический метод я приступил и к изучению малорусского наречия. Вы меня истинно утешили мнением своим, что это путь верный. Что касается до полемики, которую я допустил в своем труде, то она была вызвана необходимостью собрать в одно целое и критически сопоставить мнения о малорусском наречии, разбросанные в множестве отдельных изданий. Мне казалось, что этот прием облегчит уяснение моих собственных положений, а главное — даст мне возможность установить надлежащую точку зрения на предмет. Во всяком случае, мне дорого Ваше внимание к моему труду, особенно ввиду других филологических предприятий, давно[k] задуманных мною.

Искренно уважающий Вас
и преданный Вам П. Житецкий

SMŽ. [a] письмом. — [b] ответить. — [c] величайшей. — [d] I. — [e] ø. — [f] выставляю. [g] глаголических. — [h] Архив. — [i] приобресть. — [j] специального. — [k] ø.

152

1876, 30. maja. A. A. Kočubinskij iz Praga

30/11 июня, 1876 Прага

Добрейший друг Игнатий Викентьевич.

Предположив в наступающем академическом году держать филологический семинарий по языкам »основной« половины славянства, и остановившись на переводе Якубицы[1], я буду очень и очень просить Вас — не можете ли Вы достать у г-на проф. Лескина экземпляра три-четыре отдельных оттиска изданного им в Вашем »Архиве« отрывка из сказанного перевода.[2] Пожалуйста, не забудьте ответить — можно ли рассчитывать на отдельные оттиски Якубицы или нет.

Что Вы поделываете — как Ваше здоровье, жизнь? Приближается время, когда я должен буду покинуть благодатную почву Австрии и двигаться в Одессу. С вздохом вспоминаю я об отъезде.

Жму дружески Вашу руку и, прося засвидетельствовать мое глубокое почтение Вашей супруге и поцеловать Стаю и Вашего наследника, остаюсь

Ваш преданнейший слуга и друг
А. Кочубинский

»Krakauer Gasse« N. 16 (parterre)

153

1876, 15. juna. P. G. Vinogradov iz Bonna

Бонн, 15 июня 1876

Многоуважемый Викентий Игнатьевич!

На прощании в Берлине Вы, между прочим, сказали мне, чтобы я как-нибудь известил Вас о своем пребывании в Бонне. Ввиду Вашей доброты и снисходительности, с которой Вы позволяли мне зимою отрывать Вас иногда от занятий, я и теперь принимаю Ваши слова не за простую формулу вежливости только, и решаюсь напомнить Вам о себе.

Прежде всего я должен извиниться, что не доставил Вам все справки, которые нужно было сделать в »Православном обозрении«.[1] Вина не на мне, впрочем, и не на моих московских корреспондентах. Они послали сведения еще о двух годах журнала, но послали по моему берлинскому адресу как раз в ту неделю, когда я уехал из Берлина. Вышла путаница, вследствие которой они недели две тому назад получили обратно вскрытые письма. Теперь, вероятно, нет уже резона посылать Вам этот реестр, потому что третья книжка верно уже напечатана. Если бы паче чаяния, Вам еще нужны были бы эти сведения, известите меня, и я постараюсь как можно скорее их доставить. Мне тем более жаль, что я не в состоянии был, как следует, услужить Вам, что теперь должен сам обратиться к Вам с просьбой. Надеюсь однако, что Вы ради интересов дела, из-за которого я обращаюсь к Вам, не откажетесь помочь мне. Мы часто говорили с Вами о русских и немецких университетах, о готовящемся пересмотре устава 1863 года, о литературной борьбе по этому поводу. Одним из главных защитников устава 1863 года является мой учитель и покровитель в Московском университете проф. Герье, который написал, между прочим, большую статью в »Вестнике Европы« о немецких университетах. Вам известно, вероятно, что эта статья задается двумя целями *a*) показать, что немецкие порядки представляют не раз навсегда изготовленный идеал, а чисто исторический продукт, тесно связанный с почвой; во-вторых, показать, что даже в Германии эти порядки порождают много злоупотреблений и вызывают сильную оппозицию и она притом, странным образом, выставляет на

своем знамени как раз те принципы, от которых у нас хотят отказаться. Но этой статьей дело не кончится: Герье готовит теперь новую и обратился ко мне с просьбою собрать ему какие могу сведения о ходе дела в Германии. Не согласитесь ли Вы помочь мне в этом случае своею опытностью, многоуважаемый Викентий Игнатьевич? Положение Ваше в этом случае совершенно исключительное — по Вашему происхождению, симпатиям, прошлым и настоящим занятиям, Вы не можете равнодушно отнестись к подобного рода вопросам; как ординарный профессор первого немецкого университета, Вы имеете лучшую возможность наблюдать здешнее университетское устройство и оценить его результаты. Я уже слышал от Вас весьма интересные факты относительно нек(оторого) влияния штатс. экзаменов на распределение слушателей между профессорами. Вы наверно могли бы сообщить еще весьма много любопытного и об этом вопросе и о других, сюда относящихся — о системе выбора профессоров факультетами и министром, о составе экзаменационных комиссий и действительном значении экзаменов, об стремлении регулировать учебный план студентов и т. п. Все эти вопросы наверно интересуют берлинских профессоров и обсуждаются ими. Конечно, надо умеючи переводить все подобные факты на русский язык и русские порядки, но, судя по первой статье Герье, он в состоянии это сделать. Извините мне, многоуважаемый Викентий Игнатьевич, и мое многословие и мою навязчивость — и то, и другое объясняется характером дела; стоит только подумать о будущих отделениях министерской канцелярии с гордым названием университетов, чтобы потерять хладнокровие!

О себе лично я ничего не сказал, да и нечего говорить. Главное для меня теперь мои частные занятия да Рейнская, незнакомая мне природа. От профессоров здешних восторгаться особенно нечего. Извините меня, если я сравню ту духовную пищу, которую они здесь преподносят, с манной кашицей. — Впрочем, так как Ваше долготерпение вероятно имеет пределы, то кончаю письмо, и прошу Вас еще только передать мой поклон Вашей супруге.

Вполне преданный Вам

П. Виноградов

154

1876, 16. juna. A. A. Hovanskij iz Voroneža

Редакция
»Филологических
записок«
16 июня 1876 года
№ 267
Воронеж

Издателю »Архива слав(янской) филологии«, профессору г-ну Ягичу

Редакция »Филологических Записок«[1] приятным считает для себя высылать Вам свое издание, надеясь, что Вы, в интересах науки, от-

зоветесь о нем добрым словом и тем познакомите с ним Ваших читателей »Архива«.[2] С своей стороны редакция не замедлит познакомить своих читателей и с Вашим изданием.[3]

В настоящее время высылаются Вам первые две книжки Ф(илологических) З(аписок) на текущий год и указатель статей за прежние годы, с приложением к нему за 1874 г. оберток с содержанием, а за 1875 корректуры.

В силу пословицы — similes similibus gaudent — прошу Ваших взаимных отношений

Редактор Хованский

155

1876, 1. jula. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 1-го июля 1876 года

Не имея, почти что целую вечность[1], никаких сведений о Вас, мой дорогой Игнатий Викентьевич, пишу Вам это письмо, чтобы получить таковые, так как на мое последнее письмо к Вам (в котором я поздравлял Вас с наследником) я не имел ответа. И говорить нечего, что всякие известия о Вас и семье для меня будут весьма интересны, в особенности, если в числе их будет такое, на основании которого я, как и многие другие, составлю себе убеждение в Вашем к нам возвращении. Случай к этому в настоящее время самый удобный. Впрочем, по этому делу Вы, вероятно, знаете все и обстоятельно от Ф. И. Успенского, с которым, я полагаю, часто видитесь, а равно и из писем из Одессы. Быть может, Вы усомнитесь, но смело могу Вас уверить, что Ваше возвращение доставит мне только искреннюю радость, которая не будет вызвана какими-нибудь рассчетами и соображениями. Спешу оговориться: Никод(им) Павлович, я в этом твердо убежден, будет так же искренно рад, как и я. Смотрите же, дорогой мой, не обманите наших ожиданий и переходите к нам с начала, если нельзя академического, то гражданского года.

Университетские наши новости Вы, вероятно, знаете уже все, какие были до вакационного времени; с тех же пор нового ничего нет, кроме присланного Виктором Ивановичем категорического отказа на приглашение Совета не оставлять наш университет. — У нас постоянные дожди, что до такой степени освежает воздух и уменьшает жар, что не чувствуется никакого лишения оставаясь в городе, что в этом году выпало на нашу долю, так как и я и жена пьем теперь и будем пить до начала августа минеральные воды, а это требует ежедневного присутствия в казенном саду в течении двух часов (6 — 8 утра), чего нельзя сделать живя на даче. В последнее время мы как-то развинтились — сначала хворал я, потом жена, дети, затем опять жена, которая, благодаря бога, теперь почти здорова и пьет воды только чтобы укрепиться.

В последнее время я снял несколько кабинетных портретов своих для родственников, за раздачею которых остался один, и хотя портреты

вышли не совсем удачные, тем не менее, не имея лучшего, посылаю его Вам взамен полученного мною от Вас в высшей степени удачного Вашего портрета.

Только что хотел закончить письмо, как явился Дмитрий Никол(аевич) Абашев (он Вам шлет поклон), который просит Вас вот о чем: узнайте, кто именно из берлинских докторов содержит частную лечебницу, в которую принимаются, по преимуществу, страждущие болезнями пищеварительных органов, где помещается эта больница и, если возможно, условия, на каких принимаются туда больные. Как человек, ознакомившийся уже с Берлином, Вы, вероятно, можете указать и гостиницу удобную и не дорогую, в которой можно было бы остановиться на несколько дней. А вот и Михаил Павлович, который Вам усердно кланяется и передает вот что: на последнем факультетском заседании, по его предложению, Факультет постановил: баллотировать Вас в первом сентябрьском заседании на кафедру сравнительного языкознания. А так как теперь, за выходом в отставку Григоровича, делается свободною кафедра славянских наречий, то Мих(аил) Павлович и желает иметь Ваше согласия на то, чтобы в сентябре, перед баллотировкой Вас на сравнительное языкознание, предложить Вас на кафедру славянских наречий. Если согласны — напишите, равно как не оставьте без ответа и просьбу Абашева.

При желании от всех нас Вам и Вашей семье побольше здоровья, денег и всех благ земных остаюсь навсегда преданный Вам друг

В. Селиванов

156

1876, 4. jula. P. G. Vinogradov iz Bonna

Бонн, 4 июля 1876.

Многоуважаемый Викентий Игнатьевич!

Весьма благодарен Вам за Ваше письмо и присылку факультетского устава, которым я воспользовался для кое-каких вопросов.[1]

Я писал Вам в последний раз в очень общих выражениях, потому что предполагал, что Вы имели случай познакомиться с статьей Герье в февральской книжке »Вестника Европы«. Она сделала бы излишними всякие объяснения с моей стороны. Но так как Вы вероятно или не получили этой книжки, или не имели времени прочесть, то я постараюсь вкратце обозначить некоторые весьма важные для университетов пункты. Относительно назначения профессоров многому из германских порядков нам нельзя научиться. — Как Вы верно замечаете, общий принцип назначения министром приводится на практике в действие самым осторожным и либеральным образом. Вся сила в том, что такой же практики нельзя ожидать у нас.

Но если тут изучение немецких университетов едва ли может дать полезные факты, зато иное дело по вопросу об экзаменах. Как Вам

известно, комиссия хочет передать их из рук профессоров в руки людей, стоящих вне университета. Цель подобной реформы в России слишком ясная; при этом, однако, опираются на немецкие порядки (Staatsprüfungen) и хотят закупить студентов перенесением всех экзаменов на один срок и свободой слушания лекций. К сожалению или счастью — в Германии, во-первых, на философском факультете комиссии состоят все-таки из профессоров; во-вторых, там где это иначе, слышатся весьма сильные жалобы, в-третьих, система одного государственного экзамена многими признается вредною, иные даже доходят до того, что желают введения правильных учебных планов, т. е. фактического уничтожения свободы слушать лекции. Вот в этих-то отношениях весьма важны мнения немецких профессоров. Мне удалось уже пособрать кое-что в Бонне, но в Берлине, конечно, можно найти гораздо более материала. Резюмировать можно эти вопросы приблизительно так: 1. Как держат студенты государственные экзамены? 2. Какое влияние имеют эти экзамены на выбор курсов и на занятия студентов в университете? 3. Как влияет на экзамены состав комиссий (примесь практиков на юридическом факультете)? 4. Желательно ли разбить экзамен на несколько частей? — Я был бы Вам благодарен от всей души, многоуважаемый Викентий Игнатьевич, если бы Вы хотя что-нибудь черкнули мне в ответ на эти вопросы.[2]

Преданный Вам П. Виноградов.

157

1876, 6. jula. A. A. Hovanskij iz Voroneža

Редакция
»Филологических
записок«
6 июля 1876 года
N 276
Воронеж

Г-ну профессору Ягичу.

На почтенное письмо Ваше имею честь отвечать Вам искреннею благодарностью за просвещенное сочувствие Ваше к моему изданию и за готовность Вашу обмениваться изданиями. Издания Вашего я еще не получил, вероятно задержано в таможне, но полагаю, что скоро получу, а статью названную Вами немедленно вышлю Потебне.[1]

Душевно благодарю Вас за желание Ваше предложить Королевской библиотеке приобрести мое издание. Очень рад, если бы это случилось так. Полное издание Ф(илологических) З(аписок) имеется с 1864 года и по настоящее время. За все эти года оно стоит 72 рубля. Пересылку я приму уже на свой счет. Прошу Вас, убедите немцев выписать Ф. З.

О Вашем достойном издании непременно будет сделан отзыв в III выпуске Ф. З. одним из моих сотрудников, который заинтересован

Вашим »Архивом«. Поэтому я спешу вместе с этим письмом выслать Вам три книжки Ф. З., где помещена его статья под заглавием «Антропоморфические боги славянского язычества«, о которой, надеюсь, Вы скажете несколько слов, что желательно и автору.[2]

Прошу Вас на будущее время сообщить Ваше имя и отчество.

С полным уважением имею честь быть готовый к услугам Вашим
А. Хованский

158

1876, 6. jula. E. F. Sabinin iz Odese

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Так как письмо мое к Вам в апреле месяце было написано не только по желанию моему, но и других трех лиц, сочувствующих Вашему переходу в Одессу и глубоко уважающих Ваши ученые труды, а именно: Леонтовича, Цитовича и Воеводского[1] (рукою последнего письмо мое было и переписано), то, понятно, я не мог отказать им в прочтении тех мест Вашего письма, которые относятся к Вашему переходу в Одессу; только этим трем лицам я и сообщил о содержании Вашего письма. Впрочем, желание Ваше перейти к нам было известно и до получения мною письма Вашего, так как о нем М. П. Смирнов прямо и откровенно говорил всем, и в заседании Ист(орико)-филол(огического) факультета (в 20-х числах мая) Смирнов сделал предложение о баллотировании Вас, согласно с Вашим желанием, в ордин(арные) профессоры на кафедре сравнительного языкознания; по этому предложению Смирнова, а также вследствие заявления Григоровича о том, что таковое предложение для него совершенно неожиданно, факультет постановил отложить Вашу баллотировку до сентября. После такого решения факультета Григорович в заседание Совета 29 мая вошел с прошением об отставке, мотивируя тем, что он сделался негодным для науки, но на прошение Совет ответил Григоровичу постановлением — просить Григоровича остаться на службе в виде его педагогической деятельности. Но недели через две после 29 мая Григорович снова подал заявление ректору о том, что он не может исполнить желание Совета и снова просит об отставке. Такая решимость Григоровича оставить наш университет главным образом объясняется тем, что он получил какое-то место в Публичной Библиотеке, вследствие чего вероятным было предполагать, что вскоре будет экстраординарное заседание Совета для выслушания отказа Григоровича с тем, чтобы дать дальнейший ход его прошению об отставке. Между тем, только на днях стало известно, что отказ Григоровича будет заслушан только в августе; все это было причиною того, что до сей поры я промедлил отвечать Вам на письмо от 15/27 апреля.

Не могу тоже не сказать, хотя несколько слов, об одном обстоятельстве, которое Вам в подробности известно от Ф. И. Успенского, и ко-

торое заключается в следующем: Цитович и Ярошенко вошли в Совет 6-го мая с предложением о том, чтобы Историко-филологический факультет обсудил вопрос о переходе Ягича в Новор(оссийск)ий университет. Таковое предложение было задумано ими еще до получения мною от Вас письма, и уже я согласился подписать его, но получив от Вас письмо от 15/27 апреля, в котором Вы категорически протестуете против ведения дела о Вашем переходе помимо Факультета, я поспешно взял свою подпись назад, что я должен был сделать также и вследствие появившихся толков — со стороны Григоровича и Ко., о том, что, »если это предложение будет подписано и Сабининым, значит сам Ягич желает идти против Факультета«. Взятием назад своей подписи я успел доказать, что пущенные толки — ложны и что предложение Цитовича и Ярошенко идет единственно от них, по инициативе только их одних; хотя, кажется, я имел достаточные аргументы, чтобы взять свою подпись назад, тем не менее я желал бы знать Ваше мнение, Ватрослав Викентьевич, о том, должен был ли я так поступить или нет? Так как в этом деле Вы — главный судья, то, пожалуйста, напишите мне Ваше мнение. Но мало того: ввиду того состава Совета (6-го мая), в котором предложение Цитовича и Ярошенко, очевидно, не могло иметь успеха, я просил Цитовича и Ярошенко по крайней мере отсрочить внесением их предложения до сентября, но просьба моя была безуспешна, и решение Совета 6-го мая было неблагоприятно. Совет отклонил предложение Цитовича и Ярошенко, несмотря на сильную поддержку со стороны ректора. Не смею сказать Вам, какое влияние на Вашу баллотировку в сентябре будет иметь предложение профессоров Цитовича и Ярошенко, но во всяком случе в этом предложении я нисколько не виноват, во-I-х инициатива этого предложения принадлежит единственно Цитовичу и Ярошенко, во-2-х взятием подписи назад я явно доказал, что более не сочувствую этому предложению, в-3-х за неделю до 6-го мая я просил Цитовича и Ярошенко, если совсем не подавать, то, по крайней мере, отложить до сентября. Впрочем, если принять во внимание два выше приведенные факта, последовавшие после решения Совета 6-го мая, а именно представление Смирнова в заседании факультета (в 20-х числах мая) и прошение Григоровича об отставке, заслушанные в заседании Совета 29-го мая, то возможно предположить, что предложение Цитовича и Ярошенко не будет иметь никакого влияния на Вашу баллотировку в сентябре. Во всяком же случае несомненно, что, если прошению Григоровича в августе будет дан дальнейший ход, то не будет никакого препятствия к получению Вами кафедры славянских наречий, а более скорейший и успешный поворот будет обусловливаться образом действия А. А. Кочубинского, который приедет в августе. Так как выход Григоровича почти несомненен и так как Кочубинский, конечно, будет рад Вашему переходу, то значит надежда снова видеть Вас не в Берлине, а в Одессе, воскреснет с большей силой; да, дорогой Ватрослав Викентьевич, если бы Вы теперь были в Одессе, как мы привольно и приятно поговорили бы с Вами о том, что происходит теперь на должностях. (*)

Мы все Вам кланяемся, жена с детьми в Москве, я одиночествую, поэтому большую радость доставите, если напишете письмо, которого я с нетерпением ожидаю. Сидонии Петровне — мое глубокое почтение; Вы пишете о Станичке, что же Вы ни слова не пишете о Вашем сынке — Николае? Сергей теперь начал учиться французскому языку и арифметике, а Люля пока еще гуляет. Для женщины филологический метод нужнее и приличнее, чем математический, а потому я был бы крайне рад, если бы и у моей Люльки била бы способность к языкам. Живем мы, как прежде, как Вы знаете; квартиры в Одессе стали значительно дешевле, хотя город и очень улучшается; приезжайте, не задумываясь; я, как писал Вам, имел причину медлить Вам ответом, Вы же без причины не мучьте меня Вашей медлительностью и отвечайте скорее душевно преданному Вам ы

Егор Сабинин

(*) только с Вашим другом о них я говорю, встречая его в Bier-Halle.

6/18 июля 1876 г. Одесса

159

1876, 11. jula. F. A. Schiefner, Klobenstein auf dem Ritten

Klobenstein auf dem Ritten, den 11. Juli 1876

Hochgeehrter Freund!

Seit wenigen Stunden bin ich hier oben, nachdem ich vorgestern Gleichenberg verlassen habe und mit zweien Serben aus Bosnien, die mit mir italienisch radebrechten, bis nach Feldberg gereist war; in Graz besuchte ich Johannes Schmidt, der mich zum Bahnhof geleitete. An seinen Namen anknüpfend, muß ich bemerken, daß es nach meiner Ansicht sehr praktisch wäre, wenn Sie ihn ersuchten, dasjenige, was er nach Durchlesung Ihrer Anzeige seines Werkes seinerseits zu bemerken hätte, in Ihrem Archiv abzudrucken. So käme dasjenige, was ihm bei dem nachträglichen Studium der Sachen von Lawrowskij und Potebnja eingefallen sein könnte, den Lesern des Archivs zu Gute und Sie würden dadurch zu dem scharfsinnigen und durchaus selbständigen Forscher in eine für die Wissenschaft höchst ersprießliche nähere Verbindung treten. Leider war mein Zusammensein mit ihm von recht kurzer Dauer, und ich muß wünschen, daß dasselbe im Herbst in Berlin länger sein werde.

Für die Übersendung Ihrer Anzeige, die ich in Gleichenberg in den Schattengängen der Kuranstalt studierte, meinen besten Dank. Schreiben Sie mir, ob Sie Karataev's Abhandlung über Sweipolt Fiol kennen.[1] Wie ich aus den Wiener Blättern erfahre, hat am 4. Juli Miklosich eine Abhandlung Golowatzkijs über denselben Krakauer Buchdrucker zum Abdruck in den Sitzungsberichten der Akademie vorgelegt.[2] Über diesen Herrn in Wilna sprach nicht sehr günstig ein anderer Bewohner Wilnas, den ich auf der Reise von Wilna zum Gefährten bis Grodno hatte. Es war dies Александр

Порфирьевич Владимиров, dem ich eine köstliche Volksetymologie des Wortes verdanke, das man aus ἄσβεστος herzuleiten gewohnt ist. Auf der Wolga hat er gehört, wie man von извязные oder извязные барки sprach und da erfuhr er, daß man den Kalk извязь nenne.

Achten Sie auf das in N 168 zum 20. Juni dieses Jahres in den СПб. Ведомости abgedruckte Referat aus Псков, wo das Wort *заком* vorkommt.

Hiermit muß ich heute schließen. Fals Sie die Adresse von Grot kennen, bitte ich Sie, mir dieselbe mitzuteilen.

Mit den herzlichsten Grüßen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Adresse:
Klobenstein auf dem Ritten bei Bozen (Tirol)
(извязь zu известь ἄσβεστος).

160

1876, 20. jula. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 20 июля 1876 года

Сегодня праздник и я нарочно выбрал этот день, чтобы, неразвлекаемый ничем, ответить Вам, дорогой друг Игнатий Викентьевич, на два Ваши последние письма, и притом ответить обстоятельно и по порядку поставленных в них вопросов.

Насколько я знаю, возвращения Вашего в Одессу желает громадное большинство не только Совета, но и всего Университета; правда, одни (но это немногие) из личных расчетов, другие же все — ввиду тех несомненных заслуг, которые Вы оказали уже и той пользы, которую можете принести науке славянской филологии. Это факт, не подлежащий сомнению и притом дающий полное право утверждать, что при баллотировании в Факультете, и еще более в Совете, Вы получите громадное большинство избирательных шаров, и потому о таком количестве черных шаров, которое могло бы заставить Вас отказаться от избрания, не может быть и речи. Что Вы не повинны в истории о Вашем избрании, поднятой в Совете, это знают все достоверно, точно так же, как знают, что у Вас не было и нет намерения вытеснить Григоровича и помешать Кочубинскому (хотя, конечно, найдутся и такие, которые будут Вам это приписывать) и вот по каким соображениям: прежде всего, предположение об избрании Вас на кафедру славянских наречий явилось после подачи Григоровичем прошения об отставке, далее: Григорович давно, еще до оставления его на пятилетие, говорил, что, как только министерство зачтет ему в действительную службу 2 1/2 года, проведенных им преподавателем по найму в Казанском университете, то он немедленно оставит службу, так как с этим зачетом ему прибавится еще 1/5 доля получаемой им пенсии, а это, при тех сбережениях, которые он сделал в продолжении всей своей службы, не только вполне обеспечит его с материальной стороны, но, что всего для него желательнее, и даст ему возможность уйти из Одессы, чтобы избавиться тех тяжелых семейных отношений, которые существуют между ним и живущими здесь его родственниками. Это самое он повторил недавно мне и жене у себя на квартире, когда мы были приглашены к нему на чай; следовательно, даже Вы, при всей своей щепетильности, можете быть твердо убеждены, что предполагаемое Ваше вступление в факультет не имело ровно никакого влияния на решение Григоровича оставить службу, а что он не отступит от этого решения, это явствует из того, что от него уже поступила бумага с категорическим отказом на просьбу Совета остаться на службе. — Что касается Кочубинского, то, на первый взгляд, некоторым и может показаться, что Вы помешаете ему; но дело в том, что мешать ему Вы вовсе не можете и, отказавшись от кафедры, только дадите возможность другому занять ее. Мих(аил) Павлович говорил, что в случае Вашего отказа, на место Григор(овича) будет предложен Макушев, так как невозможно предмет такой обширной кафедры возложить на еще юного ученого. Притом же, имейте в виду, что и существование двух ординарных профессоров на одной и той же кафедре не представляет ничего невозможного: на других факультетах бывали на одной кафедре не два, а даже три орд(инарных) профессора (Мечников, Ковалевский, и Сеченов по зоологии)[1], отчего же это не будет допущено на факультете филологическом, где свободных кафедр более, нежели на других факультетах, а следовательно и свободных сумм больше? — По словам Мих(аила) Павл(овича), Кочубинский, по приезде, немедленно приступит к защищению диссертации, но не у нас, а в Московском университете; я же думаю, что это немедленно будет тянуться довольно долго, так как, сколько мне известно, диссертация его еще не напечатана.[2]

По изложенным соображениям, я не передавал Мих(аилу) Павл(овичу) содержания Вашего последнего письма, до получения ответа на мое настоящее, которое, прежде чем решите что отвечать, перечитайте хорошенько, имея притом в виду, что в нем нет ни одного слова, которое было бы подсказано сердечным желанием вновь Вас увидеть во что бы то ни стало, а потому и нет в нем ничего, что с намерением представляет дело с лучшей стороны, а не так, как оно есть. Полагаю, что сделаете лучше, если не будете торопиться ответом на известное письмо и присылкой известного заявления. Не дурно было бы, если бы Вы непосредственно написали Мих(аилу) Павловичу о Ваших сомнениях и категорически выразили Ваши желания, дабы предоставить ему возможность, не колеблясь, дать направление делу, согласно Вашему желанию.

Дружески Вас обнимаю; сердечный привет Вашей супруге и поцелуйте деток

Весь Ваш

В. Селиванов

161

[1876, u julu]. A. N. Veselovskij iz Pariza

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич,

Болезнь жены побудила меня изменить мой летний маршрут и помешала повидаться с Вами в Берлине. Пишу Вам несколько строк из Парижа — наугад, потому, во - 1-х, что пишу на фирму Вейдмана и Архива, так как я забыл захватить Ваш адрес; во - 2-х, потому что Вы, быть может, уже не в Берлине? А у меня было к Вам два дела, как Вы увидите из последующего. В следующей книжке Славянского сборника, которая выйдет не ранее октября - ноября, явится моя статья: »Повесть о Вавилонском царстве«[1]. Я получил пока лишь три оттиска; один из них я посылаю Вам, исправленный и дополненный на полях кое-какими новыми сведениями. Если эта статья Вам на что-нибудь пригодится, я буду очень рад.[2]

Кроме того посылаю Вам небольшую заметку об одном болгарском отрывке Александрии. Посмотрите, годится ли.

Спешу в библиотеку, а пока кланяюсь Вам. Мой адрес, в течение 3-х недель: Paris, Rue de Seine, Hôtel du Mont-blanc, chambre N. 7.

Ваш

А. Веселовский

Verte

N. B. Последние строки болгарского текста мне не совсем понятны.

Нет ли у Келера каких-нибудь параллелей к Вавилонскому царству? Я позабыл списаться с ним, когда работал над статьей.

162

1876, 22. jula. P. G. Vinogradov iz Bonna

Бонн, 22 июля 1876

Многоуважаемый Викентий Игнатьевич!

Благодарю Вас и от себя, и от имени В. И. Герье, за Ваши замечания относительно университетского вопроса. Они могут только усилить мнение, что наши университеты нуждаются в совершенно иной организации, нежели германские; и чему же тут удивляться, когда они живут в совершенно другой атмосфере? Относительно одного обстоятельства я хотел бы попросить у Вас объяснения: Вы пишете, что, хотя министр мог бы составить комиссии исключительно из людей, стоящих вне университета, однако он этого не делает, а в числе других назначает и профессоров. Юридически, без сомнения, дело обстоит таким образом. Но фактически, кажется, министр принужден держаться почти исключительно профессоров. По крайней мере, я нашел, просматривая таблицы комиссаров за 1873 и 74 года в Zentralblatt für Unterrichtsverwaltung, что на 100 профессоров приходятся 10 и 12 разных шульратов, директоров и т. п. Факт весьма замечательный — неужели даже в Германии нет возможности составить действительно хорошие экзаминационные комиссии помимо университетов! Может быть, в число »профессоров« попало несколько учителей, носящих этот титул, но, как мне здесь говорили, их весьма немного в комиссиях. Нельзя ли узнать чего-нибудь относительно причины такого явления? В Берлине, впрочем, говорят сравнительно всего больше посторонних элементов, потому что, как мне объяснял один из здешних профессоров, берлинские магнаты важничают. Ваше замечание относительно обязательности всех курсов в наших университетах, к сожалению, слишком справедливо. Это большое зло, против которого, однако, опасно бороться именно теперь, когда угрожает противоположная и гораздо большая опасность. — Вероятно, я пишу Вам в последний раз из Бонна, многоуважаемый Викентий Игнатьевич! В первых числах августа двинусь по направлению к востоку, побываю сначала у наших австрийских друзей в Вене, а потом — домой! В Москве надеюсь увидеть Вас как-нибудь, и желаю, чтобы это случилось как можно скорее. — Пока же, до свидания, не забывайте

Вашего

преданного П. Виноградов

Адрес мой в Москве: Тверская, дом Малькиеля, квартира начальника Московских женских гимназий в Москве. Мой поклон почтенному академику Шифнеру. Еще раз позвольте засвидетельствовать Вам искреннее почтение и благодарность, которые питает по отношению к Вам Ваш покорный слуга

П. Виноградов

163

1876, 5. augusta. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 5 августа 1876 года

Не отвечал Вам, дорогой мой друг Игнатий Викентьевич, так долго потому, что Мих(аил) Павл(ович) уезжал на неделю к себе в деревню и только дня три тому вернулся назад, на дачу.

Вчера я виделся с ним и передал ему содержание последних Ваших писем, на которые он прямо ответит Вам после 15-го августа, т. е. времени, когда съедутся члены Факультета и возвратится Кочубинский. Что касается писем от Вас к тем двум лицам, о которых Вы говорили в Вашем последнем письме, то, по его мнению, которое и я вполне разделяю, они во всяком случае не нужны и скорее могут повредить, чем помочь делу. Поэтому не пишите к старшему пока, к младшему ни в каком случае.[1] Желание Ваше не спешить делом исполнится само собой — ранее открытия чтения лекций и возвращения из отпуска всех преподавателей, что случится только к концу сентября, ничего нельзя будет предпринять. Во всяком случае, когда дело будет настолько подготовлено, что можно будет сказать что-нибудь наверное, то я Вам немедленно сообщу, ранее всех других. А что успех будет и несомненный — в этом я больше нежели уверен, как уверены и очень многие другие.

Советую Вам дружески: бросьте всякие сомнения и опасения, не будьте так щепетильны — и дело увенчается успехом в Вашу пользу, без всякого ущерба интересам других лиц, так как, не забывайте, если не Вы, то другой займет кафедру.

Дамам Вашего семейства сердечный привет, наследника и Вас дружески обнимаю. Весь Ваш

В. Селиванов

164

1876, 12. augusta. V. Cejtlin iz Gomel'a

Гомель, 12 августа 1876 г.

Многоуважаемый господин профессор!

Извините, что до сих пор не исполнил Вашу просьбу, ибо, несмотря на все мои старания, я никак не мог раньше выслать Вам желанную книжку; как Вам несомненно известно, книжная торговля у нас на Руси далеко не в таком порядке, как она находится давно в Германии. Проездом чрез Вильну я остался на несколько дней погулять, и, спросив почти во всех книжных магазинах, не могут ли они мне доставить сейчас книжку, книгопродавцы не только отрицали, но даже признались, что не знают о существовании какого-то автора Петрова.[1] Поэтому я решился написать в Киев и вчера, сейчас по получении из Киева, я отправил книжку, согласно Вашей просьбе, под бандеролью, и покорнейше прошу уведомить меня о получении оной. Если Вам нужны некоторые книги, изволите написать мне, и я буду стараться доставить их Вам, ибо я надеюсь чрез семь недель поехать в Берлин и я возьму книги с собою.

В нашем крае ничего новенького нет; все заняты теперь разрешением южнославянского вопроса и с нетерпением дожидаются ежедневно депеши из Белграда.[2] Имею честь пребыть с глубочайшим почитанием и совершенною преданностью

В. Цейтлин

Адрес мой на обороте

Адрес: Rußland via Eydtkuhnen (?)
студенту Вильяму Цейтлину
в г. Гомель (Могилевской губ(ернии)

165

[1876, u augustu], A. N. Veselovskij iz sjev. Italije

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич,

Ваше милое письмо застало меня в окрестностях Генуи, куда я, по старой памяти, удалился недели на три, чтобы дать возможность жене

покупаться в море и таким образом и себе доставить удовольствие и предписание доктора исполнить. Отсюда я едва ли двинусь куда-нибудь далее, а начну острить лыжи на север.

За дружеский прием, оказанный Вами моим заметкам, большое спасибо.

Пока несколько замечаний:

1. В моей заметке о болгарской легенде Дринова[1] я заметил, если не ошибаюсь (чернового текста нет со мною), что источника этого сказания следует искать в послании Александра В. к Олимпиаде и Аристотелю. Сколько помнится, я сослался на текст Миллера и на известное исследование Цахера. Перечитывая ныне новый труд Rohde (Der griechische Roman und seine Vorläufer, Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1876), о котором я надеюсь дать отчет в Журнале Мин(истерства) Нар(одного) Просв(ещения), я *почти* убедился, что цитовал не совсем точно, и что дело идет о письме Александра к *одной* матери. См. Rohde, lcit. p. 189 Anm. § 5. Хорошо было бы посмотреть, хоть у Миллера, хоть по книге Цахера — кто прав, кто виноват. Полагаю, что я. Как видите, это придирка более библиографического, чем иного свойства; но мне хотелось бы быть точным. Может быть, Вы еще успеете проверить меня.

2. Вторая заметка касается моего Вавилонского царства.[2] На стр. 22, прим. 4, приводится, по поводу Александра Македонского, литература сказочных полетов. — В той же книге Rohde — стр. 180 прим. 1 — сообщено кое-что подходящее по поводу путешествий Синдбада. Может быть, пересмотрев мой текст в указанном месте, Вы найдете нужным прибавить ссылку на Rohde[3], книгу которого Вы, вероятно, найдете в какой-нибудь из берлинских библиотек. А что до легенды о Гроздии, то сходство ее с текстом Вагнера давно меня заинтересовало. Я стал собирать по этому поводу кое-какие параллели; правда, их не особенно много, но я готов предоставить их в Ваше распоряжение, в каком Вам угодно виде: самому ли мне их обработать, или сообщить Вам указания и материал. Все дело в том, что я не знаю, к какому выпуску Вы готовите Вашу заметку, и что со мною не взято ничего из собранного и намеченного. Как быть? Решите сами и сообщите — вместе с другими новостями — по адресу: Regno d'Italia. Pegli presso Genova, Sgre prof. A. Wesselofsky.

Русские корреспонденты меня совсем забыли, журналов нет, книг немного. Как перечитаю все, выберусь отсюда. Хорошо бы мне повидаться с Вами по дороге вспять. Кстати: зимой думаю написать статью-две в Russ. Revue[4] о Ваших исследованиях в области русского эпоса и о книге Rambaud[5]. Вы ничего не имеете против этого плана? Мой поклон Вашей жене. Оба мы Вам кланяемся.

Ваш А. Веселовский

166

1876, 21. septembra. A. A. Kočubinskij iz Praga

Прага, 9/21 76

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич!

Посылку Вашу и оба Ваши письма я имел удовольствие получить.[1] Прежде всего бесконечно благодарю за Ваше доброе расположение ко мне, и за Вашу готовность всегда быть в помощь. Относительно Лескина последую Вашему совету, прося извинение за причиненные моею просьбой Вам хлопоты. Критику прочел с особенным интересом[2]: она написана прекрасно, но немного сердито. Мне трудно согласиться абсолютно с Вашими доводами и результатами. Если, как Вы сами соглашаетесь, что и на почве старославянской глухие ъ, ь своей меной в *о* и *е* весьма подходят к употреблению их в старорусском языке, то этим самым — мысль об особенно важном значении русской вокализации при решении вопроса — об отношении влъкъ — волк, кръвь и кровь — получает весьма значительное подкрепление. Если Миклошич позволяет себе игнорировать такие факты, как кровь и крест, в таком памятнике как Glagolita Clozianus, чтобы только вперетъ все факты языка под один шаблон, то те, которые поступают иначе, как кажется мне, имеют одно преимущество — преимущество бесстрастного отношения к предмету.

Что до полногласия, то рассмотрение лексическое слов наряд* теперь и в старину показывает, что число полногласных форм весьма почтенно и вне русской территории: оно в польском, чешском, словенском и болгарском.[3] Слабая сторона Ф. Миллера[4] — что ему наречия известны главным образом из ручных словарей.

Моя статья к концу идет.[5] В ней я постарался собрать возможно больше материала для сравнительной оценки разнообразной славянской вокализации в сочетаниях r, l и по силе разумения определить значение каждой из этой массы форм.

О Лескине мне давно уже писали[6], что он Slavenfresser — чего нельзя сказать о Шмидте — этим — моя симпатия к Шмидту.

Будьте здоровы. Что нового у Вас — и в мире вне Вас. Я и газет не читаю. Так мне все опротивело, что пахнет политикой. Что будет с славянством[7] и Россией — для меня также вопрос.

Вашей супруге мое глубокое почтение.

Остаюсь Вам преданным товарищем и слугой

А. Кочубинский

167

1876, 22. septembra. M. P. Smirnov iz Odese

Подравляю Вас, почтеннейший Ватрослав Викентьевич, с окончанием Вашего дела[1]; баллотировка происходила пока в Факультете, но в нем-то и заключалась трудность, и если Вы прошли единогласно в

Факультете, то вероятно также пройдете и в Совете. Не могу скрыть от Вас, что мне пришлось выдержать полтавский бой[2] с В. И. Григоровичем, который решительно восстал против Вас, как иностранца, как человека, которого сажают на голову Кочубинского (а он хотел посадить ему на голову Макушева) и вообще как человека ему неприятного и неугодного. К сожалению для него, он сразу поставил дело на официальную ногу, прервав мое словесное предложение требованием письменного; письменное у меня было в кармане и, подав его, я потребовал, чтобы оно было отвергнуто на законном основании, а не на основании »покорнейшей просьбы« В. И.; тогда он удалился и не принимал участия в избрании. Так сей почтенный муж скинул свою, всегда ласковую маску и показал, как глубоко он может ненавидеть. Никакие другие причины не могут объяснить его образа действий: он выходит в отставку, несмотря на просьбу факультета и совета остаться, следовательно, он искренно желает уйти: какое же ему дело, кем будет замещена его кафедра? Чем заслужили Вы его ненависть, я решительно не понимаю; может быть Вы мне объясните. При окончании Вашего дела я должен сознаться, что оно шло медленно, но иначе вести его было невозможно, ввиду выраженного Вами желания войти в университет мирно и без скандала. Мы видели, на что способна ненависть Григоровича; трудно сказать, что мог бы сделать Некрасов, но во всяком случае его нужно было обрабатывать, и Вы будете смеяться, когда услышите об употребленных для того приемах.[3] Некрасову очень захотелось посадить на кафедру философии (Орбинский выслужил 25 лет и вышел в отставку) своего товарища Скворцова, бывшего доцентом в Киевском университете; написав очень слабое представление, он просил Григоровича и меня подписаться под ним, не давая нам даже времени ознакомиться с его сочинениями. Сношения с Киевом у нас постоянные и мы узнали, что Скворцов идиот, заика и своим невежеством возбуждал даже студенческие истории. Собрав такие сведения, я с готовностью подписал представление Некрасова, взяв с него слово, что он не будет препятствовать Вам. Результат был самый блистательный: Скворцова провалили большинством 7 против 6, а Вы избраны единогласно в факультете, и притом на кафедру, которая составляет Вашу специальность. Таков наш мир, действовать прямо часто невозможно, нужно хитрить и идти путем извилистым. Избрание Ваше в совете последует во всяком случае в октябре, и день избрания будет началом Вашей службы, а также и получения жалованья. По моему мнению Вам не ловко получить его, не являясь в Одессу и не вступая в Ваши обязанности; подумайте об этом и постарайтесь возможно скорее приехать. Препятствий Вам более не будет: я уверен в Совете и знаю, что попечитель и министр Вас желают, следовательно, Вы можете рассматривать себя как профессор Новоросс(ийского) унив(ерситета); я опасаюсь только одного: пожалуй В. И. пошлет в Берлин своих эмиссаров и они убьют Вас.

Теперь два слова о моей неаккуратности в переписке; она объясняется во 1), что долго не было ничего решительного, что бы следовало сообщать Вам, а во 2) и тем, что у меня действительно мало времени:

с июня месяца я исправляю должность ректора, оставаясь проректором и профессором, а теперь придется присоединить еще и должность попечителя; к тому же здоровье изменило и, кроме того, были обстоятельства, отвлекавшие мое внимание от прочих моих обязанностей. Надеюсь, что, сообразив все это, Вы не упрекнете меня в лености, тем более, что в лице Селиванова Вы имели усердного корреспондента, чрез которого я не раз передавал Вам некоторые сведения. Многое еще хотел бы рассказать Вам, но подожду Вашего приезда и тогда наговоримся.

Вторично поздравляя Вас, прошу верить душевной преданности уважающего Вас М. Смирнова.

Моя жена и я свидетельствуем свое почтение Сидонии Петровне и посылаем наш привет знакомой нам Станичке и незнакомому Николаю. Кажется, будем воевать.

Одесса
22 сент(ября) 1876

168

1876, 26. septembra. A. F. Byčkov iz Petrograda

Милостивый государь Игнатий Викентьевич.

По получении Вашего письма я принялся за отыскание Сербской летописи, о которой покойный А. Ф. Гильфердинг упомянул в своем сочинении: Босния и Герцеговина (полн. собр. сочин. т. III, стр. 189)[1], и чрезвычайно доволен, что нашел ее в числе рукописей, купленных Императорскою публичною библиотекою после его смерти. Рукопись хранится теперь в Библиотеке под знаком F, XVII, N 36 и представляет отрывок из объемистого некогда сборника, в котором было 65 тетрадей (в 64-х тетрадях по 8-ми листов в каждой, а в последней 2 листа) или 514 листов. В настоящее время от этой рукописи в библиотеке находится только 14 листов: полная 63-я тетрадь, 4 листа 64-ой (четырех листов из этой тетради недостает) и два листа последней 65-й. В сохранившемся отрывке, писанном уставом угро-влахийского письма в начале XVI века, имеются три статьи[2]: а) *Михаила сиггела іерусалимскаго, Поведание вь кратце како и коего рады* $\bar{о}^{т}$ *лоучише се* $\bar{о}^{т}$ *нас Латины и изврьжение бышe* $\bar{о}^{т}$ *прьвенства своего и* $\bar{о}^{т}$ *книгь поменныхь идеже пишутсе православны патриарси.* Эта статья, вместе с греческим подлинником, напечатана у Андрея Попова в его соченении: Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против Латинян[3] (стр. 136 — 142). Конец статьи в рукописи не дописан и она перерывается на словах: *о православнемь знамении истезань бывь*, после которых следуют две небольшие заметки: *о еже что есть аллуиа* и *о еже что есть аминь.* Текст статьи Михаила сиггела, находящийся в рукописи, ближе подходит к греческому подлиннику, чем тескт, напечатанный Поповым. б) Вторая статья (об. л. 4) есть *Житиа и начелства Срьбскых гсдь* . . . Я ее списал Вам всю[4], за исключением места, сходного с Копривницкою

летописью, и места, напечатанного Гильфердингом. Я должен сказать, что текст нашей рукописи исправнее текста, напечатанного Шафариком[3], и иногда его исправляет. Если Вы найдете нужным иметь и ту часть летописи, которую я выпустил вследствие сходства с напечатанною Шафариком, то по получении от Вас известия не замедлю ее для Вас списать;

в) наконец третья статья (л. 13) носит заглавие: *О патриарсехь земле Срьбскые.* Привожу из нее те сведения, которые не нашел у Голубинского (Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской). Также *Ибаникыи сты иже лежить цель вь Сопокианех.* И посемь *сты Еустатѳіе иже и доныня подаваеть исцеление* . . . и по сыхь *сты никодимь иже и црквь сьзда стго Димитриа вь патриарш. идеже и стые мощи его лежеть вь ковчезе* . . . И по сых всехь *сты Ефрем и(же) оставлеаеть престоль и на безмлъвие* $\bar{о}^{т}$*лучаетсе.* Список оканчивается Спиридоном.

В. И. Григорович на днях уволен от службы; с его выходом становится вакантною кафедра славянских наречий. Я полагаю, что Вам не мешало бы о себе напомнить Вашим бывшим сотоварищам по Новороссийскому университету[5]. Быть может они найдут полезным для университета снова иметь Вас в числе преподавателей. Буду очень рад если сведения, заключающиеся в моем письме, Вам к чему-либо пригодятся.

За присылку Ваших брошюр, еще мною не полученных, благодарю заранее; надеюсь найти в них, как и во всех Ваших статьях, много любопытного и поучительного.

Покорнейше прошу принять уверение в моем к Вам глубоком уважении и преданности.

А. Бычков

26 сентября 1876

169

[1876, pod jesen]. A. N. Veselovskij iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич,

А. Н. Пыпин просил меня обратиться к Вам с вопросом, на который Вы легче всего можете дать ответ: какими путями и через какую книгопродавческую фирму можно получать в Петербурге хорвато-сербские издания? Через здешних немцев нам не добиться. Ответом Вы одолжите и его и меня; Пыпин готов тотчас выслать деньги, чтобы получить, на первый раз, следующие книги:

1) Отаџбина 1875, №, где Ваша статья »Сведочанства о сербских народных песнях«.

2) Andr. Kačića, Razgovor ugodni naroda slovinskoga, издание загребское 1862 (или 1864) года, сделанное по поводу 100-летнего юбилея Качича.

3) Ст. Новаковича »Песни о Косовской битве«, последнее издание.

Ваш
А. Веселовский

170

1876, 1. oktobra. F. A. Schiefner iz Praga*

Prag, den 1. Oktober 1876

Hochgeehrter Freund!

Ihr geehrtes Schreiben vom 12. September kam mir am 18. in Venedig zu, wo ich bis zum 23. blieb und dann über Triest nach Wien eilte. Daselbst hatten wir ebenso wie schon zu Anfang des Monats zu Bozen die große Freude, fast täglich mit unserem verehrten Miklosich zu verkehren, der uns noch bei der Abfahrt aus Wien durch sein energisches Auftreten gegen einen gaunerischen Geschäftsmann einen wesentlichen Dienst erwies. Hier langten wir gestern früh an und trafen den jungen Slawisten Robert Brandt, der sich nicht entschließen kann, nach Berlin zu ziehen, sondern hier im Böhm. Museum während des Winters die Bibliothek benutzen will. Wir bleiben bis Montag abend oder Dienstag früh und gehen dann unsere besonderen Wege, meine Frau und Tochter über Chemnitz nach Frauenberg, ich nach Dresden, um mit Georg von der Gabelentz zu sprechen; Mittwoch früh oder — wahrscheinlicher — nicht früh hoffe ich in Berlin zu sein und falls es Ihnen nicht ungelegen ist, nehme ich Ihr gütiges Anerbieten eines Obdaches an[1], umso mehr, als ich in den ersten Tagen für meine Frau und Tochter ein Zimmer in einem Gasthofe ausfindig machen und dann noch einen Ausflug nach Fürstenwalde zu einem blinden Freunde, dem Dr. Uttech[2], der Buchhändler daselbst ist, machen muß. Prof. Johannes Schmidt, der sich in Wien mit Miklosich ausgesprochen hat, ist vorläufig nach Weimar gegangen und war wohl bald bei Ihnen in Berlin. Sollte ich Ihnen irgendwie ungelegen kommen, so senden Sie mir eine kurze Notiz nach Dresden, Leibnitzer Strasse 1, I bei Assessor Georg von der Gabelentz.

Joh. Schmidt und Frau waren, als wir anlangten, schon auf reisendem Fuß, deshalb haben wir uns in Wien nicht sprechen können.

Herzliche Grüße an die lieben Ihrigen

von Ihrem Ihnen ergebenen
A. Schiefner

Verschiedene Briefe und andere Sendungen auf meinen Namen werden wohl schon angedeutet haben, daß ich bald erscheine. Da ich in früheren Jahren bei Lepsius gewesen bin, so werde ich Ihre Wohnung ohne Schwierigkeit finden, sodaß ein Abholen vom Bahnhof unnötig wird, umso mehr, da ich die Stunde der Ankunft nicht bestimmen kann.

171

1876, 2. oktobra, F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 2./14. Oktober. 1876

Hochgeehrter Freund!

Gestern vor 12 Uhr langten wir wohlbehalten hieselbst an, und ich konnte schon gestern abend Ihnen eine Zeitungsnummer als Lebenszeichen

senden. Heute sage ich Ihnen nur nochmals den herzlichsten Dank für Ihre Aufnahme. Es drängt mich die Zeit, und ich kann heute nur noch berichten, daß Wiedemann und Frau sich sehr über Ihre Grüße gefreut haben. Meine Frau und Tochter schließen sich mir mit ihren herzlichen Grüßen an Sie, Ihre liebe Frau und Kinder an. Das russ. Presse-Blatt u. s. w. sende ich umgehend.

Dankbarlichst

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

172

[1876, 7. oktobra]. V. I. Selivanov iz Odese

Berlin Telegramm
Odessa 751 19 197 n th = berlin bendlerstrasse 17
herrn professor jagić — in dem rate auch erwählt plus 20 — 4.
weiter brieflich — selivanoff

173

1876, 7. oktobra. N. P. Kondakov iz Odese

Одесса, 7 окт(ября) 76

Высокоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

О радостном и блестящем успехе Ваших выборов уже пошла телеграмма[1]: не замедлит и утверждение, так как, по словам попечителя, министр сам не находил ничего лучшего для славянской кафедры, как выбрать именно Вас.

Остается, следовательно, одно: получить Вас как можно скорее, о чем и я хочу Вам написать. Не посетуйте на меня за то, что я осмеливаюсь говорить с Вами об этом, после того как Вы мне писали отрицательно. Это письмо Ваше я доселе никому не сообщал, опасаясь, чтобы не возникли разговоры несвоевременно. Но нынче я уже сообщил его содержание разным лицам из Совета вообще и факультета в частности. Все желают чтобы Вы приехали скорее, и если уж нельзя в это полугодие, то находят, что Вам возможно было бы сократить семестр в Берлине и приезжать в январе или, по крайности, в феврале. Что касается Вашего желания отдохнуть, столь естественного и всем понятного, то Вы всего удобнее можете получить здесь более ранний отпуск или командировку. Но быть утверждаемым, как Вы желаете, нельзя: уже идет о Вас представление. Но если бы Вы остались в Берлине этот семестр, то придется, конечно, особо вести дело о жалованье и сроке его назначения.

Без всякого сомнения, Вы поверите мне, что я представляю Вам дело Вашего поступления по совести и по искреннему своему убеждению, а не по каким-либо личным расчетам. В нынешнем году я

баллотироваться не буду, и мои выборы, равно как и сдача диссертации будут следующие годы. Затем я и справлялся предварительно и обиняком, и только, действительно убедившись, что Вам неловко будет не приехать в нынешнем году (хотя бы с февраля или марта), решаюсь Вам об этом писать. Впрочем, так как я дорожу Вашим переходом и удобствами здесь более, чем какими-либо другими соображениями и обстоятельствами, то я буду хлопотать и в ту сторону, в какую Вы захотите.

У нас в факультете теперь опять стало хорошо.

Прошу Вас написать мне и возможно подробнее, чтобы, если понадобилось, я мог бы услужить Вам, как требуется.

С искреннею преданностью и уважанием

Ваш

Н. Кондаков

Поклон Вашей супруге
и Станочке.

174

1876, 8. oktobra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 8-го октября 1876 года

Из вчерашней моей телеграммы Вы знаете, дорогой Игнатий Викнтьевич, о блестящем результате Вашего баллотирования в Совете университета на кафедру славянских наречий, в звании ординарного профессора; говорю блестящий результат, несмотря на то, что из 24 голосов, четыре были против Вас, а двадцать за Вас, потому собственно, что сами цифры доказывают это, а, во-вторых, и потому, что уверен, что и этих 4-х черных шаров не было бы, если бы Ваша баллотировка не совпала с баллотировкой на 5-летие Карастелева, которого не выбрали, и приятели которого, озлобившись за это, положили бы черняка[1] и отцу родному. Теперь Вы видите, что все что я писал Вам сбылось и опасения Ваши были напрасны, как напрасны опасения, чтобы Григорович не помешал Вашему утверждению со стороны министра. По этому поводу я на днях говорил с попечителем, который поручил мне, во-1-х передать Вам поклон, и искреннее его удовольствие, что одна из важнейших кафедр Факультета будет иметь представителем именно Вас, а не кого-либо другого, далее он просил передать, что при свидании нынешним летом с министром народного просвещения и, когда на вопрос последнего, кем университет думает заменить Григоровича, попечитель назвал Вас, то министр выразил свое полное удовольствие, сказав, что он на оставление Вами службы в Новороссийском университете всегда смотрел с сожалением, и что очень рад Вашему возвращению, и в особенности тому, что Вы займете такую существенно важную кафедру, как кафедра славянской филологии, а не кафедру сравнительного языкознания, которая, по его мнению, есть уже роскошь

для филологических факультетов. Из этого видите, дорогой мой, что никакие Викторы Ивановичи и никто не может повредить Вашему утверждению, так как лицо, от которого это зависит, высокого о Вас мнения, как об ученом — по преимуществу — слависте. — В настоящее время все дело только за Вами, потому что сегодня уже пошло представление попечителю о Вашем утверждении, которое много-много чрез три недели и получится, и, следовательно, Вам надо понемножку собираться в дорогу к нам в Одессу, куда я Вам советую приезжать поскорее, так как, между нами, этого желают все и это лично для Вас крайне необходимо.[2]

Более подробно по этому предмету напишет Вам Никодим Павлович. Смирнов удивляется, что Вы до сих пор не отвечали на его письмо.

Дружески обнимаю Вас; до скорого свидания!

Весь Ваш В. Селиванов

175

1876, 10. oktobra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 10 октября 1876 г.

Милостивый государь Игнатий Викентьевич.

Я только что вернулся от г-на попечителя Одесского учебного округа[1], по поручению которого и пишу Вам настоящее письмо, так как сам он в постели и не может непосредственно отвечать на Ваше к нему письмо.

Просьба Ваша о зачтении на пенсию прежней Вашей службы в Новороссийском университете по закону должна быть и будет исполнена, и года, проведенные Вами в нашем университете, будут причислены ко всей Вашей последующей службе в России. Что же касается зачтения на пенсию времени, проведенного Вами на службе по учебному ведомству в Австрии и Пруссии, то ходатайство об этом может быть возбуждено только тогда, когда Вы будете состоять на русской службе, ибо раньше этого г-н министр не имеет права и не может вносить на усмотрение государя императора Вашей просьбы. Что касается ее исхода, то и сомнения быть не может в удовлетворительном ее разрешении; в этом должно Вас убедить то, что подобная же просьба со стороны проф. Богишича не встретила никаких затруднений к ее исполнению и, кроме того, г-н попечитель дает Вам слово, что раз Вы на службе в Новороссийском университете и вошли к нему с такой просьбой — он гарантирует ее исполнение.

Приветствуя с особенным удовольствием Ваше возвращение к нам, г-н попечитель выразил надежду и желание увидеть Вас в возможно скором времени, чтобы лично передать Вам как это, так и уверение, еще раз, что означенная просьба к нему от Вас, как от профессора Новороссийского университета, не встретит никаких препятствий к ее удовлетворению.

Исполняя настоящее поручение его превосходительства, прошу принять уверение в отличном уважении и совершенной к Вам преданности

Вашего покорного слуги

В. Селиванов

176

1876, 11. oktobra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 11./23. Oktober 76

Hochgeehrter Freund!

R*

Neulich sprach ich einen bekannten Geschichtsforscher, der mit dem Fürsten Pawel Petrowitsch Вяземский bekannt ist; als ich ihm erzählte, daß letzterer sein Werk über das Igorlied zugesendet habe[1], sagte er mir, Вяземский verehre Miklosich als den ersten Slawisten unserer Zeit; überall habe er bei ihm, d. h. in seinen Werken, Rat gefunden, während die einheimischen Forscher ihn im Stiche ließen.

Beiliegend meine Notiz über шарманка[2]. Herzliche Grüße an Ihre liebe frau und Kinder von uns allen und die besten Wünsche

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

177

1876, 17. oktobra. N. A. Popov iz Moskve

Многоуважаемый приятель!

С чувством удовольствия прочел Вашу прекрасную и столь подробную статью о литературе по языку, словесности древностей славян(ских)[1]. Экземпляр Архива, высланный Вами для Комитета, получен (все три выпуска 1-го тома).

Мы имеем здесь известие, что Вас опять приглашают в Одессу профессором: примете ли Вы это предложение?

Преданный Вам

Нил Попов

Москва
17/29 окт(ября) 76 г.

178

1876, 22. oktobra. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 22 октября 1876 года

Едва нашел сводобное время, дорогой Игнатий Викентьевич, чтобы ответить Вам на письмо от 10-го октября, так как в последнее время

накопилось столько занятий, что я не только весь день, но и по ночам занят работою. — Буду отвечать по порядку поставленных вопросов.[1]

До истечения 20 лет службы никакой пенсии не полагается по закону ни профессору, ни его семье, но до истечения этого срока, на случай смерти профессора, семейству выдается пособие в размере годового жалованья; после же истечения срока (20 л(ет)), если профессор оставляет службу, то пользуется половинной пенсией, которая после его смерти производится его семье. Что это правило не строго соблюдается и бывают исключения — доказывает Вам пример Войтковского, получающего пенсию, но не выслужившего установленного срока. Затем за 25 лет службы полагается полная пенсия, остающаяся по смерти профессора за его семейством. Право беспошлинного провоза Ваших вещей всецело остается за Вами, так как Вы не можете быть иначе рассматриваемы, как иностранный ученый, приглашаемый в Россию, а, след(овательно), имеющий право ввезти имущества на сумму пошлины до 900 р, на то, что в § устава, которым это разрешено, стоит фраза »при первом въезде в государство«, не следует обращать внимания, ибо это, по моему мнению, относится к тем преподавателям, из иностранцев, которые, приехав из-за границы на службу в Россию и, состоя на оной, выехали вновь заграницу и возвращаются к месту служения в Россию. Да, наконец, допустив даже, что это постановление касалось бы и Вас, то и в таком случае не беда: чрез попечителя, я полагаю, это устроится отлично; кроме того, я даже больше нежели уверен, и вопрос об этом не будет поднят.

Собственно университетских новостей нет; городских же и преимущественно политического характера такая масса, и притом до такой степени разнородных, что в этом отношении лучше всего делать, как делаю я — т. е. верить только правительственным извещениям и телеграммам; я до такой степени следую этому, что даже не верю полученной здесь вчера вечером телеграмме от русского телеграфного агентства о согласии Порты на двухмесячное перемирие и занятии румынскими войсками местности между Турн-Северином и Кладово.

Попечитель уже встал с постели и я на днях с ним виделся; причем он мне поручил передать Вам, что он в таком только случае не исполнит Вашей просьбы о зачтении Вам в выслугу на пенсию времени, проведенного Вами по учебному ведомству в Австрии и Пруссии, если умрет до получения о том просьбы от Вас, как от лица, состоящего уже на русской службе и притом лица, находящегося в кругу его ведомства; причем он оговорился, что и в последнем случае (т. е. на случай его смерти) Вы имеете полное основание рассчитывать на успех просьбы; в этом Вас должно убедить то отличное мнение, которое имеет о Вас министр и, кроме того, то обстоятельство, что это одна из таких льгот, которые всегда предоставляются иностранным ученым, прибывающим в Россию.

Знаете ли что мне пришло в голову? Было бы очень недурно, если бы Вы на рождественские праздники приехали в Одессу, чтобы лично

обо всем переговорить, устроить все и устранить всякие недоразумения. Одно только жаль, что это будет дорого стоить, а то, право, было бы очень хорошо: Вы, по крайней мере, ни о чем бы не беспокоились.

Жена передает Вам и Вашей семье поклон, которой засвидетельствуйте и мое почтение; дружески обнимаю Вас

Весь Ваш

В. Селиванов

179

1876, 24. oktobra. A. F. Byčkov iz Petrograda

Милостивый государь Игнатий Викентьевич.

Ваше последнее письмо застало меня в постеле, в которую я был положен простудою. Теперь мне несколько легче, и я поспешаю принести Вам искреннюю благодарность за присланные Ваши труды, из которых еще не оконченный »О сербских летописях« обещает много любопытного и нового.[1] Он появляется в тяжелое время для сербского народа, когда к старым летописным сказаниям, написанным кровью и слезами, прибавляется еще несколько новых кровавых страниц. С какими неимоверными усилиями и жертвами приходится членам славянской семьи завоевывать самостоятельность, однажды ими утраченную. Впрочем, в этом, быть может, лежит признак живучести и исторического призвания племени.

Душевно радуюсь состоявшему выбору Вас в профессора Новороссийского университета; но полагаю, что лучше было бы теперь не предлагать разного рода условий, которые могут только усложнить и затруднить дело[2]. Зачисление Вашей профессорской службы, как настоящей, так и прошедшей, для выслуги на пенсию представит, чего доброго, в настоящее время непреодолимое препятствие, которое впоследствии, когда Вы были бы на кафедре, легко могло быть устранено и Вы получили бы желаемое. Поднесение министру народного просвещения от Вашего имени первого тома издаваемого Вами журнала я охотно принимаю на себя, точно также, как и замолвить перед ним доброе слово о Вашем условии и обстоятельствах, его вызывающих. Варианты к копривническому тексту летописи я сообщу, быть может, даже прежде, чем получу от Вас окончание статьи.[3]

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы засвидетельствовать Вам мое глубокое уважение и совершенную преданность

А. Бычков

24 октября 1876

180

1876, 30. oktobra. N. A. Popov iz Moskve

Многоуважаемый приятель!

С. М. Соловьева нет теперь в Москве: с 14 сентября он заседает в Петербургской комисии по пересмотру университетского устава. Когда

кончатся эти заседания, неизвестно. Во всяком случае русские университеты будут со временем подчинены какому-то новому чину и порядку ..

Что касается меня, то, смотря на предложенный Вами вопрос с ученой точки зрения, думаю, что Вы полезнее для славянской науки в Берлине, чем в Одессе[1], которая теперь трепещет пред возможностью войны. Думают так вероятно и другие, беспристрастно относящиеся к делу. О книгах для Вас позабочусь на свободе, т. е. не ранее святок. Тогда напомните.

Преданный Вам

Нил Попов.

30 окт(ября) 76 г.

181

1876, 22. novembra. P. I. Žiteckij iz Kijeva

Киев, 1876 г., ноября 22 д(ня)

Глубокоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Душевно благодарен Вам за две Ваши книги, которые я получил месяц тому назад из библиотеки университета.[1] После закрытия Киевского отдела географического общества, печально-поучительное значение имеют те строки в Вашем библиографическом обзоре, в которых Вы коснулись деятельности покойного отдела.[2] Теперь уже на малорусском поле Вам обозревать будет нечего.

Вот разве в январе будущего года появятся Записки археологического съезда. Первые два тома уже готовы. Атлас тоже готов. Оканчиваются приложения. Теперь составляются протоколы. Будьте добры, не поставьте себе в труд — описать для протокола хоть в десяти строках содержание Вашего реферата »О фотографических снимках с глагольских рукописей«.[3] Стенограф никаких следов не оставил, — я же лично боюсь переврать, так как время изгладило из моей памяти многое.

Первый том трудов Максимовича вышел из печати (более 700 страниц).[4] Второй уже подобран. По случаю внезапной кончины географического отдела третий том будет печатать церковно-археологическое общество, существующее при Духовной академии. 1-й том будет Вам послан. Не замедлю также выслать »Записки археологического съезда«, как только выйдут из типографии.

Примите уверение в искреннем уважении Вашего покорного слуги

П. Житецкий

Адрес мой: Учителю Военной гимназии, Павлу Игнатьевичу Житецкому

182

1876, 4. decembra. M. P. Smirnov iz Odese

Почтеннейший Ватрослав Викентьевич, сегодня я подписал бумагу, извещающую Вас о последовавшем от министра н(ародного) пр(освещения) утверждении Вас в должности ординарного профессора и, вместе, приглашающую Вас явиться в место служения в поверстный срок. Вам вероятно известно, что этот срок рассчитан по 50 верст в сутки; мне очень хорошо известно, что Вы не можете прибыть в такой срок, но тем не менее я подписал и отправил бумагу, получив которую, Вы должны будете дать отзыв, в котором объясните, к какому времени думаете Вы приехать в Одессу. Ваше намерение, войти в предварительное соглашение о зачислении Вам известного числа лет в службу, с русской служебной точки зрения одобрено быть не может, вследствие чего попечитель и ответил Вам, что он не находит возможным ходатайствовать о том перед министром; тем напраснее Вы это делали, что, как Вы знаете, подобные просьбы всегда уважают, у нас много профессоров, которые ходатайствовали о том же и имели полный успех; выставлять же это условием перехода, особенно после состоявшегося избрания, как-то неловко. Комиссия по пересмотру университетского устава, как слышно, уже окончила свои занятия. Все остается более или менее по старому, изменения не значительны, мы даже хорошо не знаем, в чем они заключаются, число кафедр на нашем факультете доведено до 23, проектируется новая кафедра энциклопедии филологии, число профессоров классиков будет шесть, по всеобщей истории — три, по русской — два, по Вашему отделу — неизвестно. Если при таком многочисленном составе мы не будем ссориться, то будем господствовать в Совете. Баллотировка по истечении 25-летия уничтожается, не желающий служить более получает 2400 р(ублей) пенсии, желающий может остаться без баллотировки еще на 5 лет, по истечении которых дожен удалиться с пенсиею в 3000 р. Все это, конечно, только предположения, для осуществлений их нужно многое и не такие политические обстоятельства, как теперь.

Я продолжаю надрываться в исполнении должностей ректора, проректора, профессора и даже частью попечителя, так как Голубцов[1] болен и часть своих обязанностей возлагает на меня. Леонтович же неизвестно где, потому что комиссия уже покончила свои занятия, а он все еще отсутствует; не бежал ли он в Турцию? Григорович переехал на жительство в Елисаветград[2], ругает университет и говорит, что он не хотел выходить в отставку, но его выгнали. Как Вам это нравится? В Совете нашем полное смешение партий; не угадаешь, кто с кем, зато все члены сделались до нельзя красноречивы и все говорят очень много, но только все различное, так что председателю крайне трудно резюмировать высказанное.

Надеясь скоро получить Ваш ответ, прошу верить искреннему уважению со стороны

преданного Вам М. Смирнова.

Жена и я приветствуем Сидонию Петровну и Ваших деток.

4 декабря 1876 С наступающим праздником!!!

183

1876, 9. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 9./21. Dezember 1876

Hochgeehrter Freund!

Ihr lieber Brief vom 18. d. M. ist erst seit heute früh in meinen Händen[1] und schon antworte ich Ihnen; hauptsächlich deshalb, weil ich es schon seit mehreren Tagen vorhatte.

Wegen der Linden[2] habe ich soeben an unseren Botaniker, Karl Maximowicz geschrieben und werde Ihnen, sobald die Antwort erfolgt ist, darüber Bescheid geben.

Nachdem mir Grot persönlich über Sie berichtet und ich darauf Ihren lieben Brief erhalten hatte, schrieb ich sofort an Prof. Albrecht Weber und auch an Hehn, um beide zu veranlassen, Schritte zu tun, daß man Sie nicht von Berlin fortlasse. Ich machte Weber den Vorschlag, dahin zu wirken, daß man Sie in die Akademie wähle und ermunterte auch Hehn, bei den Mitgliedern der Akademie, die er kenne, dahin zu arbeiten. Hehn hat mir nicht geantwortet, Weber erst vor einigen Tagen und sein Brief war es, der mir den Gedanken gab, Ihnen jetzt zu schreiben. Bei aller Freundschaft Webers für Sie scheint er in dieser Sache nichts machen zu können, da die Akademie, wie er schreibt, nur eine Vakanz hat und diese Dillmann[3] zugedacht ist.

So angenehm es nun auch wäre, Sie und die slawischen Studien in den Kreis der Berliner Akademie gezogen zu sehen — vertrat doch einst Leonard Frisch[4] auch dieses Fach an derselben Akademie — so glaube ich doch, daß Sie, wenn diese Berufung auch nicht jetzt erfolgen kann, dennoch besser daran tun, an der Spree zu bleiben. Sogar meine Frau, welche keine Sympathien für so manches an der Spree hat, ist in diesem Fall ebenfalls meiner Ansicht. Doch davon sprechen wir mehr, wenn Sie im März zu uns kommen und zwar, wie bereits abgemacht ist, direkt vom Bahnhof zu uns vorfahren, um in einem Zimmer, das Ihnen ganz bequem liegen wird, abzusteigen und Ihren Studien obzuliegen, wobei Ihnen die Nachbarschaft unserer Bibliothek wohl sehr erwünscht sein muß und Ihnen auch das, was ich habe, zunächst zu Gebote steht. Nur melden Sie einige Tage vorher, wann wir Sie erwarten dürfen.

Übrigens habe ich Ihren Namen nicht in den Zeitungen gelesen; allein, was ich sehe, ist nur ein Minimum von dem, was erscheint.

Es freut mich sehr, daß Sie meine шарманка haben aufnehmen können[5].

Vor einigen Tagen sandte ich an Miklosich drei Werke des Archimandriten Amphilochij, sein Данилов Монастырь zu Moskau. Miklosich hatte

mich beauftragt, hieselbst den Струмичкий Октоих aufzutreiben. Als mir das nicht gelang, bat ich den Archimandrit(en) Амфилохий, mir ein Exemplar zuzustellen und den Preis hinzuzufügen. Da sandte er den genannten Октоих, zweitens, den ersten Teil des von ihm herausgegebenen altslavischen Psalters, drittens die Beschreibung Воскресенс(кой) рукоп(иси) Н(ово)ерусолим(ской библиотеки) (Faksimile), welches Werk erst kürzlich erschienen ist, und zwar alles *gratis*[6]. Von Miklosich dürfe er kein Geld nehmen, sondern nur Werke zum Austausch . Sollten Sie diese Werke noch nicht haben, so wäre es so übel nicht, ihm nach Moskau zu schreiben. Er könnte die Werke dann ebenfalls an mich senden, da alle direkten Sendungen ins Ausland diesen Herren wegen der Deklarationsschreiben unbequem sein dürften. Wenn ich nicht irre, hat er das letzte Werk Срезневский dediziert,[7] der sich nachträglich erbot, ihm zu schreiben, als ich es schon getan hatte. Adresse: Его Высокопреподобию Архимандриту Амфилохию в Москву
В Даниловом Монастыре

Sie nennen Grots Abhandlung über den Кремль[8]. Ich bat ihn neulich in Grimms Wörterbuch den Artikel *Kram* zu lesen. Захаров in seinem Mandschu-Wörterbuch bringt das Wort mit dem Mandschu *keremu* »Bastion, Zinne« in Zusammenhang; mongolisch heist die Mauer *kerem*, türkisch die Dachpfanne keremid (aus dem Griechischen), *kir* im Armenischen der Kalk, allein ebenso heisst in Baku das Erdpech.

Heute kam ein Brief aus Reval, in welchem ein Bekannter meldet, dass Dr. Haag in diesen Tagen nach Zürich geht, wo seine Frau in einer Klinik untergebracht ist und sehr leidend zu sein scheint. Haag war es, der sich bei mir nach Grots Aufsatz über den Kreml erkundigt hat.

Ich weiß nicht, ob Sie Ihr Weg in die Karlstrasse 11, Friedländer & Sohn, führt. Kommen Sie in die Nähe, so fragen Sie gütigst, ob die Herren meine Korrespondenzkarte mit dem Auftrage mir Bouguer, Traité d'optique, Paris 1770[9], unter Kreuzband *versichert* zu senden, erhalten haben. Falls die Herren das Buch nicht haben, möchte ich doch eine kurze Notiz erhalten.

Nun noch herzliche Grüße an Sie, an Ihre liebe Frau und Ihre lieben Kinder von uns allen; auch Baumanns erinnern sich Ihrer gern.

Morgen habe ich viele Leute im Hause, da der Geburtstag meiner Frau ist.

Schließlich fällt mir ein, daß sich zu Ende des Blattes ein Glückwunsch zum Weihnachtsfeste gut ausnimmt; empfangen Sie auch diesen von

Ihrem Ihnen ergebenen
A. Schiefner

P*

184

1876, 14. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 14./26. Dez(ember) 1876

Hochgeehrter Freund!

Ich sende Ihnen auf beiliegendem Blatt die Mitteilung meines Kollegen C. Maximowicz über die Linde.[1] Ich habe, weil Trautvetters Buch schwerlich

in Agram sein dürfte, die nötige Seite kopiert. Gern hätte ich mir das Zitat aus Двигубский' Магазин Естественной Истории, 1826 III, kopiert, es fehlt jedoch auf unserer Bibliothek an der betreffend(en) Zahl. Freilich ist alles das nicht dasjenige, was er zuvor in Agram suchte. Eines dürfte feststehen, daß es Lindenschänder und Lindenschinder gegeben hat und noch jetzt gibt. Heute sagte mir Maximowicz, daß ihm sonst nichts bekannt sei.

Mit herzlichen Grüßen an die lieben Ihrigen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

185

1876, 17. decembra. I. I. Sreznevskij iz Petrograda

17 дек(абря) 1876

Случайно мог я достать оттиск книжки университетского акта 1849 г., где в первый раз напечатаны мои Мысли[1], и посылаю их Вам в вечную и потомственную собственность. Примите ее как знак желания моего исполнить желание Ваше и пожалуй — еще как библиографическую редкость — от того отдаленного времени, когда я был молод и рьян, чуть не вдвое моложе, чем теперь, и почти на столько же смелее и неосторожнее.

Вашего прекрасного Архива я получил доселе только две книжки, очень поскорбел, что не получил третьей, когда увидел все три в одной общей обложке в числе книг, присланных в университет от Исакова для просмотра, а тоже и позавидовал А. Н. Веселовскому, у которого увидел Ваше библиографическое обозрение в отдельном оттиске. Хочу надеяться, что получу от Вас то и другое. Во всяком случае желаю Вам полнейшего успеха с Архивом.

Женился и старший сын мой, Володя, почти в одно время с тем, как у Вячи явился на свет божий еще один сын. Оба они Вам кланяются. Диссертация Вячи — о псалтыри[a] — все еще не напечатана: остается немного, а все еще остается. Третий сын мой, Боря — студент математик 2-го курса и занимается прекрасно, не забывая, впрочем, и музыки также как и Вера, которая Вам известна очень маленькая, а теперь выросла так, что выше всех после[a] скарлатины, которую вытерпела в прошлую зиму[b]. Четвертый сын мой, Всеволод, сделался моим непосредственным товарищем: он работает подле меня в кабинете (чертит карты тех путешествий, которые мы с ним читаем) и, кажется[c], очень доволен этим так же как и я.

Все мы приветствуем Вас, Сидонию Петровну и Станьку с наступающим новым годом.

Ваш, искренно уважающий

И. Срезневский

Окончив письмо, вспомнил, что могу послать Вам и еще оттиски: 1. палеогр. наблюдения и статью о глагол. миссале. Примите их с благорасположением.

SMŽ. [a] как. [b] — после скарлатины, которую вытерпела в прошлую зиму. [c] остается.

186

1876, 22. decembra. arhim. Amfilohij iz Moskve

Милостивый Государь, Г-н Ягич!

Письмо Ваше получил и с удовольствием исполняю Ваше требование.[1] Любящему славянскую филологию всею душою, мало рукописей, находящихся на славянском языке, у Вас в Берлине. Я, как страстный любитель нашей родной славянской филологии, почитаю себя счастливым, что, находясь в Москве, имею под руками много рукописей XI, XII и XIII века. Сейчас попалось мне неполное Евангелие 1092 года, замечательнейшее по тексту, в слишком многих местах лучшему чем Остромирово. Все описания его в 10 дней сделал для себя. Много страниц снял, особенно много заглавных букв, очень похожих на Юрьевское евангелие 1118 — 28 года. Дано было только на 10 дней. Куда после оно от книгопродавца поступит, не знаю. Но я сделал из него все, что нужно для дорогой нашей славянской филологии и вместе палеографии. Описание его у меня будет отдельно, сличенное с 6-ю рукописями XII века, Остромировым евангелием 1056 г. и *Саввиным*, изданным г-ном Срезневским. Сделаю сравнительный словарь. Вот и конец сему труду, если здоровье позволит окончить этот труд, то постараюсь и напечатать, и Вам экземпляр прислать. У меня описание Юрьевского евангелия напечатано 29 1/2 печатных листов, но нужно сделать еще дополнение в 20 листов из Евангелия 1092 года и 5-ти евангелий XII века. Желая от всей души успеха Вашим трудам по славянской филологии, и есть и буду

глубоко и искренно сочувствующий
архимандрит Амфилохий Данилова Монастыря
В *Москве*,
22 декабря 1876 года.

187

1876, 31. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersb., den 31. Dez(ember) 76/12. Jan(uar) 77

Hochgeehrter Freund!

Ich sage Ihnen herzlichen Dank für die mir neulich zugestellte Sendung von Archiv I, 3; es ist dasselbe Heft, das Sie mir in Berlin mitgeben wollten, ich Sie aber bat, es mir durch die Buchhändler zu senden. Nun weiß ich

aber nicht, wer es bei mir abgegeben hat. Denn der Mann hat einen Fehler begangen, indem er von demselben Archiv II, 1, das aber die Aufschrift Dr. Карл Гроту führt, bei mir abgegeben hat. Soll ich dieses Heft an Grot schicken und woher soll ich das mir bestimmte requirieren? Nicht möchte ich Grot seines Exemplars berauben, aber womöglich nicht ohne bleiben.

Heute kam ein Brief vom Archimandrit(en) Amphilochij. Er schreibt mir noch über das Evangeliar vom J. 1092.

В этом евангелии сначала недостает до 24, или до 32-х листов, т. е. недостает до начала Евангелия в неделю Самарянины; в средине и двух местах недостает по тетради в 8 листов, еще в одной тетради только 4 листа а 4-х недостает, пред самым концом листов 2-х недостает. Уцелевших 178 листов в четвертинку величиною. Писано на дурном пергамине преимущественно двумя писцами. — Где означен год неподделной (1092) только одна страница написана этим писцом. Буквы заглавные написаны киноварью и по характеру похожи на буквы Юрьевского евангелия. — Не по плохому письму и по недостаку многих листов, по-моему, важно это евангелие, а по языку и выражениям во множестве не сходным ни с Остромировым, ни со списками XII в(ека), которые я почти все проверил с сентября по сие время. Писец русский, но с древнейших списков списывал. И клочки XI в. дороги, а 178 листов дороже клочков. Здесь, как и в Остромировом евангелии, после пятидесятницы книг Евангелий дневным, в понедельник, вторник и далее. Мною оно все исследовано до иоты, и даже 10 страниц сделано карандашем снимков всех почерков, какие в нем есть, и множество заглавных букв и одну хорошую заставицу. Сам писец верху ее написал: *а то бе заставице*.

Солдатенку и Хлудову[1] было показано, и они не поспешили его приобрести. Солдатенков[2] на мои слова о важности его сказал, что этому евангелию должно быть в общественн(ой) библиотеке, а не в частных руках. Было оно и в Румянцев(ском) музее, здесь и возвращено, по принадлеженстве.

So weit der Archimandrit. Heute nur noch die herzlichsten Grüße an Sie und die lieben Ihrigen

Von Ihrem Ihnen ergebenen
A. Schiefner

188

1877, 8. januara. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 8-го января 1877 года

Дорогой Игнатий Викентьевич.

Это по счету третье письмо, которое я Вам пишу после того, как Вы обращались к попечителю с просьбой о зачтении Вам в срок выслуги на пенсию службы Вашей заграницей; одно письмо заключало ответ на эту просьбу, другое — сообщало об утверждении Вас в должности. Так как я не получил ответа ни на одно и вообще не знаю, что с Вами

и где Вы и когда к нам будете, а, между тем, все эти вопросы интересуют не только меня, но и всех расположенных к Вам лиц, а таких между нами не мало, то я и обращаюсь к Вам с просьбой ответить на эти вопросы. На случай, если Вам положительно невозможно ранее марта приехать в Одессу, то будет не дурно, если Вы пришлете на имя ректора или Совета просьбу о том, что ранее окончания Ваших университетских и личных дел, на что Вам потребуется столько-то (не более 2-х месяцев) времени, Вы не можете прибыть к месту службы и потому просите отпуска на это время, ввиду того особенно, что все равно начинать курса на какие-нибудь два месяца вовсе не приходится. — Вы, я думаю, уже знаете о смерти Викт(ора) Ивановича, умершего в Елисаветграде[1], куда он переехал на жительство; умер он от удара и хоронили его из наших Некрасов и Кочубинский, по странному стечению обстоятельств, именно те люди, которые могли бы жаловаться на покойника, но, de mortuis aut bene aut nihil. Мир праху его! Во всяком случае, наука понесла в нем тяжелую утрату. Других новостей в университете нет разве только то, что Никодим Павлович на днях уезжает в Москву защищать диссертацию на степень доктора, уже оконченную печатанием. Ректор уже вернулся из Петербурга и говорит, что в числе преобразований университетского устава особенное внимание обращено на материальное положение профессоров, так: пенсия увеличена до 2400 р. в год, нет ординарных и экстраординарных профессоров, а просто профессора, но из них часть получает по 4000 р., а часть по 3000 р. в год содержания; право на высший оклад приобретается по старшинству службы, нет баллотировок на пятилетие после выслуги 25 лет и т. д.

Едва ли Вы можете сомневаться в той искренности чувств, с которыми я желаю Вам и всей Вашей семье всего лучшего в мире, не только в наступившем новом году, но и в последующие, дай бог, долгие, долгие годы Вашей жизни. — Не ленитесь же и дайте о себе весточку и верьте сердечной расположенности и неизменной к Вам преданности навсегда Вашего

В. Селиванова

189

1877, 10. januara. A. Pawiński iz Varšave

Warszawa d. 10. stycznia 1877 r. Marszałkowska 75

Szanowny Panie Kolego! Na list z 12 grudnia, który mnie wielce ucieszył, tak późno odpisuję, gdyż chciałem zaciągnąć pewnej wiadomości co do Karłowicza. Dowiedziałem się więc, że Karłowicz już szczęśliwie wrócił z Ameryki i znów na wsi mieszka w gub. Wileńskiej; ale ponieważ nie mogłem się dowiedzieć najbliższej stacji pocztowej, — najlepiej więc będzie, jeśli Szanowny Kolega napisze list pod adresem »Księgarnia Orgelbranda w Warszawie«, która ma stałe stosunki z Karłowiczem.

Dziękuję najuprzejmiej za przysłany mi Beitrag zur serb(ischen) Annalistik i postaram się w krótkim czasie wywzajemnić czémś, co by również

było, jak dla mnie owa praca, zajmującym dla Szanownego Profesora. Niebawem ukażą się już Najdawniejsze księgi sądowe ziemi Łęczyckiej (2 tomy, 70 arkuszy) za r. 1385—1400, — które mieszczą w sobie wiele bardzo pomników języka polskiego. — Malinowski wziął się właśnie do opracowania tych pomników, aby we wstępie zaraz tę pracę pomieścić.

Archiv für slav(ische) Phil(ologie) czytujemy pilnie. Napisał o pierwszym zeszycie rozbiór na kilku stronach L. Malinowski (Ateneum, m. luty 1876 r.), który wkrótce przenosi się stąd do Krakowa, dokąd powołanym został na profesora extraord. językoznawstwa polskiego. Uwolniwszy się teraz od ciężkich obowiązków nauczyciela gimnazjalnego, będzie mógł Malinowski więcej oddać się swoim badaniom naukowym.

Baudouin jest obecnie w Kazaniu i w tych dniach został już ordinarius. Z polecenia senatora R. Hube przesyłam Szanownemu Koledze 3ci zeszyt Wiadomości Archeologicznych. — Dla p. Bogisicza już dawno, bo jeszcze w październiku roku przeszłego, przesłaliśmy stąd, na jego żądanie, nr. 17. Przeglądu Tygodniowego, gdzie była pobieżna wzmianka o jego dziele.

Może, udając się do Odesy, będzie Szanowny Pan kolega przejeżdżał przez Warszawę. Proszę wtedy o nas nie zapomnieć. Będziemy bardzo radzi powitać między nami Szanownego Profesora. Cokolwiek jednak bądź, zawsze miło mi jest pisać się Jego sługą i przyjacielem

A. Pawiński

190

1877, 11. januara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 11./23. Januar 1877

Hochgeehrter Freund!

Heute kann ich Ihnen endlich Antwort geben über das Schicksal von Archiv II. 1. Es kamen die beiden exemplare in dem Journalpacken von Voß aus Leipzig; das eine übergebe ich der Akademie, das andere behalte ich, nach Ihrer Bestimmung, für mich. Es sind dies auf buchhändlerischem Wege beförderten Exemplare. Kurz bevor ich die Sendung erhielt, war ich in der Kanzlei des beständigen Sekretärs, wo ich die nach Woronesch bestimmten beiden Hefte liegen sah und das Versprechen baldigster Absendung derselben erhielt. Sie müssen als Päckchen gehen. Grot hat II. 1 durch mich in Empfang genommen. Die Sendung an Amphilochij habe ich auch richtig erhalten und unter Kronsiegel als Päckchen nach Moskau befördert.

Das Evangeliar von 1092 bietet ein Moskauer Händler Большаков an; anfangs verlangte er 1000 Rubel, nun aber 700 R.; die Öffentl. Bibliothek wird dasselbe vielleicht an sich bringen, doch wahrscheinlich für einen billigeren Preis[1].

Amphilochij hat nun auch noch nachträglich eine zweite Sendung an Miklosich durch mich gehen lassen.

Trotz der Vorliebe der Berliner Akademie für Äthiopien würde ich an Ihrer Stelle lieber an der Spree als in Odessa wohnen. Freilich ist nun Viktor

Grigorowitsch heimgegangen, allein die Luft dadurch noch nicht rein geworden. Noch habe ich Pypins Aufsatz nicht gelesen[3], wie ich wenig zum Lesen komme, d. h. europäischer Texte. Es fesseln mich die tibetischen zu sehr.

Nun werden Sie bald wissen ob Sie zum März herkommen können oder nicht. Melden Sie es mir nur, sobald Sie fest entschlossen dazu sind, und seien Sie überzeugt. daß Sie uns jederzeit willkommen sein werden.

Prof. Weber bleibt mir lange eine Antwort schuldig. Heute schickte ich ihm eine Kleinigkeit um an mich zu erinneren.

Sehr gut ist es, daß Ihr Söhnlein nun schon wieder guter Dinge ist.

Herzliche Grüße von uns allen an Ihre liebe Frau und Kinder

Mit den besten Wünschen

Ihr Ihnen ergebener

A. Schiefner

191

1877, 31. januara. P. I. Žiteckij iz Kijeva

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

На другой день по получении от Вас письма я получил из Львов книгу г-на Огоновского (23 января).[1] Я отложил ответ на Ваше письмо пока прочту книгу, чтобы известить Вас, какого рода рецензию я могу составить об ней. Издание г-на[a] Огоновского, по моему мнению, добросовестно составлено, но выдающимися достоинствами не отличается. В своей рецензии я не буду пускаться в разбор подробностей, потому что это значило бы написать другую такую же книгу. Я коснусь только метода, принятого издателем, и постараюсь установить исходную точку, с которой, по моему мнению, следует смотреть на Слово о полку Игореве. Но и эта работа все-таки не уложится менее, как в полтора или даже два печатные листа. Постараюсь исполнить ее в феврале, к марту или к половине марта, а Вы, будьте добры, известите меня, по какому адресу посылать Вам ее, если Вы будете в Петербурге, и когда она может появиться в печати[2]. Напишите мне также и о том, когда появится Ваша рецензия моей книги.

Реферат Ваш я получил и на будущей неделе хотел было отдать в типографию, но вижу, что, пока не получу от Вас ответа на это письмо, нужно будет приостановиться. Дело в том, что во всем Киеве нет глаголического шрифта. Для Срезневского вырезывали на камне несколько строчек, но это была глаголица, образцы которой можно было указать резчику в печатных книгах. Что касается до угловатой и, в особенности, переходной глаголицы, то, конечно, резчик должен снимать ее с рукописи. Боюсь, что он напутает, я же, по невежеству своему, не в состоянии буду исправить, как следует. Было бы удобнее ограничиться отдельными буквами, как теперь стоят они в Вашем реферате, —а еще лучше,—эти последние представить в форме кругловатой глаголицы, воспользовавшись печатным образцом. Если последует на это Ваше

согласие, то можно было бы установить текст Вашей рукописи таким образом, чтобы сущность дела от того не страдала.

Я предлагаю на Ваше благоусмотрение следующую редакцию относящихся сюда фраз:

а.) из первого доказательства того, что у хорватов некогда существовал тип круглой глаголицы:

. . . »Кругловатость заметна в древнейших памятниках хорватской глаголицы, особенно на буквах: *u, v, t, d, c, č.*

Мне кажется, что эти буквы можно было бы выразить без всякого ущерба для смысла кругловатой глаголицей и даже кириллицей: . . . в, т, д, ц, ч (первой буквы не разберу)[3].

Так же можно было поступить и в следующей фразе второго доказательства:

»В древнейших отрывках хорватской глаголицы являются еще иногда буквы, которых в обыкновенных рукописях вовсе нет. Это замечание относится к буквам *i* и ѕ« . . .[4]

Затем, выписываю соответсвующие фразы из третьего и четвертого доказательства:

. . . »Напр. *i*[5], как инициальная буква в глаголических рукописях XIV стол., есть явление очень обыкновенное, между тем, в строке никогда более не употребляют этой буквы, *но всегда только долгое i.*«

. . . »Действительно, некоторые буквы каменотесец высек из одних только прямых линий, *напр. d, t, e.* "

»Отчего же он не изобразил и остальных букв на подобие позднейшей угловатой глаголицы, *напр. v, d, m, i, ı,* вместо *v l m z ѕ*« (разъясните эту последнюю букву, ибо в своей глаголической азбуке я ее не нахожу)[6].

»Не может быть сомнения, что он охотно бы воспользовался этим облегчением, если бы тогда уже вошли в общее употребление позднейшие типы *v, d, м,* и т. д. вместо прежних *v d m*«*

Нельзя ли подчеркнутые места во всех этих фразах выбросить?

Извините меня за эти докучливые подробности, но я не хотел бы огорчить Вас невежественной корректурой. Не поставьте себе в труд скорее отвечать мне на эти вопросы, чтобы не задерживать печатания, и не забудьте разъяснить значение первой глаголической буквы в первой фразе и последней в предпоследней фразе.

Вы писали как-то, что в феврале будете в Петербурге. Известите, по какому адресу писать к Вам в случае надобности.

Искренно уважающий Вас и преданный Вам

П. Житецкий

1877, января 31 д(ня)

SMŽ. * Ø. Glag. slova su ovdje — i to sva — prenesena u latinicu.

192

1877, 19. februara. V. I. Selivanov iz Odese

Одесса, 19 февраля 1977 г.

Дорогой друг Игнатий Викентьевич.

Ждал, ждал и не дождался от Вас обещанного письма с прошениями, а потому и пишу Вам эти несколько слов, чтобы сообщить наши новости, одну из которых Вы, быть может, уже и знаете: я говорю о смерти нашего доброго и хорошего М. П. Смирнова, скончавшегося 1-го сего февраля от воспаления в легких. Другая новость — Н. П. Кондаков уже получил степень доктора в Московском университете, где он защищал свою диссертацию[1], и на днях будет избран в экстраординарные профессоры; Юргевич, оканчивающий 1-го марта срок службы и баллотировавшийся на новое пятилетие (уже 3-е) не избран ни в Факультете, ни в Совете, так что на Филологическом факультете в настоящий момент только и есть ординарных профессоров: Вы, Некрасов и, испр(авляющий) долж(ность), Войтковский, экстраординарного ни одного (Орбинский в отставке уже) и 3 доцента. Положение, как видите, скверное. — На место Смирнова проректором избран Ковалевский, а деканом Юридического факультета Богдановский, математического же Шведов[2] — все эти избрания произведены в нынешнем году и о них Вы, вероятно, не знаете. Чрез три недели будут выборы ректора — кого изберут, сообщу непременно. — А что же Вы — скоро ли к нам?

Передайте семье искреннее желание здоровья и всего лучшего и верьте неизменной к Вам преданности навсегда Вашего

В. Селиванов

193

1877, 4. marta. J. K. Grot iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич.

Мне было особенно приятно сегодня, во время общего собрания Академии, услышать добрую весть о Вас и прочитать в Вашем письме к Шифнеру строки, ко мне относящиеся. Могу отвечать Вам, что я виноват, но не совсем. Третий том Славяского сборника к Вам должен быть уже отправлен, и Вы вероятно скоро получите его от Фосса, 2-й еще не вышел. Относительно получения двух первых томов и продолжения высылки Вам этого издания в будущем, секретарь Общества, т. е. Комитета, подал мне мысль предложить Вам, не пришлете ли Вы в Славянский комитет свой »Архив« с просьбою высылать Вам в обмен его »Сборник«. Ардесовать можете Вы свое издание хоть на мое имя, а я передам его дальше.

О »Записках« Академии надо бы наперед узнать, до какого тома включительно Вы их имеете.

Что касается Журнала Мин(истерства) просв(ещения), то тут я должен признаться Вам в своей неисправности, происшедшей оттого, что я не записал Вашего желания где следовало, но эту вину я заглажу при первом же, и надеюсь скором свидании с редактором. За доставление Вашего превосходного издания благодарю Вас от всей души. К сожалению, я с приезда из-за границы почти вовсе не имел возможности заниматься лингвистическими трудами, теперь у меня период истории, по званию члена Исторического общества, но когда я кончу начатое, то тем с большим усердием примусь опять за филологию. »Разыскания« мои идут в продаже очень хорошо[3]; теперь пошла уже 2-ая тысяча экз(емпляров). Отзывы журнальные до сих пор были благоприятны.[x)] Как благодарен я и Вам за доброе слово об этом труде[3]. Многие от меня требуют грамматики, и я бы охотно принялся за это дело, если б был свободнее, т. е. если б удалось кончить начатые прежде труды. А что Вы об этом думаете? Какого рода русскую грамматику считаете нужною после имеющихся уже трудов?[4]

Кажется, Вы теперь уже окончательно решились оставаться в Берлине.[5] Я уверен, что наука от этого выиграет, благодаря Вашим трудам, которые были бы невозможны в таких размерах при другой обстановке.

Искренно Вам преданный

Я. Грот

(I-ая линия 50)

У нас в Отделении почти все больны[6]: Никитенко давно не выходит из дому, у Сухомлинова возвратная лихорадка, а на днях и Срезневский простудился.

СПб
4/16 марта 1877

[x)] Как благодарен я и Вам за доброе слово об этом труде.

194

1877, 5. marta. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersb(urg), den 5./17. März 1877

Hochgeehrter Freund!

Infolge Ihres gestern erhaltenen Schreibens vom 13./1. März beeile ich mich, Ihnen Nachricht davon zu geben, daß mir Robert Brandt gestern abend 19 Rubel übergeben hat. Er behauptet, von Ihnen — so wie auch Sie schreiben — 30 fl. erhalten zu haben, für welche er 19 Rubel erhalten hatte. Ich bitte Sie deshalb, nur recht bald Ihre Wünsche auszusprechen über die vorzunehmende Verwendung der Summe. Was mir zukommt, ist nur der kleinste Teil. Wie sind Sie gesotten! Wollen Sie die СПб. Вед[1]. noch festhalten, so käme mir der Papierwert zu. An Porto habe ich nur sehr wenig ausgelegt, nämlich heute 54 Kop.

Die Grot betreffende Stelle habe ich gestern Grot gezeigt[2], werde ihn aber auch noch extra erinnern. Heute in größter Eile nur noch herzliche Grüße von uns allen an Sie alle und die besten Wünsche

Ihres Ihnen ergebenen
A. Schiefner

195

1877, 24. marta. Jan Karłowicz iz Wiszniewa

24. marca 1877. Wiszniew
(przez Wilno, stacja Smorgonie)

Szanowny Panie Profesorze,

Wracając z Ameryki krótko bawiłem w Berlinie i tak byłem zajęty różnymi drobiazgami a tak spieszyłem do domu, że, mimo chęć najszczerszą, nie mogłem sobie zrobić przyjemności odwiedzenia Szanownego Pana, czego mocno żałuję.

Przesyłam obecnie Panu streszczenie rozprawki mojej drukowanej w zeszłorocznym Ateneum; bardzobym był rad jeżeliby ją Pan zechciał zamieścić w wydawanym przez siebie Archiwum.[1]

Mam przygotowaną rozprawę o słoworodzie ludowym polskim (Volksetymologie), w której rozbieram kilkaset przykładów tego zjawiska. Jeżeliby Szanowny Pan chciał ją przyjąć do swojego czasopisma, z przyjemnością bym ją wykończył i przepisał; będzie ona w języku niemieckim.

Mógłbym także[a)], na żądanie, służyć Panu nadsyłaniem wskazówek i krótkich wyciągów z artykułów[b)] po czasopismach polskich, dotyczących zakresu naukowego objętego wydawanym przez Pana zbioropismem. Radbym także przysłużyć się pracami o języku białoruskim, który znam dobrze i na którego kresach mieszkam.

Napisałem do warszawskiego Ateneum referat o pierwszym tomie Pańskiego Archiwum: będzie zapewne drukowany w zeszycie marcowym. Samo przez się rozumie się iż zawiera on sąd najpochlebniejszy o szanownej pracy Pańskiej.

Przypominając mię[c)] miłej znajomości z Szanownym Panem i dziękując raz jeszcze za uprzejmość okazaną mi w maju zeszłego roku, zapewniam Go o wysokim moim poważaniu dla Pana

uniżony sługa
Jan Karłowicz

SMŽ. [a)] Ø. — [b)] wykładów. — [c)] się.

196

1877, 26. marta. A. F. Byčkov iz Petrograda

Милостивый государь Игнатий Викентьевич,

Мне весьма приятно, что я мог исполнить так скоро Вашу просьбу. Посылаю Вам выписку из печатного Тактикона о ложных книгах[1], к которой счел не лишним присоединить список того же самого места

из рукописи пергаменной 1397 года. Быть может он пригодится для Вашего исследования. Приношу искреннюю благодарность за себя и от имени Библиотеки за присланную Вами брошюру о народной поэзии, только что мною полученную.[2] Надеюсь, что она, как все труды Ваши, даст некоторые новые соображения об этом предмете. Весною я еду за границу, а летом буду на археологическом съезде в Казани, а потому Ваше намерение, прибыть сюда осенью для занятий рукописями, как нельзя лучше совпадает с разного рода обстоятельствами.

На чем остановился Ваш переход в Одессу?[3] Покорнейше прошу принять уверение в моем истинном почтении, с которым имею честь быть Вашим

покорнейшим слугою

А. Бычков

26 марта 1877

197

1877, 29. marta. J. K. Grot iz Petrograda

Из сделанного Вами перечисления доставленных Вам, многоуважаемый Викентий Игнатьевич, академических изданий, я вижу, что у Вас недостает очень немногого, и именно почти только последних томов Сборника отделения (XV и XVI), которые и будут Вам доставлены. Отчеты Колосова в Записках напечатаны без приложений (сказок и песен)[1], а потому, когда увидимся, я вручу Вам особый оттиск из Сборника, который еще не вышел.

Очень порадовало меня известие, что мы скоро будем иметь удовольствие видеть Вас здесь. Тогда поговорим и о русских грамматиках, которые, как я и опасаюсь, очень разочаровали бы Вас, если б Вы с ними познакомились. Почти все они, с небольшими отступлениями, повторяют друг друга. Грамматика Буслаева полнее других, но на мой взгляд далека от желаемой степени совершенства и притом же устарела. Благодарю Вас за доверие, которое Вы выражаете ко мне в отношении к такому труду. Не знаю, оправдал ли бы я его при великих трудностях, которые предстоят. Но попробовать я не прочь, когда освобожусь от начатых трудов другого рода, между которыми в настоящее время главный — приготовление 8-го (последнего) тома издания Державина[2], в который входит подробная его биография. Ею я теперь преимущественно и занят. Если б Вы пожелали иметь сочинения Державина в моем издании (общедоступном, которое для употребления решительно удобнее), то оно также к Вашим услугам; теперь вышло 6 томов. О Вашем предполагаемом перемещении и возможности издания в России такого сборника, как Ваш Архив, с такою же для ученого мира пользою, интересно будет побеседовать с Вами лично. Итак до свидания.

Преданный Вам

Я. Грот

29 марта ст(арого) ст(иля)
1877

198

1877, 3. aprila. P. I. Žiteckij iz Kijeva

Киев, 1877 г., апреля, 3 д(ня)

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Тремя неделями запоздал я с своей статьей, но авторы, как Вы знаете, большею частью не поспевают к сроку. Немного увлекся сюжетом и написал больше, чем думал, даже не совсем то, что думал. По крайней мере, я не предполагал высказываться самостоятельно, а между тем высказался. Собственно говоря, критический отдел статьи не велик, так что есть полная возможность воспользоваться для Archiv'a только этим отделом (1 — 7 включительно и стр. 19). Если Вам угодно, поместите только то, что относится к изданию Огоновского. Что касается до моих собственных мыслей о языке и поэтической форме Слова, то я могу дать им в печати иное употребление. Словом, предоставляю Вам поступить, как угодно[1], и прошу только об одном — известить меня тотчас по прочтении, как Вы думаете поступить. Так как статья писана в короткий промежуток времени, среди тысячи всякого рода посторонних хлопот, то не могу поручиться, чтобы в ней все было сказано, как следует. Впрочем, кажется, сказано нечто новое.

На днях Кочубинский защищал здесь докторскую[a)] диссертацию без особенных приключений. Об этой диссертации стоило бы нечто сказать, да времени нет. По всей вероятности Вы дадите об ней свой отзыв.[2]

За присылку двух Ваших статей душевно благодарен Вам. Брошюра о славянской поэзии[3] сводит эту богиню с неба на землю и дает возможность изучать ее научным образом, а не восторженно поклоняться ей, как было до сих пор.

Статья Ваша в Записках археологического съезда напечатана.[4]

Кланяется Вам А. А. Котляревский и В. Б. Антонович.

Будьте здоровы!

Искренно уважающий Вас и преданный Вам

П. Житецкий

[a] SMŽ. To bi bilo u aprilu 1877. (po novom).

199

1877, 6. aprila. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 6./18. April 1877

Hochgeehrter Freund!

Ihr heute früh mir zugekommener Brief vom. 15. d. M. bestätigte meine Annahme, daß Sie nun nicht mehr kommen würden.[1] So leid es uns tut, so trösten wir uns mit der Hoffnung, Sie im Herbste bei uns aufnehmen zu können. Umstände haben (wir) durchaus keine gehabt, auch keine besonderen Vorbereitungen getroffen, sodaß Sie in diesem Punkte genug ruhig sein können.

Allem Anschein nach haben Sie die Lieferungen des Sanskritwörterbuches richtig erhalten[2]; ich hatte dieselben ja versichert. Erst heute habe ich den Указатель по делам печати[3] bestellt; R*

Zugleich melde ich Ihnen, daß ich alle Aufträge in Bücherangelegenheiten so schnell als möglich besorgen werde. Wenn Sie mir Geld schicken, so ist es am besten, eine Anweisung von der Diskonto — Gesellschaft an E. M. Meyer oder Oskar Zampe, auch an ein anderes größeres Bankgeschäft; der Empfang eines Briefes mit barem Gelde macht mir mehr Umstände, da dies auf dem Zoll geschehen muß. Sie werden mir auch angeben, ob ich die Bücher per Post oder per Eisenbahn an die Königliche Bibliothek befördern soll oder lieber an Sie? Ob mit Frachtzahlung hier oder bei Ihnen? Den Brief mit der Anweisung bitte ich zu versichern, d. h. einschreiben zu lassen.

Man hat mich beim Schreiben aufgehalten.

Zum Schluß herzliche Grüße an die lieben Ihrigen von uns allen.

Ihr Ihnen ergebener

A. Schiefner

Sie melden wohl Kotlarevskij, daß Sie nun nicht reisen.

200

1877, 14. aprila. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 14/26. April 1877

Hochgeehrter Freund!

Soeben bin ich mit dem Nähen und Versiegeln des Packens fertig, den ich morgen früh auf die Post trage. Er wiegt nach unserem Gewichte 3 1/2 lb. und enthält die von Ihnen gewünschten 6 Exemplare der Bassistowschen Ausgabe von Nestors Chronik.[1] 5 Exemplare erhalten Sie zu 60 Kop., das sechste gebundenene kostet 15 Kop. mehr; also zusammen 3 R. 75. die ich von dem Gelde, das mir noch geblieben ist, von den 19 durch Robert Brandt gebrachten Rubeln, bezahlt habe. Ich habe die 6 Exemplare in drei Läden zusammengefunden Тузов, Глазунов und Исаков. Aus Besorgnis Ihnen nicht alle gleich senden zu können, kaufte ich - ohne Ihre Ermächtigung - ein gebundenes Exemplar, sodass Sie also 15 Kop. mehr Ausgaben haben, dazu kommt noch das Porto, das Sie in Berlin zahlen werden, da ich hier nichts zahlte. Ihr Brief kam freilich schon heute früh, und hätte ich ganz freie Hand gehabt, so hätten Sie die Bücher um einen Tag früher bekommen, allein ich mußte heute früh einen Besuch erwarten und dann zur Bibliothek eilen, am Abende hatte ich andere Gänge und konnte so auch den Büchereinkauf abmachen, glücklicherweise bevor noch die nächste Kommunikation mit der anderen Seite gestört wird, Denn wir erwarten stündlich den Aufgang der Newa. Doch nun mit den besten Wünschen und herzlichen Grüßen an Ihre liebe Frau und Kinder

Ihr Ihnen ergebener

A. Schiefner

verte!

Über Puschkins Капитанская дочка kann ich Ihnen heute keine Auskunft geben; ich hatte diese Anfrage vergessen und wurde erst wieder an die Sache erinnert bei Durchlesung Ihrer Briefe; bald werde ich Ihnen jedoch das Nötige schreiben, morgen natürlich zuerst auf der Bibliothek nachforschen, ob eine billige Ausgabe davon zu haben ist. Möchte Ihr Söhnlein Ihnen bald genesen, Sie auch weniger Sorgen seinetwegen haben!

201

1877, 15. aprila. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 15./27. April 1877

Hochgeehrter Freund!

Heute erfuhr ich auf der Bibliothek, dass Исаков in seiner Sammlung Классная библиотека, Lief. 3, zuerst im Jahre 1869 die Капитанская дочка mit Bemerkungen von B. A. Яковлев, dann aber(mals) 1873 mit Bemerkungen von B. A. Яковлев herausgegeben hat; beide Ausgaben habe ich heute in der Hand gehabt; der Preis ist 50 Kopeken.

Heute früh sprach ich Kunik, der die Bassistow'sche[1] Ausgabe der Chronik Nestors nicht sehr lobt, allein dabei auch sagte, daß es keine andere Schulausgabe gebe. Ich sah Kunik, als ich von der Post kam, wo ich die 6. Exemplare der Nestor-Chronik aufgab und nur für die Quittung 5 Kop zahlte.

Nun mit den besten Wünschen und herzlichen Grüßen an Ihre liebe Frau und Kinder

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

202

1877, 15. aprila. J. Perwolf iz Varšave

Varšava 1877 15/IV.

Velectěný Pane!

Velice Vám děkuji za Vaše zajímavé rozpravy.[1] Divím se Vaší plodnosti, ale — dovolte mně ta slova — zároveň lituji, že nepůsobíte na Rusi.[2] Dávnot jsem četl, že Vás Odesská universita opět zvolila; byl jsem překvapen, održev Váš list z Athén an der Spree (Svoji knihu adresoval jsem do Berlína na udání).

Zaborowského orthografii (k ní přidal Kucharski i orth. Seklucyana) dal jsem hledati dvěma židáky.[3] Víte, že tu v našem království židovském — jež někteří nazývají ještě »polským« — »antikváři« (sit venia verbo!) prodávají knihy, jako staré železo, t. j. bez katalogův, že tedy takoví »antikváři« nikdy nevědí, mají-li tu nebo onu knihu na skladě. Oba židáci mně slíbili, že za několik dní mně knihu dodají. Uvidíme. Prozatím vypsal jsem Vám začátek z orthografie Seklucyana z našeho exempláře; žádáte li sobě i druhou polovici úplně, prosím, spravte mě o tom *bez meškání*: opíši Vám ji celou, jakož vůbec jsem k Vaším službám.

Včera jsme konečně čtli manifest císaře Aleksandra. Zajisté všichni Slované (ani záhřebské mládeže nevyjímajíc) žehnají ruskému впереД. Dejž bůh, aby šťastně se skončil tento první akt slovanské dramy! »Přátele« Rusi známe dobře; při prvním vítězství ruských zbraní bude jim неловко и тошно. Albrechti Medvědi a Jindřichové Lvi[4] — a přátelé Rusi! Ostatně bojím se, že takoví »přátelé« Rusi jsou i tu v našem království židovském, — »přátelé« slovanského původu, jichž ideálem jsou páni Żołkiewski nebo Chodkiewicz[5] v hořící Moskvě. Děsná jest ta slovanská drama — bohdejž ne tragedie!

Se vší úctou
ke službám ochotný
Josef Perwolf
(Dzielna, No. 7).

Buďte tak laskav, a spravtě mě jen několika slovy, že jste dostal můj list; inak budu se obávati, že list se ztratil.[6]

203

1877, 15. aprila. Jan Karłowicz iz Wiszniewa

15. kwietnia 1877. Wiszniew
p. Wilno, Smorgonie.

Szanowny Panie Profesorze,

Uprzejmy list Jego z d. 29. marca b. r. miałem przyjemność otrzymać i szczerze dziękuję za treść jego, tak dla mnie łaskawą i zachęcającą. Dziękuję również za pochlebną wzmiankę o mojej rozprawie o języku litewskim[1] oraz za obietnicę wydrukowania przesłanej przeze mnie pracy o Meluzynie i Wandzie[2]: pierwszej jeszcze nie czytałem, bo 2gi zeszyt Archiwum nie doszedł jeszcze rąk moich.

Wyznać muszę Zacnemu Panu że od kilku lat mało się litewszczyzną zajmuję; poświęciwszy na nią parę lat pracy usilnej obecnie muszę się innymi rzeczami zaprzątać; wymaga tego stan naukowego piśmiennictwa naszego. I pracowników posiadamy mało, a przedmiotów do roboty bardzo wiele; więc jeden człowiek musi z konieczności szerszy zakres badań ogarniać, a przez to nie może się zbyt długo na jednej specjalności zatrzymywać; może to wreszcie leży w naturze naszej słowiańskiej, czy też wyłącznie polskiej, że brak nam niemieckiej wytrzymałości i możności zasklepienia badań w jednym dość ciasnym kręgu. Dość że litewszczyzną teraz prawie się nie zajmuję i wątpię abym zdołał służyć Panu recenzją Gramatyki Kurschata[a]. Zdaje mi się że Baudouin de C(ourtenay) lepiej by tę sprawę załatwił [3]; w przeszłym roku pracowicie obrabiał język litewski i siedział w tym celu czas jakiś w Kownie i Suwałkach.

Za kilka tygodni przyszlę Szanownemu Panu obszerniejszą rozprawkę moją O słoworodzie ludowym polskim (Volksetymologie), którą po polsku chcę zamieścić w Rocznikach Akad(emii) Krak(owskiej), a w niemieckim przekładzie lub przerobieniu może Archiwum Pańskie przyjąć raczy.

Sprawozdanie moje o 2. i 3. zeszycie tego czasopisma wydrukowano w marcowym tomie Ateneum warszawskiego. Bardzobym rad wiedział czy zadowolony Pan będzie z takowego.

Najzupełniej podzielam zdanie Jego o potrzebie czasopisma słowiańskiego w języku neutralnym; niestety, przy waśniach rodziny słowiańskiej i domowej niezgodzie, niezbędnym jest tymczasem kawał niwy obojętnej, na której by bez uraz i wzajemnego podejrzewania się bracia słowiańska mogła się schodzić i pracować dla wspólnego dobra. Prawdziwa wdzięczność i cześć należy się więc Panu za ułatwienie i tak umiejętne pokierowanie tej powszechnej pracy, której abyśmy pomyślne następstwa jaknajprędzej oglądali.

Serdecznie oddany sługa
J. Karłowicz

SMŽ. [a] Kurszata.

204

1877, 21. aprila. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersb(urg)., den 21. April/3. Juni 1877

Heute früh erhielt ich den Wechsel von der Diskont-Bank auf 300 Mk. (= 133 R. 56 Kop.) — melden Sie dies gütigst Lepsius — gleich danach Ihren werten Brief vom 30. April, vorgestern schon ein Schreiben der Königl. Bibliothek unterz. Lepsius. Nach Möglichkeit werde ich die Sachen zu besorgen suchen, ein Teil muß wohl erst aus Warschau, Charkow, Kiew u. Moskau bestellt werden; heute oder morgen werde ich meine Wandergängen anfangen; leider werden einige Sachen erst nach Wochen zu erreichen sein.[1] Soeben schickt Амфилохий den zweiten Teil seines Psalters[2], den ich Ihnen wahrscheinlich unter Kreuzband versichert zusenden werde, ich muß ihn erst von der Post holen.

In größter Eile

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

205

1877, 21. aprila. J. Perwolf iz Varšave

Varšava 1877 21/IV.

Velectěný Pane!

»Nowy karakter polski 1594« bohužel v naší bibliotéce není[1]; ve vydání děl Kochanowského (Turowského) jest otištěno toliko to, o čemž sám se zmiňujete; končí se též Przestrogą. Zaborowského ortografie nelze posud najíti; byl jsem ještě u dvou jiných »antikvářův« — нет и нет.
Prosím však, abyste mně beze všech ceremonií napsal, potřebujete—li nevyhnutelně oné rozpravy Zaborowského; dal bych Vám ji opsati, ač nedostanu-li tyto dni nějakých zpráv od našich opic, Polákův »Mojżeszowego wyznania«.

Zaslané mně rozpravy jsem ovšem ihned přečetl s velikým potěšením, jakož vůbec vše, cokoli píšete. Nedělám žadných komplimentův, pravím-li, že Vy jste jeden z nejlepších slavistův, a *proto žalím*[a], že nepůsobíte na Rusi. Ostatně, po Vašem objasnění, pochopuji, že dáváte přednost Berlínu před Odessou[b]. Na Rusi Vaše místo je pouze v *Petrohradě*, i — ždel[c] bych za jiných poměrův ve Varšavě. Konečné vydáváte-li »Archiv« německy, přinášíte slavistice větší užitek, než kdybyste jej vydával v slovanské mosaice; té by rozuměli jen někteří vyvolení, a všeslovanskému jazyku rozumějí i ti i celá Evropa.

»Archiv« všude se náramně líbí. (Všiml-li ste si, co napsal Pypin v Вестнике Европы 1877. 1. 7. a v 4. knize mnoho mluví o Vašem názoru na ruské byliny). Úsudek o něm Gazety narodowej je velmi zajímavý; sdělil jsem to překrásné místo několika kollegům. Já se však na[d] tom »slovanském světě« už ničemu nedívím; viděl, slyšel[e] i četl jsem už tolik hloupostí, že stal jsem se pravým filosofem s heslem: Nil admirari!

Vaše rozčilení za příčinou turecké vojny pochopuji a sdílím v plně míře; sám jsem velice rozechvěn. Skončí-li se vše šťastně, bude to míti ohromné následky v historii Slovanstva, i my ubozí apoštolové »Slovanské věci« (славянское дело zdá se, že *poprvé* zaznělo v ústach císaře Ruského!) budeme moci oddechnouti sobě z hlubokosti svých těžkostí i zajásati »Victoria«. Našim pánům dobrodziejům se to asi nebude líbiti; jim se líbí teď zvláště »das Reich der Unwahrscheinlichkeiten« a maďárské dolmany.

Oni mají vůbec od jakživa všelijaké chuti, zrovna jako těhotné ženské. S těmi chutěmi промазурили они свою Польшу které už nikdo, ani k. k. páni, nezdvihnou.

Východní vojna vede mě k Vašemu nesmrtelnému rodákovi, Križanići, o kterém teď promluvila celá Rus. (máte monografii našeho studenta Markeviče?)[2] Ej — молодец. Jaké to pravdy napsal ten znamenitý myslitel! Čím více o něm přemýšlím, tím více si ho vážím. Jak pěkně on vere[f]: »Slované leží v blátě, ba i kochají[g] se[g] (наслаждаются)[h] v tom blátě« (как метко! Zrovna jako pověděl Metternich); nikdo jim nemůže pomoci, kromě cara ruského. Velectěný[i] pane collego, žádáme od *Vas* i od Vaší *akademie*, abyste pomýšleli o úplném i kritickém vydání všech latinských i slovanských děl slavného Javkanice. Snad víte, že v 3. knize moskevských чтений (1876) Kuliš vydal Križ(aničevou) cestu ze Lvova do Moskvy, besidu k Čerkasam etc. a vřelou předmluvu.[3] В руках Бессонова Крижанич явкает.[4]
Než dosti o tom — kdyby Jiří[5][j] vstal z mrtvých, uviděl by, že vše to, co napsal, mohl by znova opakovati; tak málo se změnilo položení Slovinův[k].

Ve Vaší překrásné stati o národní poesii[6] vyčerpal jste předmět do dna. Těším se na celé dílo v jazyku všeslovanském; charvátsky nebo rusky čtli by zase jen někteří vyvolencí. Na přiloženém lístku podávám některé drobty, jež Vám — bude li potřebí — milerád opíši. Vůbec prosím, abyste se beze všech ceremonií obracel ke mně; co mohu vše ochotně učiním. Vímť, že někdy i maličkosť je důležita.

Nedivite se, že píši tu rusky tu česky. Zde ve Varšavě je pravý slovanský Babylon; myslím česky, mluvím mnoho rusky (moje žena je Ruska), často i polsky, i lituji, že mezi námi není nějaký Jihoslován, abych mohl cvičiti

sebe i v živém jazyku charvátsko — srbském. *Kdyby* tu byly jiné poměry, viděl bych *Vás* zde nejraději, k vůli nám i studentům, i k vůli Polákům vůbec.

Se vší úctou
oddaný Vám
Josef Perwolf
(Dzielna Nro. 7)

SMŽ. [a] želim. — [b] Odesou. — [c] řekl. — [d] v. — [e] slušel. — [f] vece. — [g] ø. — [h] же — [i] Velecteny. — [j] Javkanica. — [k] Slovanův.

206

1877, 4. maja. A. A. Potebnja iz Harkova

Милостивый государь!

Отвечаю не тотчас по получении Вашего письма, по причине, которая, б(ыть) м(ожет), Вам покажется странной: хотел справиться о Вашем имени и отчестве — и не успел.

Вы можете быть уверены в полном сочувствии Вашему журналу (и Вашим трудам в частности) тех немногих в России, которые непосредственно заинтересованы успехами славянской филологии. Ссылаюсь, между прочим, на статью Пыпина в 3-й кн(иге) »Вестника Европы«.[1] Кроме того, я чувствую себя лично обязанным Вам за благосклонный отзыв о моих трудах.[2]

Прошу Вас засвидетельствовать мое глубокое уважение проф. Веберу. Жалею, что обстоятельства и личные и более общие не позволили[a] мне быть дольше его учеником. Почему-то »hodie mihi, cras tibi« представляется мне именно в той форме, в какой оно сказано Вебером в одной его рецензии: »das muss sich jeder gefallen lassen, der für die Wissenschaft arbeitet, heute als Amboss, morgen als Hammer (zu) dienen.« Да, и знание строится борьбою, но благо тем, которые могут и хотят смягчить ее ожесточение чувством уважения к противникам и своего рода »memento mori«.

Что до Вашего желания[3], то потерпите, а я, б(ыть) м(ожет), исполню его так, или иначе. Теперь у меня одно дело перебивает другое. Я принял на себя поручение Ак(адемии) Н(аук) написать разбор соч(инения) Житецкого.[4] Поэтому, между прочим, ожидаю с нетерпением 2-й кн(иги) Архива. Надеюсь встретиться при этой работе и с мнениями Кочубинского, сочинение коего я прочел и подивился торжественному тону предисловия и надежде сделать шаг на[b] сто лет. У нас, как вероятно и у других, говорят »плох тот солдат, который не думает быть генералом«, но это неправда: у нас, по крайней мере прежде[c], бывали хорошие солдаты, которым и в голову не приходило быть не только генералом, но даже прапорщиком, о котором говорится: »курица — не птица, прапорщик — не офицер«. — Хотелось бы при разборе соч. Житецкого быть обстоятельным, а к делу еще не приступал и не знаю, успею ли прочесть предварительно хоть половину того, что бы следовало. Между тем, крайний срок — 1 авг(уста) ст(арого) ст(иля), и у меня, кроме служебных занятий, довольно скучных и утомительных, на плечах еще две работы. С одной, небольшой, я разделаюсь на днях. Это — разбор, тоже по поручению Ак(адемии), 1-ой тетради рукописного Литовского словаря братьев Юшкевичей[5], труда, судя по началу, важного как материал, но далеко не безукоризненного. — Поводом к другой, лишь на половину оконченной работе, послужила Ваша статья о Дунае[6], в коей, между прочим, я принял к сердцу Вашу похвалу малорусской народной поэзии. (Другая сторона этой поэзии, музыкальная — усиливает действие словесной. Обеим вместе мы в юности были благодарны за многие чистые и сладкие минуты. Теперь у нас эта поэзия и музыка в забросе, несмотря на толстые сборники). Итак, по поводу Вашей статьи Йиречек напомнил о м(ало)р(усской) песне XVI в. в изданной им граммат(ике) Благослов(а)[7]. Древнейшие по списку вр(емени) песни, как известно, относятся лишь к 1-ой 1/4 XVII века. Я воспользовался указанием и напечатал в Ф(илологических) З(аписках) статейку, которую надеюсь вскоре доставить Вам[8]. Здесь я затронул Слово о Полку Игореве,[9] а это вызвало потребность рассмотреть этот памятник со стороны вошедших в него народно-поэтических элементов. Кажется, мне удалось несколько разъяснить кое-что, хотя я чувствую, что даже[d] при моих наличных средствах, но при большем досуге, можно сделать больше и лучше. Дело в том, чтобы, нашедши в памятнике XII в. известные народно-поэтические мотивы, внести в изучение народной поэзии еще некоторую долю, конечно, очень неточной хронологии. Это тоже задача, которой так сочувствуют Пыпин и Веселовский, но, кажется, с другого конца. Этой работы я еще не решился[e] отложить в долгий ящик ввиду Археологич(еского) съезда с 31 июля, где предположено рассуждать и о Сл(ове) о П(олку) И(горе ве). Между тем, она мне мешает думать о другом, и многое нужное остается непрочтенным.

Впрочем, »глаголет бо ся[f] в мирских притчах: »недобро слово продолжено а добро продолжено (=-а) колибася« (sic! = колбаса); тѣм и аз мут'ноумен охабихся, бояся, гне, похуления твоего«. Даниил Заточник, сп(исок) Ундольск(ого) Русск(ая) Бес(еда) 1856, 2, 120[10].

Остаюсь с совершенным к Вам уважением

А. Потебня

Харьков
4 мая ст(арого) ст(иля)
1877

SMŽ. [a] позволили. [b] со. [c] бывали. [d] Ø. [e] решаюсь. [f] сѧ.

207

1877, 8. maja. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 8./20. Mai 1877

Hochgeehrter Freund!

Unmittelbar nach Empfang der 300 Mark (133 R. 56 Kop.) begab ich mich auf die Wanderung und fand bei Исаков manches, erhielt dabei auch das Versprechen, recht bald das noch Fehlende zu erhalten. Das war am 22. April/4. Mai. Allein trotz der Versprechungen hielt man nicht Wort. R* Herzlichen Dank für die Photographien.

Man drängt mich, den Brief zur Post zu tragen. Also nächstens mehr.

Mit den herzlichsten Grüßen

Ihr Ihnen ergebener

A. Schiefner

208

1877, 19. maja. P. I. Žiteckij iz Kijeva

Киев, 1877 г., мая 19 д(ня)

Многоуважаемый Ватрослав Викентьевич!

Каждый день собирался отвечать Вам на последнее Ваше письмо[1], но экзамены в трех учебных заведениях положительно отнимали всякую возможность сделать справки, необходимые для ответа. На присланные Вами пять марок посылаю Вам две книги Терновского (куплены у самого автора — в переплете)[2] и книгу Кочубинского (у меня оказался один лишний экземпляр)[3]. Хотел было заразом послать Вам 20 экземпляров Вашего реферата из »Записок« съезда, но в типографии сказали мне, что он еще не отпечатан. Отошлю вместе с »Записками«, а выйдут они в свет не позже конца июня.

Душевно благодарен Вам за лестный отзыв в Архиве о моей книге[4], не столько даже о книге, сколько об авторе. Некоторые возражения Ваши имеют всю силу непреложного аргумента, с другими — позволяю себе не соглашаться. До сих пор я воздерживался от всякой защиты своих мнений, ожидая, пока выскажутся все, кого этот вопрос интересует. Теперь у меня собран уже материал для ответа, не столько полемического, сколько объяснительного. Многое мне придется исправить, другое дополнить, третье отстоять. Во всяком случае спокойный и благожелательный тон Вашей статьи для меня был поучительнее, чем задорные выходки российских людей, которые в подобных случаях ведут себя так, как будто бы собираются делить наследство.

Вы пишете мне, что поместите статью мою целиком.[5] В таком случае, позвольте Вас попросить, нельзя ли поместить ее в тексте, а не в том отделе, где обыкновенно помещаете Вы рецензии[6]. С просьбой этой я обращаюсь собственно потому, что три четверти моей статьи не имеют никакого отношения к книге Огоновского. В таком случае можно было бы дать ей заглавие: »Мысли о Слове о полку Игореве«,

потом можно было бы поместить заглавие книги Огоновского и, наконец, самую статью[7]. В русских периодических изданиях это делается, если только критический элемент статьи играет в ней второстепенную роль. Впрочем, Вы сами хозяин своего издания, и потому знаете лучше меня, как поступить нужно. Когда будет напечатана статья моя, то прошу Вас покорно приказать в типографии сделать для меня 50 экземпляров оттисков: за бумагу и труд, что будет стоить, я заплачу.

Замечания и дополнения к отделу о малорусской поэзии[8], может быть, могли бы сделать некоторые мои приятели, и я бы охотно послал одному из них в Чернигов, а другому в Екатеринослав Ваши брошюры, но опасаюсь, что они по свойственной им лени замедлят ответом, и мне пред Вами будет совестно. Чего доброго, и совсем ничего не ответят, тогда еще более будет совестно. Если угодно Вам рисковать, то вышлите две брошюры. А. А. Котляревский тоже еще не получал. Если будете присылать что-нибудь на мое имя, то лучше всего посылайте по адресу Военной гимназии (учителю).

Огорчило меня известие, что в Одессу Вы не поедете. А я уже мечтал было о продолжении Архива в Одессе, только уже не на немецком языке.

А. А. Котляревский и В. Б. Антонович Вам кланяются. Последний собирается летом в Казань на съезд[9] и благодарит Вас за присылку брошюр. Хотел было и я отправиться в Казань, да жаль времени.

Искренно преданный Вам

П. Житецкий

P. S. И забыл спросить Вас: что стоит годовое издание »Archiv'a«, так чтобы выписать непосредственно чрез Вас, а не чрез киевского комиссионера, который никому тут не внушает доверия? И есть ли экземпляры за прошлые годы?

209

1877, 22. maja. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 22. Mai/3. Juni 1877

Hochgeehrter Freund!

Erst gestern früh erhielt ich den Bücherpacken von L. Voß: die 4 Exemplare vom Archiv II. 2, welche die Weidmannsche Buchhandlung der Akademie gesandt hatte. Eines der zwei per Post gekommenen stellte ich der Akademie vor, das andere sandte ich an Grot. Von den vier vor mir liegenden sende ich das eine morgen nach Воронеж[1], das zweite an Amphilochij, das dritte an Sreznewsky und für das mir zugedachte vierte statte ich Ihnen meinen herzlichsten Dank ab. Ich hätte bereits gestern abend die Sendung beginnen können, wenn ich nicht vergeblich mehrere Stunden lang Ihren Brief vom 15. Mai zu suchen gehabt hätte. Soeben fand ich ihn da, wo ich zuerst, allein zu flüchtig, gesucht hatte und bin nun orientiert.

Gestern abend sandte oder brachte ich vielmehr persönlich sämtliche Bücher, welche ich für die Königliche Bibliothek gekauft hatte, zu Мамонтов (Никол(ай) Иванович Мамонтов, Невский проспект, против Гостинного двора 46). Sein Kommis, der früher bei Черкесов war, hat Ihnen manches zugesandt. Er übernahm es, die Bücher heute verpacken zu lassen und morgen mit dem Warenzuge der Eisenbahn abzusenden; morgen abend erhalte ich die Quittung der Eisenbahnverwaltung, welche ich dann versichert der Königl. Bibliothek zustellen werde.[2]

Ein anderes Mal werde ich alles direkt bei Мамонтов bestellen und hoffe, daß Sie dann alle Sachen rascher und pünktlicher erhalten. Leider hatte ich mich zu sehr auf Исаков verlassen.

Nun noch eine grammatische Kleinigkeit. Ich habe einen Vetter Кирил Васильевич Schneider Exc., der neulich bemerkte, dass von победить u. утвердить die entsprechende Singularform ungebräuchlich sei; alle Nachfragen, zuletzt auch bei Grot, bestätigen seine Wahrnehmung, man sagt nicht: если я Тюрок побежду (oder побежу) и владычество наше утвержу. Ich habe viel herumgefragt und freue mich über die Aufmerksamkeit meines Vetters, der mich neulich veranlaßte, über самое *ipsum* nachzufragen, wofür die Petersburger nicht allein саму, sondern auch самою gebrauchen. Симеон (Вед. Вес.) möchte das Krummholz 'дуга' von den Finnen herleiten, letztere haben aber wie die Esten ein arisches Wort im Gebrauch, Finn. luokki (schwed. loka), Est. lôk, außerdem aber auch wemmel. Es verdient sehr, untersucht zu werden, wo dieses Stück des Anspanns noch vorkommt. Baudouin de Courtenay behauptete gestern, es auch in Oberitalien gesehen zu haben.

Noch auf eine Frage muß ich Antwort geben. Was die Publikationen der Москов. обществ. люб.[3] betrifft, so gibt Ihnen der Umschlag der letzten Hefte Nachricht, was noch vorhanden ist. Jahrg. 1876, Heft 4, wird nachgeliefert, ich habe ein Billet auf dieses Heft erhalten. Нил Попов hat der Akademie nichts für Sie gesandt (Suppl. Хлудовы); Sie fragten in einem Ihrer Briefe nach.[4] Auf dem Umschlag der Чтения finden Sie Jahrg. 1858.

Baudouin de Courtenay wollte heute nach dem Süden über Warschau abgehen, seine Adresse ist einstweilen Warschau, Buchhändler Wende.

den 23. Mai/4. Juni früh

Nun schließe ich u. bemerke nur, daß der Packen, den Sie an Grot und durch ihn an das Славян. комитет[5] befördern wollen, noch nicht angelangt ist, ich auch nicht (weiß), wie die Sache jetzt in den Ferien ihren Verlauf nehmen kann.

Herzliche Grüße an Ihre liebe Frau und Kinder von uns allen

Ihr Ihnen ergebener

A. Schiefner

1877, 23. maja. J. K. Grot iz Petrograda

С(анкт) П(етер)б(ург), 23 мая 1877
4 июня

Я давно уже слышал от Шифнера, многоуважаемый Игнатий Викентьевич, что мы должны до осени отказаться от удовольствия видеть Вас здесь. Надеюсь, что Вы приедете не ранее второй половины; иначе я рискую разъехаться с Вами, потому что в конце августа должен буду, по поручению Академии, ехать в Упсалу на юбилей тамошнего университета.[1] Дай-то бог, чтоб Ваше пророчество насчет настоящей войны сбылось к тому времени[2]; мы и сами ожидаем такого исхода; блестящее начало позволяет, кажется, питать эту надежду, разделяемую всем славянским миром.

Радуюсь, что явились охотники слушать Вас в университете, и желаю, чтобы они оказали в этом деле постоянство. Впрочем, если б некоторые и отставили, беда была бы не велика; лишь бы у Вас осталось 2 — 3 внимательных слушателя. Благодарю за внимание к моим »Разысканиям«[3]. Относительно уменьшительного окончания ц е, я согласен с Вами, что, судя по ц(ерковно)сл(авянским) и южнославянским наречиям, оно первоначально было ьце, но в нынешнем русском языке, может быть, вследствие фонетического закона, этот суффикс обратился в чистое це, как видно из следующих примеров: блюдце, корытце, поленце, полотенце, донце, оконце, солнце, сердце; — словцо, пивцо, деревцо, винцо, мясцо, морцо, колесцо, се(ре)брецо, письмецо.

Звук *л*, правда, всегда отончается перед ц, напр. рыльце, шильце, зеркальце; кольцо, крыльцо; но здесь тонкий звук я отношу не к форме окончания, а к общему фонетическому закону, по которому *л* перед всеми суффиксами отончается, тогда как этого не только не бывает с другими согласными, а, напротив, некоторые перед суффиксами из тонких делаются дебелыми. Примеры:
1.) отончения *л*: зеркало — зеркальный, престол — престольный, малый — мальчик, стрела — стрельчатый; стекло — стекольщик.
(Только перед женским суф(фиксом)-ка возможен дебелый *л*: стрелка, мелкий, колыбелка, елка (из колыбель, ель)).
2.) сгущения других согласных перед теми же суффиксами: дверь — дверной, зверь — зверский, конь — конский, страсть — страстный, грудь — грудной.
Общий закон отончения *л* перед суффиксами распространяется, естественно, и на случай встречи этого звука с окончанием це.

В словах копьецо, ружьецо, присутствие *е* перед суффиксом так ясно, что даже Миклошич, принимающий за нормальное окончание только ьце, приводит эти два примера (Vergl. gr. II, 315). Но очевидно, что нет основания изменять форму окончания, смотря по ударению предыдущего или последующего слога, и потому я полагаю, что в русском языке, для избежания исключений, лучше принять тоже окончание

-ьце в таких именах, как платьце, именьце и проч(их), так как произношение здесь не может служить указанием: известно, что *е* и *и* без ударения беспременно смешиваются в выговоре, и одно пишется вм(есто) другого, напр. пишут цветочик вм. -чек, приедит вм. приедет и т. п.

Подтверждением того, что в р(усском) языке звук *и* (й, ь), как предшествующая принадлежность уменьшительного суффикса цо исчез, может служить и женская его форма ца, которая в ц(ерковно)сл(авянском) опять не является без предыдущего *и* или ь. Миклошич замечает: Das ь von ьса scheint zum Suffix zu gehören, da das auslautende ь des thema wohl in e übergehen würde (Vgl. Gr. II, 315). В русском языке этот ь перед *ц* исчезает, напр. дверь — дверца, память — памятца, область — областца.

Сегодня получил я 2-й вып(уск) II-го тома Вашего Архива и завтра начну читать его: любопытного, вижу, в нем много. Но экземпляр для Славян(ского) комитета еще не прибыл; между тем, я остаюсь здесь еще только неделю; в будущий вторник, 31, думаю ехать в деревню, куда семейство мое уже отправилось. Если вздумаете туда писать мне, адресуйте: в Ряжск (Рязан(ская) губ(ерния)). Покуда примите мою благодарность за последнюю присылку. Ваше мнение о Житецком[4] разделяет и И. И. Срезневский, хотя, впрочем, не предполагает со стороны его умысла.

Покуда довольно. На лето желаю Вам здоровья, благотворного отдыха и поболее воздуха при добром и спокойном расположении духа. Поклон супруге Вашей.

Искренно преданный

Я. Грот

211

1877, 28. maja. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 28. Mai/7. Juni 1877

Hochgeehrter Freund!

Gestern früh erhielt ich Ihren werten Brief vom Juni und hatte sofort Gelegenheit bei Исаков sechs Exemplare der Капитанскя дочь zu kaufen[1].R*

Wir fahren, wie ich Ihnen wohl schon geschrieben habe[2], am 1./13. Juni früh nach *Reval* (Vor der großen Strandpforte, in der Seebadeanstalt von Krausp), wo wir bis zum 13./24. August zu leben gedenken.

Sie werden uns wohl Ihre Potsdamer Adresse nach Reval melden. Heute bin ich leider außerstande, Ihnen viel zu schreiben und sende deshalb nur noch herzliche Grüße an Sie und die lieben Ihrigen

Ihr Ihnen ergebener Schiefner

Vorgestern war Колосов auf der Bibliothek; er hat eine Tochter von dem Mongolen Kowalewski[3] zur Frau; er sah sich Nadeschdin's Aufsatz über die russischen Mundarten in den Wiener Jahrbüchern der Deutschen Literatur an und sagte, daß nächstens Perwolf in Warschau zum Dr. disputieren

werde, da es ihm in St. Petersburg nicht gelungen sei. Grot reist auch nach 2—3 Tagen; der Packen an den Слав(янский) комитет[4] wird also, wenn er noch kommt, lange liegen bleiben müssen.

212

1877, 8. juna. J. I. Baudouin de Courtenay iz Varšave

Варшава, 8/20 июня 1877 г.

Милостивый Государь, Игнатий Викентьевич!

Ровно два года тому назад я получил Ваше письмо[1], в котором Вы соглашаетесь на мое сотрудничество в »Archiv-е«, и я очень виноват перед Вами, что только теперь отвечаю на него. К несчастию, многочисленные мои занятия не позволили мне приготовить ничего цельного для Вашего журнала. Приготовление к лекциям поглощало все мое время, остальное же я посвящал составлению статеек для »Филолог(ических) Записок«[2] и для других русских журналов.

С другой стороны, я и теперь затруднаюсь послать Вам что-нибудь, потому что, как я узнал от говоривших с Вами моих знакомых, Вы совершенно не одобряете теперешнего направления моих занятий. По-Вашему, я, как поляк, должен заниматься польским языком, и оставить исследование южнославянских наречий южным славянам. Кроме того, диалектологические исследования Вам не нравятся по своему существу, и Вы смотрите на них снисходительно, но ничуть не одобрительно. Наконец, и это самое главное, Вы подозреваете точность и верность моих наблюдений, и, между прочим, утверждаете, что характеристические свойства резьянских говоров встречаются тоже в ближайших к ним крайно-словенских (словенских) говорах, тогда как я, исследовавши с точностью все эти говоры (об этом я заявил в своем сочинении), не нашел в них ничего подобного. Конечно, Вы можете иметь такое мнение о моей научной честности, но, согласитесь сами, мне невозможно приб нимать деятельное участие в журнале, главный редактор которого смотрит на меня, как на какого-то лгуна и подделывателя фактов. Если - мы расходились в теоретических взглядах, это другое дело; но ведь Вы, не будучи ни разу ни в Резье, ни в граничащих с нею словенских местностях, подозреваете верность сообщенных мною данных и утверждаете, что те же свойства имеются во всех этих говорах. — Впрочем, я пишу все это только на основании того, что мне выдавали мои знакомые за Ваши слова, которые Вы, может быть, никогда не сказали. В таком случае извините. Но я желал повести дело на чистоту, потому что не люблю недоразумений и ложной деликатности.

В последнем выпуске (2-й II-ого тома) Вы замечаете, что моя гипотеза о происхождении резьянских говоров (я ее вовсе не выдаю за что-то безусловно верное и ставлю только пока, за неимением ничего лучшего) »von allen Seiten« (или что-то в этом роде) »angegriffen wurde«[3], между тем, как мне не известен ни один серьезный »Angriff«, если не считать »Angriff« варшавского литератора, г-на Коротынского (Коро-

tyński) в «Gazecie Warszawskiej«. Но я к таким »Angriff-am« со стороны таких людей, как г-н Коротынский, серьезно относиться не могу.

В Вашей »Übersicht über die neueren Erscheinungen« etc. (I том »Archiv«a) я заметил несколько крупных промахов. Между прочим, Вы указываете на Яковлева »Особенности *балтийского*(!!) наречия«[4], тогда как подобная книжка вовсе не существует, а есть только ничтожнейшая компиляция Яковлева »Особенности *беотийского* наречия« (компиляция из Ahrens'a). — Если Вам угодно, я мог бы прислать Вам некоторые дополнения к Вашей »Übersicht«.

Если Вы не сомневаетесь в моей научной честности относительно сообщаемых мною фактов, в таком случае можно ли посылать Вам для напечатания в »Archiv'e« характеристики отдельных словенских говоров, извлечения из словенских сказок и т. п. (преимущественно мифологического свойства), некоторые интересные памятники словенских наречий, рукописные или печатные, и т. д.?

Получили ли Вы мои статьи, посланные Вам в последнее время?

Тут (в России вообще) разошелся слух, что Вы переселяетесь опять в Одессу. Правда ли это?

Вы мне доставите величайшее удовольствие, ответив *мне по хорватски*.

С истинным почтением остаюсь вполне Вам преданный
И. Бодуэн де Куртенэ

Мой адрес: *Russisch Polen - Warschau*
Mr. J. Baudouin de Courtenay
Prof. à l'Univ. de Kazan
à *Varsovie*

Librairie de E. Wende et Co.

213

1877, 17. juna. P. A. Zimov iz Berlina

Berlin, Zelten 13.
17. 6. 77.

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич,

Я заходил к Вам вчера вечером и сегодня утром, но не застал Вас дома. Дело заключается в следующем: одни мои знакомые очень интересуются Анной Карениной, но из Корол(евской) библиотеки они могли достать только первые две книжки »Рус(ского) Вестн(ика)« за 1875 год[1]; остальные книжки, как им сказали, находятся у Вас; Вы, вероятно, уже прочли их и они Вам более не нужны; если так, то не найдете ли Вы возможность вернуть эти книжки в библиотеку? Вы этим много бы меня одолжили, да кстати помогли бы побить Турка, так как одна из читательниц Анны Карениной имеет в виду перевести на

немецкий язык несколько глав романа и вырученные деньги отдать в пользу раненых.

Простите, что беспокою Вас, и прошу принять уверение в совершенной преданности к Вам

П. Зимов.

214

[1877, sredinom juna-jula]. A. N. Veselovskij iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич!

Прошу Вас не сердиться на меня, если я давно не поблагодарил Вас за Ваш великолепный перевод статьи о Вавилонском царстве[1] — как бы то следовало. Я уверен, впрочем, что и без этих строк Вы были убеждены в моей глубокой к Вам благодарности.

Пересмотрев ныне, по Вашему желанию, немецкий пересказ повести, я заметил лишь одну опечатку, стр. 134, 15 строка сверху: Alevuem вместо Alevuj. Обращу Ваше внимание еще на стр. 138, где текст подлинника неясен. — 17. строка сверху и т. д. перевода. Я понял так: Es waren aber unter jenen Pflanzen zwei Gräser (сличите стр. 141 строка I: Zuerst fanden sie die Pflanzen wieder — я понимаю, что дело идет о тех же zwei Gräser) und rings herum befanden sich allerhand Reptilien и т. д. einige so gross wie Heuschober, sich von der Erde bis zur Spitze heraufwindend.[2]

Относительно второй части у меня нет пока ничего нового: занятый другими сюжетами, я, признаться, позабыл о Вавилонском царстве. Чего не досмотрел я, то, вероятно, досмотрит Келер. Впрочем, я сам тотчас же примусь за дело: быть может, кое-какие дополнения и представятся. Кстати, у меня на следующей неделе будет несколько дней свободных: масленица. Если бы мои заметки не поспели вовремя — делать нечего.

Качича[3], каково бы ни было издание, пришлите на мое имя, лучше всего в Университет: если не возьмет его Пыпин, то возьму я. А лучше всего: пришлите Вашу статью из »Рада«[4]; я горю желанием прочесть ее, потому что сам затеял нечто подобное, хотя и по менее широкому вопросу. Не знаю, что из этого выйдет; если мне не пришлось бы повторить Вас, а сообщить кое-что новое, я обращусь к Вам с вопросами и за указаниями. Статья, может быть, пригодится и для Вашего Архива.

Судьба последнего меня пугает, что станет с ним по переходе Вашем в Одессу? Будете ли Вы продолжать издавать на немецком языке, если бы меркантильная Одесса отказала Вам в субсидии на издание такого же русского журнала? Впрочем, бог с ней, с Одессой; я думаю, что наше Мин(истерство) нар(одного) просв(ещения) не откажется дать Вам средства для издания. Но вопрос является другой: Вы пишете: »я чувствую, как это нелепо, что мы славяне не посредством русского, а немецкого языка беседуем друг с другом«.[5] Но настало ли время русскому языку быть литературным языком славян? Я не знаю, даже не сомневаюсь, а только ставлю вопрос.

Посылаю Вам оттиск статьи Пыпина (Первые слухи о сербской народной поэзии)[6], назначенный для Вас, присоединив кое-что свое. Об Архиве я сам готовлю заметку в Журн(але) Мин. Нар. Просв. Скажите: могу ли я сообщить здесь о субсидии берлинского министра? Это может возбудить соревнование.

Вскоре увидимся и потолкуем. Пока до свидания. Наш поклон от нас Вам и Вашей супруге.

Ваш А. Веселовский

215

1877, 1. jula. Jan Karłowicz iz Wiszniewa

1. lipca 1877. Wiszniew. (p. Smorgonie)

Szanowny Panie Profesorze,

Czasopismo francuskie »Mélusine« zamierza w jednym z numerów swych tegorocznych pomieścić obszerne studium o Meluzynie podaniowej[1]; wiedząc o tym pisałem do redaktorów, donosząc im że w Ateneum warszawskim drukowałem w roku przeszłym obszerną o Meluzynie pracę oraz że w Pańskim »Archiv«ie wkrótce się pojawi streszczenie tej pracy. Wczoraj zaś otrzymałem list od pana Gaidoz, w którym prosi mię o nadesłanie Ateneum i kopii z epitome, które przesłałem Szanownemu Panu. Otóż mu wysyłam zaraz Ateneum, ale wyznaję że przepisanie francuskiego wyciągu byłoby dla mnie uciążliwym. Udaję się więc do Szanownego Pana Professora z prośbą aby mię zechciał zawiadomić: kiedy prawdopodobnie ukaże się 3ci zeszyt tomu II »Archiv«u; a jeżeli to prędko nastąpi, o przesłanie zaraz odbitki do redakcii »Mélusine«.[2]

Dziękuję z góry za łaskawe spełnienie mojej pokornej prośby.

Z niezmiennym uszanowaniem
sługa uniżony
J. Karłowicz

P. S. Adres »Mélusine«y: Paris. À la librairie Viant, rue St. André-des-Arts, 42. Aux directeurs de »Mélusine«.

216

1877, 4. jula. F. A. Schiefner, iz Revala

Reval, den 4./16. Juli 1877

Hochgeehrter Freund!

Von Tag zu Tag harre ich der Nachricht entgegen, daß die von Мамонтов an die Königl. Bibliothek abgefertigten Bücher angelangt sind.[1] Sollte ein Brief von Ihnen verloren gegangen sein? Haben Sie die Güte, mir Gewißheit darüber zu geben. Dann melden Sie mir wohl auch, ob die am 25. Juni/7. Juli von hier abgefertigte Abhandlung des Амфилохий über das Evangelium vom J. 1072 Ihnen richtig zugekommen ist. Auch haben

Sie wohl die Zeitung immer richtig erhalten. Wenn gegen Anfang der nächsten Woche, also am 23, 24, 25. die Zeitungen nicht pünktlich anlangen sollten, so erklärt sich dies durch eine kleine Vergnügungsfahrt zu einem Verwandten. Ich sende die Nummern dann, sobald ich wieder zurückgekehrt sein werde.

Nun eine Frage, welche Sie ganz ungeniert beantworten müssen. Mein Sohn Meinhard wird das nächste Wintersemester und vielleicht auch noch das Sommersemester darauf in Berlin studieren. Meine Frau würde nur ruhig sein, wenn sie ihn in guten Händen wüßte.[3] Deshalb frage ich an, ob es Ihnen tunlich wäre, ihn in dem Zimmer, das ich im Oktober bewohnte, unterzubringen, natürlich nur unter der Bedingung, daß er Ihnen monatlich den Ihnen konvenierenden Geldbetrag für das Zimmer entrichte. Meinhards wegen ist es uns lieber. wenn er bei einem Glaubensgenossen wohnt. Ob wir noch weiter gehen dürfen und Sie vielleicht so gut sein werden, ihn auch in die Kost zu nehmen, ist eine andere Frage, welche Sie ebenso wie die erste ganz aufrichtig bejahen oder verneinen dürfen, ohne daß sich meine Gesinnung gegen Sie auch nur um das Geringste ändern dürfte. Die Freiheit ist mehr wert als alles und deshalb dürfen Sie ganz ungeniert sagen, was Sie auf dem Herzen haben, auch ohne weiteres den Ansatz für die Wohnung, sowie im günstigsten Falle für Wohnung und Kost machen. Daß Meinhard ein stiller und gefügiger Jüngling ist, werden Sie uns glauben und selbst erfahren. Er hat bisher so gut wie keine Freunde gehabt und es fehlt ihm, da er nur wenige Wochen außer dem elterlichen Hause zugebracht hat, durchaus an Erfahrung mit der Welt. Er könnte in Berlin leicht in die Hände von Leuten geraten, die seine Gutmütigkeit ausbeuten würden, Natürlich wäre es uns sehr lieb, wenn Sie uns Ihre Ansicht nicht zu lange vorenthalten würden, da wir auf den Fall, daß Ihnen die ganze Sache ungelegen käme, uns an andere, mehr oder weniger nahestehende Freunde wenden könnten.

Wenn Sie Antwort geben, vergessen Sie gütigst nicht, über die Мамонтов'sche Sendung Bescheid zu geben. Ich bin etwas unruhig.

Mit den herzlichsten Grüßen an Ihre liebe Frau von der meinigen und mir

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

217

1877, 9. jula. Jan Karłowicz iz Wiszniewa

9/21. lipca 1877. Wiszniew.
przez Wilno, Smorgonie.

Szanowny Panie Professorze,

Dziękuję za list Pański z d. 7. b. m. n. st. i zawarte w nim wiadomości. Bardzo rad jestem że Pan umyślił do streszczenia mojej rozprawy o Meluzynie i Wandzie dodać skrócenie pracy Römera[1]; rzecz oczywista iż gdy dwa promienie, z różnych stron padając, oświecą przedmiot, takowy się więcej wyjaśni.

Winienem przed Panem żem Mu w poprzednim liście nie podziękował za referat Jego o mojej robocie litewskiej[2]. Więc choć teraz dopełniam tego, powtarzając, com w Ateneum wyraził, iż oceny i krytyki Pańskie wogóle się odznaczają tonem prawdziwego uczonego, spokojnym i bezżółciowym, a przez to nie zniechęcają, lecz owszem zachęcają krytykowanego, przedmiot zarazem wyjaśniając; taką jest i ocena mojej rozprawy o litewszczyźnie, dziękuję więc za nią bom z niej skorzystał widząc błędy moje wykazane spokojnie, a zalety łaskawie podniesione, co mię samego we własnych oczach zasłużeńszym czyni, więc i do dalszej pracy pobudza.

Chciałbym nowymi pracami przysłużyć się »Archiv«'owi Pańskiemu.

Naprzód, mam przygotowaną dość obszerną pracę: »Słoworód ludowy (Volksetymologie) polski«[3], zbiór przeszło 1000 wyrazów, które z mniejszą lub większą pewnością uważam za całkowicie lub częściowo utworzone pod wpływem etymologii gminnej.

Powtóre, od lat przeszło dziesięciu przygotowuję »Słownik wyrazów obcych (Fremdwörterbuch)[a)] przez[a)] Polaków[a)] używanych[a)4]«; chcę aby był obszerny i ile można wyczerpujący[b)]. Znacznej ilości wyrazów nie umiem dotąd wyjaśnić etymologicznie. Czy pozwoli Szanowny Pan abym, za pośrednictwem pisma Jego, odwołać się mógł do współudziału i pomocy językoznawców, przedstawiając im spis wyrazów, mających pozór niesłowiański, a trudnych (dla mnie przynajmniej) do wyjaśnienia pod względem słoworodu? Tą drogą chciałbym oświetlić cienie słownikowych moich zaułków.

Niech Pan nie śpieszy z odpowiedzią; nie chciałbym Mu przerywać chwil wypoczynku w Poczdamie, proszę więc o odpowiedź chociażby późniejszą.

Odbitkę z 2go zeszytu tomu II »Archiv«'u otrzymałem w kilka dni po jej wysłaniu, z literami Д. Ц. świadczącymi iż była »Досмотрена Цензурою«.[5]

Dziękuję za wszelką okazywaną mi dotąd uprzejmość, polecam się łaskawym względom Pana Professora

uniżony sługa
J. Karłowicz

P. S. Pokornie proszę o wzajemność załączając fotogram mój.

SMŽ. [a)] ø (izostavljeno). — [b)] wyczerpający

218

1877, 11. augusta. P. A. Zimov sa dače

11/23 августа 1877

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич.

Я очень виноват перед Вами, что уехал из Берлина, не простясь с Вами и не поблагодарив за тот радушный прием, который я всегда встречал в Вашем доме. Объяснением, если не оправданием, такого моего неприличного поступка может служить то, что мне вдруг понадобилось уехать несколькими днями раньше, чем я предполагал. Надеясь на Ваше великодушие, прошу извинения у Вас и Вашей супруги.

Теперь я живу в деревне, в Тульской губ(ернии), и наслаждаюсь всеми благами деревенской жизни; жаль только, что наше лето уже на исходе; последние дни идет осенний дождь и довольно холодно; через неделю или две перееду в Москву.

Надеюсь, что Вы не отложили своего благого намерения побывать у нас нынешнею зимою; если же я и до тех пор могу быть чем-нибудь для Вас полезным, то, пожалуйста, распоряжайтесь мною без церемонии. Вс. Миллеру было передано Ваше желание иметь его сочинение (адрес б(ыл) дан Ваш берлинский); если же Вы и до сих пор не получали »Слово«, то потрудитесь написать мне об этом, и я приму тогда свои меры.

Мать моя и сестра просят меня передать Вам свои усердные поклоны. Вашей супруге прошу засвидетельствовать мое почтение.

Преданный Вам

П. Зимов

P. S. Если вздумаете написать[1], то адресуйте в Москву, в старое здание университета, профес(сору) Столетову для передачи П. А. Зимову.

219

1877, 13. augusta. J. K. Grot iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич.

Уезжая в Швецию на юбилей Упсальского университета[1] (как депутат Академии Наук), спешу уведомить Вас, что я на днях получил чрез Фосса отправленные Вами на мое имя книги »Archiv f. Slav. Philologie«, которые и переданы мною вице-председателю Славянского общества И. Ф. Золотареву. Полагаю, что согласно выраженному мною при этом желанию, Общество за удовольствие поставит себе доставлять и Вам свой Сборник. Перед отъездом моим в деревню в мае месяце и редактор Журнала Мин. просв. г-н Феоктистов обещал мне отправлять к Вам книжки этого издания. — В течение лета, после занятий в тамбовском архиве над собиранием материалов для биографии Державина, я работал над русской грамматикой и кончил первый отдел до частей речи, давая в то же время уроки своей дочери.

Из Берлина получил я на днях от книгопродавца Вебера, по моему заказу, экземпляр редкой книги, который я долго искал напрасно, Heyse, System der Sprachwissenschaft[2]. Я за нее заплатил 21 1/2 марки. Рекомендую Вам этого книгопродавца, за его аккуратность: он год тому назад лично обещал мне эту книгу и сдержал свое слово.

В сентябре надеюсь иметь удовольствие видеть Вас в Петербурге. Сейчас прочел телеграммы Великого князя из Горного Студня: до сих пор наши славно отражают Турок при Шипке[3].

Искренно преданный

Я. Грот

13/25 августа 1877
С. Петербург

220

1877, 19. augusta. F. A. Schiefner, iz Revala

Reval, den 19./31. August 1877

Hochgeehrter Freund!

Am 17./29. d. M., also vorgestern, sandte ich Ihnen eine Korrespondenzkarte mit der Nachricht, daß wir heute nach einer Woche von hier nach St. Petersburg reisen, woselbst ich ein Lebenszeichen von Ihnen vorzufinden hoffte. Einen Tag zuvor, den 28./16., hatten Sie an mich gedacht, wie der heute angelangte Brief mir bezeugt. Diesen muß ich Ihnen sofort beantworten, um Ihnen Erklärung darüber zu geben, daß ich Ihnen noch nicht auf Ihren früheren Brief vom 21./9. Juli geantwortet habe. Seit jener Zeit waren wir in großer Sorge, weil wir befürchten mußten, es könne unser Sohn, selbst wenn er als einziger Sohn von der Militärppflicht enthoben würde, dennoch zur Landwehr einberufen werden. Seit gestern wissen wir nun, daß der Kaiser den Paragraph über die Vergünstigung der einzigen Söhne auch auf die Landwehr ausgedehnt hat, allein immer noch fragt es sich, ob unter den jetzt obwaltenden Umständen unser Sohn die Erlaubnis erhält, ins Ausland zu reisen bevor die zu Ende des Novembers stattfindende Einberufung sämtlicher im 21. Lebensjahr stehender Jünglinge vorüber ist. Erst in St. Petersburg erfahre ich das Nähere darüber. Es könnte also sehr wohl sein, daß er dennoch erst im Dezember zur Abreise kommen wird. Im günstigsten Fall bekommt er früher einen Paß. Nun fragt es sich aber, ob er dann noch zu den Vorlesungen an der Universität zugelassen werden wird mit den Rechten eines Immatrikulierten. Über diesen Punkt können Sie uns veilleicht eine Aufklärung schaffen. Mir ist es hundstüchtig darum zu tun, daß er ein mathematisches Seminar bei Weierstraß od. Kummer arbeiten kann; auch bei denselben Herren od. einigen anderen Vorlesungen höre. Da er für die reine Mathematik besondere Vorliebe hat, ist es ihm nicht schwer gewesen, sowohl in St. Petersburg als auch hier im Sommer die schwersten Stücke der reinen Mathematik durchzurechnen; allein das lebende Wort hat auch seine Reize und seine großen Vorteile.

An dem Tage, an welchem Sie die Kolonie zu verlassen gedenken, d. h. den 15./3. September, sind wir bei uns schon in Ordnung u. rechnen darauf, Sie dann recht bald bei uns in St. Petersburg za sehen. Nur bitten wir Sie, uns den Tag Ihrer Ankunft ungefähr 2—3 Tage früher zu melden. Platz haben wir hinreichned und werden uns freuen, Sie in unserer Mitte zu haben. Auch können dann die Zwerge umso ruhiger sein.

In St. Petersburg mache ich jetzt sehr wenig. Zu und wieder hatte ich eine Korrektur, so auch heute noch; ich drucke tungusische Wörterverzeichnisse des Naturforschers Czekanowski. An diese Arbeit reiht sich nun ganz schlicht eine Wiederholung meiner mongolischen Studien, welche ich vor dreißig Jahren eifrig betrieb. Ich bin gebeten worden, die von den Engländern Swan und Stallybras im J. 1846 zu London gedruckte mongolische Übersetzung des Neuen Testaments einer Durchsicht zu unterwerfen und habe diese Arbeit nun schon glücklicherweise zur Hälfte überstanden.

Bin ich nach St. Petersburg zurückgekehrt, kommt zunächst eine tibetische Arbeit an die Reihe, da ich Pott zu seinem 50-jährigen Doktorjubiläum, das am 17. November stattfinden soll, ein kleines Schriftchen über verschiedene Punkte der tibetischen Grammatik widmen will.

Außer mir lebt auch Wiedemann nebst Familie hier in Reval; neulich besuchte ich ihn in Gesellschaft von Prof. Budenz[1], der aus Budapest über St. Petersburg nach Helsingfors und ins Junem von Finnland gegangen war, aus Helsingfors aber über Reval und Dorpat wieder nach Hause gereist ist.

Mit den herzlichsten Grüßen an Ihre liebe Frau u. Kinder

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Herzliche Grüße auch von meiner Frau und Tochter an die lieben Ihrigen.

221

1877, 9. septembra. A. F. Byčkov iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич.

В ответ на Ваше письмо поспешаю Вас уведомить, что отделение рукописей Публичной библиотеки в настоящее время к Вашим услугам и ждет, вместе с его хранителем, Вашего сюда приезда.

До сих пор известия с театра войны крайне неутешительны: с большими потерями и усилиями приходится славянам завоевывать самостоятельность и независимость; но, быть может, в этом трудном процессе и заключается залог жизненности нашего племени. Душа болит при каждом известии и переживает такие же тяжелые минуты, какие выпадают на долю нашим храбрым бойцам при Плевне.[1]

Примите уверение в моем истинном к Вам почтении и преданности

Ваш
А. Бычков

СПб
9 сент(ября) 1877

222

1877, 13. septembra. A. A. Potebnja iz Harkova

Милостивый государь Игнатий Викентьевич!

Благодарю Вас за оттиски из »Archiv II, 3«[a]. О сочинении Кочубинского я постараюсь написать нечто[1]; но так как в настоящее время мне трудно сосредоточиться (я принужден обстоятельствами читать лекции о вещах мало мне знакомых), то успею, вероятно, не раньше декабря или января.

Из статьи моей о соч(инении)[b] Житецкого, когда будет напечатана, Вы[c] увидите, что я его не хвалил[2]. Кроме частностей, мне в нем не нравится черта, к сожалению слишком часто встречающаяся у наших (и не наших) ученых и неученых, именно забвение пословицы »не хвалися идучи на рать« и »iегда званъ будеши на бракъ, не сяди на предьнѣмь[d] мѣстѣ«, чтобы не пришлось потом »с' соромъмь посѣдатися[e] ниже«. К слову о Житецком. В интересном стихотворении Arch. II, 298[f] сл. он, по моему мнению, ошибочно читает кое-что. На стр. 29[g] стоит Hanskomy вм(есто) chanskomu. На стр. 298 wsemu miru вм. myru. Согласно с этим я[h] читаю:[3]

Oj riko Styru, szczo *chwylo-wyru*!
Jak*uju* wsemu myru,
Hde w Dnipr wpadajesz, opowidajesz
Radost': z wojny, czy myru?

= О река Стырь, ты волна-виръ (водоворот)! Какую (радость)[i] новость[i] (ср. хабер (= Мр. хабарь, *подарок*, взятки) в смысле »добре гласе«), т. е. что хорошего сказываешь ты всему миру (по древнему вьсь миръ = мир) там, где впадаешь в Днепр: (сказываешь ли ты) войну или мир?«

Стало быть о Хмѣлѣ — Хмельницком и о вере[j] здесь нет речи (Archiv ib. 302, прим.)

Остаюсь с совершенным уважением

13 сент(ября) 1877 А. Потебня

SMŽ. [a] Архива II. 3. — [b] сочин. — [c] ø. — [d] предьнимъ. — [e] посѣдаться. — [f] — сл. — [g] 299. — [h] ø. — [i] новость (радость; серб. хабер — мр. . . . — [j] — и.

223

[1877, u septembru]. A. N. Veselovskij iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич,

Позвольте предложить Вам обещанные мною оттиски моих статей. Если я не ошибаюсь, я переслал Вам в разное время 7 первых оттисков моих »Опытов по истории христианской легенды«; при сем прилагается 8-*й и последний*.[1] Если бы оказалось, что предыдущие оттиски у Вас разрознены, то я могу посулить Вам полную их коллекцию — будут они Вам нужны. Вы меня тем обяжете, что освободите — загруженную оттисками полку.

Следуют далее: *заметка о Светогоре — Разбор книги Кирпичникова:* 1-*ая часть* (о греческих романах) помещена в »Вестнике Европы«, *вторая* (Варлаам и Иоасаф) в Ж(урнале) М(инистерства) Н(ародного) Пр(освещения). — *Новый взгляд на Слово о полку Игореве* в Ж. М. Н. Пр.[2]; Italienische Mysterien in einem russischen Reisebericht d. XV. Jahrhunderts в Russ(ische) Revue.

Не потрудитесь ли Вы передать проф. Тоблеру оттиски тех же Mysterien и письма Боккаччьо?[3] Оттисков моей статьи из Romania XXII (Le Dit de L'empereur Constant) я еще не получал; как получу, пришлю Вам.

Теперь моя просьба: в римском журнале, изд. Carducci, под заглавием Le Buonarrotti, в июльском N 1872 года помещена статья Штейншнейдера о так называемых диалогах Сидраха. Я писал о них в 1872 году и тогда мог воспользоваться его работой; теперь мне понадобилась вторичная исправка, а журнала нет как нет. Я сомневаюсь, чтобы у Штейншнейдера были свободные оттиски его статьи, или даже свободный N журнала, который он согласился бы мне пожертвовать. Но, вероятно, в библиотеке это издание существует. Нельзя ли попытаться достать требуемый N и сообщить его мне, на несколько дней, все равно каким — частным или официальным путем? Я был бы Вам очень благодарен за это посредничество.

Ваш А. Веселовский

224

1877, 6. oktobra. Jan Karłowicz iz Wiszniewa

6. października 1877. Wiszniew
(przez Smorgonie)

Z całego serca dziękuję Szanownemu Panu Profesorowi za miły list, którym mię świeżo obdarzyć raczył, za zaszczytny i pożądany epitet przyjaciela rozpoczynający pisanie i wreszcie za fotografię[1], która mi będzie stałym upominkiem od bliskiego serca a wysoce poważanego człowieka.

Dziękuję również za pozwolenie korzystania z »Archiwum« dla wyjaśnienia ciemnych wyrazów polszczyzny: nie omieszkam wkrótce do niego się odwołać.[2]

Od dra Brücknera pracy jego nie otrzymałem; jeżeli tylko zdołam recenzję jej z przyjemnością do »Archiwum« przygotuję.[3]

Dziękuję za przyrzeczenie adresu petersburskiego; nim go otrzymam, wysyłam ten list, w nadziei iż go Panu przeszlą do stolicy Rossyjskiej.[4]

Szczerze oddany i wdzięczny Zacnemu Panu

przyjaciel i sługa
J. Karłowicz.

225

[1877], u oktobru. P. P. Vjazemskij iz Petrograda

Милостивый государь Игнатий Викентьевич,

Сердечно благодарю Вас за доставленные Вами мне Ваши статьи. — Весьма сожалею, что Вы не посетили нас в среду. Я для Вас приготовил несколько образцов *положительной мужицкой* работы[1] и отнюдь не раскольнического происхождения. Лицевое житие царевича Димитрия,

писанное явно в деревне, ходившее по самым черным рукам и работы весьма оригинальной и наивной, но при большем мастерстве. — Посылаю Вам два заглавных листка к р. IX и X. ранных изданий для замены тех, кои приложены, а равно и No XI, который Вы забыли с собой взять; прилагаю также маленький сборник, изданный мной для нашего общества, который также произведение весьма близкое к нижайшим слоям общества. — Он написан для купца в начале второй половины прошлого столетия. Сборник иллюстрирован вклеенными гравюрами более или менее лубочными, на листах заранее приготовленных писцом, согласно с изданым по обороту листа facsimile распятия. Подобная вклеенная иллюстрация рукописей из печатанных изданий встречается часто. No. XI издан мною, сознаюсь, под впечатлением значения, которое Иоанн Предтеча, пустынный гражданин (стр. 177) имеет в нашей церкви. 24 сентября есть день поминовения всех на брани убиенных. Кроме того, и время написания рукописи важно, как[a)] оно совпадает (1550) с собором 1547 года, имевшего влияние на составление служебных миней. Распространение у нас печатных служебных миней и многочисленность древнейших миней, так называемых славянских, дают возможность воспользоваться изданными текстами для сравнения редакций, так что я полагал бы не бесполезным и впредь от времени до времени издавать самые замечательные службы по обоим уставам, Афонскому и Иерусалимскому, именно как тексты удобные для сравнения по самому их у нас распространению. — Защита моя издания служб в память Предтечи слаба, и я весьма опасаюсь, что заслужу порицание за издание, в моих глазах оправдываемое лишь тем состоянием духа, в котором я находился в сентябре месяце. — К извинению моему послужит и то соображение, что цель нашего общества не работать исключительно в пользу ученых ни по их программе. — Многие люди из наших сочленов познакомятся с службами в память Иоанна Предтечи по нашему[b)] изданию, которые не подумали бы и заглянуть в печатные. Поддержите, пожалуйста, наше начинание. Ваш орган будет иметь у нас значительное влияние при обсуждении первых наших шагов. — Не забудьте, что наше общество, хотя и утверждено, пока вовсе не организовано, так как его начинание совпало с началом войны; а большей части наших членов до сих пор в Петербурге нет. — Одна из главных целей при выборе текстов было доставить[c)] занятие для работников (т. е. писцов литографическими чернилами, не имеющих возможности[d)] оставаться без дела) во время летнего закрытия библиотеки, и вместе с тем дать возможность[d)] обществу ознакомиться наглядно с разнообразными рукописями, разнообразными способами их издания, стоимостью разного рода изданий и доступности дела для любителей. — По моему мнению необходимо издавать как можно более всякого рода текстов с дипломатической тонкостью[e)] и идти от ближайшего к нам к эпохе более отдаленной, и потому менее доступной для понимания. — Противоположная система оказывается, по крайней мере для нашей публики, непрактической, так как деятельность наших ученых издателей не находит сочувствия в публике. — Мне кажется, впрочем, что и Загребская Академия идет

теми же путями[f)], что и мы.— Честь имею представить Вам и мои *варианты* на Слово о полку Игореве. Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности

Павел Вяземский

Октябрь 1877 г.

PS. Я ошибочно указал Вам на выписки из Иоанна Егз. Болгарского, изд(анного) Калайдовичем. — Упоминание о Гомере, Кирилле Философе и о сотворении телес человеческих встречается в Румянцевской рукописи (Вост. CXCI). Сравните в моих вариантах стр. 191 и 192. — Выписки из грамматики, о коей я Вам говорил, находятся на стр. 178—196.

SMŽ. [a] ø. — [b] моему. — [c] доставить. — [d] возможности. — [e] точностию. — [f] тем же путем.

226

[1877, u oktobru]. A. N. Veselovskij iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич,

Посылаю Вам небольшую заметку; не знаю, пригодится ли. Вскоре пришлю и другую (о Цецшвице)[1] и, может быть, и третью. Посылаю также 7 первых статей моих Опытов, так как Вы их, как оказывается, не получили в свое время. Для удобства я не переномеровал 8-й (и последний: Freiheit — Элевθерий у Вас.)[2] Не забудьте, при случае, о статье Штейншнейдера в Buonarrotti, о которой я Вас просил.[3] Много обяжете.

Ваш А. Веселовский

227

1877, 22. oktobra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 22. Oktober/3. November 1877

Hochgeehrter Freund!

Vor allen Dingen unseren herzlichen und innigen Dank für die schleunige Beruhigung, welche uns Ihr lieber Brief gebracht hat. Er kam vor einer Stunde in unsere Hände, als ich eben mit St. Paul im Himmel war. Es traf sich nämlich, daß ich vorgestern abend einen dicken Packen Korrektur[1] nebst Manuskript aus Agram erhielt. Da ich der Post bemerkt habe, daß man immer nach Geschriebenem in den Kreuzband-Sendungen sucht, stieg in mir die Befürchtung auf, man könne Schwierigkeit machen. Also entschloß ich mich vorgestern abend, die Korrektur nach besten Kräften selbst zu machen, allein da ich weder an dem Abende noch gestern früh fertig wurde, beschloß ich, die Bögen erst heute abzusenden, sie selbst auf die Post zu tragen und Nachfrage zu halten. Damit ich dieselben unversichert aufgeben könne, las ich nun noch eine zweite Korrektur und fand richtig manches. Ganz ohne Arbeit bleiben Sie deshalb nicht und werden Ihr Teil

zu tun haben. Ich habe vom Bogen 9, S. 129—137 genau mit der ersten Korrektur verglichen und alles notiert. Deshalb sende ich Ihnen die Blätter der Korektur nicht; auch nicht das Manuskript zum Folgenden und tue letzteres nur, wenn Sie ausdrücklich darnach verlangen. Es soll nichts verloren gehen.

An Meinhard kann ich erst heute abend schreiben, so daß der Brief morgen früh um 11 Uhr von hier abgeht.

In größter Eile mit herzlichen Grüßen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Melden Sie durch Meinhard, daß Sie die Korrektur erhalten haben.

228

1877, 22. oktobra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 22. Oktober/ 3. November 1877

Hochgeehrter Freund!

Kaum hatte ich meinen Brief heute beendigt, so kamen zwei geistliche Herren protestantischer Konfession, ein Generalsuperintendent Laaland u. ein Pastor Vierhof aus Wenden, um Steinwerkzeuge des Museums zu besehen. So konnte ich nicht einmal selbst zur Post, um dort zu erfahren, ob man Manuskripte beilegen darf. Richard besorgte die Absendung der Korrektur; hoffentlich gelangt dieselbe bald nach diesem Brief in Ihre Hände[1]. Als ich nach 3 Uhr nach Hause gelangte, fand ich einen Packen von Вяземский vor, den ich erst nach einigen Tagen absenden kann. Der Inhalt ist

1) Слово о плъку Игореве. Исследование о вариантах князя Павла Петровича Вяземского, СПб, 1877, 263 Seiten,
2) IX Обретение главы пророка и крестителя Христова Іоанна предтечи пресвитером и архимандритом Маркеломъ въ Ефесе, и Царствованіе Валентиниана и Маркиана *nur zwei Kunstblätter, Titel und Einleitung*; *X.* въ 29 день мѣсяца августа Слово Іоанна Златоустаго на усекновение главы Іоанна предтечи и О Иродіи и о добрыхъ женахъ и о злыхъ. л. 76 — 83, *ebenfalls nur zwei Kunstblätter, Titel u. Einleitung* (richtiger 2 Doppelblätter in 4°).
XI. служба месяца сентября КГ на зачатіе ЧСТНАГО предтечи и крtля Іѡанна (л. 215—22) месяца іюня на ржтво стаго и славнаго пррка Иоанна (л. 163 — 182) мсяца іюня КЕ стыя прпбно мчнца Февронiа ѡ҃данiе праздника предтечи (л. 164 — 194) — XУ, in Folio, 12 Blatt: из малого сборника состоящего из одиннадцати статей въшедших въ обширный энциклопедический сборник принадлежащий кн. А. П. Вяземскому, сборник составлен в царствовании Елизаветы Петровны и писан на 585 листах тем же почерком[2].

Da die ganze Geschichte 2 1/2 lb wiegt, ziehe ich es vor, eine Sendung im Packen zu machen; der also erst nach einigen Tagen abgehen kann. Auch den Brief sende ich nach. Вяземский bedauert, daß Sie nicht am Mittwoch zu ihm gekommen sind[3]. Wie der Brief besagt, haben Sie Nr. IX u. X durch Versehen nicht mitgenommen. Der Brief enthält nichts Wichtiges und wird stets zurechtkommen; er ist auf so dickem Papier geschrieben, daß ich ihn nicht beischließen kann.

Nächstens schicke ich Ihnen den Artikel über самовар.[4] Bei Roch(ette) und auch bei Левшин sind authepsae aus Pompeji abgebildet. Das System ist. wie beim Samowar, nur die Gestalt anders.

Nun mit den besten Wünschen und herzlichen Grüßen von Вяземский

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

229

1877, 24. oktobra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 24. Oktober/5. November 1877

Hochgeehrter Freund!

Gestern sandte ich als Packen die Ihnen gehörigen Sachen Вяземский'[1]. Ich bezahlte das Porto bis zur Grenze, weil die Hälfte des Packens (ein Kuvert) Meinhard zur Verteilung gesandt wird[2]; Sie zahlen das Porto von der Grenze bis Berlin!

Beiliegend drei kleine Artikel zum beliebigen Gebrauch.[3]

Die historische Gesellschaft sitzt erst nach einigen Wochen, die archäologische Sonnabend; ihr Sekretär ist Помяловский an den ich die Eingabe machen werde, ebenso an Jeremejew, den Sekretär der mineralogischen Gesellschaft.

Heute nur noch herzliche Grüße und die besten Wünsche

von Ihrem Ihnen ergebenen
A. Schiefner

Алекс. Ник. Веселовский möchte wissen, ob das nächste Heft vom Archiv bald erscheinen wird. Auf der Post erfuhr ich gestern, daß man Manuskript nebst Korrektur senden darf. Nun ist es zu spät; ich habe bei der Korrektur sehr viel zugelernt, wenn sie auch lange dauerte.

230

1877, 27. oktobra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 27. Oktober/8. November 1877

Hochgeehrter Freund!

Heute gelangte der liebe Brief Ihrer Frau Gemahlin an meine Frau, für den letztere einstweilen dankt und baldigst antworten wird; jetzt ist es bereits Abend und sie sieht dann nicht gut. Dennoch muß ich Ihnen schreiben, um Ihnen beifolgenden heute angelangten Brief zu übersenden. Es kam auch ein Brief von Herberts, der sich wundert, daß Meinhard noch nicht bei ihm gewesen ist; er muß bald hingehen.

Schon neulich erzählte mir unser Buchhalter, er habe von Grot Order, Ihnen ein Exemplar des Akademischen Wörterbuchs zukommen zu lassen[1]. Grot bestätigte dies gestern. Natürlich sende ich Ihnen das dicke Werk A. H. nach einiger Zeit, Sie brauchen es wohl nicht so dringend.

Heute übersandte ich Помяловский das Gesuch an die archäolog(ische) Gesellschaft und sah ihn auch selbst; hoffentlich wird das Gesuch genehmigt[2].

Noch muß ich Ihnen melden, daß eine Art Seekuh der Dugong oder Manati im Roten Meer bei den Arabern der See-Elephant heißt, wie mir mein Kollege Brandt sagte; dies zum Artikel *слон*.[3]

Ich war Mittwoch oder Dienstag früh bei Stendtmann u. bat ihn, er möge Fürst Вяземский melden, daß ich seine Sachen an Sie befördert habe.

Nun noch herzliche Grüße von uns allen an Sie, Ihre liebe Frau und alle Angehörigen. Hoffentlich schreibt Meinhard bald, ich komme heute nicht mehr dazu, ihm zu schreiben.

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

231

1877, 28. oktobra. A. A. Kunik iz Petrograda

28. Oktober 77.

Hochgeehrter Herr Kollege!

Gestern hatte die archäologische Kommission eine Sitzung. Бычков brachte Ihren Wunsch vor[1] und ich fügte meinerseits hinzu, daß bei diesem Gesuch noch ein besonderes Motiv in Betracht komme, was sonst in ähnlichen Fällen nicht immer der Fall sei, nämlich daß man in der Berliner Bibliothek wirklich russische Bücher vertrage und lese. Man fand es ganz natürlich, daß ein solches wissenschaftliches Zentrum, wie Berlin, endlich an die Ausfüllung seiner zahlreichen Lücken in Slavicis denke etc.

Die weitere Abwicklung der Sache ist mir und dem Schriftführer der Kommission überlassen. Letzterer wünscht von mir nur zu erfahren, welche Bände er zusammenlegen soll und wohin dieselben abgetragen werden sollen.

Ich bitte Sie nun, mir ein ganz kurzes Verzeichnis der schon in Berlin befindlichen Ausgaben der Kommiss(ion) zu schicken. Titel natürlich ganz kurz, z. B.
ПСобр. Том ... 18 NB die *Jahreszahl* дополн. к акт. . . . том .

Es wäre nicht übel, wenn Sie uns angeben könnten, von welchen Bänden Sie zwei oder 3 Exemplare besitzen. Vielleicht könnten Sie uns ein oder zwei Bände als Äquivalent überlassen.

Besitzt die Bibliothek vielleicht einige Dubletten von Polonicis, Bohemicis, *Lusaticis* oder südslavischen Publikationen? Ich würde Ihnen dafür aus der akadem. russischen Bibliothek Dubletten zukommen lassen und zwar so, daß der Vorteil auf Ihrer Seite sein würde.

Durch wen sollen die Bände der Kommission expediert werden? Durch die deutsche Gesandtschaft?

Mit freundlichem Gruß

Ihr Kunik

An die archäographische Kommission.
Etwa in folgender Weise:

Die Königl. Bibliothek ist im Besitz der Ausgaben der K. bis 1860 und hält es für sehr wünschenswert, diese wertvolle Sammlung zu vervollständigen. Sie erlaubt sich dabei an die Kommiss. die Bitte zu richten, ihr die fehlenden Bände zu verehren ...

Auf Formalitäten wird bei solchen Gesuchen kein Wert (in der Kommis(ion)) gelegt. Halten Sie es für möglich, hinzufügen zu lassen, daß bei den steigenden Bedürfnissen es schwer fällt, alle Lücken auszufüllen, — desto besser.

В Театральной улице. Wenn Sie A. F. Byčk(ov) besuchen könnten, so wäre es leicht möglich Ihnen (ohne Lepsius) schon jetzt die Ergänzungen zu verschaffen. Sagen Sie ihm nur, daß die russ. Bücher auf der Bibl. immer mehr verlangt und benutzt werden.

Übermorgen schicke ich Ihnen ein Exemplar von Гедеонов und einen Separatabdruck des Aufs(atzes) über serbische Annalen. (из Слав. сборн.)

Ich weiß nicht, ob die Berliner Bibliothek den hat. Das wäre eine Sammlung, um auch Lepsius und Konsorten begreiflich zu machen, wie notwendig russische Werke (sind). Ich kann in diesem Augenblick nichts dafür tun. Vielleicht entschliesst sich Stendtmann, der Sekretär der hist. Gesellschaft, Ihnen behilflich zu sein.

Kunik

[1] В археографическую комиссию
[2] Сборник историч(еского) общества (в Спетерб(урге)

232

[1877, 2. novembra]. A. N. Veselovskij iz Petrograda

Многоуважаемый Игнатий Викентьевич,

В Риме издается (под редакцией Carducci) журнал под названием Buonarrotti, в котором сотрудничает Ваш Штейншнейдер. В 1872 г. в июльской книжке он поместил там статью о Libro di Sidrach[1]. В то время я сам был в Италии и мог воспользоваться этой статьей для одной работы, которая и появилась на русском языке. Теперь мне статья Штейншнейдера снова понадобилась, а журнала здесь нет. Указать теперь, что мне в статье нужно — я теперь не могу; надо пересмотреть ее самому. Нет ли у Штейншнейдера экземпляра, которым он мог бы снабдить меня на самое короткое время, напр. на неделю? Я бы возвратил его ему с благодарностью. Вот в чем состоит моя просьба.

О моих »Легендах« лучше бы подождать писать. Во-первых, мне бы хотелось прислать Вам небольшую критическую заметку о книге

Цецилиа[2], во-вторых, »Легенды« должны вскоре появиться в новом, исправленном издании, которое я поспешу сообщить Вам — с просьбой сообщить о нем, что Вы найдете нужным и возможным.

На днях случился со мной такой казус. Я иногда, как Вы знаете, пописываю в Russische Revue и гонорар забираю отчасти книгами: Вам известно, что издатель Revue вместе с тем и книгопродавец. Вот я и рассчитал, что мой книжный счет, который я ожидаю к декабрю, превысит мой гонорар, и согласно с этим расчетом принялся строить немецкую статью. Против ожидания она вышла, для меня по крайней мере, довольно интересная и хоронить ее в Russische Revue мне стало жалко. Я так рассчитал: вот статья готова по-немецки; я предложу ее Вам, затем, так как и мне необходимо essen und trinken, переделаю ее по-русски и передам в мой вечный орган: Журн. Мин. Нар. Просв. — Майков изъявил согласие на такую комбинацию; не знаю, что скажете Вы? Статья явится в некотором роде продолжением моего Дигениса, но совершенно самостоятельным. Когда явится следующий N Архива? Если не поленитесь, ответьте,

Ваш А. Веселовский

233

1877, 3. novembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 3./15. November 1877

Hochgeehrter Freund!

Der jetzige Professor der Philosophie in Dorpat, Teichmüller, hatte, als er in früheren Jahren als jüngerer Gelehrter hier lebte, die Eigentümlichkeit, daß er keinen Freundschaftsdienst sich gefallen ließ, sondern womöglich alles bezahlen wollte. Sie können Sich denken, wie unangenehm denjenigen zu Mute war, die mit ihm zu tun hatten. Ein solcher zu sein wie er, fällt weder mir noch meiner Frau ein, allein es treibt uns ein Gerechtigkeitsgefühl dazu, Ihnen die Mehrausgaben, welche Sie offenbar auch in diesem ersten Monate durch den Aufenthalt meines Sohnes haben, zurückzuerstatten. Wenn Sie Ihren Aufenthalt bei uns in die Waagschale legen wollen, so müßte ich andererseits meinen vorjährigen Aufenthalt bei Ihnen in Rechnung bringen und so würden wir kein Ende finden. Haben Sie also die Güte, meinem Sohne nicht länger Widerstand zu leisten und ihm zu gestatten, daß er auch für diesen Monat seinen Teil an der Bestreitung der Wirtschaftsauslagen trage. Auf Ihren Wunsch habe ich ihm auch mitteilen müssen, ob er etwas vermisse; da er aufrichtig ist, wird er es Ihnen sagen. Wir können Ihnen nur für alle Güte und Sorgfalt herzlichst danken. Bitten Sie ihre geehrte Frau Gemahlin, mit meiner Frau, die immer und immer noch nicht zum Schreiben kommen kann, Nachsicht zu haben; sie hat in allen diesen Tagen, wo das Tageslicht nur auf wenige Stunden zu haben ist, recht viel zu gehen und zu tun gehabt und kann am Abend nicht genug sehen, um einen Brief zu schreiben.

Am 12. Nov. sandte ich den von Ihnen erhaltenen Brief an Prof. Alexander Wesselofsky in seine Wohnung (B. O. 14 лин. *между* Большим и Сред. проспек. д. Кобызева) da er um 2 Uhr die Vorlesung in der Universität versäumt hatte; eine Antwort hat er mir bis heute nicht geschickt.

Heute früh sah ich Kunik und sagte ihm, was mir Meinhard geschrieben; wir kamen überein, daß ich morgen in der Monatssitzung selbst mit Бычков sprechen sollte.

Auch sprach ich heute Помяловский, der mir auch offiziell angezeigt hat, daß die archäol(ogische) Gesellschaft, soweit die Sachen nicht ausverkauft sind, den Wünschen der Königl(ichen) Bibliothek genügen werde:

1) долгом поставляю уведомить Вас, что собрание решило: исполнить просьбу г-на Ягича. Имеющиеся в складе издания Общества будут доставлены Вам в непродолжительном времени.[1]

Montag, den 31. Okt./12. Nov. abends übergab ich einem Freunde des Sekretärs der mineralog(ischen) Gesellschaft mein Papier, das in den nächsten Tagen an seine Adresse befördert werden soll.

Unter den Zetteln fand ich auch einen, welcher besagt, der Bibliothek fehlten die Mélanges *orientales;* solche existieren nicht, wohl aber Mélanges *asiatiques;* werden diese gewünscht, so werde ich versuchen, einen Antrag zu stellen.

Heute kam mein Studiosus der chines(ischen) Sprache, welcher mir den Bescheid brachte, daß die Burjäten das russische самовар fast unverändert ebenso nennen; leider ist der befragte Burjäte nicht unbefangen genug, um die volkstümliche Umgestaltung des Wortes mitzuteilen.[2]

Über das finnische Wort *norsu* (mursu)[3] gibt Ahlqvist den Bescheid, daß die Verwechslung mit dem Elephanten wohl darauf beruhe, daß Gegenstände aus Walroßzähnen und aus Elfenbein vom Volke nicht recht unterschieden würden; er glaubt an den lappischen Ursprung des russischen sowie auch des finnischen Wortes.

Da Sie über Fremdwörter im Polnischen lesen, ist Ihnen wohl auch Muchliński's Büchelchen über die orientalischen Fremdwörter im Polnischen bekannt. Nicht hat Muchliński ein Wort, das ich als Fremdwort ansehen möchte, nämlich *namiot* Zelt. Sehen Sie Sich an Böhtlingk-Roth's Wörterbuch nabhata und nābhativa[4*], außerdem Castrén, Versuch einer ostjakischen Sprachlehre[5] *nâmat, nâmet* Filz; Afghan. *namd* und vor allen Dingen *ungarisch* nemez. Vergleichen Sie ausserdem das bei Grot Филол. разыск., zweite Ausgabe S. 38 des zweiten Bandes, über войлок Gesagte.

Noch muß ich bemerken, daß in dem Artikel authepsa = самовар das Zitat aus Cicero pro S. Roscio Amerino fehlerhaft war, nicht Kap. 44, sondern Kap. 46 § 133 ist die richtige Stelle; im Lexikon von Klotz ist ein Fehler und neulich hatte ich die Rede nicht bei der Hand.

Soeben kramte ich meinen Schreibtisch auf und holte die Kärtchen der Berliner Bibliothek hervor, um morgen Бычков nochmals an Zeit zu setzen. Wie es so oft geht, glaubte ich auch diesmal etwas verkramt zu haben, was ich nur gut aufbewahrt hatte. Es war der Brief von Lepsius an Sie, den ich mit den Kärtchen zusammen verwahrt hatte.

Was Sie mir über Kieperts[6] Unglücksfall schreiben, erinnert mich an einen ähnlichen Fall hier. Zu Anfang der 60-er Jahre glaubte einer meiner Freunde auch, daß alles, was er geleistet, schlecht sei; und bald darauf zeigten sich bei ihm Anfänge eines Irrsinns. Der arme Mann starb in völliger Geisteszerrüttung. Daran litt wohl auch der junge Kiepert.

Auch mir hat Pott sehr freundlich geantwortet.[7] Nun muß ich schließen. Die freundlichen Grüße der Ihrigen erwidern die Meinigen herzlichst.

Mit den besten Wünschen

*Pisano izvornim pismom.

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

234

1877, 4. novembra. Ministerstvo Narodnogo Prosveščenija, Petrograd

Министр
Народного Просвещения
4 ноября 1877
N. 12017

Милостивый Государь Ватрослав Викентьевич.

Получив при письме Вашем от 16 минувшего октября экземпляр первых двух томов издаваемого Вами журнала »Archiv für slavische Philologie«, долгом считаю выразить Вам, милостивый государь, искреннюю благодарность за доставление названного экземпляра.

К сему нужным считаю присовокупить, что, желая с своей стороны содействовать распространению этого издания в России, я поручил рассмотрение означенных томов оного состоящему при Министерстве ученому Комитету и, по получении одобрительного доклада Комитета, не премину рекомендовать издаваемый Вами Архив подлежащим учебным заведениям Российской империи[1].

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности

Граф Дмитрий[2] Толстой

235

1877, 6. novembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 6./18. Nov(ember) 1877

Hochgeehrter Freund!

Da meine Frau nicht mehr als vorstehendes Blatt beschreiben konnte, kommt es mir recht gelegen, Ihnen auf der anstehenden Hälfte noch einige Notizen zu geben. Zuerst die Nachricht, daß ich morgen früh auf der Post Ihren Packen in Empfang nehmen werde, da der Postschein nun in Ordnung ist. Zweitens hatte ich vorgestern ein Papier mit in die Sitzung genommen, in welchem ich nach den Kärtchen der Berliner Bibliothek das ihr Fehlende verzeichnet hatte und es dem Bytschkow übergab. Damit war Kunik hinterdrein unzufrieden und meinte, ich hätte ihm Ihr Verzeichnis abfordern

sollen. Da Sie nun auch selbst an Kunik geschrieben haben, wird letzterer wissen, was er zu senden haben wird. In derselben Sitzung vom 4./16. Nov. trug ich bei uns an, Ihnen, d. h. der Bibliothek zu Berlin zu senden: Записки T. II Fortstz. Уваровский u(nd) Демидовский отчеты was fehlt, Mélanges asiatiques die ganze Serie u. Comptes-Rendus, was Ihnen daran fehlt. — — Ferner fragte ich Butlerow wegen der ökonom(ischen) Gesellschaft. Es würde auch diese geben, was man wünscht, nur müßte die Königl. Bibliothek *direkt* bei ihr einkommen. Sollte also ein besonderes Verlangen darnach sein, so müßte an die Gesellschaft geschrieben werden; *deutsch*, nur ist die Adresse des Schreibens russisch zu machen В Императорское вольное экономическое общество.

Kunik beantragte den Ankauf der Bibliotheksreste des Wuk Stepanowitsch. Unter den Büchern, die unserer Bibliothek zufallen, fand ich ein in Bukarest gedrucktes Werk кабинет де конверсацие in 10 Sprachen, da steht dann etwas, was ich lange suchte; die rumänische Gestalt von *camisia* ist da къмаша; also das nun im Russischen übliche кумач oder кумашь, das sogar bis in die Kalevala gedrungen ist. Auch darüber sende ich Ihnen ein kleines Stück nächstens; die von *Diez* gegebene Form hätte mich nicht so leicht au fait gesetzt.

Sehr freue ich mich, daß Ihre Kollegia zu Druck gekommen sind. Ihre Grüße an Jacob[1] bestelle ich morgen, an Stendtmann, Baron Rosen und Sigy bei Gelegenheit. Pott hat auch Sreznewsky geantwortet. Freitag verlas man bei uns in der Monatssitzung, daß der Kaiser dem Pott den Stanislaus-Orden 1. Kl. verliehen hat; ich habe ihm sehr Glück gewünscht. Erzählen Sie dies Weber bei Gelegenheit. Nun mit herzlichen Grüßen[2]

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

236

1877, 11. novembra. F. F. Fortunatov iz Moskve

11 ноября 1877

Многоуважаемый товарищ!

Я чрезвычайно признателен Вам за то радушие, с которым Вы встретили мою книгу[1], и должен прежде всего извиниться перед Вами в том, что до сих пор не посылал ее. Причиною такой, быть может непростительной, медлительности было главным образом то, что я думал увидеться с Вами в Москве, так как давно уже говорят у нас, что Вы берете место в Одессе. Я с большим удовольствием готов воспользоваться Вашим предложением относительно помещения в »Архиве« моего »Приложения«[2], особенно если Вы будете так добры, что возьметесь сами, как Вы пишете мне, перевести его на немецкий язык (для меня это было бы затруднительно). В скором времени я пришлю Вам те изменения, какие нахожу нужным сделать в этой статье, при чем постараюсь ограничиться лишь необходимым. Вы спрашиваете меня, желаю ли я

видеть в »Архиве« разбор моего исследования об »Араньяке«. Конечно, да, хотя бы то был разбор суровый. Каждый, кто работает самостоятельно в области ведийской литературы, должен сознавать, что он может грубо ошибаться, особенно такой новичек в этом деле, как я. При том же Вам известна, конечно, та незавидная обстановка, в какой находится в России человек интересующийся Ведами: не с кем посоветоваться и негде достать такие книги, которые почему либо трудно купить. Впрочем, и вообще положение русского лингвиста не принадлежит к числу завидных, вследствие того одиночества, на которое он обречен: нет, кажется, другой науки, которая бы так мало интересовала наших образованных людей, как именно языковедение, и слово »лингвист« употребляется у нас обыкновенно как евфемизм, вместо »буквоед«, »схоластик самого дурного типа«.

Из рецензий, помещаемых в »Архиве«, я вижу, что и литовский язык не исключен из программы этого журнала, а потому позволю себе сделать следующее предложение. На днях я получил Bezzenberger'a »Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache«. Это, как кажется, очень хорошая книга, и для меня она особенно интересна потому, что я сам изучал старые литовские тексты в Кенигсберге и в Петербурге (петербургская библиотека, впрочем, плоха в этом отношении) и думал даже обработать и издать собранный мною материал, что теперь оказывается лишним. Не согласитесь ли Вы поместить в »Архиве« небольшой разбор этой книги, далеко не бесполезной и для славистов?[3]

Недавно в Москве явилось исследование Ф. Корша »Способ относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса«[4]. Автор этого сочинения, профессор древних языков в Московском университете, замечательно способный и ведущий лингвист; он знаком не только с индоевропейскою семьей (хорошо знает и некоторые славянские наречия), но также и с семитскими и с турецко-татарскими языками.Вы, вероятно, в скором времени получите эту книжку от Корша.—Цветаев, также профессор древних языков в здешнем университете, издал недавно »Сборник осских надписей с Очерком фонетики, морфологии и глоссарием«.[5] Об этой диссертации Вы, я думаю, слышали, так как Цветаев защищал ее в Петербурге недели три тому назад.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Фортунатов

Москва, Старая Басманная, дом Арфеникова.

237

1877, 11. novembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 11./23. Nov(ember) 1877

Hochgeehrter Freund!

Da meine Tochter heute an Meinhard, den Weber Meinhold nennt, schreibt, lege ich dieses Zettelchen bei, um Ihnen zu melden, daß ich gestern

Professor N. Wesselofsky traf, der eine Antwort von Ihnen erwartet. Ich war zu zerstreut, um ordentlich aufzupassen, worauf er Bescheid haben will. Irre ich nicht, so ist es wegen einer Abhandlung, die er anfangs russich herausgeben wollte, nun aber lieber deutsch bei Ihnen im Archiv abdrucken möchte.[1] Es war am Abende auf der Straße, als ich ihn sprach und dabei als ich nach Hause eilte. Ich sagte ihm nur, dass ich Ihnen bald schreiben würde. Ich habe in diesen Tagen soviel gehen und besorgen müssen, daß es mir ganz wüst im Kopfe ist und ich Ihnen deshalb heute nicht mehr schreiben kann. Haben Sie Nachsicht

mit Ihrem Ihnen ergebenen

A. Schiefner

238

1877, 18. novembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 18./30. November 1877

Hochgeehrter Freund![1]

Heute früh befragte ich Замысловский, der mir begegnete, und dann auch Kunik üb r Werke, welche das Bauernhaus betreffen. Es existiert kein Werk besonders. Замысловский meinte, bei den Moskauer Archäol. Schriften sei eine Art archäol. Wörterbuchs, wo solche Sachen mitberührt werden. Dieses soll aber, wie Kunik sagt, noch nicht zu Ende geführt sein.

Was *gont* anbetrifft[2], so kommt es mir sehr wahrscheinlich vor, daß es nur eine Umgestaltung von Scandula ist; weshalb? Weil meine Vermutung bestätigt wird durch eine norditalienische Form, von der ich gestern Kenntnis erhalten habe durch das Werk von A. de *Cihac*, Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Eléments latins comparés avec les autres langues romanes. Francfort s. M. Rudolphe St. Goar 1870; es heisst auf S. 244 unter dem W. scandura = L. scandula, lombard. *candola* (planche, tablette). Bevor ich darauf kam, schwebten mir die mittellat. Wörter *cantus*, *contus* Speiche, Felge vor, worüber Sie bei *Diefenbach* mehr finden.

Leider kam ich heute nicht dazu, mir Muchlińskis polnisches Buch aus der russ(ischen) Abt(eilung) der Bibliothek geben zu lassen[3]; im asiat(ischen) Museum, wo ich vor 12 Uhr war, fand ich dasselbe nicht. Ich schreibe Ihnen darüber nächstens.

Kunik zeigte mir heute das Exemplar des Karatajew'schen Katalogs[4], den er durch Sie der Königl. Bibliothek senden wird. Martynow zahlt 15 Rubel für ein Exemplar.

Durch den Abgang Maikows gewinnt die geographische Gesellschaft viel, weil er ein großer Lügner ist. Ihre Sache leidet darunter nicht. Grot ist seit einigen Tagen wieder hier, doch habe ich ihn nur flüchtig gesehen.

Die hiesige Texte-Gesellschaft wird nun den Святослав Сборник baldigst photolitographieren lassen; ein reicher Морозов gibt das Geld dazu; seit 1870 saß Бодянский daran.

Herzliche Grüße von uns allen an Sie und Ihre liebe Frau nebst Kindern von Ihrem Ihnen ergebenen

A. Schiefner

239

1877, 21. novembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 21. November/3. Dezember 1877

Hochgeehrter Freund!

Das Wort *pułap* (so schreiben meine früheren Zuhörer an der geistl. Akademie, das in der Druckschrift durchstrichene ł also) hat mich schon früher eine Zeit lang beschäftigt, weil mit diesem Worte offenbar das russische *палуба*, Verdeck eines Schiffes, in Zusammenhang ist. Wenn ich nicht sehr irre, bin ich früher zu dem Resultat gekommen, daß das Wort mit dem deutschen *Laube* zusammenhängt; vergleichen Sie z. B. das čechische *podloubí*; über Laube vergl(eichen) Sie Diefenbach's Got(isches) Wörterbuch II, S. 154. Sie finden auch im Litauischen für Decke das Wort *lùba*, Decke im Zimmer (Nesselmann, S. 374)[1], wenn ich nicht irre, wird der Plural *lùbos* mehr gebraucht; ich habe vielleicht sogar deshalb mit Baranowski korrespondiert, kann den Brief aber soeben nicht auffinden.[2] R*

Als ich heute nach den verschiedenen Wörtern für Zimmerdecke suchte, fand ich auch das magyarische *lugas* Bogengang, Bogenlaube; da steckt doch offenbar ein slavisches Wort darin; Miklosich, Slav(ische) Elemente im Magyar(ischen)[3], hat das Wort jedoch nicht. P*

Nehmen Sie für dieses Mal mit diesen wenigen Zeilen vorlieb. Außerdem die herzlichsten Grüße von uns allen an Sie, Ihre liebe Frau und Kinder.

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

240

1877, 24. novembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 24. November/6. Dezember 1877

Hochgeehrter Freund!

Heute sind gerade 9 Jahre seit dem Tode Schleichers verflossen; er starb 1868 und wenige Wochen vor seinem Tode hatten wir noch die Überraschung, ihn bei uns in Hall am Inn in Tirol zu sehen. Heute suche ich mein Versehen vom Montag, d. 21. Nov./3. Dez. gut zu machen. Obwohl das Buch von Muchliński schon mehrere Tage bei mir gelegen hatte, war mir dasselbe am Montag nicht vor Augen und erst als meine Frau schon angekleidet dastand um mit mir zu Gast zu gehen, konnte ich den Titel in aller Eile und höchst mangelhaft kopieren. Er folge deshalb nochmals hier

Źródłosłownik/

wyrazów które przeszły, wprost czy pośrednio, (do naszej mowy z języków wschodnich, tudzież) mających zobopólną analogję co do brzmienia lub

znaczenia, (z dołączeniem) zbiorku wyrazów, przeniesionych z polski(ego) do języka tureckiego. (Zebrał i objaśnił) Antoni Muchliński, Profesor zwyczajny literatury i języków wschodnich w *Cesarskim* S. Peterburskim (uniwersytecie). Petersburg. Czcionkami *Cesarskiej* Akademii nauk 1858 (VII + 158).

S. 9 leitet er bałamut vom mongol. balamut mit Kowalewski, Chrestomatie I, pag. 422 резыпиталук (psoty, swawola a także swawolny) ab und meint, es sei aus dem Russischen ins Polnische gelangt. Allein schon im Althochd. haben wir *palemunt* schädlicher, ungetreuer Vormund; ist im schwäbischen »Verordnis« (aus dem Rhein. Museum für Jurisprudenz, III, 281—283 bei Wackernagel, Altdeutsches Lesebuch, Zweite Ausgabe, Basel 1839, S. 190 Z. 30 f. unde daz ir nit palemunt ne werdet. Soviel ich mich soeben erinnere, ist auch bei Schiller u. Lübben im Niederdeutschen im Artikel unter 6, auch kommt das Wort im Sachsenspiegel vor; bei *Diefenbach* Got. Wörterb. I, S. 272). Leider habe ich mir aus dem Sachsenspiegel nicht die betreffende Stelle notiert; sie steht aber wohl bei Schiller und Lübben.

Manches hat Muchliński nicht, z. B. Banjaluka.

Heute begegnete mir der Professor der Agronomie Советов der mir den guten Rat gab, mich in Angelegenheiten der Königlichen Bibliothek auch in Ihrem Namen an den Ausschuß der Kaiserl. Oekonom. Gesellschaft zu wenden, so daß Lepsius der Mühe überhoben werden dürfte, ein Extra-Papier vom Stapel laufen zu lassen. RP*

Sie bekommen immer nur solche kurze Briefe von mir, allein es kommen deren umso mehr und so habe ich den Vorteil, dass Sie umso häufiger an mich denken müssen.

Nun noch herzliche Grüße von uns allen an Sie, Ihre liebe Frau und liebe Kinder.

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

241

1877, 27. novembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 27. November/9. Dezember 1877

Hochgeehrter Freund!

Jetzt, nachdem die Kiste von L. Voß gepackt, aber noch nicht abgeschickt ist, kann ich Ihnen endlich melden, daß wenigstens die archäolog(ische) Gesellschaft die in ihrem Verlag noch vorrätigen Werke für die Königl. Bibliothek mir vorgestern zugesandt hat. R*

Heute war ich auf einen Augenblick bei den Litauern in der geistlichen Akademie[1], deren einer auch das neueste Werk von A. Brückner studiert[2]; ich bat ihn, seine Bemerkungen über verschiedene Punkte zu Papier zu bringen. Derselbe hatte auch verschiedene Landsleute über das Wort numetus

ausgefragt; es heisst so der aus feinerem Zeuge gefertigte, hintenherabhängende Schleier; der aus gewöhnlichem Zeuge gemachte führt einen anderen Namen.

Heute nur noch herzliche Grüße

von Ihrem ergebenen
Schiefner

242

1877, 30. novembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 30. Nov(ember)/12. Dez(ember) 1877

Hochgeehrter Freund!

Als ich gestern abend vom Hause eilte, übergab man mir ein Schreiben des Herrn von Bradke, der mir meldete, der Minister Graf Tolstoj habe befohlen, Ihr Archiv den Lehranstalten anzuempfehlen.[1] Dazu sei aber nun eine Prüfung desselben von seiten des gelehrten Komitees erforderlich und er ersuche mich, ihm ein Exemplar des Archivs zu senden. Darauf antwortete ich ihm heute, daß ich, um die Sache zu beschleunigen, mich veranlaßt sähe, mein eigenes Exemplar zu senden, ihn aber bitte, mir dasselbe, wenn die Angelegenheit erledigt sei, wieder zustellen zu lassen. Im Fall aber es erforderlich sei, daß die von dem Komitee durchgesehenen Werke in dessen Bibliothek verbleiben, solle er mir davon Nachricht geben, damit ich Sie davon in Kenntnis setzen könne. Übrigens hätten Sie bereits am 18./30. Oktob. durch mich ein von der Verlagsbuchhandlung Ihnen zugestandenes Exemplar, gebunden, an S. Erlaucht den Herrn Minister befördert und ein Begleitschreiben beigelegt. Etwa um 2 Uhr hat mein Soldat den Packen im Departement abgegeben.

Diese Nachricht beweist nur, daß der Minister den besten Willen hat und das Komitee wohl auch freundlich in der Angelegenheit gesinnt sein wird; den Erfolg muß man jedoch abwarten. Gestern meldete mir Prof. Hugo Weber in Weimar den Empfang des 27 Briefbogen starken Schreibens des Studiosus Jaunis, den er als einen *geborenen Grammatiker* bezeichnet. Heute sah ich Jaunis und bat ihn, seine Bemerkungen zu Brückners Lit-(auisch)-slawischen Studien zu Papier zu bringen[2]. R*

An Ihre liebe Frau und die lieben Ihrigen herzliche Grüße von uns allen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

243

1877, 4. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 4./16. Dezember 1877

Hochgeehrter Freund!

Im Briefe an Meinhard teilte ich zwei unserer akademischen Wahlen mit, die Sie interessieren dürften, die eine zu Ihrem Wohlgefallen, die andere zum Gegenteil. Ich meinte gegen Kunik, nun fange man schon an, Lakeien zu Korrespondenten zu wählen und fragte, was denn der Mann geschrieben habe. Die Antwort lautete: »Kleinere Artikel«. Als ich diese Worte gegen den sonst so sehr vernünftigen Minayef[1] wiederholte, meinte er, mein Ausdruck sei zu stark und in kleineren Artikeln könne oft grosse Gelehrsamkeit stecken. Sollte das hier der Fall sein?

Ich warf den Brief an Meinhard um 1/2 8 Uhr in den Briefkasten; als ich nach 12 Uhr nach Hause kam, war beiliegende Postanzeige auf meinem Tische. Bevollmächtigen Sie mich wie früher und fügen Sie hinzu »Корреспондент Императорской Академии Наук.« Доверяю получить г-ну Академику А. А. Шифнеру.

Als ich gestern in der Oper war und vor mir Mephisto, Faust und Gretchen sangen, war ich so vertieft in etymologische Gedanken über den Ursprung der ungarischen Wörter für *Gott* und *Teufel* (*isten* und *ördög*), daß ich mich der Muse gegenüber hätte schämen müssen. Sollte aber meine Vermutung zur Aufhellung altmagyarischer Kulturverhältnisse beitragen, dann werde ich mich nicht mehr schämen. Ich schreibe deshalb an Paul Hunfalvy.[2]

Nun habe ich nur noch die Aufgabe beide Briefe zur Post zu tragen.

Mit den herzlichsten Grüßen an Ihre liebe Frau und die lieben Ihrigen von uns allen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

244

1877, 6. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 6./18. Dezember 1877

Hochgeehrter Freund!

P* Ich mache Sie aufmerksam auf folgendes Werk:

Das Steinbuch. Ein altdeutsches Gedicht von Volmar. Mit Einleitung, Anmerkungen und einem Anhange herausgegeben von Hans Lambel. Heilbronn 1877. XXXIII + 137 S.

Vers 77—84 lauten

Der erste ist ein *almendîn*,
des varwe sol rôt sîn
swer den treit an dem vinger
der ist vil deste ringer,
und warst nie zouber alsô raze,
der es trunke oder oeze,
daz schadet im niht in der frist
die wîle der stein bî im ist

Die auf S. 37 verzeichneten Varianten geben viel Formen für den Namen des Steins, der auch anderswo bekannt ist, im Parzeval aber seine Etymologie durch die Form Alabandâ erleichtert. Wenn ich nicht irre, ist der

letztere Name auch in den Alatyr- Untersuchungen mit zur Sprache gekommen; allein, da ich Ihr Archiv jetzt nicht vor Augen habe, kann ich nichts sicher sagen.

Sehr bedauert haben wir es, daß Sie unwohl waren; hoffentlich geht es nun schon besser. Nehmen Sie Ihre Gesundheit in acht.

Herzliche Grüße von uns allen an Ihre Frau Gemahlin und die lieben Ihrigen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

Pott hat eine Lungenentzündung gehabt, soll aber nach den neuesten Nachrichten schon fieberfrei gewesen sein; er hatte sich das Leiden durch eine kleine Reise geholt, wie Böhtlingk an Nauck berichtet hat.

245

1877, 9. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 9./21. Dezember 1877

Hochgeehrter Freund!

Auch heute habe ich Ihnen etwas zu melden; zuerst, daß ich es versäumt habe, zur rechten Zeit an die Kaiser(liche) ökonom(iche) freie Gesellschaft zu schreiben; dadurch ist jedoch nichts verloren, sondern es kann die Sache im Januar gut gemacht werden. Erfreulicher ist dagegen die Nachricht, daß mir heute früh der Sekretär der mineralog(ischen) Gesellschaft von den Записки dieser Gesellschaft die der Königl. Bibliothek in Berlin fehlenden Bände 3, 4, 6, 7, 8, 9, 11, 12 zugesandt hat. Ich habe dieselben zu den von der archäol(ogischen) Gesellschaft mir zugesandten gelegt. Nächstens, vielleicht morgen, sehe ich Stendtmann und erinnere ihn an die Schriften der histor(ischen) Gesellschaft. In der Sitzung vom 2./14. Dezember fragte mich Бычков, ob ich schon die Sachen von der archäograph(ischen) Kommission erhalten habe. Ich verneinte es; er wunderte sich scheinbar, da er doch schon längst Befehl erteilt habe.

Gestern sah ich Alex. Wesselovsky, dem ich von dem slav. Archiv erzählte; er meinte, Galachow vertrete dieses Fach im Ученый комитет, wahrscheinlich werde aber Васильевский die Durchsicht haben oder noch ein dritter, dessen Namen er im Augenblick nicht finden konnte. Ich bat ihn, auf die Beschleunigung hinzuwirken.

Meine Äußerung über Peters[1] hatte ihm Minayef mitgeteilt. Er sagte, er habe gehört, Peters habe in neuester Zeit eine grössere Arbeit über die Mater verborum geliefert.

Heute nur noch die herzlichsten Grüße und die besten Wünsche von Ihrem Ihnen ergebenen

A. Schiefner

246

1877, 12. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 12./24. Dezember 1877

Hochgeehrter Freund!

Vorgestern langte Ihr lieber Brief vom 20. Dezember an. Das Zeugnis, das Sie Meinhard ausstellen, hat meine Frau und mich sehr erfreut. Es kam Ihr Brief etwa eine Stunde früher als das Kuvert von Meinhard, das eine Überraschung für meine Frau enthielt. Bereits um 2 Uhr nahm ich auf der Post, bei der ich mit anderen Einkäufen vorfuhr, beide Moskauer Packen in Empfang. Sie enthielten den Bericht des ersten Moskauer archäologischen Kongresses mit dem Atlas in Folio; beides habe ich zu den anderen abzusendenden Sachen gelegt. Heute empfing ich Heft 4 des Jahrg. 1876 der Чтения der Moskauer Gesellschaft; der Inhalt ist der Art, daß Sie schwerlich große Eile damit haben werden.

Vorgestern abend war ein Mitglied des Ученый комитет, Demeter Lemonius, bei mir. Ich bat ihn, womöglich dahin zu wirken, daß das Komitee ein Gutachten von Ismail, dem Sohne Johanns[1], einhole. Man soll sich in Slavicis öfters an ihn wenden. Zuletzt meinte ich aber, er solle es, ohne Aufsehen zu machen, so einrichten. Im schlimmsten Falle genüge es zu wissen, daß er die Sache in Händen habe. Es wird interessant sein, zu sehen, wie die Sache ablaufen wird. Lemonius meinte, in der Regel verbleiben die der Durchsicht unterliegenden Werke in der Bibliothek des Komitees. Wir wollen jedoch abwarten, ob dies auch jetzt der Fall sein wird. so daß Sie sich nicht mit der Rückerstattung meines Exemplars unnütz in Verlegenheit setzen. Nicht möchte ich, daß Ihnen dadurch ein Schaden erwachse. Weder Martynow, noch Wolff[2], Issakow und Mamontow haben das Büchlein Muchlińskis[3]; ich machte heute die Runde; doch gebe ich die Hoffnung nicht auf, das Werk zu finden. Vielleicht bekomme ich es aus den Duplikaten der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek.[4]

Was Leskien anbetrifft, so hat die zweite Klasse der Akademie ihn bereits am 29. Dezember vorigen Jahres zu ihrem Korrespondenten erwählt. Alex. Wesselofsky habe ich nun wieder nicht gesehen; sobald ich ihn treffe, erinnere ich ihn an seine Arbeit.[5]

Wie ich Ihnen bereits schrieb, werde ich Voß ersuchen, die bei ihm liegenden und nun noch anlangenden Sachen direkt an Sie zu befördern. Es geschieht wohl morgen, heute komme ich nicht mehr dazu.

Sehr erschrak ich, als ich gestern wiederum zwei Postanzeigen auf Ihren Namen erhielt; diese sende ich Ihnen nicht; es war nur eine *nochmalige* Anzeige der am 2. Dez. angemeldeten Sendung; offenbar waren diese zweiten Anzeigen schon nach Wass. Ostrow geschickt, als ich vorgestern im Postamt war.

Doch nun nur noch die herzlichsten Grüße und besten Wünsche

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

1877, 15. decembra. A. N. Pypin iz Petrograda

СПб. 15/27 дек(абря) 1877

Многоуважаемый г-н Ягич!

У меня есть к Вам целый ряд вопросов, из которых иные, быть может, для Вас не будут лишены интереса, почему, между прочим, я и решаюсь Вас ими беспокоить, расчитывая, впрочем больше всего на Ваше доброе расположение.

Несколько времени тому назад обратился ко мне, по Вашему указанию, г-н Оппенгейм[1] с вопросом, не возьму ли я на себя книгу о русской литературе. Я буду отвечать ему утвердительно, так как без того[a)] имел уже намерение написать подобную книгу. — Но при этом мне пришел в голову план, который, быть может, и Вам понравится, именно: что было бы отлично, если бы *кроме* моей книги (которая была бы общим обзором *всего целого* русской литературы), была еще написана, и *издана по-немецки*, другая книга — »История русской народной поэзии и народно-повествовательной литературы«. Я полагал, что такого рода книга представила бы великий интерес для самих немцев, работающих по истории мифов и народной поэзии — представила бы вообще европейский (т. е. ученый) интерес. Я сообщил свою мысль тому нашему писателю, который всего лучше может исполнить подобную тему (Вы угадываете, что я говорю о Веселовском), и он — не прочь. Быть может, немецкий издатель, т. е. Оппенгейм, не отказался бы от подобной книги, если бы ему объяснили как значение этой темы[b)], так и компетентность автора. (Кстати, слышали ли Вы, что Веселовский теперь уже действительный член II Отд. Академии?[c)]).[2] Я написал Оппенгейму (кроме своего ответа), что он мог бы посетить Вас, так как я передаю Вам эти соображения, которые в письме к нему потребовали бы длинных объяснений, — а Вы знаете, о чем и о ком идет речь.

Если Вы увидите его, я просил бы Вас сделать ему один вопрос. Мне неясна денежная сторона его предложения. Он предлагает (за книгу по русской литературе) 60 марок за печатный лист, — но какой лист: *русского* оригинала (текста) или *немецкого*? я по-немецки не пишу; след(овательно) нужен перевод; где же считается перевод: *внутри* этих 60 марок, или *вне* их? (Nb. Если бы произошло упомянутое соглашение относительно Веселовского, то он, как Вы знаете, пишет по-немецки).

Теперь поведу речь — между нами — о другом предмете, где очень желал бы Вашего доброго совета.

Я начал печатать 2-е издание своей »Истории слав(янских) литератур« (I-е изд. 1865), издание совсем *переделанное* и значительно *дополненное*. По поводу этой книги мне делала предложение одна большая немецкая фирма — издать книгу по-немецки. Но дело не состоялось, так как большая фирма желала иметь »авторизованное издание« чуть не даром[d)] (но я должен был его просматривать) — игра не стоила свеч.

Затем[e)], выражал[f)] желание перевесть эту книгу (т. е. опять[g)] 2-е издание) на немецкий некто Pech (из бывшей фирмы Schmaler u. Pech, Вам конечно известной). Пех желал это сделать, так сказать особенно, в славянских интересах (его денежные предложения опять не стоили свеч), и я, пожалуй, был бы готов отдать ему книгу, — но не имею понятия о нем, как человеке и как переводчике. Не можете ли Вы дать мне этого понятия?[e)]

Наконец представляется вопрос[d)]: не могла ли бы и эта книга войти в программу изданий Оппенгейма? и быть изданной на тех же основаниях, как он предлагал для книги о русской литературе? — Если да, и если при том Пех оказался бы переводчик компетентный (для книги все-таки довольно специальной), то не мог ли бы Оппенгейм дать книгу для перевода Пеху, — который, судя по письму, очень вообще желал быть ее переводчиком. — *Предполагая* (см. выше), что 60 марок оплачивают и автора и перевод, они могли бы быть разделены пополам, или около того.

О самой книге надо сказать, что она будет значительно больше I-го издания, — на сколько именно, теперь конечно невозможно рассчитать, но приблизительно так: »Славянские литературы« *(без русской)* составят *два* тома, довольно сжатой печати, от 20 — 25 листов каждый. »Русская литература« составит особую книгу, конечно, как самостоятельное целое (об этой-то книге ведется теперь речь с Оппенгеймом).[3]

Вот вопросы, на которые я буду ждать Вашего благосклонного ответа и дружеского совета.

Я вовсе не так богат, чтобы не желать вознаграждения за свой труд, но и ухаживать за немецкими фирмами тоже не намерен. Состоится дело по обоюдному желанию и согласию — прекрасно, очень рад; но отдавать богатой фирме свой труд за очень небогатый гонорар — нимало не желаю, и скорее готов отдать его даром человеку, вовсе не имеющему денег (как, кажется, Пех) — лишь бы хорошо перевел и нига имела лишних читателей — да и брату-славянину все-таки.

Написав письмо, сам пугаюсь его длинноты и количества просьб и вопросов, но все-таки надеюсь на Ваше дружеское расположение, а ответить можете хоть самыми лаконическими фразами »по пунктам«. Бог даст, постараюсь и Вам послужить со своей стороны. Итак, чьтите и не кляните

Вам душевно преданного

А. Пыпина

Вас(ильевский) О(стров), 3-я линия, 26.

SMŽ. [a] этого. — [b] книги. — [c] nedostaje cijela zagrada. — [d—d] nedostaje cijeli odlomak (cca 9 redaka). [e—e] nakn. dodano. [f] выразил. — [g] Ø.

248

1877, 15. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 15./27. Dezember 1877

Hochgeehrter Freund!

P* Gestern nahm Grot verschiedene Bücher von der Bibliothek, welche mit seinem lautphysiologischen Artikel für das Archiv in Zusammenhang stehen; er wird den Artikel gleich deutsch niederschreiben.[1]

Auch sah ich gestern Leonid Maikow, der mir sagte, daß die geograph-(ische) Gesellschaft öfters Sendungen nach Berlin mache; nur verstand ich nicht recht, ob jetzt Sie oder die König(liche) Bibliothek etwas zu bekommen haben. R*

Nun noch die herzlichsten Grüße an die lieben Ihrigen von uns allen von Ihrem Ihnen ergebenen

A. Schiefner

249

1877, 21. decembra. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 21. Dez. 77/2. Januar 78

Hochgeehrter Freund!

Wenn man von Hause geht und Einkäufe macht, bringt man nach hiesiger Sitte den Kindern etwas mit; der Finne, wenn er zur Stadt fährt, wenigstens ein Stückchen Zucker. Ähnlich kann ich nicht umhin, wenn ich Meinhard schreibe, Ihnen auch einige Zeilen zu senden.

Heute kam mir auf der Bibliothek das als Geschenk uns zugekommene neueste Werk unseres Korrespondenten Karl Eduard Zacharias von Lingenthal in die Hände.[1] Es führt den Titel: Geschiche des griechisch-römischen Rechts. Zweite Auflage, Berlin, Wiedemann 1877. Auf S. 22 fand ich: ντιπούκειτος, eine Inhaltsangabe sämtlicher Bücher, Titel und Kapitel der Basiliken, mit Angabe von Parallelstellen und Anführung neuerer Gesetze«.

Über den Ursprung des Namens von τί ποῦ κεῖται und über die entsprechende Neubildung im Serbischen haben wir gesprochen; in anderen Rechtsgeschichten habe ich auch *Tipucita* gefunden.

Außerdem nur noch die herzlichsten Grüße an die lieben Ihrigen von uns allen und Glückwünsche zum neuen Jahr von Ihrem Ihnen ergebenen

A. Schiefner

250

1877, 22. decembra. Jan Karłowicz iz Wiszniewa

22. 12. 77 Wiszniew p. Wilno, Smorgonie.

Szanowny Panie Profesorze,

W tych dniach księgarz mój nadesłał mi rozprawę dra Brücknera o wyrazach obcyh w litewszczyźnie[1], przejrzałem ją i pośpieszam donieść Panu że za kilka tygodni, stosownie do Jego życzenia, służyć będę obszernym referatem o pracy Brücknera do wydawanego przez Pana »Archiv«u.

Przy tej sposobności składam Szanownemu Panu Profesorowi wyznanie niezmiennych moich dlań uczuć, wraz z powinszowaniami i życzeniami noworocznymi.

Oddany sługa
J. Karłowicz

251

1878. 1. januara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 1./13. Januar 1878

Hochgeehrter Freund!

Haben Sie herzlichen Dank für Ihren freundlichen Brief vom 9., den wir gestern um die Mittagsstunde erhielten[1]; zugleich eröffnete er uns die Aussicht auf den Brief von Meinhard, der heute abend anlangte. Indem ich nun heute Meinhard antworte, kann ich Ihnen nur fogende Notizen geben. Бычков fragte ich am 29. Dez./10. Jän., wen ich denn tribulieren müßte, um die Sachen der Archäogr(aphischen) Expedition zu erhalten. Er sagte mir wieder, er werde es tun. Nächstens muß man die Sache anders anfassen, wenn er nicht bald Wort hält. Er ist jetzt etwas aigriert darüber, daß Deljanow, der eine hohe Stellung zu erhalten hat, nicht von der Bibliothek abgetreten ist; die Untergebenen freuen sich, daß Deljanow Direktor geblieben ist. — Heute war Stendtmann bei uns, als ich nicht zu Hause war; ich schreibe ihm aber durch die Stadtpost heute abend noch und hoffe, nach einigen Tagen Antwort zu haben. Neulich hatte ich auch endlich einen Brief von Miklosich. Maikow hat über das Werk von Ahlqvist im Журнал Министерства Народного Просвещения einen Artikel geliefert, der im Separatabdruck vor mir liegt[2]. — Ich habe bei der Jahressitzung ein Exemplar von Böhtlingks Mṛk'k'hakaṭina erobert, das ich Ihnen nächstens zusende. Herzliche Grüße an die lieben Ihrigen von uns allen.

Ihr Ihnen ergebener
R* A. Schiefner

252

1878, 2. januara. J. K. Grot iz Petrograda

СПб. 2/14 января 1878 г.

Третьего дня, т. е. еще в 1877 году, имел я удовольствие получить Ваше любезное письмо, многоуважаемый Игнатий Викентьевич. От

души благодарю Вас за себя и за свое семейство по поводу Ваших добрых пожеланий и взаимно шлю Вам наши искреннейшие приветствия с такими же пожеланиями и лично Вам с семейством и с Вашею ученою деятельностью, и тому всякому общеславянскому делу, которому так доблестно служит в настоящее время Россия.[1]

Статья моя для Вашего почтенного издания готова и сегодня или завтра будет отправлена к Вам[2]. Она составила 4 писанные довольно убористо листа и редактирована одновременно, с небольшими изменениями, по-русски и по-немецки под заглавием Die slavische Lautlehre in Deutschland (Славянская фонетика в Германии)[3]. Не знаю, найдете ли Вы это заглавие вполне соответствующим содержанию, но оно, кажется, выразительнее другого, которое мною зачеркнуто. Если Вы желаете, чтобы эта статья явилась прежде в Вашем журнале (по-немецки), нежели у нас в академическом издании (по-русски), то надо бы напечатать ее теперь же в приготовляемом Вами выпуске. Само собою разумеется, что окончательное усовершенствование редакции со стороны языка и фразеологии предоставляется Вам и Вашему сотруднику, который, надеюсь, не будет в претензии за мое несогласие с одним его положением. Если, по прочтении рукописи, Вы пожелаете в ней какого-нибудь более существенного изменения, то прошу Вас немедленно сообщить мне о том. Вам же предоставляю окончательное соглашение правописания, так как я писал то Vocal, Consonant, то Vokal, Konsonant, употреблял то латинский, то готический шрифт и т. п. При печатании надо будет обращать особенное внимание на то, чтоб не смешивали русских букв с латинскими, особо русского *и* с латинским *u*, русского *у* с греч. *у* (*υ*). Для этого я старался подчеркнуть все русские буквы красным карандашом, но не ручаюсь, что ничего не пропустил.

Желательно было бы мне, если это не против Ваших правил, получить штук 10 особых оттисков, но, впрочем, я никак на этом не настаиваю. Ссылаясь на Grundzüge der Physiologie u. Systematik der Sprachlaute сочинение Brücke[4], я имел в виду 2-е издание и отмечал это так: Grundzüge[2]; не нужно ли это оговорить? Во всяком случае я бы покорно просил Вас тотчас по получении и просмотре Вами статьи, написать мне о Вашем заключении. Вот, кажется, все, что я имел сообщить Вам. Нет, правда, сбирался еще напомнить Вам Ваше любезное обещание посмотреть, нет ли у Вас еще экземпляра Вашей хорватской грамматики, за который я был бы Вам очень обязан.

Искренно Вам преданный

Я. Грот

253

1878, 7. januara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 7./19. Januar 1878

Hochgeehrter Freund!

Fast hätte ich Ihnen heute nicht geschrieben. Gern hätte ich Ihnen einen Bescheid von seiten Bytschkows gemeldet, allein ich habe ihn noch

nicht treffen können. Dagegen sagte mir Stendtmann, dass die Verhandlungen in der Sitzung der Text-Gesellschaft vom 10. November im Druck sind und er Ihnen, sobald letzterer beendigt sein wird, Mitteilung derselben machen wird; unterdessen steht es Ihnen frei, alles, was Sie von der Gesellschaft haben, zu besprechen. Hoffentlich sendet er auch den состав общества[1] bei der Gelegenheit. Miklosich hat neulich diejenigen Sachen bezeichnet, deren Reproduktion er für besonders wünschenswert hält; er machte es so, daß er auf die in der Vorrede seines kurzen Abrisses der Formenlehre besprochenen einzelnen Handschriften, welche er für die wichtigsten hält, verweist und zwar in einem Briefe an mich, der jetzt in Stendtmanns Händen ist. Vorgestern sandte ich Ihnen unter Kreuzband das neueste Werk des Archimandrit(en) Amphilochij[2], der auch Miklosich ein Exemplar bestimmt hatte. Heute sah ich nach langer Zeit Kunik, der mir auch einen Weg eröffnen konnte, auf welchem wir zu dem Werke von Muchliński gelangen können.[3]

Außer herzlichen Grüßen an die lieben Ihrigen habe ich nichts hinzuzufügen.

Mit den besten Wünschen

Ihr Ihnen ergebener
A. Schiefner

254

1878, 8. januara. Ja. K. Grot iz Petrograda

СПб. 8/20. января 1878 г.

Спешу, многоуважаемый Игнатий Викентьевич, отвечать на Ваше обязательное письмо от 5/17, сегодня же мною полученное. Я предоставляю Вам изменить по Вашему желанию заглавие моей статьи, хоть напр. так: Einige Bemerkungen zum russisch slavischen Lautsystem или так: Über die Natur einiger Laute im Russischen.[1]

Со всем тем, что Вы говорите о значении ъ и ь в древности, я согласен. Прочитав еще раз внимательно мои замечания, Вы увидите, что я не отрицаю более явственного некогда, хотя все-таки слабого, значения этих знаков. Я только не хотел пускаться в догадки; однако ж в одном месте я говорю приблизительно так: mögen sie auch ehemals den Vokalen näher gestanden haben. Подстрочного примечания против моего мнения я бы не желал, ибо не могу тотчас возражать на него; каждый отвечает за свое, и никому не возбраняется особо выражать противоречие, но этого предмета нельзя решить краткою заметкой. Не согласитесь ли Вы, вместо того, против сейчас выписанной мною немецкой фразы, поместить прилагаемое мое же подстрочное примечание?[2]

Касательно числа отдельных оттисков я, с Вашего разрешения, позволю себе пойти до 30.

Об условиях мира мы сами очень беспокоимся: никак не желали бы Вашего уничтожения.[3] Особенно боимся преждевременного заключения перемирия, но надеемся на мудрость государя.

Наши благодарят за Вашу добрую память и шлют Вам свой привет. Вашей супруге передайте мой поклон.

Преданный

Я. Грот

Если замечание мое, направленное против мнения Лескина, покажется Вам резким, прошу Вас смягчить его.[4]

255

1878, 9. januara. J. K. Grot iz Petrograda

Вчера, многоуважаемый Игнатий Викентьевич, я отправил к Вам ответ на Ваше последнее письмо.[1] После уже я сообразил, что примечание, которое Вы желали сделать к одному месту моей статьи, относится именно к тем строкам, где я говорю против мнения Лескина, что ь и й = jь. Поэтому решаюсь в дополнение к вчерашнему моему письму известить Вас, что, если Вы желаете это сделать по деликатности Ваших отношений к сотруднику, то я на предполагаемое Вами примечание согласен.[2]

Искренно Вас уважающий

Я. Грот

9/21 янв(аря) 78

256

1878, 10. januara. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 10./22. Januar 1878

Hochgeehrter Freund!

Soeben habe ich an Bytschkow geschrieben und ihn gebeten, mir am Freitag, den 13./25. d. M. in der Monatssitzung Bescheid zu geben, ob er Ihnen auf eine Zeit den Codex Zographensis (photogr. Exempl.) senden kann oder nicht.[1] Zugleich meldete ich ihm den heute früh erfolgten Empfang der Publikationen der Archäogr(aphischen) Kommission. Es sind im ganzen 50 Bücher in 4° u. 8°, die zusammen das Gewicht von 117—118 russischen Pfunden haben, also mit leichter Verpackung etwa 3 Pud. (R*) (P*)

Nun nur noch die herzlichsten Grüße von uns allen an Sie und die lieben Ihrigen

von Ihrem Ihnen ergebenen
A. Schiefner

257

1878, 12. januara. J. Perwolf iz Varšave

Varšava 1878 12/I.

Velectěný Pane!

Obracím se k Vám s prosbou, ku které, prosím, odpovězte beze všech okolkův. Píši teď německy delší rozpravu »Die orientalische Frage, beleuchtet vom slawischen Standpunkte. Eine historisch — politische Studie.« Jednám tu o tom odvěkém boji Slovanstva s asiatskými ordami, od Hunův začínajíc a Turky-Madžary končíc; podávám názor starých Čechův, Polákův, Rusův, Jihoslovanův na tuto východní otázku; jednám dále o poměru Rakouska a Ruska v té otázce atd. Rozprava bude obsahovati asi 8 tištěných archův; větší polovici mám hotovu, a menší dohotovím brzy dle některých mojích rozprav, hlavně dle poslední Мадьяры и восточный вопрос (kterou jsem Vám též zaslal).[1] Účel brošury jest hájiti Slovanstva, hájiti práva Jihoslovanův na *samostatnost* (a ne aby změnili svoje kajmakamy na fö-ispany nebo na k. k. Obersten), dle známého Cuique suum. Z mnohých příčin bych sobě přál, aby brošura vyšla v *Berlíně*. Nemohl byste mně najíti tam nějakého vydavatele?

Co se podmínek týče, tu prosím abyste Vy sám je určil; neznám zajisté poměrův berlínských i spolehl bych se úplně na Vás. Můžete-li věc tuto sprostředkovati, učiňte tak více k vůli předmětu. Kdyby byla jakási naděje, pošlu Vám ihned hotovou větší polovici, a konec za několik nedel.

V Praze bych si hledal nakladatele jen tehdy, kdyby v Berlíně nemožno bylo brošuru vydati. Ale v takovém případě musil bych ve mnohém jinak psáti, a mnoho míst zmírniti.

Myslím, že jste teď, jako my všichni, radostně rozčilen.[2] Slovanské prapory na Balkáně! Bar, Niš, Sofia, Trnovo, a bohdá brzce i Plovdiv i Drinopol, — *náš*, ba věru už náš (a ne černohorský, srbský, ruský), a ta otomanská bestie skolena plazí se pod *našima* nohama — toť jsou věci, které každému Slovanu žene krev do hlavy, zbuzuje jeho jásot i nadšení pro naši chloubu, pro svatou Rus i její armádu! Jenom naši páni dobrodzieji svěšují hlavu; domnívaliť se, že ve Visle budou napájeti koně husaři od Debrecína a všelijaká spřež z Anatolie. Polák, Maďar, Turek a Žid — věru překrásné spřežení![3] Nedavno mně poslali z Prahy všelijaké výstřižky z polských (halických) novin, mezi jiným též sáhodlouhou korespondenci z Varšavy o názoru Polákův na nynější stav věci; máte-li tam někda »Czas«, od 18. października 1877, přečtěte si to brimborium, budete míti radost nebo žalost, jak chcete. »Proklamacja cesarza do Bułgarów oburzyła, wywołała *obrzydzenie*.« Jak se Vám to líbí?

V poslední knize Древней и Новой России (která vyšla ke cti 100-letého jubilea narozenin císaře Alexandra I. a naplněna jest rozpravami jen o tomto císaři) jest též moje rozprava Император Александр I. и Славяне. Píší mně z Petrohradu, že rozprava se velice líbíla: Změňte »Alexandr I.« v »Alexandr II.« — a mluvíte skoro o r. 1877—78. Jakmile dostanu otiskův, pošlu i Vám.

Se vší úctou

oddaný Vám
J. Perwolf

(Nowogrodzka 21 a)

1878, 14. januara. N. A. Popov iz Moskve

18 14/I. 78

Многоуважаемый Ватрослав Вячеславович!

С удовольствием получил Ваше письмо, ибо не знал, где собственно искать Вас — в Берлине или в Одессе. Правда, я знал, что одесситы не успели еще в своих искательствах, хотя приказ об утверждении Вас и был. Но едва ли теперь и время переселяться в Одессу: пусть чем-либо кончится война, хотя и мир едва ли сделает Одессу более славянским городом, чем космополитическим.

Что касается Ваших взглядов на будущность страны, орошаемой Врбасом, Босною и Неретвою, то ведь не мы одни решители ее судеб. Если бы кто-нибудь, кроме победителей и местных патриотов, вроде патронов земли, где Вы теперь пребываете, или представителей итальянских интересов взялись помогать желаниям боснийских христиан, тогда дело другое. Нельзя России разорваться во все стороны и поспеть всюду. Кроме того, я не согласен с мнением о тех последствиях, какие могут произойти, если Босния примкнет к Хорватии.[1] Тут »меньшие братья« и сами должны же подумать о себе. Потом, не забудьте, что кроме силы, мужества и отваги даже и большим народам для великих дел нужны финансы. Не каким ни будьте пессимист(ом), а не надо забывать, что поглощение Боснии и Герц(еговины) Цес(арством) и Корол(евством)—кадавером, послужит началом к ее разложению и поведет к решению старого вопроса о землях придунайских, а не балканских уже. Впрочем, не все наши газеты забыли Босну.

Что Ваши личные дела и занятия? Увидим ли 3 Bd. Archiv'a? Кстати, знаете ли Вы об открытии, сделанном Киевским викарным епископом Порфирием[2], так долго жившим на востоке и привезшим оттуда с собой множество рукописей. Из рукописей Хиландарского монастыря он убедился в смешении трех Кириллов, содействовавших составлению славянской азбуки, в одно лицо. Первый Кирилл философ, мудрый, родом из Кападокии, жил в Солуни во второй половине VII в.; он ввел у болгарских славян ионийскую азбуку. Второй Кирилл, родом из Катаньи, сицилийского города, был у южных Руссов в 866 — 67 г. и передал им болгарскую азбуку. Третий Кирилл святой, солунo-римский, проповедывавший в Паннонии, усовершенствовал эту азбуку и перевел некоторые книги; ученик его Климент довершил его дело. Статья Порфирия о том напечатана в »Трудах Киев. духовной академии« за 1877 г. N10. Будем ждать отзывов славянских специалистов в деле филологии, — а в том числе Вашего.[3]

А касательно ожиданий »меньших братий«, содействуйте и Вы.

Прошу Вас принять уверение в чувствах глубочайшего уважения и истинной преданности

от Нил Попов

1878, 18. januara. A. A. Potebnja iz Harkova

Милостивый государь Игнатий Викентьевич.

Вместо отзыва о соч(инении) Кочубинского »Осн(овы) вокализ(ма)«[1] я препровождаю при сем свою статью »О некоторых случаях влияния небности на согласные зв.«, в которой заключен мой ответ на стр. 22 — 4, 35 — 67 названного сочинения. Если в этой статье Вы найдете что-либо заслуживающее внимания, то сделайте из нее употребление, какое Вам будет угодно. Я разумею сокращения, опущения и пр. О моих предположениях, именно что перестановки в *шт, жд* нет и что *пешти* из *печчи*, а *свѣшта* из свѣчча (тj + гласн. дает удвоение) и других, я хотел бы узнать Ваше мнение. Если это Вас не затруднит, много меня обяжете, возвративши рукопись по миновании в ней надобности: у меня остались лишь черновые заметки, отдать переписать было некогда и некому.

Что до разбора всего сочинения Кочубинского, то еще время не ушло. На днях только я получил I-й выпуск 2-го тома. Если найду время, напишу, но не обещаю. Досадно возвращаться на прежнее: Кочубинский находит (75) даже »излишним упоминать, что ъл в русс. памятниках значит только *ол*.« Это для него аксиома. К теории Шмита, которой Кочубинский следует с ревностью неофита, я отношусь отрицательно, насколько она не есть лишь усложнение теории генеалогии (это усложнение необходимо), но для борьбы с нею не готов.[2]

В последней книжке Ф(илологических) Запис(ок) 1877 г. помещено начало моего издания Слова о полку Игореве. Когда окончится печатание, идущее у Хованского[3] чрезвычайно медленно (с сентября — 70 страниц), я поспешу выслать Вам оттиск. Мнение Ваше или одного из Ваших сотрудников о некоторых из предлагаемых мною чтений во всяком случае будет для меня поучительно.[4]

Остаюсь с совершенным уважением к Вам

Харьк(ов), 18 генв(аря) 1878 А. Потебня

260

1878, 19. [januara]. F. A. Schiefner iz Petrograda

St. Petersburg, den 19./31. 1878

Hochgeehrter Freund!

P* Ich könnte Ihnen viel erzählen vom letzten Sonntag, wo ich an zwei Stellen fehlte, obwohl ich eingeladen war, bei der Eröffnung des archeologischen (richtiger archäographischen oder archivalischen) Instituts von Kalatschew[1] und am Abende bei der 150 jährigen Jubelfeier der СПб. Ведо-

мости. An beiden Stellen hat der Herr von Скиф[2] sich hören lassen, wie Sie aus der Zeitung werden ersehen haben. Am Morgen hat der dem Minister und dem Grafen Stroganow sehr viel Angenehmes ins Gesicht gesagt. Er liest Enzyklopädie der Archäologie, Бычков, wie es scheint, Paläographie, Майков[3] Literaturgeschichte des 18. Jahrhunderts. Es war Stendtmann zugegen, der mir von dem Akt Kunde gab und auch gestern abend einigen Freunden bei mir davon erzählte. Am Abend fehlte ich, weil ich die Herren von der Redaktion nicht persönlich kenne; auch ist die Zeitung jetzt nicht so gestaltet, daß man für dieselbe sehr warm werden könnte. Gestern abend erinnerte ich Stendtmann wieder an die Statuten der Text-Gesellschaft; hoffentlich wird er bald Wort halten können.

Heute konnte ich nicht dazu kommen, Grot über франт[4] zu fragen. Was das polnische Wort anbelangt, so fällt mir ein, ob dasselbe nicht aus »Frank« entstanden ist. Es waren namentlich in Krakau viele Einwohner aus Franken, wie Sie leicht aus den Sweipolt Viol'schen Akten ersehen können. Daher wohl wegen nationaler Reibungen die Bedeutung, die das Wort im Polnischen hat. Im Russischen ist die Bedeutung eine andere. Es liegt nahe, an das deutsche Fant zu denken, zumal, da dieses Wort sich auch im Nslow. eingebürgert hat, wie Sie aus Miklosich wissen werden; die Dänen haben daraus, wie Sie anführen, *Fjante* gemacht. Im Schwedischen kommt es jetzt nicht vor, ob es im Altnordischen schon gewesen ist, weiß ich nicht. Es bleibt aber wohl ein romanisches Wort, das Sie auch bei Diez erklärt finden. Ob das r wie in труба (aus tuba) Eingang gefunden hat! Da der Stutzer *prangt* (vergl. lettisch *brangs* prächtig), wäre man versucht, eine Anlehnung an diese Wurzel zu sehen. Grot (I, 486) leitet es aus dem Polnischen her, doch will ich noch mit ihm darüber sprechen. P*

Herzliche Grüße von uns allen an Ihre liebe Frau und die übrigen Angehörigen und die besten Wünsche

Ihres Ihnen ergebenen
A. Schiefner

NAPOMENE UZ PISMA

1

SMŽ 65—67, odgovor na pismo Sreznevskoga u PRU broj 1. — Sreznevskij, Izmail Ivanovič (1812—1880), slavist, filolog, odrastao u Ukrajini, nasljednik Preisov a prethodnik Jagićev u Petrogradu. Kao član IAN počeo izdavati Известия Отдел. русс. яз. и словесн., prikupio građu za historijski rječnik izdan poslije pod naslovom Материалы для словаря древне-русского языка. Kao pisac vrlo plodan (Древние жизнеописания русских князей X—XI вв. 1853, Договоры с Греками 1854, Хождение за три моря Афанасия Никитина 1856, Древние памятники русского языка и письма 1864, Древние памятники письма и языка юго-западних славян 1864, Славяно-русская палеография, i dr).

[1] Književnik. Časopis za jezik i povijest hrvatsku i srpsku, i prirodne znanosti, Zagreb 1864—1866, I—III. — [2] Franjo Rački i Josip Torbar, v. d.: Rački Franjo (1828—1894), hrvatski historik i zagrebački kanonik, prvi predsjednik JAZU. Bavio se osobito starijom poviješću te dao za svoje vrijeme vrlo solidne radove (»Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srpsku povijest srednjega vijeka« 1864—65, »Pokret na slovenskom jugu koncem XIV i početkom XV stoljeća« 1868, »Bogumili i Patareni« 1869—70, »Nutarnje stanje Hrvatske prije XII stoljeća" 1881—1893, i dr.). Bio je zajedno s Jagićem i Torbarom urednik »Književnika« (I—III, 1864—66). — Josip Torbar (1824—1900) bio je profesor, poslije direktor, realke u Zagrebu i jedan od prvih članova JAZU. Pisao je o selidbi ptica, o Boškovićevoj atomistici, o optici Markantuna de Dominis (u Radu JAZU i drugdje). — [3] To su rasprave koje je Rački objavljivao u Književniku pod zajedničkim naslovom »Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srpsku povijest srednjega vijeka,(knj. 1, I 35—77, II 199—227, 358—388, 544—562, knj. III, 36—52, 218—241, 380—398). Poslije je Rački pisao o srpskim despotima, o obrani hrvatsko-slavonske granice, i dr. — [4] Odnosi se na nekoliko članaka u Književniku, u kojima se Jagić osvrtao na diahroniju u jeziku i pravopisu (»Naš pravopis« I, 1—34, 151—180, sa tezama Bečkoga dogovora, »Iz prošlosti hrvatskoga jezika« I,332—358, 447—485, »Primjedbe k našoj sintaksi s gledišta sravnjujuće gramatike« II, 176—196). — [5] Imao je na umu, jamačno, Šafarikove »Památky hlaholského písemnictví« koji su štampani u Pragu 1853. — Šafarík Pavel Josef (1795—1861), jedan od najvećih češko-slovačkih slavista druge trećine XIX vijeka. Porijeklom iz jugoistočne Slovačke (Šafarík, č. Šafařík, njem. Schaffarik), zauzimao je pomirljivo stajalište prema Česima. Dosta je putovao i u Novom Sadu izdao jedno od svojih najčešće citiranih djela (»Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten« 1826). Vrijedna je i postumno izdana »Geschichte der südslavischen Literatur« 1—3, 1864—65. — [6] Ivan Berčić (1824—1870), glagoljaš i filolog, izdao je prije Čitanke (1864) i prije Bukvara (1860) dosta opširnu hrestomatiju (Chrestomathia linguae veteroslovenicae charactere glagolitico e codicibus, codicum fragmentis et libris impressis, Prag 1859). — [7] = Odjel za ruski jezik i književnost AN. — [8] Popis svih ruskih časopisa i periodika do 1894. (s podacima o izlaženju, uredništvu i urednicima) nalazi se u knjizi Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. Под редакцией А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепахова. Москва 1959, стр. 836. Ovdje se zato onako iscrpno kao u PRU podaci o časopisima i periodičnim izdanjima neće davati. — [9] Smoleń Jan Ernst (njem Schmaler, 1816—1884), lužički pisac, sorabist, vatreni rodoljub, (Mała serbska rěčnica 1850, Wo slavjanskich městnych mjenach w Hornej Lužicy a wo jich wuznamje, 1867

i dr.). — [10] Vidi p. 3,1. — [11] Ljudevit Gaj, vođa narodnjaka i tzv. Ilirskog pokreta. Bio je 1840. u Rusiji, gdje je sastavio Secreta arcana o suradnji s pravoslavnom crkvom. — [12] To je tzv. Vukanovo evanđelje, iza Miroslavljeva najljepši i najvredniji rukopis ove vrste u Srba.

2

SMŽ 71—73, vidi odgovor u PRU 3.

[1] Ni jedan ni drugi ne kažu tačno koja su to izdanja, pa tako (iz Jagićeva pisma u PRU) znamo samo za Izvestija AN. — [2] Bit će to bili njegovi Древние глаголические отрывки найденные в Праге, С. Петербург 1857 (Изв. IIго отд. ИАН, VI). — [3] Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков), i to jamačno oba dijela (Общее повременное обозрение 1863 i Приложение: Снимки с памятников 1866), oba izašla u Petrogradu, oba u izdanju IAN. — [4] Vidi PRU 3, 26—27. — [5] To je (zaista dosta neuspio) Crnčićev faksimil natpisa na Baščanskoj ploči, objavljen u Književniku II ispred str. 161. uz raspravu »Krčke starine«. Ipak, ovim je radom potakao druge da dalje istražuju. — Crnčić Ivan (1830—1877), hrvatski svećenik i filolog, neko vrijeme rektor Jeronimskoga voda u Rimu. Objavio je znatan broj hrvatskih (glagoljskih) i drugih slavenskih spomenika (među njima i Assemanijev evanđelistar, svoje čitanje Baščanske ploče, pa Ljetopis popa Dukljanina, Krčki statut, i dr.). Prepisivao je u Rimu rukopise i skupljao bibliografske i dr. podatke za Jagića, Miklošiča, i druge). — [6] Baščanska ploča (v. o tome i moju radnju u Radovima Starosl. inst. I, Zagreb 1952). — [7] Hrvatski svećenici-glagoljaši. — [8] Radilo se o velikoj svjetskoj izložbi (četvrtoj po redu) koja se 1867. održavala u Parizu i na kojoj je dosta prostora bilo posvećeno kulturnim tekovinama različnih naroda. Samo iz Austro-Ugarske bilo je preko 3000 izlagača. Slijedeća je (peta po redu) svjetska izložba bila god. 1873. u Beču. —[9] Odnosi se na Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы, Petrograd 1866. — [10] Od njegovih sinova najstariji je (Vladimir Izmailovič) bio statističar a mlađi (Vjačeslav Izmailovič) izdao je nekako uz pomoć očevu knjigu Древний славянский перевод псалтыри (Petrograd 1877) ali se inače nije odlikovao ni talentom ni radinošću. — [11] V. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особеностях их правописания и языка, Petrograd 1868. —[12] Bilo je to vrijeme austro-ugarske nagodbe (njem. Ausgleich), koja je potpisana u februaru 1867. i koja je Slavene u Monarhiji stavljala u podređeni položaj te tako inaugurirala razdoblje koje će 1918. svršiti potpunim slomom i raspadom Austro-Ugarske.

3

SMŽ 77, Jagićevih pisama J. F. Golovackomu nema u PRU. — Golovackij, Jakov Fedorovič, * 1814 u Galiciji od oca svećenika, polazio gimn. u Lavovu, Košicama i Pešti, poslije bogosloviju u Lavovu; unijatski svećenik, od 1848. profesor ruskoga jezika i književnosti na sveučilištu u Lavovu, no 1867., poslije Slavenskog kongresa (i etnogr. izložbe) u Moskvi, napustio je katedru i pošao u Rusiju (u Vilensku oblast), + 1888. u Vilnu (»Zustände der Russinen in Galizien« 1846, »Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage in Galizien« Lemberg 1861, »Народныя песни Галицкой и Угорской Руси« 1878, I—IV, »Границы между русским (русинским) народонаселением и другими народностями в Галиции и Буковине 1864, »К истории галицко-русской письменности« (»Киевская старина« 1883), »Географический словарь западно-славянских и юго-славянских земель и прилежащих стран« Vilno 1884, XXXII + 371 str. + mape. »Пережитое и перестраданное« Львов 1885—1886).

[1] Jagić je u II knjizi Književnika na str. 143—147. donio izvadak iz putopisa češkoga pisca Josefa Kolara, koji je kao stipendist »Svatobora« proputovao Poljsku i Rusiju te u Petrogradu pohodio I. I. Sreznevskoga. — [2] Matica Ilirska, hrvatsko književno-naučno društvo osnovano god. 1842. po uzoru na Maticu Srpsku (1826). Što se izdanja tiče, Golovackij je jamačno mislio Danicu ilirsku, koju je u ono vrijeme izdavao Ljudevit Gaj. — [3] U Jagićevu tekstu uz *Vedensko* stoji u zagradama (po prilici 40 vrsta ili 6 milja od Moskve). — [4] Je li Jagić na ovo pismo odgovorio, i kako je neke netačnosti Golovackoga ispravio, nije poznato. Slijedeća su pisma Golovackoga Jagiću iz god. 1879. i 1880. (PIR. br. 346, 375).

4

SMŽ 84—85, v. Jagićev odgovor u PRU 5.

[1] I. I. Sreznevskij je posebnim osvrtom Труды Югославянской Академии Наук и Художеств koji je 1868. štampan u Sborniku statej IAN (Сборник статей читанных в Отделении русского языка и словесности ИАН II, 5) upoznao ruske akademike sa radom i s nastojanjima Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. — [2] Radilo se o Opytu i o Dopuni (Dopolneniju) Опыту областного великорусского словаря«, v. PRU str. 31—32. — [3] Šimkevič, Fedor Spiridonovič (1802—1843), filolog-komparatist, suvremenik Vostokovljev. (Glavno djelo: Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главными славянскими наречиями и 24 иностранными языками, 1842). — [4] Afanas'ev, Aleksandr Stepanovič (Afanas'ev — Čužbinskij, 1817—1875) rodom iz poltavske gubernije, više pjesnik i publicist nego etnograf. Posvetio je svoj rad zapadnim i jugozapadnim stranama Rusije. Nadimak Čužbinskij bio mu je u početku kriptonim pod kojim je pisao i objavljivao pjesme (»Кольцо«, 1848, i dr.). Poslije ga je zadržao te ga pisao uz svoje pravo ime. Prevodio je sa francuskoga i poljskoga (npr. Rzewuskoga), no najveći dio svojega rada posvetio je Ukrajini (»Очерки охоты из Малороссии« 1855, »Поездка в южную Россию« 1861, »Воспоминание о Т. Г. Шевченко« 1861, »Словарь малорусского наречия« I, 1855). — [5] Zakrevskij, Nikolaj Vasil'evič (Mykola Vasyl'ovyč Zakrevs'kyj, 1805—1871), ukrajinski historik i folklorist, poznat po svojoj Povijesti Kijeva (Опис Киева), 1868) i po zborniku ukrajinskih pjesama, poslovica itd. s opširnim rječnikom ukrajinskih idioma (u 3. knjizi; Старосветский (ukr. старосвітський) бандуриста, I-III. Moskva 1860—61). [6] To je bio Словарь белорусского языка koji se štampao od 1867. do 1869. [7] Odnosi se na Jagićevo imenovanje za dopisnog člana IAN (29. XII 1868, izvanredni je član postao 2. V. 1880, pravi član 4. XII 1881). — [8] Sa sinovima Vladimirom i Vjačeslavom i sa kćeri Ol'gom (rod. 1845). — [9] V. Jagićev odgovor u PRU 6, str. 33. i 35. — [10] Nema ga ni Wurzbach ni Slov. biogr. leksikon. — [11] Franjo Rački (Sreznevskij ga piše Rački, Rjački), »Bogumili i patareni«, Rad JAZU knj. 7, 84—179, knj. 8, 121—187, knj. 10, 160—263, Zagreb 1869—1870. Ruski je akademik svoj sud stvorio već na osnovi prvoga ili, u najboljem slučaju, na osnovi prvoga i drugoga dijela. Treći dotada još nije bio izašao. — [12] No ono se ipak nije održalo, pa je — uglavnom zaslugom A. I. Georgievskoga — 1874. nanovo osnovano.

5

SMŽ 110—111, Jagićevih pisama Bogišiću nema u PRU.

[1] To je bilo pismo što ga je Jagić 21—27. maja 1870. pisao Sreznevskomu iz Varaždina, v. PRU 7. — [2] Bogišić je imao na umu, čini se, Dmitrija Nikolaeviča Abaševa (1829 — 1880), koji je u jesen 1868. dobio doktorat na Harkovskom sveučilištu te tako postao izvanredni profesor za agronomsku kemiju na sveučilištu u Odesi (ZINU 3, IV, 23).

6

SMŽ 108—110, v. Jagićev odgovor u PRU 8.

[1] Po tome sudeći, o Jagićevu otpuštanju i o otpuštanju njegovih drugova iz državne službe pisale su i ruske novine. — [2] To je bila radnja Sreznevskoga koja će poslije (1871) pod naslovom »Krmčaja knjiga srpska XIII—XIV vijeka« izaći u 3. knjizi Starina JAZU. — [3] Ovo je vrlo važno: Sreznevskij se tu slaže s onime što je Jagiću pisao Bogišić (v. p. 5), i Jagić će to uvijek (tako i u SMŽ) spominjati kao svoj spas.

7

SMŽ 111. — [1] Jagić je poslije toga, držeći se savjeta Miklošičeva, ipak doktorirao u Njemačkoj i to na osnovi disertacije »Das Leben der Wurzel dê in den slawischen Sprachen« (Inaugural-Dissertation geschrieben zur Erlangung der Phil. Doktorwürde in Leipzig, Agram 1871), dalje v. str. V. — [2] Promoviran je najprije za doktora filozofije u Giessenu u Njemačkoj (1862) a zatim za doktora prava u Beču (1969). — [3] Novorosijski univerzitet u Odesi imenovao ga je 1869. doktorom honoris causa pa je tako 1870. ondje postao profesor Pravnog fakulteta. Od 1872. pa dalje radio je na Građanskom zakoniku za Crnu Goru, i taj je rad od kneza Nikole potpisan i 1888. javno proglašen. Po završetku zakonika Bogišić se na kratko vrijeme vratio u Odesu, no već 1893. postavljen je za crnogorskog ministra pravde. Poslije je — imućan od kuće — živio kao privatni naučni radnik u Parizu.

Njegova se ostavština čuva u Bogišićevu institutu u Cavtatu. Rodio se 1834. a umro je 1908. — [4] Vidi pismo Sreznevskoga od 15. VII iste godine (PIR 6). — [5] Славян. благотвор. общество = Slavjanskoe blagotvoritel'noe obščestvo, dobrotvorno društvo za kulturnu pomoć Slavenima izvan granica Rusije, osnovano 1858. u Moskvi (predsjednik M. P. Pogodin), doskora i u Petrogradu. Sredstva su mu bili dobrovoljni prilozi, a pomagali su se pojedinci, podizale škole i slali (npr. na Balkan) cijeli ekspedicioni korpusi. [6] Pismo nije sačuvano pa se ne zna, da li ga je pisao Ladislav Mrazović (1849—1881), koji je tada bio tajnik Matice Hrvatske, ili političar i publicist Matija Mrazović (1824—1896). — [7] Izvjestilac. — [8] Odnosi se na glasoviti govor što ga je J. J. Strossmayer 2. VII 1870. održao na crkvenom koncilu u Vatikanu. Strossmayer je nastupio vrlo smiono, i Crkvi je u nekim stvarima trebalo punih 96 godina da se približi stavovima koje je on tada iznosio.

8

SMŽ 112, odgovor na Jagićevo pismo od 29. jula 1870, PRU 8. — [1] Čini se da on te rasprave (pod naslovom »O građenju glagola« ili njem. »Über die Verbalbildung im Slavischen«, v. PRU 8, 38) nikada nije objavio. — [2] Odnosi se na radnju Nik. Petroviča Nekrasova »О значении форм русского глагола« koja je štampana 1865. On je nastavio da o tome piše, v. ŽMNP za 1877. — [3] Odnosi se na Jagićevu (njemačku) disertaciju, v. pismo 7,1. — [4] Radi se ne o Aleksandru Nikolaeviču Popovu (1821—1877), historiku prava, nego o filologu i arheografu Andreju Nikolaeviču. — Popov, Andrej Nikolaevič (1841—1881), profesor Lazarevskoga instituta, dr. hon. c. Moskovskoga univerziteta (1873), poslije smrti O. M. Bodjanskoga sekretar Общества Истории и Древностей i urednik »Чтений« toga Общества. Krupnija djela: Обзор хронографов русской редакции I—II, 1866—1868; Описание рукописей библиотеки А. N. Хлудова 1872, 1875. Pisao o Posoškovu, Kantemiru, Fotiju, o ruskim palejama XV—XVII v., itd. [5] Vidi PRU 8 na str. 38. i PRU 10. — [6] Iste godine u novembru izašao je i njegov Разбор сочинения А. Павлова »Первоначальный Славяно-Русский Номоканон« Moskva 1869. (kao »otčet« za Uvarovsku nagradu) a 1873. opširna rasprava o Rjazanjskoj krmčiji iz 1284. g. i onoj iz 1305. godine, vidi ZAN XXII, 3, 147—176 i Pru 13,4.

9

SMŽ 112—113. — [1] Dekan Filozofskog fakulteta u Odesi bio je 1870. latinist i arheolog Vladislav Norbertovič Jurgevič (rod. 1818, umro 1898). — [2] Tako je poslije i bilo: Jagić je gotovo istovremeno s imenovanjem za profesora Odeskog sveučilišta dobio jednogodišnji plaćeni dopust da može poći u Berlin, gdje je kod Albrechta Webera (1825—1901, izdavao »Indische Studien« 1846—1898, pisao o Vedama, Râmâyani i dr.) učio sanskrt.

10

SMŽ 113; pismo je datirano po novom stilu (v. PIR 11) i poslano je prije nego što je konsistorij prijedlog prihvatio. — [1] Bit će da je to bio Viktor Ivanovič Grigorovič, v. PRU 12, 2.

11

SMŽ 113—114. — [1] Bogišić je kao historik prava trebao prijepise navedenih starih hrvatskih zakona i statuta radi predavanja koja je držao svojim slušačima o kodifikaciji tzv. običajnoga prava kod Slavena. O tome je pisao i u Književniku III (»O važnosti sakupljanja narodnijeh pravnijeh običaja kod Slovena«).

12

SMŽ 114—115. — Jagić je 9. novembra 1870. postao počeasni doktor (doctor honoris causa) Petrogradskoga sveučilišta i I. I. Sreznevskij ga je vjerojatno o tome odmah obavijestio, samo što se to pismo nije sačuvalo, odnosno ne nalazi se u njegovoj ostavštini i on ga u SMŽ ne donosi. — [1] V. Bogišićevo pismo od 2. XI 1870. (PIR 10). — [2] Vidi pismo 9,1 i 10,1. — [3] Kao što se vidi, toga je bilo i prije stotinu godina; s ovime nije u vezi PIR 80, v. tamo. — [5] Ako se ruski tekst isporedi s tekstom otisnutim u PRU 12 na str. 42—43, vidi se da nije tačno da je Jagić »samo prepisao i potpisao ono što mu je Bogišić predložio« (v. PRU 12, str. 329). — [6] pomoćnika (niže vrste).

13

SMŽ 115—116, odgovor na Jagićevo pismo u PRU 11. — [1] Toga dodatka nema u PRU na mjestima gdje bi se, sudeći po tekstu, trebao nalaziti. — [2] Jagić mu je poslao svoju fotografiju (v. PRU 11 na str. 41). — [3] Bilo je to u vezi s doktoratom, v. Bogišićeva pisma PIR 10—12. — [4] Fr. Rački, v. p. 4, bilj. 10. — [5] E, tu je pogriješio; Bogišićevu je ocu ime bilo Vlaho, pa su zato mnogi Bogišića zvali Val'tazar Vlasievič. — [6] Кученрейтер, zapravo Кучерейтер (Guido Kutschereuter) bio je nastavnik u Vojnoj akademiji u Bečkom Novom Mjestu (Wiener Neustadt-u). Sreznevskij se je s njim upoznao na jednom od svojih putovanja koja su ga vodila na jug, i dopisivao je s njim od 1869. do 1872; v. PRU 11, 3; облик = snimak, fotografija.

14

SMŽ 116—117. — [1] Aluzija na ono što je Bogišić sâm počeo da raspreda u pismu PIR 12. — (Radilo se o slovenskom svećeniku, preporoditelju i utopističkom slavenofilu Matevžu (Matiji) Majaru (Ziljskom, 1809—1892), o kojem Jagić u SMŽ 117 kaže da je »bio čudak sa svojim skalupljenim sveslavenskim jezikom, kojim je može biti među Nemcima izišao na glas kao opasni panslavist, što ga je i nateralo da se spase iz Koruške u — južnu Rusiju«. Do ovoga je suda o njem Jagić došao na osnovi njegove knjige »Uzajemni pravopis slavjanski, to je: uzajamna slovnica ali mluvnica slavjanska«, koja je štampana u Prεgu 1865. — [3] Tako je i bilo, v. Bogišićevo pismo od 2. januara 1870. (PIR 15). —

15

SMŽ 117; Bogišić mu nije poslao samo Odeski vjesnik nego i rukom pisani izvadak iz toga Vjesnika. Vjesnik je poslan sous bande, no sve što je ostalo, to je tekst u pismu. »Zukunft«, »Zatočnik« — suvremeni listovi od kojih je jedan izlazio u Beču a drugi u Vojnom Sisku (1869—1871). — Pismo je, čini se, pisano u žurbi, dok je i godina napisana pogrešno (1870. mjesto 1871.).

16

SMŽ 117. — Pismo je pisano ćirilicom, a datiranje je novo (ne prema starom stilu). — [1] Bit će to bili prilozi koje Jagić nabraja u svojem pismu rektoru F. I. Leontoviču (PRU 12, str. 43—44). — [2] Maturalna svjedodžba, svjedodžba zrelosti. — [3] Ovo Bogišiću i nije bilo tako teško, jer je Leontovič i sâm bio profesor Pravnog fakulteta i historik prava. — Leontovič Fedor Ivanovič (1833—1911), profesor ruskog i državnog prava u Kijevu, Odesi i Varšavi. Ispitivao je veze između »Ruske Pravde« i »Litavskih statuta«, istraživao elemente zadrugarstva i pravni položaj židova u staroj rusko-litavskoj državnoj zajednici.

17

SMŽ 117—118. Pismo je očito datirano prema novom stilu (novom kalendaru), jer je Jagić već 27. februara izabran u Savjetu, a tomu je izboru barem na nekoliko dana prethodio izbor u Fakultetu (v. p. 18). — [1] T. j. Leontoviča, v. p. 16,3 i p. 17 (dalje). — [2] Leipzig, v. PIR 7,1. — [3] Đura ili Đuro je za Bogišića uvijek Daničić. — Daničić Đura (1825—1882), srpski filolog jugoslavenske orijentacije, uz Vuka Karadžića najzaslužniji za kodifikaciju savremenog hrvatsko-srpskog književnog jezika. U Beču je završio pravo (1845) a zatim je, u različnim funkcijama, bio namješten u Beogradu (kao profesor Velike škole) i u Zagrebu (kao tajnik JAZU). Bio je par excellence gramatičar (Oblici 1863, Akcenatske studije 1856—1872, Sintaksa 1858, Istorija oblika 1874, Osnove 1876, Korijeni 1877, i dr.), leksikograf (začetnik i izdavač I. knjige (1882) velikoga Rječnika hrv. ili srp. jezika što ga izdaje Jugoslavenska akademija znanosti u Zagrebu, izdao i Rječnik iz književnih starina srpskih I—III, 1863—64). Izdavač starih tekstova (Teodosijeva, Domentijanova i Danilova Žitija, Nikoljskog evanđelja i dr.), i prevodilac (među ostalim i Svetoga pisma, dopunjujući Vuka koji je preveo samo Novi Zavjet).

18

SMŽ 118—119; pismo je cijelo, samo bez PS. Datirano je opet po novom (v. p. 17). — [1] Balotacijom (Bogišić obično piše ballotacija, od franc. ballot »kugljica«) zvao se svaki izbor, osobito ponovno izabiranje nastavnika kojima je istekao rok službe (reizbornost). Izbor se, naime, vršio kugljicama, kako se i danas vrši u fakultetima sa starom tradi-

cijom. — [2] Tako je i bilo, v. PIR 21, bilj. — Sečenov, Ivan Mihailovič (*1829), liječnik, profesor najprije za fiziologiju pa poslije za zoologiju na Novorossijskom sveučilištu u Odesi).

19

SMŽ 122—123, v. Jagićeva pisma PRU 14, 16. — [1] Ovakvi se službeni oponenti i danas u Rusiji (u SSSR-u) određuju kada se brane doktorske disertacije. — [2] Knjiga je izašla 1870. i on u njoj suprotstavlja grčko-slavenski svijet romansko-germanskom, dajući, razumije se, prednost prvomu. — Lamanskij, Vladimir Ivanovič (1833—1914), slavist, od 1865. profesor na Petrogradskom sveučilištu, patriot i slavjanofil. Pokreće 1875. »Slavjanskij sbornik«. Od djela što ih je izdao isp. »О некоторых славянских рукописях в Белграде,Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями« 1864, »Видные деятели западно-славянской образованности в XV—XVII в.« 1875, »Les secrets d'état de Venise et les relations de la Republique a la fin du XVe et au XVI siecle avec les Grecs et les Turcs« 1883. — [3] Odnosi se na petrogradski doktorat h. c., v. p 12. — [4] Svoju je (negativnu) ocjenu Jagić izrazio već u pismu Sreznevskom od 6.II 1871. (PRU 14) i ponovio ju je gotovo 45 godina poslije toga u uvodu svojem izdanju Križanića (Život i rad Jurja Križanića. O tristogodišnjici njegova rođenja, Djela JAZU knj. 28, Zagreb 1917), gdje je o Bessonovu rekao: . . . »kako taj veliki obožavač Križanićev nije uživao mnogo ugleda u tadašnjoj Rusiji, tako je i predmet njegova oduševljenja dosta patio od jednostranog prikazivanja, u kojem ga Bessonov iznosio na vidjelo«, str. 2. — Dopis kojim je IAN zatražila spomenutu ocjenu nije se našao u Jagićevoj ostavštini. U onome »»Впоследствии Ягич коренным образом изменил свое отношение к Юрию Крижанищу« (vidi PRU 14,5 na str. 331) mora da se radi o nesporazumu, odnosno o ne baš sasvim tačnoj interpretaciji Jagićeva teksta. Uvarovske su nagrade imale veliko značenje već i zbog toga, što je izbor vršio II odjel Akademije (ОРЯЗ). — Uvarov, Aleksej Sergeevič (1828—1884), arheolog, pravi član IAN, zaslužan za istraživanja starih ruskih naselja i kurgana (Исследования древностей южной России и берегов Черного моря 1851—1856, Археология России. Каменный период, 1881). Osnivač Arheološkog društva i Historijskog muzeja u Moskvi. Ostavio IAN zakladu iz koje su se svake godine davale tzv. Uvarovske nagrade (velike i male) za najbolja djela iz područja ruske povijesti, jezika i književnosti.

20

SMŽ 124, odgovor na Jagićevo pismo u PRU 14. — [1] Tzv. Ilovička krmčija, na koju se odnose napomene i u prošlim pismima, a nalazi se (i danas) u Arhivu JAZU u Zagrebu (Sing. III c 9). — [2] »О русском государстве в пол. XVII в.« Москва 1860. — . »Грамматично исказание об русском езику попа Юрка Крижанича, презванием Сербляница, между Купою и Вуною риками, в уездех Бихща града, окол Дубовца, Озля и Рибника; писано в Сибири лета 7174 (1666) г., Чтения в импер. Обществе истории и древностей российских при Московском университете I 1848, II (и окончание) 1859. — 1859. — [4] Ignac Jan Hanuš (1812—1869), drugo je Jan Hanusz (1857—1887), učenik L. Malinowskoga (»O dobie litewsko-słowiańskiej w stosunku do prajęzyka indoevr«.). — Kotljarevskij, Aleksandr Aleksandrovič (1837—1881), ukrajinski slavist, etnograf i arheolog. Studirao je u Moskvi (kod F. I. Buslaeva) i bio profesor Dorpatskog i Kijevskog sveučilišta. Po prirodi društveno aktivan (jedan od osnivača Moskovskoga arheološkog društva, predsjednik »Общества Нестора Летописца« u Kijevu), dolazio je u sukob sa vlastima, bio zatvaran, itd. Pisao je o različnim temama (»Старина и народность« (1862, o slavenskoj mitologiji 1871, o uspjesima slavistike u Rusiji 1874, i dr.).

21

SMŽ 119—120. Jagić je izabran za izvanrednog profesora u Filozofskom fakultetu Novorosijskoga sveučilišta u Odesi 17. ili 18. februara, a već 27. istoga mjeseca (a ne tek oko 6. marta, kako je očekivao Bogišić), on je potvrđen u Savjetu istoga sveučilišta. Bogišić je na to Jagiću poslao brzojav »Docteur Jagić Agram Croatie Hier soir conseil universitaire vous a elu professeur extraordinaire de l'université gratulor Bogišić«. Brzojav se ne nalazi među Bogišićevim pismima, no Jagić ga citira u bilješci na str. 119. svojih Spomena. U Savjetu INU koji se održavao 27. februara 1871. (po starom kalendaru) Jagićeva je tačka bila 13. na dnevnom redu. Poslije Grigorovičeva izvještaja za nj je glasalo 19 članova Savjeta (prisutnih je bilo 19, no od odsutnih su dvojica, Jurgević i Sokolov, dali svoje glasove preko rektora Leontoviča i prof. Orbinskoga, v. ZINU g. IV, knj. 7, str. 43—46, Odesa 1871). [1] U Petrogradu se orijentalisti nisu toliko bavili sanskritom, kako to izlazi i iz pisma Sreznevskoga od 22. III 1871 (p. 22). — [2] živ=živi, boravi. — Leger Louis (1843—1923), francuski slavist, profesor slavenskih jezika i književnosti u Collège de France. Pisao je o Nestoriju (Chronique dite de Nestor 1890), o ruskom jeziku i književnosti (La littérature russe 1892, Grammaire russe 1886, Les racines de la langue russe 1894), o narodnim pjesmama i pripovijetkama (Accueil de contes populaires slaves 1882), o slavenskoj mitologiji (Études sur la mythologie slave, 1899), o Ćirilu i Metodiju (Cyrille et Methode 1868); izdao je (faksimilirano) Reimski zbornik (L'Evangeliaire slave de Reims, 1899).

22

SMŽ 120—122. Datiranje će i ovdje biti po novom kalendaru, to znači da je pismo pisano u martu a ne u početku aprila. — [1] Odnosi se na pismo 21, koje je uslijedilo neposredno poslije Jagićeva brzojava, a poslije je stiglo i Jagićevo pismo u kojem je postavio različita pitanja. — [2] Aluzija na Strossmayera, v. PIR 7, bilj. 8.

23

SMŽ 124—125, odgovor na Jagićevo pismo od 13. marta 1871 (PRU 15). — [1] Ilovička krmčija 1262. god., v. PIR 20,1. — [2] Bila su to njegova široko zakrojena Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, ogroman zbornik koji je od 1865. u više dijelova izlazi o u ZIAN (posljednji je prilog — *Priloženie* — ovom zborniku izašao 1881, godinu dana poslije piščeve smrti).

24

SMŽ 126—127; njegovo pismo bit će da se križalo s Jagićevim pismom u PRU 17. — [1] Donosi je na kraju svojega pisma (v. ondje). — [2] Bio je to pravac koji je uvodio ministar prosvjete Dmitrij Andreevič Tolstoj (1823—1889, bio je i ober-prokuror Sv. Sinoda, i ministar unutrašnjih poslova, i predsjednik AN). Želio je na taj način »apolitizirati« školstvo, a kako su predavači klasičkih jezika često bili stranci, osobito Slaveni iz Monarhije ili iz zapadnih strana (v. Jurgević u Odesi, Šramek u Petrogradu), to je u Rusa još više izazivalo rezervirano držanje prema »braći Slavjanima«. Jagić je osuđivao i taj pravac, i Dm. A. Tolstoja, v. SMŽ 161 i d. — [3] To je ta obavijest (zapisočka) Ministarstva prosvjete, v. gore pod 1. — Vidi Jagićev odgovor u PRU 18. — [4] Mogao je to biti i Mihail Stepanovič Voronin (1838—1903), ili neki drugi Voronin iz MNP.

25

SMŽ 127. I ovdje treba pretpostaviti novo datiranje. Prijedlozi (za imenovanje i za »komandirovku«) vozili su se dosta dugo, tako da je rješenje uslijedilo tek 27. juna 1871, v. PRU 18,3. — [1] Rusificirani deminutiv za »posao« (posolki = poslići).

26

SMŽ 127; nadovezuje na Jagićevo pismo u PRU 18. — [1] V. pisma u kojima je o prijepisima iz Ilovičke krmčije govorio prije toga (PIR 23, 20 i dr.). — [2] Odnosi se na san Sreznevskoga o kojem Izmail Ivanovič piše u dodatku svojem pismu od 21. februara 1871. PIR 19). — [3] Bit će to ipak bila korektura ili revizija, v. Starine JAZU III (1871).

27

SMŽ 127—128. Datiranje je posredno (po sadržaju) i samo približno; original nije datiran. — [1] V. njegovo prijašnje pismo (PIR 25). — [2] Knjižara s bogatom tradicijom. Nalazi se u Beču na Grabenu (Wien I) te je i danas knjižara (nekoć Jagićeva) Instituta za slavensku filologiju. — [3] Danas dosta rijetka i malo poznata knjižica u kojoj su dva niza pjesama (XVI + XII) i Historičke primjedbe. Na naslovnoj strani piše »od Xa« a na začelju »IKS« (oboje su skraćenice za Ivan Kukuljević Sakcinski). Štampana je u Zagrebu 1848. — Ivan Kukuljević Sakcinski (1816—1889) bio je hrvatski književnik, historik i političar, jedan od najaktivnijih u borbi za Preporod i za političku i kulturnu slobodu hrvatskoga naroda. Skupljao je stare knjige, listine i rukopise, edirao ih je i pripremao za štampu (Monumenta serbica, od VIII—XIV st., Codex diplomaticus regni Croatiae, Slavoniae et

Dalmatiae a saec. IV—XIV, Monumenta historica Slavorum meridionalium, izdao Pjesme Marka Marulića kao I knjigu Starih pisaca JAZU, 1869, itd.). — [4] V. ranija pisma, m. o PIR 11.

28

SMŽ 129—131, v. Jagićev odgovor u PRU 21. — [1] Rodio se 1. VI 1812. u Jaroslavlju. — [2] Rodio se 1857. i bio od 1894. profesor fizikalne geografije i meteorologije na sveučilištu u Dorpatu (Jurjev). — [3] Troico-Sergeevskaja lavra, manastir i sijelo ruskog patrijarha i Moskovske duhovne akademije, u gradu Zagorsku (oko 70 km od Moskve). — [4] Ostala su tri bili petrogradski, kijevski i kazanjski. — [5] Rostov Velikij; drugi je Rostov-na--Donu. — [6] Poznati u slavistici osobito po svojem (tzv. Ipatjevskom) ljetopisu napisanom oko god. 1425. — [7] T. j. Novgoroda (Nižnij Novgorod, sada Gorkij).

29

SMŽ 128; pismo je datirano po novom kalendaru (Bogišić piše iz Beča). — [1] Po svemu sudeći, radilo se o predgovoru i pristupu Bogišićevoj knjizi »Pisani zakoni na slavenskom jugu, I: Zakoni izdani najvišom zakonodavnom vlašću u samostalnim državam(a)«, koju je JAZU izdala 1872. — [2] Kako se oba članka nalaze na kraju knjige (Dubrovnik na str. 90—115, zatim slijede Poljica na str. 116—120, pa Hrvatska na str. 121—171), značilo bi to da su ostali dijelovi (Bugarska, Srbija, Bosna, Hum, Zeta) jamačno bili završeni prije toga (tek na kraju, na str. iza 171. ima dodatak »Kneževina Srbija«). — [3] Ovoj je želji udovoljeno, no slova su i u predgovoru i u pristupu jednaka te se po veličini ne razlikuju od slova u ostalom dijelu knjige.

30

SMŽ 131; odgovor na Jagićevo pismo u PRU 21. — [1] Bilo je to kada je Sreznevski 1839. do 1842. bio na putu po slavenskim zemljama te je među ostalim boravio i u Zagrebu i u hrvatskim primorskim stranama (v. o tome njegova Путевые письма из славянских земель koja su poslije njegove smrti objavljena u časopisu Живая старина za god. 1892—1893). — [2] Restauracija i svratište »K caru austrijanskom« na početku Ilice (otpr. ondje, gdje je sada Narodni magazin).

31

Ne dolazi u SMŽ, no u svojem pismu u PRU 22 Jagić na kraju (u postskriptu) kaže Очек нет! (tj. nadovezuje na PIR 31.). — [1] Za svratište (hotel) »K caru austrijanskom" v. p. 30,2. Kamennyj Most (njem. Steinbrück), danas Zidani Most. — Datiranje je provedeno posredno: u izvorniku su označeni samo mjesec i dan, no jasno je, ako se isporedi p. 30, koje je potpuno datirano, da je to bilo 1871.

32

SMŽ 128; i ovdje se može uzeti da je pismo datirano prema novom kalendaru (pisano je u Gmundenu u Austriji). — [1] Pismo je Jagić primio, no dopisnice čini se da nije, ili se nije sačuvala. — [2] Odnosi se na Jagićevu »Historiju književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga« I, koja je izašla u Zagrebu 1867., i na »Historiju dubrovačke drame« Armina Pavića, koja je štampana u Zagrebu 1871. U Jagićevoj su knjizi natpisi iznad stupaca, no već kod Pavića od toga se odustalo (pa ih, valjda zato, nema ni u Bogišićevoj knjizi). — [3] Novčana doznačnica (ček, jer se novac slao preko banke). — [4] Vidi se, kako je pored njemačkih umetaka Bogišićev jezik brzo pao pod jak ruski utjecaj. — . . . (nejasno).

33

Pismo nije datirano i ne dolazi u SMŽ, no može se pretpostaviti da je pisano u Gmundenu, i to »vjerojatno 23. VIII 1871« (kako je na njem olovkom zabilježeno). — [1] Odesit (rus. Odessit) — Odešanin, stanovnik Odese. — [2] Bit će da je Jagić Bogišićev rukopis dao Račkom (jer se, napokon, radilo o povijesti i o povijesnim pitanjima), pa je ovaj na rubu štošta pribilježio, tako da je to Bogišić kod korekture — ili prije korekture — vidio. — Slijedećem je Bogišićevu pismu (od 25. VIII 1871) sadržaj glavna skupština hrvatskog učiteljstva; ono za Jagićeve veze s Rusijom ne daje nikakvih podataka te se zato ovdje i ne donosi.

34

Pismo je datirano po novom kalendaru. — [1] Patera je to mogao saznati i od Sreznevskoga. (Monakov = München). — Patera Adolf (1836—1912), historik i bibliotekar Češkoga muzeja u Pragu. Izdavao je staročeške spomenike u časopisima (u ČČM, Českem Museu filologickém, Věstniku Královské české společnosti nauk i dr.). Izdao je (zajedno s Hattalom) Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských (1881), Hradecký rukopis (1881), i Svatovitský rukopis 1886, bio za svoje vrijeme jedan od najverziranijih na području staročeških spomenika. — [2] V. Bogišićevu radnju o »Pisanim zakonima na slovenskom jugu« (PIR 29,1). Bit će da se to odnosilo na Dodatak. — [3] Koncept (rus. černovik).

35

Pismo nije datirano, no po svemu sudeći (Jagićevo imenovanje, dok je to prošlo kroz administraciju, dok je poslana uputnica za novac) bit će da je pisano negdje potkraj augusta 1871. — [1] U Rajevskoga — znači: u Beču. — Raevskij, Mihail Fedorovič (1811—1884), upravnik Ruske pravoslavne crkve u Beču i posrednik između Jagića i Slavenskog komiteta u Rusiji (v. Славянское благотворительное общество). — [2] Bilo je to za ono vrijeme mnogo novaca (kad bi se preračunalo na današnje plaće, pa i na one u Americi).

36

[1] T. j. Franjo Rački, koji je, kada je otpušten iz službe kao školski nadzornik, postao kanonik (najprije đakovački pa onda zagrebački). — [2] Matija Vlastar, oko sred. XIV v. solunski jeromonah, poznat po svojoj sintagmi kanona bizantskoga prava. — [3] Vuk je i inače, prisiljen nemaštinom i potrebama, prodavao stare ćirilske rukopise, pa ih danas na desetke ima u Beču i drugdje u zapadnoj Evropi.

37

SMŽ 179. — [1] Iz njegove (tj. Bogišićeve) knjige o »Pisanim zakonima na slovenskom jugu«, v. p. 29,1. — [2] Lako upaljiva tvar. — Stvar se, čini se, nije tako lako svršila, dok ju je Jagić u SMŽ na str. 179. popratio ovim riječima: »Sam incident nije bio tako bezazlen, kako ga on prikazao. Da je čitav universitet neko vreme bio zatvoren radi solidarnosti sviju studenata koji zaiskaše neku zadovoljštinu, o tome Bogišić ne spominje ništa«.

38

SMŽ 155—157; odgovor na Jagićevo pismo u PRU 23. — [1] Sastali su se u Zagrebu, v. PRU 23. — [2] Jagić kaže u SMŽ na str. 157. da toga priloga uz pismo nije našao, pa ga tako ni danas nema, a mora da je bio podugačak, dulji od onoga uz p. 40.

39

SMŽ 179—180. — [1] Tovarišč ministra = pomoćnik ministra. — [2] Odnosi se na studentske nemire i demonstracije protiv Bogišića u Odesi, v. p. 37. — [3] Odnosi se na poglavlja »Bosna« i »Nova Srbija« u njegovoj monografiji o »Pisanim zakonima na slovenskom jugu«, v. p. 29, 1.

40

SMŽ 157—158; odgovor na Jagićevo pismo u PRU 24 (a Jagić će opet na nj odgovoriti pismom koje je otisnuto u PRU pod brojem 25). — [1] Bio je to II arheološki kongres koji se održavao u Petrogradu u malo neobično vrijeme: od 7. do 20. decembra 1871. — [2] V. o tome Bogišićeva pisma PIR 37, 39. — [3] Danas Dnepropetrovsk. — [4] Slao je Jagiću popis griješaka koje je zapazio u njegovoj (ruskoj) korespondenciji, v. dodatak (na kraju ovoga pisma), i v. PIR 38, 2.

41

SMŽ 182. — [1] Kaznačej, kaznačejstvo = blagajnik, blagajna. — [2] Katalinić i Vojvodić bili su hrvatski graničari, mladi oficiri koji su prešli u Srbiju da se bore protiv Turaka, a onda, kada je rat prestao i kad se, kao dezerteri, nisu htjeli vraćati, otišli su u Rusiju. Jagić o njima sa mnogo simpatije piše u SMŽ na str. 182—183. Katalinić je bio ranjen kada je s Maksimilijanom bio pošao u Meksiko, te je u ruskoj vojsci bio crtač. Pisao je 1872. i 1873. ponekad Jagiću i to na dosta originalan, malo opor način. Kada mu je pisao

o tome, kako carska porodica posjeduje ogromna bogatstva (na milione desetina svakojakih rudokopa), završio je to riječima »Svrhu toga se ja uvjek tako čudim, da kad umrem još neću na to zaboraviti, a svetomu Petru ću kazati, ako mi mira ne da, da u Petrogradu takih velikih grešnika ima, da se meni moja prestupljenja lako oprostiti mogu« (2. XI 1872). Inače, bili su nesretni, nezadovoljni, i najradije bi se bili vratili. Vojvodić je pisao: »Strašno, kad ja pomislim na naše južne studente, koliko ih je u ove tri godine već ovde bilo, i nijedan ne uspe« (16. X 1872), a Katalinić: »Što se mene tiče, ja sam s mojim mislima osobito daleko od Petrograda, a što je još gore, želio bih biti na putu da se nikada amo ne vratim« (2. XI 1872), te završava riječima: »ja sam u svako vreme za Vas gotov, i ako hoćete, iz Rusije otići« (ib.). Inače, obojica su ga doveli u vezu sa S. N. Palauzovim, koji je imao bogatu biblioteku, i kad je on iste godine umro, s njegovom udovicom, ne bi li se od nje mogla otkupiti sva njegova ostavština i »južnoslovenskoj akademiji pokupku onih predložiti« (Katal.). — Palauzov, Spiridon Nikolaevič (1818—1872), porijeklom Bugarin, studirao je u Moskvi kod Bodjanskoga. 1853—1856. upoznao je kao pratilac Paskeviča i Gorčakova sve bugarske susjede na Balkanskom poluotoku te postao ekspert za evropski Jugo-Istok, za Bugarsku i Moldaviju, Grčku i Madžarsku. Većina onoga što je pisao, a pisao je mnogo, odnosi se na Bugarsku i na njezine veze sa susjednim zemljama. — Jagić je poslije pokušao kupiti Palauzovljevu biblioteku za Berlin, (PRU 37), no bez uspjeha. — Od ostalih mladih Hrvata i Srba s kojima se Jagić u prve dvije godine svojega boravka u Rusiji sastajao, i koji su ga o koječemu obavještavali, vrijedi spomenuti Barača, Jakšića i Iliju Šuška. Prvi je pošao u privredu, namjestio se u banci i neko vrijeme živio u Odesi, gdje je zajedno sa suprugom pazio i redio grob Jagićeve kćeri. On je pisao m. o.: »Odesa se pomalo ureduje. Potaracali su Talijansku ulicu i još nekoliko drugih, te do konca ove godine bude sav unutarnji grad popločen. Sada stavljaju na bulevaru i na prostoriji kod birže asfalt. Vodoprovod je ovih dana teda negda posve okončen, i sad se iz njega svaki dan polijevaju glavne ulice. Filtracija je popravljena, i voda biva sve čišća. No u Dumi se glede vodoprovoda još udilj prepiru.« — Njemu je Jagić pisao da se kani vratiti, a on mu uzvraća (18. II 1876), kako ga se u sveučilištu svi rado sjećaju, kako su đaci žalili za njim i »Još pripominjem da sad ovdje sve više đaka ide u filološku struku, te biste po svoj prilici taj put imali više slušalaca no što ste ih imali prije«. No on je ipak bio i nestalan i, možda, nagao, dok je najednom ostavio mjesto na kojem se sa starosjediocima (Odesa!) nije mogao mjeriti te pošao u Beograd. No ni na tome mu nije bilo dosta, jer Jakšić piše 18. IX 1875. Jagiću evo ovo: »Ne znam, jeste li čuli što se slučilo s Baračem. Druga njegova Gržanića optužili za veleizdaju, uvredu veličanstva i bunu. U njega našli pisma od Barača iz Švajcarske i Rusije, uslijed kojih valjalo i njega potegnuti na odgovor kao sukrivca. Barača otac skoro izvijestio o pogibelji i on odmah sutradan 2. augusta umakao u London morem preko Antverpena. Sada živi tamo bez zaslužbe i dapače bez nade na skoru zaslužbu«. — Godinu dana poslije Barač je opet u Odesi (v. gore). — Jakšić i Šušak bili su studenti. Studirali su u Petrogradu i to, razumije se, klasičku filologiju (v. PIR 24, 2), prepisivali za Bogišića i pribavljali skripta za Jagića (tj. umnožena predavanja Oresta Millera, Suhomlinova i drugih). Jakšić je poslije dobio mjesto u Šuji u Vladimirskoj oblasti te ubrzo bio premješten u Jelec (u Mosk. obl.), a kako je i gdje svršio Šušak, pisac ovih redaka ne zna. Jagić o njemu ne piše u SMŽ. A opet Šušak mu je (ćirilicom, kao i sve što je od njegove ruke) pisao, kada je saznao da Jagić prizdravlja: »Slava Bogu, vrlo mi je milo da ste oslobodili se od bolesti, da Vas Bog poživi na sreću roda i svih Jugoslovena« (3. XII 1872), a kada je čuo, da je Jelkica umrla: »Prokleta Odessa i ta prašina, o kojoj mi još spočetka pisašte (sic!), i Vas i nju posla u krevet, pa eto nju iz njega nažalost ne diže«. I druge su njegove napomene dosta jezgrovite. Jakšić mu je opet pisao u Odesu o prilikama u Petrogradu: »U Peterburgu se mnogo ljepše i cjenje živi nego tamo u Vas. Uz moju stipendiju od mjesečnih 50 rubalja neću stradati.

Od profesora, koje mi valja slušati, vrijedna su dva Nijemca: Nauck i Miller. Nauck tumači Sofoklovu Antigonu, Miller Demostena: oba latinskim jezikom, valjda stoga što ne umiju ruski. I đaci su dužni prevoditi i tumačiti grčke auktore latinskim jezikom. Na predavanjih ne vidam više od 5 slušalaca«. Evo samo još jedne sličice iz Jakšićeve korespondencije — kako je bio uslužan, i želio biti uslužan, i kako su ga — kako je bar mislio — prevarili: »Žao mi je, te niste dobili sve knjige Европейского Вестника, kako sam Vam želio poslati. Domišljam se, da se to slučilo prevarom knjižara. Kad sam u njega kupovao knjige, falilo mu dva toma. Poslije mnogoga raziskivanja on ih negdje dobio i ja, prosmotriv,

našao sve u redu. Ne želeći prevoziti knjige na sasvim drugi kraj grada i otuda opet natrag k željeznici, koja nije daleko od toga magazina (ja sam onda živio na Sergijevskoj a magazin je na uglu Voznjesenskoga prospekta i Velike Sadove), ja ih ostavio u njega i pošao kupit sanduk. Ne misleći na prevaru, ja poslije i ne razgledav knjige uložio ih u njegovu magazinu i povezao otuda na željeznicu. Sva je prilika da je on, dok sam ja tražio sanduk, oslanjajuć se na moju dovjerčivost, uzeo ona dva toma. U mene nema pri ruci Vašega pisma, u kom mi naznačiste, kakvi tomi Vam fale. Zato, molim Vas, napišite mi ih još jedan put«, itd. [3] »Sudslawische Zeitung« bio je dnevnik koji je izlazio u graničarskom (Vojnom) Sisku (Militär-Sisek) a urednik mu je bio Kl. Božić (izdavač Ivan Vončina, nakladnici I. Vončina i J. Praus). — [4] Štrajk (engl. strike), samo što je to Bogišić ponašio te riječi dao ženski rod.

42

SMŽ 180; datiranje je utvrđeno posredno, poređenjem sa p. 43. — [1] To je bio prikaz (s većim brojem priloga, u svemu 247 strana) koji je 1872. izašao u Petrogradu kao izdanje IAN pod naslovom Разбор сочинения Н. А. Попова »Россия и Сербия« с приложением некоторых документов, почерпнутых преимущественно из архива Министерства иностранных дел в С. Петербурге. [2] V. prethodno (Bogišićevo) pismo, PIR 41,2. — [3] Radilo se o prijepisima iz nomokanona, v. PIR 36,2.

43

Pismo je jednostavno (ne dvostruko) datirano, no može se pretpostaviti da je to bilo po starom stilu. — [1] Novčana doznačnica. — [2] Opet aluzija na neprilike koje je imao sa studentima (PIR 37), a i, čini se, s nastavnicima, s kolegama (v. PIR 40,2). — [3] Odnos se na požurivanje knjige o »Rusiji i Srbiji« i njegov stav prema izlaganjima N. A. Popova v. p. 42,1.

44

[1] Naslov je pisan ćirilicom, sve ostalo — osim ruskih interkalacija — latinicom. — [2] Nije sasvim jasno, što je tomu bio razlog. S Leontovičem će se on zavaditi tek poslije (PIR 58). — [3] Odnosi se na p. 43,3. — [4] Njegove »Pisane zakone na slovenskom jugu«, koji su u Zagrebu izašli 1872. — [5] Bit će da je to i učinjeno, jer toga pisamceta nema u Bogišićevoj korespondenciji (barem ne uz PIR 44).

45

Od ovoga broja dalje Bogišićeva su pisma manje više lična i za Jagića i njegov boravak u Rusiji manje važna (ispor. 19. V 1872: »Daničić mi pisa onomadne pismo do takoga stepena u krivošijanskom tonu, da ću ja teško već što za Za- reb raditi. Kao da sam ja zaboravio posao o dopisu Vojvodićevu, koji ne htješe pečatati! Od Račkoga primih jučer kalmantno pismo, ali koja je korist, kad ono stoji u rogobornom protivurječju sa zagrebačkim djelima. Bog s njima«, i sl. Tek tu i tamo ima, na pr. u istom pismu ali tek ispod potpisa: »Vi ste u velikoj milosti Grigorovića uslijed onoga pisma« (bit će to ono koje u PRU nije štampano a Grigorovič na nj nadovezuje u PIR 46), i »tu neki dan kaza jednome svome znancu: Veoma mi je milo da Jagić dolazi, premda to Bogišiću ne može biti po volji što on dolazi . . . risum teneatis amici!«). Ta se pisma stoga — u cjelini i u punom broju — dalje neće donositi. [1] Kvartirnye sc. den'gi = stanarina.

46

To je glasovito pismo Grigorovičevo, koje, međutim, Jagić nije donio u svojim Spomenima, nego je pisao otprilike ovako: »Najteže je bilo na kraj izaći sa Grigorovićem, ali i snjim vodio sam bar na pogled dobro prijateljstvo, iako taj naš odnos nije bio iskren« (SMŽ 190), i sl. — [1] Sveučilište u Odesi — tzv. Novorosijski univezitet — otvoreno je tek 1865. (Prije njega bio je u Odesi samo Richelieuovski institut). — [2] Ovoga pisma nema u PRU, kao što ondje uopće nema Jagićevih pisama V. I. Grigoroviču. Općenito se može reći da je odesko razdoblje Jagićeva boravka u Rusiji najmanje razrađeno. Još je najbolje ono što je o tome dao S. B. Bernštejn (К истории языковедения в Одессе. Материалы для биографии В. Ягича. Труди Одеського державного університету, Філологія, т. I, Одеса 1940 р.). — [3] Antun Mihanović je tada bio austrijski konzul (sa

sjedištem u Solunu, poslije u Trapezuntu, Smirni itd.). On ide uz Ivana Kukuljevića i Ivana Mažuranića (1814—1890, pjesnika »Smrti Smail-age Čengića« i nadopune Gundulićevu »Osmanu; bana Hrvatske) od kojih je bio stariji (1796—1861) u red najsimpatičnijih likova hrvatskog Preporoda. Onako kao što je s imenom Grigorovičevim povezano Marijinsko evanđelje i Grigorovičev parimejnik, tako su s imenom Mihanovićevim povezani Zografsko evanđelje i Mihanovićev apostol i Mihanovićev homilijar. Ono što su za rusku i ukrajinsku kulturnu prošlost učinili Aleksej Ivanovič Hludov (1818—1882, v. kod Kondakova) i Porfirije Uspenskij, učinio je za hrvatsku i za makedonsku kulturnu prošlost Antun Mihanović, pjesnik hrvatske himne. Njegova se zbirka rukopisa nalazi u Arhivu JAZU. — Porfirij (svjet. ime Konstantin Aleksandrovič) Uspenskij, (1804—1885), pravoslavni episkop i arheolog, načelnik rus.-pravosl. misije u Beču i Jerusalimu. Mnogo je putovao (m. o. i po Dalmaciji) te sabrao mnoštvo rukopisa (grčkih, sirskih, arapskih, koptskih, gruzinskih, crkvenoslavenskih) koji se sada uglavnom nalaze u Lenjingradu. Njegov dnevnik (Книги бытия моего) izdao je P. A. Syrku. — [4] Omer-paša (prezimenom Latas, 1806—1871) rodom iz graničarske oficirske porodice (u Lici) prešao je kao kadet 1827. u Bosnu. Poslije je bio učitelj Abdul Medžidu, pa kada je taj postao sultanom, brzo je i Latas napredovao u vojsci te postao paša i mušir. Bio je uspješan ratnik te je sve svoje vojne pohode (protiv Rusa, Crnogoraca, i protiv bosanske vlastele) završavao uspješno, u korist Porte. — Gaj Ljudevit (1809—1872), hrvatski preporoditelj i vođa Ilirskog pokreta, jedan od najprodornijih političara koje su Hrvati imali u XIX vijeku. Izdavao je Novine Horvatske (poslije Ilirske narodne novine) i Danicu, književni časopis koji je imao veliko značenje za hrvatski kulturni preporod. Zaslužan za pojednostavljenje pravopisa i uvođenje štokavskoga narječja kao zajedničkoga književnoga jezika za sve Hrvate, Srbe i Crnogorce. Iz njegove »ilirske ideje«, koja je trebala da okupi sve južne Slavene, nikla je — kod Strossmayera i drugih — misao o jugoslavenskom jedinstvu (jugoslavenska ideja). — Vraz Stanko (1810—1851), rodom Štajerac, najbolji pjesnik hrvatskih »Ilira«, od 1846. tajnik Matice Hrvatske i urednik »Kola« (v. zbirke »Đulabije« 1837, »Gusle i tambura« 1845). — [5] Grigorovič je navedeno pismo uputio Jagiću kada je ovaj, vraćajući se iz Berlina, boravio u Petrogradu, gdje su ga srdačno dočekali Sreznevsci. To je bio prvi grad koji je Jagić pohodio i vidio u Rusiji (stanovao je odmah iza Kazanjskog sobora, v. snimku). Svoje dojmove prikazao je u članku »Moj prvi dolazak u Rusiju godine 1872« u Srpskom književnom glasniku XXVIII, 1912, str. 32—38. Da je pismo upućeno u Petrograd, vidi se po postskriptu. — Grigorovič, Viktor Ivanovič, (1815—1876), dobio je 1. VI 1844. komandirovku na 2 i po godine i posvetio je upoznavanju slavenskih naroda i napose slavenskih rukopisa, od kojih je mnoge znao ponijeti sa sobom, no nije ih nikada do kraja obradio. Kratko vrijeme djelovao je u Moskvi, da se opet vrati u Kazanj (1849), no 1863. odlazi u Odesu, želeći ondje stvoriti centar koji će se — na slavističkim osnovama — baviti studijem slavensko-bizantskih veza. Rad koji je objavljen ni izdaleka nije srazmjeran blagu što ga je imao u rukama. Još je najpozitivnije ono što je pisao o Bugarima i o Makedoniji, postajući u neku ruku jedan od prvih bugarskih etnografa.

47

To je pismo koje je Ol'ga Izmailovna Sreznevskaja, kći Izmaila Ivanoviča Sreznevskoga, uputila ne Jagiću nego, sva je prilika, njegovoj supruzi, Sidoniji Petrovnoj. — [1] Petrogradska Opera, koja je krajem XIX vijeka imala 1625 sjedišta, otvorena je 1860. Glinkinom operom »Život za cara« (Ivan Susanjin). — [2] Glinkina opera komponirana 1842.

48

SMŽ 196—198; odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU pod brojem 28. [1] Tada još pomoćnik ministra, od 1884. ministar prosvjete. — Deljanov, Ivan Davidovič (1818—1897), od 1882 do smrti ministar narodne prosvjete. Bio je Jagiću sklon i podupirao je »Društvo ljubitelja starina« u vladi »становлясь посредником при столкновениях Общества с Обер-Прокурором Святейшаго Синода по делам сохранения древних памятников«. — Pobedonoscev, Konstantin Petrovič (1827—1907), stručnjak za građansko pravo, ober-prokuror Sv. Sinoda, vrlo utjecajna ličnost u polit. životu Rusije potkraj XIX stoljeća. — [2] Sin Izmaila Ivanoviča, Vjačeslav Izmailovič Sreznevskij (1849—1937). [3] Mogla je to biti knjiga Makuševa Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника, koja je štampana prije par godina i na osnovi

koje je Sreznevskij Makuševa predložio za Uvarovsku nagradu. No moglo je biti i koje drugo djelo. Vikentij Vasil'evič Makušev (1837—1883) bio je uopće ekspert za Balkan (v. od njegovih djela »Очерк дипломатических сношений России с дубровницкой республикой« 1865, »Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века« 1871, »Болгария в конце XII и в первой половине XIII в.« 1872. i dr.). — [4] Odatle je nastala knjiga od 504 strane koja je 1873. izašla u Zborniku II odjela IAN kao knj. 5, svezak II pod naslovom Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. — [5] Opis rukopisa Hludovske zbirke izdao je Andrej Popov. — [6] Tako je, malo pomalo, nastao njegov rječnik koji je poslije njegove smrti 1893—1912. izašao u tri knjige pod naslovom Материалы для словаря древнерусского языка. — [7] Bila je to jedna od onih (mnogobrojnih) izložaba koje su se u Rusiji počevši od 1829. godine održavale u različnim gradovima, najčešće u Petrogradu i u Moskvi. — [8] Jagić u svojem pismu o tome ne piše, a i inače je o tom Matkovićevu putu u Rusiju malo što poznato.

49

SMŽ 199. — [1] Pomoćnik ministra prosvjete; ministar je tada još bio Dm. A. Tolstoj. — [2] Staatsrath = državni savjetnik, f.: savjetnikovica. — Pavlov, Aleksej Stepanovič (1832—1898), bio je pitomac Kazanjske duhovne akademije, zatim — najprije u Odesi, pa (od 1875) u Moskvi — profesor kanonskog prava (О Кормчей 1864, Первоначальный славянорусский Номоканон 1869, Номоканон при Большом Требнике 1872, Наказной список по стоглаву 1873, Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян 1878 i dr.).

50

SMŽ 205—206. — [1] Odnosi se na Jagićevu bolest: on je ozdravio, ali mu je 17. decembra iste godine (po starom stilu) umrla kći Jelica. — [2] Odnosi se na rječnik uz »Narodne pjesme iz starijih, najviše primorskih zapisa« I, koje će izaći 1878. u Biogradu (Beogradu). Jagić je u rječniku dodao spomenute riječi (ἄσπρα, ἀποκρισάριος, αἰγιαλός, za kacigu nema grčke varijante). [3] Možda su to bila skripta F. I. Leontoviča, koji je 1869. predavao »Povijest ruskoga prava« I. — [4] Hrvatski emigrant u Odesi. Njegovih pisama iz toga vremena nema u Jagićevoj ostavštini. — [5] V. PIR 34,1. — [6] V. PIR 7,3. — [7] Trebalo bi biti »Petrovne«, no on je to opet »ponašio«.

51

U SMŽ ne dolazi, no Jagić na nj odgovara pismom otisnutim u PRU 30. — [1] Umrla je 17/29. decembra 1872. — [2] = Novorosijskoga univerziteta, v. s. l. PRU. — [3] Первые славянские монархии на северо-западе, 1872. — Uspenskij, Fedor Ivanovič (1845—1928), historik, bizantolog (Образование второго болгарского царства 1879, История Византийской империи I—III, 1913—1948, Значение византийской и южнославянской прониии, Сб. В. И. Ламанского 1883). — [4] To je bio njegov Очерк фонетики и морфологии языка Пали, 1872. — Minaev, Ivan Pavlovič (1840—1890), orientalist, istraživač budizma (»Пратимâкша-сýтра, буддийский служебник« 1869, »Буддизм. Исследования и материалы«, 1877).

52

SMŽ 206. [1] Ovo je pismo uvršteno zato što je tako duboko osjećajno te nadopunjuje ono što je pisao V. I. Lamanskij (PIR 51). — [2] Za Rječnik v. ono što je rečeno uz p. 50,2.

53

SMŽ 204—205, v. Jagićev odgovor i zahvalu u PRU 31. — [1] Ol'ga Izmailovna, kći Sreznevskoga. — [2] Elička — od hrv. hipokor. Jelica. — [3] Stanka, druga kći Jagićeva (koja će se poslije udati za M. Rešetara).

54

Pismo je zanimljivo zbog Križanića, kojim će se Jagić pozabaviti mnogo kasnije, tako da će knjiga o Križaniću biti jedna od posljednjih koje će za života štampati. —

[1] Jagićevo je mišljenje bilo, da je to bilo mjesto Obrh u Lipničkoj župi. — [2] V. o tome Jagićev »Život i rad Jurja Križanića«, Zagreb 1917, str. 11. dalje. — [3] Odnosi se na Jagićevu recenziju Bessonovljeva izdanja Križanićevih djela (Rad JAZU XVIII, 1872, str. 164—205). — [4 5] Jakšić, Vučetić — hrvatski emigranti u Odesi. — [6] Kvestura; blagajnik kaznačej) bio je u Jagićevo vrijeme (do 1881.) Vasilij Ivanovič Selivanov.

55

Datum je ispisan ćirilicom. — [1] V. PIR 50,6. — [2] Bila je to Bogišićeva »Građa u odgovorima iz različnih krajeva slovenskoga juga« koja je 1874. izašla u izdanju JAZU kao 1. knjiga Zbornika sadašnjih pravnih običaja u Južnih Slavena (na LXXIV + 714 strana). — [3] Podatak je zanimljiv po tome što odaje da je Jagić i u Petrogradu nastavio s onim što ga je u prvo vrijeme vezalo za Miklošiča, tj. ispisivao je za nj različna mjesta iz ćirilskih i drugih rukopisa. — [4] Na sjednici Savjeta od 12. marta, kojoj je prisustvovao i Jagić, izabran je za iduće četiri godine ponovo rektorom F. I. Leontovič. — [5] Jedno od običnih »privatnih« mjesta u Bogišićevoj korespondenciji, u kojoj opširno piše o »čemodanima«, »klobucima«, »mobilju« itd.

56

Ovo je prvo Šifnerovo (ili Schiefnerovo, jer je pisao njemački) pismo u Jagićevoj ostavštini (a ima ih svega 100) u NSB. Prema SMŽ 159. Jagić se s njime upoznao već 1871. (u Berlinu). U PRU nema nijednog Jagićeva pisma Šifneru. — Schiefner Franz-Anton (Антон Антонович Шифнер, 1817—1879), orientalist, adjunkt i izvanr. član IAN, stručnjak za tibetski jezik, poznat po izdanju M. A. Kastren Северные путешествия и исследования (Nordische Reisen und Forschungen) I—XII, Petrograd 1853—1862).

[1] Jagić se odazvao njegovoj želji i pobrinuo se za Pinarta, v. PIR 57,2.

57

Šifnerovih pisama (citiranih) nema ni u SMŽ (ona se, na str. 336, samo spominju). — [1] V. PRU 29, 30 PIR 51—53, i dr. — [2] William Dwight Whitney (1827—1894), poznati američki lingvist (sanskritist) i filozof. — [3] Osip Osipovič Somov (1815—1876), istaknuti matematičar, od 1862. pravi član IAN. [4] Primjer romantičarske etimologije, kojima je Šifner inače bio sklon. [5] Reinhold Köhler (1830—1892), suvrem. njemački literarni historik, bavio se među ostalim i narodnim pjesmama i pričama, njemačkima i stranima. Još poslije njegove smrti izaći će njegovi »Aufsätze über Märchen und Volkslieder« (1894). — Wiedemann Ferdinand Johann (Videman Ferdinand Ivanovič, 1805—1887), ruski lingvist njemačkog porijekla, profesor univerziteta u Petrogradu i član IAN. Izdao je niz priručnika (gramatika) za estonski, votjački, čeremiški, mordvinski, sirjenski i neke druge jezike koji se danas nalaze u granicama SSSR-a. — [7] Avgust Karlovič Nauk (alias Johann Nauck, 1822—1892), ruski klasički filolog njemačkog porijekla; izdavao je Evripida, fragmente grčkih tragika, jambske kanone Ivana Damascena, i dr. — O Jülgu, Zappertu v. dio II.

58

Pretpostavljam da je pismo datirano po novom kalendaru (što pokazuju i sadržaj i mjesto gdje je napisano). — SMŽ 222. Jagić ondje — dosta neobjektivno — piše o tome, kako je Bogišićev »temperamenat pokazivao mnogo »grandsenjerstva«, čega u Rusiji nisu rado gledali, osobito kod »braće Slavena«, od kojih su iskali da ih svojim »niskopoklonstvom« otštete za ono što su se sami morali klanjati pred Evropom. Jer valja imati na umu i to, da su Slaveni, koliko se nisu pod Austrijom računali u Nemce, spadali u — azijatski departamenat«. — [2] Bio je valjda ondje zbog političke ekonomije (Mihail Martinovič Vol'skij, 1834—1876, profesor političke ekonomije i statistike u Odesi), ako ne zbog liječenja (umro je mlad). — [3] = početnikom u naučnom radu. — [4] Jagića su zaista zvali, no on je odbio, v. PRU 31, str. 67. — [5] Pogrdno ime za Ruse. — [6] Pismo je upućeno u Zagreb, kuda je Jagić pošao da se odmori i oporavi, v. njegovo pismo Lamanskomu PRU 32.

59

PRU donosi Jagićeva pisma Kočubinskomu tek od 1881. (od broja 174). — Kočubinskij, Aleksandr Aleksandrovič (1845—1907), sin besarapskog svećenika, od 1871. predavač na sveučilištu u Odesi, na Kijevskom sveučilištu obranio doktorsku tezu (disertaciju) »К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий« (1877); bio je profesor slav. filologije u Odesi (na Novorosijskom sveučilištu). V. m. o. »Сношения России при Петре I с южными славянами и румынами« (1867), i dr. [1] Daničić se 1875. na neko vrijeme vratio iz Zagreba u Beograd te je ondje bio profesor na Velikoj Školi. — [2] V. PIR 30,2. — [3] Poznata zagrebačka tvornica likera, koja je na izložbama dobivala zlatne kolajne, no da li je takvu kolajnu dobila i 1872. na izložbi u Moskvi, danas je teško reći. — PS = pisano na rubu (gore, in margine).

60

Ovo je prvo pismo V. Selivanova Vatroslavu Jagiću. Poslije će među njima doći do bliskoga prijateljstva. Selivanov će Jagića, kada ovaj bude u Berlinu, obavještavati o prilikama na Novorosijskom sveučilištu i možda više od ostalih nastojati da se on opet vrati u Odesu. Ni Jagićevih pisama Selivanovu nema u PRU. — [1] Što se te pošiljke novca tiče (Selivanov je bio kaznačej = blagajnik INRU, v. pismo Kondakova od 8. VII 1873 (PIR 61).

61

U PRU nalazi se samo jedno pismo Jagićevo upućeno N. P. Kondakovu (68, 1876). Mada se u Jagićevoj ostavštini u NSB našlo 35 Kondakovljevih pisama, ni jedno se u SMŽ ne donosi, čak ni u većem, iscrpnijem izvatku. A ipak neka su od njih bila i zanimljiva i važna (na pr. ono o Sinajskom euhologiju, i dr.). — Kondakov, Nikodim Pavlovič (1844—1925 u Pragu), historik crkvene umjetnosti, jedan od najboljih stručnjaka za staru rusku i bizantsku umjetnost. Proučavao minijature, mozaike, emajle i druga sredstva monumentalne i primijenjene umjetnosti (»История византийского исскуства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей« 1876, »О миниатюрах греческой псалтыри IX века из собрания А. И. Хлудова« 1878, i dr.). [1] V. PIR 27,2. — Bila je to proslava stote godišnjice od rođenja Jos. Jungmanna (1773—1847). *R** v. Skraćenice.

62

[1] Znači da je Jagić toga ljeta bio u Zagrebu, Beču i Pragu. — [2 3] Gerold, Keller, Janick — knjižari i komisioneri. Njihova se imena neće dalje navoditi, jednako se neće uvoditi ni u Indeks na kraju izdanja. Ovo, razumije se, vrijedi i za ruske knjižare (Čerkesov, Mamontov, Isakiev i sl.). — [4] Šafarikovi Památky hlaholského písemnictví, v. Ind. — *Bit će da je to bio portret Fr. Račkoga.

63

Ni Jagićevih pisama Sabininu nema u PRU. *P** = Napomene iz privatnog, porodičnog života. Egor Fedorovič Sabinin (* 1833) bio je profesor matematike na Novorosijskom sveučilištu u Odesi. — [1] V. Bogišićevo pismo iz 1872. (PIR 44). — [2] Aleksandr Mihailovič Bogdanovskij (1832—1902) bio je profesor krivičnog i procesnog prava, Ivan Vjačeslavovič Netušil (1853—1934) profesor za klasičku filologiju a Mihail Mihailovič Špilevskij (* 1883) profesor rimskoga prava. — [3] Stogodišnjica Jos. Jungmanna.

64

Pismo je upućeno u Zagreb, i to ne Jagiću nego njegovoj supruzi. Tako je (u Zagreb, Jagićevoj supruzi) bilo upućeno i jedno pismo I. I. Sreznevskoga (15. VII 1871).

65

[1] Kunicynu (Aleksej Vasil'evič Kunicyn (1807—1883) bio je profesor za građanske parnice, a neko je vrijeme predavao i grčko i rimsko pravo na Pravnom fakultetu Odeskoga sveučilišta, te je bio i dekan toga fakulteta).

66

SMŽ 226—227. Jagićeva pisma F. E. Koršu koja su objavljena u PRU počinju tek sa god. 1878 (sa br. 99, 103 i dalje). — [1] Ovo ovdje još nije pismo nego ocjena dana (jamačno po traženju INRU) o svrsishodnosti uvođenja komparativnog studija indoevropskih jezika u program predavanja. — Korš, Fedor Evgen'evič (1843. —1915), struka; klasički i orijentalni jezici (sanskrit, arapski, perzijski), 1867—69. na dvogodišnjoj komandirovki upoznaje i češ., talij., hrv-srp. i slovenski jezik. 1868. magist. radnja »De versu satur-

nis« (držao je i seminare na latinskom jeziku), 1877. doktor. disertacija »Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса«. Sveuč. profesor i od 1900. pravi član IAN, potkraj života predsjednik Slavenske komisije. Odličan lingvist.

67

[1] Fedor Bogdanovič Grefe (upravo Christian Friedrich Graefe, 1780—1851), ruski klasički filolog i literarni historik njemačkog porijekla, od 1820. član RAN.

68

SMŽ 233, odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 34. — [1] Značajno je, da je i Sreznevskij Berlin pretpostavljao Zagrebu. — [2] Odnosi se na knjige koje je Jagić tražio (među njima i ljekaruše i sl.).

69

Prvo pismo Jana Baudouina de Courtenay (u PRU dopisivanje s njime počinje tek 1875. godine). Zanimljivo je da je on u nekoliko navrata Jagića pratio u stopu: kada se radilo o Odesi (v. ovdje), kada se radilo o Berlinu (on je uz Jagića bio Weberov kandidat) i kada se radilo o Beču (PIR 533). Baudouin de Courtenay, Jan Ignacy Niecisław (Бодуэн-де-Куртенэ Иван Александрович, 1845—1929), poljski i ruski lingvist francuskog porijekla, profesor u Kazanju, Dorpatu i Petrogradu, glava tzv. Kazanjske lingvističke škole i, uz F. de Saussurea, jedan od začetnika savremene fonologije. Od važnijih i krupnijih djela v. O древне-польском языке до XIV ст. 1870, Некоторые общие замечания о языковедении и языке 1871, Опыт фонетики резьянских говоров 1875, Резьянский катехизис 1875, O Słowianach we Włoszech 1882, Глоттологические заметки 1876—77, Несколько слов о культуре первобытных и древних славян 1879, Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков 1881, Несколько слов о сравнительной грамматике индоевропейских языков 1881, od kasnijih osobito »Próba teorji alternacyj fonetycznych«, pionirski rad, Krakov 1894, i dr. — [1] Bio je nekoliko godina na usavršavanju u inozemstvu. — [2] Tako je i bilo; rezultat je bio Kazanjska lingvistička škola (sa Kruševskim i drugima). — Kruszewski Mikołaj ((Крушевский Николай Вячеславович, 1851—1887), jedan od najsposobnijih poljskih i slavenskih lingvista posljednje četvrti XIX vijeka, učenik i, u Kazanju, nasljednik J. Baudouina de Courtenay, koji mu je posvetio i topli nekrolog. Gdje je Baudouin još lutao, Kruszewski je intuitivno znao osjetiti put koji ga vodi u blizinu de Saussurea, Karcevskoga, R. Jakobsona i N. S. Trubeckoga; v. Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией 1879, »Лингвистические заметки« RFV. 1880, »К вопросу о гуне« 1880 /magist. disertacija/, Über die Lautabwechslung« Kazanj 1880, »Очерк науки о языке« 1883. (doktor. disert.), i dr. [3] Na krajnjem sjeverozapadu južnoslavenskog jezičnog područja (u Reziji).

70

Djela u vezi sa iatrosofijom nadovezuju na PRU 68,2. — [1] Radilo se o djelima I. I. Sreznevskoga, o velikom sanskrtskom rječniku Ottona Nikolaeviča Betlinga (Otto Böhtlingk, 1815—1947) koji se štampao 1852—1875, i o djelima Vostokova. — Vostokov, Aleksandr Hristoforovič (1781—1864), paleograf, historik literature i lingvist, začetnik naučne slavistike u Rusiji, izdavač Ostromirova evanđelja (1843) i cijelog niza filoloških djela, koja su mu pribavila ime najboljeg ruskog filologa prve polovine XIX vijeka. 1858—61. izlazio mu je »Slovar cerkovno-slavjanskogo jazyka« I—II, a 1863. poiavila se »Gramatika«, kojom je označen početak moderne filologije i lingvistike kod Rusa. — Vidi se već ovdje kako je Šifner, koji je bio bibliotekar AN, sve, svaku sitnicu, točno proračunavao i obračunavao, i to bi se neprestano u njegovih 100 pisama ponavljalo, da se ondje dotična odviše »bezlična« mjesta nisu izostavljala (i označivala sa *R* *).

71

SMŽ 261. — [1] Bogišić, koji je i inače u pisanju bio nemaran, obično piše *se* gdje bi književno trebalo da stoji *sebi* (ili razgovorno *si*). — [2] Hrvatski emigranti u Rusiji, v. PIR 41,2.

72

[1] Ime nije poznato (ako je dobro prepisano, jer je Šifnerov rukopis vrlo nečitljiv), i javlja se samo ovdje, jednako kao i njegov Eduard Specht.

73

Kako Potebnjino pismo predstavlja odgovor na PRU 33 i osim toga je tačno datirano, presumptivno datiranje u PRU neće biti tačno. — Potebnja, Aleksandr Afanas'evič (1835—1891), jedan od najboljih lingvista što ih je Ukrajina i Rusija dala, profesor ruskoga jezika i književnosti na sveučilištu u Harkovu. Bavio se pitanjima jezika i njegovih izražajnih sredstava, narodnom pjesmom i narodnim vjerovanjima i dijalektima prvenstveno u Ukrajini. (О некоторых символах в славянской народной поэзии 1860, Мысль и язык 1862, Заметки о малорусском наречии 1870, Заметки по исторической грамматике русского языка ŽMNP 1873, К истории звуков русского языка I—IV, 1876—1883, Малорусская народная песня, по списку XVI века FZ 1877, Слово о полку Игореве, текст и примечания 1877, 1878, Объяснения малорусских и сродных народных песен, Varšava I—II, 1883—1887, Значение множественного числа в русском языке RFV 1888, i dr. Bavio se teorijom stiha i teorijom narodne pjesme. — [1] Ni on ni Jagić ne kažu koje su to »knjižki i statejki« no tada još bit će da toga nije bilo mnogo (barem ne novih). — [2] Odnosi se na njegove Заметки по исторической грамматике русского языка. (kritički osvrt napisan povodom radova M. Kolosova Очерк истории звуков и форм русс. яз. с XI по XVI ст., Varšava 1872, i L. Geitlera »Starobulharská fonologie se stálem zřetelem k jazyku litevskému« Prag 1873, koji su izašli u ŽMNP 1874. u knjizi za mart i april). — [3] Drugi dio njegove radnje Из записок по русской грамматике s podnaslovom Составные члены предложения и их замены в русском языке, Harkov 1874. Prvi dio (Uvod) štampan je 1874. u Voronežu.

74

SMŽ 262—263, ogovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 35. — [1] Izmail Ivanovič je pun rezerva. Većina njih je opravdana. O tome, da bi bilo nezgodno i gotovo neizvedivo, da Jagić i ode u Berlin i zadrži katedru u Odesi, pisao je Jagiću i Bogišić (iz Helsinkija, PIR 75). — [2] Odnosi se na III arheološki kongres koji se održvao od 2. do 16. augusta (po starom) u Kijevu, a predsjednikom mu je bio gr. Uvaoav.

75

SMŽ 261—262. Bogišić svoje pismo datira po starom kalendaru. (Finska je kao Velika Kneževina bila personalno vezana za Rusiju). — [1] To je Jagić iskusio kada se vratio u Beč i kada su učestali napadaji na nj. — [2] V. o tome PRU 35,4 na str. 343. — [3] V. PIR 74,1. — [4] Jagić to nije učinio, no zato se 1876. dao ponovo izabrati za redovnoga profesora Odeskoga sveučilišta, v. njegovo dalje dopisivanje sa Selivanovim i Smirnovim.

76

[1] Emile Egger (1813—1885), helenist u Parizu. Iste je godine s opširnim komentarom izdao Aristotelovu poetiku (La poétique d'Aristote, 1874). — [2] Odnosi se na Jagićeva iatrosofska interesovanja (v. PIR 70). — [3] V. PIR 67.

77

[1] Dug kod komisionera, knjižara koji je Jagiću nabavljao knjige.

78

[1] Početak akcije koju je Selivanov vodio da bi se Jagić vratio u Odesu; v. dalja pisma (njegova i M. P. Smirnova). — [2] III arheološki kongres u Kijevu, v. PIR 74,1. Karastelev, Kornelij Ivanovič (1829—1886), profesor matematike na Novorosijskom sveučilištu u Odesi. — [3] Bit će ime i otčestvo popečitelja. — [4] Poziv za pretplatu na II izdanje Ostromirova evanđelja izašao je zajedno s 3. knjigom ŽMNP za 1874. (za maj—juni)

79

1) Iz pisma se vidi 1) da je Jagić iz Odese krenuo na put preko Petrograda, i 2) da je pored redovne plaće dobivao nagradu u visini od 50 posto za rad na katedri grčke

književnosti, gdje je čitao Homera (dok je Lebedev čitao samo Platona). — Lebedev, Dmitrij Pavlovič, kojega su zbog komplikacija s disertacijom (Анализ Платонова диалога »Федон« 1874.) zvali »Fedon«, ipak je na kraju postao docent za grčki jezik na sveučilištu u Odesi.

80

Od Jagićevih pisama Ikonnikovu ima u PRU samo jedno (272. iz 1884. god.). Jagić (odn. Rešetar) ga uopće nema u indeksu SMŽ. — Pismo je važno po tome što pokazuje da su Jagića zvali i u Kijev. — [1] Odnosi se na III arheološki kongres, v. PIR 74,2. — [2] Za časopise v. PIR 1, bilj. 8. — [3] On se održavao u Kazanju od 31. VII do 16. VIII 1877, a predsjednikom mu je opet bio gr. Uvarov (sudjelovalo je 347 učesnika, dok ih je 1874. u Kijevu bilo samo 204).

81

Jagićevih pisama M. P. Smirnovu nema u PRU, a u SMŽ Jagić ga na tri mjesta samo spominje. — [1] Za prilike u Odeskom sveučilištu v. Markevič. Smirnov je bio dekan Filozofskog fakulteta i najviše je pridonio da je Jagić ponovo izabran za profesora (i da se sve do 1878. kao takav u zapisnicima vodio). — Smirnov, Mihail Pavlovič (+ 1877), historik, profesor i neko vrijeme dekan i rektor Novorosijskog sveučilišta u Odesi (Яглайло Яков Владислав и первое соединение Литвы с Польшею, 1868). — [2] Dimitrij Pavlovič = Lebedev, v. PIR 79,2. — [3] O tome „Italijancu" se drugdje ne govori, a pisama M.P. Smirnovu u PRU nema. — Datiranje je provedeno po sadržaju.

82

[1] V. pismo Ikonnikova (PIR 80). — [2] Jagića su uopće smatrali liberalom, čovjekom slobodnjačkih, liberalnih pogleda (i to je osobito došlo do izražaja kada se iz Berlina premjestio u Petrograd), tek su to neki — kao Korablev (v. Skraćenice) — jednostrano tumačili i time mu, u izvjesnom pogledu, nanosili nepravdu. — [3] T. j. klasičkog filologa koji će nadomjestiti Jagića i Lebedeva. — PS = dijelom ispisan in margine s lijeve strane.

83

[1] »Fedon« — nadimak za Dm. P. Lebedeva (jer mu je to bila disertacija i jer je navodno »znao« samo Platona). — [2] Vidi u vezi s time ilustraciju na str. 16—17 (prva).

84

Selivanov je Jagića obično obavještavao o svemu što se događalo u fakultetu. S Nekrasovim se Jagić, čini se, u početku nije slagao. To je možda glavni razlog, zašto se s njime nije dopisivao i zašto ga nigdje u svojim Spomenima ne spominje (nema ga ni u Indeksu). — Nekrasov, Ivan Stepanovič (1836—1895), đak Ševyreva i Buslaeva u Moskvi. Prelazi 1869. na Novorosijski univerzitet (u Odesu) gdje predaje rusku književnost. Bio je neko vrijeme rektor i prorektor i »popečitel« toga sveučilišta. V. djela »Зарождение национальной литературы в северной Руси« 1870, »Пахомий Серб, писатель XV в.«, 1872, »Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя« 1873.

85

[1] Vidi se da je i kaznačej mogao pogriješiti (u prošlom pismu se radilo o 6 rubalja, ovdje o 3).

86

[1] Belyj, Deibner — knjižari preko kojih je Jagić u Odesi nabavljao knjige. — [2] Svast N. P. Kondakova (sestra njegove supruge). — [3] Možda je i to bio knjižar ili bibliotekar. (Prema ZINU u Odesi u ono vrijeme nije bilo nikakvoga (sveučil.) profesora Kelera, Köhlera ili sl.). — [4] 6000 rubalja.

87

Adolf Pawiński (1840—1896), jedan od najistaknutijih poljskih historika svojega vremena, studirao je u Petrogradu, Dorpatu, Berlinu i Göttingenu, a od 1871. bio je profesor na ruskom sveučilištu u Varšavi, od 1875. direktor Glavnog arhiva. Specijalist u prvom redu za stariju povijest (Zygmunt Stary, Stefan Batory) pisao je i o jugoslavenskim zemljama (Serbia. Zarysy historyczno-etnograficzne, 1874). — [1] Slično je, što se jezika tiče, bilo i s Baudouinom de Courtenay. — Novaković Stojan (1842—1915), srpski historik, slavist i političar, bio je nekoliko puta ministar, pa i predsjednik vlade. Izdao je m. o. »Istoriju srpske književnosti« (1867, 1871), »Poslednji Brankovići u istoriji i narodnom pevanju«, »Zakonik Stefana Dušana« (1870), »Zakonski spomenici srpskih država srednjega veka« (1912), »Dvadeset godina Istočne politike u Srbiji 1883—1903«, i dr. Bio je u živu dopisivanju sa Jagićem. Jedna od najmarkantnijih ličnosti u kulturnom i naučnom životu Beograda. — Hube (Губе) Romuald (R. Mihailovič 1803—1890), poljski pravni historik, profesor kaznenog prava u Krakovu (1826—1831) i, poslije, kanonskog i kaznenog prava u Petrogradu (od 1843). Od njega iz ovoga (I) razdoblja ima samo jedno pismo, a i to je pisano na njemačkom jeziku, iz Beča, 26. maja 1875. — Od L. Niezabudke-Ronthalera nema u NSB pisama upravljenih Jagiću.

88

Jagićeva korespondencija s Kunikom bila je dosta živahna i sadržajna. To je bio ozbiljan naučni radnik, izvan koterija i strančarenja u Akademiji i na Sveučilištu. Pisao je njemački, vrlo nečitljivo i izmiješano graždankom. — Kunik, Arist-Aristovič (Эрнест-Эдуард), 1814—1859, roden u (tada) Pruskoj Šleziji, dolazi 1839. u Moskvu gdje 1844. postaje kustos numizmatičkog muzeja IAN, 1850. izvanr. član IAN, stariji kustos Imp. Ermitaža itd. (dr. hon. c. Kijevskog sveučilišta). Važniji radovi: »Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven« 1844—45, »Русско-ливонские акты« 1868, »Об описании славянских земель Ибрагима-ибн-Якуба« 1890, »Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и Славянах« 1878, i dr. — [1] To su bila pisma PRU 36 i 37. — [2] Сказание об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности, Prag 1874. — [3] Древности права балтийских славян, Prag 1874. — [4] To je bila njegova Altslovenische Formenlehre in Paradigmen mit Texten aus glagolitischen Quellen (štampana u Beču 1874), gdje Miklošič u Uvodu raspreda svoju tezu o panonskom porijeklu starocrkvenoslavonskoga jezika. — [5] U pitanjima Bregalnice i postanka slavenskoga pisma Kunik je zauzimao sličan stav kao što ga zauzima danas E. Georgiev (v. Kunikovu raspravu koju će 1878. izdati u Petrogradu pod nasl. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах na str. 83—84. i d. — [6] Nekoliko je naziva kuso i nejasno ispisano, tako da su se mogli izostaviti a da se opći smisao kod toga ne mijenja. — [7] Teofilakt Simokata, manje Teofilakt Ohridski. — [8] Pavel Ivanovič Savvaitov (1815—1895), arheolog, historik i uopće „starinar" (izdavao Makarijeve vel. mineje). — [9] Taj se prijedlog nije našao u Jagićevoj korespondenciji. Cijelo je pismo vrlo nečitljivo, sa mnogo skraćivanja i izostavljanja.

89

[1] Tu je među ostalim bio i već spomenuti monumentalni sanskritski rječnik (O. Böhtlingk-R. Roth, Sanskrit-Wörterbuch 1—7, u 3 knjige; poslije je Böhtlingk izdao kraće izdanje u 2 knjige, štampano 1879—1889, koje je s nadopunama god. 1924—1928. ponovo izdano). — [2] V. gore (bilj. 1; prvo je izdanje izlazilo 1855. do 1875.).

90

[1] Knjiga o kojoj Potebnja piše u PIR 73. — [2] Kotor u južnoj Dalmaciji (vjerojatno je pismo bilo iz Crne Gore, s kojom je Bogišić bio u pregovorima).

91

Pismo je odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 38. — Nil Popov trebao je, po svemu sudeći, za Moskvu biti ono što je Jagiću za Petrograd bio Šifner: čovjek povjerenja koji će mu nabavljati i slati izdanja, do kojih je teško bilo doći u inozemstvu. — Popov, Nil Aleksandrovič (1833—1891), historik, slavist, profesor na Kazanjskom sveučilištu, poslije na sveučilištu u Moskvi. Piše o P. A. Tolstoju, V. N. Tatiščevu, mnogo putuje (i po našim stranama, v. Россия и Сербия, исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 год. I—II, 1869, Православная церков в Далмации 1873, Сербия и Порта в 1861—1867 годах 1878, Людевит Гай в России 1878 (Древняя

и новая Россия knj. 8), Вторичное правление Милоша Обреновича в 1859—1860гг., 1880, 1881, К вопросу о реформе Вука Караджича 1882, i dr.).

92

[1] Knjižar (nabavljač). — [2] Aleksej Stepanovič Pavlov.

93

To je odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU pod brojem 41. — [1] Spomenuti je prikaz dao Baudouin de Courtenay (ŽMNP 176, str. 188—193). On je — dosta kritičan te završno poglavlje počinje riječima »Впрочем, таких промахов у г. Ягича весьма не »много«, (što ne zvuči pohvalno); završava ga rečenicom: »Во всяком случае нельзя не сказать, что труд г. Ягича представляет весьма почтенный вклад в сравнительную грамматику арийских языков«. — [2] Bio je vrlo moćan u Akademiji i dulje vremena tajnik (predsjednik) II odjela (Odjela za ruski jezik i književnost, obična skraćenica ORJAZ). — Grot, Jakov Karlovič, (1812—1893), u početku uvučen u administrativnu službu, poslije — 1841. — imenovan redovnim profesorom ruskoga jezika na Aleksandrovskom sveučilištu u Helsingforsu (danas Helsinki) pa poslije premješten u Carski licej, bio je učiteljem vel. kneza (poslije cara) Aleksandra Aleksandroviča (učio ga je rus. i njem. jez., historiji i geografiji, 1852—1859), dopisnik IAN 1852, adjunkt 1855, izvanredni 1856. i redoviti (pravi) član Akademije 1858, predsjednik Odjela za rus. jez. i knjiž. od marta 1865, a od septembra 1889. potpredsjednik Akademije. Bavio se književnošću — aktivno, kao pisac i pjesnik, i pasivno, kao prevodilac, kritičar itd. Pisao je o XVIII i XIX vijeku, o Lomonosovu, Sumarokovu, Deržavinu, Karamzinu, Puškinu, Krylovu, Pletnevu, no i o suvremenicima (o Nadsonu) i o povijesti (političkoj i kulturnoj). Popis njegovih radova kod D. D. Jazykova iznosi 44 strane. Njegove ekskurzije u filologiju, semantiku i gramatiku bile su samo ekskurzije. Glavna su mu nastojanja bila na književnoj strani. Od filoloških djela isp. »О некоторых особенностях в системе звуков русского языка« 1852, »Опыт областного великорусского словаря«, »Филологические разыскания« u 2 knjige 1873, 1885.

94

[1] Fedor Ivanovič Uspenskij, bizantolog i slavist, koji je 1874. došao u Odesu kao docent (i 1879. postao profesor). — [2] Sekretar fakulteta nije bio administrativno lice nego naučni radnik (obično mladi), docent ili profesor (tako je na pr. i Nikodim Pavlovič Kondakov bio sekretar fakulteta).

95

SMŽ 276—277; odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 40. — [1] Godine 1874. izašla su Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках 1. I. Sreznevskoga u dva izdanja, i to u ZIAN XXIV, II (LV—LXV) i u SORJAZ XIII, (XLI—LXV). — [2] Zanimljivo je da je Sinajski paterik tek nedavno (god. 1967) izašao iz štampe, i to ne u izdanju AN SSSR nego u izdanju izdav. poduzeća »Nauka« (izdavač V. S. Golyšenko i V. F. Dubravina). — [3] Odnosi se na Jagićeve »Opise i izvode iz nekoliko južnoslovinskih rukopisa« koji su izlazili u Starinama JAZU (knj. 5, 6, 9, 10).

96

[1] V. PIR 92. — [2] Hrvatski emigranti, v. PIR 41,2. Ivanovič mogao bi ev. biti i Vojvodić, kojemu je ime bilo Janko. — [3] Prva knjiga Bestuževljeve »Ruske povijesti« izašla je 1872. — [4] Vjerojatno skripta sa predavanja F. I. Leontoviča, v. PIR 50,3. —[5] = Aleksej Stepanovič Pavlov.

97

[1] Nikolaj Alekseevič Umov (1846—1915) bio je docent (poslije profesor) fizike, Abašev (Dmitrij Nikolaevič, 1829—1880) agronomske kemije, a Jakov Jakovlevič Val'c (1841—1891) profesor za botaniku na sveučilištu u Odesi. Prilike su ondje zaista bile vrlo teške, v. Markevič. — Opackij, Stanislav Florianovič (* 1847), bio je poslije (do 1900.) izvanredni profesor za klasičku filologiju u Kazanju. — [2] Ne zna se, no čini se da nije pisao, dok nijednoga pisma od njega nema u NSB. Jagić sam kaže (SMŽ 375) da se s njime upoznao tek poslije prijelaza u Petrograd.

98

Ni pisama Alekseju Pavlovu nema u PRU. — [1] Što je to bilo s Koščugom, ako je to bio Ivan Fedorovič Koščug, koji je imao venia legendi za botaniku na Odeskom sveučilištu, teško je razaznati, a možda i nije tako važno. U 5. knjizi ZINU Koščug se spominje na nekoliko mjesta, a 30. maja 1870. povjerena su mu predavanja iz botanike. U popisu nastavnika za 1874/75., gdje se uz »kaznačeja, kolležskogo assesora« Vasilija Nikolaeviča Selivanova nalazi i »ekzekutor, provincial'nyj sekretar« Ivan Ivanović Šul'c, Koščuga nema. — [2] Na kraju je ipak prešao u Moskvu.

99

[1] V. PIR 89. — [2] Pihlemann Johann, Praktischer Leitfaden zur Erlernung der russischen Sprache, Reval 1875.

100

[1] Knjige iz ostavštine Palauzova kupila je na kraju (1879) bugarska vlada, v. PRU 37 i bilješke uz 37. — [2] V. PRU 47,5. — [3] Stvarno je bilo tako: navedeno je »Uredništvo« ali bez ijednoga imena. — [4] A. A. Kunik, О записке готского топарха i F. K. Brun (Filip Karlovič, 1804—1880, predavač za opću povijest i statistiku na Odeskom sveučilištu) Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России (Записки ИАН т. 24, 1874). — [5] V. PRU 49,4. — [6] = Priloženija, v. gore. — [7] Kunik Dornovu raspravu uvijek tako zove. — Dorn, Boris Andreevič (1805—1881), ruski orijentalist, bavio se osobito afganskim. Profesor u Harkovu i Petrogradu. Izazvao je živahnu diskusiju (m. o. i s Kunikom) svojom raspravom »Каспий. О походах древних русских в Табаристан« (1875).

101

[1] T. j. Vedomosti Peterburgskie (: Vestnik Evropy). — [2] Otprilike isto što »gorštak — pregalac« ili sl. (kao što se vidi, opet jedna neobična, egzotična etimologija).

102

[1] Ivan Stepanovič Nekrasov, izabran 3. X 1874. za dekana Historijsko-filološkog fakulteta na 3 godine s time da mu dužnost počinje teći 22. X 1874. (v. ZINU knj. XVI, služb. dio 18). — [2] To je, valjda, bila Galahovljeva Исторія русской словесности, древней и новой, u kojoj je dobro prikazan osobito XVIII vijek, kojemu će Jagić poslije (1895) posvetiti posebnu knjigu (Ruska književnost u XVIII stoljeću, Zagreb 1895). — [3] V. PIR 97,2. Sudeći po Kondakovljevu pismu, kao da je Tihonravov, kao dekan Filozofskog fakulteta, pozivao — ili trebao pozvati — Jagića za profesora u Moskvu (kao što ga je Ikonnikov zvao u Kijev). — [4] Ime koje se ne nalazi među nastavnicima Novorosijskog sveučilišta u Odesi 1875. g.

103

[1] V. PIR 104, 3. — Ne treba smetnuti s uma da su kod Poljaka u drugoj polovini XIX vijeka bila dva Malinowska (isto kao što treba razlikovati Ant. Maleckoga od Mieczysława Małeckoga (a sva četvorica bili su filolozi, lingvisti) — Malinowski Franciszek Ksawery (1807—1881), poljski filolog, polonist i ortograf, bavio se također poredbenom gramatikom (Krytycznoporównawcza gramatyka języka polskiego, 1869, Gramatyka sanskrytu porównanego z językiem starosłowiańskim i polskim, 1872—1880). — Malinowski Lucjan (1839—1898), jedan od najboljih poljskih lingvista i dijalektologa u XIX vijeku, tvorac tzv. Prve krakovske lingvističke škole. Bavio se jednako starijim kao i novijim poljskim jezikom i njegovim dijalektima (»Modlitwy Wacława« 1875, »Studia śląskie« 1882, »Materiały do historii języka polskiego z końca w. XIV i początku w. XV.« 1886, i dr.).

104

[1] Taj je rad Nekrasovu služio kao priprema za ocjenu »Slova o polku Igoreve« i uopće za komparacije sa starom i najstarijom ruskom poezijom (v. О задачах изучения древнерусской литературы и народной поэзии, 1892). — [2] Iz ove problematike niknut će poslije njegova disertacija К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий. Основная вокализация плавных сочетаний: конс. + л, р + ъ + ь + конс.

(Одесса 1877). — [3] Kako on u pismu PIR 103 moli da mu Jagić pošalje disertaciju Lucjana Malinowskoga (»Beiträge zur slawischen Dialektologie: I, Uber die oppelnsche Mundart in Oberschlesien« Leipzig 1873); mogla je to biti i poredbena gramatika Fr. X. Malinowskoga. — [4] — Kalina Antoni (1846—1906), poljski slavist, leksikograf i etnograf, profesor komparativne slavistike na sveučilištu u Lavovu, sur. časopisa »Lud« i ur. Varšav rječnika (koji je u novije vrijeme izašao obnovljen pod uredništvom W. Doroszewskoga). — Miller, Vsevolod Fedorovič (1848—1913), sin pjesnika i prevodioca Fedora Bogdanoviča Millera; počeo je kao indogermanist i kaukazist te poslije 1892. sasvim prešao na rusistiku, u kojoj se povremeno i prije toga javljao (Взгляд на Слово о Полку Игореве 1877, Название Днепровских порогов у Константина Багрянородного 1887, Отголоски финского эпоса в русском« 1888, itd.). Pisao je i o »Ruskoj masljanici i zapadnoevropskom karnevalu« 1884, o kavkaskim i litavskim tradicijama, o ruskim bylinama, i raspravu »К вопросу о славянской азбуке« (1884) i sl. — ukratko, prešao je s vremenom sa lingvističkoga polja na drugi kolosijek. — [5] Zanimljivo je da je Kočubinskij kao miljenik Grigorovičev bio izabran da iz Praga ode u Zagreb te ondje 19. oktobra 1874., kada je svečano otvoreno Hrvatsko sveučilište, preda adresu (pozdrave) Novorosijskoga (Odeskoga) sveučilišta. Ovo je posebno zabilježeno u zapisniku Savjeta Imperatorskog Novorosijskog Univerziteta od 20—23. septembra 1874. (ZINU knj. XVI, služb. dio t. 14). — Inače Kočubinskij je bio prevrtljiv, neiskren. S. B. Bernštejn među ostalim u svojoj studiji (o. c.), u kojoj se poziva na materijale iz arhiva Kočubinskoga koji se čuva u Odesi, kaže i ovo: В связи с предполагавшимся избранием Ягича на кафедру славянской филологии Кочубинский и его друзья всякими методами начали действовать против избрания Ягича (так например они распространяли слухи о германофильстве Ягича и о его ненависти к русским), см. Труды Одесского государственного университета, Филология, т. I. Одесса, 1940 г., стр. 55.

105

SMŽ 279—280; odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 45. — Bodjanskij Osip Maksimovič (1808—1877), slavenofil ukrajinskoga porijekla i slavist, ide u red onih Rusa i Ukrajinaca koji su u prvoj polovini XIX v. krenuli iz Rusije na put da upoznaju život i običaje slavenskih naroda. Svoj zanos za istraživanja umio je prenositi na svoje učenike, u koje se ubrajaju A. A. Kotljarevskij, E. I. Novikov, A. A. Majkov i drugi. Od djela, koja je štampom izdavao, imala je za neko vrijeme izvjesno značenje rasprava »О времени происхождения славянских письмен« (1855). Izdao je i Križanićevu »Gramatiku« (1859). [1] Bio je tajnik toga društva, a Čtenija je uređivao sve do svoje smrti (1877). [2] Ondje je, među ostalim, objavio i Križanićevu Gramatiku. Pojedinačno o njegovim različnim raspravama i tekstovima v. u ISF (osobito na str. 361—366).

106

[1] Odnosi se na skripta koja je Jagić od Selivanova tražio te može služiti kao dokaz da se doista radilo o Leontovičevim skriptima (v. PIR 96,4). — [2] История русского права, I, Odesa 1869. — [3] Hrvatski emigrant (v. PIR 41).

107

[1] Mamotov — poznati moskovski knjižar (pandan Geroltu u Beču ili Vossu u Leipzigu). — [2] O tom komitetu i o njegovoj ulozi v. Ind.

108

[1] Pod Francom je — uz ostala stručna lica — jamačno mislio Johanna Franza (1804—1851), poznata po izdanju »Corpus inscriptionum graecarum«. — [2] Nije mi poznato koja bi to mogla biti veća radnja koju je objavio 1875. ili 1876. (u vrijeme »komandirovke«). Disertacija mu je bila История византийского исскуства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей (Odesa 1877), koju je 1886. štampao i u francuskom prijevodu.

109

[1] = perepisivanie (prijepis iz koncepta). Kultura epistolografije bila je u Rusiji na razmjerno visokom nivou, višem nego u mnogih drugih na Zapadu. To se osjeća već kod

čitanja. Obično se najprije pisao koncept pa se on onda prepisivao »na čisto«. Tako je na primjer AN SSSR god. 1947. pod redakcijom S. P. Obnorskoga mogla izdati 12 Šahmatovljevih pisama Jagiću na osnovi sačuvanih koncepata. Poređenje ovih koncepata s originalima koje evo donosi JAZU zanimljivo je sa više strana te daje dobru građu za poseban prikaz. — [2] Odnosi se na Archiv. — [3] Lektor češkoga jezika na sveučilištu u Beču. Bio je zanimljiv i kao ličnost, a njegov lektorat bio je jednak katedri. Po struci bio je historik i filolog (1807—1882, ime: Alois Vojtěch) te je oštroj kritici podvrgao Hanku i Libušin sud (Libušin Soud, domnělá nejstarší památka řeči české, jest podvržen, 1879). V. još od ostalih djela: »O Slovanech v Dolních Rakousích« 1844—45, »Magistri Joannis Hus Orthographia bohemica« 1857, »Dějiný řeči a literatury československé« I—II, 1858, 1861. — [4] Epigenes slovenicus. Liber primus. Tentamen orthographiae slovenicae, Levoča 1847. — [4—6] v. dolje. Hanka Václav (1791—1861), češki pisac i slavist, bibliotekar Narodnog muzeja. Kao dobar poznavalac staroga jezika i vatreni patriot nije se zadovoljio samo prijevodom »Slova o puku Igorevu« (Slovo o pluku Igoreve) i izdavanjem starih rukopisa (Starobylá skládání) — ili gramatika (staroslav., polj., češ., rus.) nego je sa »Kraljodvorskim« i »Zelenogorskim« rukopisom, koje je najvećim dijelom sam skalupio, dugo vremena i Čehe i ostale Slavene i slaviste zavodio u bludnju, izdavajući ih kao izvorne spomenike najveće starine. — Hodža Michal Miloslav (1811—1870), slovački pisac, pripadnik kruga oko L'. Štura i jedan od vođa slovačkog pokreta 1848. Zanosio se Janom Kollárom povodeći se za njim i u stihovima (Vieroslavín, Matora) i u mistično-nejasnim naslućivanjima. Ima izvjesne zasluge za kodificiranje slovačke azbuke (Epigenes slovenicus. Liber primus, v. gore). — Kalinčiak Jan (1822—1871), slovački pjesnik i novelist iz sredine L'. Štura. U početku (1842—1848) piše pod poljskim utjecajem (Mickiewicz, Czajkowski, Rzewuski), no poslije se oslobađa te crta slovačke prilike i karaktere kako ih je oko sebe vidio ili o njima čuo. (Rěstavrácia 1860, o izborima). — Chalupka (Халупка — dva brata, Ján (1791—1871) i Samo (1812—1883), slovački pisci iz sredine XIX stoljeća. Prvi je bio satirik koji je u dramama (Kocúrkovo anebo Jen aby sme v hanbě nezůstali, 1830) i pripovijestima (Bendegucz, Gyula Kolompas i Pišta Kurtaforint, 1841) šibao poroke i slabiće u svojem (i susjednom) narodu, a drugi je zajedno sa L'. Šturom u Bratislavi osnovao književno društvo (Literarní jednota) i 1830—31. sudjelovao u poljskom ustanku. Kao pjesnik bio je najjači u baladi, koja je znala imati i nacionalnu notu (Mor ho! i dr.). — [7] Odjeci ustanka u Bosni, Hercegovini i Bosanskoj Krajini, koji je planuo 1875. i poslije kojega je 1878) uslijedila okupacija Bosne i Hercegovine od strane Austro-Ugarske.

110

[1] Časopis posvećen muzici s prilogom za književnost. Izlazio je mjesečno. — [2] Izdavao ga je od 1869. u Petrogradu A. N. Ostrogorskij. — [3] Ilustrovani historijski časopis (ur. S. N. Šubinskij). — [4] Илья Муромець и богатырство Киевское, Petrograd 1870. — [5] Исторические песни малорусского народа 1874—1875, za koje su izdavači (M. P. Dragomanov i V. B. Antonovič) dobili Uvarovsku nagradu. — Mihail Petrovič Dragomanov (1841—1895), ukrajinski historik i folklorist, bio je 1875. kao privatni docent otpušten sa Kijevskog univerziteta, i to iz političkih razloga, te je otišao u Bugarsku pa ondje nastavio svoj rad (na Sofijskom sveučilištu). — Vladimir Bonifat'evič Antonovič (1834—1908) bio je, kao ukrajinski arheolog, historik i etnograf, profesor na sveučilištu u Kijevu. — [7] Miklošič *(Die Femdwörter in den slavischen Sprachen,* Wien 1867) upućuje s. v. kobza samo na mad. *koboz* i tur. *qopûz* (o. c. 27). — [8] »Ruski arhiv« Petra Ivanoviča Barteneva (1829—1912) bio je historijski časopis koji je politički bio bliz Aksakovu i Homjakovu. — [9] Književni i politički časopis koji je u Moskvi izdavao Mihail Nikiforovič Katkov (1818—1887). Bio je poznat po svojim oštrim napadajima na Herzena, Dobroljubova, Černyševskoga. U pismima se kadšto zamjenjuju Russkij Vestnik i Russkij Filologičeskij Vestnik, koji je od 1878. izlazio u Varšavi a izdavao ga je Mitrofan Alekseevič Kolosov (1839—1881) i, poslije njega, Aleksandr Ivanovič Smirnov, profesor ruske književnosti na sveučilištu u Varšavi.

111

[1] Književno-politički časopis što ga je već 1802. počeo izdavati N. M. Karamzin. — [2] Budilovič (Anton Semenovič, polj. Budziłowicz, 1846—1908) bio je zaista iz Nježina već prešao u Varšavu, gdje je bio red. profesor za ruski i staroslavenski jezik. Spomenutom je djelu naslov XIII слов Григория Богослова в древне-славянском переводе

по рукописи Имп. Публичной Библиотеки XI века, Petrograd 1875. Prema tome podatak, da djelo još nije doštampano, može biti sasvim tačan. — [3] Lazar Zaharovič Budagov bio je rodom Armenac a po struci orijentalist i nastavnik perzijskog i tatarskog jezika u Tiflisu (Tbilisi). Spomenuti je rječnik štampan u tri sveska u Petrogradu god. 1868—1870.

112

[1] N. P. Kondakov je bio ljubitelj umjetnosti i starih rukopisa. — [2] Otkako je Jagić prešao u Berlin, on mu je češće slao takve »milošte«.

113

SMŽ 284—286; v. Jagićevo pismo objavljeno u PRU 53. — [1] Jordan Jan Petr (1818—1891), lužički pisac, folklorist i javni radnik, jedan od organizatora Praškoga kongresa 1848. Studirao je filozofiju u Pragu, sabirao i izdavao narodne pjesme (Serbske pěsnički, 1841, pod kriptonimom Petr Wićazec). Iste je godine izdao također gornjolužičku gramatiku (»Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz«). Doskora počinje izdavati godišnjak »Jahrbücher für slawische Literatur« u kojem ga je naslijedio J. A. Smolerf. Za Smoljara (Schmalera) v. Ind. — [2] Sličnoga je mišljenja bio i Jagić, v. njegov predgovor I knjizi Archiva (ili SMŽ 281—282, gdje je to ponovo otisnuto). — [3] Filologija se lako poistovjećivala sa naukom o jeziku uopće; danas lingvistika znači nešto drugo nego filologija. — [4] To je ostalo samo u mašti; u stvari Archiv je od početka bio opsežniji od Rada JAZU, a ni podjela mu nije bila onakva, kako je to zamišljao Sreznevskij. [5] Od te suradnje nije bilo mnogo toga: u registru Archiva (v. AfslPh. Gesamtinhaltsverzeichnis bearbeitet von Kurt Günther, DAW — Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, Berlin 1962) naveden je pod br. 1019 samo jedan prilog I. I. Sreznevskoga (Zur Bevölkerungsstatistik Bulgariens und angrenzender Länder, osvrt na radnju V. Teplova štampanu 1877. u Petrogradu), i to na svega 4 strane.

114

SMŽ 284. Jagić tu, ne zna se zašto, staro datiranje mijenja u novo (od 12. maja na 24. maja) i osim toga dvaput citira isti tekst (na str. 284. i na str. 374). — [1] Bila je to Fortunatovljeva magisterska disertacija. — Fortunatov, Filip Fedorovič (1848—1914), glava Moskovske lingvističke škole. 1871. odlazi sa V. F. Millerom u Litvu, gdje sabire litavske narodne pjesme, a 1902. preselio je iz Moskve u Petrograd. Jedan od prvih ruskih istraživača baltijsko-slavenskih jezičnih veza i jedan od najboljih slavenskih akcentologa svojega vremena. Kao indogermanist i rusist bavio se također staroslavenskim i gotskim jezičnim pitanjima. 1897. izašao je u njegovu uredništvu prvi svezak »Litavskoga rječnika A. Juškeviča« (v. rasprave »Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslawischen Sprachen« Archiv IV, IX, »Об ударении и долготе в балтийских языках« РФВ, 1895). Među njegove učenike ubrajaju se A. Šahmatov, Porezinski, Budde, Ljapunov, Berneker, Ščepkin i dr. [2] Radilo se o Pruskoj javnoj biblioteci (u Berlinu). — [3] Za časopise i periodika v. PIR 1, bilj. 8.

115

[1] Bit će da je Jagiću vratio knjigu Malinowskoga, v. PIR 104. — [2] Baudouina de Courtenay, koji je uvodio različne termine s kojima se mnogi (pa ni L. Malinowski) nisu slagali, v. Rad JAZU 282, 1951, str. 167. i d. — [3] Prva je knjiga izašla 1846. sa raspravom »Slovensko a jeho život literárny« — i s ovim je istim naslovom 35 godina poslije toga Svetozar Hurban Vajanský ponovo pokrenuo »Slovenské Pohl'ady«. Prve su »Slov. Pohl'«. naime, kao i toliki drugi slavenski časopisi, morale obustaviti svoje izlaženje kada je u Austriji zavladao apsolutizam (1852). — [4] Bit će to bio brat M. Hattale, koji je bio rodom iz Slovačke (tada sjev. Ugarske). — [5] Slavi se 16. juna. — Hattala Martin (1821—1903), slovački filolog, polazio je srednju školu ugl. u Madarskoj (m. o. i u Subotici, gdje je naučio hrvatski) a zatim u Trnavi i Beču. Po zanimanju svećenik, bio je na prijedlog P. J. Šafarika pozvan da se habilitira i u Pragu zauzme katedru koja je bila opustjela poslije smrti F. L. Čelakovskoga. Jedan od prvih pisaca priručnika za slovački jezik a u nauci se, pored velikog broja stručnih slavističkih članaka, obično spominje kao branilac Kraljodvorskog i Zelenogorskog rukopisa (v. Gebauer). — Hurban Josef Miloslav (1817—1888), slovački pisac i jedan od najbližih suradnika Ljudevita Štura, čiji je i životopis napisao (1881—1884). Njegov je almanah »Nitra« (II, 1844) bio prvi časopis koji je i jezički stao na stranu L'. Štura. Osnovao je 1846. časopis »Slov. Pohl'adi« i uređivao ga od 1846. do 53. (poslije je obnovljen 1881). Vajanský Hurban Svetozár (1847—1916), slovački pisac i publicist, slavenofil (»Tatry a more« 1879, »Podrost« 1881, »Spod jarma« i »Suchá ratolest« 1884). 1881. počeo je zajedno sa Škultétym ponovo izdavati »Slovenské Pohl'ady«. — [6] Vrťátko Antonin Jaroslav (1815—1892, po rodnom mjestu (Nové Benátky) zvao se također Benátský), češki pisac. Bio je poslije Hanke bibliotekar Češkog muzeja i urednik „Časopisa Musea král. Českého". Da bi potkrijepio Hankin sud o Kraljodvorskom rukopisu izdao ga je fototipiski i tako protivnicima dao u ruke oružje *protiv* Hankinih postavaka.

116

[1] Odnosi se po svoj prilici na Kirpičnikovljevu knjigu koju je izdao 1874. u Harkovu (Кудруна, национальная поэма немцев). — [2] Albrecht, v. Ind. — [3] Ne kaže se odakle, iz kojega Benfeyeva djela, no bit će iz rječnika (Sanscrit-English Dictionary) koji je štampan 1866. — Kirpičnikov, Aleksandr Ivanović (1845—1903), bio je najprije na Harkovskom sveučilištu (docent 1873—74), zatim na sveučilištu u Petrogradu (1879, za opću književnost), pa se opet vratio u Harkov i na kraju (1885) došao u Odesu. Pisao je rasprave o Gudruni (1874), o Dickensu kao pedagogu (1881), o Buslaevu, o grčkim romanima, preveo »Pohvalu gluposti« od Erazma Roterdamskoga.

117

[1] Jagić kao da se kolebao, kako da nazove svoj časopis (ako, naravno, Baudouin sâm nije dodao ovo »und Geschichte«, no to je malo vjerojatno, jer je tako zove i Hube). Jagićeva pisma Baudouinu de Courtenay u PRU počinju pismom br. 56, a to je odgovor na ovo (Baudouinovo) pismo. — [2] Vidi se, Baudouin je filologiju shvaćao onako kako se ona shvaća i danas. — [3] On je, uz Fortunatova, bio drugi istaknuti lingvist u Rusiji koji je prije de Saussurea uočio značenje litavskoga jezika za slavensku i indoevropsku gramatiku. — [4] Štampan je iste (1875) godine u VI knjizi časopisa »Niwa« u Varšavi. — [5] Varšava —Petrograd 1875, XVI + 128 str. — [6] Резянский катехизис как приложение к »Опыту фонетики резянских говоров«, с примечаниями и словарем, Varšava—Petrograd 1875, VIII + 48 str. Некоторые общие замечания о языковедении и языке, ŽMNP 153, 1871, str. 279—316, (v. i njegovu »Jezikoslovnu razpravu« iz »Soče« 1874), a drugo je možda bila jedna od njegovih brojnih recenzija u ŽMNP. — [8] To je bilo u br. 190 191, 194, 195, 197, 207 i 226 iz 1874. godine.

118

[1] Spremao se onamo već dulje vremena, v. prijašnja pisma.

119

[1] Nije poznato, o kojima se i kakvima pričama radilo, i je li to Jagić trebao za sebe ili za koga drugoga. Prije će biti prvo nego drugo (v. njegov prilog »Aus dem südslavischen Märchenschatz« u I knjizi Archiva). — [2] Albrecht, v. PIR 116,2. — [3] Jagić s njime, čini se, nije imao veza. U PRU se u indeksu ne spominje.

120

[1] Miklošič u predgovoru knjizi koja je izašla 1875. na nekoliko mjesta sadrži bezimene aluzije (npr. ako se radilo o negativnim sudovima), pa je teško reći šta se sve odnosilo na Biljarskoga ili na koga drugoga. — Miklošič Franc (1813—1891), slovenski gramatičar i lingvist, osnivač i prvi profesor naučne slavistike na sveučilištu u Beču. Počeo je kao pravnik, zatim — po nagovoru i pod utjecajem B. Kopitara — postao bibliotekar (tada Dvorske a sada Nacionalne biblioteke) gdje se posvetio proučavanju starih slavenskih spomenika. Od djela trajne vrijednosti izdao je prvu uporednu gramatiku slavenskih jezika (Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen I—IV, 1852—1883), Staroslavenski rječnik (Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, 1862—1865) i Etimologijski rječnik (Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, 1886), pisao je o onomastici, o slavenskim elementima u susjednim neslavenskim jezicima (i obrnuto), o ciganskom jeziku i o cijelom nizu pitanja iz svih slavenskih jezika. Bio je jedan od prvih koji su uočili značenje što će ga poslije imati F. de Saussure. — Biljarskij, Petr Spiridonovič (1815—1867), izvanredni član IAN (od 1863); kao slavist bavio se u prvom redu

crkvenoslavenskim (»О кирилловской части Рэймского евангелия« 1848), zatim i starim ruskim jezikom (»Замечания о языке Сказания о св. Борисе и Глебе, приписываемого Нестору, сравнительно с языком летописи« 1862, »Материалы для биографии Ломоносова« 1865). Bio je jedan od pokretača i prvi izdavač Zapisaka IAN (Записки Императорской Академии Наук) kojih je 1. knjiga izašla 1862, a tada je Biljarskij prešao u Odesu gdje mu je povjerena katedra ruske književnosti. »Zapiske« je dalje izdavao A. N. Veselovskij. (Izlazili su do 1895, ukupno je izdano 75 knjiga). — [2] Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden, Graz 1874. — Krek Gregor (Григорий, 1840—1905), slovenski slavist, đak Miklošičev iz prvih dana njegove djelatnosti. Bio je profesor na sveučilištu u Grazu. Naginjao je romantizmu u filologiji (Einleitung in die slawische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden), bavio se mitologijom te nije, kao Miklošič, imao razumijevanja za nova strujanja u lingvistici (za Mladogramatičare, i za F. de Saussurea). — [3] Njegova »Упътвания за български език« 1869, 1870, 1872. — Bogorov (Bogoev) Ivan Andreev (ok. 1820—1892), bugarski književnik, žurnalist i filolog. Izdavao je u Leipzigu 1846 »Български орел«, 1848. u Carigradu »Цариградски вестник«, uređivao »Narodnost« i druge listove i časopise. Svojom gramatikom (Първичка българска грамматика« 1844) utjecao je da se u bugarsku književnost uvede narodni jezik. Izdao je i francusko-bugarski (1869) i bugarsko-francuski rječnik (1871) i prikupljao građu za veliki bugarski rječnik koji je ostao nedovršen. [4] »Показалец и ръководство как да се изискват и удират най-стари чърти нашего бития, языка, народопоклонения, Odesa 1859. Georgi Stojkov Rakovski (1821—1867), bugarsko-makedonski revolucionar i organizator borbe za narodno oslobođenje. Uz »Pokazalec« v. i njegov »Ključ bălgarskogo jazika« koji je izašao poslije njegove smrti (1880). — [5] v. u Indeksu. — Bit će da je Jagić pisao Grigoroviču povodom njegove šezdesetogodišnjice (*1815).

121

[1] Bila su to tačna predviđanja, v. PRU iz ove i slijedeće godine. — [2] Jedan od njih bio je Grigorovič, v. s. 1. SMŽ, PRU i pisma (ovdje). — [3] Almae matris magnificus — rektor sveučilišta (u ovom slučaju F. I. Leontovič).

122

Jagić u pravilu ne donosi pisama A. N. Veselovskog u SMŽ. Osim toga, njegova su pisma redovito nedatirana ili u najboljem slučaju nepotpuno datirana, tako da je sva trebalo posredno datirati (a to ne isključuje mogućnost grešaka, osobito kada ni rukopis, ni vrsta ili veličina papira ili oblik stupaca kod toga ne pružaju nikakve pomoći). — Ovo je pismo datirano prema PRU 57, koje predstavlja odgovor na nj (ali je i u PRU datiranje označeno znakom pitanja). — [1] Poznati manastir iz XIV vijeka, u kojem su poslije bili zatočeni Ivan Petrovič Šujski, patrijarh Nikon, i dr. — [2] Rad je objavljen pod naslovom »Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung« u Russische Revue IV,6, Petrograd, na str. 539—570. — [3] Опыты по истории развития христианской легенды I, ŽMNP 178, april 1875, str. 283—331. — [4] Štampano 1876. u 183. knjizi (za februar, 241—288).

123

[1] Za knjige i rukopise iz ostavštine Palauzova v. PRU 37.

124

[1] Šifner, kao ni Bogišić ili Kunik, nisu pisali najprije koncept pa ga onda prepisivali, nego su odmah pisali »na čisto«. Zato je i njihov jezik kadšto sve prije nego njegovan. — [2] Richard Kiepert (1846—1890), geograf. — [3] Na pismima redovito nema adrese a omoti se nisu sačuvali, pa je teško pratiti seobe korespondenata. Za Jagića međutim znamo da je u Berlinu stanovao najprije u Körnerstr. 5 a zatim u Zehlendorfu (v. SMŽ 312). — [4] Hermann W. Ebel (1820—1875) bio je lingvist, keltolog (Grammatica celtica, 1871). Umro je 19. augusta.

125

[1] V. u Ind. — [2] Gramatika jezika hrvatskoga, osnovana na starobugarskoj slovenštini, I, Zagreb 1964. — [3] Виктор Ген (Hehn, 1813—1890), historik kulture (De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele, 1892). — [4] Nikolaj Jakovlevič (1852—1899). — [5] Ovo će biti samo relativno, jer je najmlađem sinu Sreznevskoga, Vsevolodu Izmailoviču, tada bilo tek 8 godina. — [6] Sin Nikola (Nikica), roden 1875. (a umro 1957). — [7] Повесть о двенадцати снах Мамеря царя, ib.

126

[1] Profesor mineralogije i geologije na Fiziko-matematičkom fakultetu. Jagić ga u svojoj korespondenciji ne spominje.

127

Perwolfovih pisama, iz razumljivih razloga, nema u PRU. — Perwolf Josef (Первольф Иосиф Иосифович, 1841—1892), rodom Čeh, profesor slavistike na (tada ruskom) sveučilištu u Varšavi. Pisao je i na češkom i na njemačkom jeziku, a od ruskih radova važniji su mu »Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII века« 1874, »Германизация Балтийских славян« 1876, »Варяги — Русь и Балтийские славяне« 1877, »Славяне, их взаимные отношения и связы« I—III, 1866—1890. — [1] Rasprava »Germanizacija baltijskih slavjan« izašla je tek godinu dana poslije, no ona je ipak samo nastavak njegove magisterske disertacije o »Slavenskoj uzajamnosti«, koja se u nekoliko nastavaka štampala u ŽMNP za 1873. i 1874. god. [2] Bit će da se nije Jagiću javljao, dok ga ovaj ne spominje ni u SMŽ ni u PRU.

128

[1] Poslije će Jagić i direktno biti u dopisivanju sa P. G. Vinogradovim, v. PIR 153. — Vinogradov, Pavel Gavrilovič (1854—1925), historik, specijalist za Zapadnu Evropu; od 1899. do 1906. predavao poredbeno pravo na sveučilištu u Oksfordu.

129

Odgovor na PRU 57. — [1] Odnosi se na njegov prilog u Archivu (I, Zur altbulgarischen Alexanderlegende, str. 608—611). Poslao mu je poglavlja za raspravu »Die Sage vom Babylonischen Reiche«, koja će izaći u II knjizi Archiva. — [2] Aleksej Nikolaevič Veselovskij bio je mlađi brat Aleksandrov (rod. 1843), također historik literature, a gore spomenuta knjiga izašla je u Pragu 1876. — [3] On je pod zajedničkim naslovom »Opyty« itd. (v. PIR 122,3) u ŽMNP štampao više dijelova — u maju 1875. tri, u februaru 1876. četiri i na kraju, u februaru i maju 1877, još jedan i spomenuta »Priloženija«. — [4] Odnosi se na knjigu A. N. Veselovskoga Из истории литературного общения востока и запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине, Petrograd 1872, XX + 350 + 1 str. — [5] Znači da je i do Petrograda prodro glas da je Jagić u Berlinu nezadovoljan i da bi želio da se vrati u Rusiju, pa makar to bila i Odesa.

130

[1] Jagićev sin Nikica (Nikola, poslije sveuč. prof. u Beču, 1875—1957). — [2] Graf = Dmitrij Andreevič Tolstoj. — [3] Pomoćnik načelnika (kuratora) Kijevskoga školskog okruga.

[1] Od te su Biblinteke izašla samo dva broja, dvije knjige, prva 1851. a druga 1858, a znatnijih književnih rasprava u njima nije bilo. — V. Baudouinov sud o Mikuckom (u pismima Jagiću bio je dosta suzdržan no i dosta negativan). Dovoljno je pročitati nastupno predavanje Mikuckoga (u Izvestijima Varšavskoga univerziteta za 1876,1) da se vidi da je Baudouin imao pravo. — Prvi je bio Arsenij Markevič (Юрий Крижанич и его литературная деятельность: Izv. Varš. Univ. 1876, 1—2) a drugi možda Vikentij Makušev, samo što je njegova radnja (Исторические памятники южных славян и соседних им народов) štampana već krajem 1874. godine.

132

[1] Sadržajno pisma se u PRU i PIR ne slažu te bi ona koja nisu datirana trebalo provjeriti. Kod njega je ipak težište na numizmatici, a njegova se radnja »Разыскания о славяно-византийских монетах 1861 obično i ne spominje. — [2] Odnosi se na Dornovu raspravu o Kaspiji, v. Ind. — [3] Odnosi se na Konstantina Stepanoviča Veselovskoga, glavnog tajnika IAN.

133

[1] V. PRU 58, str. 100. — [2] Odnosi se na Jagićevu raspravu »Studien über das altslov.-glagol. Zographos-Evangelium, Archiv I, 1—55. — [3] Jagić će ga 1879. izdati u Berlinu pod naslovom »Quattuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus«. — [4] Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка 1873, 1876. — [5] Njegov rad objavljen poslije pod naslovom Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне 1876, i, poslije, Заметки о сущности некоторых звуков русского языка 1878 (ZIAN 31, 297—318). — [6] Nikolaj Jakovlevič, rođ. 1852. — [7] Konstantin Jakovlevič, rođ. 1853. — [8] Jagićeva disertacija kojom je stekao doktorat u Leipzigu.

134

[1] V. slično, samo drugim riječima izraženo, mišljenje I. I. Sreznevskoga u PIR 113. — [2] G. Krek, Beiträge zur slavischen Mythologie I, Veles, Volos und Blasius, Archiv I, 134—151. — [3] V. PIR 100,7 — [4] Kunik će se ovim pitanjem još dugo baviti (v. njegovu raspravu o Ibrahimu ibn Jakubu, PIR 88).

135

[1] U članku »Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik« u Archivu I i to na str. 90. i d. — [2] Glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis« iz g. 1857; »Novum glossarium« je izašao 1867.

136

Ovo je odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 61. — [1] Ovo se nije nikada ostvarilo onako kako je to Kunik zamišljao. Građe je i priloga bilo odviše pa je Jagić mogao birati. On je radije ostao kod rezoniranih bibliografskih prikaza nego da prijeđe na reklamno-informativne »preglede«. — [2] Friedrich Zarncke (1825—1891) izdavao je od 1850. časopis »Literarisches Zentralblatt für Deutschland«. — [3] Adalbert Kuhn (1812—1881) počeo je isto tako 1851. izdavati »Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung«, renomirani časopis koji se od 1875. zvao »Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen«. — [4] Mnogo dobrih savjeta, no Jagić je ipak radio po svojem (možda i zato što bi već tada bilo gotovo nemoguće, a i oduzimalo bi suviše vremena, da je sistematski sabirao *svu* bibliografiju (onako kako je to želio Kunik).

137

[1] August Engelbert Ahlquist (1826—1889), finski lingvist, izdao je u Petrogradu 1871. (i zatim 1875.) knjigu »Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen«.

138

U PRU nema Jagićevih pisama Boldakovu, a nema ga ni u indeksu SMŽ. — [1] To je mogao vidjeti i prema Jagićevoj raspravi »Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik« u Archivu I. — [2] Odnosi se na Jagićeve »Priloge« iz Kukuljevićeva Arhiva IX, X, Zagreb 1868—1869. — [3] ibid. str. 103. i dalje, gdje je riječ o Solomunu, Kitovrasu i — još dalje — o Solovjeju.

139

[1] To bi moglo značiti da se Jagić već 1875. obraćao Smirnovu s upitom, da li bi, i kako, mogao da se vrati u Odesu (i to, čini se bez obzira na to što je u Njemačkoj pokrenuo izdavanje Archiva). — [2] V. I. Grigorovič i A. A. Kočubinskij. — [3] Gledanje Smirnova bilo je stvarnije i pouzdanije od onoga što su mu pisali Selivanov i Kočubinskij. — [4] To je po svoj prilici bila jedna od rasprava koje je Jagić objavio u I knjizi Archiva.

140

[1] Šteta što toga pisma nema u PRU. — [2] Boldakov, Innokentij Mihajlovič (1846—1918), historik književnosti i knjižničar Javne biblioteke (nekoć Carske javne biblioteke, sada Javne biblioteke Saltykova—Ščedrina) u Petrogradu (sada Lenjingradu). — [3] Nije poslao (odn. nije objavio) ništa.

141

[1] Radi se o izvacima koje Jagić nije onako upotrebio kako je to Kunik želio. Vidi se da je ekscerpirao i Zapiske AN i »Pravoslavnoe obozrenie«. — [2] v. Kostomarov, Nikolaj Ivanovič (1817—1885), jedan od najdarovitijih ukrajinskih pisaca oko sredine XIX vijeka (pisao u početku pod kriptonimom Іеремія Галка). Studirao je povijest na Harkovskom sveučilištu, živo se zanimao za razdoblje Hmelnickoga, St. Razina (Бунт Стеньки Разина) U Kijevu, kuda su ga dvaput zvali da zauzme katedru na sveučilištu, ulazi u kolo Ševčenka, Belozerskoga i dr. Dolazio je češće u sukob sa vlastima, bio konfiniran (ok. Saratova) i sl.

142

SMŽ 292. — [1] Vasilij Nikolaevič Malinin bio je poslije, kao slavist, profesor Kijevske duhovne akademije (pisao je o Zlatostruju, o sv. Vladimiru, itd.). — [2] Odnosilo se po svoj prilici na »Istoriju oblika«, koja je štampana 1874. — [3] V. njegov prikaz »Вук Стефанович Караджич. Биографический очерк» štampan 1876. u zborniku »Братская помоч пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины« (str. 337—364). — [4] Ovo o »obzoru« odnosi se na Jagićev prikaz »Zasluge Vuka St. Karadžića za naš narodni jezik« (Književnik I, str. 447—485, Zagreb 1864).

143

E. F. Sabinin je često istupao na sjednicama Savjeta u Odeskom sveučilištu, i kada je trebalo, istupao je u korist Jagićevu. Iz SMŽ znamo da su se posjećivali dok je Jagić bio u Odesi. U PRU spominje se samo na jednom mjestu (u aparatu). Jagićevih pisama Sabininu u PRU nema.

144

SMŽ 415—416. Jagićevih pisama Martynovu u PRU nema. — Martynov, Ivan Mihailovič, ruski arheolog koji je 60-ih godina emigrirao u Francusku, prešao na katolicizam i stupio u isusovački red. Nastanio se u Versaju, odakle je istupao protiv ruske pravoslavne crkve i radio na slavenskoj, u prvom redu ruskoj, povijesti i arheologiji. Izdao je Les manuscrits slaves de la Bibliothèque Imperiale de Paris (Paris 1858), Annus ecclesiasticus Graeco-Slavicus (1863), najbolji hagiološki pregled za slavenske svece (čak i mnoge lokalne) onoga vremena, kojim su se i Rusi mnogo služili (do »Православного месяцеслов«-a arhim. Sergija iz god. 1875—1876). Osnovao je u Parizu Ćirilo-Metodsko društvo (koje su poslije francuske vlasti, kao i ostale isusovačke organizacije, raspustile), i izdavao (u Parizu!) »Кирилло-Мефодиевский сборник« (I 1863, II 1867).— [1] Odnosi se na prva dva Jagićeva priloga u Archivu. — [2] Alfred-Nicolas Rambaud, koji je inače pisao i o Konstantinu Porfirogenetu (1870) i bio od 1896. do 1898. ministar prosvjete u Parizu. (1842—1905); po struci historik, profesor na Sorboni, pisao je u nekoliko mahova o Rusiji (Histoire de la Russie 1878; La Russie épique 1876, Recueil des instruction donnéess aux ambassadeurs de France: Russie, 1890, i dr.). — [3] Prvi suradnici — uz Jagića — bili su M. Grünewald (Pariz), R. Köhler (Weimar), G. Krek (Graz), A. Leskien (Leipzig), F. Miklošič (Beč), K. Müllenhoff (Berlin), A. Müller (Olomouc), W. Nehring (Breslau-Wrocław), B. Raić (S. Barbara, Ptuj), A. Schiefner i A. Veselovskij (Petrograd). — [4] Arhimandrit Sergij zvao se svjetovnim imenom Ivan Spasskij, a spomenuti je Mjesecoslov izdao u Moskvi 1875—76. Zanimljivo je da Jagić u Arhivu nije pisao ni o jednome ni o drugome.

145

SMŽ 439—440; v. Jagićev odgovor u PRU 64. — Žitecki j, Pavel Ignat'evič (1836—1911), ukrajinski filolog (»Очерк звуковой истории малорусского наречия« 1876, »Старинные воззрения русских людей на русский язык« 1883, »Мысли о малорусских думах« 1893, »О переводах евангелии на малорусский язык« 1905, Нарис історії української мови в XVIII в., 1941). Pisao je o »Eneidi« Kotljarevskoga, prevodio Platonova »Kratila«, itd. — [1] V. knjigu koju je izdao u Kijevu 1876. (o glasovima ukr. jezika). — [2] Jagić je o njoj pisao dosta kritički, no na kraju ipak s priznanjem, v. Archiv II, 348—363. — [3] Toga pisma nema u Jagićevoj ostavštini (što, naravno, ne mora značiti da ga nije primio). — [4] Odnosi se na tzv. »Kijevske listiće« o kojima je Sreznevskij na

kongresu govorio i tako ih uveo u slavističku nauku. — [5] Jagić je na ovo odgovorio, no vrlo oskudno, u PRU 65.

146

[1] Izašla je iz štampe tek 1877. (I) i 1878. (II). Jagić se na nju nije posebno osvrtao (u Archivu II, 747, gdje joj navodi naslov, doduše kaže »wird näher besprochen werden«, u III, 225 da »ausführliche Besprechung in dieser Zeitschrift bevorsteht«, no kritici — i to ne blagoj — podvrgao je neke postavke Kočubinskoga A. A. Potebnja (u raspravi »Uber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus, Archiv III, 358—380, 594—614, i to od str. 601. dalje). — [2] Od Kočubinskoga su u Archivu izašla samo dva kraća priloga i to u knj. IX (1886) i XXV (1903).

147

[1] Opet »mila« sličica iz odeskih univerzitetskih kuloara (i jedan od razloga, zašto je dobro za Jagića bilo što je otišao iz Odese i što se u nju nije vratio). —[2] Jagić je to, jamačno već na nagovor Sabininov, (v. PIR 144), učinio. Do izbora (balotiranja) došlo je u jesen, v. dalje.

148

Odgovor na Jagićevo pismo u PRU 67. — [1] Bilo je to vrijeme Hercegovačkog ustanka. Za postradale se brinuo (i skupljao za njih pomoć) Slavjanskij blagotvoritel'nyj komitet, v. Ind. — [2] V. Jagićevu molbu izraženu u PRU 67. — Pismo dopušta tačnije datiranje Jagićeva dopisa u PRU: on je jamačno uslijedio najkasnije sredinom aprila (po starom stilu), dok je odgovor Nila Popova datiran sa 28. aprila 1876.

149

[1] Toga pisma nažalost nema u PRU, gdje Jagićeva korespondencija s Kočubinskim počinje tek sa godinom 1881. — [2] Kočubinskij bi time bio jedan od rijetkih slavista koji bi se već u ono vrijeme bavili ovim za slavistiku svakako vrlo važnim pitanjima. Tek nekoliko godina prije toga (1871) izdana je A. Schleicherova knjiga »Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache«. — [3] Das sorbische Neue Testament von 1548, Archiv I, 161—249. — [4] Str. 186. i d. — [5] Moglo bi se tumačiti tako, da je Jagić ipak poslušao savjet te Kočubinskomu pisao o svojem vraćanju u Odesu. — [6] Mogao je to biti poziv Kočubinskomu da dođe u Berlin; poslije toga ovaj je postao više suzdržljiv, ohladan. V. što je o njem pisao S. B. Bernštejn. — [7] Odnosi se na tzv. Vossische Zeitung (upravo »Königlich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen«); to je od prvih početaka (od 1721.) bio liberalan časopis.

150

[1] Miklošič se intenzizno bavio pitanjima ciganskog jezika i ciganskih migracija te je za svoje vrijeme bio jedan od najboljih stručnjaka zingaristike (ciganologije).

151

SMŽ 440—441; v. Jagićevo pismo 65 u PRU (gdje datiranje, prema starom stilu, neće biti tačno). — [1] III arheološki kongres koji se 1874. održavao u Kijevu i na kojem je, uz Žiteckoga i Sreznevskoga, bio i Jagić. —[2] Odnosi se na Опыт словаря народных названий растений Юго-Западной России с некоторыми повериями и рассказами о них (1874) ukrajinskoga botanika i paleontologa, profesora botanike na Kijevskom sveučilištu, Afanasija (Opanasa) Semenoviča Rogoviča (1812—1878). — [3] V. PIR 146,1; ispor. i dijahronijske radove Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. ч. I, 1889; К истории литературной русской речи в XVIII в., Petrograd 1903. — [4] Vladimir Vasil'evič Stasov (1824—1906) bio je bibliotekar Javne biblioteke u Petrogradu (danas Državna javna biblioteka Saltykova-Ščedrina u Lenjingradu) te je, baveći se arheologijom i poviješću umjetnosti, i kao pisac bio vrlo plodan (ispor. samo do 1876. Владимирский клад 1866, Еврейское племя в созданиях европейского исскуства 1873, Катакомба с фресками в Керчи 1875. i dr.) — [5] Miller, Orest Fedorovič (1833—1889), porijeklom iz Švedske, profesor za rusku književnost na Petrogradskom sveučilištu. Vrlo plodan kao pisac (v. bibliogr. kod Jazykova i dr.), a najradije i najviše je pisao o poeziji, epskoj i lirskoj. — [6] V. njegov rad, koji će kao knjiga izaći 1893.

152

[1] Lužički Srbin, prevodilac Novoga zavjeta iz god. 1548. — [2] Objavio ga je A. Leskien u I knjizi Archiva (na str. 161—249). — Leskien August (1840—1916), njemački lingvist i slavist, profesor na Sveučilištu u Leipzigu, jedan od osnivača tzv. Mladogramatičarske škole i u prvo vrijeme suradnik Jagićeva Archiva. Bavio se osobito litavskim, staroslavenskim i hrvatskosrpskim jezikom te izdavao priručnike od kojih su mnogi i danas u upotrebi (Handbuch der altkirchenslavischen (altbulgarischen) Sprache i Grammatik der altkirchenslavischen (altbulgarischen) Sprache u više izdanja. Grammatik der serbokroatischen Sprache, 1914). Pažnje su vrijedna i njegova istraživanja o prosodijskim elementima (Untersuchungen über Qualität und Betonung in den slavischen Sprachen, 1885, 1893).

153

[1] Časopis koji je od 1860. do 1891. izlazio u Moskvi pod uredništvom N. A. Sergievskoga.

154

Jagićevih pisama Hovanskomu nema u PRU. — [1] Časopis koji je od 1861. izlazio u Voronežu i imao vrlo dobre suradnike (među njima i Baudouina de Courtenay, Potebnju i druge). — [2] Jagić je to rado prihvatio, v. Archiv II, 197—198, III, 231 itd. — [3] Hovanskij je sa svoje strane još iste godine (1876) dao prvi prikaz u sv. IV i V te i iduće godine nastavio da obavještava svoje čitaoce o Archivu. — Hovanskij, Aleksej Andreevič (1814—1899), svršio je Saratovski duhovni seminar i bio predavač rus. jezika u Mihajlovskom kadetskom korpusu. Bavio se ex privata proučavanjima ruske književnosti i slavenskim dijalektima te je isto tako ex privata — na vlastiti trošak — 1861. počeo izdavati časopis »Филологические записки« (koji je postao organ ruske filološke nauke).

155

[1] Ta je »vječnost« trajala gotovo osam mjeseci.

156

[1] V. PIR 153. — [2] Pitanja u vezi sa reorganizacijom visokog školstva raspravljala su se u Rusiji desetke godina, te je u nekoliko navrata dolazilo i do studentskih buna i štrajkova. O tome pripovijeda A. N. Veselovskij u jednom pismu koje je poslao Jagiću nedugo poslije njegova povratka u Beč. On piše: m. o.: »В университете со вчерашнего числа (12 дек.) прекращено чтение лекций. »Беспорядки« начались с 9-го числа, продолжались 10. и 11. Никакого рукопашного боя, как это было в Москве и Казани, не произошло: студенты дали себе слово не доходить до грубых заявлений протеста, а только сбирались на сходки в знакомом Вам корридоре, протягивающимся вдоль аудитории. Цель сходок: заявления своего сочувствия товарищам других протестовавших университетов, просьба об обмене устава и удалении ректора. Последний — частный петербургский факт: в Москве злоба обрушилась наоборот, на инспектора, и на испекцию, ректора не тронули. За то всякий раз, когда ректор являлся для объяснения с толпой, его встречали с криками: *вон* его! итп. и пели нелестными выражениями, которыми богат русский словарь и которые мы с Вами не встретим в будущем словаре Яши Грота.«

157

[1] Jagićevo pismo nažalost u PRU nije objavljeno pa se ne zna, kakva je to radnja mogla biti (možda Baudouinove »Glottologičeskie (lingvističeskie) zametki«, ili radnja Smirnova »O Slove o Polku Igoreve«, obje su 1876. izlazile u FZ, ili što drugo). — [2] Bio je to N. I. Kareev (1850—1931), a njegova je rasprava Главные антропоморфические боги славянского язычества štampana u br. III—V FZ za god. 1872.

158

Pisama Uspenskoga nažalost iz toga vremena nema. U PIR počinju tek sa god. 1888, a u PRU nema ih nikako (barem ne u knjizi koja je objavljena). Petr Pavlovič Citovič bio

je u Odesi profesor za građansko pravo i sudstvo, Semen Petrovič Jarošenko za matematiku (Egor Fedorovič Sabinin također za matematiku) a Leopol'd Francovič Voevodskij za grčku književnost.

159

[1] V. raspravu Осмогласник 1491 года, напечатанный в Кракове кирилловскими буквами, описан И. Каратаевым, Petrograd 1876. — Karataev, Ivan Petrovič (1817—1886), iz trgovačke porodice, sakupljao stare štampane knjige i skupio veliku zbirku, koja je sada u Publičnoj biblioteci u Lenjingradu; dop. član IAN. Dao: Описание старопечатных книг, напечатанных кирилловскими буквами« T. I. с 1491 до 1652« (Спб. 1883), »Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491—1730«, i dr. — [2] Odnosi se na radnju J. F. Golovackoga »Sweipolt Fiol und seine kyrillische Buchdruckerei in Krakau v. Jahre 1491. Eine bibliographisch-historische Untersuchung«, Sitzungsber. der K. Akad. d. Wiss. Bd. LXXXIII, Wien 1876.

160

[1] Il'ja Il'ič Mečnikov, Aleksandr Onufrievič Kovalevskij i Ivan Mihajlovič Sečenov zaista su istovremeno (sva trojica) bili redoviti profesori za zoologiju. — [2] Tako je i bilo, v. PIR 103,2.

161

Datiranje je provedeno posredno, prema izdanjima koja se u pismu spominju i prema Jagićevu pismu PRU 69. — [1] Štampana je u drugoj knjizi Slavjanskoga sbornika na str. 122—165. — [2] Archiv II, 129—143, 308—333.

162

V. PIR 153, 156. Jagićevi se odgovori tek tu i tamo naziru između redaka. Njegova pisma Vinogradovu nisu objavljena u PRU.

163

[1] Pod »starijim« mislio je jamačno V. I. Grigoroviča, pod »mlađim« A. A. Kočubinskoga. Dosta jasna aluzija na dvoličnu ulogu, koju je posljednji, kako se čini, imao u ovoj igri.

164

Ne zna se, je li to bila pismena ili usmena molba. O Jagićevim pismima Cejtlinu komentatoru ništa nije poznato. — [1] Ne kaže se , koji je to Petrov bio, no pošto je Cejtlin pisao u Kijev, mogao je to biti Nikolaj Ivanovič Petrov koji je 1875. izdao svoju doktorsku disertaciju О происхождении и составе славяно-русского печатного пролога i 1876. raspravu pod naslovom Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими в образовании и литературе. — [2] Ustanak u Bosni, Hercegovini i Krajini. Sudeći po ovome i po vremenu iz kojega je pismo, Jagić je mogao tražiti da mu se pošalje i ova (druga, a ne prva) knjiga.

165

Datiranje je provedeno posredno, prema Jagićevim pismima u PRU 63 i 69. [1] Odnosi se na priču o Aleksandru Velikom, v. PIR 129,1. — [2] Možda je to bila strana rukopisa a ne štampanog teksta. — [3] Rohde je u ono vrijeme poznati Erwin Rohde (1845—1898), klasički filolog i profesor u Jeni, Tübingenu, Leipzigu i Heidelbergu. — [4] To je bio časopis u Petrogradu kojemu je puni naslov glasio »Russische Revue, Monatsschrift für die Kunde Russlands« a izdavao ga je Carl Röttger. — [5] Odnosi se na Rambaudovu knjigu »La Russie épique« koja je izašla iste (1876) godine.

166

[1] Odnosi se na Leskienovo izdanje Jakubičina lužičkoga prijevoda Sv. pisma u Archivu I. — [2] V. Jagićev osvrt na Joh. Schmidta »Über einige Erscheinungen des slavischen Vokalismus« Archiv I, 337—412, i na II i IV knjigu Miklošičeve poredbene gramatike slavenskih jezika, u Archivu I, 412—428. — [3] Odnosi se na Archiv I, 402—410; Kočubinskij ne navodi primjere. — [4] Bit će da je to odgovor na jednu Jagićevu aluziju. — [5] V. PIR 146,2. — [6] Također aluzija na (neobjavljeno) mjesto iz Jagićeva pisma. — [7] Bosansko-hercegovački ustanak i pasivno držanje Rusije, od koje se očekivala intervencija. — * nečitljivo.

167

[1] Jagićev izbor za redovnog profesora slavenske filologije na sveučilištu u Odesi mora da je uslijedio u Fakultetu negdje 20/21. septembra, a u Savjetu univerziteta on je izabran 7. oktobra 1876. — [2] Iz »Slova o polku Igoreve« (Pirova pobjeda, pobjeda koja nije daleko od poraza). — [3] Koliko su se za nj zalagali, pa na kraju opet ništa. Smirnov je i umro u nadi, da će njegov trud možda ipak uroditi plodom i da će se Jagić vratiti u Odesu.

168

Ni Jagićevih pisama Byčkovu nema u PRU, a ni Jagić ih ne citira u SMŽ. — Byčkov, Afanasij Fedorovič (1818—1899), Jagićev suradnik u IAN, neko vrijeme predsjednik Odjela za ruski jezik i književnost; historik i historik književnosti. Poslije smrti I. I. Sreznevskoga jedan od urednika njegova rječnika (»Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам«), od 1844. kustos Отделения рукописей и старопечатных церковно-славянских книг Публичной библиотеки u Petrogradu, od 1882. direktor iste biblioteke. — [1] Skr. za »Polnoe izdanie sočinenij«, koje je još za autorova života počelo izlaziti u Petrogradu. Bio je također predsjednik Slavenskog komiteta. — Hilferding (Гильфердинг) Aleksandr Fedorovič (1831—1872), historik i folklorist. Prvim učiteljem u slavistici bio mu je Papłoński, drugim — V. I. Grigorovič, no najviše je na nj utjecao Homjakov sa svojim krugom moskovskih slavenofila. Osobito značenje imalo je za njega, kada ga je (1856) vlada poslala kao konzula u Bosnu. S ovim je putem, i s putem u Makedoniju, vezan početak bogate zbirke slavenskih rukopisa, koja je poslije prešla u svojinu gr. Hludova a danas se nalazi u Lenjingradu. Za Rusiju je osobite zasluge stekao na području etnografije i folklora, osobito u vezi sa bylinama i s olonjeckom gubernijom, te se na takovu putu, želeći da provjeri nađeno i zabilježi što nije zabilježeno, i prehladio i umro. Djela su mu (Сочинения) izašla u 4 knjige (1868—1874). — [2] Tekst je pisan crkvenom ćirilicom, koja je ovdje (iz tipografskih razloga) transkribirana graždankom (signa superscripta su spuštena a $\frac{\text{т}}{\text{ѡ}}$ je $\overline{\text{о}}^{\text{т}}$). — [3] 1875, samo još na kraju stoji »XI—XV b.« Djelo je bilo nagrađeno Uvarovskom nagradom. — [4] Toga prijepisa nema među pismima u Jagićevoj ostavštini u NSB. — [5] Vidi se da je ovakvih savjeta bilo sa različnih strana.

169

Jagićev odgovor na ovo pismo — i obavijest, da mu šalje knjige — nalaze se otisnuti u PRU pod brojem 71. Za njegov rad u »Otadžbini« v. ib. komentar na str. 365. pod 71,2.

170—171

* Datiranje je zacijelo prema novom kalendaru: dokazuje to već PIR 171, pismo koje je odmah slijedeći dan (2. X) pisano u Petrogradu. Navodi se ovdje kao školski primjer prema kojem se može zaključiti da je pismo PIR 170 pisano u Pragu jamačno 19. septembra (po starom stilu), dok je PIR 171 pisano 14. oktobra (po novom stilu). — Šifner je, čini se, oko tjedan dana boravio kod Jagića u Berlinu. — [2] Ako je ime dobro pročitano, jer je mjesto gotovo nečitljivo.

172

Brzojav je datiran pismom N. P. Kondakova od 7. X 1876. i pismom V. Selivanova od 8. X 1876.

173

[1] Brzojav je uputio V. Selivanov, v. PIR 172.

174

[1] = crnu kuglicu. — [2] Pa opet Jagić nije došao (čak ni na kraći posjet; bar iz korespondencije se to — neposredno — ne vidi).

175

[1] Popečitelj (onaj koji vodi brigu, kurator, pa: načelnik) Odeskoga školskoga okruga bio je tada Lavrovskij Petr Alekseevič (1827—1886), pedagog i slavist (О языке северных русских летописей 1852, Исследование о летописи Иоакимовской 1855, Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями 1859, Житие царя Лазара по списку XVII в. 1860,

Коренное значение в названиях родства у славян 1867, Итальянская легенда о жизни св. Кирилла и открытии им мощей св. Климента, ЖМНП 1886, 7—8)

176

[1] Odnosi se na Замечания на Слово о плъку Игореве koja su izašla u Petrogradu 1875. — [2] To je člančić koji će pod naslovom »Шарманка, Katrynka — Kathrinchen« izaći u II knjizi Archiva (str. 194—195). — Vjazemskij kn. Pavel Petrovič (1820—1888), senator, načelnik glavne uprave za štampu, osnivač i predsjednik Общества любителей древней письменности. Pisao o »Slovu o polku Igoreve« 1851, 1875 (na 668 str.), 1877, О русских рукописях по древней музыке 1878,o Puškinu (iz g.1816—1837) 1880, 1884, i dr

177

V. odgovor u PRU 70; ondje je datiranje provedeno prema danu, kada je obavljen izbor u Odesi, koji Jagić spominje u svojem pismu. Pismo u PIR dopušta tačnije datiranje. Jagić u PRU 70 zahvaljuje Nilu Popovu za pismo koje je ovaj pisao 17. oktobra 1876. Prema tome Jagićevo pismo nije moglo biti napisano prije 20. oktobra 1876. — [1] Odnosi se na Jagićeve rasprave iz I knjige Archiva (»Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik« i »Aus dem südslavischen Märchenschatz«).

178

[1] Jagić je, čini se, postavljao različna pitanja, ne bi li u njima, možda, našao i razloga koji bi ga opravdali, ako bi na kraju odlučio da se ne vrati u Odesu. Pitao je i druge, i Račkoga. Ovaj mu je odgovorio, da bi ga vidio »svakako radije u slovenskoj zemlji« (SMŽ 328). Razlogom je čak bila i punica (SMŽ 329), i sl.

179

[1] Odnosi se na Jagićev prilog »Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung«, Archiv II, 1—109. — [2] Ispor. s pismom Byčkova pismo Selivanova, PIR 178. — [3] Odnosi se na Dodatak (Nachtrag) uz gornju radnju, v. Archiv II, 106—109.

180

Ovo je odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 70. — [1] Kao što se vidi, Nil Popov je također bio mišljenja da je za Jagića bolje da bude u Berlinu nego u Odesi. Važno je što kaže da su i drugi, koji objektivno misle, toga mnijenja. Jagić ga citira i u SMŽ 375.

181

V. SMŽ 442; v. također Jagićev odgovor u PRU 72. — [1] Nije rečeno koje su to knjige. Možda je jedna od njih bila i »Hrvatska Lipa«, u kojoj je Jagić 1875. (u brojevima 6—15) objavio svoje »Pričanje o Kijevu gradu«. — [2] Posljedice kongresa bile su za rusko-ukrajinske odnose teške. Jagić piše u Archivu I, 562 među ostalim: »Gelegentlich des letzten archaeologischen Kongresses zu Kiev kam auch die Frage über das Verhältnis der grossrussischen zur kleinrussischen Volkspoesie zur Sprache, woraus sich leider bald eine durch gehässige Verdächtigungen entstellte Polemik in einigen Blättern entwickelt hat«. — [3] Podatak vrijedan po tome što sadrži naslov Jagićeva referata. Iz traženja Žiteckoga i Jagićeva odgovora (PRU 72) vidi se da tekst koji se spominje u PRU 72,1 neće biti cijelo predavanje nego tek маленький реферат o kojem Jagić govori u PRU 72 na str. 116. — [4] Njegova su sabrana djela izašla u Kijevu 1876—1880. u tri knjige. — Maksimovič, Mihail Aleksandrovič (1804—1873), ukrajinski filolog, izdavač nar. pjesama (Малороссийские песни 1827, Украинские народные песни 1834, Сборник украинских песен 1849. itd.) i cijelog niza rasprava o sličnoj tematici (m. o. i o ruskom polnoglasiju). — Jagićev je referat na kongresu bio О древне глаголической надписи на острове Веля(Veglia) Кърк, а дриатического моря. Gornje je prema tome bio kao nekakav referat ili saopćenje.

182

[1] Golubcov je bio »popečitel'«, Leontovič — rektor. »Popečitelji« su se dosta često mijenjali (v. PIR 175,1). — [2] Sada Kirovograd.

183

[1] Po novom kalendaru; vidi se da se i Šifner pišući Jagiću iz Rusije držao staroga kalendara. — [2] Neriješeno pitanje o ulozi riječi buky (bukva) za utvrđivanje pradomovine

Slavena. — [3] August Dillmann (1823—1894), njemački teolog i orijentalist. — [4] Johann Leonhard Frisch (1666—1743), njemački filolog, leksikograf, ornitolog i insektolog. — [5] V. PIR 176,2. — [6] Neobično, ali to je bilo nalik na staroga »Danilovskogo manastyrja arhimandrita«. — Amfilohij (svjet. imenom Pavel Ivanovič Kazanskij-Sergievskij, 1818—1893), od 1870. arhimandrit Danilovskoga manastira na periferiji Moskve, poslije rukopoložen za ugljičkoga episkopa i vikara jaroslavske eparhije; filolog, paleograf, izdavač crkvenoslavenskih spomenika za kojega je I. I. Sreznjevski rekao da na tom području »по неутомимости в работе занимает бесспорно первое место«. Izdanja: »Описание Евангелия ... Юрьевского монастыря в 1118 — 1128 гг.« 1861, »Археолог. заметки о греческой псалтыри 9 в.« 1866, »О греческой корничей . . .11 в.« 1867, »Объяснение об исследовании греческого кондакария 12—13 в.« 1868—69, »О миниатюрах славянской псалтыри 9 в.« 1870, »О миниатюрах и украшениях в греческих рукописях« 1870, »О лицевом греческом Акатхисте Божией Матери втор. пол. 14 века« 1870, »О лицевом славянском Акатхисте Б. М. XII в. »1871, »Евангелие писанное в 1120 году в Новгороде на пергамене« 1871, »О влиянии греческой письменности на славянскую с IX до начала XVI в.« 1872, »Греческая псалтырь 862 г.« 1873, »О самодревнейшем октоихе XI в. юго-славянского юсового письма« 1874, »Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки« 1875, »Описание Юрьевского евангелия 1118—28 гг.« 1877, »Описание Евангелия 1092 года« 1877,»Псалтырь сличенная по церковно-славянским переводам сравнительно с греческим текстом и еврейским« 1877, 1879, »Что внес св. Киприан из своего родного наречия и из переводов своего времени в наши богосл. книги? 1878,« »Кондакарий в греческом подлиннике XII—XIV в.« 1879, »О переводе древле-славян. псалтыри« 1879—80, »Исследование о Пандекте Антиоха XI века« 1880, »Древле-славянская псалтырь Симоновская 1280 года« 1880—81, »О нереводе св. Кириллом и Мефодием Апостола« 1881, »Четвероевангелие Галичское 1144 года« 1882, »Древле-славянский Карпинский Апостол XIII в. с разночтениями греческими« 1886—88, »Апокалипсис XIV века« 1887, i još mn. dr. Za Opis Voskresenske biblioteke i za Kondakarij XII—XIV v. dobio je Uvarovsku a za raspravu o Antiohovu Pandektu Demidovsku nagradu. Amfilohija je trebalo iscrpnije prikazati, jer je po materiji koju je obrađivao bio bliz Jagiću, i Jagić se koji put na nj obraćao različnim pitanjima. — [7] Djelo je (214 str.) doista bilo posvećeno »Ординарному академику Измаилу Ивановичу Срезневскому первому моему поощрителю к серьезному изучению наших славянских древностей«. — [8] V. Archiv II, 680—681. — [9] Prvo je izdanje izašlo već 1729. (kao "Essai d'optique sur la gradation de la lumière").

184

[1] Ovo je drugi Maksimovič: Karl Ivanovič M. (1827—1891), koji je bio botaničar i pravi član IAN. Spomenuti prilog nije se našao u Jagićevoj ostavštini.

185

SMŽ 371; odgovor na Jagićevo pismo u PRU 73. — [1] Мысли об истории русского языка (jedno od njegovih glavnih djela, v. ZIAN knj. 38). — [2] Sreznevskij, Vjačeslav Izmailovič (1849—1937) specijalizirao se kao filolog-slavist pod rukovodstvom I. I. Sreznevskoga u naučnoj fotografiji i snimanju natpisa, no nije dotjerao dalje od privatnog docenta. Disertacija, dosta površna,: »Древний славянский перевод Псалтыри (Исследование его языка по рукописям XI—XIV вв.) 1878.

186

Jagićevih pisama Amfilohiju nema u Pru; ne citiraju se ni u SMŽ. — [1] To bi moglo značiti da se Jagić poslužio sugestijom koju mu je dao Šifner te se obratio Amfilohiju da mu pošalje nešto od onoga što je poslao i Miklošiču, v. PIR 183,6.

187

[1] O A. I. Hludovu v. PIR 48,5. — [2] Kozma Terent'evič Soldatenkov bio je ugledan moskovski knjižar, izdavač i nakladnik (uz Mamontova i dr.).

188

[1] Sada Kirovograd; V. I. Grigorovič je umro 19. XII 1876.

189

Poljaci su oko književnog časopisa »Ateneum«, koji su (u Varšavi) pokrenuli W. Spasowicz i Ad. Pawiński i koji je izlazio do 1901. (urednici su mu među ostalima bil. i Piotr Chmielowski, i na kraju Ignacy Chrzanowski), uspjeli okupiti vrijedan krug koji je udario osnove kulturnoj autonomiji kod Poljaka koja se nije dala sputavati ni iznutra ni izvana.

190

[1] Vidi se da je Jagić, potaknut Amfilohijem (v. p. 186), pomišljao na to da ovo evanđelje kupi. — [2] Misli se Christ. Friedr. August Dillmann (1823—1894, Chrestomathia aethiopica glossario explanata, Leipzig 1866, Ascensio Isaiae Aethiopice et Latine, Leipzig 1877, i dr.). — [3] Nije rečeno o kojoj se raspravi radi, no moglo bi biti da su jedan i drugi pomišljali na Pypinov članak Первые слухи о сербской народной поэзии, koji je 1876. izašao u časopisu Vestnik Evropy (knj. VI, 698—742).

191

SMŽ 442; v. Jagićev odgovor u PRU 77. Prema pisanju Žiteckoga, Jagić je namjeravao u februaru poći u Petrograd. — [1] [2] Jagić je(u PRU 76) molio Žiteckoga da mu napiše prikaz o prijevodu na ukrajinski jezik »Slova o pŭlku Igoreve«, i taj je prikaz štampan u II knjizi Archiva pod naslovom »A. Ogonovskij, Über das altrussische Lied von Igors Heerzug« (na str. 642—660). — Ogonovskij, Omel'jan Mihajlovič (ukr. Омелян М. 1833—1894), ukrajinski pisac i literarni historik, profesor na sveučilištu u Lavovu. Izdao je »Kobzara« T. Ševčenka (1893, u 2 knjige), prevodio »Slovo o polku Igoreve« (1876) i izdao (dosta površno) povijest književnosti (u 6 knjiga, 1887—1894). — [3] Prvo je slovo *u* no reprodukcija je u Žiteckoga takva da i *t ḍ* svojim oblikom ne potvrđuju ono što je rečeno riječima. — [4] Tu je opet znak za đerv' napisan i nevješto i nejasno. — [5] Ni tu nije jasno, kakav je zapravo oblik u Jagićevu tekstu — dekorativno ї ili *i*. — [6] To je bilo *i* (= 20), samo nejasno, neproporcionalno napisano. U štampi se i u Jagićevu referatu nisu štampala sva glag. slova (v. Труды трет. археол. съезда в России. II, Киев 1876).

192

[1] Za naslov disertacije N. P. Kondakova v. Ind. — [2] ispr. dolž. = ispravljajušči dolžnost', vršilac dužnosti. Osim već poznatoga Mihaila Pavloviča Smirnova, koji je bio prorektor INU, bili su: Vladislav Norbertovič Jurgevič profesor za rimsku književnost, Vasilij Mitropovič Vojtkovskij v. d. profesora crkvene povijesti, Robert Vasil'evič Orbinskij v. d. izvanrednog profesora za filozofiju, Aleksandr Onufrievič Kovalevskij profesor za zoologiju i novi prorektor, Aleksandr Mihajlovič Bogdanovskij, profesor krivičnog prava i novi dekan Pravnoga fakulteta, i Fedor Nikiforovič Švedov, profesor fizike i novi dekan Matematičkog fakulteta.

193

V. odgovor na ovo pismo u PRU 78. — [1] Taj je (treći) svezak štampan 1876. Славянский сборник bio je »издание петербургского отдела Славянского комитета«. — [2] Filologičeskie razyskanija, v. Ind. — [3] V. Jagićev prikaz (J. Grot, Philologische Untersuchungen, Archiv II, 679—682). — [4] Jagićev sud o dotadašnjim ruskim gramatikama bio je dosta nepovoljan, v. PRU 78. — [5] Jagić doduše odgovara da to još nije riješeno, no Grot je imao pravo. — [6] Misli II odjel IAN (tzv. ORJaS, Odjel za ruski jezik i književnost).

194

[1] Sanktpeterburgskie Vedomosti, novine uvedene još za Petra Velikoga, a izdavala ih je od 1728. Akademija. — [2] V. pismo J. K. Grota (PIR 193).

195

SMŽ 385. Ni on, kao ni Pawiński, nisu ušli u Rad JAZU 282 (v. Hamm). — Karłowicz Jan Aleksander (1836—1903), istaknuti poljski etnograf i filolog, urednik časopisa »Wisła«, izdao je zajedno sa A. A. Kryńskim i A. Kalinom veliki tzv. Varšavski Rječnik poljskoga jezika (Słownik języka polskiego, 1898) u 8 knjiga i (sam) Rječnik poljskih narječja (Słownik gwar polskich, 1905—1911) u 6 knjiga. — [1] Archiv für slavische Philologie.

196

[1] Index librorum prohibitorum (nadovezuje na Taktikon Nikona Crnogorca, samo što je on po sadržaju bio mnogo bogatiji). Kako Jagićevih pisama Bučkovu nema u PRU, nije lako reći u čemu su se sastojale njegove želje u pogledu Taktikona. — [2] Poslao mu je po svoj prilici svoju »Građu za slovinsku narodnu poeziju«, koja je izašla u Radu JAZU knj. 37, na str. 33—137. — [3] Očito je da se u Petrogradu smatralo javnom tajnom da Jagić neće u Odesu, mada se ondje dao izabrati i u Fakultetu i u Savjetu.

197

Odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 78. — [1] Bio je to ciklus M. A. Kolosova Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. Первые два отчета ZIAN 28(1876), i Отчеты ZIAN 30(1877). — [2] Odnosi se na Grotovo (akademijsko) izdanje djêlâ G. R. Deržavina (1864—1883, u 9 knjiga). — Deržavin, Gavrila Romanovič (1743—1816), rodom iz Kazanja, ubraja se u najbolje ruske pisce XVIII vijeka (bio je neko vrijeme gubernator u olonjeckoj i tambovskoj guberniji, zatim ministar itd.).

198

SMŽ 442, v. Jagićev odgovor u PRU 79. — [1] Iz odgovora se vidi da je Jagić prihvatio za štampu cijeli tekst. — [2] O Kočubinskom je pisao najprije Potebnja (u Archivu III) a zatim i Jagić (dosta nepovoljno, u članku »Zur Frage über den Übergang des silbenbildenden *l* in *u*« u IV knjizi Archiva, 387 i d.). — [3] Jedno je možda bila jedna od rasprava iz Archiva, a drugo »Građa za slovinsku narodnu poeziju« iz Rada JAZU 37 (1876). — [4] Odnosi se sva je prilika na kraći referat a ne na potpuni tekst (v. PRU 72).

199

[1] Jagić je u februaru namjeravao pohoditi Petrograd (v. PIR 191): odavle vidimo da se to nije ostvarilo. — [2] Već prije spominjani Böhtlingk-Rothov rječnik štampan u Petrogradu 1855—1875. — [3] Dvomjesečni časopis koji je od 1872. do 1878. izlazio u Petrogradu sa zadatkom da daje obavijesti o novim knjigama koje su izašle iz štampe.

200

[1] Ako je čitanje imena izdavačeva tačno, jer je vrlo nečitljivo pisano i nema ga kod Barsova, moglo se raditi ili o izdanju F. I. Buslaeva (o hrestomatijama iz 1870. ili 1861. godine), ili o izdanju u zbirci Bielowskoga Monumenta Poloniae historica (I, Lavov 1864), kojemu je bio dodan poljski prijevod, koji je Jagiću mogao dobro poslužiti u Berlinu, gdje su njegovi slušači dobrim (ili najvećim) dijelom bili Poljaci. — Barsov El'pidifor Vasil'evič (1836—1917), arheograf, jedan od kustosa Rumjancevskoga muzeja, od 1881—1907. tajnik Imperatorskog Obščestva Ljubitelej Istorii i Drevnostej pri Moskovskom sveučilištu. Od važnijih krupnijih štampanih radova v. »Новый список Слова Даниила Заточника« 1884. i »Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси« I—III. 1887—1890. — Buslaev, Fedor Ivanovič (1818—1897), filolog, krenuo putem J. Grimma i ostao tomu dosljedan i onda, kada je aktualnost toga pravca već davno prošla. Red. profesor Moskovskoga sveučilišta (do 1881, kada se povukao zbog gubitka vida). Izdao »Опыт исторической грамматики русского языка« (od 1858. u više izdanja, I—II), »Исторические очерки русской народной словесности и исскуства« (I—II, 1861) i »Толковый Апокалипсис« (по рукописям XVI—XIX веков, na 900 strana in folio, sa mapom i 308 tabela ilustracija), 1884.

201

[1] V. ono što je rečeno u PIR 200, 1.

202

[1] Nije rečeno ni koje su to rasprave, ni koliko ih je bilo. — [2] Tipično za Perwolfa koji je u svojem quasi-patriotizmu rado pretjeravao. — [3] Jagić je tada počinjao s prikupljanjem građe za svoja predavanja o poljskoj gramatici, v. Rad JAZU knj. 282, str, 116. i d. — [4] Aluzije na Prusku (Brandenburg, Albrecht der Bär) i na Sasku (Heinrich der Löwe), — [5] Aluzija na poljski romantizam (Stanisław Żółkiewski, 1547—1620, hetman i kancelar. poginuo pod Cecorom; Jan Karol Chodkiewicz, 1560—1621, junak kojega je u »Osmanu«

opjevao Ivan Gundulić; Velika poljska enciklopedija »Gutenberga« kaže za prvoga da »należy do najbardziej świetlanych postaci w dziejach dawnej Rzeczypospolitej« a za drugoga da »przedstawia wspaniały typ magnata polsko-litewskiego«. — [6] Šalje Jagiću prijepis naslovne strane iz ortografije Jana Seklucjana (iz g. 1551). — Pismo se, kao što se vidi, nije izgubilo.

203

SMŽ 386. Kod Jagića je datiranje netačno (15. 5. mjesto 15. 4.). — [1] Odnosi se na Jagićev prikaz Karłowiczeve rasprave »O języku litewskim«, koja je štampana 1875. u Krakovu, a on ju je prikazao u Archivu II, 363—367. — [2] Prilog je štampan — na francuskom jeziku — u istoj knjizi Archiva (II, 594—609, La belle Mélusine et la reine Vanda). — [3] Jagić je međutim drugačije odlučio te je gramatiku Kurschata (Grammatik der littauischen Sprache, mit einer Karte des litauischen Sprachgebietes und einer Abhandlung über litauische Volkspoesie nebst Musikbeilage von 25 Dainos-melodien, Halle 1876) prikazao A. Brückner (u Archivu II, 661—668). — Brückner (Брюкнер) Aleksandr (1856—1936), poljski filolog i historik slav. književnosti (treba ga razlikovati od nešto starijega ruskoga historika sličnoga imena — Aleksandra Gustaviča Briknera, koji je živio od 1834 do 1896. i predavao povijest na sveučilištima u Petrogradu, Odesi i Dorpatu). Poljski Aleksandar Brückner bio je učenik Miklošičev i nasljednik Jagićev na sveučilištu u Berlinu, jedan od najplodnijih, najinvencioznijih poljskih filologa i jedan od najboljih poznavalaca srednjovjekovnih spomenika jednako poljskih kao i ruskih (studija o M. Reyu 1906., »Kazania Świętokrzyskie«, »Dzieje literatury polskiej«, »Historia literatury rosyjskiej«, »Encyklopedia staropolska«, »Dzieje języka polskiego«, »Słownik etymologiczny języka polskiego« (1928), »Dzieje kultury polskiej« I—III, itd.). — Kurschat Friedrich (Фридрик Куршат, 1806—1884), odličan lituanist; počeo je sa Prilozima (»Beiträge zur Kunde der litauischen Sprache« 1843—49) te poslije izdao litavsku gramatiku (1876) i rječnik (1870—1883).

204

[1] Lepsius je bio bibliotekar Kr. pruske biblioteke u Berlinu. Inače, u pismu se lijepo vidi kako je Šifner svoje posredovanje savjesno shvaćao i savjesno obavljao. — [2] Štampan 1877, dok je I dio štampan 1874. — Lepsius Karl Richard (1810—1884), njemački egiptolog, osnivač časopisa »Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertümer«. (»Nubische Grammatik« 1880, Standard alphabet for reducing unwritten languages and foreign graphic systems to a uniform orthography in European letters, 1855—1863).

205

[1] Radilo se o izdanju »Nowy karakter polski z drukarnie Lazarzowey: y Ortographia polska: Jana Kochanowskiego ... Łukasza Górnickiego ... Jana Januszowskiego. R. P. 1594«, v. G. Korbut, Literatura polska od początków do Wojny Światowej I (1929), 365—366. — [2] O Markeviču Jagić nije bio najboljega mišljenja, a o njegovoj magisterskoj disertaciji (1879) je bio sklon misliti da je »eine ganz confuse und geistlose Compilation« Archiv IV 716. — [3] To je omanji članak (14 strana) pod naslovom »Малорусские козаки между Россией и Польшей в 1659 году по взгляду на них серба Юрия Крижанича«, koji se, poslije Kuliševa »Predislovija«, dijeli u tri dijela: I Путно описание от Левова до Москвы лита 1659, II Бесида ко Чиркасом в особй Чиркаса уписана, III Усмотрение о Царском Величеству.

Ono o »vrelu predgovoru« odnosi se na P. Kuliša a ne na Križanićev tekst (koji nije tradiran onako kako ga je trebalo tradirati). — Kuliš, Pantelejmon Aleksandrovič (1819—1897), zanimljiva ličnost iz borbe Ukrajinaca za ravnopravnost u vlastitoj zemlji. Pjesnik, publicist, odličan poznavalac ukrajinskoga jezika, zajedno sa Ševčenkom i Kostomarovim zatvaran, deportiran, poslije povratka vraća se starim stazama (»Записки о южной Руси« 1856, »Черная сотня« 1860), izdaje »Кобзаръ«-a, vlastite stihove (»Досвитки« 1862), reformira pravopis (izbacuje ы), prevodi Sv. pismo, Shakespearea, i dr. — [4] Što se Bessonova tiče, s time se nije teško složiti, v. predgovor Jagićevu izdaniu iz g. 1917. — Bessonov, Petr Alekseevič (1828—1899), slavist stare škole, bio na različitim direktorskim dužnostima najprije u Vilnu zatim 1867—1879. bibliotekar Moskovskog univerziteta i poslije toga profesor na Harkovskom sveučilištu. Izdavao je različne nar. pjesme, ne samo ruske i bjeloruske nego i bugarske (poznatiji po svojim, dosta slabim, izdanjima Jurja Križanića: »Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, Неблюшский, явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке (По вновь открытым сведениям об нем) I—III, Moskva 1870. Крижанич Юрий, Русское государство в половине XVII века, M. 1859,. i dr. — [5] Odnosi se na Križanića (Juraj, č. Jiří). — [6] Građa za slovinsku narodnu poeziju, Rad JAZU 37 (1876), 33—137.

206

SMŽ 294—296; odgovor na Jagićevo pismo u PRU 80. — [1] Pod »kn.« može se razumjeti i »knižka«, dakle svezak (a ne knjiga), pa je to moglo da se odnosi na jednu od Pypinovih studija »o ruskoj književnosti i državnosti«. — [2] Jagić se od početka (od I knjige) u Archivu rado osvrtao na ono što je napisao Potebnja. U ovom slučaju radilo se o knjigama-raspravama »Из заметок по русской грамматике« koje je Potebnja izdao 1874. (I u Voronežu, II u Harkovu), v. Archiv II, 164—168. — [3] Jagć ga je zamolio da kao prilog za Archiv napiše recenziju na disertaciju A. A. Kočubinskoga. — [4] Ovu je recenziju (na raspravu »Обзор звуковой истории малорусского наречия« 1876) objavio u ŽMNP za 1877. i ZIAN za 1878. — [5] V. u vezi s time Jagićevo dopisivanje s Brücknerom (Hamm) i Fortunatovim. — [6] »Dunav — Dunaj in der slavischen Volkspoesie« Archiv I, 299—333. — [7] J. Jireček a Ign. Hradil, Jana Blahoslava Grammatika Česká dokonaná 1. 1572[2], I izd. 1857. u Beču. — [8] Potebnjina rasprava »Малорусская народная песня, по списку XVI в. Текст и примечания« FZ 16, 1877, 2, str. 1—53. — [9] Izdao ga je također u FZ (16—17, god. 1877—78). — [10] V. Uvodnu riječ, str. 25—26.

207

Pismo je vrlo skraćeno jer sadrži gotovo isključivo obračune i sl.

208

SMŽ 442; odgovor na Jagićevo pismo objavljeno u PRU 79. — [1] V. PRU str. 121. — [2] To je bila doktorska disertacija F. A. Ternovskoga (»Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к древней Руси I—II, Kijev 1875—1876). — [3] Bila je to disertacija A. A. Kočubinskoga, v. Ind. — [4] O knjizi »Očerk zvukovoj istorii malorusskogo narečija« (v. Ind. i Archiv II, 348—363). — [5] Radilo se o referatu s obzirom na ukrajinski prijevod »Slova o plъku Igoreve« što ga je 1876. u Lavovu izdao O. Ogonovskij. — [6] Prikaz je ipak uvršten medu recenzijama (Archiv II, 642—660) a ne u »tekstu«. — [7] Recenzija je štampana pod naslovom »A. Ogonovskij, Über das altrussische Lied von Igors Heerzug, angez. von P. Žiteckij«, dok je izvorni naslov eksplikativniji (v. rec.). — [8] Odgovor na Jagićevu molbu u spomenutom pismu (u PRU 79). — [9] IV Arheološki kongres koji se održavao od 31. jula do 16. augusta 1877. (sa 122 referata). — Ternovskij, Filipp Alekseevič (1838—1847, historik ruske pravoslavne crkve (Московские еретики в царствование Петра I и полемические сочинения против них 1863, Материалы для истории мистицизма в России 1863, Как доживали свой век заштатные малороссийские монахи XVIII в. 1882, Русская и иностранная библиография по истории византийской церкви IV—IX вв. 1885).

209

[1] Jamačno k Hovanskomu, izdavaču FZ. — [2] Dalje slijede obračuni za knjige, poštarine itd. — [3] = Moskovskoe obščestvo ljubitelej drevnej pis'mennosti. — [4] Poslije opet slijede računi itd. — [5] Slavjanskij komitet = Slavjanskoe blagotvoritel'noe obščestvo (v. Ind.); Šifner piše »das« (prema njem. Komité).

210

Odgovor na Jagićevo pismo u PRU 81. — [1] Bila je to 400-godišnjica sveučilišta u Uppsali (osnovano 1477.). — [2] Jagić je predvidao da će Rusi pobijediti u rusko-turskom ratu 1877/78, no naravno ni on ni drugi nisu mogli očekivati da će Rusi, poslije San-Stefana, izgubiti bitku za zelenim stolom (na Berlinskom kongresu 1878.). — [3] Filologičeskie razyskanija. Materialy dlja slovarja, grammatiki i istorii russkogo jazyka (1873, v. Ind.). Njegova izvođenja nisu nezanimljiva, mada se sa zaključcima danas u mnogočem ne bismo slagali. — [4] Ispor. Jagićev sud u PRU 81, str. 123.

211

[1] Dalje opet slijede računi. — [2] V. PIR 209. — [3] Kowalewski (Józef, rus. Osip Mihailovič, 1800—1878) nije bio Mongol nego mongolist (rodio se u Grodnu te poslije bio profesor na sveučilištu u Varšavi). — [4] V. PIR 209,5.

212

V. Jagićev odgovor u PRU 82. Ako je Baudouin svoje pismo mogao pisati 8. jula, i tačno ga datirati, nije Jagić iz Berlina mogao da mu isti dan odgovori (mada B. tada nije bio u Kazanju nego u Varšavi). — [1] V. PRU 56. — [2] To su u prvom redu bile njegove rasprave Глоттологические (лингвистические) заметки I. Кое-что по поводу резьянской гармонии (созвучия) гласных FZ 1876, 1—16 i II. О так называемой »эвфемической вставке« согласного н в славянских языках FZ 1878, 1—3 , zatim njegovi izvještaji o naučnim putovanjima i brojne recenzije po različnim časopisima (FZ, ŽMNP, Przegląd Krytyczny, Uč. Zap. Kazan. Univ. i dr.). — [3] Jagić samo kaže da je Baudouinov nazor (Ansicht), prema kojem bi rezijanski govori mogli imati nešto zajedničko s turanskim jezicima, imao svojih protivnika (wurde »allgemein bekämpft«, Archiv II, 406). — [4] Archiv I, 499, bilj. 185. Jagić sam kaže za to djelo da je »eine mir unbekannte Schrift«. No i Baudouin je dosta površan u citiranju, ako se njegovi naslovi isporede s onima koji su otisnuti u knjizi.

213

Jagićevih pisama Zimovu nema u PRU; on se ni u indeksima za PRU i SMŽ ne pojavljuje. — [1] »Anna Karenina« je prvi put izdana 1873—1876, a prvi potpuni prijevod na njemački jezik izašao je tek 1885.

214

[1] Die Sage vom babylonischen Reich, Archiv II, 129—143, 308—333. — [2] Kada se tekstovi isporede, razlike su doista vrlo znatne (v. . . . . wie Heuschober, sich windend (um die Pflanze) von der Erde bis zur Spitze . . .). — [3] V. p. 169,2. — [4] Iz Rada JAZU 37, 33—137. — [5] Ovoga teksta nema u pismima koja su objavljena za to vrijeme u PRU. — [6] Radnja je štampana u Vestniku Evropy za decembar 1876.

215

[1] V. p. 203, 2. — [2] »Meluzina« je još iste godine pod jesen izašla u Archivu II.

216

[1] V. p. 211. — [2] Jagić je primio Meinharda, i to je možda m. o. bio jedan od razloga, zašto odnosi između njega i Šifnera nisu bili onako srdačni kakvi su mogli biti.

217

V. SMŽ 386. — [1] Jagić je taj dodatak štampao neposredno iza »Meluzine« (Anhang. Über Krak und Vanda, nach K. Römer, Archiv II, 609—613). — [2] V. PIR 203,3. — [3] »Słoworód ludowy« je izašao ali ne u Archivu nego u časopisu »Dwutygodnik Naukowy« u Krakovu, i to 1878. — [4] On taj rječnik nije dovršio (došao je do slova M) a građu je predavao Akademiji. — [5] Pregledano od cenzure, cenzurirano (sic!).

218

Ne zna se, da li je Jagić i poslije s njime bio u dopisivanju.

219

[1] V. PIR 210,1. — [2] Karl Wilhelm Ludwig Heyse (1797—1855); spomenuta je knjiga izašla poslije njegove smrti (1856). — [3] Klanac Šipka u Bugarskoj (između Gabrova i Kazanlъka) koji je u julu 1877. zauzeo ruski general Gurko te ondje sve do kraja 1877. odolijevao turskim napadajima.

220

[1] Josef Budenz (1836—1892), hungarist i altaist, profesor na sveučilištu u Budimpešti.

221

[1] U Bugarskoj; rusko-turski rat 1877/78.

222

SMŽ 398—399; v. Jagićevo pismo u PRU84. — [1] To će biti u članku »Über einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus«, Archiv III, 601 i d. — [2] On je o Žiteckom pisao u ŽMNP 1877. i u ZIAN 1878. — [3] V. članak Žiteckoga o Hmelnickom u narodnoj pjesmi u Archivu II, 301 i d.

223

V. Jagićevo pismo u PRU 85. — [1] [2] Posljednji dio njegovih »Opyta« izašao je u maju 1877, a »Novyj vzgljad na Slovo o polku Igoreve« u augustu 1877. (jedno i drugo u ŽMNP). — [3] Ioannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus Epistolae tres (Zap. Imp. Spb. Univ. 1877).

224

[1] V. PIR 217. Tada je bio običaj da se zamjenjuju fotografije. — [2] Na taj način Karłowicz je sabirao građu za osvrt na Matzenauerova Cizí slova. — [3] Do Karłowiczeve kritike Brücknera u Archivu nije došlo. — [4] Jagić je u oktobru 1877. bio u Petrogradu i odanle se javio A. A. Potebnji (PRU 84).

225

Jagićevih pisama Vjazemskomu nema u PRU. Godina je utvrđena na osnovi Šifnerova dopisa PIR 220. — [1] O »mužickoj« raboti v. SMŽ II, 12 (i uopće o Vjazemskom u SMŽ II, 10—12).

226

Datiranje je utvrđeno posredno, prema Jagićevu pismu u PRU 87, koje na nj nadovezuje. — [1] On knjigu Zezschwitza (Vom römischen Kaisertum deutscher Nation, ein mittelalterliches Drama, nebst Untersuchungen über die byzantinischen Quellen der deutschen Kaisersage, Leipzig 1877) samo uzgred spominje (v. Archiv III, 86). — [2] Izašao je u ŽMNP 191 (poč. 1877. g.). — [3] V. PIR 223.

227

Nije jasno o kakvima se to korekturama radilo. Ono što je štampano u III knjizi Archiva nije moglo biti tako pozamašno, a u JAZU on nije objelodanjivao svoja djela.

228

[1] V. PIR 227. — [2] Jelisaveta Petrovna (1709—1762), kći Petra Velikoga i Katarine I. — [3] V. PIR 225 (poč.). — [4] Članćić o »samovaru« objavljen je u Archivu III na str. 212.

229

[1] V. PIR 204. — [2] Meinhard, Šifnerov sin. — [3] = Lexikalische Lesekörner, Archiv III, 211—213.

230

[1] Nije rečeno koji rječnik, pa bi mogao biti i Böhtlingkov (v. Ind.). — [2] Jagić je nastupao kao posrednik između ruskih naučnih centara i stručnih biblioteka u Berlinu. — [3] V. Šifnerov prilog o »slonu« u Archivu III, 211—212.

231

SMŽ 443—445; v. Jagićev odgovor u PRU 88. — [1] Radilo se jamačno o molbi da se dozvoli izvoz nekih knjiga iz Rusije u Prusku (u Berlin). — Gedeonov, Stepan Aleksandrovič (1815—1878), historik, počasni član IAN, od 1863. upravitelj Ermitaža i 1866—1875. direktor kazališta. Kao historik poznat po radovima »Отрывки из исследований о варяжском вопросе« 1862, »Варяги и Русь« 1876.

232

Datiranje je utvrđeno u vezi sa PRU 87 i PIR 226. — [1] Moritz Steinschneider (1816—1907), rodom iz Moravske, bio je jedan od najistaknutijih filologa-hebraista svojega vremena. — [2] O Zezschwitzu v. PIR 226.

233

[1] Saopćenje Pomjalovskoga (njegova pisma dolaze u II dijelu). — [2] Odnosi se na prilog o samovaru, Archiv III, 212. — [3] Isto o slonu, v. Archiv III, 211—212. — [4] Isto o riječi namiot (Archiv III, 213). — [6] Heinrich Kiepert (1818—1899), geograf i kartograf, profesor na sveučilištu u Berlinu. — [7] V. drugo (i posljednje) Pottovo pismo koje se nalazi u Jagićevoj ostavštini u NSB a pisano je 1877. — [5] I izdanje u Petrogradu 1849, drugo izdanje je priredio — i izdao ga — Šifner 1858. — Pott August Friedrich (1802—1887), njemački lingvist, osnivač (ili jedan od osnivača) moderne indoevropske poredbene lingvistike i leksologije (etimologije).

234

[1] Svakako znatan uspjeh, podjednako za izdanje kao i, lično, za izdavača. — [2] Dmitrij = Dmitrij Andreevič Tolstoj.

235

[1] Jakov Karlovič Grot. — [2] U slijedećem pismu (od 6. XI 1877) govori se samo o nekakvoj košulji koja je kod pranja zamijenjena nekom drugom; ovo se pismo stoga ni u izvatku ne donosi.

236

[1] Sâmaveda — âranyaka — saṃhitâ (sa ruskim podnaslovom — dijelom naslova: Несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков), Moskva 1875. - [2] To će biti tek u IV knjizi Archiva. - [3] Nije poznato što je Jagić Fortunatovu odgovorio, jer u PRU za pune dvije godine (do decembra 1879) nema njegovih pisama Fortunatovu. Činjenica je, svakako, da Bezzenbergerovu knjigu u Archivu (III, 485—504) nije prikazao Fortunatov nego A. Leskien. — [4] Moskva 1877. — [5] klasik, italist. — Bezzenberger Adalbert (1851—1922), njemački lingvist stare škole, profesor na Sveučilištu u Königsbergu (u Ist. Pruskoj, danas Kaliningrad). — Cvetaev, Ivan Vladimirovič (1847—1913), klasički filolog, izdavao epigrafiku na starim italskim narječjima, bavio se pitanjima školstva u rimskom carstvu (»Из жизни высших школ Римской империи« 1902).

237

[1] Mogla je to biti njegova priča o Pholu (etiopskom kralju, v. Archiv III, 84—86).

238

[1] U prvom dijelu pisma je govor o Meinhardu, Šifnerovu sinu. — [2] Egor Egorovič Zamyslovskij, od 1869. do 1890. predavač (i na kraju profesor) za povijest na sveučilištu u Petrogradu. — [3] V. pismo 208. i Ind. — [4] Moglo je to biti Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами Ivana Petroviča Karataeva, kojega je prva knjiga (1491—1600) izašla 1878 (Хронологическая роспись štampana je davno prije toga, već 1861.).

239

[1] U zbirci litavskih tekstova izdanih god. 1853. — [2] Nije jasno, o kojem se Baranowskom radi. Slijedi kraći odlomak o knjigama koje se šalju preko Vossa. — [3] Citira prema I izdanju.

240

Wackernagel Wilhelm (1806—1868), germanist (»Altdeutsches Handwörterbuch«, »Umdeutschung fremder Wörter« 1862, i sl.). — Diefenbach Lorenz (1806—1883), njemački leksikograf i etnolog, neko vrijeme bibliotekar Gradske knjižnice u Frankfurtu na M. Poznat po svojim rječnicima i dr. (srednjelat.-njem.-češ. 1846, lat.-njem. histor. 1857.). — Muchliński Antoni (1808—1877), poljski orijentalist, predavao je 1835—1866. istočne jezike i književnosti na sveučilištu u Petrogradu (Źródłosłownik wyrazów, które przeszły do naszej mowy z języków wschodnich, 1858).

241

[1] Petrogradska Duhovna akademija, jedna od četiriju najviših naučnih i obrazovnih ustanova pravoslavne crkve u Rusiji. — [2] Al. Brückner, Die slavischen Fremdwörter im Litauischen, 1877.

242

[1] V. PIR 234,1. — [2] Jaunis ili Jaunys, Jaunius, v. Ind.

243

[1] I. P. Minaev, orijentalist, v. Ind. — [2] Hunfalvy Pál (1810—1891), madžarski lingvist i etnograf, koji je u to vrijeme izdavao svoju etnografiju (Magyarorszag ethnographiája 1876, 1877, prev. i na njem. jezik) te radio na monografiji »Die Ungarn oder Magyaren«, koja će izaći 1881.

244

Početak je posvećen čestitanju (sv. Nikola), itd. — [1]Archiv I na više mjesta.

245

[1] Christian August Friedrich Peters (1806—1880), njemački astronom i dopisni član IAN (ako je Schiefner njega mislio).

246

[1] Ismail, sin Ivanov = Izmail Ivanovič (Sreznevskij). — [2] Ispred Wolffa ima još jedno književno ime koje je tako nečitljivo napisano, da se nije moglo pročitati. (Bila bi to samo konjektura, pa je bolje ovako). — [3] V. PIR 240. — [4] Sada Državna javna biblioteka Saltykova-Ščedrina u Lenjingradu. — [5] Radilo se o obećanju da će poslati prilog za Archiv.

247

SMŽ 416—417. Jagićeva pisma A. N. Pypinu počinju u PRU tek sa godinom 1880. — Aleksandr Nikolaevič Pypin (1833—1904), jedan od najuglednijih i najplodnijih ruskih literarnih historika. Stajao je pod utjecajem N. G. Černyševskoga (s kojim je bio u rodu) i V. G. Belinskoga, komu je posvetio odličnu monografiju. Zapadnjak i liberal, samostalan, gledao je u književnosti odraz kulturne sredine i kulturnih potreba, što ga je, prirodno, odvodilo sa užeg ruskog na šire poredbeno područje. (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских 1857, Белинский, его жизнь и переписка I—II, 1876, История славянских литератур 1874—1881, Сводный старообрядческий синодик 1883, История русской литературы 1898, История русской этнографии 1890-1891 itd. — sve su to krupna djela, no još je veći bio njegov utjecaj preko brojnih kraćih rasprava i članaka u Vestniku Evropy, gdje su otvoreno dolazila do izražaja njegova gledanja na različna krupna pitanja, na pr. Панславизм в прошлом и настоящем 1878, Хронологический указатель русских лож 1873, i tomu sl.). U njegovu prikazu slavenskih književnosti obradio je poljski dio W. Spasowicz (1829—1906), jedan od osnivača varšavskoga »Ateneuma«, koji je živio kao odvjetnik u Petrogradu. — [1] Heinrich Bernhard Oppenheim (1819—1880), njemački pravnik i stručnjak za gospodarska (i izdavačka) pitanja. — [2] On sam (Pypin) postao je tek 1896. članom Akademije. — [3] Na kraju je njegovu »Povijest slavenskih književnosti« na njemački jezik preveo Traugott Pech (i ona je štampana izašla u 2 knjige u Leipzigu 1880—1884).

248

[1] Rad je objavljen pod naslovom »Über die Natur einiger Laute im Russischen«, Archiv III, 138—151.

249

[1] Karl Eduard Zacharias (1812—1894), njemački bizantolog i historik bizantskog prava.

250

[1] V. PIR 241,3. Prikaz je, međutim, za Archiv napisao H. Weber (i štampan je u knj. III, 185—200).

251

[1] Jagićevo je pismo datirano prema novom stilu (novom kalendaru). — [2] To je njegov prikaz Ahlqvistove knjige »Die Kulturvölker der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen«, Helsingfors 1875.

252

[1] Rusko-turski rat na Balkanu 1877/78. — [2] To je bio njegov prilog »Über die Natur einiger Laute im Russischen« koji je izašao u Archivu III, 138—151. — [3] Ostalo je kao gore (Grotove rasprave pod ovdje navedenim imenom nema u Archivu). — [4] Ernst Wilhelm Brücke (1819—1892), prvo je izdanje izašlo (u Beču) 1856, drugo 1876.

253

[1] Popis svih članova (i njihovih funkcija). — [2] V. u Ind.

254

[1] V. PIR 252,2. Jagić se složio s ovim posljednjim. U pismu od 5. januara (PRU 91) Jagićev prijedlog je drugačije glasio (no treba priznati da je Grotov izbor bio bolji). — [2] Grotu je i tu učinjeno po volji. — [3] Odgovor na Jagićev postscriptum (u PRU 91): Ради бога, не уступите Босния и Герцеговины Австрии — иначе русские нас уничтожили! — [4] Izvorni Grotov tekst nije sačuvan, no čini se da Jagić nije ništa »ublažavao« ona mjesta koja su se, posredno, odnosila na Leskiena.

255

[1] Pismo i vremenski i sadržajno predstavlja nastavak p. 254. — [2] Jagić nije, čini se, ništa »mijenjao«, niti je stavio »napomene urednika« ili »uredništva«, kao što je to inače znao činiti.

256

[1] Vidi se, a to znamo i iz predgovora, da je Jagić izdanje priredio prema fotografskim snimcima. Kodeks je izdan 1879. kao »Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus«, i to je bio prvi veliki kodeks koji je Jagić izdao (izdanju Assemanijeva evanđelistara on je dodao samo uvodnu raspravu). — Na kraju je popis knjiga koje je Kralj. biblioteka u Berlinu vratila natrag u Petrograd.

257

[1] Posebni otisak iz Vestnika Evropy za 1877. god., v. Archiv III, 228. — [2] Oduševljava se s obzirom na rusko-turski rat 1877/78. poslije uspjeha što ih je imala ruska vojska na srpskom, bugarskom, crnogorskom i makedonskom bojištu. — [3] Perwolf je bio profesor na sveučilištu u Varšavi.

258

[1] Jagić nije bio zato da se Bosna pripoji Hrvatskoj, pa da po njoj pašuju Nijemci i Madžari, v. PRU 90, str. 130. i 91, str. 132. — [2] Uspenskim, v. Ind. — [3] Recenzije ove rasprave nema ni u III ni u IV knjizi Archiva. Bit će da Jagić iz nekih razloga nije smatrao potrebnim da se na takva domišljanja osvrće.

259

SMŽ 399—401; v. Jagićevo pismo Potebnji u PRU pod brojem 95. — [1] Potebnja citira samo početak podnaslova (Osnovnaja vokalizacija plavnyh sočetanij . . . itd., v. Ind.). To je trebala biti tipološka rasprava. — [2] U diahronijskom smislu ona to jest. — [3] To zn. u FZ koji su izlazili u Voronežu. — [4] Jagić o tome piše u svojem pismu (PRU 95). Iscrpno se (u Archivu) na to nije obazro.

260

[1] Šifner — koji se i tako (fonetski) može pisati, jer su ga Rusi tako pisali, i sam se (građankom) tako potpisivao, i cijeloga je života bio u Rusiji — obavještavao je Jagića i o univerzitetskim prilikama slično kao što ga je V. I. Selivanov obavještavao o prilikama u Odesi. — Kalačov, Nikolaj Vasil'evič (1819—1885), pravni historik, neko vrijeme profesor na Pravnom fakultetu u Moskvi. Zauzimao je različne visoke položaje u pravnom zakonodavstvu i udario osnove ruskoj arhivistici. Isp. »О значении Кормчей в системе древнего русского права« 1850, izdavao je »Архив историко-юридических сведений относящихся до России« (1850—1855). »Архив государственного совета« I—III,

1869—1878, и др. — Mislim da se — a možda se i varam — u ovome »Herr von Skif« (gen. plur. od Skify, grč. skythai, Skiti, Skićani) — krije oštrica uperena prema autoru »Kaspije« (Boris Andreevič = Johann Albrecht Bernhard Dorn, v. kod Kunika; ako, naravno, Schiefner-Šifner nije mislio upravo Kunika, s kojim se nije najbolje slagao). — Majkov, Leonid Nikolaevič (1839—1900), literarni historik (»О былинах Владимирова цикла« 1863, »Материалы и исследования по старинной русской литературе« 1890—91); uređivao je ŽMNP, bio potpredsjednik IAN i poslije smrti A. Byčkova predsjednik Arheološke komisije i Fonda za pomoć piscima i naučnim radnicima. — [3] V. Jagićev članak — ili bolje člančić — —»франт — frant« u Archivu III na str. 214—215 (Lexikalische Lesekörner, 7).

JAGIĆEVI DOPISNICI

i broj pod kojim se nalaze njihova pisma

Amfilohij 186
Baudouin de Courtenay J. I. 69, 117, 212
Bodjanskij O. M. 105
Bogišić V. 5, 7, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 25, 27, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 50, 52, 54, 55, 58, 65, 71, 75
Boldakov I. M. 138, 140
Byčkov A. F. 168, 179, 196, 221
Cejtlin V. 164
Fortunatov F. I. 236
Golovackij J. F. 3
Grigorovič V. I. 46, 120
Grot, J. K. 93, 133, 193, 197, 210, 219, 252, 254, 255
Hovanskij A. A. 154, 157
Ikonnikov V. S. 80
Karłowicz J. A. 195, 203, 215, 217, 224, 250
Kočubinskij A. A. 59, 103, 104, 109, 115, 118, 146, 149, 152, 166
Kondakov N. P. 61, 62, 64, 82, 97, 102, 108, 173
Korš F. E. 66
Kunik A. A. 88, 100, 132, 134, 136, 141, 231
Lamanskij V. I. 51
Martynov I. N. 144
Ministerstvo Narodnogo Prosveščenija 234
Pavlov A. S. 98
Pawiński A. 87, 189
Perwolf J. 127, 131, 202, 205, 257
Popov N. A. 91, 107, 114, 123, 128, 148, 177, 180, 258
Potebnja A. A. 73, 206, 222, 259
Pypin A. N. 247
Sabinin E. F. 63, 143, 158
Schiefner F. A. *(Šifner A. A.) 56, 57, 67, 70, 72, 76, 89, 99, 101, 110, 111, 116, 119, 124, 125, 135, 137, 150, 159, 170, 171, 176, 183, 184, 187, 190, 194, 199, 200, 201, 204, 207, 209, 211, 216, 220, 227, 228, 229, 230, 233, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 249, 251, 253, 256, 260
Selivanov V. I. 60, 77, 78, 79, 83, 84, 85, 86, 90, 92, 94, 96, 106, 112, 126, 130, 155, 160, 163, 172, 174, 175, 178, 188, 192
Smirnov M. P. 81, 121, 139, 147, 167, 182
Sreznevskij I. I. 1, 2, 4, 6, 8, 13, 19, 20, 23, 24, 26, 28, 30, 31, 38, 40, 48, 49, 53, 68, 74, 95, 113, 142, 185
Sreznevskaja O. I. 47
Veselovskij A. N. 122, 129, 161, 165, 169, 214, 223, 226, 232
Vinogradov P. G. 153, 156, 162
Vjazemskij P. P. 225
Zimov P. A. 213, 218
Žiteckij P. I. 145, 151, 181, 191, 198, 208

СПИСОК КОРРЕСПОНДЕНТОВ И. В. ЯГИЧА

и число адресованных ими писем

Амфилохий 186
Богишич В. 5, 7, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 25, 27, 29, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 50, 52, 54, 55, 58, 65, 71, 75
Бодуэн де Куртенэ И. А. 69, 117, 212
Бодянский О. М. 105
Болдаков И. М. 138, 140
Бычков А. Ф. 168, 179, 196, 221
Веселовский А. Н. 122, 129, 161, 165, 169, 214, 223, 226, 232
Виноградов П. Г. 153, 156, 162
Вяземский П. П. 225
Головацкий Я. Ф. 3
Григорович В. И. 46, 120
Грот Я. К. 93, 133, 193, 197, 210, 219, 252, 254, 255
Житецкий П. И. 145, 151, 181, 191, 198, 208
Зимов П. А. 213, 218
Иконников В. С. 80
Карлович Я. А. 195, 203, 215, 217, 224, 250
Кондаков Н. П. 61, 62, 64, 82, 97, 102, 108, 173
Корш Ф. Е. 66
Кочубинский А. А. 59, 103, 104, 109, 115, 118, 146, 149, 152, 166
Куник А. А. 88, 100, 132, 134, 136, 141, 231
Ламанский В. И. 51
Мартынов И. Н. 144
Министерство народного просвещения 234
Павиньский А. 87, 189
Павлов А. С. 98
Первольф И. И. 127, 131, 202, 205, 257
Попов Н. А. 91, 107, 114, 123, 128, 148, 177, 180, 258
Потебня А. А. 73, 206, 222, 259
Пыпин А. Н. 247
Сабини Е. Ф. 63, 143, 158
Селиванов В. И. 60, 77, 78, 79, 83, 84, 85, 86, 90, 92, 94, 96, 106, 112, 126, 130, 155, 160, 163, 172, 174, 175, 178, 188, 192
Смирнов М. П. 81, 121, 139, 147, 167, 182
Срезневская О. 47
Срезневский И. И. 1, 2, 4, 6, 8, 13, 19, 20, 23, 24, 26, 28, 30, 31, 38, 40, 48, 49, 53, 68, 74, 95, 113, 142, 185
Фортунатов Ф. Ф. 236
Хованский А. А. 154, 157
Цейтлин В. 164
Шифнер А. А. 56, 57, 67, 70, 72, 76, 89, 99, 101, 110, 111, 116, 119, 124, 125, 135, 137, 150, 159, 170, 171, 176, 183, 184, 187, 190, 194, 199, 200, 201, 204, 207, 209, 211, 216, 220, 227, 228, 229, 230, 233, 235, 237, 238, 239, 240, 141, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 249, 251, 253, 256, 260

REDOSLIJED PISAMA

I

PRIJE ODESE

1865

1. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 1. marta

1867

2. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 18. februara
3. J. F. Golovackij iz Lavova, 24. februara

1869

4. I. I. Sreznevskij ie Petrograda, 2. decembra

1870

5. V. Bogišić iz Petrograda, 5. jula
6. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 15. jula
7. V. Bogišić iz Petrograda, 21. jula
8. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 5. augusta
9. V. Bogišić iz Odese, 8. oktobra
10. V. Bogišić iz Odese, 21. oktobra
11. V. Bogišić iz Odese, 22. oktobra
12. V. Bogišić iz Odese, 30. novembra
13. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 19. decembra
14. V. Bogišić iz Odese, 22. decembra

1871

15. V. Bogišić iz Odese, 2. januara
16. V. Bogišić iz Odese, 1. februara
17. V. Bogišić iz Odese, 14. februara
18. V. Bogišić iz Odese, 18. februara
19. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 21. februara
20. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 26. februara
21. V. Bogišić iz Odese, 2. marta
22. V. Bogišić iz Odese, 20. marta
23. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 22. marta
24. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 8. maja
25. V. Bogišić iz Carigrada, 16. maja
26. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 25. maja
27. V. Bogišić iz Beča, poč. juna
28. I. I. Sreznevskij iz Pargolova, 15. jula
29. V. Bogišić iz Beča, 21. jula
30. I. I. Sreznevskij iz Beča, 26. jula
31. I. I. Sreznevskij iz Trsta, 3. augusta

32. V. Bogišić iz Gmundena, 10. augusta
33. V. Bogišić iz Gmundena, 23. augusta
34. V. Bogišić iz Beča, 26. augusta
35. V. Bogišić iz Beča, potkraj augusta
36. V. Bogišić iz Odese, 10. septembra
37. V. Bogišić iz Odese, 3. novembra
38. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 21. novembra
39. V. Bogišić iz Petrograda, 10. decembra
40. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 19. decembra

1872

41. V. Bogišić iz Odese, 2. februara
42. V. Bogišić iz Odese, prije 5. marta
43. V. Bogišić iz Odese, 5 marta
44. V. Bogišić iz Odese, 24. aprila
45. V. Bogišić iz Odese, 25. aprila
46. V. I. Grigorovič iz Odese, 27. aprila
47. Ol'ga I. Sreznevskaja iz Petrograda, 29. aprila

U ODESI

1872

48. I. I. Sreznevskij iz Ižore, 28. augusta
49. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 16. oktobra
50. V. Bogišić iz Petrograda, 29. novembra
51. V. I. Lamanskij iz Petrograda, 23. decembra

1873

52. V. Bogišić iz Beča, 7. januara
53. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 20. januara
54. V. Bogišić iz Beča, 21. januara
55. V. Bogišić iz Venecije, 20. februara
56. F. A. Schiefner iz Petrograda, 26. februara
57. F. A. Schiefner iz Petrograda, 28. marta
58. V. Bogišić iz Beča, 21. maja
59. A. A. Kočubinskij iz Odese, 23. maja
60. V. I. Selivanov iz Odese, 24. maja
61. N. P. Kondakov iz Odese, 8. jula
62. N. P. Kondakov iz Odese, 15. jula
63. E. F. Sabinin, Bol'šoj Fontan, 15. jula
64. N. P. Kondakov iz Odese, 30. jula
65. V. Bogišić iz Cetinja, 29. septembra
66. F. E. Korš iz Moskve, 14. oktobra
67. F. A. Schiefner iz Petrograda, 19. oktobra
68. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 28. novembra
69. J. Baudouin de Courtenay iz Leipziga, 21. decembra

1874

70. F. A. Schiefner iz Petrograda, 26. januara
71. V. Bogišić iz Petrograda, 14. marta
72. F. A. Schiefner iz Petrograda, 12. aprila
73. A. A. Potebnja iz Harkova, 29. aprila
74. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 30. aprila
75. V. Bogišić iz Helsingforsa, 1. maja
76. F. A. Schiefner iz Petrograda, 17. maja
77. V. I. Selivanov iz Odese, 22. juna
78. V. I. Selivanov iz Odese, 24. jula
79. V. I. Selivanov iz Odese, 25. augusta
80. V. S. Ikonnikov iz Kijeva, 29. augusta.

U BERLINU

81. M. P. Smirnov iz Odese, 7. septembra
82. N. P. Kondakov iz Odese, 15. septembra
83. V. I. Selivanov iz Odese, 25. septembra
84. V. I. Selivanov iz Odese, 5. oktobra
85. V. I. Selivanov iz Odese, 12. oktobra
86. V. I. Selivanov iz Odese, 22. oktobra
87. A. Pawiński iz Varšave, 24. oktobra
88. A. A. Kunik iz Petrograda, 26. oktobra
89. F. A. Schiefner iz Petrograda, 28. oktobra
90. V. I. Selivanov iz Odese, 30. oktobra
91. N. A. Popov iz Moskve, 1. novembra
92. V. I. Selivanov iz Odese, 11. novembra
93. J. K. Grot iz Petrograda, 17. novembra
94. V. I. Selivanov iz Odese, 18. novembra
95. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 22. novembra
96. V. I. Selivanov iz Odese, 13. decembra
97. N. P. Kondakov iz Odese, 28. decembra

1875

98. A. S. Pavlov iz Odese, 4. januara
99. F. A. Schiefner iz Petrograda, 4. januara
100. A. A. Kunik iz Petrograda, 7. januara
101. F. A. Schiefner iz Petrograda, 7. januara
102. N. P. Kondakov iz Odese, 25. januara
103. A. A. Kočubinskij iz Praga, 14. februara
104. A. A. Kočubinskij iz Praga, 22. februara
105. O. M. Bodjanskij iz Moskve, 25. februara
106. V. I. Selivanov iz Odese, 25. februara
107. N. A. Popov iz Moskve, 28. februara
108. N. P. Kondakov iz Odese, 9. marta
109. A. A. Kočubinskij, sa želj. postaje Vrútky, 2. aprila
110. F. A. Schiefner iz Petrograda, 20. aprila
111. F. A. Schiefner iz Petrograda, 22. aprila
112. V. I. Selivanov iz Odese, 15. maja
113. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 1. maja
114. N. A. Popov iz Moskve, 12. maja
115. A. A. Kočubinskij iz Praga, 27. aprila
116. F. A. Schiefner iz Petrograda, 27. maja
117. J. Baudouin de Courtenay iz Petrograda, 31. maja
118. A. A. Kočubinskij iz Budišina, 7. jula
119. F. A. Schiefner iz Revala, 12. jula
120. V. I. Grigorovič iz Odese, 22. jula
121. M. P. Smirnov iz Odese, 24. jula
122. A. N. Veselovskij iz Kirilova, potkraj jula
123. N. A. Popov iz Moskve, 11. augusta
124. F. A. Schiefner iz Petrograda, 6. septembra
125. F. A. Schiefner iz Petrograda, 29. septembra
126. V. I. Selivanov iz Odese, 1. oktobra
127. J. Perwolf iz Varšave, 6. oktobra
128. N. A. Popov iz Moskve, 9. oktobra
129. A. N. Veselovskij iz Petrograda, u oktobru
130. V. I. Selivanov iz Odese, 3. novembra
131. J. Perwolf iz Varšave, 10. novembra
132. A. A. Kunik iz Petrograda, 19. novembra
133. J. K. Grot iz Petrograda, 17. decembra

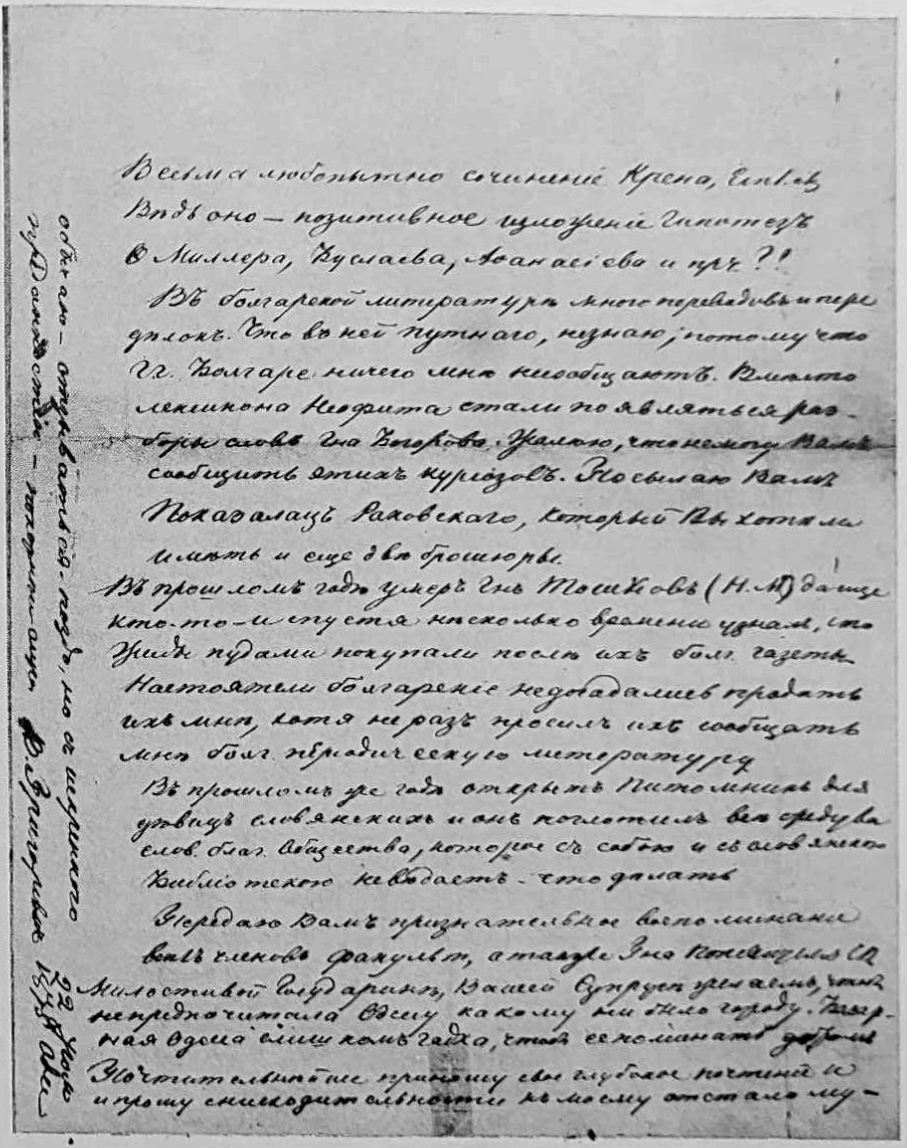
134. A. A. Kunik iz Petrograda, 2. januara
135. F. A. Schiefner iz Petrograda, 2. januara
136. A. A. Kunik iz Petrograda, 18. januara
137. F. A. Schiefner iz Petrograda, 24. januara
138. I. M. Boldakov iz Pariza, 7. februara
139. M. P. Smirnov iz Odese, 23. februara
140. I. M. Boldakov iz Pariza, 26. februara
141. A. A. Kunik iz Petrograda, 7. marta
142. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 20. marta
143. E. F. Sabinin iz Odese, 5. aprila
144. I. M. Martynov iz Pariza, 10. aprila
145. P. I. Žiteckij iz Kijeva, 12. aprila
146. A. A. Kočubinskij iz Praga, 21. aprila
147. M. P. Smirnov iz Odese, 27. aprila
148. N. A. Popov iz Moskve, 28. aprila
149. A. A. Kočubinskij iz Praga, 29. aprila
150. F. A. Schiefner iz Petrograda, 1. maja
151. P. I. Žiteckij iz Kijeva, 5. maja
152. A. A. Kočubinskij iz Praga, 30. maja
153. P. G. Vinogradov iz Bonna, 15. juna
154. A. A. Hovanskij iz Voroneža, 16. juna
155. V. I. Selivanov iz Odese, 1. jula
156. P. G. Vinogradov iz Bonna, 4. jula
157. A. A. Hovanskij iz Voroneža, 6. jula
158. E. F. Sabinin iz Odese, 6. jula
159. F. A. Schiefner, Klobenstein auf dem Ritten, 11. jula
160. V. I. Selivanov iz Odese, 20. jula
161. A. N. Veselovskij iz Pariza, u julu
162. P. G. Vinogradov iz Bonna, 22. jula
163. V. I. Selivanov iz Odese, 5. augusta
164. V. Cejtlin iz Gomel'a, 12. augusta
165. A. N. Veselovskij iz sjev. Italije, u augustu
166. A. A. Kočubinskij iz Praga, 9. septembra
167. M. P. Smirnov iz Odese, 22. septembra
168. A. F. Byčkov iz Petrograda, 26. septembra
169. A. N. Veselovskij iz Petrograda, pod jesen
170. F. A. Schiefner iz Praga, 1. oktobra
171. F. A. Schiefner iz Petrograda, 2. oktobra
172. V. I. Selivanov iz Odese, 7. oktobra
173. N. P. Kondakov iz Odese, 7. oktobra
174. V. I. Selivanov iz Odese, 8. oktobra
175. V. I. Selivanov iz Odese, 10. oktobra
176. F. A. Schiefner iz Petrograda, 11. oktobra
177. N. A. Popov iz Moskve, 17. oktobra.
178. V. I. Selivanov iz Odese, 22. oktobra
179. A. F. Byčkov iz Petrograda, 24. oktobra
180. N. A. Popov iz Moskve, 30. oktobra
181. P. I. Žiteckij iz Kijeva, 22. novembra
182. M. P. Smirnov iz Odese, 4. decembra
183. F. A. Schiefner iz Petrograda, 9. decembra
184. F. A. Schiefner iz Petrograda, 14. decembra
185. I. I. Sreznevskij iz Petrograda, 17. decembra
186. *arhim.* Amfilohij iz Moskve, 22. decembra
187. F. A. Schiefner iz Petrograda, 31. decembra

188. V. I. Selivanov iz Odese, 8. januara
189. A. Pawiński iz Varšave, 10. januara
190. F. A. Schiefner iz Petrograda, 11. januara
191. P. I. Žiteckij iz Kijeva, 31. januara
192. V. I. Selivanov iz Odese, 19. februara
193. J. K. Grot iz Petrograda, 4. marta
194. F. A. Schiefner iz Petrograda, 5. marta
195. Jan Karłowicz iz Wiszniewa, 24. marta
196. A. F. Byčkov iz Petrograda, 26. marta
197. J. K. Grot iz Petrograda, 29. marta
198. P. I. Žiteckij iz Kijeva, 3. aprila
199. F. A. Schiefner iz Petrograda, 6. aprila
200. F. A. Schiefner iz Petrograda, 14. aprila
201. F. A. Schiefner iz Petrograda, 15. aprila
202. J. Perwolf iz Varšave, 15. aprila
203. Jan Karłowicz iz Wiszniewa, 15. aprila
204. F. A. Schiefner iz Petrograda, 21. aprila
205. J. Perwolf iz Varšave, 21. aprila
206. A. A. Potebnja iz Harkova, 4. maja
207. F. A. Schiefner iz Petrograda, 8. maja
208. P. I. Žiteckij iz Kijeva, 19. maja
209. F. A. Schiefner iz Petrograda, 22. maja
210. J. K. Grot iz Petrograda, 23. maja
211. F. A. Schiefner iz Petrograda, 28. maja
212. J. Baudouin de Courtenay iz Varšave, 8. juna
213. P. A. Zimov iz Berlina, 17. juna
214. A. N. Veselovskij iz Petrograda, sredinom juna — poč. jula
215. Jan Karłowicz iz Wiszniewa, 1. jula
216. F. A. Schiefner iz Revala, 4. jula
217. Jan Karłowicz iz Wiszniewa, 9. jula
218. P. A. Zimov sa dače, 11. augusta
219. J. K. Grot iz Petrograda, 13. augusta
220. F. A. Schiefner iz Revala, 19. augusta
221. A. F. Byčkov iz Petrograda, 9. septembra
222. A. A. Potebnja iz Harkova, 13. septembra
223. A. N. Veselovskij iz Petrograda, u septembru
224. Jan Karłowicz iz Wiszniewa, 6. oktobra
225. P. P. Vjazemskij iz Petrograda, u oktobru
226. A. N. Veselovskij iz Petrograda, u oktobru
227. F. A. Schiefner iz Petrograda, 22. oktobra
228. F. A. Schiefner iz Petrograda, 22. oktobra
229. F. A. Schiefner iz Petrograda, 24. oktobra
230. F. A. Schiefner iz Petrograda, 27. oktobra
231. A. A. Kunik iz Petrograda, 28. oktobra
232. A. N. Veselovskij iz Petrograda, 2. novembra
233. F. A. Schiefner iz Petrograda, 3. novembra
234. Ministerstvo narodnogo prosveščenija, Petrograd, 4. novembra
235. F. A. Schiefner iz Petrograda, 6. novembra
236. F. F. Fortunatov iz Moskve, 11. novembra
237. F. A. Schiefner iz Petrograda, 11. novembra
238. F. A. Schiefner iz Petrograda, 18. novembra
239. F. A. Schiefner iz Petrograda, 21. novembra
240. F. A. Schiefner iz Petrograda, 24. novembra
241. F. A. Schiefner iz Petrograda, 27. novembra
242. F. A. Schiefner iz Petrograda, 30. novembra
243. F. A. Schiefner iz Petrograda, 4. decembra
244. F. A. Schiefner iz Petrograda, 6. decembra

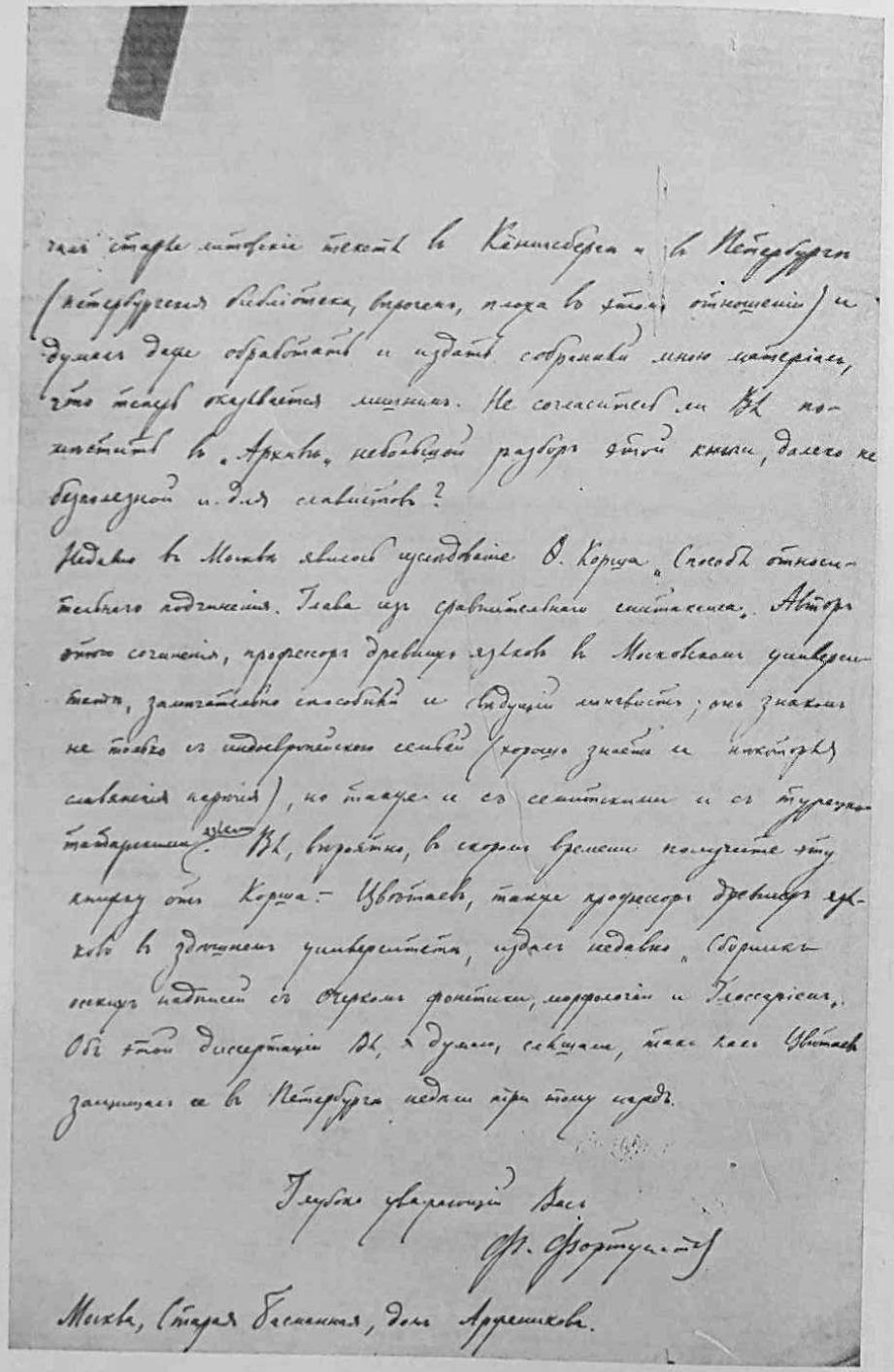
245. F. A. Schiefner iz Petrograda, 9. decembra
246. F. A. Schiefner iz Petrograda, 12. decembra
247. A. N. Pypin iz Petrograda, 15. decembra
248. F. A. Schiefner iz Petrograda, 15. decembra
249. F. A. Schiefner iz Petrograda, 21. decembra
250. Jan Karłowicz iz Wiszniewa, 22. decembra

1878

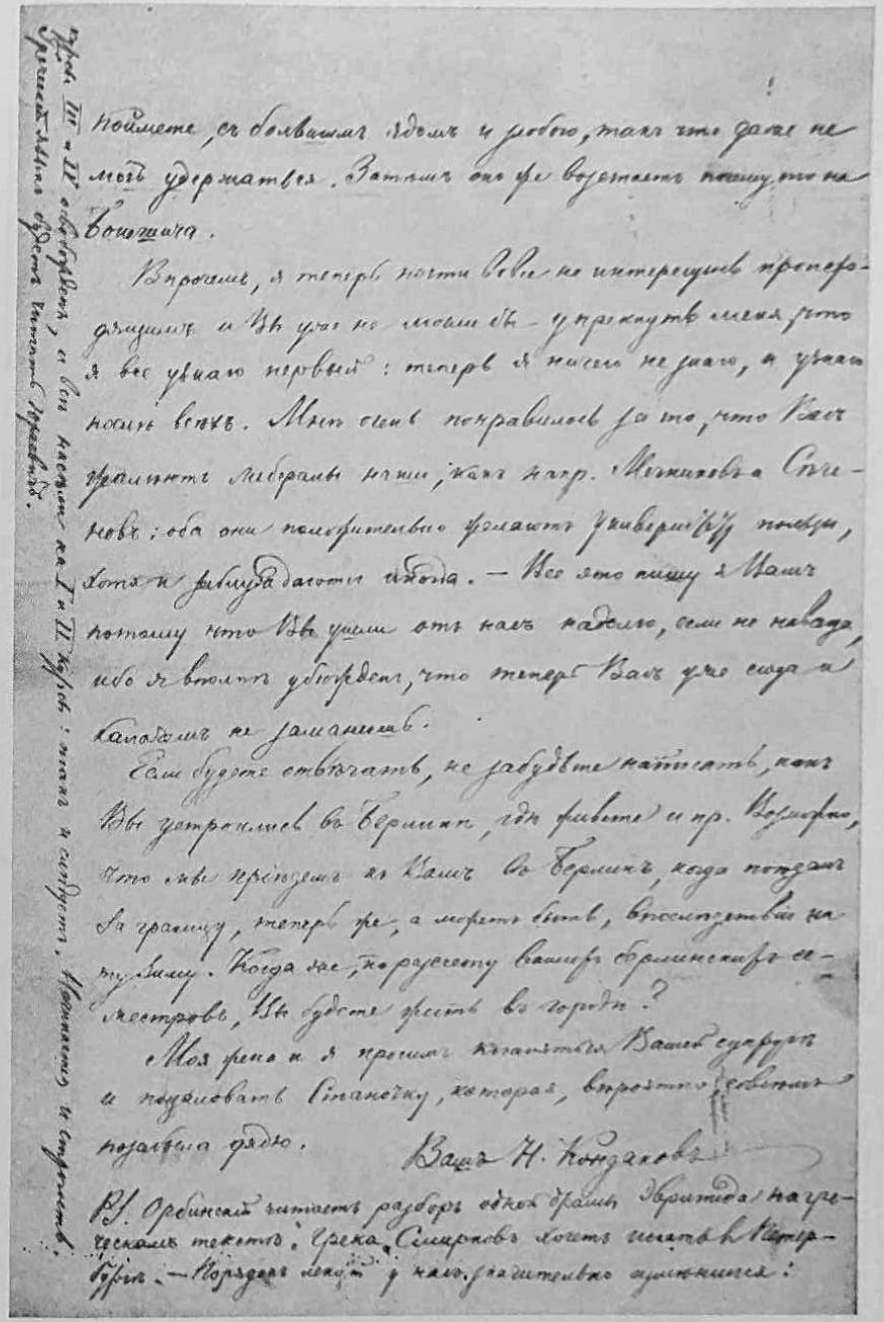
251. F. A. Schiefner iz Petrograda, 1. januara
252. J. K. Grot iz Petrograda, 2. januara
253. F. A. Schiefner iz Petrograda, 7. januara
254. J. K. Grot iz Petrograda, 8. januara
255. J. K. Grot iz Petrograda, 9. januara
256. F. A. Schiefner iz Petrograda, 10. januara
257. J. Perwolf iz Varšave, 12. januara
258. N. A. Popov iz Moskve, 14. januara
259. A. A. Potebnja iz Harkova, 18. januara
260. F. A. Schiefner iz Petrograda, 19. januara



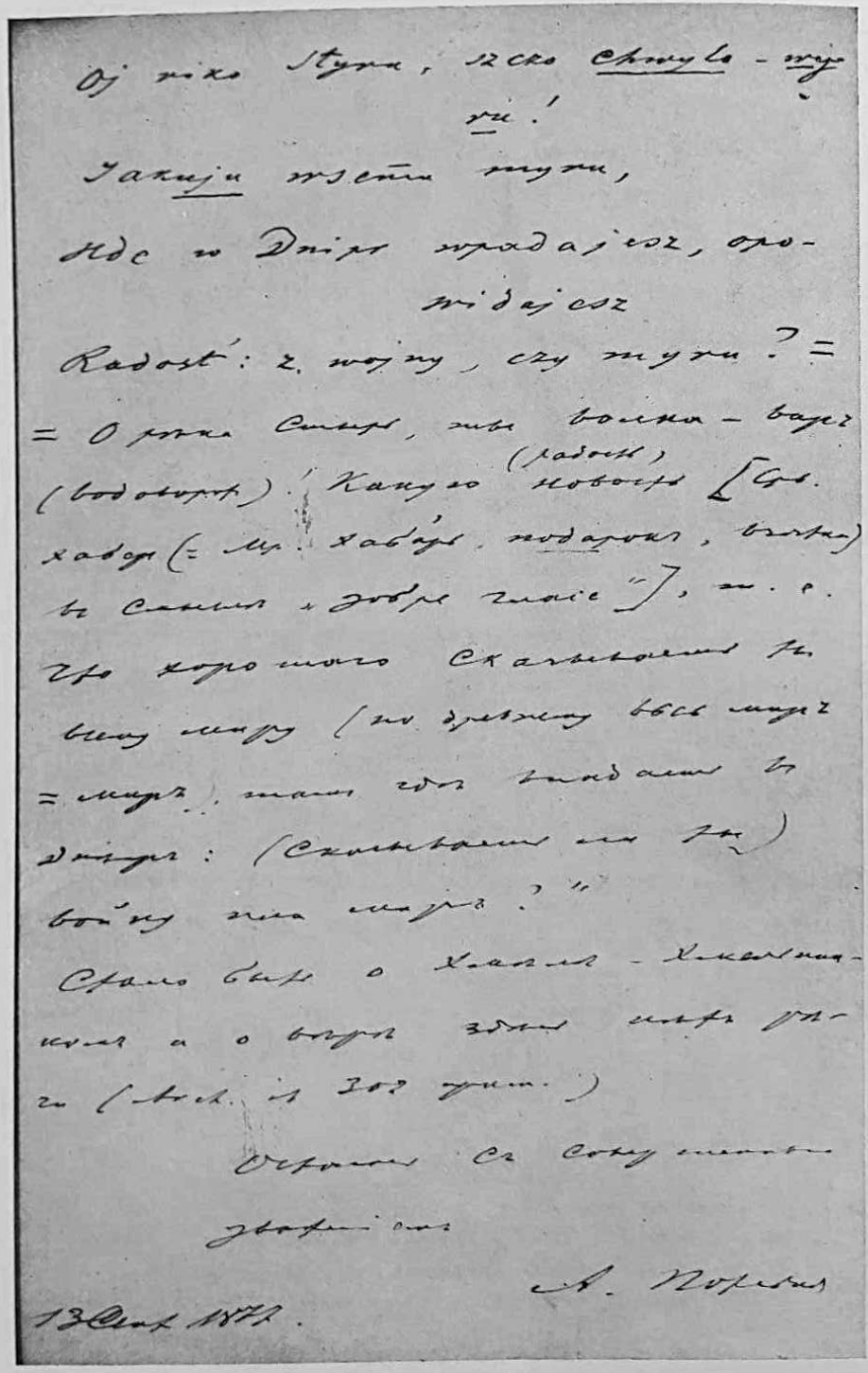
V. I. Grigorovič (120)



F. F. Fortunatov (236)



N. P. Kondakov (82)



Oj nixo ſtyna, nxo chuyla - myr
ri!
Jakuja wsetu muzu,
Ide u Dniz xradajesz, oro-
midajesz
Radoſt': z. wojnu, czy muzu? =
= O mna Cmyr, mu bolwa - bayz
(bodoyr). Kanuo (radoch),
xabar (= Mp. xabáp. nodapoκ, becmь)
b Cmuxu «Dobpe mnie"], m. e.
Tro xopowuoro cxaxanbuoro u
bcuy muzy (no dpeuuy bce muz
= muzu), mam ero bnadaem u
dnuzu: (Cmuxoeaem ux u)
boju ua muzu."
Cpaso bac o Xaxuu - Xaxaruu-
ckoi u o bcuu 3dbu cmapbi yu-
u (ctck. u 3ob yuu.)
Ocmaem ca coxy uuuoe
dbopsuuca
A. Potebnia
13 Cent 1871.

A. A. Potebnja (222)

большинство.

Теперь мы имеем вышеизложенные новые
условия; материальная наша нынешняя положение
обязует должность внимательности: одна видеть так
скромно, что идти никакой свободный с души готовы
нужно приблизование; и Комиссия и сами Министр
в большинстве своей всем себя точно обязуем,
что гимназическое наше нынешнее понятие, время,
наши, недостаток классического преподования.
В университет пока заглянуть, всё пересмотрится и
первый фигурой выбрал должен будущей семьдесят
пятую пятнадцать, что идти нечто, чтобы прямо к
самой цели.

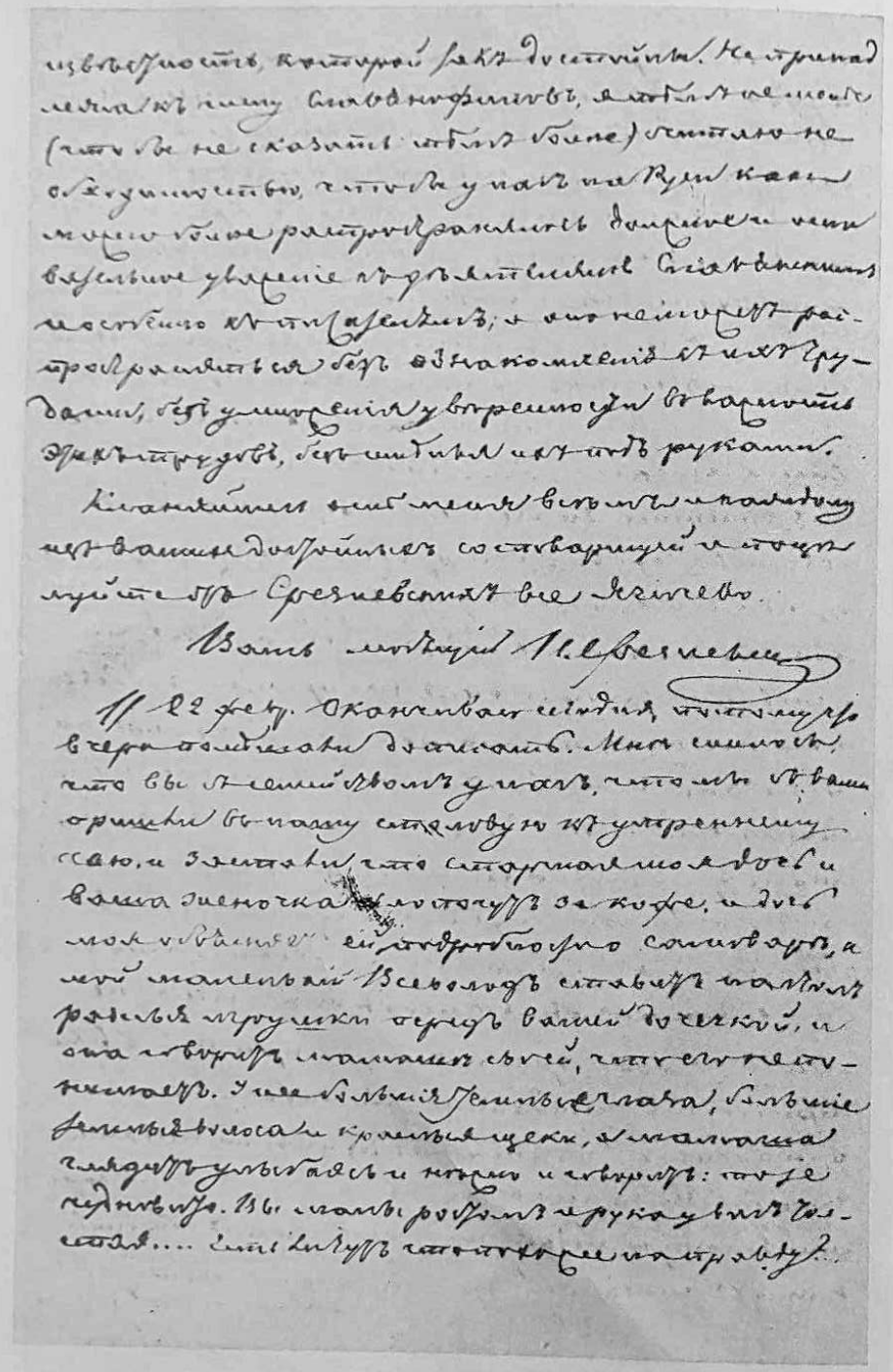
Ждут Ваши ответы вообще относительно
нашей Республики, и пока прошу Вас и
Вашу структуру принять от меня наше самое
мы уверен в нашем и искреннем к Вам уважении.

М. Смирнов

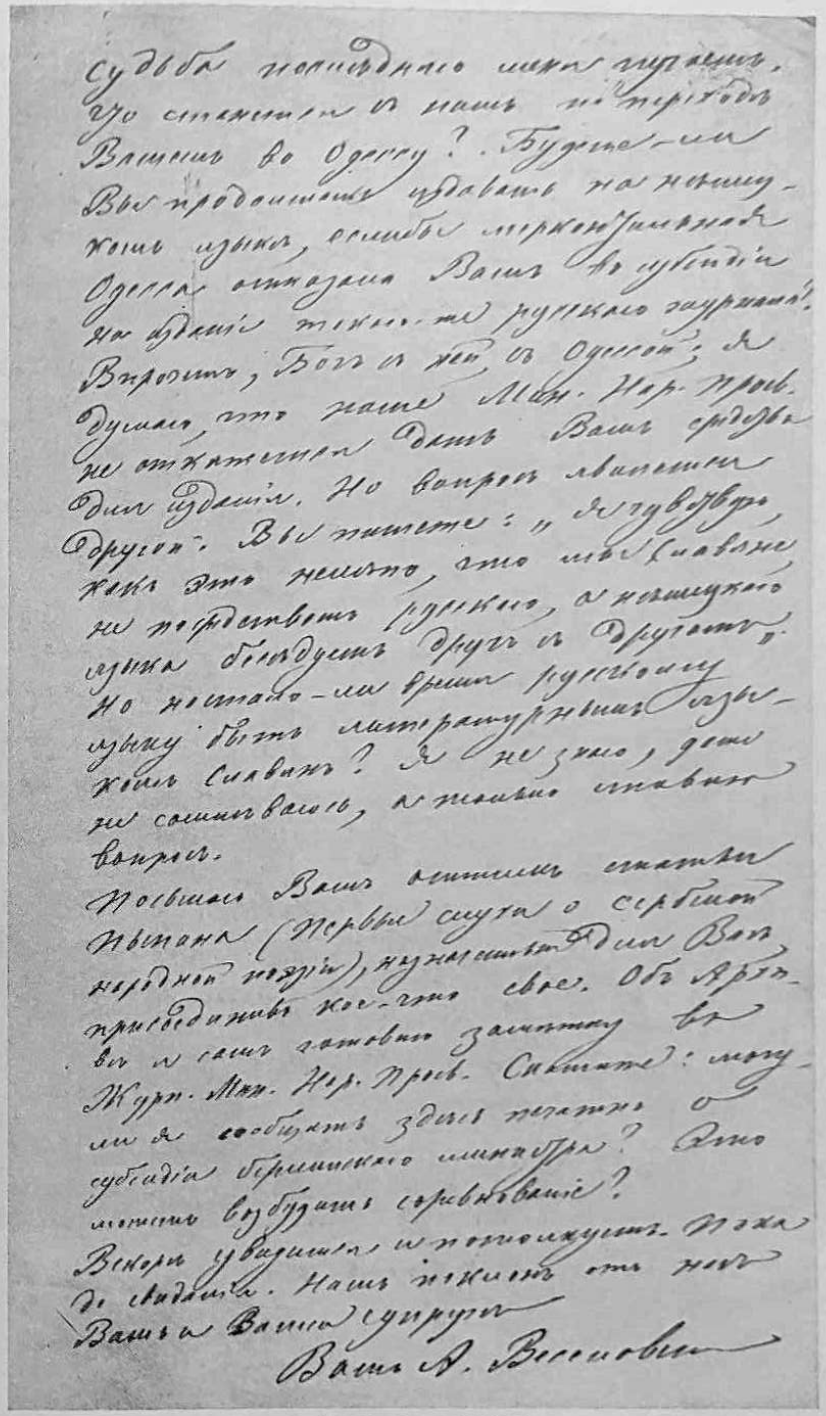
25 Февр 1876

Поздравляю с сыном, желаю ему дожить; благодарю
за Вашу прекрасную Душу.

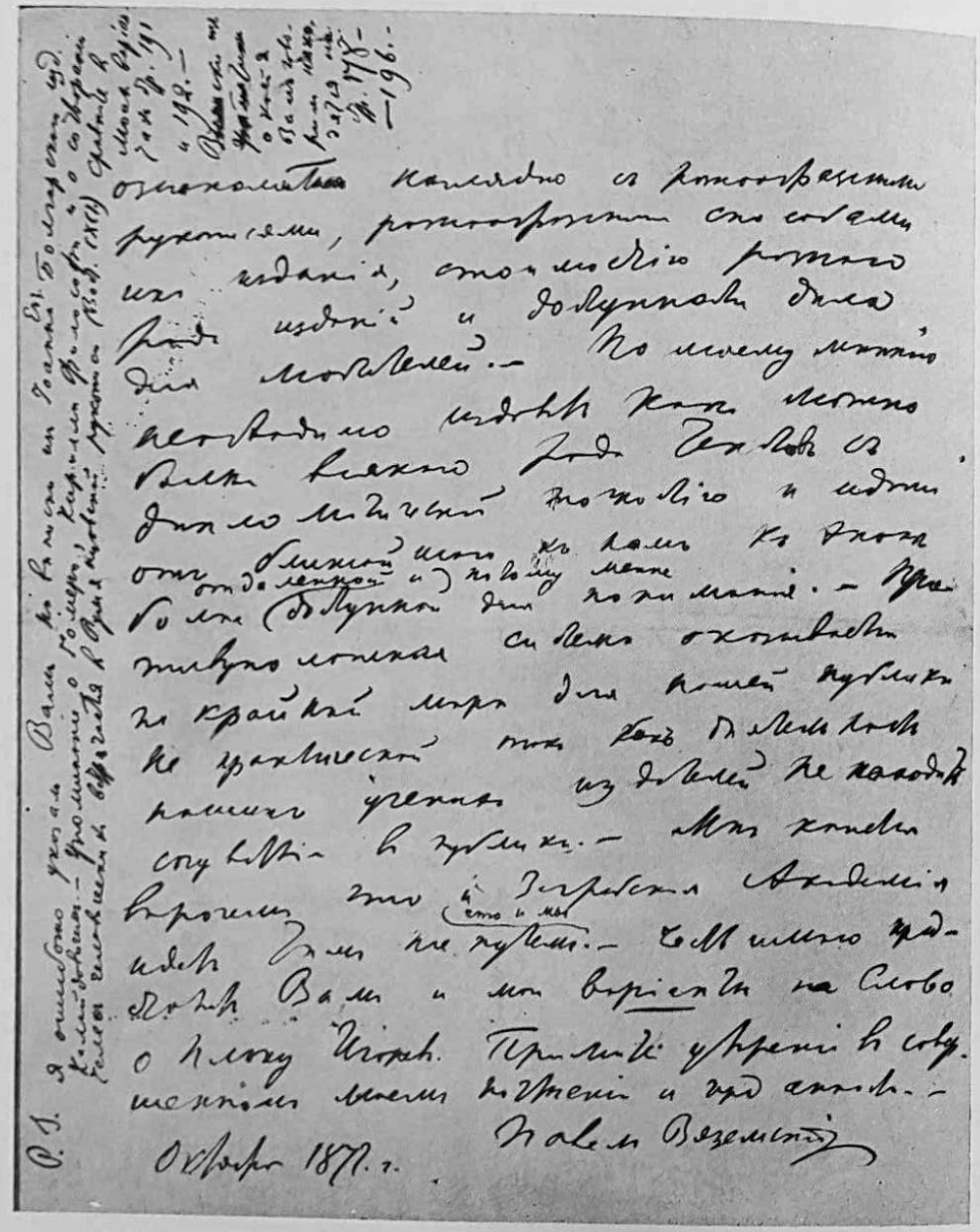
M. P. Smirnov (139)



I. I. Sreznevskij (19)



A. N. Veselovskij (214)



P. P. Vjazemskij (225)

PREGLED ILUSTRACIJA

Snimke (između str. 16. i 17):

(U prašnjavoj Odesi) В Одессе пыльной
Petrograd: Detalj sa mosta na Fontanki
Kabinet „Fausta“ u Javnoj biblioteci (Petrograd)
Kazanjski sobor na Nevskom (Petrograd)
Moskva: Krasnaja ploščad'
Moskva u snijegu: Ohotnyj rjad

Pisma (iza str. 336):

V. I. Grigorovič (Весьма любопытно . . . . . 120, str. 159)
F. F. Fortunatov (из/учал старые литовские тексты . . 236, str. 264)
N. P. Kondakov (поймете, с большим ядом . . . . . 82, str. 121)
A. A. Potebnja (Oj riko Styru . . . . . 222 str. 252)
M. P. Smirnov (большинство. — Теперь . . . . . 139, str. 178)
I. I. Sreznevskij (известность, которой . . . . . 19, str. 58—59)
A. N. Veselovskij (Судьба последнего . . . . . 214, str. 244)
P. P. Vjazemskij (ознакомиться наглядно . . . 225, str. 254—255)

SADRŽAJ

	str.
Vatroslav Jagić i Rusija	9
Uvodna riječ	19
Skraćenice — Сокращения	33
Pisma	
Prije Odese	35
U Odesi	87
U Berlinu	119
Napomene uz pisma	283
Jagićevi dopisnici	329
Список корреспондентов И. В. Ягича	330
Redoslijed pisama	331
Pregled ilustracija	337